

Титул
Об. титула
Рецензия+вых. данные

ВВЕДЕНИЕ

Идея написания этой книги возникла благодаря двум обстоятельствам моей жизни, случившимся вскоре после защиты мной в 1998 г. кандидатской диссертации, посвященной исторической географии Новгородской земли. Продолжая работу над локальной историей Русского Северо-Запада XVI–XVII вв., я натолкнулся на документ, хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Это челобитная новгородского сына боярского, содержащая жалобу на соседа, умыкнувшего со свадьбы только что обвенчанную жену челобитчикова холопа в конце января 1610 г. Яркий бытовой материал, содержащийся в челобитной, обилие действующих лиц и бурные события, в которых эти лица принимали участие, подтолкнули меня к составлению подробного комментария к выявленному документу¹. Почти в то же время мне при посредстве З. В. Дмитриевой посчастливилось познакомиться со шведской исследовательницей-слависткой Лайлой Нордквист. С ее помощью и с помощью ее коллег, Элизабет Лёфstrand и Пера Амброзиани, при поддержке Шведского института, осенью 1999 г. я начал знакомиться с коллекцией документов Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящейся в Государственном архиве Швеции. Вскоре выяснилось, что многие лица, упомянутые в документах коллекции, оказались «знакомы»: они были участниками свадьбы в Тесовском погосте 1610 г. или их родственниками. Посильность просмотра всех документов коллекции одним человеком, сравнительно узкий хронологический промежуток, в который эти документы были созданы, яркие события

---

¹ Подробно об этом документе: Селин А. А. 1) Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197; 2) Одна свадьба в Новгородской земле при царе Василии Шуйском // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 75–80.

политической жизни этого периода Смуты — все это окончательно привело меня к идее создания большого текста, повествующего о людях, живших в Новгороде в начале XVII столетия.

Наверное, обращение историка к эпохе первой гражданской войны в России — это необходимый этап становления профессионала и личности. Видимо, именно Смутное время — тот период, из которого жители Московского государства, как писал А. И. Яковлев, «...вышли обретшими ориентиры — именно своими поисками, резким противопоставлением “прямизны” и “кривизны”»². Видимо, такой глубины осмысление Второй гражданской войны в России еще не пришло.

* * *

Картина жизни Новгорода эпохи Смуты у большинства любителей отечественной истории вырисовывается из произведения, созданного одним из деятелей этого времени, — дьяка Ивана Тимофеева, волею судеб проведенного в городе десятилетие — с 1606 по 1617 г. — и создавшего там свой знаменитый «Временник»³. В настоящей книге я попытаюсь представить город глазами не только этого дьяка (хотя и ему здесь уделено некоторое внимание), но и большого числа других новгородцев, живших в Новгороде и Новгородской земле в начале XVII века.

С очень большим допуском можно определить рассматриваемые годы как «Смутное время». Это по большому счету идеологическое и полемическое определение эпохи, возникшее в годы самоутверждения династии Романовых, может считаться лишь своеобразным хронологическим репером⁴. Периодизация Смутного времени — сложный вопрос, существуют различные мнения о том, что считать началом, что концом Смуты XVII столетия. Я сознательно дистанцируюсь от этой дискуссии и подчеркну, что

² Яковлев А. Безумное молчание (причины Смуты по взглядам русских современников) // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 651–678.

³ В последнее время в ряде работ высказывается сомнение в авторстве «Временника». Я здесь сознательно устранился от этой полемики.

⁴ В своей недавней статье Д. В. Лисейцев показал, что термин «Смута» применялся и современниками событий начала XVII в. в Московском государстве. Лисейцев Д. В. Еще раз о происхождении, содержании и хронологических рамках понятия «смута» // Московский журнал. 2002. № 4.

своей задачей ставлю рассмотрение истории Новгорода и новгородцев в хронологическом промежутке 16 июля 1611 г. — 27 февраля 1617 г. Однако судьбы людей, волей или неволей оказавшихся в городе в это время, я по возможности попытаюсь проследить и по более ранним, и по более поздним источникам. Вопрос о том, что предшествовало занятию Новгорода шведами и установлению в городе администрации кн. И. Н. Большого Одоевского — Якова Делагарди и как город передавался в 1617 г. московской администрации, лежит за пределами моего исследования⁵. Период, выбранный для исследования, может показаться парадоксальным, так как с двух сторон он как бы охватывает 21 февраля 1613 г. — дату формального избрания на царство царя Михаила Федоровича Романова, не менее значимую для историографии конца XVIII — начала XX в., чем дата 25 октября/7 ноября 1917 г. для историографии, придерживающейся большевистской/анти-большевистской риторики.

Реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его представителей видится мне важным направлением исторического исследования. Здесь обе составляющих имеют самостоятельную ценность: как изучение человеческих судеб на переломных этапах истории, так и общая картина, вырисовывающаяся на основании анализа полученных массовых данных. Такое — просопографическое — исследование отличает воссоздание целостной картины эпохи путем исследования биографий людей и родов.

Сочетание биографического, социологического и демографического подхода, выражающегося в максимально полном охвате всех представителей той или иной социальной группы в течение определенного хронологического периода, рассмотрении разных сторон жизни этих людей — карьер, матримониальных, дружеских

⁵ В одной прежней работе я указывал, что важным и пока малоисследованным источником по этому периоду являются поместные грамоты новгородских владык, собранные в сборники 64 и 74 в коллекции актовых книг Новгородского Софийского дома (СПБНИИ. Кол. 2. Оп. 1) — Селин А. А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611–1617 годы // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Архангельск, 2003. С. 99–114. В настоящей книге я привлекаю эти источники только постольку, поскольку они содержат информацию о новгородских деятелях 1611–1617 гг.

и проч. связей, количественные методы анализа — вот основные особенности просопографического метода.

Такой метод исследования в последние годы обретает все большее число сторонников. В рамках отечественных исторических разысканий просопографические исследования применительно к эпохе Средневековья и раннего Нового времени пока малочисленны, однако группы, к которым данный метод применен, характерны. Идея исследования личностей варяжских дружинников, находившихся на службе у византийских императоров, вероятно, возникла в связи с длительной традицией просопографических исследований римской и византийской истории⁶. Неслучайно и вышедшая из печати в 2003 г. монография о просопографических исследованиях также написана специалистом по истории поздней античности⁷. Впрочем, в последние годы ставятся вопросы о применении данного метода и к позднесредневековой истории Московской державы, изобилующей источниками биографического характера⁸, пусть не всегда этот метод именуется просопографическим⁹. Наиболее полно обоснование просопографического метода

⁶ Бибиков М. В. К варяжской просопографии Византии // Scando-Slavica. Vol. 36. 1990. P. 161–171. По М. В. Бибикову, особенность просопографии заключается: 1) в конкретности свидетельств; 2) в устойчивой связи имен и людей в группе текстов; 3) в том, «чтобы потом исчезнуть вместе с данным типом информации»; 4) сведения, как правило, разрозненны и собираются учеными из разных типов источников.

⁷ Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина. На примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004.

⁸ Нечаева М. Ю. Просопография уральского монашества: перспективы исследования // Судьба России: Прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург, 1995. С. 172–176.

⁹ Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М. Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226; Николаева С. В. Состав братии Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVIII века (по данным ландратской книги 1715 г.) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 162–175; Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные отношения // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отно-

и историография исследований последних лет представлены в монографии А. И. Филюшкина, в которой исследуется личность кн. А. М. Курбского¹⁰.

Полноценное исследование общества невозможно без многоаспектного анализа повседневной жизни его представителей. Именно в этом нам видится актуальность предполагаемого исследования. В предлагаемой на суд читателя книге я не ограничиваю себя рассмотрением общественной элиты, но целенаправленно концентрирую внимание на средних сословиях.

Просопография методически близка, но не тождественна генеалогическим исследованиям. Задачей генеалогической работы является реконструкция истории рода. В просопографическом исследовании задачей является реконструкция истории социальной группы и того исторического фона, который создается отдельными биографиями. В настоящем исследовании, кроме того, выбран достаточно краткий хронологический промежуток, в течение которого представители этой группы вели активную жизнь; таким образом, вопрос о происхождении того или иного рода служилых людей для данной базы данных — не первоочередной.

Новгородское общество начала XVII века — специфический и вместе с тем показательный полигон исследования русского позднего Средневековья. Хорошая сохранность источников, их компактность и многоаспектность позволяют с большой полнотой обозначить различные стороны повседневной жизни социально активных групп — новгородского дворянства, бюрократии, духовенства, выявить систему и особенности матримониальных связей, обозначить основные тенденции в географии земельного владения, определить этапы служебных карьер и основные задачи, стоявшие перед новгородцем в годы новгородско-шведского политического альянса, наметить темы гражданского выбора для человека в мире, где основные моральные ценности претерпевали коренные изменения. Бурные события дли-

шения. 2001. Вып. 6. С. 43–56; Тюменцев И. О. Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607 — начало 1610 года // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283.

¹⁰ Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 6.

тельной гражданской войны сопровождались постоянными служебными перемещениями: новгородцы отправлялись в дальние походы, и в Новгороде появлялись, а иногда надолго оседали служилые люди из дальних городов, таких как Курск и Астрахань. Интенсивность службы сопровождалась значительными, пусть часто и номинальными выслугами, взлетами карьер; в то же время крайне низкий уровень обеспечения и легального (т. е. отраженного регулярными источниками) роста доходов, а значит и уровня жизни, приводил к высокой смертности и десоциализации служилых людей, так что взлеты карьер одних сопровождались закатами карьер других. Все эти наблюдения, думается, можно делать лишь на основе изучения всей массы биографий служилых людей, в данном случае — новгородцев. Мне также показалось важным дать историко-географический фон, на котором протекали события 1611–1617 гг. на Северо-Западе, рассмотрев ряд исторических районов в эти годы.

Применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных письменными источниками. Одной из таких эпох является начало XVII века — период отечественной истории, на долгие годы определивший судьбы страны и ее населения. Важной чертой этого времени является проявление центробежных тенденций в русской государственности, и отсюда — высокая степень региональной обособленности. Одним из ярких эпизодов Смуты было образование новгородско-шведского политического альянса в 1611–1617 гг. Проблему возникновения и функционирования этого альянса я рассматриваю как взаимоотношение двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия. Вместе с тем необходимо учитывать следующие факторы:

1) И Шведское, и Московское государства в XVI в. пережили этап становления национальных держав, включавший в себя, кстати, и утверждение государственной идеологии. Для Швеции это Реформация, проведенная Густавом Вазой и его наследниками, для России — цепь религиозных реформ конца XV — начала XVI в., получивших свое оформление в актах Стоглавого собора.

2) И шведское, и московское общество находились на рубеже XVI/XVII вв. в состоянии религиозного и политического напряжения. Оба общества пережили ломку традиционных отношений дружин-

ной и крестьянской культуры и стремились к самоидентификации в менявшемся европейском пространстве¹¹.

3) В условиях фактического распада к 1611 г. Московской державы для новгородцев обращение к шведской (а для псковичей и московского дворянства — клитовской), пусть иллюзорно, но все же сильной власти было вполне естественно и не создавало неразрешимого конфликта.

Это политическое образование интересно не только и не столько как феномен развития отечественной государственности, но и как наиболее хорошо обеспеченное источниками. Основные источники предполагаемого исследования — материалы архива Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., изученного мной в Стокгольме в 1999–2006 гг. (копии большей части дел этого архива хранятся в Рукописном архиве Санкт-Петербургского института истории и Государственном архиве Российской Федерации). Архив состоит из двух основных частей — регулярное делопроизводство (дозорные, обыскные, таможенные и проч. книги) и актовое делопроизводство. Представляется возможным на материалах этого архива выявить всех лиц, действовавших в Новгороде в рассматриваемую эпоху, относившихся к социально активным группам населения — дворянству и приказной бюрократии, и составить базу данных с системой перекрестных ссылок, указывающих на взаимоотношения этих людей: совместные службы, родственные и матримониальные связи. В базе данных учитывалась и география службы дворян и приказных людей, их перемещения и т. п.

В базу данных были включены все лица, упомянутые в материалах Архива Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. и жившие в то время в Новгороде и Новгородской земле, а также скончавшиеся незадолго до установления в Новгороде режима Делагарди — Одоевского, но неоднократно упоминающиеся в материалах архива. Кроме того, туда были включены те новгородцы-участники событий Смуты на Северо-Западе, которые оказались на стороне другого лагеря и принимали участие в боевых действиях на стороне Пскова и Москвы. Самые молодые из этих людей были поверстаны окладами (приняты

¹¹ Об этом подробнее: Кулакова И. П. Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 254–272.

на службу) под Тихвином и Бронницами или в Москве в 1613–1617 гг., отправившись туда вместе с отцами, дядьями и старшими братьями. Надо сказать, что на службе в Новгороде в 1611–1617 гг. осталось небольшое количество служилых людей Обонежской и Бежецкой пятин; немного и дворян Деревской пятины, особенно молодых. Эти районы очень рано оказались в зоне влияния Москвы, и тамошние служилые люди либо явно выступали на «московской» стороне, либо, как Иван Косицкий, вовсе со службы бежали и жили «тайным образом в псковском пригороде на Опочке, а с Опочке сщол в Порховской уезд марта в 1 день, а ис Порховского уезда во Псков и во Псковские пригороды и в уезды не бывал; а ведомо нам подлинно, есть Порховского ж уезда с крестьян, что те воры Ивашко Коситцкой с товарищи живут в Порховском уезде у вотца своего в Гавриловых деревнях Коситцкого и ходя ворует, православных крестьян мучит и побивает и грабит»¹². Напротив, большая часть обонежского и бежецкого дворянства оказалась на стороне ярославского, а позднее — московского правительства¹³. Примечательно, что после возвращения Новгорода под власть московских царей в начале 1617 г. именно дворяне Обонежской пятины назначаются дозорщиками и переписчиками сохранившегося в Новгороде имущества¹⁴.

Я сознательно включил в базу данных и тех упомянутых в Новгородском оккупационном архиве лиц, кто к 1611, а то и к 1605 г. уже скончался. Однако если в ряде случаев мы можем утверждать вполне определенно, что тот или иной сын боярский, чью деятельность некий документ архива относит ко времени, скажем, конца 1580-х годов, к началу Смуты скончался, то все же в большинстве таких ситуаций уверенность полной быть не может.

¹² Отношение псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Грису. Псков, 1616, после 19.04 // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 6. С. 28–30.

¹³ Один дворянин Бежецкой пятины, Иван Дмитриев сын Нарбеков, даже вошел в состав посольства Ярославского ополчения в Новгород в 1612 г. (Роспись жильцам и дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // РА, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55).

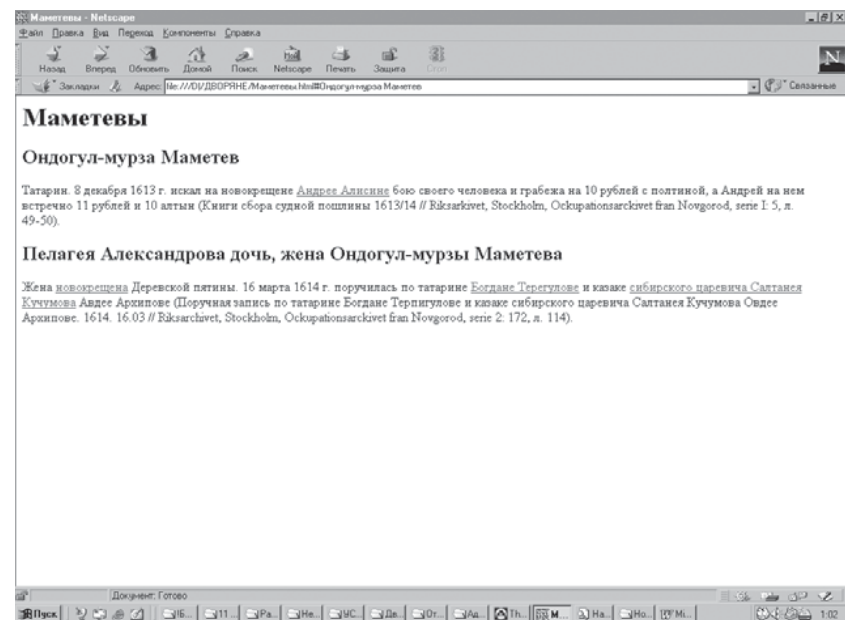
¹⁴ Среди таковых дети боярские Обонежской пятины Иван Мартьянов, Василий и Данило Скрипицыны, Филипп Арцыбашев (Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 91, 169, 170).

Еще одна категория лиц, включенная в базу данных и не известная по документам 1611–1617 гг., появляется в источниках более поздних, но незримо присутствует в Новгородской земле на протяжении Смутного времени. Это жены дворян и детей боярских, овдовевшие к моменту составления писцовых и дозорных книг 1620-х гг. Не являясь субъектами права до смерти своих мужей и не будучи упомянутыми в случайных актовых материалах, эти женщины тем не менее жили в своих поместьях и/или городских дворах в годы Смуты; только овдовев, они появились на страницах документов.

База данных была составлена в формате HTML и снабжена внутренними гиперссылками. Гиперссылки вводятся для указания совместной службы, служебных, деловых и родственных взаимоотношений.

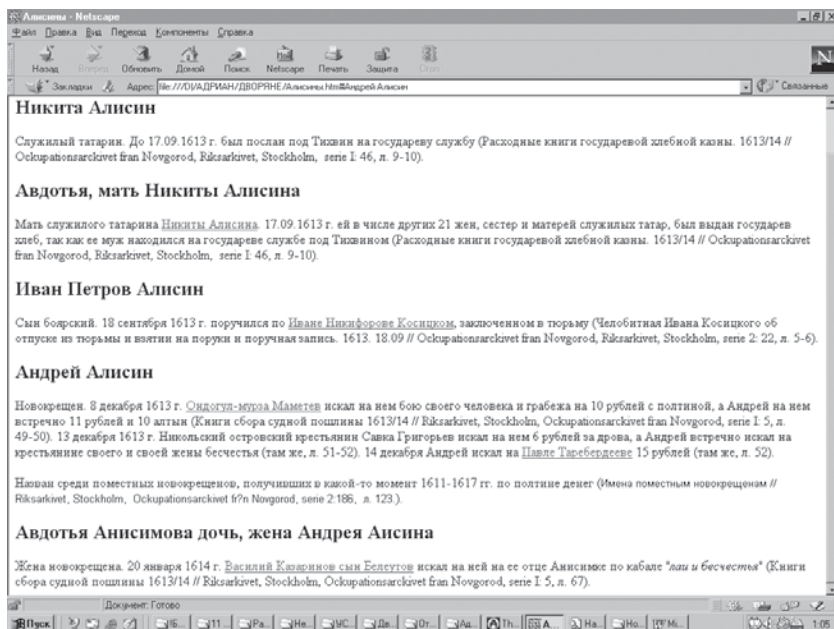
Пример:

Файл, посвященный фамилии служилых татар Маметевых. Об Ондугул-мурзе Маметеве сказано, что он 8 декабря 1613 г. судился с новокрещеном Андреем Алисиным, обвиняя того в избиении своего человека и грабеже на 10 рублей с полтиной, а Андрей встречно обвинил его в ущербе размером в 11 рублей и 10 алтын.

Здесь стоит гиперссылка на его соперника в суде, Андрея Алисина, нажав на которую, мы и переходим в раздел, посвященный Алисиным:

Как заметно, в файле Алисины.htm, к которому мы перешли, сконцентрированы данные о других представителях этого рода или их однофамильцах, также снабженные гиперссылками.

Публикация базы данных не кажется мне осмысленной по двум причинам. Во-первых, она задумана как открытая пополняемая система; во-вторых — чтение биографических данных о четырех с половиной тысячах человек не может быть увлекательным. Сегодня один из вариантов базы данных доступен в сети Интернет¹⁵.

В настоящее время мною практически полностью изучен архив Новгородской приказной избы, выявлены основные публикации и архивные дела, привлечение которых необходимо для создания биографической базы данных. В 1999—2006 гг. в нескольких работах я рассмотрел как состояние архивного фонда, который лег в основу пред-

¹⁵ <http://adrianselin.narod.ru/gentry.htm>.

лагаемого исследования, так и выявил несколько ярких эпизодов из бытовой истории Новгородской земли конца XVI — начала XVII в.¹⁶

При составлении базы данных возможно было бы пойти и иным путем. Даточные книги 1611—1615 гг., хранящиеся в архиве Новгородской приказной избы, как источник типологически близки десятилетиям. Было возможно в качестве первоначальной основы исследования взять списки дворян и детей боярских, сохранившиеся в десятиных 1605/06 г., даточных книгах 1611—1615 гг. и десятиных 1619—1620-х гг. При сопоставлении списков служилых людей десятен и даточных книг с именами помещиков, содержащихся в близких по времени писцовых и дозорных книгах, можно было бы получить достаточно

¹⁶ Селин А. А. 1) К исторической топографии Невского устья на рубеже XVI—XVII вв. // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всероссийск. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача. СПб., 1998. С. 269—272; 2) Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы науч. конф., 24—26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186—197; 3) Церковные причетники сельских церквей Новгородской земли в XVI—XVIII вв. // Православие в истории России. Материалы науч. конф. «Православие в истории России. Прошлое и современность». СПб., 1999. С. 174—177; 4) Одна свадьба в Новгородской земле при царе Василии Шуйском // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11—13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 75—80; 5) Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 207—232; 6) Два документа из истории Ладоги 1611—1617 гг. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога, 2000. С. 25—29; 7) Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога, 2000. С. 29—36; 8) Города и уезды Новгородской земли в начале XVIII в. Некоторые перспективы исследований русских материалов Riksarkivet // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 145—150; 9) К вопросу об общении шведов и новгородцев в 1611—1617 гг. // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.; Архангельск, 2001. С. 115—118; 10) Судьбы новгородских своеземцев в XVI—XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 316—338; 11) Об «изменах» в Новгороде 1611—1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5—13; 12) Дозорные описания Старой Руссы и Старорусского уезда в 1611—1612 гг. // Тезисы докладов XIV Всеросс. конф. «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI—XX вв.». СПб., 2004. С. 57—61.

полную информацию обо всех активно действовавших в Новгороде служилых людях. Однако база данных, составленная только на основе этих, несомненно важнейших, типах источников, была бы принципиально неполна. В ней не нашлось бы места многочисленным женщинам-вдовам и дочерям помещиков, сыновьям дворян, не дожившим до приема на службу (верстания), и их дочерям, чьи имена «потерялись» бы после их замужества. Кроме того, наблюдения показывают, что далеко не все служилые люди по отчеству проходили верстание в возрасте 15 лет. Особенно это справедливо для низших категорий — своеземцев. Так, в даточных книгах 1611–1615 гг. полностью отсутствуют имена своеземцев Быковых Шелонской пятины, но представители этого рода появляются в источниках начала 1620-х годов. Подобных примеров множество.

Однако простой пересказ биографий служилых людей неинтересен: карьеры, как правило, похожи одна на другую. Одновременно мы отказываемся от излишней формализации нашего исследования. Наверное, возможно было бы свести данные о службе новгородцев и псковичей в таблицы (наподобие того, как поставили вопрос об изучении боярской думы XVII века Б. Н. Миронов, М. По и их коллеги). Однако в этом случае от нас ускользнули бы некоторые недискретные стороны жизни изучаемых нами людей — брак, вдовство, дружба и проч.

Таким образом, мы проведем несколько case studies, попытаюсь тем не менее очертить некоторые важные аспекты жизни новгородского служилого человека Смутного времени (приложения к настоящей книге).

В этих case studies рассматриваются наиболее характерные и вместе с тем яркие карьеры новгородцев, а также случаи «особенных» удач, которых в годы Смуты было немало: достаточно привести пример Андрея Федоровича Палицына — неслужилого новика по верстанию 1605/06 г.¹⁷ и уже через пять лет представителя Шелонской пятины в посольстве к королю под Смоленск в сентябре 1610 г.¹⁸

---

¹⁷ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. 1605/06. Список // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 299.

¹⁸ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эпоха Смуты в Новгороде обеспечена источниками довольно своеобразно: с одной стороны, существует множество полемических текстов, тенденциозно описывающих события, происходившие в городе, с другой — сохранилась значительная часть городских документов из архива Новгородской приказной избы за этот период. Большая часть этих документов хранится в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet).

Ниже я привожу обзор источников, использованных в настоящей книге для ответа на основные поставленные во введении вопросы, в первую очередь — для рассмотрения повседневной жизни новгородцев — служилых и приказных людей в эпоху Смуты. Как упоминалось выше, основным импульсом для написания этой книги послужило знакомство автора с материалами Новгородской приказной избы. Поэтому первое место здесь будет уделено документам этой коллекции, а также документам архива, по разным причинам хранящимся сегодня вне стен Государственного архива Швеции. Я не ставил перед собой целью сделать обзор всех документов Новгородской приказной избы — над этим много лет трудятся мои коллеги в Швеции и России. Моя задача — рассмотреть, какие именно источники позволяют говорить о новгородском обществе эпохи Смутного времени, потому данный обзор не ограничен рамками архива.

Все же основной источник, на котором базируется мое исследование, — коллекция русских документов, хранящаяся в Государственном архиве (Riksarkivet) Швеции под названием *Ockupationsarkivet från Novgorod* (Оккупационный архив из Новгорода) и представляющая собой материалы деятельности новгородских учреждений. Они попали в Швецию через некоторое время после Столбовского мира. Хронологический период, который охватывают документы коллекции, примерно совпадает со временем

существования новгородско-шведского политического альянса 1611–1617 гг. В литературе высказано мнение о том, что коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod в Государственном архиве Швеции представляет собой разрозненный хаотический материал¹. Цель настоящей главы — показать, что известные документы Новгородской приказной избы, хранящиеся в разных архивохранилищах, но преимущественно в вышеупомянутой коллекции, — пусть частично утраченный, но никоим образом не разрозненный результат правильной деятельности нескольких учреждений, функционировавших в Новгороде в 1611 — начале 1617 г. Для этого здесь предпринята попытка классифицировать источники по их происхождению и отношению к деятельности новгородских учреждений начала XVII века. Наша задача в данном случае — определить степень информативности рассматриваемых документов применительно к тем задачам, которые поставлены во введении.

Попытки описания всей коллекции предпринимаются с начала XX столетия. Сегодня шведскими учеными Элизабет Лёфстранд и Лайлой Нордквист подготовлено фундаментальное описание всех документов коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod и других дел Государственного архива Швеции и архивохранилищ России, происходящих из Новгородской приказной избы. Археографическое описание и регесты всех документов опубликованы или будут опубликованы в ближайшем будущем².

По крайней мере с начала XX в. архив делится на две основные части — серии. Первая серия — это материалы регулярного делопроизводства в Новгороде в 1611–1616 гг. Именно здесь сохранились свидетельства тех сфер повседневной жизни города, которые практически не отражены в документах других эпох³. Всего

¹ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 340.

² В настоящее время Л. Нордквист и Э. Лёфстранд опубликовали описание первой серии архива на английском языке (*Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series I. Stockholm, 2005*). В скором будущем увидит свет и описание второй части.

³ К примеру, банные книги, в особой работе изученные Андерсом Шёбергом (*Sjöberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138*).

в первой серии шведские архивисты насчитывают до 25 000 страниц (141 единица хранения) и около 8000 листов во второй серии (364 единицы хранения). В 1970-е годы страницы в первой серии были пронумерованы (двусторонняя пагинация), равно как и листы во второй серии (односторонняя пагинация). Особенностью хранения второй серии является нерасклеенность большей части столбцов, что, по мнению некоторых сотрудников Государственного архива Швеции, является достижением⁴. Однако чтению дел это подчас мешает (так, дело 351 представляет собой 200-метровый свиток из 573 составов).

В коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod отразилась деятельность многих учреждений, функционировавших в Новгороде при шведах, — Дворцового приказа, Поместного приказа, Приказа большого прихода, Разряда. Кроме того, в архиве содержатся материалы, происходящие из небольших центров Новгородской земли — Тесовского, Ивнинского и Зарецкого острожков, а также часть походной канцелярии Н. В. Вышеславцева за зиму 1611–1612 гг. Некоторые столбцы (в первую очередь отпуски памятей) написаны на оборотах дел более ранних. Так, без сомнения, в 1616 г. часть делопроизводства новгородского Дворцового приказа велась на оборотах документов из архива Новгородского Юрьева монастыря⁵.

Впервые данные об архиве Новгородской приказной избы попали в сферу внимания российских ученых в середине XIX века. На него обратил внимание профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев. Он получил разрешение сделать копии русских материалов, хранящихся в Стокгольме, для императорской Археографической комиссии. Вернувшись в Россию, Соловьев предложил Археографической комиссии купить у него русские документы XVI–XVII вв. По всей видимости, часть документов С. В. Соловьев попросту выкрал из Государственного архива Швеции, хотя именно ему принадлежит заслуга введения этих памятников в научный оборот. Из актов, проданных Соловьевым в Археографическую ко-

⁴ Азбель В. Из опыта работы с Новгородским оккупационным архивом // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 386–389.

⁵ Ср., напр.: Расходная выпись казны Юрьева монастыря (отрывки) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 48 об., 49 (начало листа), 49 об., 50 об.; Сметный список житниц Юрьева монастыря. 1605, июнь // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 31 об.

миссию, составила коллекция Соловьева, частично опубликованная в Дополнениях к Актам историческим⁶.

В Российском государственном историческом архиве были выявлены еще несколько (9) документов, относящихся к архиву Новгородской приказной избы и хранящихся в фонде св. Синода (Ф. 834. Оп. 5). Один из них содержит прямые указания на время попадания в Синодальный архив⁷. Он хранится в бумажной обложке XIX в. с карандашной надписью «Олонецк.»⁸, затем эта надпись зачеркнута и написано: «Соловьева». Кроме того, на документе имеется архивная пометка чернилами на шведском языке с указанием даты: «Anno 1621». Полагаю, это довольно определенно указывает, что все 9 документов, хранящихся в РГИА, относятся к тем, что были вывезены С. В. Соловьевым из Швеции; по какой причине они попали не в коллекцию документов С. В. Соловьева, ныне хранящуюся в рукописном архиве СПбИИ (коллекция 124), а в фонд Синода, я сказать затрудняюсь (см. приложение 1 к настоящей главе). Сопоставление документов из коллекции Соловьева с материалами, хранящимися в фонде Синода, позволяет уточнить датировку последних. Так, челобитная Петра Ногина⁹ — часть дела о назначении Петра Ногина к молочению и выделению государева хлеба в Старорусских погостах, полностью вывезенного Соловьевым. Другие документы этого дела хранятся в составе коллекции Соловьева в СПбИИ¹⁰. В тексте доку-

⁶ Отписка новгородского воеводы кн. Ивана Одоевского и дьяка Монши Мартынова дворянам Анц Термону и Григорию Обольянинову о сборе кормов и о защите крестьян села Тесова от ратных людей и от разбойников. 1614. 1.09 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. № 22. С. 47 и др.

⁷ Память старостам Оштинских погостов о даче кормов сборщику Нехошошему Вельяшеву. 1612. 27.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 5.

⁸ Это, вероятно, свидетельствует о том, что архивист атрибутировал географическую привязку документа — в нем речь идет об Оштинском стане, в XVII—XVIII вв. это территория Олонецкого уезда, позднее — Олонецкой губернии.

⁹ Челобитная Петра Ногина о назначении к нему двух рассыльщиков для выделения и молочения государева четвертного хлеба в Старорусском уезде. 1613, между 29.09 и 9.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 4.

¹⁰ Отписка Пятого Григорьева Степану Фомичу Тимашеву, бывшему у хлебного выдела в Старой Руссе о возвращении его в Новгород по болезни и о назначении на его место Петра Ногина и передаче последнему наказа, росписи и ведомости по выделу хлеба на государя. 1613, ок. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124.

мента из фонда Синода упомянуто об указании воеводе Шаховскому выделить рассыльщиков в помощь Петру Ногину. Так как отписка из Новгорода об этом датируется 29 сентября 1613 г., а ответ на челобитную Ногина в Новгород был дан 9 ноября того же года, то документ из фонда Синода следует датировать именно этим хронологическим промежутком.

Документ о сборе хлеба с изменничьих поместий в Водской и Обонежской пятинах кн. Тимофеем Андреевичем Шаховским с товарищами также корреспондирует с основными документами Новгородской приказной избы. Известен официальный отчет об этом сборе — «заячная книга», два экземпляра которой хранятся в Riksarkivet¹¹, а один — в коллекции 115 Рукописного архива СПбИИ¹². Точная дата

Оп. 1. Карт. IV. Д. 543; Память Петру Андреевичу Ногину, посланному вместо Степана Тимашева для выдела хлеба на государя в Старорусском уезде. 1613. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 544; Отписка Степана Тимашева новгородским боярам и воеводам Якову Деллагарди и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о положении хлебного сбора в Старорусских погостах до приезда Петра Ногина, назначенного на место Тимашева. 1613, до 31.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 546; Отписка Петра Ногина воеводе Якову Деллагарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548; Отписка из Великого Новгорода от бояр и воевод Якова Деллагарди и кн. Ивана Никитича Большого Одоевского воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о даче Петру Ногину рассыльщиков для сбора хлеба и высылки его из Старорусского уезда в государевы житницы в Руссу. 1613. 29.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 501; Отписка Пятого Григорьева в Старую Руссу П. А. Ногину, посланному для выдела государева четвертного хлеба в Старорусском уезде, и об отправке к нему для рассылки из Новгорода подьячих Сергея Дмитриева и Ивана Елисеева. 1613. 9.11 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 551.

¹¹ Отписная и заячная книга хлеба в изменничьих поместьях Карельской половины Водской пятины и Обонежской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1: 52 (копия Serie 1: 11)

¹² Переписная ужиная и умолотная книга письма кн. Т. А. Шаховского и губного старосты А. Неелова по указу королевича и вел. кн. Карла Филиппа и по наказу воеводы Я. П. Деллагарди поместий дворян и детей боярских, которые изменили королевичу и отъехали к Москве и вотчин монастырских в Водской пятине. 1614. 14.08 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 839. 4^о.

ее составления — 14 августа 1614 г. — позволяет августом 1614 г. датировать и челобитную зажинщиков¹³.

Если дело о службе Петра Ногина в Старорусских погостах было полностью вывезено Соловьевым, то другое дело, о хлебном сборе в округе Тесовского острожка, оказалось ныне разрознено и поделено тремя архивохранилищами — фондом Синода в РГИА¹⁴, коллекцией Соловьева в СПбИИ и Новгородским оккупационным архивом в Государственном архиве Швеции. Интересно, что один из документов, хранящихся в фонде Синода¹⁵, был опубликован в 1846 г. во 2 томе «Актов, относящихся до юридического быта» как документ из коллекции Соловьева. Это указывает на время попадания этих документов в фонд Синода.

Большая часть документов архива Новгородской приказной избы относится к 1611/12–1614/15 гг. О первых, равно как и о последних месяцах и неделях шведской власти в Новгороде, том времени, когда она с полным правом может считаться оккупационной, практически ничего не известно. Последние по времени дела архива — это росписи Дворцового приказа о посылке лошадей в Ладугу конца 1616 г.¹⁶ и дело об ограблении старцем Троицкого Зверинского монастыря женки в январе 1617 г.¹⁷

¹³ Челобитная кн. Тимофея Шаховского, Федора Бестужева и Андрея Неелова о препятствиях в сборе хлеба с изменчивых поместий в Карельской половине Водской пятины и в Обонежской пятине. 1614, август // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 6.

¹⁴ Челобитная Григория Муравьева о затруднении в сборе хлеба для немецких людей в округе Тесовского острожка. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 8; Челобитная Григория Муравьева Якову Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, отказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9; Отписка Ф. М. <Муравьеву> от новгородских воевод и дьяков о сборе кормов и вина на немецких ратных людей. 1612, после октября // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 10.

¹⁵ Челобитная Григория Муравьева Якову Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, отказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1611/1612, марта // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.

¹⁶ Роспись сколько и кому править достальные подводы с дворцовых волостей по приказу подьячего Григория Собакина. 1616. 28.12 // RA, NOA. Serie 2: 44. Л. 2–3, 5 об., 4 об.

¹⁷ Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря. 1617 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 115; Запись о взятии на поруку старца Зверина мона-

Самый ранний документ архива — список с писцовой книги Водской пятины Дм. Китаева 1500 г., сделанный в Новгороде при дьяке Дм. Алябьеве¹⁸. Среди актов архива самый ранний сохранился в составе одного из поместных дел Шелонской пятины конца XVI века, видимо затребованного в 1611–1613 гг. для решения каких-то земельных споров (предположительно между повзрослевшими фигурантами дела конца XVI века — Федором Вороновым и Андреем Нащокиным)¹⁹. Тогда, в сентябре 1593 г., двенадцатилетний Андрей Нащокин получил государеву грамоту на отцовское поместье в Дубровенском и Опочком погостах, близ Порхова. В качестве обоснования владения А. Нащокиным поместьем была предъявлена ввозная грамота, выданная деду Нащокина, Семену Истомину сыну Нащокина 14 ноября 1563 г.

1563, ноября 14. — Ввозная грамота писцов Ф. И. Сабурова и С. И. Бороздина Колединского на поместье Семену Истомину сыну Нащокину в Дубровенском погосте Шелонской пятины

Список с ввозной грамоты слово в слово.

По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказу и по окладному списку царевы и великого князя ноугородские писцы Шелонские пятины Залесские полонины Федор Иванович Сабуров да Степан Иванович Бороздин Колядинской с товарищи отделили поместье Семену Истомину сыну Нащокину в Дубровенском погосте деревню Славково да половину деревни Нижние Горки на речке на Степеренке, а были те де полторы деревни Троецкого Клопского монастыря, а отписаны были к Дубровенскому яму. А в тех деревень место против их земли дано Троецкому монастырю в Коситцком погосте. И по отписке наугородцких диаков Василья Степанова да Леон-

стыря Дионисия. 1617. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 106. Опубликовано: Селин А. А., Магола А. А. Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 79–115.

¹⁸ RA, NOA. Serie 1: 30.

¹⁹ Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опочком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/95 // RA, NOA. Serie 2:187.

тея Онаньи́на те полторы деревни остались Дубровенскому яму за мерою. И которые крестьяне в тех деревнях учнут жить, и вы б все крестьяне Семена слушали и пашню на него пахали, и доход ему хлебной и денежной платили, чем вас изоброчит. А дворы и во дворах людей по имяном и пашня и сено и всякие угодыя написано подлинно в книгах.

К сей ввозной писцы Федор Иванович Сабуров да Степан Иванович Бороздин Колядинской^а печати свои приложили.

Лета 7072 ноября в 14 день.

Приписал подьячей Василей Жмакин.

Приписал подьячей Петеля Щелепин²⁰

^а в ркп Коляднской

RA, NOA. Serie 2:187. Л. 10. Список конца XVI в. 28, 7×14

Примечательны два документа, относящиеся к земельным пожалованиям, сделанным в Новгороде при Иване Михайловиче Салтыкове (осень 1610 – весна 1611 г.). Они сохранились в составе дела по челобитной о поместье кн. Ивана Васильевича Кропоткина, служившего одно время русским воеводой Орешка. Он претендовал на поместье, ранее принадлежавшее Венедикту Хомутову, также назначенному в королевском лагере под Смоленском воеводой в Орешек. Разбирая челобитную, подьячие сделали выписку из грамоты «Владиславе за приписью думного дьяка Степана Соловецкого» об окладе В. Хомутова и об отделе тому в 1610/11 г. 325 четвертей в Копорском уезде²¹.

В ходе работы над книгой мною просмотрены все дела Новгородской приказной избы. Однако нельзя сказать, что все они используются в настоящем исследовании. Так, полностью игнорируются такие источники, как банные книги. Этому уникальному в своем роде источнику было посвящено отдельное исследование Андерса Шёберга²².

²⁰ Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187. Л. 10.

²¹ Дело по челобитной о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.

²² *Sjöberg A.* The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // *Scando-Slavica*. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

Однако информация, представленная этими материалами, носит обезличенный характер, так как в банных книгах содержится лишь статистика посещений общественной бани Новгорода. То же относится и к «пивным книгам», которые подробно рассмотрены в работе двух шведских исследовательниц Хагар Сундберг и Ингигерд Нордландер²³. Остались вне нашего исследования также книги Новгородского денежного двора, исследованные А. Берглундом и В. В. Захаровым²⁴.

Картина новгородского общества эпохи Смуты не может быть полной без привлечения более широкого спектра источников, чем только материалы Новгородской приказной избы. Часть людей, действовавших в Новгороде в Смутное время, имела за плечами большой служебный опыт, часть начинала службу, а то и ожидала верстания. В связи с этим для реконструкции судеб новгородцев привлечены источники, относящиеся как ко времени до 1611 г., так и после 1617 г.

Некоторая, впрочем всегда лапидарная информация о деятельности наиболее важных представителей Смуты содержится и в нарративных памятниках — летописях, записках иностранцев и проч. Для своего исследования я привлек также информацию Нового летописца о новгородских событиях, равно как и сведения Псковской третьей летописи о взаимоотношениях Новгорода и Пскова и об отъезде в Новгород группы псковских детей боярских и приказных. Отдельные обстоятельства службы новгородцев содержатся, разумеется, и в вошедшем в состав многих поздних летописей «Сказании о чуде Тихвинской иконы Богоматери».

Одним из самых дискуссионных нарративных памятников эпохи Смуты, связанных с Новгородом, является «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. Источник привлек к себе внимание со времени своей публикации в 1891 г.²⁵ В настоящее время наиболее часто используется его академическая публикация, предпринятая в 1951 г.

²³ *Nordlander I., Sundberg H.* The Novgorod taverns during the Swedish occupation // *Stockholm Slavic Studies*. Т. 24. 1995. P. 139–156.

²⁴ *Berglund A., Zakharov V.V.* The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983.

²⁵ Даже несколько ранее, так как ему посвящена часть диссертации С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник», опубликованной в 1888 г. Именно С. Ф. Платонов был первым публикатором «Временника».

О. А. Державиной²⁶. Традиционно считается, что «Временник» был создан в Новгороде находившимся там дьяком Иваном Тимофеевым, который не смог выехать в Москву в 1610 г. Не входя в структуру управления городом, он, по повелению митрополита Исидора, написал повесть о событиях, приведших к захвату Новгорода шведами²⁷. В последнее время авторство «Временника», казалось бы установленное О. А. Державиной, ставится под сомнение.

Сведения иностранцев о Новгороде того времени хоть и обильны, но скупы на биографическую информацию. Между тем взаимоотношения новгородцев и шведов, как я постараюсь показать в соответствующей главе, были чрезвычайно тесными. Этот вид источников имеет давнюю традицию изучения. Рассматривая в отдельной главе общую политическую канву событий, я непременно буду обращаться и к содержащимся в них сведениям. Гораздо важнее, когда эти источники «проговариваются»; когда они, повествуя о тех или иных политических событиях, сообщают тем не менее о повседневной жизни новгородцев.

Разрядные книги

Для дополнительной информации о служебных карьерах новгородцев использованы разрядные книги. Разряды, публиковавшиеся с середины XIX века, применительно к истории нестоличных назначений и служб требуют большого внимания и осторожности. В годы Смуты в разрядах появляется большое число новых имен, из неродовитых фамилий. Одновременно появляются и новые места назначений, так как боевые действия ведутся с большим ожесточением и по всей территории страны. Это вызывает большие сложности в интерпретации многих имен и названий, фигурирующих в разрядных записях этого времени. Поясним это небольшим примером.

В публикации разрядных записей за Смутное время С. А. Белокурова содержится уникальная информация о Новгороде за пери-

²⁶ Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печати, перевод и комм. О. А. Державиной. СПб., 2004 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

²⁷ Солодкин Я. Г. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 119–122.

од, предшествовавший совместному выступлению шведской армии Я. Делагарди и новгородцев во главе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским к Москве (она приведена в III, IV, VI, IX и в XVII списках по нумерации Белокурова). Приведем эти отрывки полностью:

**Белокуров, III.
По рукописи собрания
кн. М. О. Оболенского
№ 100.**

С. 101–102. «На Неве зделан был острог и головы были в нем: Темка Жеребцов да Борис Белеутов да Микита Обольянинов. Посылали от себя збирать подымовных людей: на Волдай в село Казарина Порецкого да княз Андрея Борисова сына Оболенского»

**Белокуров, IV.
Из рукописи
императорского
Эрмитажа
(из имп. Публичной
библиотеки) № 390а**

С. 123. «А на Веневе зделан был острог и в нем были головы: Темка Жеребцов, Борис Белеутов, Микита Обольянинов, и посылали от себя збират подымовных людей на Волдай сына боярскова Казарина Порецкого да с ним в товарищах князя Ондreja княз Борисова сына Оболенского»

**Белокуров, VI.
Из рукописи
Московского
Румянцевского
музея № 737.**

С. 162. «На Веневе зделан был острог; головы были Темко сын Жеребцов да Борис Белеутов да Никита Обольянинов. И посылали от себя збирать рать подымовных людей на Волдай в село сына боярского Казарина Поретцкого, да с ним в товарищех князя Ондreja княж Борисова сына Оболенского, княз Федору Черному Оболенскому дядя»

**Белокуров, IX.
По рукописи
древлехранилища
М. П. Погодина
(ИПБ) № 1523**

С. 187–188. «...а на Волдае были в остроге головы: Темка Жеребцов да Борис Белеутов да Микита Обольянинов, и посылали они збирать от себя подымовных людей в село на Волдай Казарина Борецкого да княз Андрея княж Борисова сына Оболенсково, а к боярину про то писали»

**Белокуров, XVII.
По рукописи собрания
И. Д. Беляева
в Румянцевском
музее, № 1588**

С. 233. «На Веневе делан был острог, а головы были Темка Жеребцов, Борис Белеутов, Микита Обольянинов, и посылали от себя збирать подымовных людей на Волдаево село сына боярскова Казарина Порецкова да с ним в товарищах княз Андрея княз Борисова сына Оболенсково, княз Федору Оболенскому дядя»

Карта 1. Расположение Винского острога и города Ниена

Итак, в первом варианте текста местом строительства острожка группой дворян во главе с Темкой Жеребцовым называется Нева, в трех случаях — Венев, в одном — Валдай. Венев в данном случае отпадает — эта небольшая крепость неподалеку от Тулы не может иметь отношения к событиям в Новгородской земле, о которых повествует данный отрывок. Соблазнительно было бы увидеть местом построения острожка Неву; тогда бы сооружение острожка Темкой Жеребцовым на два года предшествовало бы началу воз-

ведения Ниена полковником Класоном. Однако тщательное рассмотрение этого эпизода показывает, что местом данного строительства была округа Валдая. Все служилые люди, упоминаемые в данном отрывке — Жеребцов, Никита Обольянинов, Борис Белеутов, Казарин Порецкий, — служилые люди Деревской пятины, на территории которой располагалось дворцовое село Валдай. Более того. Известен Винский острожек, построенный, видимо, как раз в 1609 г. в районе дороги из Новгорода в Москву. Он был разгромлен «литовскими людьми» в 1610 г., когда в нем служил головой Федор Досадин²⁸.

Кроме разрядных книг использованы и другие источники, такие как списки городовых воевод. Один из них опубликован в 1615 г. в составе «Актов времени междуцарствия»²⁹, будучи извлечен публикаторами из документов Литовской метрики. В публикации документ не датирован, но по составу лиц, перечисленных на воеводстве в Новгороде, он легко может быть отнесен ко времени между 15 августа³⁰ и октябрём 1610 г.³¹ Данный источник содержит уникальные сведения о воеводских назначениях в новгородские пригороды в этот период Смуты.

Даточные книги и десяти

Важная группа документов архива Новгородской приказной избы — дачные (даточные) книги и сопутствующая им документация — росписи дворян, вдов и недорослей, получавших поместные дачи. Полагаю, это практически все, что сохранилось от регулярной документации

²⁸ Дело по челобитью о поместье Аграфены, дочери Михаила Оклячьева, жены Федора Досадина и Ивана Михайлова сына Перхурьева. 1613.14.02—1614.3.08 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 90—109.

²⁹ Список воевод // Смутное время Московского государства. Вып. 3. Акты времени междуцарствия. М., 1915. С. 201.

³⁰ Взятие П. Делавиллем Ладоги и начало ее осады войсками; среди военачальников был кн. Г. К. Волконский, о котором в источнике сказано: «И князю Григорью велено быти по Ладыгою». Подробнее: Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 2. СПб., 2006. С. 42—43.

³¹ Приход в Новгород Ивана Салтыкова, о котором в источнике нет ни слова.

новгородского Разряда эпохи Смуты³². Сохранилось пять даточных книг (две — по Деревской (1610/11 и 1611/12 гг.), две — по Водской (1611/12 и 1612/13 гг.) и одна по Шелонской пятине (1611/12 гг.)). Надо полагать, что убыль наличного новгородского дворянства, в первую очередь в связи с постоянным дезертирством — отъездом на сторону политических противников или в поместья, к 1613 г. привела к тому, что позднее новые дачные книги не составлялись. В то же время Разряд, по всей вероятности, не прекратил работы, и справки по поместным делам выдавались вплоть до июля 1616 г. (см. ниже, с. 123).

Даточные книги функционально близки десятиям. Однако они не являлись результатом нового верстанья и не содержали преамбулы-вступления. В даточных книгах фиксировались поместные оклады служилых людей, давались обоснования этих окладов — ссылки на документы, подтверждавшие поместные дачи (десятина 1605/06 г., грамота царя Василия Шуйского о поместной придаче, приказ или приговор бояр и воевод кн. И. Н. Большого Одоевского и/или Якова Делаярди. В даточной книге Деревской пятины 1610/11 г. содержатся также ссылки на список, привезенный из Москвы Иваном Салтыковым. Полагаю, в этом списке фиксировались придачи, совершенные после 1605/06 г.), а также наличная поместная дача и, как правило, имя прежнего хозяина поместья. Вне сомнения, все даточные книги являются беловыми экземплярами, находившимися, впрочем, в текущей работе новгородского Разряда. В них имеются следы редакторской работы уже после завершения составления. Так, поместные дачи сторонников Ивана Салтыкова перечеркнуты³³, равно как и дачи служилых людей, отъехавших из Новгорода в последующее время³⁴.

Трудно сказать, велись ли даточные книги также для пятин Бежецкой и Обонежской, которые быстро вышли из-под контроля новгородского правительства. Полагаю, что все же велись, но не сохранились,

³² Под Новгородским Разрядом здесь и ниже я подразумеваю не Приказ Новгородского разряда, находившийся в Москве, а Разряд (вар.: Разрядный приказ/изба), находившийся, собственно, в Новгороде и функционировавший в 1611–1616 гг.

³³ Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. Л. 1.

³⁴ Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 47, 51–52; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 19.

так как в 1610/11–1612/13 и вплоть до поражения шведов и новгородцев под Тихвином эти территории все же находились во взаимоотношениях с Новгородом, а тамошние дворяне часто бывали в городе.

Е. И. Кобзарева именуется даточные книги, сохранившиеся в составе архива Новгородской приказной избы, десятиями³⁵. Думаю, что это неверно. В отличие от известных десятиен конца XVI и XVII вв., как новгородских, так и происходивших из других районов Московского государства, в даточных книгах не содержится ни преамбулы, в которой бы указывалось, когда и на каком основании проведено верстанье, ни перечня поручителей за служилого человека.

При работе над составлением даточных книг и при даче справок о поместных окладах и дачах новгородские подьячие начала XVII века привлекали документы, находившиеся, вероятно, в тогдашнем архиве Новгородской приказной избы, но ныне утраченные. Когда в марте 1613 г. сын боярский Деревской пятины Григорий Андреев сын Рясницын бил челом на отъехавшего в Осташков Сотника Иванова сына Веревкина, претендуя на получение его поместья, для составления справки было привлечено значительно более раннее, относившееся ко времени вскоре после 1584/85 г., дело. Тогда Сотник Веревкин вместе с Четвертым Григорьевым сыном Рясницыным бил челом о поместье Леонтия Горяинова сына Дирина. При разборе дела в 1580-х годах была сделана справка об окладах С. И. Веревкина и Ч. Г. Рясницына. Для этого была привлечена новгородская десятина 1583/84 г., согласно которой оклад Ч. Г. Рясницына составлял 300 четвертей, а С. И. Веревкина — 250 четвертей³⁶. На более поздний документ, не десятиню, но служилый список, указывает дело о поместье А. И. Нашокина в Дубровенском и Опочком погостах Шелонской пятины (в котором, как упоминалось выше, сохранился и самый ранний по времени акт архива Новгородской приказной избы). При рассмотрении этого дела в 1593 г.

³⁵ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 27, прим. 21.

³⁶ Дело по челобитной Григорья Андреева сына Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30–46. В 1982 г. в МГУ была защищена дипломная работа М. Г. Кротова «Десятни XVI–XVII вв. как исторический источник». В ней, кроме всего прочего, содержится список всех известных десятиен 1556–1608 гг. Десятни по Новгороду 7092 г. там не упомянута (http://www.krotov.info/yakov/desyatni/ind_des.html).

был затребован служилый список Шелонской пятины 1590/91 г., согласно которому один из претендентов, Федор Облезов сын Воронов, имел тогда оклад в 250 четвертей³⁷.

К документам Новгородского разряда эпохи Смуты относятся также Роспись новгородского войска марта 1613 г.³⁸ Документ представляет собой перечень служилых людей Новгорода с указанием их поместных статей и принадлежности к той или иной пятине³⁹. Все служилые люди разделяются на две категории: «написанные в поход с кн. Ф. Черным Оболенским» в Старую Руссу и оставшиеся на службе в Новгороде. Данный документ — редкий пример текущей разрядной документации. Несомненно, составлявший его подьячий руководствовался какими-то несохранившимися списками дворян по пятинам. Достоверно известно, что далеко не все упомянутые в рассматриваемом документе служилые люди находились в тот момент, так сказать, в зоне юрисдикции Новгородского правительства⁴⁰, таким образом, этот список — своего рода подготовительный материал для сбора и назначения войска.

Е. И. Кобзарева уделила особое внимание этому документу в работах 2002, 2004 и 2006 гг. Исследовательница точно установила дату составления документа: март 1613 г. Вместе с тем попытки московского ученого комментировать документ свидетельствуют о ее слабом

³⁷ Дело о поместье Андрея Иванова сына Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08—1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187. Л. 6.

³⁸ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170—В. Документ включает в себя черновую роспись, с исправлениями и пометами о причине неявки на службу (Л. 1—7) и белой экземпляр (Л. 8—13 об.), где также содержатся исправления и приписанные позже уточняющие пометы типа: «[быти] у мостов» и т. п.

³⁹ Оказавшиеся в Новгороде иногородние служилые люди записаны под своими городами. Так, Иван Якушкин (в тексте ошибочно: Кушкин) написан под рубрикой «Вязьма». Он и известен как выборный дворянин по Вязьме с окладом в 300 четвертей в 1602—1603 гг. (Боярский список 1602—1603 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII вев. М., 2004. С. 258—291).

⁴⁰ Так, к этому времени Бежецкой пятины Вильян Березин был взят в плен под Гдовом (Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5).

знакомстве с более широким кругом источников. Так, она не находит (по какой-то причине) упомянутых в Росписи князей Мышецких и Ададуриных в десятнях 1605/06 г.⁴¹, тогда как в опубликованной десятина Водской пятины известно 14 князей Мышецких⁴² и 11 Ададуриных⁴³. Кроме того, представляется, что исследовательница несколько переоценивает значение памятника, равно как и похода кн. Ф. Оболенского к Старой Руссе в марте 1613 г. — гораздо менее значительного предприятия Новгородского правительства, чем, скажем, поход войск Никиты Вышеславцева и Эверта Горна на восток Новгородчины зимой 1611/12 г., противостояние под Тихвинским монастырем лета — осени 1613 г. или события под Бронницами лета 1614 г.

Мне удалось обнаружить в архиве Новгородской приказной избы также две черновых росписи, видимо, составленных ранее росписи новгородского войска марта 1613 г. Это недатированные, без помет подьячих, списки дворян соответственно Бежецкой⁴⁴ и Деревской пятин. Можно предположить, что такие же документы были составлены для пятин Обонежской, Водской и Шелонской. В списке Бежецкой пятины, озаглавленном «Бежецкие пятини дворяне и дети боярские, которым быти в Новгороде», на первом месте значатся отъехавшие из Новгорода в июле 1613 г. Самуйло и Богдан Нарбековы, а также Богдан и Угрим Лупандины, в конце списка — отъехавший с ними же Парфений Нарбеков⁴⁵. Это позволяет датировать список временем ранее лета 1613 г. К тому же времени, вероятно, относится и находящийся в том же свитке список дворян Деревской пятины⁴⁶.

⁴¹ *Кобзарева Е. И.* Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации города (1611—1615 гг.) // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивные и музейные исследования. М., 2002. С. 110 (Труды ГИМ. Вып. 133).

⁴² По нумерации новгородских служилых людей, предложенной в публикации десятины 1605 г. Н. В. Мятлевым (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. № 4. С. 435—509): № 6, 7, 8, 9, 17, 25, 71, 72, 104, 165, 462, 467, 512, 725.

⁴³ По публикации Н. В. Мятлева № 23(38), 24 (33), 39, 70, 92, 108, 153, 270, 359, 360, 391.

⁴⁴ Список дворян Бежецкой пятины. // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 121.

⁴⁵ Подробнее об этом отъезде: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде 1611—1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5—13.

⁴⁶ Список дворян Деревской пятины // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 128.

Карта 2. Новгородская земля, разделенная на пятины (по А. Н. Насонову)

Массовыми источниками по истории службы новгородского дворянства являются десятины. В настоящий момент опубликовано три десятины — верстальная новгородцев, псковичей и пусторжевцев 1596 г.⁴⁷, Водской пятины сентября 1605 г. (о характере этого документа см. ниже)⁴⁸ и разборная десятина по Новгороду 1619 г.⁴⁹ В работах И. О. Тюменцева и Е. И. Кобзаревой использовалась также десятина Бежецкой пятины 1608 г.⁵⁰ Мною привлечены еще пять десятен — новгородцев, испомещенных в Тихвине в 1615 г.⁵¹, десятина кормовых татар и новокрещенов 1606 г.⁵², десятина денежной раздачи в полку кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами⁵³, десятина денежной раздачи в Шелонской пятине в 1621 г.⁵⁴ и десятина денежной раздачи служилым и неслужилым новикам в 1624/25 г.⁵⁵ Для реконструкции самых успешных карьер — Никиты Вышеславцева, Воина Новокшенова, Луки и Михаила Милославских, некоторых других новгородцев привлечены боярские списки, роспись русского войска 1604 г. и другие источники о Государевом дворе, введенные в научный оборот А. Л. Станиславским⁵⁶.

⁴⁷ Десятина новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. В. Мятлев // ИРГО. 1909. № 3. С. 113–209.

⁴⁸ Десятина Водской пятины 1605 года... С. 435–509.

⁴⁹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 242–283.

⁵⁰ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 339–381.

⁵¹ Десятина беспоместных тихвинских сидельцев. 1615 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 125.

⁵² Десятина новгородских кормовых татар и новокрещенов всех пятин. 1606 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122.

⁵³ Десятина денежной раздачи боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого. 1614 (без начала) // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 297.

⁵⁴ Десятина денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. И. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131.

⁵⁵ Десятина денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136.

⁵⁶ Приложения к изданию: Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

Возникновение интереса к десятинам в среде генеалогов в конце XIX в. было связано с публикацией в 9 томе «Описания документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции» кратких сведений об этом типе источников⁵⁷. Вслед за тем последовали публикации Н. П. Лихачевым «Разборной десятины новиков» 1596 г., и Н. В. Мятлевым «Десятни Водской пятины» сентября 1605 г.

Последний источник вызвал в недавнее время большую дискуссию в историографии. Он относится к верстанью, начатому Самозванцем осенью 1605 г. и завершеному уже при Василии Шуйском в 1606 г. Спор среди ученых идет, собственно, о том, насколько верны слова Карамзинского хронографа о том, что данное верстание было «прелестью самозванца» и не имело реального обеспечения земельными участками. Оспорили такую, откровенно говоря, полемическую точку зрения П. В. Седов и В. Н. Козляков, на основе анализа большого комплекса источников показавшие, что десятины, составленные при Самозванце, не столько увеличивали поместные оклады, сколько были призваны упорядочить службу провинциального дворянства⁵⁸, в большей степени унифицируя оклады, нежели их завышая. Это мнение было подвергнуто критике В. М. Воробьевым, утверждавшим вслед за Карамзинским хронографом, что верстание 1605–1606 гг. непомерно завысило оклады мелкого дворянства. Надо сказать, что в позициях сторонников обеих этих точек зрения содержится рациональное зерно. Действительно, как Карамзинский хронограф, так и разрядные книги, сохранившие почти дословно такую же оценку верстания 1605/06 г., — в значительной мере памятники идеологические, особенно в своей общеполитической трактовке событий Смуты. Не стоит в оценочных суждениях современников Смуты искать исторического факта. Впрочем, «инфляция» поместных окладов, действительно начатая

⁵⁷ Документы Разрядного приказа // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. Т. 9. М., 1894.

⁵⁸ Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 227–241; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1999. Ранее такая мысль была высказана М. Г. Кротовым в дипломной работе, защищенной в МГУ в 1982 г. (Кротов М. Г. Десятни XVI — начала XVII вв. как исторический источник. М., 1982. Доступна по адресу: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html.

в 1605 г., продолжилась и в последующие периоды Смуты, и в годы после нее. По такому же пути повышения среднего уровня окладов шли и руководители ополчений, и правительство Михаила Федоровича, оказавшиеся, по сути, заложниками своих авансов служилому сословию. При этом довольно занятной выглядит своеобразная «аристократическая» позиция В. М. Воробьева, определяющего «самозванческое» верстание — как нарушение основополагающего принципа службы — по отечеству (в статье очень четко выражена личная несколько эмоциональная позиция исследователя)⁵⁹. Примечательно, что если В. М. Воробьев считает, что верстание при Лжедмитрии увеличило оклады служилых людей не соразмерясь с реальными возможностями правительства, в чем исследователь видит авантюру режима Лжедмитрия I, то он никак не комментирует те придачи к окладам служилым людям, которые в массовом порядке были сделаны после событий под Тулой осенью 1607 г. правительством Василия Шуйского и были обеспечены реальными возможностями правительства не в большей мере. При этом критика В. М. Воробьевым публикации Н. В. Мятлева представляется убедительной и своевременной. Действительно, тот документ, который принято вслед за Н. В. Мятлевым называть «Десятней Водской пятины» 1605 г., не является десятней в полном смысле слова, а лишь перечнем поместных окладов служилых людей пятины, без указания денежных окладов, очередности этих окладов («первые», «другие» и «свершенные» деньги), а также поручителей за служилых людей, как это предусматривал формуляр других сохранившихся десятен «самозванческого» верстания⁶⁰.

Хронология верстаний на Северо-Западе 1605–1606 гг. исследована М. Г. Кротовым. По его наблюдениям, смотр проводился в два этапа: в сентябре — декабре 1605 г. В большинстве городов (замосковских и низовых), а также в Шелонской и в Водской пятинах. В апреле был начат смотр служилых людей в Невеле, Пскове, Деревской, Обонежской и Бежецкой пятинах (добавлю к этому перечню смотр новокрещенов и татар всех пятин). Важной особенностью десятен этого времени является, по наблюдениям М. Г. Кротова, содержащи-

⁵⁹ Воробьев В. М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» поместной системы (опубл. в электронном журнале *Oderint dum prodent* (www.milhist.ru)).

⁶⁰ В тексте книги я все же буду называть этот документ десятней. Подлинной десятни Водской пятины сентября 1605 г. не сохранилось.

еся в них пометы о более поздних прибавках служилых людям, уже при царе Василии Шуйском. Он же отметил, что «во время смута, произведенного Лжедмитрием I, не выдавалось жалование тем, кто получил его от Годунова, причем упоминается раздача не только под Кромами: «имали денги на Москве у Федора Годунова, и в Новгороде по верстанью денги им не даны»⁶¹. Такое получение новгородцами денег в Москве при царе Федоре Борисовиче фиксирует также и десятня Деревской пятины 1606 г.⁶²

По мере перехода разных областей под власть правительства царя Михаила Федоровича начали проводиться разборы служилых людей, оставшихся в живых после многочисленных боевых действий Смуты. В Эрмитажном собрании Отдела рукописей РНБ хранится «книга сыскная», содержащая материалы таких разборов примерно в полтора десятках городов. Книга эта использована во многих исследованиях по истории русского дворянства; коснусь здесь содержащихся в этом памятнике материалов псковского верстанья марта — апреля 1614 г. В отличие от новгородских сыскных десятен 1619 г., где подробно расписаны боевые заслуги детей боярских в годы Смуты, в псковской сыскной десятне содержатся лишь глухие упоминания об участии псковичей в боях под Тулой и Калугой в 1607 г., лишь раз упомянута рана, полученная одним из псковских детей боярских в битве на Вырке. При этом именно в данном источнике содержится основная информация о службе псковских дворян в Смуту. Достоверность сведений этой десятни может быть поставлена под сомнение. Так, в ней упомянут Александр Фомич Тимашев, дворовый сын боярский. В апреле (м. б., конце марта) 1614 г. на верстании во Пскове был установлен его старый (отцовский) оклад по верстанью 1605/06 г. В 600 четвертей и 10 рублей с городом и новый оклад с придачей неизвестно за какую службу в 600 четвертей и 13 рублей с городом⁶³. Можно с уверенностью утверждать, что Александр Тимашев на верстании во Пскове отсутствовал: ранее, в сентябре 1613 г., он вместе

⁶¹ Кротов М. Г. Десятни...

⁶² Десятня Деревской пятины верстанья кн. М. П. Катырева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 243.

⁶³ Книга сыскная дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации).

с братом Степаном бил челом о поместье изменников — порховских помещиков Мокея Скобельцына и Федора Иванова сына Воронова⁶⁴, а позднее, вскоре после 10 апреля 1614 г., вместе с Моисеем Евреевым и подьячим Семеном Шустовым получил предписание ехать в Порховский уезд в дворцовые села Карачуницкого погоста для отписки на государя изменничьего поместья Игнатия Харламова⁶⁵. 18 июня 1614 г. он поручился по Никите Матвееве Зиновьеве⁶⁶. То же самое относится к Федору Неклюдову, также упомянутому в псковской десятне 1614 г. в качестве городского сына боярского с новым окладом в 500 четвертей. Однако он, приехав в Новгород в 1610 или 1611 г., находился там еще в апреле 1615 г.⁶⁷ и, вероятно, дождался возвращения города Москве в марте 1617 г.

К этим источникам примыкает еще одна группа документов — списки новгородских недельщиков, губных старост, городских приказчиков и прочих лиц воеводского управления. Как показал В. Н. Козляков, эти документы составлялись в XVII веке в целях доказательств худородности противника⁶⁸. Подробное источниковедческое исследование этого типа памятников еще впереди. Ценность таких источников для изучения истории служб новгородцев в XVI—XVII вв. была отмечена только Н. Е. Носовым, опубликовавшим один такой документ⁶⁹ и упомянувший о существовании другого. В начале

⁶⁴ Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.

⁶⁵ Грамота от бояр и воевод Александру Фомичу Тимашеву, Мосею Денисьевичу Евреву и подьячему Семейке Шустову ехать в Порховский уезд в Карачуницкий погост для отписки на государя 7 вытей в дворцовых селах, бывших в поместье за Игнатием Харламовым, съехавшим во Псков. 1614 апреля после 10 // RA, NOA. Serie 2:62. Л. 63 об.

⁶⁶ Поручная запись по Никите Матвееве сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

⁶⁷ Расспросные речи Д. Плещеева в с. Братошине о вестях. 1615. 31.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 277—284.

⁶⁸ Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1999. С. 37.

⁶⁹ Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI—XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347—367.

XX века иной список недельщиков был опубликован В. И. Гуляевым⁷⁰ и позднее использован Н. В. Мятлевым при публикации десяти Водской пятины 1605 г. Мною использованы упомянутые источники, а также список недельщиков, хранящийся в Отделе рукописей РНБ, на который мне любезно указал С. В. Стрельников⁷¹; сходный документ обнаружен мной в рукописном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН⁷², есть они и в других архивохранилищах⁷³. Подробно функции недельщиков в литературе рассмотрены в статьях Ю. Г. Алексеева⁷⁴, С. В. Стрельникова⁷⁵ и С. Н. Кистерева⁷⁶.

Кормовые книги Галицкой, Костромской, Владимирской четвертей

Уже в начале XVII столетия часть новгородцев была «пущена в четверть», т. е. получала денежное жалование в московских четвертях — Костромской, Владимирской, Новгородской, Устюжской.

⁷⁰ Список детям боярским и земцом новгородским помещиком, которые были в Великом Новгороде в неделях, а из недель вышли и которые пущены по государевым грамотам // *Heraldica. Исторический сборник*. Т. 1. СПб., 1900. С. 20–23.

⁷¹ Роспись новгородских недельщиков и губных старост. Около 1604/05 // ОР РНБ, ОЛДП. Ф.125.

⁷² Роспись (разборные списки) служилых людей по Новгороду Великому. XVI–XVII вв. Список 2-й пол. XVII в. Без начала // СПБИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 188.

⁷³ В составе Болтинского II списка разрядных книг 1479–1605 (ОР ГИМ. Муз. № 3257). Л. 499–500 (*Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 287–288), также в составе Болтинского I списка разрядных книг с оригинальными комбинациями записей (ОР РГБ. Ф. 205. № 183). Л. 330–330 об. (Там же. С. 407).

⁷⁴ *Алексеев Ю. Г.* Статьи о недельщиках. Реформа центрального судебнополитического аппарата при Иване III // *Вестник СПбГУ. Сер. 2 (история, язык, литературоведение)*. 1999. Вып. 1. С. 3–14.

⁷⁵ *Стрельников С. В.* К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X–XVII вв. («правда», «праветчик», «недельщик») // *ОФР*. Вып. 8. М., 2004. С. 58–74.

⁷⁶ *Кистерев С. Н.* Недельщик XV–XVI веков: происхождение термина // *Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева*. М.; СПб., 2006. С. 127–139.

В годы осады Тихвина 1613–1614 гг. и Пскова в 1615 и 1616 гг. число пущенных в четверть новгородцев резко возросло. В годы псковской осады из Разрядного приказа жалование новгородцам, служившим Михаилу Федоровичу, регулярно доставлялось во Псков, что подробно фиксировалось. Эти источники опубликованы еще в конце XIX — начале XX в.⁷⁷ и давно введены в научный оборот; использовались они и при составлении биографической базы данных о новгородцах Смутного времени.

Дело о приезде королевича Иоганна в 1602 г.

Близок к данной группе источников также комплекс документов, хранящийся в фонде 183 рукописного архива СПБИИ, связанный с приездом в Московское государство в 1602 г. датского принца Иоганна. В связи с его приездом множество новгородских дворян было назначено к прибытию в Ивангород и Новгород. Для высылки их из поместий отправлялись специальные высельщики⁷⁸, осуществлявшие

⁷⁷ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // *ЧОИДР*. 1912. Кн. 2; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // *РИБ*. Т. 15. СПб., 1894; Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 1–116; Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 275–508; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 509–682; Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 683–752; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // *Памятники истории Восточной Европы*. Кн. 1. М; Варшава, 1995. С. 19–98.

⁷⁸ Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву с наказом сейчас же послать в новгородские пятины для вызова в Новгород детей боярских и новокрещенов из татар и для сбора кормов, а по ямам подвод для встречи датского королевича. 1602. 12.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 20; Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе с приказом о сборе пусторжевских помещиков, дворян, детей боярских и беспоместных новиков для отправки на государеву службу. Список больных. 1602. 16.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 24.

свои функции на основании списков⁷⁹. Эти списки, как и десятичные и дачные книги, содержат информацию об окладах новгородских, торопецких, пусторжевских, луцких, невеличских помещиков и также использованы в настоящей работе⁸⁰. Среди тех, кто встречал (или не явился встречать) королевича в Ивангороде и Новгороде, чрезвычайно много будущих героев Смутного времени в Новгороде.

Памятники дипломатической переписки ополчений, Новгорода, городских воевод

Значительная информация о новгородцах — полковых и пригородных воеводах и головах — содержится в государственных документах Смутного времени. Грамоты об отправке посольств в Ярославль и Москву, в Стокгольм и Выборг содержат информацию об участии (или — как в случае с Г. Н. Муравьевым — неучастии) элиты новгородского общества в важнейших политических событиях этой поры. Именно на этих источниках в своем исследовании остановилась Е. И. Кобзарева⁸¹. Однако одни лишь эти документы не дают всей

⁷⁹ Память новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому, Третьяку Савину и Василию Бирину о составлении росписи 20—30 лучших дворов в Новгороде. 1602. 16.08 // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 5.

⁸⁰ Отписка воеводе о вызове на государеву службу кн. Семена Кропоткина из его поместья в Обонежской пятине. 1602. 26.07 // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 8; Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602. 4.08 // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16; Списки детей боярских, новокрещеных татар всех пятин, торопчан, холмичей, невялян, пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. 1602, август // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38 (53 л.); Грамота царя Бориса Федоровича в Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву с приказом отправить для встречи датского королевича из всех новгородских пятин детей боярских и новокрещеных татар по особым спискам. Списки. 1602. 24.06 // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 6; Отписка новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку В. Поздееву из Ивангорода с распоряжением выслать на государеву службу в Ивангород 50 детей боярских Водской и Шелонской пятин и выявить нетчиков и список нетчиков, присланный из Ивангорода. 1602. 26.07 // СРБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 7.

⁸¹ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами...

полноты сведений даже о политических событиях. Примечательно, что приговор 25 декабря 1611 г. об отправке посольства в Стокгольм корреспондирует с поручными записями, взятыми тогда же по всем участникам посольства, а также по отправленному в Москву гонце Богдане Дубровском и по Никите Андрееве Оболянинове⁸², чье служебное назначение в тот момент не известно.

Период после лета 1613 года был ознаменован постоянными контактами между Москвой и Новгородом. Еще Г. А. Замятин активно использовал в своих работах материалы фонда «Сношения России со Швецией», почерпнув оттуда подробные сведения о посольстве юрьевского архимандрита Никандра в Швецию и хутынского архимандрита Киприана в Москву. В ходе этих контактов решались не только вопросы признания власти царя Михаила Федоровича и короля Густава Адольфа, контроля над теми или иными территориями, возвращения городов Новгородской земли, самого Новгорода, но и судьбы конкретных людей, оказавшихся на той или иной стороне. После боевых действий лета 1614 г. вопрос о размене пленными встал особенно остро. Он решался в мае 1615 г. на реке Явонь, где московские посланные С. Г. Коробьин с товарищами вели длительные переговоры с шведскими уполномоченными С. М. Аппельманом и Г. Бракилем. Материалы этих переговоров отчасти были введены в научный оборот Н. П. Лыжиным⁸³, но в основном малоизвестны. Они составляют 7 книг за 1615 и 1616 гг. фонда 96 РГАДА (Сношения России со Швецией). В ходе переговоров о размене пленными обе стороны представили как списки своих пленных, так и списки тех, кто по их мнению, должен находиться в плену. Не рассматривая сам концепт плена в начале XVII века, отмечу здесь разное понимание этого концепта обеими сторонами. Списки новгородцев и московских служилых людей, а также пленных, принципы обмена пленными, высказанные сторонами, и, разумеется, отношение самих «пленных» к процедуре обмена — вот то, что интересует меня в этих источниках. Кроме того, в ходе переговоров велся взаимный шпионаж. Московская сторона выглядит здесь гораздо более успешной, нежели шведы.

⁸² Тот, который в 1609 г. вместе с Темкой Жеребцовым строил Винский острожек. — *Ср. выше.*

⁸³ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

В ходе переговоров ей удалось привлечь на свою сторону несколько десятков новгородцев и шведских служащих, тогда как на шведскую сторону из лагеря послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами выехал, вероятно, один лишь Михаил Клементьев⁸⁴.

Вышедших из шведского посольского стана сразу же подробно расспрашивали. Позднее их отправляли в Москву, где наиболее ценных информаторов допрашивали уже в Посольском приказе (думается, что в допросах принимал личное участие думный дьяк Петр Третьяков). Материалы допросов, грамотки лазутчиков, челобитные новгородцев с просьбой о прощении и принятии на московскую службу также сохранились в архиве Посольского приказа.

Остается сожалеть, что указание отправлять всю информацию, связанную с выходцами, в Посольский приказ появилось лишь летом 1615 г., а, к примеру, до тихвинских воевод дошло лишь осенью 1615 г.⁸⁵ Ранее эта информация, будучи она и наличествовала, отправлялась в Разряд и, думаю, не сохранилась.

Документы Посольского приказа о русско-шведских отношениях начала XVII в. исследуются и публикуются более полутора столетия. Их изучение начал Н. П. Лыжин, оставивший первое в отечественной историографии исследование переговоров, предшествовавших заключению Столбовского мира, и опубликовавший несколько, с его точки зрения, наиболее ярких документов из столбцов Посольского приказа, относящихся к Дедеринским и Столбовским переговорам. В конце XIX в. к этим же документам обратился К. Якубов, первым из отечественных исследователей сопоставивший документы Новгородской приказной избы, хранящиеся в шведском Государственном

⁸⁴ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 372–373.

⁸⁵ Тихвинские воеводы получили упрек из Посольского приказа осенью 1615 г.; Н. М. Рогожин приводит выговор шацким воеводам, сделанный еще в 1614 г.: «Так, в 1614 г. из Посольского приказа в город Шацк была отправлена грамота, в которой московские дьяки отчитывали местных воевод: “Да вы ж к нам пишете о посольских делах, а отписки отдавать велите в Розряде. И так делают молодые люди, которым наши дела не в обычай, а вам ведати то мочно, что приказы наши все устроены по-прежнему, и о посольских делах пишут в Посольский приказ, а в Розряд пишут о ратных делах”» (Рогожин Н. М. Диалог вероисповеданий в дипломатии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 47–48).

архиве, с документами Посольского приказа. К. Якубов опубликовал статейные списки майских переговоров 1617 г., когда вновь обе стороны заявили о просьбах своих подданных о выдаче им родственников, оставшихся на другой стороне⁸⁶. Характерно, что и шведы и москвичи обвиняли друг друга в насильном удержании на своей стороне людей. В первой половине XX столетия к этим памятникам обратился Г. А. Замятин, чьи исследования в значительной части базируются именно на фонде «Сношения России со Швецией» (РГАДА. Ф. 96). Позднее исследованию, весьма обстоятельному, подвергались лишь хранящиеся в этом фонде посольские книги, тогда как столбцы Посольского приказа начала XVII в. оставались вне поля зрения исследователей. Лишь в последние годы к ним чрезвычайно плодотворно обратился Д. В. Лисейцев. В монографии этого автора, посвященной деятельности Посольского приказа в годы Смуты, дана подробная источниковедческая характеристика посольским книгам и столбцам фонда 96, выявлены лакуны и утраты фонда, установлена первоначальная разбивка столбцов⁸⁷.

В 1960 г., благодаря визиту Н. С. Хрущева в Швецию и знакомству его со «шведским социализмом», наладился чрезвычайно конструктивный обмен специалистами между Швецией и СССР. Кроме взаимных визитов ученых обеих стран состоялся также обмен копиями архивных документов — в ЦГАДА⁸⁸ и архив ЛОИИ поступили копии документов архива Новгородской приказной избы, а в шведский Государственный архив — копии документов фонда 96 ЦГАДА — «Сношения России со Швецией». Сегодня последние становятся доступными для любого посетителя шведского Государственного архива уже через 15 минут, в отличие от Российского государственного архива древних актов, где скорость доступа к документам для посетителя, вероятно, не изменилась со времен ведомственной принадлежности архива к НКВД СССР.

⁸⁶ Посольство кн. Борятинского с товарищи в Швецию в 1617–1618 гг. // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 28–71, особенно с. 66.

⁸⁷ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 212–217.

⁸⁸ Ныне хранятся не в РГАДА, а в Государственном архиве Российской Федерации.

Столбцы Посольского приказа содержат не только статейные списки посольств, но и подлинную текущую документацию, накапливавшуюся в Посольском приказе. Видимо, особый комплекс архива в Посольском приказе стал складываться в 1615 г., после начала подготовки к Дедеринским переговорам и миссии С. Г. Коробьина по обмену пленными, совершившемуся летом 1615 г. между Осташковом и Старой Руссой. В столбцы подклеивались отпуски грамот послам и городовым воеводам, отписки послов и иные документы, присылавшиеся «из поля». Особое место среди них занимают расспросные речи перебежчиков, пленных и лазутчиков, составлявшие первоначально непосредственно в посольском стане. Расспросные речи представляли собой допрос по определенному плану. Вопросы «следователей» не фиксировались, однако они без труда реконструируются при сопоставлении нескольких хронологически близких расспросных речей (всего я насчитал в столбцах 1615 – февраля 1617 гг. 72 расспросных речи). «Вопросник» составлялся на основе тех сведений, которые Посольский приказ наказывал добывать, как правило, о численности войск и передвижениях военных отрядов, а также о местопребывании политических деятелей — королей, военачальников и проч. Число вопросов увеличивалось по мере поступления к послам дополнительных сведений, так сказать, за рамками вопросника.

К сожалению, далеко не все расспросные речи дошли в виде черновых протоколов допросов непосредственно в посольском стане. Некоторая часть подлинных протоколов не сохранилась, однако они достаточно подробно пересказываются в отписках послов в Посольский приказ, хотя, несомненно, в пересказе текст редуцировался.

Порубежные акты

Ценным источником относительно службы новгородских дворян и подьячих является коллекция «Порубежные акты» (109) в архиве СПбИИ. Документы этой коллекции происходят из Посольского стола, находившегося в Новгороде в XVII в. Она включает обыски в Водской и Шелонской пятинах о перебежчиках на московскую сторону в 1620-х годах (часто единственным грамотным человеком

в погосте, при отсутствии дьячка и священника, оказывался помещик⁸⁹), документы об установлении застав на русско-шведской границе, списки украденного русскими перебежчиками на шведскую сторону имущества. Большинство фигурантов этих документов начали свою службу в Новгороде еще в 1611–1617 гг. Кроме прочего, в «Порубежных актах» удалось выявить информацию о том, как после подписания Столбовского мира, весной 1617 г. осуществлялась присяга новгородцев — и горожан, и сельских жителей — новому царю Михаилу Федоровичу⁹⁰.

Писцовые и дозорные книги

Потребность учитывать населенные участки земли на территории, подконтрольной Новгородскому правительству, диктовала необходимость проведения регулярных земельных переписей — обысков и дозоров. До 1590-х годов термин «дозор», как правило, подразумевал чрезвычайное земельное описание, противопоставленное регулярному описанию — писцовому. Однако изменения в системе сельского расселения, разорение целых территорий, начавшееся со второй половины XVI в., привели к тому, что дозоры стали описаниями регулярными. Этой теме посвящена обширная литература. Важнейший источник, привлекаемый мной, — это писцовые книги 1580-х и 1620-х гг. Эти документы как бы маркируют жизнь двух поколений людей, от конца царствования Ивана Грозного до восстановления страны при Михаиле Федоровиче. Как писцовые книги 1580-х гг., так и дозорные и писцовые описания 1615–1620-х гг. фиксировали действительно современных описанию помещиков (в отличие от платежных книг, составленных в промежутке между этими валовыми описаниями).

⁸⁹ К примеру, в марте 1623 г. в Кривинской волости таким грамотным был Максим Степанов сын Кузьминский (Поручная запись крестьян Матвея Муравьева о сысканных в Кривинской волости перебежчиках. 1623. 8.03 // СПбИИ. Ф. 109. Д. 18).

⁹⁰ «В Солецком погосте по приводу Якова Вышеславцова да подьячих Федора Прокофьева ... и в иных приводных имена наши записаны...» (Сыскная и расспросная память в Солецком погосте на Оломне о зарубежных крестьянах. 1623, февраль // СПбИИ. Ф. 109. Д. 29).

Отмечу высокую степень сохранности этого корпуса источников (за исключением начальной части писцовой книги Водской пятины 1582 г.)⁹¹. Часть новгородских дворян и практически все подьячие имели дворы в Новгороде. Таким образом, и писцовые описания Новгорода конца XVI — начала XVII в. также использованы в данном исследовании⁹². Писцовые и дозорные книги позволяют не только получить перечень помещиков той или иной пятины. Они указывают и на предположительные соседские, родственные и иные связи между служилыми людьми⁹³. Лишь очень немногие новгородцы дожили до 1646 г., когда появился новый массовый источник — переписные книги. Однако они также привлечены мною в исследовании⁹⁴.

Важным источником по истории возвращения Новгорода под власть московских государей является опубликованная В. Л. Яниным опись Новгорода 1617 г. и напечатанные в том же издании сметные

⁹¹ В своей книге об исторической географии Водской пятины я довольно подробно рассказал об особенностях описаний Водской пятины 1580-х гг., проводившихся в то время, когда границы между Московским государством и Швецией не существовало. Там же написано и о значении обысков и дозоров середины 1580-х гг. для исторической географии Водской пятины. Это же относится и к изучению персонального состава помещиков (Селин А. А. Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 14—15).

⁹² Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001; Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова и дьяка Д. Семенова. 1623 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII—начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

⁹³ В этом направлении продуктивно соотнесение писцовых книг с книгами записи судебных дел (о них ниже). Подоплека многих тяжб между помещиками заключается в значительной степени в их соседстве друг с другом (ср. глава б).

⁹⁴ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. Г. Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003; Переписная книга (ропись) оброчных дворовых мест, садов, огородов и земель в Новгороде Великом, составленная при воеводах кн. С. А. Урусове и кн. Г. П. Борятинском дьяком Л. Талызиным. 1646 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

списки новгородских доходов за первые годы после Столбовского мира⁹⁵. Этот источник включает в себя выдержки из описаний Новгорода, сделанных сразу после принятия города послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. Имена подьячих и служилых людей, зафиксированные в этом источнике, говорят о некоей специфике назначений на службу, которой придерживались московские власти, войдя в оставленный шведами город и несколько опасаясь привлекать к переписным работам тех новгородцев, которые незадолго до этого выполняли сходные распоряжения шведских властей.

В фонде Новгородской приказной избы сохранилось около трех десятков дозорных описаний новгородских пятин 1611—1616 гг. Лучше всего представлены материалы Водской и Шелонской пятин, а также Старорусского уезда, входившего в состав последней, но подчиненного непосредственно Новгородскому Дворцу. Не сохранилось никаких указаний на дозорное или какое-то иное описание Новгорода и других (за исключением Старой Руссы) городов и посадов Новгородской земли в 1611—1616 гг. Полагаю, что они и не проводились⁹⁶. В Водской пятине и в Зарусской половине Шелонской пятины описания были проведены дважды, в 1612 и в 1615 гг. Если для Водской пятины сохранились лишь беловые экземпляры дозорных книг, то для Шелонской существует также подготовительный материал — обыскные книги, предшествовавшие составлению

⁹⁵ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984; Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 176—239; Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 240—301.

⁹⁶ Возможно, в связи с существованием там своего рода самообложения, которое фиксирует, к примеру, в Порхове обыскная книга 1612 г.: «Порховской никольской поп Иван Григорьев сказал по священству... в Порхове, господине, у нас на посаде земля истари выпускная оброчная. И с тою мы земли платили оброк годовой, а тягла мы не тянули с сохами опроч ямского строения, а тянем мы тягло с рядками вместе, а не с сохами» (Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148). В Новгороде до 1615 г. деньги собирались по раскладке пятиконецких старост; позднее — путем чрезвычайного обложения не принесших присяги Густаву Адольфу новгородцев.

беловых дозорных книг⁹⁷. Залесская половина Шелонской пятины была описана только в 1615 г. К осени этого года большая ее часть, вероятно, запустела или вышла из-под контроля новгородского правительства. В октябре 1615 г. были составлены только обыскные книги Петровского и Передольского погостов этой половины пятины. Кроме того, в Водской пятине были дважды проведены описания софийских и монастырских владений.

Как ни странно, сравнительно хорошо сохранился комплекс документов, относящийся к Обонежской пятине. Все они относятся к первым годам новгородско-шведского политического альянса. Проведение там дозоров несомненно связано с походом в Заонежье войска Ганса Мунка в 1611–1612 гг. Сохранившиеся книги охватывают всю территорию Обонежской пятины и укладываются в хронологический промежуток октября 1611 г. — июля 1612 г.

Ни одной дозорной книги Деревской пятины не сохранилось; вместе с тем известно, что значительная часть ее территории оставалась под контролем Новгорода вплоть до последних дней шведского правления.

Две дозорные книги относятся к самой удаленной от Новгорода, Бежецкой пятине. Одна из них — результат регулярного дозора пятины в марте 1612 г., когда эта территория находилась под полным контролем новгородского правительства. Вторая книга описывает дворцовые Устрецкие волости примерно в тот момент, когда они вышли из-под контроля Новгорода⁹⁸.

⁹⁷ О таком последовательном процессе составления вначале обыскных, а потом дозорных книг для возвращенных по Плюсскому перемирию погостов Водской пятины см.: Селин А. А. Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 14–15.

⁹⁸ Книги были доставлены в Новгород, а сами дозорщики около 1 апреля 1613 г. попали в плен к воровским людям: «...и тая поручная запись у Мосея Поскочина да у Ивана Измайлова, а Мосея да Ивана взяли в полон воровские люди, да и рук их у тех книг нет, потому что приложить они не успели» (Отписная книга стоячего молоченого хлеба с побитых, сошных и выморочных участков в дворцовой Устрецкой волости с третями отписи Мосея Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 1.04 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 270 (копия без пагинации: СПБИБИ, м/ф. 350).

Дозорные и обыскные книги составлялись комиссиями из двух (реже — одного) детей боярских и подьячего Поместного приказа⁹⁹. Из последних, вероятно, особым профессионализмом обладал Семен Шустов, в 1612 г. обыскивавший и дозирувавший Зарусскую половину Шелонской пятины, в марте 1615 г. работавший в Старорусском уезде, а в августе 1615 г. дозирувавший Корельскую половину Водской пятины. В 1614 г. некоторые дозоры Старорусского уезда проводились одним-единственным подьячим Михаилом Нефедьевым.

История описаний Старорусского уезда в 1611–1615 гг. заслуживает отдельного очерка. Этот специфический район Новгородской земли в конце 1611 г. поступил под прямое управление Дворцового приказа, что обусловило хорошую сохранность документов, в частности дозорных книг.

Древнейшее писцовое описание Старой Руссы относится к 1498 г.¹⁰⁰ Более поздние описания города известны гораздо меньше. Со времени работы П. П. Смирнова, посвященной городам Московского государства, в литературе используется описание Руссы в 1625 г., сделанное Александром Чоголовым, которое содержит ссылки на дозор Руссы в 1606/07 г. Алексеем Безобразовым и Воином Трескиным¹⁰¹. В 1974 г. З. А. Тимошенко обратила внимание на находящуюся в Государственном архиве Швеции дозорную книгу 1611 г., в более полной мере, нежели книга 1625 г., сохранившую текст книги 1606/07 г.¹⁰² В нашем распоряжении имеются некоторые документы, позволяющие более подробно говорить о дозорных описаниях Руссы и уезда в начале XVII в.

⁹⁹ Имею в виду Новгородский поместный приказ (вар.: Новгородская поместная изба).

¹⁰⁰ НПК. Т. 5. СПб., 1905; тж. Писцовая книга Шелонской пятины письма Матвея Ивановича Валуева. Отрывки. 1498 // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1999.

¹⁰¹ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 22.

¹⁰² Тимошенко З. А. Новгородские крестьяне в период шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М.; Л. 1974. Ч. 2. С. 3–24.

Изучение материалов Новгородской приказной избы, хранящихся в Государственном архиве Швеции, показало, что огромная их часть относится к делопроизводству Новгородского Дворцового приказа и связана с именем дьяка Пятого Григорьева. Особую часть 2-й серии документов Новгородской приказной избы составляют дела 349, 352, 358, 359, 360, 361, 362, 363. Это расклеенные столбцы, касающиеся взаимоотношений приказа со Старой Руссой, переданной в прямое управление приказа в ноябре 1611 г. Большая часть документов в этих делах имеет пометы: «Старорусской 120-го году». В основном в них содержатся материалы переписки Дворца с воеводами и другими должностными лицами Старорусского уезда. Узкие хронологические рамки комплекса позволяют, сочетая их с другими известными документами, представить динамику землеописаний в городе и уезде с августа 1611 по октябрь 1612 г. (с видимым промежутком в апрель – июнь 1612 г.).

Вскоре после смены власти в Новгороде Старую Руссу возглавили воевода Воин Афанасьевич Новокшенов и Третьяк Копнин, ранее подьячий, а с назначением в Старую Руссу — дьяк. Они уже имели опыт сотрудничества. Еще в апреле 1610 г. Новокшенов и Копнин вместе описывали часть имущества казненного новгородцами Ивана Михайловича Салтыкова¹⁰³. Но, вероятно, особых успехов в Руссе их администрация не достигла; Воин Новокшенов был назначен русским воеводой при шведском отряде, стоявшем в селе Югостицах в Дремяцком погосте¹⁰⁴, а Третьяк Копнин был переведен в Дворцовый приказ и в декабре 1611 г. отправился в составе новгородского посольства в Швецию¹⁰⁵.

Новым воеводой в Руссу был назначен сын боярский Водской пятины Герасим Арсеньевич (Янышев сын) Муравьев. К нему был прикомандирован дьяк Томило Сергеев. Так же, как ранее Копнин,

¹⁰³ Приходно-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.03–31.08 // RA, NOA. Serie 1:60. С. 3–4.

¹⁰⁴ Кормовые книги немецким ратным людям. 1611, дек. – 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:74. С. 20.

¹⁰⁵ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11 г. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1–10.

именно на посту в Старой Руссе Томило Сергеев впервые назван в чине дьяка.

Еще в августе 1611 г. в Руссу были посланы дети боярские Лука Милославский и Антон Выповской, вместе с которыми на службу отправились дворцовый подьячий Никифор Коптев и торговый человек Семен Иванов. Перед этой комиссией была поставлена задача: вместе со старорусскими посадскими людьми «старорусского посаду дворов, и во дворах людей, и лавок, и варнец, и огородов, и садов, и нив» дозреть и переписать, сравнив эти книги с хранившимися в Руссе дозорными книгами Алексея Безобразова 1607 г. В течение августа 1611 г. Лука Милославский с товарищами провел дозор Старорусского посада¹⁰⁶ и отправился дозировать уезд. 31 августа того же года воеводе Новокшенову и дьяку Копнину было приказано все доходы с посада и уезда Старой Руссы собирать по новому дозору Луки Милославского¹⁰⁷, но, как я уже упоминал, через две недели их сменили новые руководители города.

В ноябре 1611 г. из Новгорода поступило следующее распоряжение: ведение Руссой и уездом было передано в Дворцовый приказ, который к тому времени возглавил дьяк Пятой Григорьев. Дьяк приказал немедленно представить в Дворцовый приказ сведения о сметных доходах Руссы и уезда, исходя из известных доходов и расходов на 1608/09, 1609/10, 1610/11 и 1611/12 гг.¹⁰⁸ Однако к этому времени было закончено описание только старорусского посада и еще двух по-

¹⁰⁶ Дозорная книга Старой Руссы дозора Луки Ивановича Милославского, Антона Силича Выповского, подьячего Никифора Коптева и торгового человека Семена Иванова. 1611, август // RA, NOA. Serie 1:63. С. 4–207.

¹⁰⁷ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов...

¹⁰⁸ Челобитная (отписка) Пятого Григорьева старорусскому воеводе Г. А. Муравьеву и дьяку Т. Сергееву с сообщением о подчинении Старой Руссы и 11 старорусских погостов Дворцовому приказу и с требованием прислать в Дворцовый приказ роспись доходов, платившихся в Новгород в 117, 118, 119 и 120 гг. 1611, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 1; Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что дозор уезда и посада Старой Руссы еще не завершен, а также о том, что вскоре будут готовы сметные списки старорусских доходов и расходов за прежние 117, 118 и 119 гг. 1611, декабря после 9 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 21–23.

гостов, близлежащих к Руссе, — Петровского и Воскресенского¹⁰⁹. Тут же Луке Милославскому и его новому сотруднику, подьячему Ждану Медведеву, было послано строжайшее указание из Дворца — как можно быстрее дозировать погосты¹¹⁰.

Дворец постоянно требовал от старорусских воевод натуральных и денежных доходов, несмотря на то, что перепись посада и уезда шла медленно. В то же время кроме дворцовых доходов посад и уезд должны были собирать корма на немецких людей, стоящих на дороге из Новгорода во Псков и Руссу — на Веряжском стане¹¹¹. Основной задачей тамошнего воеводы Тимофея Тыртова был сбор кормов с окрестных погостов и распределение его между шведскими солдатами. Если дьяк Пятой Григорьев постоянно требовал книг для проведения кормового сбора от старорусской администрации, то к нему самому с просьбами регулярно обращался Тыртов, которому также необходимо было собирать натуральные платежи для шведского отряда, стоявшего на Веряжском стане, равно как и средства распределения, к примеру весы¹¹². Между подьячими, посылавшимися из Руссы в погосты для сбора дворцовых доходов, и кормовыми сборщиками, направлявшимися от русских воевод при шведских гарнизонах, регулярно возникали споры, а необходимость регуляр-

¹⁰⁹ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву Луки Милославского с товарищами о том, что дозор погостов старорусского уезда не закончен, и о скорой посылке росписи оброчных денег с этих погостов в Новгород. 1611, ноября после 5 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 2–3.

¹¹⁰ Челобитная (отписка) Л. И. Милославскому и подьячему Ж. Медведеву из Дворцового приказа от дьяка Пятого Григорьева о скорейшей присылке в Новгород росписи окладных доходов со старорусских погостов на 120 год. 1611, ноябрь — декабрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 4–5.

¹¹¹ Память Ивану Степановичу Забелину и подьячему Василию Сытину о сборе кормов и денег за корма в Новгородском и Старорусском уездах на немецких людей, стоящих на Веряжском стане. 1611. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 24–26.

¹¹² Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25.12. не присылали ему кормов, а собранный им самим корм он отдал немецким ратным людям на неделю, денег вместо кормов немецкие люди не берут, с просьбой прислать ему толмача и весы. 1611, декабря после 25 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 10–11.

ного предоставления корма солдатам диктовала определенную чрезвычайность в сборе. Надо заметить, что в 1611/12 г. за самоуправства в отношении крестьян Дворцовый приказ жестко взыскивал. Так, в январе 1612 г. разгорелось целое дело из-за взятых «сверх росписи» с крестьян Чертицкого погоста семь яловиц¹¹³ — к Тыртову было отправлено укоризненное послание, но не от дьяка Григорьева, а от Делагарди и Одоевского¹¹⁴ с предписанием вернуть этих яловиц крестьянам.

Около 1 января 1612 г. Пятой Григорьев потребовал от Муравьева немедленно собрать с посада и уезда половину дворцовых денежных доходов, а вторую половину прислать в Новгород не позднее Мясного заговенья¹¹⁵. Воевода и дьяк оправдывались тем, что «крестьяне от литовских и воровских людей разбежались»¹¹⁶. Дело действительно усугублялось тем, что зимой 1611/12 г. в южных погостах уезда, Коломенском и Офремовском, развернулись боевые действия¹¹⁷.

¹¹³ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что ввиду неприсылки к нему кормов от кормовых сборщиков, он взял с Чертицкого погоста семь яловиц для немецких ратных людей. 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 13.

¹¹⁴ Челобитная (отписка) Тимофею Викуличу Тыртову от кн. Ивана Одоевского и дьяков Андрея Лысцова и Семена Лутохина с порицанием того, что тот взял в Чертицком погосте семь яловиц для немецких ратных людей с повелением доправить этих яловиц с погостов, с которых не платят кормов и о возвращении яловиц крестьянам Чертицкого погоста. 1611, декабрь // RA, NOA, serie 2:361. Л. 14.

¹¹⁵ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева в Старую Руссу Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву о немедленном сборе половины денежных доходов со Старой Руссы посада и уезда и о сборе второй половины к Мясному заговенью. 1612, января около 1 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 38–39.

¹¹⁶ Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о посылке в Новгород кормов с Дретенского, Снежского, Воскресенского и Черенчицкого погостов с рассыльщиком Михайлом Лизуновым. 1612, января между 1 и 17 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 40–41.

¹¹⁷ Челобитная боярам и воеводам крестьян Коломенского погоста Старорусского уезда о том, чтобы не править с их погоста кормов и денег на корм из-за их разорения литовскими людьми и роспись крестьян Коломенского погоста побитых и взятых в плен литовскими людьми. 1612, января около 14 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 42–45.

К концу декабря 1611 г. Лука Милославский с товарищами смогли провести дозор только шести погостов уезда, платежную роспись которых они передали старорусским воеводам и кормовым сборщикам Веряжского стана. Но дозорных книг для южных погостов Старорусского уезда составить не удалось, так как, по отписке дозорщиков, тамошние крестьяне прятались от «воровских людей». «А волость Прутцко в Офремовском погосте за ворами за Сергушкою Пет[ро]вым с товарищи к Пусторжевскому уезду и некоторых податей не платит... К ним ис Старые Руссы давно не въезжают»¹¹⁸. 12 января из Дворца последовало предписание: так как Л. Милославский и подьячий Ж. Медведев до сих пор не дали росписи на девять старорусских погостов, взыскать причитающиеся оттуда деньги с Медведева (интересно, что с него одного). В ответ 17 января в Руссу были представлены платежные документы по шести погостам, которые удалось описать¹¹⁹.

После этого старорусским воеводам вновь было послано указание немедленно собирать деньги с погоста и уезда, «а боярским именем приказ есть, что велено кормы збирати, а оплошку правити на вас»¹²⁰. Такие упреки от Пятого Григорьева постоянно сыпались на воевод. Вот что он писал вскоре после 15 января о ссылках Муравьева

¹¹⁸ Челобитная (отписка) Луки Милославского с товарищами дьяку Пятому Григорьеву о том, что часть росписей они дали старорусскому воеводе Муравьеву и кормовым сборщикам Забелину и Сытину, а часть, вскоре составив, также вышлют, однако южных погостов Старорусского уезда дозорных книг составить пока невозможно, так как крестьяне прячутся от воровских людей. 1611, декабря между 25 и 30 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 69–70.

¹¹⁹ Челобитная (отписка) старорусского воеводы Г. А. Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что Лука Милославский и подьячий Ждан Медведев дали им роспись еще по шести погостам Старорусского уезда, в трех погостах они не смогли провести дозор из-за Смуты, а крестьяне уезда просят себе для сверки окладов список с дозорных книг, которые отосланы в Новгород. 1612, января после 17 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 22–23.

¹²⁰ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву о немедленном сборе кормов с посада Старой Руссы и с тех погостов, роспись на которые по новому дозору имеется. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 83.

и Сергеева на то, что крестьяне разбежались: «И вы пишете в своих отписках, не справясь хмелем, потому что хмелю не проспав, а новым нако... В приказ въезжаете, и отписок сами мало чтете, только что писать велите»¹²¹.

Я упомянул о настойчивости дьяка Пятого Григорьева в сборе денежных и натуральных дворцовых доходов со Старорусских посада и уезда. Однако сам дьяк 31 декабря 1611 г. подал челобитную об освобождении его собственного поместья в Старорусском уезде от всех кормовых сборов и платежей «немецким ратным людям»¹²². Надо ли говорить, что решение по ней было вынесено положительное.

В конце января 1612 г. Г. А. Муравьев и Т. Сергеев были смещены. Новым воеводой в Руссу был назначен кн. Андрей Константинович Шаховской, удержавшийся на этой должности до ухода шведов из Руссы в 1617 г. Вначале его товарищами были назначены подьячий Ждан Медведев и гость Истома Демидов¹²³, а к июлю 1612 г. — Федор Витовтов, переведенный сюда из Заонежских погостов и прослуживший в Руссе до января 1616 г., — времени, когда он перешел на сторону Москвы¹²⁴. В феврале 1612 г. в связи с продолжавшимся

¹²¹ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву о добросовестном исполнении поручений. 1612, января после 15 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 96–98.

¹²² Грамота Герасиму Арсеньевичу Муравьеву и дьяку Томиле Сергееву от боярина и дьяков об освобождении от всех кормовых сборов и платежей немецким ратным людям поместья дьяка Пятого Григорьева. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 81–82.

¹²³ Наказ от бояр и воевода кн. А. К. Шаховскому, гостю Истома Демидову и подьячему Ждану Медведеву ехать в Старую Руссу и принять дела у воеводы Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:363. Л. 1–3.

¹²⁴ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о присылке в Новгород недоплатных денег со Старорусского посада и недовозного хлеба с погостов Старорусского уезда. 1612. 2.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 1–2; о переходе Ф. И. Витовтова на сторону Москвы: Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выезде на государево имя Боборыкина, Лупандина и Витовтова. 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 1. Л. 321–323.

промедлением в сборе доходов в Руссу был послан подьячий Тороп Беляковский, которому было велено доправить 200 рублей денежных доходов, а остальное собирать постепенно¹²⁵.

После разгрома в феврале 1612 г. Руссы и уезда войсками А. Лисовского посадские и уездные люди стали бить челом о новом дозоре¹²⁶.

В марте 1612 г. по челобитным крестьян был предпринят обыск в тех погостах (Чертицком, Рамышевском), где за зиму 1611/12 г. произошла явная убыль населения в связи с разгоревшимися боевыми действиями. Эта работа была поручена сыну боярскому Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову¹²⁷. Одновременно им было поручено переписать крестьянское имущество, оставшееся в деревнях от умерших и беглых (никакого такого имущества Назимов и Харламов не нашли). Уже первый их отчет, посланный в Новгород, вызвал негативную реакцию Дворцового приказа: «И то знатно, что вы тех погостов с старосты, и с целовальники, и со крестьяны, зговорясь меж себя заодно по посулом, хотели теми живо-

¹²⁵ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева кн. А. К. Шаховскому с товарищами о посылке в Старорусский уезд подьячего для сбора 200 рублей на немецких людей Илегана Самойлова с товарищами. 1612, февраль // RA, NOA. Serie 2:363. Л. 39–41.

¹²⁶ Челобитная боярам и воеводам от старорусского посадского старосты Богдана Федорова и от всего посада с жалобой на свое разорение и непомерное обременение платежами с просьбой о льготе. 1612, марта после 7 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 62–65; Челобитная боярам и воеводам верхнего волостного старосты Старорусских погостов Ивана Жилинского и всех крестьян о невозможности после разорения литовскими людьми платить корм по дозору Луки Милославского с просьбой о новом дозоре. 1612, марта // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 52–53.

¹²⁷ Память Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову об обыске в околорусских погостах о животах побитых и безвестно разошедшихся крестьян по наказу за приписью дьяка Пятого Григорьева. 1612, марта // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 69; Обыск Ивана Осиповича Назимова и подьячего Федора Харламова в Чертицком погосте о том, сколько крестьян побили и в полон поймали немецкие люди и сколько от них осталось живота. 1612. 12.03 // RA, NOA. Serie 2:360. Л. 1–2; Обыск Ивана Осиповича Назимова и подьячего Федора Харламова в Рамышевском погосте в Нижнем Конце о том, сколько крестьян побили и в полон поймали немецкие люди и сколько от них осталось живота. 1612. 15.03 // RA, NOA. Serie 2:360. Л. 9–11.

ты, и хлебом, и сеном меж себя завладети»¹²⁸. Работой Назимова и Харламова были недовольны не только в Новгороде, но и в уезде; в целом их обыск в 1612 г. оценивался как ложный¹²⁹.

Постоянные челобитные от старорусских воевод и от посадского и уездного населения в Новгород о том, что дозор Луки Милославского уже не соответствует действительности, и одновременно, потребность Дворца взыскать хоть какие-то деньги с Руссы привели к решению 16 июля 1612 г. собрать с посада и уезда лишь две трети доходов, полагавшихся по дозорным книгам Луки Милославского¹³⁰. Чуть раньше, 3 июля 1612 г., власти предприняли еще одну попытку составить новый дозор Старорусского посада и уезда. Он был поручен кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому и подьячему Семену Собакину¹³¹, а старорусская администрация должна была выдать им списки с книг Милославского с товарищами¹³². Был определен и корм новым дозорщикам. По приказу бояр и воевод велено кн. Н. Мещерскому и подьячему С. Собакину «на день корму давати: по туши борана, по двое куров, по пяти частей говядины, по пяти

¹²⁸ Память Ивану Осиповичу Назимову и подьячему Федору Харламову о переписывании хлеба и всякого живота во дворах побитых и безвестно сошедших со своих участков крестьян вправду, а не по посулам. 1612. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 21–22.

¹²⁹ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову об отдаче участков, значащихся пустыми по дозору Ивана Назимова и подьячего Федора Харламова, их прежним владельцам, а действительно пустых — бьющих о них челом крестьянам и бобылям. Без окончания. 1612, июля после 1 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 12–13.

¹³⁰ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о сборе со Старорусского посада и с околорусских погостов двух третей доходов, полагавшихся по дозорным книгам Луки Милославского. 1612. 16.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 15.

¹³¹ Грамота от бояр и воевод кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому да подьячему Семену Собакину ехать в Старую Руссу и в погосты Старорусского уезда для составления нового дозора. 1612. 3.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 5–8.

¹³² Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о написании списка с дозорных книг Луки Милославского с товарищами для дозорщиков кн. Н. Я. Мещерского и подьячего С. Собакина. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 21.

хлебов двудежных, луку да чесноку на две денги, а в рыбные дни давати рыбы против тово ж»¹³³.

Однако кн. Никифор Мещерский бил челом о своей болезни; тогда личным указом Деллагарди было объявлено еще раз о сложении со Старорусских посада и уезда трети платежей по книгам Милославского и о дозоре ранее не описанных погостов Филоном Аничковым и Гаврилом Карцовым. Им же было поручено сыскать о злоупотреблениях Ивана Назимова и Федора Харламова¹³⁴. Однако выяснилось, что в Старой Руссе на момент посылки новых дозорщиков не было ни списка с книг Алексея Безобразова, ни списка с книг самого Луки Милославского, и тамошним воеводам нечего было дать Филону Аничкову для его нового дозора¹³⁵.

Летом 1612 г. Лука Милославский был отозван из Старой Руссы, так как был отправлен в составе новгородского посольства в Ярославль. Однако уже в сентябре ему вновь было поручено собирать денежные доходы со Старорусских посада и уезда по дозору Филона Аничкова, в целом завершено в сентябре¹³⁶. Вскоре, в октябре 1612 г., в Старую Руссу товарищем к кн. Андрею Шаховскому был назначен еще один участник ярославского посольства, Смирной Отрепьев¹³⁷.

¹³³ Челобитная (отписка) дьяка Пятому Григорьеву старорусскому воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову об организации дачи кормов дозорщикам кн. Мещерскому и подьячему С. Собакину. 1612. 5.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 30.

¹³⁴ Грамота от Якова Деллагарди дьяку Пятому Григорьеву об отмене дозора Старорусского посада кн. Никифором Мещерским, о сложении со Старорусского посада и с уезда трети доходов, причитавшихся по дозору Луки Милославского и о посылке в те погосты, которые не были дозированы Милославским, Филона Аничкова и Гаврила Карцова. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 17–18.

¹³⁵ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от старорусского воеводы кн. А. К. Шаховского и подьячего Ф. Витовтова о том, что в Старой Руссе нет ни списка с книг Алексея Безобразова, ни списка с книг самого Луки Милославского и им нечего дать Филону Аничкову для его нового дозора, с просьбой прислать такие списки из Новгорода в Руссу. 1612, июля до 12 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 46–47.

¹³⁶ Отписка П. Григорьева кн. Шаховскому о том, чтобы поторопить Филона Аничкова с отдачей дозорных книг. 1612, сентябрь // Делопроизводство стола П. Григорьева, касающееся Старой Руссы и уезда. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 10.

¹³⁷ Грамота бояр и воевод о посылке в Руссу вторым воеводой С. Е. Отрепьева. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 114–117.

Милославский сразу же вступает в конфликт с Шаховским и Федором Витовтовым и бьет в Новгород челом об их недостаточном усердии в сборе государевых доходов. Те же отвечали в Новгород: «Говорил нам Лука Милославской, что велел ему ты, Яков Пунтосович, говорити нам, что мы твоево приказу и грамот ваших боярских не слушаем, и ни о каких делех не радеем, и денежных доходов не збираем, и ты в том с нами управишься, и мы, Яков Пунтосович, твоево слова никакова не ослышаемся, и по вашему боярскому указу о всяких делах промышляем с раденьем и грамот ваших боярских слушаем»¹³⁸. Результатом доноса Милославского было указание Деллагарди доправить на старорусских воеводах недоимочных 40 рублей.

Более поздние документы о взаимоотношениях новгородского Дворцового приказа и Старорусской приказной избы разрознены. Известно лишь, что результатами дозора старорусских погостов Филона Аничкова пользовались до августа 1614 г., когда после жестокого столкновения с москвичами под Руссой и Рамышевским острожком дозировать старорусские погосты были посланы Иван Григорьевич Баранов¹³⁹ и вновь Лука Иванович Милославский¹⁴⁰. В марте 1615 г. новыми старорусскими дозорщиками были назначены Григорий Никитич Муравьев и подьячий Семен Шустов¹⁴¹. В 1613 г. хлебный сбор по росписям дозоров Филона Аничкова и Луки Милославского поочередно проводили Степан Фомич Тима-

¹³⁸ Отписка старорусских воевод в Новгород в ответ на обвинения в их адрес Луки Милославского. 1612, сентября до 6 // Делопроизводство стола П. Григорьева, касающееся Старой Руссы и уезда. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:349. Л. 73–74.

¹³⁹ Дозорные книги Снежского, Дретенского, Лосского, Должинского погостов дозору Ивана Григорьевича Баранова с товарищами. 1614 // RA, NOA. Serie 1:29.

¹⁴⁰ Дозорные книги Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского и Офремовского погостов Старорусского уезда письма и дозора Луки Милославского и подьячего Ивана Заденского. 1614 // RA, NOA. Serie 1:106.

¹⁴¹ Дозорная книга Старорусского уезда дозора Григория Никитича Муравьева да подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA, NOA. Serie 1:7; Отписка Э. Горна и кн. И. Н. Большого Одоевского в Старую Руссу о посылке в старорусские погосты Григория Муравьева и подьячего Семейки Шустова. 1615. 11.05 // RA, NOA. Serie 2: 77. Л. 95–96.

шев и Петр Андреевич Ногин (оба — псковские дети боярские, еще в 1609 г. оказавшиеся на новгородской службе)¹⁴².

Отметим особую сохранность документации, «сопровождающей» дозорные книги Старорусского уезда. Внимательное отношение Новгородского Дворца к достоверности сведений о территориях, Дворцом управлявшихся, проявилось, в частности, в составлении особого списка лиц, засвидетельствовавших дозоры 1613—1614 гг. — погостских священников и старост¹⁴³.

Предполагаю, что столь интенсивное описание Старорусского уезда, тщательная фиксация всех изменений, происходивших в этой пограничной со Ржевой Пустой зоне в течение 1611—1616 г., связана с тем, что и город и уезд находились в ведении наиболее правильно управлявшегося учреждения — Новгородского Дворца. Это же относится и к другим дворцовым владениям Новгородской земли — дворцовым селам Ракому, Тесову, Королеву и Трясову, Коростынскому погосту с присельями.

Вотчинные писцовые книги, составлявшиеся крупными земле-владельцами в 1611—1617 гг., не известны¹⁴⁴. Дозоры софийских и монастырских вотчин в 1611—1617 гг. проводились только со стороны государства.

Отдельные, обыскные, отписные и платежные книги

Писцовые, переписные и дозорные описания Новгорода и новгородских пятин, как было показано выше, дополнялись текущими документами Поместной избы — отдельными, обыскными и от-

¹⁴² Отписка Петра Ногина Якову Делагарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548.

¹⁴³ Роспись свидетелям Старорусского уезда, которые были взяты для дозора выморочного и новосведенного и отписного хлеба Алексеем Колычевым, Лукою Милославским и Иваном Барановым // RA, NOA. Serie 2:70.

¹⁴⁴ Думается, что такие книги могли бы быть составлены как для Софийских вотчин (впрочем, к 1613 году значительная часть вотчин оказалась недоступна Новгородскому Софийскому дому, так как находилась в Обонежской пятине), так и для крупных владений, например для принадлежавшего кн. И. Н. Большому Одоевскому Славитинского погоста.

писными книгами. Если в 1610—1616 гг. эти книги оставались в Новгородском Поместном приказе, то в более раннее и более позднее время они отправлялись в Поместный приказ в Москве. В отличие от писцовых и дозорных книг, составлявшихся как регулярное описание определенной территории (пятин, половины пятин, определенной категории земель, к примеру дворцовых сел) комиссией из служилых людей и подьячих, обыскные, отдельные и отписные книги составлялись при решении конкретных вопросов о поместном владении, в рамках дела о поместье. После принятия в Новгороде решения о поместной даче, получивший в пятине отдельную грамоту губной староста или неслуживый сын боярский (реже подьячий, недельщик, губной целовальник) должен был взять в понятия священнослужителя и окрестных крестьян, выехать на место отделяемого поместья, проверить верность показаний соискателя поместья¹⁴⁵, провести обыск, отделить искомое поместье и составить отдельные книги. В случае, если по приговору поместье делилось между несколькими соискателями, то отдельщик должен был разделить поместье согласно четвертной норме, указанной в отдельной грамоте и приговоре, причем соотношение жилых и пустых четвертей в частях поместья должно было быть пропорционально номинальному размеру поместной дачи. Именно этот вопрос чаще всего вызывал взаимные претензии соискателей поместий после раздела. Неравный раздел «пустого» и «жилого» после подачи соискателями соответствующей челобитной приводил к указу о переделе поместья. Если размер делимого поместья был выше, чем номинальные размеры поместных дач соискателей, содержащиеся в приговоре и поместной грамоте, то остаток поместья отписывался на государя — составлялись специальные отписные книги.

Впервые на существование этого комплекса документов обратил внимание Д. Я. Самоквасов. Им же были опубликованы достаточно большие фрагменты сборников таких книг из собрания Московского архива Министерства юстиции. Впрочем, публикация Д. Я. Самоквасова, которая до сих пор часто используется исследователями, была совершена выборочно, так как целью публикации было проиллюстрировать мысли ученого о специфике поместного делопроизводства.

¹⁴⁵ На деле верность показаний проверялась лишь в спорных случаях. Как правило, в реальном делопроизводстве этот этап пропускался.

Ценность этого типа источников была подчеркнута Т. И. Осьминским, В. М. Романовским и А. Л. Шапиро в работе 1976 г. и Г. А. Победимовой в 1981 г.¹⁴⁶ В отличие от регулярных описаний пятин, в этих источниках содержится значительно больше биографических сведений: о составе семей помещиков и их судьбах, об отдельшике. Скрепсы священников и подписи дьячков, имена других лиц, участвовавших в составлении и удостоверении книг, также представляют большой интерес. Иногда при описании поместной дачи подробно описывается усадище — большой двор, где жил прежний помещик и где предстояло жить следующему помещику. Впрочем, не стоит переоценивать достоверность этих источников. В ряде случаев можно утверждать, что отдельшики не выезжали на местность, а составляли книги, прежде всего отдельные, на губном стане. Не все территории Новгородской земли были в равной степени безопасны и доступны. Иногда в тексте отдельных книг содержатся прямые указания на то, что отдельщик не поехал на место, потому что там находятся «воровские люди»¹⁴⁷.

В работе современного исследователя М. Ю. Зенченко высказаны плодотворные предположения о формировании комплекса сборников бывшего Вотчинного архива и указано на исключительную ценность этих источников, но главное — поставлен вопрос о необходимости полного описания всего комплекса документов, насчитывающего несколько тысяч книг, объемом в среднем от 1000 до 2000 листов¹⁴⁸. Обыскные книги, входящие в 3-ю опись, упоминая об окладах новгородских служилых людей, дают возможность реконструировать более ранние десяти.

Содержание книги начиналось с преамбулы, где пересказывалось содержание отдельной грамоты — наказа отдельщику: по чьему указу, по чьему наказу, по выписи из писцовых книг за приписью каких дьячков осуществлялся обыск/отдел, какому служилому человеку из

¹⁴⁶ *Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л.* Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // ВИД. Т. 7. Л., 1976; *Победимова Г. А.* Обыскная книга 1573 г. Деревской пятины // ВИД. Т. 12. 1981. С. 47–60.

¹⁴⁷ Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311.

¹⁴⁸ *Зенченко М. Ю.* Сборники писцовых документов в фондах РГАДА: проблемы изучения // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002. С. 127–133.

чьего поместья отделялась новая дача. Далее перечислялись имена понятых. В случае обыска пересказывалась речь понятых, в случае отдела констатировалось, что отдел той или иной дачи осуществлялся при таких-то понятых. Писцами отдельных, обыскных и отписных книг выступали чаще всего местные церковные дьячки, несколько реже — земские дьячки соответствующей половины пятины. Подлинныя обыскные, отдельные и отписные книги на месте скреплялись по нижнему полю священниками, а также, как правило, отдельщиками и отсылались в Новгород, где их скреплял по правому полю дьяк Поместного приказа. Чаще всего в момент подачи отдельных книг в Новгороде на них ставилась помета о том, когда они поступили, и иногда о том, кто подал их в Поместный приказ. В дальнейшем обыскные, отдельные и отписные книги сплетались в тома по пятинам и годам составления и использовались подьячими Поместного приказа для написания справок при возбуждении новых дел о поместьях.

В архиве Новгородской приказной избы сохранилось несколько сотен отдельных и обыскных книг. Большая их часть сплетена в сборники по пятинам и годам обысков и отделов. Некоторое число представляет собой переплетенные тетради (см. приложение 6 к настоящей главе). Огромное большинство этих документов относится к 1611/12–1613/14 гг., когда велась и значительная часть поместных дел. Отличие обысков, отделов и отписок поместных дач в рассматриваемый период от тех, что проводились в предшествующие годы, невелико. Заключается оно в первую очередь в том, что подлинныя книги посылались в 1610–1616 гг. не в Поместный приказ в Москве, а в новгородское учреждение с тем же названием. Разумеется, разнилась и преамбула книг: со второй половины весны 1611 г. книги составлялись не по указу царствующего государя, а по указу «Московского государства бояр», а со второй половины июля 1611 г. — по указу «Новгородского государства бояр и воевод». Кроме того, мною привлечены сборники отдельных книг за 1582–1601 гг., хранящиеся в фонде 1209 РГАДА¹⁴⁹.

Подчас отдельшики поступали недобросовестно. Если отделяемое поместье находилось в двух отдаленных частях Новгородской земли, далеко не всегда можно утверждать, что отдельщик побывал в обеих частях. Поясню примером.

¹⁴⁹ Документы 16942, 16936, 16935, 19933, 16932, 16931, 16960.

После Ливонской войны в 1584 г. поступили в поместную раздачу дворцовые волости Водской и Шелонской пятин: Хрепельская дворцовая волость в Хрепельском погосте, Бельская волость и волость Василия Онаньина в Будковском погосте (все три — Водская пятин) и Прибужская волость в Шелонской пятине, неподалеку от Гдова. Часть помещиков — владельцев этих волостей, к 1614 г. умерла, часть «отъехала» из Новгорода, и на их поместья в обеих пятинах появились претенденты.

Так, в декабре (или чуть ранее) 1612 г. скончался сын боярский Водской пятины Афанасий Васильев сын Неелов, владевший поместьями в Будковском и Прибужском погостах. Бояре и воеводы приговорили дать отцовское поместье сыну Афанасия Неелова, Василию. Грамоту на отдел поместья в Прибужском и Будковском погостах Василию Афанасьеву сыну Неелову получил неслуживый сын боярский Постник Петряшев. В качестве понятого был призван иеромонах Троицкого Верхутина монастыря, расположенного в Будковском погосте, Исайя. 20 декабря 1612 г. был начат и завершен отдел поместья В. А. Неелову; однако несомненно, что в тот же день П. Петряшев не мог успеть съездить в Прибужский погост. Для отдела поместья он явно воспользовался сведениями, вписанными в отдельную грамоту подьячими Поместного приказа в Новгороде¹⁵⁰.

Однако редкие случаи недобросовестности посланных для отдела детей боярских и подьячих не умаляют ценности отдельных и обычных книг как источника. Сопоставление наказа отдельщику/обыщнику с текстом отдела/обыска всегда позволяет сказать, осуществлялась ли процедура с выездом на место или проводилась на губном стане¹⁵¹. Несовпадающая с наказом информация — вот, собственно, наиболее ценное содержание этого рода источников.

Многу использованы также платежные книги рубежа XVI—XVII вв. Платежные книги, составлявшиеся для взимания регулярных или

¹⁵⁰ Обыск неслуживым Водской пятины Постником Петряшевым поместья Афанасья Васильева сына Неелова в Будковском погосте Водской пятины и в Прибужской волости. 1612. 20.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 1–5 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 320).

¹⁵¹ Полагаю, это было понятно и новгородским дьякам начала XVII века, в частности, Андрею Лысцову, скрепившему вышеупомянутые отдельные книги Постника Петряшева.

чрезвычайных платежей с поместных земель, заслуживают того, чтобы несколько подробнее на них остановиться. Эти книги — результат работы губных старост в своих округах над взиманием платежей с поместных (реже — церковных и монастырских) земель. Перед началом работы губным старостам выдавалась роспись поместий по погостам, на основе существовавших писцовых или дозорных книг. Пользуясь этими росписями, губные старосты осуществляли сбор денег, фиксируя уплаченные или не уплаченные суммы. В большинстве случаев, если владелец поместья к моменту сбора денег менялся, в платежных книгах отмечался новый владелец. Самыми ранними из привлеченных мною платежных книг являются книги, составленные около 1585/86 г., то есть через три года после валового описания 1581/82–1582/83 гг. Сохранились и платежные книги денег, собиравшихся в 1601/02 и 1607/08 гг. с поместий служилых людей на прогоны ямским охотникам, а с поместий вдов и недорослей — на стрелецких лошадях. Однако считать, что упомянутый в книге помещик жил и активно действовал в момент составления документа, не приходится. В ряде случаев губные старосты не отмечали в платежных книгах, что у поместья появился новый владелец, а писали имя того владельца, который был указан в их росписи. В таких случаях в качестве владельца поместья мог быть упомянут давно умерший человек¹⁵². Однако не стоит преуменьшать значения платежных книг как источника. К примеру, в книгах 1607/08 г., фрагментами опубликованных Д. Я. Самоквасовым, содержатся упоминания о службе некоторых детей боярских под Тулой (скорее меньшинства из них). Важнейшая

¹⁵² Так, в платежной книге Корельской половины Водской пятины 1607 г. в качестве владельца поместья в Хрепельском погосте упомянут Яков Кобылин (Платежные книги денег на прогоны ямским охотникам Водской пятины Полуужской половины губных старост Ивана Пушкина и Михаила Неелова. 1607, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 84 об.). Известно, что Яков Кобылин скончался уже около 1593 г., оставив бездетной жену Анну (Обыск губного старосты Селиверста Зиновьева в Успенском Хрепельском погосте о крестьянах, живших в поместье Якова Кобылина, по челобитным Ивана Самарина и Ульяны, вдовы Михаила Краснослепова. 1598. 24.10 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 44–47). Более того, его вдова Анна, дочь Андрея Тушина и сестра Петра Андреева Тушина сама скончалась в 1599/1600 г. и ее прожиточное поместье отошло тогда же к З. И. Долгово-Сабурову (Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрёва сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54).

информация платежных книг для данного исследования заключается именно в пометах губных старост о некоторых дополнительных обстоятельствах службы новгородцев, а не в перечне владельцев, взятых при составлении платежниц в других источниках.

Дела о поместьях

Самой многочисленной группой дел архива Новгородской приказной избы являются дела о поместьях. Мне удалось выявить 163 таких дела, самое раннее из которых относится к марту 1591 г., а позднейшее — к июлю 1616 г., семь дел не имеют даты. Надо думать, что верхняя граница здесь не случайна. Видимо, активное делопроизводство по поместным делам в последние месяцы шведской власти в Новгороде прекратилось.

Поместные дела распределяются по хронологическим периодам следующим образом¹⁵³:

1591 — лето 1605	лето 1605 — лето 1606	лето 1606 — лето 1610	лето 1610 — лето 1611	лето 1611 — 1611/12	1612/13	1613/14	1614/15	1615/16	всего
6	2	9	11	26	55	34	11	2	163

Дела о поместьях заслуживают того, чтобы более подробно остановиться на их составе.

Ведение дела Новгородским поместным приказом начиналось после подачи челобитной соискателем поместья. Челобитная адресовалась действующему правительству (до июля 1611 г. тому или другому царю, с июля 1611 г. — Новгородского и Московского государства боярам, с конца 1611 г. — «государю королевичу Карлусу Филиппу

¹⁵³ Дела могли вестись и/или возобновляться в течение месяцев и лет, поэтому приведенная в таблице классификация весьма условна. За дату дела принято время его возбуждения.

Карлусовичу», либо боярам и воеводам «Якову Пунтосовичу Делегарду» (в 1614 г. — «Эвергорну Карлусовичу») и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому). После того как дьяк Поместного приказа помечал на челобитной «записать», она принималась к рассмотрению в Приказе. Поместный приказ запрашивал в Разряде выписку из десяти и дачных книг об окладе служилого человека и справлялся в отдельных книгах о наличном поместье соискателя или отсутствии такового. Рассматривались и аргументы соискателя, почему он претендует на поместье. Это могли быть:

- родство или свойство с прежним владельцем;
- отсутствие поместья у соискателя, его бедность и невозможность прокормиться, либо несоответствие наличного поместья заслуженному окладу, либо невозможность владеть поместьем по причине того, что новгородское правительство не контролирует территории, на которых это поместье расположено (иногда — соседняя пятина, иногда — дальние города Вязьма, Курск и проч.);
- измена прежнего владельца действующему новгородскому правительству.

В простых случаях — при отсутствии прежнего владельца или иных соискателей — поместье присуждалось претендовавшему на него служилому человеку. Важным условием было личное присутствие в суде соискателя поместья или его доверенного лица — и подьячий фиксировал, повторил ли тот «у выписки» то, что написано в челобитной. Далее следовал боярский приговор, скрепленный подписями и печатями, после чего губному старосте или неслуживому сыну боярскому в соответствующей пятине выписывалась грамота об обыске (вероятно, формальном) на месте о справедливости претензий соискателя и, в случае справедливости данных, об отделе соискателю искомого поместья.

Впрочем, простых случаев было немного. Населенных крестьянами поместий почти не было, особенно с 1613/14 г., и борьба за них шла жесткая. Претензии соискателя поместья могли быть оспорены путем подачи челобитной и записи ее в приказе.

Оспаривающий претендент, как правило, указывал:

- свое более близкое родство с прежним владельцем поместья;
- свое более бедственное положение;
- сокрытие первым соискателем у себя поместья;

- наличие у соискателя какого-то поместья и его полное отсутствие у второго соискателя;
- измену первого соискателя.

Разумеется, этим перечнем аргументы не исчерпывались, и большинство случаев было сложнее. Особым образом дело обстояло с выделением прожиточных поместий вдовам. Одинокaя вдова или девка-сирота в 1611–1616 гг. могла претендовать на 50 четвертей поместья мужа или, соответственно, отца. На каждого ребенка, независимо от пола, полагалось еще 50 четвертей, в том случае, если он не служил или вскоре не «поспевал» на службу (в последних случаях за вдовой с таким сыном могли записать мужнино поместье полностью). Часто служба не давала возможности присутствовать на разбирательстве дела. В 1612 г. появилась практика записывать поместья «в пожить»: устанавливалась своеобразная очередь за поместьем. Боярским приговором определялся будущий владелец поместья, который должен был вступить во владение после смерти владельца настоящего. Разумеется, все это порождало множество злоупотреблений, включая фиктивные беременности и браки. Подчас приговор был подписан боярами, отдельная грамота отправлена в пятину, но тамошнее должностное лицо по какой-то причине не отделяло поместья. Если в Новгород не присылались отдельные книги, то новый претендент мог подать челобитную о своей претензии на данное поместье. Все это происходило на фоне непрерывных военных действий и колебания пределов территории, на которую распространялась власть новгородского правительства¹⁵⁴.

Далеко не все дела сохранили полностью свои составные части. Иногда в деле присутствует только челобитная и выписка без приговора, известны отдельные челобитные, подписанные, но, возможно, не рассмотренные, и т. д.

Продолжалось дело о поместье уже в пятине, где составлялись обыски о достоверности челобитной (как правило, формальные),

¹⁵⁴ Надо сказать, что практика приискивания поместий самими помещиками будоражила низменные инстинкты служилых людей не только в Смутное время. Типологически сходная ситуация была описана А. С. Пушкиным в незаконченной повести «Дубровский», главный герой которой, судя по фамилии, также был из псковских или новгородских дворян. Подьячие, приезжающие к Андрею Гавриловичу Дубровскому, именно «отписывают» его поместье; впрочем, они руководствуются Соборным уложением 1649 г., которого в годы Смуты еще не существовало.

осуществлялся отдел поместья соискателю или соискателям. Если наличествовал излишек сверх присужденных приговором поместных дач, он отписывался на государя. Эти процедуры фиксировались в специальных обыскных, отдельных и отписных книгах, о которых было сказано выше. На основании комплексов отдельных и обыскных книг можно с уверенностью говорить о том, что в рассматриваемый период число дел о поместьях существенно превышало 163.

Дела о поместьях — богатый источник информации о разных сторонах жизни новгородского служилого люда. Челобитные, будучи написаны профессиональными писцами, отражают тем не менее накал страстей в городе и рисуют служилого человека в состоянии непрерывного поиска поместной дачи. Справки Разряда и Поместного приказа характеризуют качество приказной работы¹⁵⁵; эти справки обязательно сопровождаются автографом составлявшего их подьячего. «Выписка» — личный расспрос соискателей в приказе — фиксирует если не прямую речь соискателей, то близкий к ней пересказ подьячим. Далеко не всегда выписка соответствовала содержанию челобитной. В делах о поместьях содержится также важная информация о родстве и свойстве служилых людей, числе их браков, количестве детей и проч.

Кроме собственно информации о выполнении поручения тем или иным подьячим, ценным источником являются скрепы, оставленные на поместных делах дьяками и подьячими, записи о сделанных справках, росписи жалованья, заголовки книг и проч. Так, подьячий Константин (Костя) Петров сын Лазарев, начав свою службу еще около 1601/02 г.¹⁵⁶, оставил запись на деле, составленном в 1624 г.¹⁵⁷

¹⁵⁵ Возможно даже на основе анализа дел о поместьях примерно определить фонд архивных документов, каковым пользовались подьячие Поместного приказа и Разряда для определения поместных окладов и наличных дач. Эта задача еще ждет своего решения.

¹⁵⁶ Выписка по челобитной подьячего Петра Лазарева о даче на оброк земли под пашню из порозжих земель Шелонской пятины. 1601/02 // RA, NOA. Serie 2:308. Л. 3–5

¹⁵⁷ Память откупщику волостелина дохода в Ладожском порогe Якову Шипулину о том, чтобы не брать пошлину с новгородского посадского человека Григория Черного, посланного новгородским митрополитом Макарием в Ладожское озеро на Птинов остров для соления 7 бочек рыбы ладоги. 1624, сентябрь после 28 // СПБ.ИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 54.

Книги сбора судной пошлины

Рассматривая выше следственные дела, которые велись в Новгороде в годы Смуты, я привел их сравнительно небольшое число. Полагаю, что значительное количество материалов мелких уголовных и гражданских дел, ведшихся в Новгороде, не сохранилось, а возможно и не сохранялось. Однако характер и номенклатура этих дел достаточно полно отразились в еще одном типе источников — книгах записи о сборе судной пошлины. Таких книг в архиве Новгородской приказной избы сохранилось четыре (см. Приложение 8 к настоящей главе). Н. Б. Безус досконально изучила эти памятники, привлекая сравнительно широкий круг аналогичных источников из актовых книг Новгородского Софийского дома (СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1), в первую очередь опубликованных¹⁵⁸. Судебная тяжба отражается в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксируется дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины. Отмечается также, было ли завершено дело; в случае рассмотрения дел прошлого года это обстоятельство указывается; если истец был освобожден от уплаты пошлины по своей челобитной «для бедности», это также отмечается. Особый интерес этот тип источников представляет и тем, что книги сбора сохранили имена тяжущихся новгородцев, предметы их тяжб, а также имена новгородских судей. Данные книг сбора судной пошлины хранят достаточно яркие биографические подробности. Так, в итоговой записи книги сбора судной пошлины за 1613/14 г. обозначено, что среди других вещей в Судной избе осталась «поличная» шапка «Григория Милославского, что имался у Федора у Лихарева». По поводу оставшихся «поличных» вещей было запрошено правительство. В ответ на запрос из Разряда была прислана память за приписью дьяка Семена Лутохина, «а велено которые поличные залежались прошлых лет и нынешнего 122 году, а истцов тем нет, и то поличное велено, оцени, продавати»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Безус Н. Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы науч.-практ. семинара 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 93–98.

¹⁵⁹ Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 116–117.

Следственные дела

Сравнительно небольшое место в составе архива Новгородской приказной избы занимают собственно судебные дела. Приведу общую классификацию таких дел.

Особой группой являются **дела о государственных преступлениях** (измены, непристойные речи и связь с политическими противниками). Таких дел в архиве чрезвычайно мало. Крупное разбирательство было начато в январе 1613 г. в связи с выявленной контрабандной торговлей крестьян Старорусского уезда с соседними районами Псковской земли¹⁶⁰. Надо сказать, что именно в это время серьезных боевых действий между Новгородом и Псковом не велось, и вполне естественным стремлением местных жителей было наладить нормальные взаимоотношения между близлежащими сельскими территориями. Однако на крестьян поступил извет, в котором, в частности, говорилось, что ведущие торговлю «волостные люди то таят и в городех воеводам и приказным людем не объявлявают, а велено то беречь накрепко, что псковичам товаров никаких продавать не велено, что псковичи с Новгородским государством ныне не соединены...»¹⁶¹. В результате хранившийся в волости товар был конфискован, а уличенные в торговле крестьяне биты кнутом. Характерно, что сельские священники, свидетельствовавшие ложные показания крестьян, первоначально отпиравшихся от обвинений в торговле, наказания не понесли, «потому в роспросе они сказали, что к обыском прикладывали руки оне не ведая, и та вина вся на волосных людех, попы знают церковь Божью, и ведают то, что им скажут, волостные люди правды им не сказали»¹⁶².

Измена Новгородскому государству в 1611–1616 гг., как правило, рассматривалась в рамках поместных или иных имущественных

¹⁶⁰ Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами 13.01.1613 — январь 1615 // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.

¹⁶¹ Там же. Л. 2.

¹⁶² Там же. Л. 54.

споров; в соответствующем месте я вновь вернусь к рассмотрению этого вопроса. Однако массовые отъезды новгородцев начались с середины лета 1613 г. Первый такой отъезд новгородцев — Парфения и Самойла Нарбековых, Утрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского — расследовался в рамках особого дела. Остальные дела этой группы также связаны со взаимоотношениями новгородцев с «изменниками» (два дела), а также с «непристойными речами» новгородских посадских, сказанными по неосторожности или в запальчивости (два дела). К этой же группе примыкают **дела военно-политические** — допросы новгородцев, обладающих информацией о действиях противостоявших Новгороду военных сторон, в первую очередь москвичей (см. приложение).

Более полутора десятков дел относятся к чисто уголовным. Самое раннее из них, случайно сохранившееся в архиве (на его обороте было начато ведение нового дела), касается расхищения церковной казны церкви Троицы в Паозерье, близ Новгорода. Еще одно дело об ограблении новгородской Козмодемьянской церкви было заведено в апреле 1615 г. Примечательно также дело об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами старца Леохнова монастыря близ Старой Руссы. Два дела связаны с «воровством», а точнее — с преступным поведением новгородцев — посадского человека Дениса Сапожника и девки Дуньки, дочери старосты дворцового села Тесова Титка Романова. В августе 1614 г. расследовалось также дело о разгроме крестьянами судна, шедшего вниз по Волхову с большим грузом ржи. Еще одно дело — об ограблении новгородского стада в сентябре 1616 г. — примечательно тем, что судившие его воеводы Сванте Банер и Ганс Бойе (а точнее — готовившие им для суда вопрос подьячие) не могли найти ни законодательного памятника, ни прецедента для установления ответственности виновников и обратились за советом к самым авторитетным новгородцам — кн. И. А. Мещерскому, Г. Н. и М. Ш. Муравьевым и А. Т. Ногину. Остальные дела этой группы не заслуживают отдельного упоминания (см. приложение 2 к настоящей главе). Особой подгруппой здесь я выделил **дела о расхищении и/или присвоении денежной и хлебной казны и иных злоупотреблениях властью должностными лицами**. Сохранилась, вероятно, лишь малая толика дел такого рода из заведенных в Новгороде в 1611–1617 гг.: мне удалось выявить всего четыре таких дела.

Последняя рассматриваемая здесь группа дел — это **дела по известным челобитным новгородских служилых людей** друг на друга. Самое известное из них — следственное дело между дьяками Иваном Тимофеевым и Пятым Григорьевым¹⁶³. К нему было присоединено дело о двух образах, оставшихся после убийства М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. В судебной практике Новгорода того времени это дело стоит особняком, так как касается взаимоотношений в высшем руководстве города.

К этой же группе относится судебный спор двух новгородских подьячих, Третьяка Башмакова и Константина Петрова сына Лазарева в марте 1615 г., в ходе которого выяснилось, что последний, будучи справедливо обвиненным в присвоении государевой ржи, был ограблен на Ивангородской дороге по пути с места службы в Новгород новгородскими детьми боярскими, отъехавшими из Новгорода, но вернувшимися в район своих бывших поместий.

Еще два дела связаны с деятельностью Никиты Матвеевича Зиновьева, воеводы Зарецкого острожка, бывшего сподвижника Лжедмитрия III, присвоившего, видимо, часть казны последнего. В течение 1615–1616 гг. он был дважды обвинен своими недоброжелателями, Федором Одинцовым и Иваном Тырковым, в злоупотреблениях при управлении прилегавшей к Зарецкому острогу территорией. В приложении 2 перечислены все выявленные в архиве следственные дела.

Переписные книги имущества

Еще одной категорией источников этого периода являются оценные и продажные списки имущества умерших и отъехавших из Новгорода лиц, сохранившиеся как в архиве Новгородской приказной избы, так и в других архивохранилищах.

Хронологический перечень таких документов открывается описью имущества несчастного М. И. Татищева, составленной вскоре после его гибели (незадолго до 14 октября 1608 г.¹⁶⁴) и опубликованной в

¹⁶³ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. В архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 454–472.

¹⁶⁴ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

1850 г.¹⁶⁵ Наиболее ярко оценил значение этого источника Ю. В. Татищев¹⁶⁶. Историк ставил себе целью отказаться от идеализированного образа кн. М. В. Скопина-Шуйского в пользу оправдания своего предка. Ему это удалось: отметки о продаже и ином распределении имущества покойного М. И. Татищева говорят о прямой материальной выгоде, которую извлекли бояре кн. М. В. Скопин-Шуйский и кн. А. П. Куракин, равно как и московские дворяне, оказавшиеся в Новгороде со Скопиным. Важно, впрочем, подчеркнуть, что источник — опись имущества убитого М. И. Татищева — доносит информацию и о других покупателях «опального» имущества, новгородских и пусторжевских детях боярских, а также членах Государева Двора, оказавшихся в тот момент в Новгороде. Есть в описи и информация о родственных связях М. И. Татищева, указывающая на тесные взаимоотношения внутри новгородской элиты этого периода Смуты.

Нестабильная ситуация гражданской войны начала XVII в., неясность для огромного большинства людей, насколько легитимна та или иная политическая сила, делали обвинения в измене заурядной чертой эпохи. Это приводило к формированию большого фонда изменничьего имущества — привлекательного объекта для лиц, лояльных действующей власти. Среди «изменничьего» имущества в деловой документации Смутного времени чаще всего встречаются поместья (не буду здесь подробно останавливаться на характеристике поместья как собственности) и хлеб, оставшийся в поместьях от покинувших свои дворы или умерших хозяев. В связи с этим сохранилось множество дел по челобитным служилых людей об изменничьих поместьях. Реже встречаются описания имущества, в этих поместьях содержавшегося.

Рассматриваемый тип источников дает богатую картину нравов новгородцев начала XVII в. Среди покупателей имущества изменников и опальных встречаются представители высших слоев новгородского общества, не гнушающихся «ветчаными» деталями не только из татищевского имущества, но и из «животов» простых детей боярских.

¹⁶⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850.

¹⁶⁶ *Татищев Ю. В.* Деятели Смутного времени. I. Михаил Игнатьевич Татищев // ЛИРО. Год 1. Вып. 1. 1905. С. 44–45.

Важна также роль приставов и оценщиков имущества. Первыми, как правило, выступает пара сын боярский и подьячий, вторыми — посадские люди. При оценке икон в двух случаях упоминаются одни и те же лица, иконники вдовый поп Постник и дьякон Истома¹⁶⁷, служившие, вероятно, своего рода экспертами в иконописи при новгородском правительстве того времени. Ответственность оценщиков, впрочем, была довольно высокой: в случае непроджи имущества по их оценке те должны были выкупить данное имущество за назначенную прежде ими же цену.

Поручные записи

Поручные записи как особый тип источника известны с середины царствования Ивана IV¹⁶⁸. В годы новгородско-шведского политического альянса поручные записи по жителям Новгорода и Новгородской земли составлялись в следующих ситуациях:

- по служилым людям о неотъезде их из Новгорода. Такие записи брались в случае извета, отпуска из тюрьмы или в случае отъезда из Новгорода («измены») кого-то из родственников;
- по приказным людям при приеме на приказную службу. В таких случаях поручителями, как правило, становились другие приказные. К этому же типу поручных записей примыкают поручные по крестьянам, отправляемым на государственные работы, и по ямским охотникам. Особенности комплектования архива таковы, что в составе столбцов 174 и 335 уцелел целый пласт поручных записей, относящихся ко времени до 17 июля 1611 г. Можно считать, что все подьячие, служившие в это время в Новгороде, были связаны друг с другом круговой порукой,

¹⁶⁷ Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова да подьячего Митьки Игнатьева осталось в новгородское взятие после побега Второго Голенищева на его подворье образов, рухляди и съестного запаса, сколько запаса отдано кн. Андрею Шаховскому, а также оценный и продажный список рухляди. 1613, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:292—A. Л. 6; Переписной и оценный список живота Федора Ларионова. 1613. 20.10 // RA, NOA. Serie 2:268.

¹⁶⁸ Ср., напр.: Запись поручная бояр и детей боярских по боярину Ивану Петровичу Яковлю о том, чтобы ему не выезжать из России. 1565 // СГГД. Ч. 1. 1813. № 184. С. 508–513.

фактически каждый подписал поручную запись за каждого. Думается, что эта практика появилась не в Смуту, а еще в XVI в., во время становления приказной службы в Новгороде;

- по крестьянам (чаще всего дворцовым) при выполнении кем-то из них выборной земской должности или повинности или в случае какой-то частной или коллективной провинности. В таких случаях поручителями должны были быть волостные крестьяне.

Военное время наложило свой отпечаток на состав этих документов. Взятые в плен в октябре 1613 г. дворяне из центральных уездов Московского государства также были связаны поручными записями друг на друга. Они тоже сохранились в архиве Новгородской приказной избы.

В формуляр поручной записи включалось имя человека, за которого поручались, имена поручителей, имя подьячего, пристава или название государственного учреждения (как правило, таким учреждением выступала «государева казна», что означало материальную ответственность поручителей), а также собственно предмет поручительства. Поручители определяли, что лицо, по которому они поручались, должно было исполнить ту или иную службу, явиться в означенный день в некое присутственное место или не уезжать из Новгорода. Как правило, на оборотной стороне поручной записи грамотные поручители оставляли «рукоприкладство». В Новгороде поручные записи писались обычно площадными подьячими, в сельской местности — церковными, реже земскими дьячками. Все поручные записи имели конкретную дату составления.

Ценность этой категории источников для рассматриваемой проблематики в том, что они точно фиксируют пребывание всех поручителей в Новгороде, что при известной динамике отъездов и перемещений новгородцев в Смутное время имеет важное биографическое значение.

Приходно-расходные и кормовые книги

Важнейшим элементом ведения хозяйства новгородскими приказами был учет поступающих и расходных средств, что отражалось в приходных и расходных книгах. В 1611–1616 гг. они велись

различными ведомствами Новгорода, а также в пятинах, городах и острожках местными властями — губными старостами и воеводами. Специфической чертой военного времени была необходимость снабжать денежным и хлебным кормом войска как служивших под знаменем шведского короля, так и новгородских служивых людей. В многочисленных случаях утраты кормильца новгородское правительство брало на себя ответственность за минимальное кормовое обеспечение беспоместных вдов и детей убитых служивых людей. В 1612 г. (возможно, и позже) новгородским служивым людям по челобитным выдавалась компенсация за полученные в боях ранения, утрату лошадей и проч.

Наиболее полно сохранилась приходно-расходная документация Новгородского дворцового приказа, как ведшаяся непосредственно в Новгородской дворцовой избе, так и поступающая из дворцовых волостей. Отмечу, что число последних со временем сокращалось, как сокращалась и территория, на которую распространялась власть новгородского правительства. После 1612 г. и вплоть до восстановления Московской власти ничего о дворцовых волостях Осечно и Валдай не известно¹⁶⁹. Видимо, после 1613 г. дворцовый Михайловский погост на Ладожском пороге переходит под непосредственное управление ладожской шведской военной администрации. Всего сохранилось 15 приходно-расходных книг и близких им документов, составленных в Новгородском Дворце (см. приложение 9 к настоящей главе). Из не новгородских учреждений Дворцового приказа лучше всего сохранились приходно-расходные книги по Старой Руссе и Старорусскому уезду (четыре книги), приходно-расходные книги порховских дворцовых сел (три книги). По-видимому, случайно сохранилось две книги из Ямгородских дворцовых сел.

Деньги Дворцового приказа расходовались на самые различные нужды: на содержание государевых ружников и оброчников (в частности, причта Покровской церкви из Каменного города¹⁷⁰, а также расположенной в Каменном же городе церкви св. князя Владимира,

¹⁶⁹ В 1612 г. село Валдай переписывали Иван Никитич Порецкий и подьячий Григорий Собакин (Книги приходные государеву хлебу с дворцовых сел за приписью дьяка Пятого Григорьева. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 2).

¹⁷⁰ Это правило было заведено по меньшей мере в 1607/08 г. (Дело по челобитной соборян Покровской церкви о даче им денежной руги. 1612. 30.01 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 314–317).

прихожанином которой был кн. И. Н. Большой Одоевский¹⁷¹), на чрезвычайные выплаты хлебного жалования служилым людям, как «немецким», так и русским.

Другим крупнейшим учреждением, собиравшим и расходовавшим средства в Новгороде, был Большой приход, ведавший сбором окладных денег с новгородских посадских людей и денег, взимавшихся за отданные на оброк подгородные пустоши, собиравший пошлыны за поданные челобитные, в том числе с поместных дел, а также государев винный погреб. В Большой приход поступали таможенные и судные пошлыны. Особенностью расходования всех этих средств были многочисленные платежи шведским войскам, так называемые «солдатские деньги» (сохранилось восемь книг сбора и расхода таких денег); кроме того, деньги расходовались на ямские прогоны, дачу жалования приказным.

В Большой приход также поступали платежи из пятин и других территорий; именно туда посылали деньги на корм «немецким ратным людям», собранные губными старостами пятин, а также специальными сборщиками, отправленными из Новгорода в удаленные территории, в частности, в Заонежье (пока оно находилось под контролем новгородской администрации, т. е. примерно до лета 1613 г.).

Особой группой приходно-расходных документов являются отписные и расходные книги хлеба из поместий изменников. Таковых в архиве Новгородской приказной избы мною насчитано 12 (см. приложение 9).

Однако со временем сбор доходов с новгородских территорий был постепенно перемещен в города и, вероятно, велся под надзором шведских военачальников крепостей. Эти документы сохранились не целиком и распределяются по отдельным крепостям весьма неравномерно. Достаточно широко представлены приходно-расходные книги Порхова (восемь книг). Отрывок одной книги относится к Орешку. Вероятно, существовали приходные и расходные книги по другим городам — Ладогe, Яму, Тихвину, где стояли шведские гарнизоны, а

¹⁷¹ Ср.: «Генваря в 25 день велено дати по памяти за приписью дьяка Семена Лутохина князевладимирскому попу Селивестру Феофилахтову да дьячку Омелке Кузмину осмину ржи да четь овса для того, что к той церкви приходит боярин и воевода князь Иван Никитич Большой Одоевской» (Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 31).

их обеспечение велось силами новгородских служилых людей и приказных (во всяком случае, существование в 1612–1613 гг. обширного делопроизводства в Ладогe фиксируется источниками¹⁷²); но эти документы не сохранились.

С конца 1611 г. редкая крепостная сеть Новгородской земли была усилена острожками, контролировавшими основные магистрали. Там также стояли шведские гарнизоны, а местные воеводы из новгородских служилых людей обеспечивали их кормами. В острожках также велось делопроизводство. Впрочем, более или менее хорошо сохранился лишь архив Тесовского острожка, «запиравшего» Ивангородскую дорогу (18 документов приходно-расходного характера). По одной приходно-расходной книге происходит из Бельского, Ивнинского, Зарецкого и Устрецкого острожков. Вероятно, велось делопроизводство на других острожках: Винском и Коломенском на Московской дороге, Водосском и Равунском на дорогах из Новгорода к Орешку и Ладогe¹⁷³, но их делопроизводство не сохранилось.

Обеспечение кормами ратных людей велось не только централизованно, новгородской администрацией, но и в чрезвычайном порядке, походными воеводами. До нас дошло делопроизводство полка Никиты Васильевича Вышеславцева, который зимой 1611/12 г. вместе с Эвертом Горном ходил на литовских людей в район Устреки (сохранилось две книги и один фрагмент приходно-расходной документации). Известно, что в ходе других боевых действий на территории Новгородской земли в 1611–1616 гг. документация также велась. В походе Григория Муравьева на Копорье летом 1612 г. участвовал (и был ранен) подьячий Аксентий Данилов¹⁷⁴, а в войске Густава Адольфа, осадившего Псков в 1615 г., находился дьяк Семен Лутохин¹⁷⁵. Однако хозяйственной документации этих походов не сохранилось. К той же группе документов относятся приходные книги кормового сбора с

¹⁷² Подробнее: Селин А. А. Ладогa при московских царях. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 55–58.

¹⁷³ Подробно география острожков 1610–1617 гг. рассмотрена в главе 4 настоящей монографии.

¹⁷⁴ Челобитная боярам и воеводам Митьки Пушина о пожаловании за рану, полученную в бою под Копорьем. 1612. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 66.

¹⁷⁵ Выдельные книги государева ржаного хлеба в Порховских дворцовых селах Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского. 1615, июль // RA, NOA. Serie 1:109. С. 382.

пятин, составленные в ходе движения по дорогам Новгородской земли шведских и перешедших на их сторону литовских войск в 1612 г. (см. приложение 9 к настоящей главе).

Острая нехватка финансовых средств приводила новгородскую администрацию к необходимости чрезвычайных поборов, взимавшихся с наиболее состоятельных жителей города. Мне известны два документа, свидетельствующие о таких поборах. Первый из них был составлен в марте 1613 г. Тогда сбор денег был произведен в объеме 1000 рублей; в качестве плательщиков названы новгородские митрополит и монастыри, новгородский посад, дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят», а также поименно девять представителей администрации и торговых людей (таблица 1). Е. И. Кобзарева рассмотрела этот документ и пришла к нескольким парадоксальным выводам. С одной стороны, исследовательница утверждает, что все перечисленные плательщики относились к «верхушке» новгородского общества, наиболее тесно сотрудничавшей со шведской администрацией, с другой — она согласна с тем, что такой сбор денег с упомянутой «верхушки» «носил принудительный характер, но правительство обратилось к тем, на чью поддержку могло рассчитывать»¹⁷⁶. Полагаю, что поименный перечень плательщиков чрезвычайного побора в марте 1613 г. скорее свидетельствует о своего рода «налоге на богатых», а не о поддержке «окупационной» администрации данными плательщиками.

Второй документ, составленный в 1615/16 г., приводит следующую раскладку чрезвычайного платежа, выплаченного новгородцами «в помощь» к солдатским деньгам с 7 ноября 1615 г. по 30 мая 1616 г. (таблица 1).

Таблица 1

Плательщик:	сумма, уплаченная в марте 1613 г.	сумма, уплаченная в 1615/16 г.
Митрополит и монастыри	350 р.	650 р.
Новгородский посад	350 р.	не упомянут
Дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят»	150 р.	не упомянут

¹⁷⁶ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 345.

Таблица 1 (продолжение)

Плательщик:	сумма, уплаченная в марте 1613 г.	сумма, уплаченная в 1615/16 г.
Тимофей Хахин, переводчик, торговый человек	25 р.	100 р.
Гость Истома Демидов	22 р.	100 р.
Гость Первой Прокофьев	20 р.	100 р.
Ануфрий Вязьметин	15 р.	100 р.
Степан Спячий, митрополичий дьяк	15 р.	100 р.
Богдан Шорин, вяземский купец	15 р.	100 р.
Иван Лутохин, митрополичий приказной	15 р.	50 р.
Дьяк Семен Лутохин	10 р.	100 р.
Василий Зиновьев, митрополичий приказной	10 р.	не упомянут
Дьяк Пятой Григорьев	не упомянут	100 р.
Василий Трусов, новгородский дворянин, судья в 1611/12, 1614/15, в апреле 1616 г.	не упомянут	100 р.
Филимон Вруцкий, новгородский купец	не упомянут	50 р.
Андрей Стеблев, старорушанин, новгородский купец	не упомянут	50 р.
Андрей Васильев	не упомянут	50 р.
Иван Трубицын, рассыльщик из посадских людей	не упомянут	50 р.
Дмитрий Вязьметин	не упомянут	30 р.
Пономарь Климентовской церкви на Иворове улице	не упомянут	30 р.
Семен, дьячок Дмитриевской церкви на Славкове улице	не упомянут	20 р.
Третьяк Якушкин, вяземский дворянин, новгородский судья в 1613/14 г.	не упомянут	50 р.
Томило, священник Знаменского монастыря	не упомянут	50 р.
Всего	1000 р.	1980 р.

Источники: Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 1613. 20.03 // RA, NOA / Serie 2:140. Л. 1 об.; Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:357. Л. 15–16.

Замечу, что круг лиц, плативших чрезвычайный платеж, серьезно расширен, да и сами платежи сильно увеличены. Полагаю, нет смысла искать в данном документе следов особой поддержки перечисленными лицами шведской администрации. Подобные же чрезвычайные платежи по раскладке взимались в Московском государстве в более поздние кризисные эпохи. Когда в годы Смоленской войны собирали хлеб для отправки в войско, то по разметному списку больше всех должны были заплатить в казну Томило Луговской, Федор Лихачев, Иван Грамотин — чрезвычайно богатые дьяки¹⁷⁷.

Информационные возможности приходно-расходных книг для данного исследования велики¹⁷⁸. Обилие имен подьячих, посылаемых в пятины и привозящих деньги и хлеб в Новгород, отметки о командировании новгородских служилых людей в дальние острожки и погосты — такой информацией данный тип документов изобилует. Чрезвычайно интересен анализ персонального состава получателей денег и в первую очередь хлеба из изменничьих поместий или из государевых житниц: среди них, к примеру, матери и жены служивших в сентябре 1613 г. под Тихвином татар¹⁷⁹. О расходных книгах государева винного погреба и сборнике челобитных о выдаче вина я писал в другой своей работе¹⁸⁰.

Ужинные и умолотные книги

Пополнение государственных житниц, в первую очередь за счет поставок хлеба из дворцовых сел и волостей, было одной из самых ответственных задач новгородского правительства. Сбор хлеба фиксировался в ужинных и умолотных книгах, засев хлеба — в книгах за-

¹⁷⁷ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 249.

¹⁷⁸ На большую информационную ценность расходных книг при исследовании провинциального управления Московского государства указал в своей недавней работе Г. П. Енин: *Енин Г. П.* Расходные книги как источник по истории управления и самоуправления в XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы науч.-практ. семинара 25–27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 66–93.

¹⁷⁹ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–11.

¹⁸⁰ Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // *Palaeoslavica*. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

севных. В Новгороде начала XVII в. эти процедуры производились и оформлялись следующим образом.

В дворцовую волость назначались сын боярский и подьячий. Сын боярский мог быть назначен специально для жатвы (молотьбы, засева), а мог к этому времени быть приказчиком волости или губным старостой. После жатвы фиксировалось, сколько с какого земельного участка собиралось четвертей отдельно ржи, пшеницы и овса, а также категории хлеба: добрый, средний, худой. По каждой культуре и по каждой категории качества отбирались опытные образцы зерна и в присутствии понятых происходил опытный обмолот. При этом определяли, сколько четвертей какого сыпучего зерна можно получить с засеянного и ужатого участка посевной площади. На основании этого составлялась смета, сколько какого зерна и какого качества должна была дать дворцовая волость. Каждая ужинная и умолотная книга скреплялась по нижнему полю священником (или священниками) дворцовой волости и ужинщиком; по правому полю ужинных и умолотных книг ставилась скрепа дьяка Дворцового приказа.

Такая сложная система с привлечением большого числа свидетелей тем не менее не исключала злоупотребления или, возможно, просто некомпетентную приказную работу. Многие дети боярские, назначенные «к умолоту» или «к засеvu», не были настолько знакомы с сельским хозяйством, чтобы проконтролировать искушенных волостных крестьян. Участки высокой урожайности записывались как низкоурожайные, а для опыта по «доброму» хлебу брался хлеб «средний» или «худой».

Новгородское правительство нашло единственный путь борьбы с такими злоупотреблениями: использовать взаимную неприязнь детей боярских и поощрять их доносы друг на друга. По таким доносам возбуждались следствия. Так, осенью 1613 г. по доносу бывшего приказчика дворцового села Тесова Григория Микулина, отстраненного от должности за злоупотребления, было назначено следствие о ложном опытном умолоте сменившего его на посту приказчика Ивана Порецкого¹⁸¹. 21 марта следующего 1614 г. бояре и воеводы приговорили «села Тесова прикащика Ивана Порецкого, да целовалников

¹⁸¹ Список со следственного дела о ложном опытном умолоте с. Тесова приказчика Ивана Порецкого по челобитью бывшего приказчика Григорья Микулина, проведенного Иваном Барановым (без начала и конца). 28 октября — 19 ноября 1613 // RA, NOA. Serie 2:244. Л. 1 об.—2 об.; 4 об.—9 об.

Иванка Четвертцу, да Михалка Пердухина бити кнутом, да в приказе в Тесове тому Ивану Порецкому быти не велели»¹⁸². Неясно, имели ли в действительности место злоупотребления или Порецкий оказался жертвой крестьянской недобросовестности. Отметим, что Порецкий, несмотря на битье кнутом, в дальнейшем назначался на такую же службу, будучи к тому времени одним из самых пожилых служилых людей Новгорода¹⁸³.

Кроме дворцовых сел такие процедуры проводились также в описанных на государя поместьях изменников, куда назначались особые служилые люди и подьячие. Ужинные и умолотные книги в этих поместьях относятся в основном к 1614–1615 гг. Кроме того, ужин и умолот производился Новгородским Дворцом и в тех землях, которые давались крестьянам и помещикам на оброк, как правило из пятого снопа. Всего в архиве Новгородской приказной избы сохранилось 17 ужинных, умолотных и засевных книг (приложение 10 к настоящей главе). Значительная их часть относится к дворцовым селам Тесово и Королево. Книги несут информацию о службе служилых людей и приказных и о той конкретной полевой работе, которую им приходилось исполнять в условиях непрекращавшейся гражданской войны.

Кабальные книги

Обширную информацию о новгородских служилых людях содержат кабальные книги, один из наиболее исследованных и хорошо опубликованных в XX столетии вид источников. При этом самые ранние

¹⁸² Список доводного хлеба села Тесова, что доводил Григорей Микулин на выделщиков Никиту Обольянинова, приказчика Ивана Порецкого и на целовальников. 1613. 25.10 // RA, NOA. Serie 2: 78.

¹⁸³ Он начал свою службу, видимо, еще около 1569/70 г. В апреле 1613 г. он в своей челобитной боярам и воеводам так описывал свою службу: «...служил, государи, я, Иванко, государю всякие государевы службы сорок четыре годы, всякие службы зимние и летние и временные выборные да в Великом Новгороде у городского приказу был семь лет, а нынеча, государи, волочьсь бес поместьейца меж двор, поместийца нет, ни загому от литовских людей и от воровских, обезвичен». (Дело по челобитной Ивана Порецкого о пожаловании ему поместья на прожиток после 44 лет службы с внуками. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:157–В).

сохранившиеся кабальные книги относятся именно к интересующему нас времени. Значительная часть имен владельцев, записывавших за себя холопов на рубеже XVI–XVII вв., встречается и в документах эпохи Смуты. Специфика новгородских кабальных книг заключается в том, что в годы голода начала XVII столетия, дабы удержать зависимых людей за своим родом, новгородцы часто записывали их не за взрослыми членами семьи, а за детьми, подчас малолетними. Таким образом, в кабальных книгах, особенно в книгах, составленных около 1603 г., упомянуты люди, которым в 1611–1617 гг. было между 16 и 30 годами.

Эти источники, равно как и кабальные записи более раннего времени, имеют особую ценность для реконструкции родственных отношений внутри новгородского дворянства. Мною привлечены в основном опубликованные источники — книга записи крепостей дьяком Дмитрием Алябьевым¹⁸⁴ и новгородские кабальные книги, опубликованные А. И. Яковлевым¹⁸⁵. Часть крепостных записей была позднее воспроизведена в III томе Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. Подробную источниковедческую и историко-географическую характеристику см.: *Панеях В. М.* Записные книги старых крепостей конца XVI в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. 1963. С. 346–363.

¹⁸⁵ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938.

¹⁸⁶ Запись о полной Василия Романова Секиры Косицкого на Бориса Еремеева. Ок. 1450–70-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 393а. С. 412. (= РИБ. Т. 17. № 527); Запись о полной Есипа Пущи Васильева сына Олоповского на паробка Федорца Тихонкова сына. 1462–80 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 398. С. 415; Запись о полной Александра Михайловича Кобылина на Окулика Иванова сына з женой. Ок. 1460–90-х гг. // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 399. С. 415–416; Запись о полной Микулы Александровича на Филиска с женой и сыном. Ок. 1460–90-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 401. С. 417; Запись о докладной Ушака Елизарьева сына Хвостова на паробка Онаньшу Захаркова сына Новгородца, давшегося ему в холопы по своей невесте-девочке рабе Ефросиньце Емельяновой дочери. Ок. 1470–90-х // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 410. С. 422; Запись о данной Шаврука Микитина сына Муравьева дочери своей Парасковье на девку Оксиньцу Иванову дочь Барашову. 1585. 5.11 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 415. С. 424 (в публикации ошибочно датирована 1485 г., верно: 1585);

В архиве Новгородской приказной избы сохранилось две кабальные книги. Они опубликованы в 1982 г. Хагар Сундберг. Обе книги относятся к заключительному периоду Новгородского государственного образования — 1614/15 и 1615/16 гг. Этой же исследовательницей дана исчерпывающая источниковедческая характеристика данных документов¹⁸⁷. На этом можно было бы и остановиться, если бы не то внимание, какое кабальные книги вызывают у исследователей повседневной жизни Новгорода в последнее время. В первую очередь я имею в виду многочисленные работы Е. И. Кобзаревой. По наблюдениям исследовательницы, на излете «шведской оккупации» новгородские помещики, обеднев, оказываются не в состоянии записывать за себя холопов, зато их интенсивно записывают за себя бюрократы и приказные управленцы¹⁸⁸. Такое наблюдение Е. И. Кобзаревой было принято мной на веру и повторено в некоторых публикациях. Однако проверка показала, что дело обстояло значительно сложнее.

По материалам публикации Х. Сундберг составлена следующая таблица:

Запись о полной Ивана Пестрого Васильева сына Хомутова на Клима Аввакумова сына, купленного в полницу с доклада Костромскому наместнику. Ок. 1485–1495 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 416. С. 424; Запись о полной Федора Иванова сына Скобельцына на Михайла Гридина сына Нерадова. 1490. 5.05 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 418а. С. 425–426; Запись о докладной Константина Борисова сына Кушелева на Дениса Андреева сына Попова, продавшегося ему на ключ в сельцо Луг. 1494. 27.03 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 428. С. 430–431; Запись в докладной Ивана Долгого Хвостова на Василья Ескина, давшегося ему на ключ и по ключу в холопы. 1507. 6.06 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 452. С. 442; Запись о полной Ивана Андреева сына Воронина на Зиновия Степанова сына с женой Марьей Ивановой дочерью, купленных для господина его человеком Филиппом Гридиным сыном. 1508. 11.02 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 454. С. 442–443; Запись о докладной кн. Ивана Мышецкого на новгородца, давшегося на ключ в сельцо Соколово, а по ключу в холопы. 1508. 22.03 // АСЭИ. Т. 3. 1964. № 455. С. 443.

¹⁸⁷ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies. Vol. 14). Stockholm, 1982.

¹⁸⁸ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

Таблица 2

Имя владельца	Дата записи	Количество записей
бояре		
кн. Никита Иванович Одоевской	12.09.1614, 20.09.1614, 9.11.1614, 16.11.1615, 10.03.1616 (трижды), 2.05.1616, 22.05.1616 (дважды)	10
кн. Иван Иванович Одоевской	9.11.1614, 27.12.1614, 30.06.1615, 16.11.1615 (трижды), 10.03.1616 (дважды), 18.03.1616	9
княгиня Агафья, вдова кн. И. Н. Оболенского	10.03.1616, 23.05.1616 (видимо, примерно в это время умер кн. И. И. Одоевской)	2
приказная бюрократия		
дьяк Пятой Григорьев	11.09.1614, 10.11.1615 (четырежды)	5
дьяк Семен Михайлович Лутохин	23.07.1615, 29.12.1615 (дважды), 21.06.1616 (трижды)	6
подьячий Григорий Дмитриев Собакин	23.11.1615 (четырежды), 30.12.1615 (дважды), 20.04.1616, 22.05.1616, 26.05.1616 (трижды)	11
Федор Иванов Витовтов, старорусский пољячий	8.10.1614	1
подьячий Третьяк Никитин	3.11.1614	1
подьячий Ждан Ермолин Молеванов	9.11.1614	1
подьячий Третьяк Степанов Посадников	22.12.1614, 3.07.1615	2
подьячий Василий Федоров Частый	12.02.1615, 22.03.1615, 8.07.1615, 18.01.1616, 18.04.1616 (дважды)	6
подьячий Дмитрий Игнатъев	15.02.1615, 13.10.1615, 22.01.1616	3
подьячий Семен Кондратьев Шустов	28.02.1615	1
подьячий Казарин Петров Башмаков	14.03.1615	1
Мокей Васильев Брянцов	28.03.1615	1

Таблица 2 (продолжение)

Имя владельца	Дата записи	Количество записей
подьячий Постник Яковлев Раков	29.10.1615	1
Тороп Беляковский	3.11.1615	1
подьячий Логин Перфирьев	6.12.1615	1
толмач Богдан Иванов	22.12.1615 (дважды)	2
старорусский рассыльщик Василий Минин Коломенский	21.01.1616	1
подьячий Емельян Елизаров	7.02.1616	1
подьячий Невер Севастьянов Игнатъев	21.03.1616	1
подьячий Иван Прокофьев	27.05.1616	1
подьячий Иван Пахомов Немков	3.07.1616	1
дворяне		
Никита Васильевич Вышеславцев	25.09.1614	1
Яков Никитин Вышеславцев	7.11.1615 (дважды)	2
Богдан Никитин Вышеславцев	8.11.1615	1
вдова Мария Дементьева, жена Степана Вышеславцева	28.01.1616	1
Григорий Степанов Оболянинов	13.06.1616	1
Григорий Григорьев Оболянинов	26.11.1614, 17.12.1614, 1.02.1616, 16.06.1616	4
Богдан Григорьев Оболянинов	22.12.1614	1
Андрей Григорьев Оболянинов	9.07.1615, 18.06.1616	2
Федор Григорьев Оболянинов	21.06.1616	1
Василий Иванов Оболянинов	1.11.1615	1
Воин Иванов Оболянинов	23.02.1616	1
Михаил Иванов Оболянинов	7.07.1616	1
Тихомир Герасимов Муравьев	7.06.1615, 22.06.1615	2
Петр Герасимов Муравьев	9.09.1615	1
Семен Федоров Муравьев	3.12.1615	1
Матвей Шавруков Муравьев	6.12.1615, 18.02.1616, 13.04.1616	3

Таблица 2 (продолжение)

Имя владельца	Дата записи	Количество записей
Лука Иванов Милославский	8.07.1616	1
Давыд Лукин Милославский	23.04.1616	1
Михаил Старков Неелов	12.01.1615	1
Андрей Иванов Неелов	23.01.1615, 22.06.1615 (дважды)	3
Семен Иванов Калитин	30.01.1615 (дважды), 31.01.1615	3
Никита Иванов Калитин	12.03.1615, 13.03.1615	2
Петр Андреев Ногин	16.10.1614	1
кн. Никифор Яковлевич Мещерский	29.11.1614, 8.08.1615, 14.01.1616 (трижды), 22.01.1615 (трижды), 20.02.1616, 15.04.1616, 26.04.1616	11
Настасья, дочь Афанасия Еремеева, жена Богдана Тушина	2.12.1614	1
кн. Гаврило Иванов Нарымов	16.12.1614	1
кн. Иван Васильевич Кропоткин	4.02.1615 (дважды)	2
Нечай Федоров Ошивкин	19.02.1615	1
Иван Алексеев Суслов	19.03.1615, 4.05.1615	2
Остафий Васильев Зиновьев	4.04.1615	1
Акулина, дочь Третьяка Семеновича Якушкина	3.06.1615	1
Мурат Алексеев Пересветов	20.06.1615, 22.03.1616 (дважды), 28.06.1616, 3.07.1616	5
Мария, жена Тимофея Тыртова	20.06.1615	1
Иван Захарьев Баранов	24.06.1615	1
Никита Матвеев Зиновьев	13.12.1615 (дважды), 18.12.1615 (девки), 7.02.1616 (девка), 26.02.1616 (парень и девка)	5
Семен Григорьев Бахтин	14.12.1615	1
Никита Михайлов Клементьев	26.02.1616	1

Таблица 2 (окончание)

Имя владельца	Дата записи	Количество записей
кн. Первой Богданов Кудашев	4.04.1616	1
Василий Федоров Бутурлин	7.07.1616	1
софийские дворяне и служители		
Иван Захарьев Лутохин	26.06.1615 (дважды), 22.02.1616	3
Василий Леонтьев Зиновьев	14.11.1615, 8.06.1616	2
софийский протодьякон Никита Васильев	20.12.1615	1
новокрещены		
новокрещен Андрей Аисин	4.09.1614	1
новокрещен Денис Евгостеев	22.09.1615, 6.11.1615, 6.01.1616 (дважды)	4
новокрещен Иван Муралеев	20.01.1616, 11.05.1616	2
новокрещен Гаврило Ак-Кобяков	16.04.1616 (трижды)	3
Семен Андреев, татарин	10.05.1616	1
посадские и крестьяне		
Андрей Иванов Харламов	2.11.1614	1
купец Богдан Григорьев Шорин	3.12.1615, 9.12.1615, 30.03.1616	3
Кирилко Федоров Мыльник	16.12.1615, 18.12.1615, 1.01.1616 (трижды), 8.01.1615	6
митрополичий крестьянин Самуйло Григорьев Серебряник	12.01.1616	1
Томило Михайлов Пристальцов	20.02.1616	1

Источники: 1) Новгородские кабальные книги за приписью дьяка Семена Лутохина. 1614/15 г. Записывал дьяк Семен Лутохин // RA, NOA. Serie 1:65; 2) Кабальные книги за приписью дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1: 107. Опубликовано: Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies. Vol. 14). Stockholm, 1982.

Как явствует из приведенной таблицы, приоритет именно приказной верхушки в записи за себя холопов не столь очевиден, сколь это показалось Е. И. Кобзаревой. Более всего записей в рассматриваемый период (1 сентября 1614 г. — 31 августа 1616 г.) было сделано родственниками новгородского воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского. Не стоит здесь, впрочем, делать вывод об их материальном превосходстве над остальным новгородским обществом. На протяжении рассматриваемого периода скончался сам кн. И. Н. Большой Одоевский, позднее умер один из его сыновей, кн. И. И. Одоевской (видимо, около 23 мая 1616 г.), и родственники спешно оформляли за себя людей, живших за прежними владельцами, как «по записи», так и без оной.

Среди приказных деятелей количеством записанных холопов выделяется подьячий Г. Д. Собакин, в руки которого в 1615 г. перешло руководство Новгородским дворцовым приказом. С осени этого года его припись стоит на значительном числе хозяйственных документов. Дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, виднейшие руководители города в рассматриваемый период, также среди тех, кто активно записывал за себя людей. Но это известно и без привлечения кабальных книг: к 1 августа 1614 г., по челобитной дьяка С. Лутохина, в его «домишке» жило 40 человек¹⁸⁹. Остальные подьячие (за исключением, быть может, В. Частого) зарегистрировали сравнительно немного записей о холопстве.

Примечательна картина с записями за себя холопов дворянами и детьми боярскими. Новгородский материал 1614–1616 гг. дает ту же картину, что и записные кабальные книги начала XVII в.: среди владельцев холопов много детей. Примечательна здесь семья Оболяниновых. Григорий Степанович Оболянинов, начавший службу на рубеже XVI и XVII вв., записал в рассматриваемый период за себя лишь единожды. Однако его дети — Григорий (будущий стрелецкий сотник) — четырежды, Борис — однажды, Андрей — дважды и Федор — однажды. Кроме того, по разу записали за себя холопов его племянники Михаил, Воин и Василий. Заметны среди холоповладельцев и другие дворянские семьи — Муравьевых, Милославских, Калитиных.

¹⁸⁹ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жалованья. 1614. 1.08 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

Не хотелось бы возвращаться к политической оценке записи за себя холопов служилыми людьми. Связи между доступом к кормилу власти в Новгороде, формальным или неформальным, и возможностью (или потребностью?) записывать за себя холопов не прослеживается, несмотря на утверждение Е. И. Кобзаревой обратного. Если следовать логике исследователя, то противники Густава Адольфа должны были быть устранены от возможности записывать холопов за себя. Однако именно они — кн. Никифор Яковлевич Мещерский и Матвей Шавруков Муравьев, традиционно рассматриваемые как деятельные сторонники Москвы, среди тех, кто записал в этот период наибольшее число холопов. Таким образом, нельзя сказать, что упоминание того или иного лица в кабальных книгах как холоповладельца показывает некий уровень обеспеченности служилого человека¹⁹⁰. На рубеже XVI—XVII вв. холопами владело громадное большинство новгородского дворянства, и владение холопом не было свидетельством какого-либо социального или имущественного статуса.

Познавательные возможности кабальных книг заключаются, по моему представлению, не в столь упрощенной схеме: богатый/небогатый или близкий/далекий к власти. Одна из таких возможностей может заключаться в попытке оценить личность некоторых владельцев холопов с иной стороны: с чем, к примеру, было связано обилие девок-холопок у Н. М. Зиновьева, сравнительно молодого дворянина, — с потребностями в хозяйстве или со слатолобием?

Таможенные книги

Таможенные книги — одна из самых хорошо изученных категорий документов Новгородской приказной избы. Начиная с 1990-х гг. было осуществлено четыре публикации новгородских таможенных книг 1611–1618 гг.¹⁹¹ Надо сказать, что для моего исследования значение

¹⁹⁰ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 340.

¹⁹¹ 1) Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Подг. Г. М. Коваленко, В. М. Варенцов. СПб., 1996; 2) Новгородские таможенные книги 1614/5 гг. / Подг. Г. М. Коваленко // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 384–466; 3) Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье /

таможенных книг невелико. Среди участников торговых операций в Новгороде 1611–1616 гг. практически не известны представители служилого сословия. Несколько больше информации таможенные книги дают о деятельности новгородских бюрократов того времени, как назначавшихся к таможенной службе, так и участников торговли. В зоне деятельности новгородского правительства находилось три таможи: в самом Новгороде, в Невском устье, где строился город Ниен, и на Повенце¹⁹². На всех трех таможах делопроизводство вели новгородские подьячие¹⁹³. Есть, впрочем, сведения о функционировании в 1616 г. таможенной избы в Ивангороде¹⁹⁴. Документов оттуда не происходит; полагаю, ивангородская таможня в то время подчинялась непосредственно шведской администрации и делопроизводство велось шведскими приказными людьми на шведском языке.

Подг. Г. М. Коваленко // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 466–474 (отдельное издание: Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье / Подг. Г. М. Коваленко. Вел. Новгород, 1998; 4) Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475–482. Неопубликована только таможенная книга Повенецкого ярда: Таможенные книги Повенецкого ярда. 1612. 20.06 // RA, NOA. Serie 1:47.

¹⁹² Повенец с осени 1613 г. стал недоступен для новгородского правительства, а назначенный туда на службу после мая 1613 г. подьячий Богдан Михайлов так и не вернулся в Новгород (*Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 20–21).*

¹⁹³ Ивана Пахомова сына Немкова вернее называть не новгородцем, а ореховцем, так как он происходил из ореховских земцев. Он вел таможенные книги Невского устья в течение 8 месяцев (с апреля по декабрь) 1616 г.: «подьячий Иван Немков, жил в Канцах на восемь месяцев, збирал государеву таможенную пошлину, взял государевы казны государевых денег на еству и на питье по два рубли на месяц, да Иван же взял по грамоте Монше Мартыновича две бочки ржи» (*Cuitentsier ors Befallings Gollen för anno 1613, 1614, 1615, 1616 ors 1617 // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskaper. F. 425).* В качестве подьячего (или писца) Иван Немков известен с 1597 г., когда он 21 февраля сделал кабальную запись за Романа Макарьева Шуклинского (Кабала, поданная Романом Макарьевым сыном Шуклинского. 1597. 25.12 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 35. Ст. 12–13).

¹⁹⁴ Известен голова ивангородской таможенной избы Алексей Бабин (Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 479).

Купчие записи на недвижимость

Купчие записи на недвижимость в Новгороде — также давно опубликованный и хорошо исследованный источник. Первые публикации купчих 1611–1616 гг., хранившихся по какой-то причине среди актовых книг Новгородского софийского дома, были сделаны еще при подготовке императорской Археографической комиссией 2-го и 3-го томов «Актов относящихся до юридического быта»¹⁹⁵. Часть этих документов осталась неопубликованной¹⁹⁶. Все купчие грамоты архива Новгородской приказной избы, хранящиеся в Государственном архиве Швеции, опубликованы Ингигерд Нордландер в 1987 г.¹⁹⁷ Эта публикация за-

¹⁹⁵ 1) Купчая рассылщика Поместной избы Юрья Лутовинина Марфе Никифоровой дочери на келью в Росткином девичьем монастыре. 1612. 9.09 // АЮБ. Т. 2. № 148. I. Ст. 385; 2) Купчая запись кн. Ф. И. Кропоткина Невфедью Афанасьеву сыну прозвище Богдану Корелянину на двор с хоромами, дворовой и огородной землей на Нутной улице. 1613. 17.02 // АЮБ. Т. 2. № 148. VII. Стб. 389; 3) Купчая на дом. 1613. 1.03 // АЮБ. Т. 2. № 148. VIII. Ст. 390–391; 4) Купчая Дмитриевского дьячка из Торгу Ермолы Федорова сына Чеховского и Емельяна Степанова сына подъячому Василию Частому на церковный двор с хоромами на Конской Горке. 1613. 10.04 // АЮБ. Т. 2. № 148. XI. Ст. 393; 5) Купчая на дом. 1613. 9.06 // АЮБ. Т. 2. № 148. XIV. Ст. 396–397; 6) Купчая на лавочное место. 1612. 17.09 // АЮБ. Т. 2. № 149. II. Ст. 436–437; 7) Разменная запись Дмитриевского дьякона из Торгу Дмитрия Матвеева сына подъячому Василию Федорову сыну Частому на дворовое место на Малой Лубянке взамен места, которым поступил Частый Матвееву. 1613. 21.04 // АЮБ. Т. 3. № 265. I. Ст. 1; 8) Разменная память подъячего Василя Частого Дмитриевскому дьячку из Торгу Ермолу Федорову сыну с племянником на пустое дворовое место на Лубянице улице. 1613. 27.05 // АЮБ. Т. 3. № 265. II. Ст. 1.

¹⁹⁶ СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 25. Ср. описание этой книги Б. Д. Грековым: *Греков Б. Д.* Описание актовых книг XVI–XVII вв., хранящихся в архиве императорской Археографической комиссии. Пг., 1916. С. 61–67: «По полям скрепа дьяка Семена Лутохина. На л. 1 надписи "Книги купчие и питейные 121-го году" и "Anno 1621, in diesem Buche seint die gekouffte vndt vorkouffte Neuser vorschreiben vndt aufgezeichnet"». Приобретена в Швеции С. В. Соловьевым».

¹⁹⁷ *Nordlander I.* Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // *Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies.* № 18. Stockholm, 1987.

служила всеобщее признание исследователей и активно используется для решения самых разных задач. Новгородские купчие на дворовые места 1580–1590-х гг. были опубликованы К. В. Барановым¹⁹⁸.

В работе Г. Е. Дубровина и Н. Н. Фараджевой комплекс этих документов был использован для реконструкции застройки Коржевой и Славковой улиц Новгорода¹⁹⁹. Сильной стороной работы исследователей является реализованная попытка реконструкции городских усадеб как совокупности отдельных построек, перечисляемых в документах. Для большей точности и убедительности реконструкций Дубровин и Фараджева привлекли весь известный комплекс источников, как писцовые книги Новгорода, так и акты. Однако попытку ученых сделать биографические наблюдения следует признать неудачной. Для этих наблюдений ими были использованы лишь писцовые книги 1580-х гг. и купчие записи. Это все же не весь комплекс документов (даже из опубликованных), который требуется для биографических реконструкций.

Книги конской покупки

Особый интерес представляют сохранившиеся в архиве две книги покупки лошадей²⁰⁰. Одна из них впервые была подробно рассмотрена в статье Хагар Сундберг²⁰¹. Шведскую исследовательницу прежде всего интересовала терминология, связанная с обозначением масти лошадей, однако в ее статье дается исчерпывающая информация об этом источнике. В книге было зафиксировано 445 контрактов на покупку лошадей. По подсчетам Х. Сундберг, цены на лошадей варьировались

¹⁹⁸ Записная книга купчих, закладных и меновных на дворы в Великом Новгороде. 1590/91 // *Великий Новгород во второй половине XVI века / Сост. К. В. Баранов.* СПб., 2001.

¹⁹⁹ *Дубровин Г. Е., Фараджева Н. Н.* Сведения о населении и усадьбах Славковой и Коржевой улиц по актам передачи недвижимости конца XVI — начала XVII вв. // *НИС.* Вып. 10 (20). С. 176–194.

²⁰⁰ 1) Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141; 2) Книги конской покупки. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:137. С. 97–141 (страницы перепутаны).

²⁰¹ *Sundberg H.* Horse-trading contracts in early seventeenth-century Novgorod. Colour adjectives and other vocabulary in horse description // *Scando-Slavica.* Vol. 31. 1985. P. 153–167.

от 20/22 алтын до 6—9 рублей, но самая частая цена на лошадь составляла 2 рубля. Среди проданных/купленных лошадей 295 мерин, 27 жеребцов, 2 коня, 2 лошади, 108 кобыл, 13 жеребьев. У лошадей обозначался цвет холки, 101 лошадь имела пятна / отметины, звезды на лбу. Описывался также хвост, другие приметы, иногда зубы.

Х. Сундберг и вслед за ней Л. Нордквист и Э. Лёфstrand датируют этот памятник временем не позднее 1615 г., когда из Новгорода уехал Дм. Бестужев. Однако более важным датирующим основанием является здесь упоминание о вотчине Троице-Сергиева монастыря²⁰², которая была отписана во Дворец к июлю 1612 г.²⁰³ Следовательно, книга относится ко времени более раннему. Кроме того, в ней упомянут как покупатель гнедого жеребца Василий Левшин, взятый в плен под Гдовом в 1612/13 г.²⁰⁴ В то же время, в ней упомянуты как погибшие в 1613 г. под Тихвином новокрещен Макар Семенов²⁰⁵ и Семен Федоров сын Палицын²⁰⁶, равно как и человек умершего летом 1613 г. дьяка Андрея Лысцова²⁰⁷. Таким образом, книгу следует датировать 1611/12 г.

В обеих книгах (вторая — serie 1:117, значительно меньшая по объему) содержится примечательная информация о новгородцах, покупавших и продававших лошадей в 1611—1613 гг. Примечательно, что среди участников сделок по купле-продаже лошадей в 1611/12 гг.

²⁰² Книги конской покупки. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 61.

²⁰³ Память приказчику Пересвету Тараканову о наряде крестьян косить сено на приезд королевича Карла Филиппа. 1612. 23.07 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 524—525.

²⁰⁴ Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5.

²⁰⁵ Книги конской покупки. 1611/12 ... С. 125. О его гибели: Челобитная вдовы новокрещена Мартьяна (Мартына) Семенова Авдотьи о даче жалованья. 1613 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 13 об.

²⁰⁶ Книги конской покупки. 1611/12 ... С. 169. О его гибели: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 2. С. 60 и далее.

²⁰⁷ Книги конской покупки. 1611/12 ... С. 173. После смерти дьяка Лысцова, последовавшей между 13 апреля и 3 июля 1613 г., упоминаются только «бывшие» его люди, ср.: 26 июля 1613 г. на вдове Андрея Лысцова Анне бывший человек Андрея Лысцова Степанко Михайлов искал за «собинную свою кобылку» 2 рубля, за корову 3 рубля, за приказного мерина рубль, а отец Анны, Иван Кузминский, искал на Степанке встречно за свою дочь 7 рублей, а Степанко Михайлов искал встречно на Аннине крестьянке на Оксеньицы 150 локтей гоги (*так!*), цена 3 рубля (Книги судного двора 121 г. // RA, NOA. Serie 1:64. С. 111—112).

я насчитал 19 представителей духовного чина (священников, дьячков, пономарей, монастырских старцев, из них четверо продали и пятнадцать — купили лошадей) и 13 детей боярских (из них шесть продавцов и семь покупателей, причем один — митрополичий сын боярский Иван Лутохин выступает в обоих качествах), а также двух подьячих — покупателей.

Ямские книги

Еще один комплекс документов касается обустройства дорог от Ивангорода до Новгорода и от Новгорода до Москвы накануне визита в Москву датского королевича Иоганна в 1602 г. Эти документы были изучены, подготовлены к печати²⁰⁸ и частично изданы²⁰⁹ в начале XX в. И. Я. Гурляндом. Они также содержат ценную биографическую информацию о назначении новгородских дворян и подьячих в 1602—1603 гг. на службу для сбора кормов, ставки питья, досмотра за состоянием дорог вдоль всей трассы следования принца.

Актовые книги Новгородского Софийского дома

Акты Новгородского Софийского дома, описанные в начале XX в. Б. Д. Грековым, содержат обильную информацию о службе софийских дворян, подьячих и приказных людей середины XVI — конца XVII в. Надо заметить, что именно здесь содержится уникальная информация о софийских дворянах в годы Смутного времени²¹⁰. Особо следует сказать о трех книгах записи поместных грамот новгородских владык, выданных архиепископами и митрополитами новгородскими в XVI—XVII вв. (некоторые из них опубликованы в Актах исторических в XIX в.). В архиве Новгородской приказной избы материалов, связанных с Новгородским Софийским домом, практически нет. В то же время на основании софийских актов книг можно судить о том, что в 1611—1616 гг. поместные грамоты продолжали выдаваться. По сути дела, эти актовые книги содержат уникальную информацию о жизни

²⁰⁸ Ямские дела // СПБ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27.

²⁰⁹ Дела Тайного приказа. Т. 2 // РИБ. Т. 22. СПб., 1908.

²¹⁰ СПБ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63, 64, 74.

софийских служащих в годы Смуты. Эти данные корреспондируют с дозорами 1612 г. восточной части Обонежской пятины, где располагалось значительное число поместий софийских детей боярских. Примечательно, что в хронологии софийских поместных грамот наблюдается серьезная лакуна: практически ничего не известно о каких-то поместных дачах в период 1611–1617 гг. Отцы — софийские дети боярские получали поместные грамоты в 1603 г., их дети — на те же поместья — в середине 1620-х. Если в трех сборниках содержится всего 371 поместная грамота (за период с марта 1552 по март 1654 г), то к рассматриваемому хронологическому промежутку относится всего 13 (при том, что всего при митрополите Исидоре в 1603–1619 гг. была выдана или подтверждена 101 грамота). Большинство софийских помещиков как бы исчезает на годы. Так, Василий Владимиров сын Боровитинов, потомок владычного ясельничего середины XVI в. и дед известного новгородского дьяка конца XVII в., 31 июля 1600 г. вместе с братом Данилом получил грамоту на поместье в Пиркинском погосте²¹¹. Следующее упоминание о Василии Боровитинове относится только к декабрю 1619 г. — тогда он вновь получает грамоту на поместье в том же Пиркинском погосте²¹².

Другие источники

В архиве Новгородской приказной избы содержатся также выписки из следственных дел, отрывки из частных писем, памяти служилым людям, разные приказные росписи и проч. Ранее в отдельной работе я рассмотрел сборник челобитных 1610/11 г. на получение вина и т. д.²¹³ Кроме вышеописанных комплексов документов и категорий источников я также привлекаю публикации документов Разрядного

²¹¹ Жалованная грамота Варлаама, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук своим детям боярским Василию и Данилу Володимировым детям Боровитиновым на поместье в Рождественском Пиркинском погосте Обонежской пятины. 1600. 31.07 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 64.

²¹² Отметка о пожаловании в декабре 1619 г. митрополитом Исидором своего сына боярского Василия Владимировича сына Боровитинова поместьем в Рождественском Пиркинском погосте. 1619, декабрь // СПБИИ. Кол. 2. Д. 64. Л. 13 об.

²¹³ Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

приказа, осуществленные А. Поповым в 1890 г. (касаются преимущественно противостояния Новгорода и Тихвина в 1613–1614 гг.)²¹⁴. Любопытный документ об обмене пленными близ Славкович, между занятым шведами Порховом и уже московским Псковом, был обнаружен в начале XX в. в собрании рукописей Киевской духовной академии (документ 703)²¹⁵.

В канун 300-летия царствования дома Романовых отечественные источниковеды, среди которых были А. М. Гневушев, Н. П. Лихачев, Л. М. Сухотин предприняли масштабную серию публикаций документов начала XVII века под общим названием «Смутное время Московского государства». Часть этих документов была рассмотрена мной выше; часть (к примеру, подготовленные А. М. Гневушевым акты времени правления Василия Шуйского) также использована для получения биографических сведений о новгородцах, служивших в Кореле и Орешке в 1607–1608 гг. К этому изданию примыкают документы Печатного приказа, также изданные Л. М. Сухотиным²¹⁶.

В последние годы сотрудники РГАДА предприняли беспрецедентную публикацию документов, касающихся служилых землевладельцев Московского государства XVI — начала XVII в. Часть этих документов затрагивает новгородскую и псковскую служилые корпорации²¹⁷.

Особая группа документов содержится еще в одном фондохранилище в Государственном архиве Швеции. Это материалы коллекции Baltiska fogderäkenskaper («Балтийские писцовые книги») — части Kammararkivet. Коллекция Baltiska Fogderäkenskaper сложилась из полевой документации, ведшейся в городах северо-запада Новгородской, севера Псковской земель и Прибалтики в конце XVI — начале XVII в. Дела в коллекции сгруппированы в тома соответственно городам (из русских городов — Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург/Орешек, Гдов, отдельно Ямской уезд, также Ниен и Нарва). В свою

²¹⁴ Акты Московского государства. М., 1890. Т. 1.

²¹⁵ Лебедев А. Рукописное собрание Киевской духовной академии // Труды ПАО. Вып. 8. Псков, 1913. С. 207–208.

²¹⁶ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) / Под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915.

²¹⁷ Баранов К. В. Новые документы из истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI — начала XVII века. № 36 // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999.

очередь в томах дела сгруппированы по характеру документов мантальные переписи (материалы ежегодного регулярного кадастра)²¹⁸ и «квитанции» — повседневная финансовая документация. В этой коллекции (в томах 415–425) собраны документы периодов, когда юридический статус прибалтийских территорий не был ясен — 1582–1589 и 1611–1617 гг. После 1619 г., по всей вероятности, началась более интенсивная интеграция бывших новгородских пригородов в Шведское королевство, и происходившее оттуда делопроизводство оседало, по всей видимости, в других архивных фондах. Большинство документов составлено на шведском языке. Однако сохранились и русскоязычные документы. Подробный обзор этих документов и частичная публикация их осуществлена мной в недавней статье²¹⁹; одному из них — таможенной книге Невского устья 1616 и 1618 гг. — посвящена отдельная работа²²⁰.

Значительная часть документов составлена на двух языках: шведские тексты мантальных росписей и кормовых книг скрепляются «рукоприкладствами» русских священников. Появление таких текстов было совершенно необходимо в условиях сосуществования двух культур и двух традиций делопроизводства. Так, к примеру, среди квитанций, происходящих из Ивангорода 1615–1616 гг., мне встретились приписки:

«К сей кормовой памяти в толмачево Васильево место У нико-ску²²¹ в семи бочках без полуосмины хлеба подьячей Семен Будынской²²² руку приложил»; также «Подьячей Семен Будынской взял из

²¹⁸ Еще в середине XIX в. эти документы стали известны отечественным архивистам: *Jordebocker öfver Ingermanland*. Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1862. Т. 1, часть 2. С. VI.

²¹⁹ Селин А. А. Балтийские писцовые книги — часть Каммар-архива в Государственном архиве Швеции // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 437–449.

²²⁰ Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475–482.

²²¹ Так в рукописи.

²²² Прозвище подьячего «Будынский», вероятно, связано с его происхождением из села Будино Озерского погоста Копорского уезда, где в XVI в. была построена церковь Воскресения Христова (Отрывок писцовой книги Водской пятины письма кн. П. Оболенского и И. Зюзина. 1568 // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Боярские и городские книги. Д. 1—а. Л. 316). Ныне это д. Будино Волосовского района Ленинградской области. Других сведений о подьячем Семене Будынском я не нашел.

казны пол-8 бочки хлеба у Петра». Последняя квитанция содержит также подпись «Федор Аминев»²²³, принадлежавшую, несомненно, русскому воеводе Ивангорода и родоначальнику шведского дворянского рода Федору Григорьевичу Аминеву. В другом томе 1616 г., также связанном с Ивангородом, шведская расписка об уплате денег сопровождается русской подписью:

«127-го мая числа в 23 день по сей отписи заплачено денег кузнецу самопальному десеть ефимков двадцать копеек». В том же томе, среди других квитанций: «Яз, Афонасей, голова кабацкой, взял на кабак королевской солоду 20 бочек да хмелю 3 пудка, а имано во 121-м году»; также в двух местах: «Подьячей Семен Будынской взял из казны 7 бочек без полосмины»; «125-го году марта в 15 день взял ивангородской подьячей Семен Будынской у прикащика у Дениса за прошлой 121 год по боярскому приказу денег восемь рублей»²²⁴.

Несколько расписок из Яма, Ивангорода и Копорья называют не только посадских людей, но и дворян, оставшихся на службе у шведского короля. Кроме известных Исаея и Федора Аминева здесь встречаются Семен Абрамов, Василий и Григорий Хорошевы, Борис Тыртов. Самые поздние документы коллекции также связаны с Ивангородом и относятся уже к концу 1620-х гг. Это расписки о получении жалования «столбовым дьячком» Ивангорода в 1627 и 1628 гг.

Важнейшие, на мой взгляд документы связаны с Орешком/Нотебургом и уездом. Мантальные книги за 1615²²⁵, 1616²²⁶ и 1618²²⁷ гг. сохранили имена православных священников Егорьевского Лопского, Куйвошского, Корбосельского, Ижерского и Дудоровского погостов. Они скрепляли, вполне в традициях московского делопроизводства, мантальные росписи погостов и деревень. Наиболее

²²³ *Jannis Smits. Räkenskap för Ivangorod. 1615–1616* // RA, Kammararkivet. fogderäkenskap. F. 415. № 11 (без пагинации).

²²⁴ *Jannis Smits. Räkenskap för Ivangorod. 1616* // RA, Kammararkivet. Baltiska Baltiska fogderäkenskap. F. 415. № 12 (без пагинации).

²²⁵ *Knut Ericksons Räkenskap för ovbörd och utgift midh Nötheborgs Befestnings för Katersaksurg anno 1615* // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskap. F. 424.

²²⁶ *Knut Ericksons Räkenskap för ovbörd och utgift midh Nötheborgs Befestnings för anno 1616* // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskap. F. 424.

²²⁷ *Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03 — 1618. 28.02* // RA, Kammararkivet. Baltiska fogderäkenskap. F. 424.

интересен документ, также созданный на двух языках, фиксирующий количество посадских людей в Орешке на 1 мая 1618 г.²²⁸

Специфический источник по истории новгородского и псковского дворянства Смутного времени — это надгробные надписи Псково-Печерского монастыря, опубликованные И. Плешановой. Они содержат подчас уникальную информацию о конце жизненного пути многих деятелей Смутной эпохи — гдовского воеводы Парфения Обухова, отца и сына Андрея и Петра Ногиных, других представителей служилого сословия. Впервые для исследования персонального состава городского дворянства эти источники были привлечены В. А. Аракчеевым²²⁹.

* * *

Тривиальной является мысль о том, что значительная часть источников, бывших в распоряжении у приказных деятелей рассматриваемой эпохи, безвозвратно утрачена. Известны даже названия многих из этих документов, случайно или сознательно уничтоженных в последующее время. К примеру, совершенно точно в текущем делопроизводстве Новгородского разряда существовали естные и нетные списки явок служилых людей на службу²³⁰ (о подобном сохранившемся корпусе документов начала XVII в. упоминалось выше в связи с визитом датского королевича Ганса 1602 г.). Ссылки на эти документы отразились в поместных делах, в документации новгородского разряда, в переписке воевод. В главе о службе новгородцев в

---

²²⁸ Опубликовано: Селин А. А. Балтийские писцовые книги...

²²⁹ Аракчеев В. А. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.

²³⁰ В деле по челобитной Г. А. Рясницына о поместье, поданной в марте 1613 г., упомянуто о нетном списке, присланном из Старой Руссы в Новгород 14 марта 1613 г., в котором указан один из его конкурентов и родственников Сергей Сидоров Дириин (Дело по челобитной Григорья Андреева сына Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30–46). Замечу, что при рассмотрении этого дела вообще было использовано достаточно много уникальных документов (ср. выше о новгородской десятне 1583/84 г.). Характерно, что в деле о поместье по другой его челобитной использованы нетные и естные списки, присланные из Устрецкого стана после смотра 25 марта 1612 г. (Дело по челобитной о поместье Григорья Андреева сына Рясницына. 1612 // RA, NOA. Serie 2:127).

качестве приложения фигурируют такие списки, составленные мной на основе этих упоминаний: это ни в коем случае не реконструкция нетных и естных списков (где, к примеру, указывался оклад служилого человека), но именно аккумуляция информации о них. Это утверждение можно распространить также и на составленные мной списки губных старост, стрелецких голов и сотников и проч. Известные аутентичные тексты такого рода — это использованные в XVII в. документы-материалы для местнических споров, часто лишенные дат и с трудом поддающиеся проверке.

Приложения

Приложение 1. Перечень дел архива Новгородской приказной избы, хранящихся в РГИА

1. Отписка новгородских воевод в Старую Руссу о даче жалованья 65 стрельцам приказа Ивана Шипилова. 1611/12 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 2.
2. Челобитная Максима Мусина о сборе в половине Григория Морозова Деревской пятины косцов и лошадей для кошения сена на государевых ратных людей. 1611/12 (?) // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 3.
3. Челобитная Петра Ногина о назначении к нему двух рассыльщиков для выделения и молочения государева четвертного хлеба в Старорусском уезде. 1613, между 29.09 и 9.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 4.
4. Память старостам Оштинских погостов о даче кормов сборщику Нехорошему Вельяшеву. 1612. 27.11 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 5.
5. Челобитная кн. Тимофея Шаховского, Федора Бестужева и Андрея Неелова о препятствиях в сборе хлеба с изменничьих поместий в Корельской половине Водской пятины и в Обонежской пятине. 1614, август // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 6.
6. Челобитная воеводам Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому от Ивана Мунзорина о сборе хлеба немецким ратным людям с погостов Деревской пятины. 1611 // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 7.
7. Челобитная Григория Муравьева о затруднении в сборе хлеба для немецких людей в округе Тесовского острожка. 1611/1612, март // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 8.
8. Челобитная Григория Муравьева Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, оказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1611/1612, март // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.
9. Отписка новгородских воевод и дьяков Ф. М. <Муравьеву> о сборе кормов и вина для немецких ратных людей. 1612, после октября // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 10.

Приложение 2. Перечень следственных дел

Дела о государственных преступлениях (измены, непристойные речи и несанкционированная связь с политическими противниками)

1. Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13.01 — 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1—70.
2. Дело об отъезде из Новгорода Парфения и Самойла Нарбековых, Угрима и Богдана Лупандиных и кн. Юрия Мещерского.
  - 2.1. Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1—3.
  - 2.2. Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 4—7.
  - 2.3. Допросные речи в доме кн. Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 8.
3. Сыск по изветной челобитной посадского человека Петрушки Шатая о бегстве из Новгорода Никиты Оболянинова с семьей. 1613. 21.10 // RA, NOA. Serie 2: 248.
4. Допросные речи (без начала) новгородских старост о том, что говорили Степан Дедышев, Максим Мухин и сын Пантелея Рыбника по поводу уплаты с лавок солдатских денег. Ок. 1614 г. // RA, NOA. Serie 2:198, 2 л.
5. Дело по челобитной Г. Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б. Ададунова и Б. Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.
6. Сыскное дело о непристойных речах Сенки Квасника с Федоровы улицы. 1615. 3.04, 14.05 // RA, NOA. Serie 2:35.

Дела военно-политические

1. Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30.09 // RA, NOA. Serie 2:39. Л. 1, 4.
2. Допросные речи побывавших в стане у Сунбулова // RA, NOA. Serie 2:167. Опубликовано: Турилов А. А. «Мелочи новгородской жизни» начала XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1 (1). С. 119–122²³¹.

Дела об уголовных преступлениях

1. Отрывок из судебного дела о хищении казны Троицкой церкви из Пазерья. (без начала) // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 27 об.–30 об.
2. Дело о воровстве Дениса Сапожника:
  - 2.1. Обыск на Лубянице в Егорьевской трети о воровстве Дениса сапожника. 1612. 24.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 1.
  - 2.2 Обыск на Нутной улице о воровстве Дениса сапожника. 1612. 26.07 // RA, NOA. Serie 2:177. Л. 3.
3. Дело о недовозе целовальником Федькой Тимофеевым 4 четвертей овса. 1613. 12.09 // RA, NOA. Serie 2:62. Л. 54–55.
4. Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатьева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15–19.06 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 6–9 об.
5. Отрывок из судебного дела у дьяка Пятого Григорьева по поводу некоего Якуша (зачеркнуто, следовательно до сентября 1614) // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 22 об., 24 об.
6. Дело об ограблении шведского судна с рожью на р. Волхов:
  - 6.1. Дело по челобитной Андрея Неелова на митрополичьих крестьян Черницкой волости и помещичьих крестьян Горчака Ханыкова, Семена Лутохина и Солецкого дьячка об ограблении немецкого судна с рожью. 1616, август // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 17–18.
  - 6.2. Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках. 1614, август–сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 1–2.

²³¹ В публикации А. А. Турилова указан неверный архивный номер дела RA, NOA. Serie 2:16 (верно: serie 2:167).

7. Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника. 1614. 11–15.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 10–11.
8. Обыск Н. Я. Тыркова о воровстве Дуньки, дочери Титка Романова. 1614. 27.12 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 99.
9. Судное дело о лошади между крестьянином Клопского монастыря д. Наволока Иваном Нечевым и крестьянином с. Королева д. Быкова Юшкой Трофимовым перед Пятым Григорьевым. 1615. 4.01 // RA, NOA. Serie 2:282.
- 10.1. Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 39.
- 10.2. Челобитная крестьянина Пятого Григорьева Сеньки Микифорова о даче пристава на поличное. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 112.
- 10.3. Челобитная крестьян д. Дураково Петровского погоста Старорусского уезда Сеньки Никифорова и Осейки Степанова о возвращении имущества, конфискованного у них вместе с поличным животом казачки Офимьи. 1615 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 119.
11. Допросные речи Ларионка Игнатьева перед дьяком Пятым Григорьевым об имеющейся у него золотой и серебряной казне. 1615. 3.02 // RA, NOA. Serie 2:85. Л. 5.
12. Дело об ограблении церкви Козьмы и Демьяна в Новгороде. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:31.
13. Судное дело между крестьянами Водской пятины о лошадях. 1615, апрель–май // RA, NOA. Serie 2:211.
14. Судное дело каменщика Худяка Потапова с крестьянином с. Королева Мелехом Онаниным в лошади перед дьяком П. Григорьевым. 1615. 2–4.05 // RA, NOA. Serie 2:287.
15. Судное дело крестьянина Семена Муравьева Наума Петрова о ржи, привезенной из Ивангорода в Тесово. 1616. 21.06 // RA, NOA. Serie 2:140. Л. 3.
16. Судное дело о серебряном деле (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 52 об.
17. Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 52.
18. Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 — 11.10 // RA, NOA. Serie 2:165.

19. Обыск рассыльщика Ивана Трубицы по приказу подьячего Григорья Собакина о великом воровстве на дворе пана Остафья на Рогатице улице. 1616. 21.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 105.

20. Дело об ограблении женки Г. С. Оболянинова монахами Троицкого Зверинского монастыря с Ивангородской дороги. Опубликовано: Селин А. А., Магола А. А. Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 79–115.

20.1. Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря. 1617 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 115.

20.2. Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Дионисия. 1617. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 106.

*В том числе дела о присвоении
государственной хлебной и денежной казны
и злоупотреблениях властью*

21. Дело о злоупотреблении приказчика Ивана Порецкого и крестьян Тесовской волости при учете государева хлеба. 1613 октября 25 — 1614 марта 21.

21.1. Список доводного хлеба села Тесова, что доводил Григорей Микулин на выдельщиков Никиту Оболянинова, приказчика Ивана Порецкого и на целовальников. 1613. 25.10 // RA, NOA. Serie 2:78.

21.2. Список со следственного дела о ложном опытном умолоте с Тесова приказчика Ивана Порецкого по челобитью бывшего приказчика Григорья Микулина, проведенного Иваном Барановым (без начала и конца). 28 октября — 19 ноября 1613 // RA, NOA. Serie 2:244. Л. 1 об.—2 об.; 4 об.—9 об.

22. Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 33–35.

23. Допросные речи Григория Оболянинова и Михаила Неелова о сборе изменничьего хлеба в округе Зарецкого острога Дмитрием Тырковым. 1615. 11.03 // RA, NOA. Serie 2:249.

24. Отрывок из следственного дела по поводу сбора хлебных и денежных кормов в Зарецкий острожек из Дремяцкого погоста. 1615 // RA, NOA. Serie 2:250.

Дела по изветным челобитным

1. Дело между дьяками Пятым Григорьевым и Иваном Тимофеевым. Опубликовано: Черепнин Л. В. Новые документы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // ИА. № 4. 1960. С. 162–177.

1.1. Дело о двух образах, оставшихся после М. И. Татищева у софийского протопопа Амоса Иванова. 1611, апрель // RA, NOA. Serie 2:202.

1.2. Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

1.3. Список с судного дела дьяков Ивана Тимофеева и Пятого Григорьева // RA, NOA. Serie 2:247.

2.1. Дело по изветной челобитной Поместного приказа подьячего Третьяка Башмакова на подьячего Константина Петрова. 1615. 3.01 — март // RA, NOA. Serie 2:204.

2.2. Приговор о взыскании 30 рублей с подьячего Константина Петрова. 1615. 7.03 // RA, NOA. Serie 2:331.

3.1. Дело по извету Ивана Тыркова на Никиту Зиновьева о том, кто возил сено с государевых пустошей Порзниц и Новой Веси Дягиденского погоста. 1615, апрель— май // RA, NOA. Serie 2:197.

3.2. Отрывок из судного дела между Никитой Зиновьевым и Иваном Тырковым. Без начала // RA, NOA. Serie 2:251, 1 лист в десть.

4.1. Дело между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым о несправедном занятии последним изменничьего поместья Василия Шамшева. 1616, август // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 1 об.—5 об., 6–11.

4.2. Выпись из судного дела между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым. 1616, август // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 4 об., 5 об., 6 об., 7.

**Приложение 3. Перечень дел
по челобитным о поместьях**

1. Дело по челобитью царю Федору Ивановичу Водской пятины Третьяка Григорьева Картмазова о поместье. 1591. 12.03 // RA, NOA. Serie 2:143. Л. 1–8.

2. Дело по челобитью царю Федору Ивановичу детей боярских Водской пятины Давыда Семенова и Федора Степанова Оболяниновых. 1591, май // RA, NOA. Serie 2:143. Л. 9–18.

3. Дело по челобитной о прожиточном поместье Василисы, вдовы Ша-рапа Глотова. 1592. 25.01 // RA, NOA. Serie 2:2.

4. Дело по челобитью Григория Васильева Тулубьева и Федора Рясни-цына. 1593. 27.06 — ноябрь // RA, NOA. Serie 2:136.

5. Дело о поместье Андрея Иванова Нащокина в Дубровенском и Опоцком погостах Шелонской пятины. 1593. 25.08–1594/5 // RA, NOA. Serie 2:187.

6. Дело по челобитной Водской пятины Конана Яковлева Офремова царю Борису Федоровичу о поместной пустоши Остров во Вдицком по-госте. 1604 (?) // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 1–5.

7. Дело по челобитной о поместье Истома Логинава Вепрюшкина. 1605 (?) // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 1–3.

8. Грамота новгородского воеводы М. П. Катырева–Ростовского и дья-ков Василия Аладьина и Ефима Телепнева по указу царя Дмитрия Ивано-вича в Водскую пятину об отделе поместья Семену Андрееву сыну Кобы-лина по его челобитной. 1606, февраль // RA, NOA. Serie 2:106.

9. Дело по челобитной о поместье Михаила Петрова Аничкова. 1607, декабрь // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 1–5.

10. Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентия Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

11. Дело по челобитной Никиты Оболянинова и Федора Скрыплева об обмене поместьями. 1608. 22.02 — 1612, май // RA, NOA. Serie 2:7. Л. 1–15.

12. Ввозная грамота на поместье Деревской пятины Никиты Оболя-нинова и Федора Скрыплева (без начала) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 59–59 об.

13. Дело о поместье Богдана Волкова-Курицына и его детей. 1609. 13.10 — 1612. 28.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 1–21, 25–34, 39–47, 35–38.

14. Дело по челобитной Шелонской пятины Дружины Федорова Зве-рева о поместье (без окончания). Ок. 1610 // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 1–3.

15. Дело по челобитной о поместье Никиты Солецкого. 1610 // RA, NOA. Serie 2:234.

16. Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Ку-ракину, М. Б. Боборыкину и дьяку Ивану Тимофееву по челобитной дво-

рян Водской пятины Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степа-нова Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.

17. Дело о поместье Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степа-нова Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142. Л. 3–11.

18. Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05 — 1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237.

19. Дело об обмене поместьями между Иваном Краснослеповым и Ва-силием Левшиным. 1610. 30.05 — 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2: 83.

20. Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева Мусина, Богдана Первого Мусина, Семена Матвеева Арцыбашева. 1610. 15.11 — январь 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.

21. Дело по челобитью Воина Григорьева Стромилова Деревской пяти-ны о поместье. 1610. 16.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 23–24, 22, 51.

22. Дело по челобитной о поместье Степана Юрьева Редрова. 1611, ян-варь // RA, NOA. Serie 2:4.

23. Дело о поместье вдовы Елены Матвеевой дочери, жены Ильи Пле-щеева. 1611, весна–1613. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 47–57, 117, 58–61, 110–111.

24. Отрывок из дела по отделу поместья Тимофею Степанову с. Пар-ского в Богородицком Бельском погосте Деревской пятины. 1611, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 113–115.

25. Дело по челобитью о поместье Водской пятины Дмитрия Иванова Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138.

26. Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132.

27. Грамота воевод Одоевского и Бутурлина по челобитью о поместье Деревской пятины Мосея Бурмина Завалишина. 1611. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 6–7.

28. Дело по челобитной о поместье Богдана Игнатьева Линева. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:5.

29. Дело по челобитной о поместье Ивана Большого и Ивана Мень-шого Даниловых Розладиных Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:15.

30. Дело по челобитной о поместье Михаила Томилова Нармацкого 1611. 9.06. — 17.05.1612 // RA, NOA. Serie 2:195.

31. Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08—1612. 14.07// RA, NOA. Serie 2:193—А.

31.1. Дело о спорном поместье Д. И. Чортова (продолжение) 18.12.1612.// RA, NOA. Serie 2:193—В. Л. 1—7.

32. Дело по челобитью Деревской пятины вдовы Федота Ватазина Авдотьи и Ивана Матвеева Ватазина (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:13. Л. 1—3.

33. Челобитная Якова Михайловича Боборыкина о поместье вдовы Перфирия Арцыбашева. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 4.

34. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Иванова Пестрикова. 1611. 29.10—1612, январь // RA, NOA. Serie 2:205.

35. Дело по челобитной Шелонской пятины Кирила Матвеева Скунщикова о даче ему ввозной грамоты на пожалованное ранее поместье Ивана Чихачева. 1611. 30.10 // RA, NOA. Serie 2:312.

36. Дело по челобитной Петра Лихарева и Ивана Негодяева о пожаловании им поместья Андрея Палицына. 1611, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:217.

37. Дело об отписном хлебе по челобитью Семена Палицына и об отдаче поместья А. Ф. Палицына Петру Нармацкому. Декабрь 1611 — март 1612 // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 28—37.

38. Дело по челобитной Деревской пятины Федора Третьякова Хвостова о поместье. 1611, 28.12 — 1612, январь // RA, NOA. Serie 2: 305.

39. Дело по челобитью о поместье Григорья Андреева сына Рясницына. 1612 // RA, NOA. Serie 2:127, л 1—6.

40. Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина (без окончания). 1612—1613, март // RA, NOA. Serie 2:185.

41. Дело по челобитью Федора Семенова Харламова о поместье. 1612. 16.01—1613. 13.01 // RA, NOA. Serie 2:80.

42. Дело по челобитью Ивана Негодяева о поместье. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:112. Л. 12—18.

43. Ввозная послушная грамота на прожиточное поместье вдове Ивана Дементьева Анне с детьми во Влажинском, Устьянском и в Борковском погостах Деревской пятины. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:218.

44. Дело по челобитью о поместье Петра Осипова сына Аничкова. 1612, март—апрель // RA, NOA. Serie 2:117.

45. Дело по челобитной о поместье Дружины Семенова Аничкова. 1612. 31.03—22.04 // RA, NOA. Serie 2:313.

45.5. Дело по челобитной о поместье Дружины Семенова Аничкова (без начала и окончания) // RA, NOA. Serie 2:314. Л. 1—3.

46. Спорное дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Богдана Андреева Мусина и Максима Первого Мусина. 1612. 14.04.—29.06 // RA, NOA. Serie 2:296.

47. Дело об обмене поместьями между Бежецкой пятины Гостем и Иваном Никифоровыми детьми Коковцова с Водской пятины кн. Иваном Федоровым Мышецким. 1612. 29.05—3.06 // RA, NOA. Serie 2:133.

48. Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:8.

49. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины новика Афанасия Васильева Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:81.

50. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Никиты Оболянинова. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:97.

51. Дело по челобитной Акулины, вдовы Четвертого Веревкина о прожиточном поместье. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 10—14, 23

52. Дело о поместье Пополита Романова Бабкина (без начала). 1612. 18.06—20.08 // RA, NOA. Serie 2:112. Л. 1—11.

53. Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль — 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18. Опубликовано: Селин А. А. К истории Невского устья в Смутное время // Приневье до Петербурга. СПб, 2006. С. 94—98.

54. Челобитная вдовы старорусского рассыльщика Федора Корповского Агафьи о пожаловании ее чем-нибудь из поместья ее мужа, убитого на государевой службе. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 64.

55. Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Прасковьи, жены Лариона Тулубьева. 1612, август // RA, NOA. Serie 2:226.

55.1. Отдельная грамота на прожиточное поместье Водской пятины вдове Парасковье, жене Лариона Тулубьева (без начала). 1615. 22.06 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 7.

56. Дело о прожиточном поместье вдовы княгини Пелагеи, вдовы кн. Ивана Кропоткина с сыном кн. Федором. 1612, август — сентябрь // RA, NOA. Serie 2:149.

57. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:65.

58. Отрывок из дела по челобитью о поместье кн. Василия Петровича Кропоткина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:131. Л. 8 об.—10 об.

59. Челобитная Водской пятины Богдана Васильева сына Левшина о дозволении ему служить с отцовского поместья. 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 5.
60. Дело по челобитью о поместье Семена Копосова Гулидова. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:114.
61. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Федора Семенова Воропанова. 1612, сентябрь — октябрь // RA, NOA. Serie 2:320.
62. Челобитная Шелонской пятины Ивана Чортовского о поместье и решение по ней. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 6, 9—10.
63. Дело по челобитной о поместье Бежецкой пятины Матвея Степанова Зиновьева. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:101—А.
64. Дело по челобитью о поместье Обонежской пятины Богдана Федорова Забелина. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:135
65. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Михаила Андреева Обуткова. 1612, октябрь — 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:9.
66. Дело по челобитью о выделении части поместья в вотчину сыну боярскому Бежецкой пятины Артемию Пуляеву. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 11—27.
67. Дело по челобитным о поместье вдовы Изота Ротиславского Анны и Семена Филиппова Сьянова. 1612 (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:102—А.
68. Отрывок дела по челобитью вдовы Изота Ротиславского Анны, Прохора Александрова Обухова и Семена Филиппова Сьянова о поместье Изота Ротиславского. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:127. Л. 7.
69. Дело по челобитью вдовы Дарьи, жены Романа Бабкина. 1612 до ноября // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 1—5, 9—10, 18—28.
70. Дело по челобитной о прожиточном поместье Деревской пятины вдовы Авдотьи, жены Матвея Дирина с дочерьми Мариною и Ириною. 1612, ноябрь — 1613. 16.01 // RA, NOA. Serie 2:328.
71. Дело по челобитью Агафьи, вдовы Второго Корсакова о пожаловании ее прожиточным поместьем ее жениха Михаила Обуткова. 1612, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:10.
72. Дело по челобитной о поместье Степана Кузмина Мельницкого. 1612, ноябрь—1613. 8.01 // RA, NOA. Serie 2:12.
73. Дело по челобитью о поместье Марьи, вдовы Неугаса Базарова с внуком и невесткой (без начала). 1613, январь (датировано по делу serie 2:12) // RA, NOA. Serie 2:13. Л. 4—6.

74. Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Пелагеи, жены Ивана Еремеева Чортова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:319.
75. Дело по челобитью о поместье Семена Григорьева Ерохова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:58.
76. Дело по челобитной о поместье дочерей кн. Федора Богданова Кропоткина. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:82.
77. Дело по челобитью о поместье Кирилла Русинова Хомутова. 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:200.
78. Дело по челобитью о прожиточном поместье вышедшей замуж Арины Стромиловой. 1613, кон. января — февраль // RA, NOA. Serie 2:224.
79. Дело по челобитной Ивана Иванова Выповского о поместье (без начала). 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2: 21.Л. 5, 4.
80. Дело по челобитной Деревской пятины Дмитрия Прокофьева Оклячеева. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:147.
81. Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:129.
82. Дело по челобитью о поместье Аграфены, дочери Михаила Оклячеева, жены Федора Досадина и Ивана Михайлова Перхурьева. 1613. 14.02 — 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 90—109.
83. Дело по челобитью Водской пятины Василия Григорьева Есипова о поместье. 1613, до 18.03 // RA, NOA. Serie 2:220.
84. Дело по челобитной Григорья Андреева Рясницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 30—46.
85. Дело по челобитной о поместье Тимофея и Павла Яковлевых Ростопчиных. 1613, март // RA, NOA. Serie 2: 60.
86. Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Тимофеева Жукова. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:325.
- Отдельная грамота (отрывок, окончание) на отдел поместья Никите Тимофееву Жукову // RA, NOA. Serie 2:347.
- Отрывок из дела о поместье Никиты Жукова. 1613, март — апрель // RA, NOA. Serie 2:44. Л. 6.
87. Дело о выморочном поместье Деревской пятины Осипа Иванова Ерохова. 1613, март — май // RA, NOA. Serie 2:310.
88. Дело по челобитной Водской пятины Ивана Осанова Серкова о поместье. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 37—40, 34, 50.
89. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Никиты Боркова. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:232.

90. Дело по челобитью об обмене поместьями между Дмитрием Ивановым Тырковым и Федором Ивановым Мунзориным 1613. 3.03—31.03 // RA, NOA. Serie 2:238.
91. Дело по челобитью о поместье Захара Иванова сына Долгово-Сабурова. 1613. 21.03—13.04 // RA, NOA. Serie 2:343.
92. Окончание отдельной грамоты. 1613. 29.03 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 127.
93. Дело по челобитной Ивана Порецкого о пожаловании ему поместья на прожиток после 44 лет службы с внуками. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:157—В.
- Приговор бояр и воевод по челобитной Ивана Третьякова сына Порецкого о поместье (без окончания). 1613. 30.04 // RA, NOA. Serie 2:304. Л. 2.
- Приговор по делу по челобитью Ивана Порецкого и отдельная грамота по нему. 1613. 30.04 // RA, NOA. Serie 2:239.
94. Отдельная грамота на поместье Семену Первого Аничкова в Деревской пятине. 1613, апрель // RA, NOA. Serie 2:308. Л. 1—2.
95. Дело по челобитной о поместье кн. Кудеяра Мещерского, отписанного на государя. 1613, апрель—июль // RA, NOA. Serie 2:230.
96. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Прокофия Михайлова Лопухина. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:6.
97. Дело по челобитью о прожиточном поместье вдовы Аксиньи, жены Ивана Гурьева. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:131. Л. 1—7.
98. Дело по челобитной о поместье Юрия Андреева Блеклого. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:14.
99. Дело по челобитью о поместье Венедикта Тимашева. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:16.
100. Дело по челобитью Никиты и Петра Михайловых детей Боборыкиных о поместье. (без начала). 1613, май // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 9 об.—11 об., 20 об.
101. Ввозная грамота от бояр и воевод Никите Федорову Чортову на поместье в Солецком и Ижерском погостах Водской пятины. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:107.
102. Дело по челобитной Деревской пятины Александра и Ивана Перхуровых о сдаче последним первому 60 четвертей своего поместья. 1613, май // RA, NOA. Serie 2:228.
103. Отдельная грамота (без окончания). 1613. 4.05 // RA, NOA. Serie 2:304. Л. 3.

104. Дело по челобитной Артемия Пуляева о дворцовой деревне Новинке. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:340.
105. Отдельная грамота на поместье вдове Домне Ивановой жене Розладина и Афанасию Терпигореву. 31.05.1613 // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 2—5.
106. Отрывок из дела о пожаловании Григорию Посникову Негановскому изменничьего поместья Угрима Лупандина. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 118.
- Приговор по челобитной о поместье Григорию Негановскому. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 26.
107. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Богдана Ададурова. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 29—31, 49.
108. Дело по челобитной о поместье кн. Андрея Мышецкого. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:314. Л. 4—12.
- Отрывок приговора о выделении кн. Андрею Мышецкому поместья его дяди, кн. Данила Мышецкого. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2:348—В. Л. 2.
109. Дело по челобитью Анцы Брякилева о пожаловании его подгородной деревней Новоселицы в Холынском погосте. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:222.
110. Дело по челобитью Анцы Брякилева о поместье (без начала) 1613. 10.07 // RA, NOA. Serie 2:17.
111. Дело по челобитью Ивана Захарьева Савина и Елизария Пущина о полюбовном разделе поместной дер. Поречье в Ярвосольском погосте Водской пятины. 1613. 12.07 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 62—70.
112. Дело по челобитной Богдана Ададурова о пожаловании его поместьем вдовы Алены, жены Ивана Краснослепова в пожить (без начала и окончания). 1613. 22.07 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 86.
113. Дело по челобитью о поместье вдовы Авдотьи, жены Игнатия Меньшого Палицына Деревской пятины. 1613, август // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 71—75.
114. Дело по челобитью о поместье Анцы Брякилева. 1613, осень // RA, NOA. Serie 2:19
115. Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых Тимашевых. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.
116. Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Ивана Посникова Карцова. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:219.
117. Дело по челобитной о поместье Василия Назимова и Василия Чеботаева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:233.

117.1. Отрывок из отдельной грамоты на поместья Василью Назимову и Василью Чеботаеву на поместье в Шелонской пятине. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:196—В. Л. 1.

118. Дело по челобитью Павла Тарбердеева, Ивана Осанова и Семена Григорьева Бахтина о поместье Давыда Курицына. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:126.

119. Дело по челобитной о поместье Исая Федорова Аминева. 1613, октябрь // RA, NOA. Serie 2:99.

120. Дело о поместье Саввы Михайлова Воронова. 1613. 20.09 // RA, NOA. Serie 2:316.

121. Дело по челобитной о поместье новокрещена Шелонской пятины Ивана Осанова. 1613. 26.10 // RA, NOA. Serie 2:191

122. Дело по челобитной о поместье Олфера Сиверова. 1614, января до 17 // RA, NOA. Serie 2:153.

123. Дело по челобитью Степана Теглева и Егупа Боборыкина о поместье Антона Лихарева. 1614, до 20.01 // RA, NOA. Serie 2:315.

124. Дело по челобитью о поместьях Олфера Сиверова, Ивана Аничкова и Афанасья Истомина. 1614, январь // RA, NOA. Serie 2:151.

125. Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова Неелова. 1614, февраль // RA, NOA. Serie 2:130

126. Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311.

127. Дело по челобитью Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март—апрель // RA, NOA. Serie 2:90.

128. Дело по челобитным Василия Бутурлина и кн. Тимофея Шаховского о поместье А. Обухова. 1614, март // RA, NOA. Serie 2:98.

129. Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева Оболянинова (без окончания). 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:123.

Дело по челобитной о поместье Петра Игнатьева Оболянинова (окончание, начало — д. 123). 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:124. Л. 209—212, 222.

130. Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54.

131. Дело по челобитной о поместье кормовых татар Никиты Максута и Василия Хангилдеева. 1614, лето // RA, NOA. Serie 2:25.

132. Дело по челобитной о поместье подьячего Третьяка Башмакова и вдовы Татьяны Серковой. 27.06.1614 // RA, NOA. Serie 2:49.

133. Дело по челобитной новгородских кормовых татар и новокрещенов Павла Тербердеева, Богдана Терегулова, Еналея Бобракова и Христофора Иванова о поместье. 1614, июль — 1615, август // RA, NOA. Serie 2:72.

134. Дело по челобитным Семена Федорова Муравьева, Григория Степанова Оболянинова и кн. Ивана Семенова Путятина о поместье Богдана Иванова Ададунова. 1614, июль // RA, NOA. Serie 2:229.

135. Дело по челобитной о поместье кн. Гаврила Нарымова. 1614. 6.07 — 15.12 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 23—32.

136. Дело по челобитной о поместье Семена Васильева Боборыкина. 1614, июль—сентябрь // RA, NOA. Serie 2:27.

137. Дело по челобитью о поместьях новокрещенов Данила Секизова и Левы Авлешина. 1614. 30.07 — август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 11—28.

138. Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова Дирина. 1614, август — 1615, март // RA, NOA. Serie 2:152.

139. Дача бояр и воевод Василию Леонтьеву Зиновьеву в Сытненском погосте из новоотписных дворцовых сел, что была вотчина Троице-Сергиева монастыря сельца Лезье с пустошью. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:273. Л. 2 об.—1 об.

140. Дело по челобитной о поместье Ждана Квашнина. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:326.

141. Дело по челобитной о поместье подьячего Кости Петрова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:324. Л. 4—9.

142. Дело по челобитной о поместье Михаила Злобина Аничкова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:91.

143. Дело по челобитью о поместье Григория Якимова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 1—4.

144. Дело по челобитью рассыльщика Андрея Черкасова о поместье. 1614, август // RA, NOA, serie 2:145. Л. 5 — 10.

145. Дело по челобитной Михаила Дубровского о прожиточном поместье. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:307.

146. Дело по челобитной о поместье дворцового приказа подьячего Андрея Белого. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:324. Л. 1—3.

147. Дело по челобитью старорусского рассыльщика Петра Корповского о своем поместье. 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 1–2.

148. Дело по челобитью о поместье подъячих Васьки Частого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89.

149. Отрывок из дела по челобитной о поместье кн. Данила Елецкого (без начала и окончания). До 1614, 23.09 // RA, NOA. Serie 2: 317. Л. 5 об.

150. Дело по челобитной о поместье Угрима Иванова Лупандина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:227.

151. Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.

152. Дело по челобитным о поместье Провотарха Небарова его сына Федора и его невестки Степаниды. 1615, февраль // RA, NOA. Serie 2:146.

153. Дело по челобитью Якова Богданова Боркова о поместье в Климентовском Тесовском погосте. 1615. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:29.

Ввозная грамота бояр и воевод в Водскую пятину об отделе поместья Якову Богданову Боркову. 1615. 17.03 // RA, NOA. Serie 2: 7. Л. 16.

154. Дело по челобитной Шелонской пятины Афанасия Своитинова Бачина о поместье. 1615. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34.

155. Дело по челобитью о поместье Афанасия Своитинова Бачина. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:113.

Отдельная грамота на поместье Афанасия Бачина. 1615. 28.03 // RA, NOA. Serie 2:118.

156. Дело о раздаче помещикам (Д. М. И И. М. Бестужевым и И. Н. Порецкому) поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апрель // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73.

157. Дело по челобитной о поместье Ерофея Колычева. 1615, май // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 94–96.

158. Отдельная грамота на поместье Григорию Петрову Хомутову. 1615, май // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 1.

159. Дело по челобитной новокрещенов Иванка Танаева и Гаврилка Кобякова о поместье Степана Горихвостова в Андреевском Грузинском погосте Обонежской пятины. 1615. 1–3.07 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 83–87.

Отрывок грамоты об отделе поместий новокрещенам Ивану Танаеву и Григорию Кобякову // RA, NOA. Serie 2:188.

160. Отрывок из дела по челобитной о поместье Второму Гаврилову Есипову. До 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:120. Л. 1 об.

161. Дело о пожаловании в поместье Семену Федорову Муравьеву поместных деревень Степана Муравьева, Филона и Ивана Аничкова и Ивана Борисова Секерина Стаи, Батецко и Торковичи. 1615. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:216.

162. Дело по челобитной о поместье кн. Михаила Ивановича Мещерского. 1616, июль // RA, NOA. Serie 2:100.

Без даты

163. Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Милюкова (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 10.

164. Выпись о поместных окладах Ивана Петрова да Дмитрия Игнатьева детей Чортовых // RA, NOA. Serie 2:142. Л. 7 об.

165. Дело о сдаче Яковом Гурьевым своего поместья Данилу Воловому (без окончания) // RA, NOA. Serie 2:150.

166. Отрывок ввозной грамоты на деревни Лядского погоста Шелонской пятины // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 118.

167. Отдельная грамота на поместье Григория Шубина Деревской пятины Петру Иванову сыну Пестрикову в Вельевском погосте (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 84.

168. Выписка по делу о поместье Ивана Змеева (отрывок). До 1614 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 26 об., 25 об.

169. Выписка о поместном окладе Федора Бестужева (отрывок) // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 33.

Приложение 4. Перечень даточных книг и сопутствующей документации

1. Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38.
2. Даточные книги Водской пятины (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:21.

3. Даточные книги Деревской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:20.

4. Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86.

5. Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 / RA, NOA. Serie 1:37.

6. Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 1–20.

7. Роспись вдов и недорослей Деревской пятины половины Жихаря Рябчикова, с которых взяты деньги за даточных людей с 1 июня 1612 г. 1612. 16.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 1–17.

8. Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88.

9. Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–36.

10. Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139.

Приложение 5. Перечень дозорных книг 1611–1616 гг.

Водская пятина

1. Дозорные книги Якова Караулова и подьячего Одинца Иванова митрополичьих и монастырских волостей в Кречневском, Пидебском, Коломенском на Волхове, Грузинском и Ивановском Переездовском погостах и в Заверяжье Водской пятины. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:67 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 317).

2. Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. Список: RA, NOA. Serie 1:28. С. 407 и далее

3. Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 349).

4. Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6.

5. Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8.

Шелонская пятина

1. Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 1–178.

2. Дозорные книги Залесской половины Шелонской пятины Василия Федоровича Неплюева и подьячего Якимы Вешнякова (погосты Косицкий и Сабельский). 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 1:17.

3. Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины Вильяна Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семейки Шустова. 1612, июль – август // RA, NOA. Serie 1:90. С. 31–305.

4. Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 1–406.

5. Дозорная книга Залесской половины Шелонской пятины дозору Вильяна Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семейки Шустова. 1612, август // RA, NOA. Serie 1:90. С. 339–386.

6. Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1.

7. Обыскная книга губного старосты Водской пятины Полужской половины Селивестра Зиновьева и подьячего Первого Андреева в Петровском погосте Залесской половины Шелонской пятины о запустевших после дозора Матвея Муравьева и Дмитрия Нефнева землях. 1615, октябрь // RA, NOA. Serie 2:33. Л. 1–2.

8. Обыскная книга губного старосты Водской пятины Полужской половины Селивестра Зиновьева и подьячего Первого Андреева в Передольском погосте Шелонской пятины Залесской половины о запустевших после дозора Матвея Муравьева и Дмитрия Нефнева землях. 1615, октябрь // RA, NOA. Serie 2:33. Л. 3.

В том числе Старорусский уезд

1. Дозорные книги Старорусского уезда дозора Луки Ивановича Милославского (без начала). 1611. Список // RA, NOA. Serie 1:113. С. 1–105.

2. Дозорные книги Старорусского уезда дозора Луки Милославского с товарищами. 1612. Список // RA, NOA. Serie 1:40.
3. Дозорные книги Офремовского, Должинского и Лосского погостов Старорусского уезда дозора Филона Михайловича Аничкова (без окончания). 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 107–202, 253–458.
4. Дозорные книги вотчины Старорусского Спасского монастыря дозора Тимофея Сьянова и подьячего Григория Нечаева. 1613. 26.02 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 657–685.
5. Дозорные книги вотчины Никольского Косина монастыря дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613, апреля до 20 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 689–700.
6. Дозорная книга Замошского стана Дретенского погоста дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613. 21.04 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 593–619.
7. Дозорная книга Должинского погоста дозора Стахей Веревкина и подьячего Алексея Степанова. 1613. 27.04 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 625–648.
8. Дозорная книга вотчины Звадского монастыря в Чертицком погосте дозора подьячего Михаила Нефедьева. 1613. 7.05 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 705–716.
9. Дозорные книги Коломенского и Троицкой трети Офремовского погостов Старорусского уезда дозора Мелентия Вараксина и подьячего Ждана Рябинина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:113. С. 221–248, 463–546.
10. Обыскной список засеянного хлеба в Снежском, Дретенском и Лосском погостах Старорусского уезда и роспись пустых деревень с засеянными участками. 1614. 17, 25 и 30.08 // RA, NOA. Serie 2:84. Л. 4–18.
11. Обыск Луки Ивановича Милославского и подьячего Ивана Заденского в Рамышевском погосте в Верхнем и Нижнем концах и в Офремовском погосте о крестьянах живущих и о монастырских и дворянских вотчинах и поместьях. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 52–53, 58–59, 66.
12. Обыск Ивана Григорьевича Баранова и подьячего Афанасия Бражникова в Должинском, Снежском, Дретенском и Лосском погостах о монастырских и дворянских вотчинах и поместьях. 1614. 28–30.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 10, 12–14, 26–28, 45–46.

13. Дозорные книги Рамышевского, Черенчицкого, Коломенского и Офремовского погостов Старорусского уезда письма и дозора Луки Ивановича Милославского и подьячего Ивана Заденского. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:106.
14. Дозорные книги Снежского, Дретенского, Лосского, Должинского погостов дозора Ивана Григорьевича Баранова с товарищами. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:29.
15. Дозорная книга Старорусского уезда дозора Григория Никитича Муравьева и подьячего Семейки Шустова. 1615, март // RA, NOA. Serie 1:7.

Бежецкая пятина

1. Дозорные книги погостов Прокофьевского и Богородицкого на Белой, Покровского, Иванского и Никольского на Волоке Держкове и Петровского и Борисоглебского Боровицкого Белозерской половины Бежецкой пятины обыска Григория Полуэктовича Аничкова и Степана Артемьевича Лаптева. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:66. С. 1–64.
2. Дозорная книга Устрецкой, Кострецкой, Видимирской, Глининской волостей Бежецкой пятины дозора Мосей Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 7–240 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 350).

Обонежская пятина

1. Дозорные книги вотчины Новодевичьего монастыря во Введенском погосте на Ояти дозора Дмитрия Нефниева и подьячего Константина Петрова. 1611. 11.10 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 199–230 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 313).
2. Дозорные перечневые книги по дозорным отписям Вельямина Трусова Обонежской пятины Заонежской половины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 175–195.
3. Обыскные и дозорные книги Заонежских погостов Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 18.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 1–166 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 313).
4. Обыскные книги разных погостов Оштинского стана Юна Ириксона, Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 19.07 // RA, NOA. Serie 1:66. С. 66–252.

5. Обыскные книги поместий митрополичьих детей боярских в Заонежской половине Обонежской пятины обыска Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 4.11 // RA, NOA. Serie 1:120.

Дозорные и обыскные книги Новгородских дворцовых сел

1. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Василия Заденского 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцового села Королева // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 20–26.

2. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Улана Собакина 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцового села Тесова // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 27–30.

3. Выпись из переписных книг Гостя Коковцова и подьячего Василия Заденского 1613/14 г. крестьян и крестьянских участков и их вытных окладов дворцовых сел Ракома и Трясова // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 54–59.

4. Выпись из дозорных книг села Голина и присельных волостей из дозорных книг Семена Васильевича Боборыкина, Лучанина Еремеева и подьячего Василия Заденского. 1614/15 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 98–103.

5. Выпись из дозорных книг дворцового Медведского погоста Федора Неклюдова да подьячего Богдана Березского. 1614/15 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 103–106.

6. Обыск Федора Григорьевича Бутурлина и подьячего Василия Заденского в с Королеве о живущих там крестьянах и бобылях. 1615. 7.05 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 33–33 об.

7. Обыск Федора Афанасьевича Одинцова в с. Тесове о беглых и обнищавших крестьянах и бобылях. 1615. 8.06 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 47–48.

8. Обыск о беглых и обнищавших крестьянах и бобылях с. Ракома. 1615. 8.06 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 62–63.

9. Обыск Андрея Тимофеевича Ногина и подьячего Андрея Коломского в с. Трясове о беглых крестьянах и бобылях. 1615. 5.04 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 87–88.

Приложение 6. Перечень обыскных, отдельных и отписных книг 1610–1616 гг.

1. Ниже следует перечень в первую очередь сборников этих категорий источников. Содержание сборников не расписано ввиду своего большого объема. Не включенные в состав сборников отдельные и обыскные книги расписаны в данном перечне.

2. Обыск подьячего Селивана Фомина в Холыньском, Наволоцком и Бронницком погостах Деревской пятины о землях Бронницкого яма. 1590. 12, 13 и 17.08 // RA, NOA. Serie 2:1.

3. Книги отдельные и обыскные Шелонской пятины 1609/10, 1610/11 и 1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:41.

4. Книги отдельные и обыскные Деревской пятины. 1610/11–1612/13 // RA, NOA. Serie 1:75.

5. Обыск неслуживого Игнатия Куликова о прежних владельцах деревни Зародовичи Богородицкого Топальского погоста и о поместье Тимофея Якильева и Кондрата Несибова в Богородицком погосте в Павске, Никольском Раевском, Никольском Ворожебском погостах, Никольском Молдинском погосте в Филине слободке Бежецкой пятины. 1611. 13, 14 и 23.02 // RA, NOA. Serie 2:186.

6. Отдел ладожским городовым приказчиком Афанасием Любским прожиточного поместья дочери М. Б. Кушелева Марфе и поместья И. И. Шипилу в Ильинском Тигодском, Егорьевском Теребужском и Успенском Городенском погостах Водской пятины. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 1:25. Опубликовано: Селин А. А. Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтению. СПб., 1998. С. 126–129.

7. Отдельные книги Водской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:62.

8. Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятине. Без начала и конца. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–41.

9. Обыск неслуживого Григория Игнатьева Сысоева о поместье Никиты Федорова сына Чортова в Солецком погосте Водской пятины и отдел этого поместья Роману Иванову сыну Неелову. 1612. 17.01 // RA, NOA. Serie 1:18.

10. Отдел неслуживым Михаилом Бахтиным Ивану Григорьеву Баранову поместья Венедикта Хомутова в Воскресенском Лученском и Дмитриевском Капецком погостах Обонежской пятины и отписка остатка этого поместья на государя. 1612. 30.01 // RA, NOA. Serie 1:24. С. 1, 6, 10–21.

11. Отдельные книги Деревской пятины. 1611/12–1612/13 // RA, NOA. Serie 1:119

12. Отдел губным старостой Водской пятины Полужской половины Михаилом Нееловым поместья Ивану Иванову сыну Пушкину в Павском погосте Шелонской пятины. 1612. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:118.

13. Отдельные книги Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:69.

14. Отдел неслуживым Посником Губачевским Петру Селянинову сыну Хомутову сдаточного поместья Ивана Михайлова сына Аничкова во Введенском Дудоровском погосте 1613. 13.10 // RA, Extranea. 156:1. Л. 23.

15. Отдельные книги Водской пятины. 1614 // RA, NOA. Serie 1:58.

16. Обыск Кондратием Баландиным поместья Игнатия Носакина в Ильинском Тигодском погосте Водской пятины. 1614. 17.01 // RA, NOA. Serie 2:338.

17. Обыскная книга об изменничьей сеяной ржи в Будковском погосте Водской пятины. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2: 270.

18. Отдел подьячим Федором Прокофьевым Никите Калитину поместья Ивана Ожогина в Андреевском Грузинском и Коломенском погостах и поместья Бориса Кобылина в Солецком погосте Водской пятины. 1614. 3 и 8.08 // RA, NOA. Serie 1:126.

19. Обыскные книги живущих вытей в Дудоровском и Ижерском погостах Водской пятины 1614. 14.08 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 560.

20. Дозорная память Ивану Никитичу Порецкому и подьячему Торопу Беляковскому об обыске охотничьих земель Бронницкого яма и д. Ямно Наволоцкого погоста. 1614. 15.08 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 27.

21. Обыск Ивана Никитича Порецкого и подьячего Торопа Беляковского об изменничьем поместье Силы Ивкова в Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятины. 1614. 27.08 и 3.09 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 29–30.

22. Обыск Ивана Никитича Порецкого и подьячего Торопа Беляковского об изменничьих поместьях в вотчине Троице-Сергиева монастыря в Сытинском погосте Деревской пятины и в Устьянском, Лажинском и Наволоцком погостах. 1614. 14, 16, 18 и 20.08 // RA, NOA. Serie 2:40. Л.ч34, 35, 36, 38.

23. Отдел подьячим Константином Петровым Филону Аничкову и дьяку Пятому Григорьеву поместья Лобана Лугвенева в Никольском Будковском и Хрепельском погостах Водской пятины. 1614, август // RA, NOA. Serie 1:127.

24. Отдел подьячим Одинцом Ивановым литвину Христофору Канарскому поместья детей Игнатия Чортова в Никольском Ижерском, Дудоровском и Климентовском Тесовском погостах Водской пятины. 1615. 22.03 // RA, NOA. Serie 1:79.

25. Отдел Иваном Селивановым поместья кн. Никифору Яковлевичу Мещерскому в Карачюницком погосте Шелонской пятины. 1615. 7.05 // RA, NOA. Serie 1:90. Л. 23–26.

26. Выпись из отдельных книг на поместье Никите Васильеву сыну Вышеславцову // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 34–35.

Приложение 7. Перечень поручных записей

Поручные по служилым людям об их неотъезде из Новгорода

1. Поручная запись по Никите Андрееву сыну Обольянинову. 1611. 25.12 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 1.

2. Поручная запись по Василию Андрееву сыну Пушину. 1612. 29.03 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 16.

3. Поручная по безместному дьякону Семену Иванову о неотъезде его из Новгорода. 1613. 3.02 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 21.

4. Поручная запись дворян и крестьян Водской пятины по губному старосте Ивану Васильеву сыну Пушкину. 1613. 23.03 // Дело по челобитной губного старосты Водской пятины Корельской половины Ивана Пушкина о даче ему пустоши, что была деревня Наволок на Волхове в Михайловском погосте на Ладожском пороге в 1612/13 г., засеять ее на 1613/14 год, а с 1614/15 по 1619/20 год давать оброк в государеву казну. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:353. Л. 18.

5. Поручная запись новгородских посадских людей по выходцам из Пскова и Старой Руссы. 1613. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:208.

6. Поручная запись по Субботе Гаврилову сыну Шапочнику, родом не новгородцу, и по новгородцу Юрию Дементьеву сыну Серебрянику. 1613. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 9.

7. Поручная запись по детям боярским Шелонской пятины Ивану Иванову Селиванову и Лобану Курбатову Лисичникову. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 51.

8. Поручная запись новгородских детей боярских по Кузьме Яковлеву сыну Колокольцову. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:255.

9. Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6.

10. Поручная запись по Фомке Бутырскому. 1613, ноябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 69.

11. Поручная запись по Григорию Ларионову сыну Попову. 1613. 6.11 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 2.

12. Поручная запись по Федосье, жене Богдана Лупандина, Анне Матвеевой, матери Угрима Лупандина, Настасье Ивановой, матери Парфения Нарбекова, Авдотье, жене Парфения Нарбекова, Афанасию Самойлову сыну Нарбекову, Григорию Парфеньеву сыну Нарбекову, Степану Андрееву сыну Нарбекову, Степаниде, дочери Максима Нарбекова, Прасковье и Федоре, дочерях Парфения Нарбекова о неотъезде их из Новгорода. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 17–18

13. Поручная детей боярских Водской пятины по сыну боярскому Ивану Крекшину. 1613. 17.12 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 8.

14. Поручная запись новгородских детей боярских по Богдану и Федору Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128.

15. Поручная запись кн. Ф. Т. Черного Оболенского и др. лиц по кн. Ефиму Федорову Мышецкому в том, чтобы быть ему неотлучно в Новгороде и не ссылаться с ворами. 1614. 17.01 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 553.

16. Опубликовано: Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18–19.

17. Поручная запись по Михаилу Фуникову Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 72.

18. Поручная запись по ивангородским стрельцам. 1614. 25.01 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 3.

19. Поручная запись по татарину Богдану Терпигулову и казаке сибирского царевича Алтаня Кучумова Авдею Архипову. 1614. 16.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 114.

20. Поручная запись по Никифору Васильеву сыну Неплюеву. 1614. 22.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 57.

21. Поручная запись по кн. Федору Семенову Мышецкому. 1614. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 81.

22. Поручная запись по сыну боярскому Деревской пятины Ивану Михайлову Перхурьеву о том, что он не будет без боярского указа съезжать из Новгорода и пр. 1614. 26.04 // RA, NOA. Serie 2:102–В.

23. Поручная запись новгородских детей боярских по Федору Богданову Баишеву и Дорофею Федорову Бобошину. 1614. 14.05 // RA, NOA. Serie 2:262.

24. Поручная запись по вдове Татьяне Лутьяновой дочери, жене Петра, бывшего никольского дьячка. 1614. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 26.

25. Поручная запись по Никите Матвееву сыну Зиновьеву. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

26. Поручная запись новгородских помещиков и подьячих по Богдану Степановичу Елагину в том, что быть ему в Великом Новгороде и не отъехать в «изменные» города. 1614. 27.06 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 554.

27. Поручная запись по служилому татарину Тарабею Алабердееву. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2:24. Л. 4.

28. Поручная запись по ивангородскому стрельцу Федосейке Фадееву. 1614. 9.07 // RA, NOA. Serie 2:158.

29. Поручная запись по жене Максима Куликова Авдотье Максимовой дочери. 1614. 31.07 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 89.

30. Поручная запись по Федору Некрасову. 5.09.1614 // RA, NOA. Serie 2:175. Л. 1.

31. Поручная запись по старце Ситецкого монастыря Онуфрию. 1614. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:334. Л. 1.

32. Поручная запись по Григорию и Якову Богдановым детям Хорошева. 1615. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 76.

33. Поручная запись детей боярских Водской пятины по Семену Григорьеву Бахтину приставу Семену Курбатову. 1615. 24.03 // RA, NOA. Serie 2:256.

34. Поручная запись по Петру Бакакину Неелову. 1615. 25.03 // RA, NOA. Serie 2:175. Л. 2.

35. Поручная запись по Никите Федорову Супоневу. 1615. 14.04 // RA, NOA. Serie. 2:22. Л. 8.

36. Поручная запись по старцам Никольского Лисья монастыря. 1615. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 52.

37. Поручная запись новгородских детей боярских по Василию Тихонову Аврамову. 1616. 25.07 // RA, NOA. Serie 2:259.

38. Список лиц, поручившихся за Казарина Башмакова по извету на него попа Шестака. 1616. 26.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 582.

Поручные по приказным

1. Челобитная неслуживого сына боярского Шелонской пятины Григория Посникова сына Якимова о службе в рассыльных подьячих и поручная запись по нему. 1609. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 1–2.

2. Поручная запись по посыльному подьячему Юрию Степанову Лутвинину. 1609. 11.05 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 4.

3. Поручная запись по Василию Павлову сыну Бражникову о бытии ему в рассыльщиках Поместной избы. 1610. 25.05 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 5.

4. Поручная запись по Докучаю Степанову сыну Мартьянову о бытии ему в рассыльщиках Поместной избы. 1610. 28.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 2.

5. Поручная запись по Терентию Васильеву сыну Воинову о бытии ему в посыльных подьячих Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

6. Поручная запись по Фаддею Федорову сыну Змееву. 1611. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 6.

7. Поручная запись по Никите Филиппову о бытии ему в рассыльных подьячих Поместной избы. 1611. 31.01 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 7.

8. Поручная запись по Логину Перфирьеву о бытии ему в рассыльных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11.

9. Поручная запись по Третьяку Степанову сыну Посадникову о бытии ему в подьячих Поместного приказа. 1611. 19.09 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 6.

10. Поручная запись по Семену Васильеву о бытии ему в рассыльных подьячих Поместного приказа. 1611. 11.11 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 10.

11. Поручная по Михаилу Никитину сыну Кудрявцова о бытии ему в рассыльных подьячих Поместной избы. 1612. 6.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 15–16.

12. Поручная запись по неслуживому сыну боярскому Ивану Гаврилову сыну Толмачеву о бытии ему в рассыльных подьячих Поместной избы. 1612. 20.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 7.

13. Поручная запись по Андрею Третьякову сыну Черкасова о бытии ему в рассылке в Поместной избе. 1612, генваря // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 18.

14. Поручная запись по Ивану Володимерову сыну Якимова о бытии ему в посыльных подьячих Поместной избы. 1612. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 17.

15. Поручная запись по Саве Григорьеву сыну Резанову о бытии ему в рассыльных подьячий Поместной избы. 1612. 29.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 19.

16. Поручная запись по Федору Васильеву о бытии ему в посыльных подьячих Поместной избы. 1612. 6.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 20.

17. Поручная запись по Первому Иванову сыну Шибаеву о бытии ему в рассылке в Поместной избе. 1612. 20.09 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 12.

18. Челобитная Богдана Иванова о принятии его в дьячую избу в рассыльные подьячие и поручная по нему. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 1–2.

19. Поручная запись по Мине Иванову сыну Белого о бытии ему в Поместной избе в рассыльном приказе. 1612. 26 (?) .10 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 3.

20. Поручная запись по Андрею Михайлову о бытии ему в Поместной избе в посыльных подьячих. 1612. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 14.

21. Поручная запись по подьячему Никите Молчанову о бытии ему в посыльных подьячих Поместной избы. 1613. 28.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 45.

22. Поручная запись по Хрисанфу Иванову Грязному о бытии ему в Государеве поместной избе посыльным подьячим. 1613. 17.02 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 43.

23. Поручная запись по Федору Прокофьеву о бытии ему в посыльных подьячих Поместного приказа. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46.

24. Поручная запись по Дружине Харитонову о бытии ему в посыльных подьячих Дворцового приказа. 1613. 1.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 47.

25. Поручная запись по Степану Кирилову сыну Псковитину о бытии ему в рассыльных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48.

26. Поручная запись по Родиону Иванову сыну Бабину о бытии ему в посыльных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 52.

27. Поручная по посылочном подьячем Остафию Симанову о бытии ему в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1613. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 53.

28. Поручная запись по рассыльщике Семену Матвееву сыну Курбатову о бытии ему в рассылке в Поместной избе и в Разряде. 1613. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 5.

29. Поручная запись по подьячем Дмитрию Афанасьеву сыну Маслоу о бытии ему в Поместном приказе в посылочных подьячих. 1613. 14(11?).03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 50–51.

30. Поручная новгородских помещиков и подьячих по Ивану Васильеву Брянцову о бытии ему в Поместной избе в рассылке. 1613. 15.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 7.

31. Поручная запись по Петру Фролову сыну Резанцову о бытии ему в Разряде и Поместной избе в посылочных подьячих. 1613. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 6.

32. Поручная запись по Василию Казаринову сыну Белеутову о бытии ему в Поместном приказе в посылочных подьячих. 1613. 31.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 54.

33. Поручная запись по посылочному подьячему Харитону Семенову о бытии ему в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613. 29.04 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 55.

34. Поручная по подьячему Василию Ушакову о бытии ему в Новгороде в подьячих Поместной избы. 1613. 20.04 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 57.

35. Поручная запись по рассыльщику Поместной избы Денису Матвееву сыну Деревецкому о бытии ему в рассыльщиках Поместного приказа. 1613. 2.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 8.

36. Поручная по Никите Нефедьеву о бытии ему в Новгороде в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 58.

37. Поручная по Постнику Афанасьеву Кувшинову о бытии ему в Поместной избе рассылочным подьячим. 1613. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 56.

38. Поручная запись по Максиму Дмитриеву сыне Бешенцову о бытии ему в Поместной избе в рассылке. 1613. 6.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 4.

39. Поручная запись по Петру Кондратьеву сыну Башмаку о бытии ему в Поместной избе в ездовых подьячих. 1613. 11.05 // RA, NOA. Serie 2:336. Л. 9.

40. Поручная новгородцев по площадному подьячему Лариону Андрееву Шепалову в государеву казну. 1613. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 20.

41. Поручная запись по успенскому священнику Ждану Поликарпову. 1614. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 17.

42. Поручная запись по Юрию Иванову сыну Поскочину о службе недельщиком в государеву казну. 1614. 23.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 53.

43. Поручная запись по Федору Григорьеву о службе в посылочных подьячих Поместного приказа. 1614. 31.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 74.

44. Поручная запись по Федору Иванову сыну Змееву о службе недельщиком Поместного приказа. 1614. 22.02 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 75.

45. Поручная запись по Борису Дмитриеву Мордвинову о службе недельщиком. 1614. 3.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 77.

46. Поручная запись по охотнику Котельницкой слободы Томилке Поспелову. 1614. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 5.

47. Поручная запись по площадному подьячему Софийской стороны Ивану Кипреянову о его службе. 1614. 8.06 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 88.

48. Поручная запись по Василию Федорову сыну Козлову о службе рассыльщиком. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 58.

49. Поручная запись тесовских ямских охотников по своим товарищам. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 61.

50. Поручная запись семи новгородцев по московскому подьячему Ивану Сидорову о жительстве его в Великом Новгороде. 1614. 19.10 // СПБНИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 571.

51. Поручная запись по новому площадному подьячему успенскому дьячку Семену Дмитриеву. 1614. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 67.

52. Поручная запись по Юрию Прокопьеву в бытии ему в рассылочных подьячих в Поместной избе. 1614. 13.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 70.

53. Поручная запись по Первому Панкратьеву о службе его в рассылочных подьячих Поместного приказа. 1614. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 71.

54. Поручная запись по Юрию Толмачеву о службе в рассыльщиках Поместного приказа. 1615. 10.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 104.

55. Поручная запись по Ивану Богданову сыну Михайлову о бытии ему подьячим Поместной избы. 1615. 11.01 // RA, NOA. Serie 2:348. Л. 7.

56. Поручная запись по Второму Яковлеву сыну Телепневу о службе ему в рассыльщиках (?) (сильно фрагментирована) 1613/14 или 1614/15. 11 числа // RA, NOA. Serie 2: 348–В. Л. 6.

57. Поручная запись по Степану Остафьеву Микулину о службе недельщиком Поместной и Судной избы. 1615. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 102.

58. Поручная запись по Ждану Володимерову о бытии ему в рассыльщиках Поместного приказа. 1615. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:348—В. Л. 8.

59. Поручная запись по Ждану Степанову сыну Шуйне о бытии ему в посылочных подьячих. 1616. 4.03 // RA, NOA. Serie 2:348—В. Л. 9.

60. Поручная запись по Грише Гаврилову сыну Нянину о бытии в площадных подьячих. 1616. 10.05 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 18.

Поручные по волостным крестьянам

1. Поручная запись крестьян Еглинского погоста Деревской пятины по десяцкому Первушке Родионову в подможных деньгах. 1611. 4.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 9.

2. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по старосте Василию Петрову, крестьянине Спасского Хутынского монастыря в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 5.

3. Поручная запись крестьян Черенчевицкого погоста Деревской пятины по Климу Харламыеву в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 6.

4. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Данилке Иванову в подможных деньгах. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 7.

5. Поручная запись крестьян Заброцкой волости Полищского погоста Деревской пятины по старосте Калине Мартемьянову в подможных деньгах. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 8.

6. Поручная запись крестьян Бронницкого погоста Деревской пятины по Ивану Офромиеву, Афанасию Патракиеву и Ермолке Исакову в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 21.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 18.

7. Поручная запись крестьян Холовского погоста Деревской пятины по старосте Третьяке Юрьеву сыну Омле и волостных людях в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 22.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 19.

8. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Клементейке Иванову да по Андрейке Васильеву и других в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 20.

9. Поручная запись крестьян Хрестецкого погоста Деревской пятины по Алексею Васильеву, Семену Семенову и церковному бобылю Максиму Иванову в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 24.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 21.

10. Поручная запись крестьян Ручьевского погоста Деревской пятины по Семену Федорову, Василию Афанасьеву и других в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 26.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 22.

11. Поручная запись крестьян Забродской волости Полищского погоста Деревской пятины по волостным людям в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 28.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 23.

12. Поручная запись крестьян Оксоцкого погоста Деревской пятины по волостным людям в привозе в Новгород кормов немецким ратным людям. 1611. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 24.

13. Поручная запись рядовичей Березовского рядка по рядовитину Юрию Богданову сыну Селецкому в пищальных деньгах с Березовского рядка. 1611, декабрь // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 4.

14. Поручная запись крестьян с. Тесова по крестьянину Ивану Москве. 1612. 1.02 // RA, NOA. Serie 2:66. Л. 19 об., 16 об.

15. Поручная запись крестьян Богородицкого Бельского погоста Лишневской волости по волостным людям о привозе кормов в Новгород немецким ратным людям. 1612. 2.01 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 38.

16. Поручная запись крестьян Спасского Боровицкого погоста по волостным людям, отпущенным в Новгород с кормом для немецких ратных людей. 1612.12.01 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 55—56.

17. Поручная запись крестьян Язвицкого погоста Ивану Александровичу Мунзорину и подьячему Селивану Фомину по волостным людям, отпущенным с кормами в Новгород. 1612, январь // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 87—88.

18. Поручная запись крестьян Липенского Котлована по Елизарке Васильеву о поставке тем в острожек на Устрецком стане шести колес для государева дела. 1612. 28.04 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 3.

19. Поручная запись крестьян с. Тесова по крестьянину Ивану Москве. 1613. 27.02 // RA, NOA. Serie 2:66. Л. 15 об.

20. Поручная новгородских посадских людей по Акилине Зиновьевой дочери, жене Ивана Торочкова в том, чтобы ей поставить своего мужа перед боярами и воеводами 29 июля 1613 г. 1613. 19.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 22.

21. Поручная запись крестьян Сабельского и Передольского погостов по крестьянину Парфения Обухова Томилу Степанову, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 3.

22. Поручная запись крестьян Хрепельского, Городенского и Сабельского погостов по посошному человеку Василию Никонову, крестьянину Поздея Гурьева, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 4.

23. Поручная запись крестьян Бутковского погоста по конным посошным людям Федьке Павлову и Андрюшке Алексееву, крестьянах Михаила Колачева, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 5.

24. Поручная запись крестьян Передольского погоста по обводном старосте Томилу Степанову сыну, данная губному старосте Селиверсту Зиновьеву. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 6.

25. Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по посошному человеку Ивану Зиновьеву, данная Никите Матвеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 1.

26. Поручная запись крестьян Полянской волости по Софийскому крестьянину Левке Захарьеву, данная государеву посланнику Никите Матвеевичу Зиновьеву. 1613. 17.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 2.

27. Поручная запись новгородских посадских людей по своим землякам — жителям Воздвиженской улицы. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:134.

28. Поручная новгородских посадских людей по торговому человеку Тимофею Калинину. 1613. 4.11 // RA, NOA. Serie 2:285. Л. 2.

29. Поручная людей Бажена Иванова по своим односельчанам. 1614. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 56.

30. Поручная запись по Осипу Никифорову, крестьянину Михаила Аничкова. 1614. 2.05 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 59.

31. Пятнадцать поручных записей новгородских рыбных ловцов по своим товарищам. 1614. 15.06 // RA, NOA. Serie 2:257.

32. Поручная крестьян Лажинского погоста по целовальнику о сохранности изменничьего хлеба. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 33.

33. Поручная запись крестьян Морилницкого стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Выдерского стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 16—17.

34. Поручная запись крестьян Выдерского стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Гачецкого стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 18—20.

35. Поручная запись крестьян Гачецкого стана Снежского погоста по крестьянам того же погоста Низовского стана в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 21—23.

36. Поручная запись крестьян Корстовского стана Дретенского погоста по крестьянам Замошского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 28.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 29—30.

37. Поручная запись крестьян Низовского стана Дретенского погоста по крестьянам Боровского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 33—34.

38. Поручная запись крестьян Туренского стана Дретенского погоста по крестьянам Полисского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 35—36.

39. Поручная запись крестьян Боровского стана Дретенского погоста по крестьянам Котецкого стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 37—38.

40. Поручная запись крестьян Тучинского стана Дретенского погоста по крестьянам Туренского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 39—40.

41. Поручная запись крестьян Дретенского погоста с погоста Дретоны по крестьянам Корстовского стана того же погоста в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 29.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 41—42.

42. Поручная запись крестьян Лосского погоста по крестьянам того же погоста Сокольской волости в том, чтобы тем жить на своих прежних крестьянских участках. 1614. 30.08 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 47—48.

43. Поручная дворцовых крестьян Сытинского погоста по старосте о сохранности изменничьего хлеба. 1614. 4.09 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 28.

44. Поручная запись крестьян Офремовского погоста по своим землякам, что они к 123 г. ржи не сеяли. 1614. 23.09 // RA, NOA. Serie 2:77. Л. 64.
45. Поручная запись разных новгородцев по человеку Афанасия Иезекиева Терешке. 1614. 25.09 // RA, NOA. Serie 2:263.
46. Поручная запись крестьян Бурежского погоста по своим землякам посошным и по конным посошным. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 15.
47. Поручная запись крестьян Лажинского погоста по целовальнике о сохранности изменничьего хлеба. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:40. Л. 31.
48. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 23.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 62.
49. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 62.
50. Поручная запись крестьян Будковского погоста по посошному человеку, отправляемому в Новгород. 1614. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 63.
51. Поручная запись крестьян Городенского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 28.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 64.
52. Поручная запись крестьян Передольского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 30.10 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 65.
53. Поручная запись крестьян Хрепельского погоста по конным посошным людям, отправляемым в Новгород. 1614. 3.11 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 66.
54. Поручные записи крестьян Тесовской волости по своим землякам. 1614, октябрь–ноябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 43.
55. Поручная запись помещиков и крестьян Водской пятины по крестьянину Никиты Зиновьева Митьке Юхтину Дягиленского погоста д. Париц. 28.03. 1615 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 3.
56. Поручная запись крестьян Коростынского погоста по посошным людям. 1615. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 2.
57. Поручная запись крестьян Бурежского погоста сельца Двориц по крестьянину их же сельца, служащему в Новгороде у винной поварни. 1615. 22.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 3.

58. Поручная запись новгородцев по жильцам Звадцкого рядка в уплате оброчных денег за 121 и 122 гг. 1615. 23.05 // RA, NOA. Serie 2:254. Л. 1.
59. Поручная запись крестьян Коростынского погоста по посошным сенокосцам, данная приказчику Лучанину Еремееву и роспись имен сенокосцев. 1615. 5.07 // RA, NOA. Serie 2:341. Л. 38.
60. Поручная запись крестьян Бурежского погоста по посошным сенокосцам, данная приказчику Лучанину Еремееву и роспись имен сенокосцев. 1615. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:341. Л. 39.
61. Поручная запись Михаила Иванова Танаева и Якова Муралеева по крестьянину Ивана Танаева. 1616. 30.07 // RA, NOA. Serie 2:271. Л. 1.
62. Поручная запись по дьячку Солецкого погоста Андрею Никифорову. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 48.
63. Поручная запись по дьячку Солецкого погоста Андрею Никифорову. 1616. 24.10 // RA, NOA. Serie 2:173²³².

Поручные записи по пленным

1. Поручная запись по кашинцу Якову Федорову сыну Дубовскому. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 1.
2. Поручная запись по белянину Павлу Иванову сыну Шепелеву. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 2.
3. Поручная запись по кашинцу Илье Карпову Грушецкому. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2: 22.Л. 3.
4. Поручная запись по лушанину Григорью Иванову сыну Свистунову. 11.10. 1613 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 3.
5. Отрывок поручной записи. Без даты // RA, NOA. Serie 2:48. Л. 6.

Приложение 8. Перечень книг сбора судной пошлины.

1. Книги судного двора, что судил судья Василий Иванович Трусов. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122.
2. Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64
3. Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5.
4. Книги сбора судной пошлины. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:4.

²³² Данная поручная запись была взята в связи с тем, что дьячок был заподозрен в участии в разбойном нападении на судно, следовавшее по Волхову.

Приложение 9. Перечень приходно-расходных и кормовых книг

Дворец

- 1.1. Отрывок расходных книг ружникам и оброчникам. После 1597/98 // RA, NOA. Serie 1:59. С. 31–32, 34, 33.
- 1.2. Роспись доимочных денежных и хлебных государевых платежей с новгородских дворцовых сел. 1602/03 // RA, NOA. Serie 2: 68. Л. 1об.—5 об.
- 1.3. Книга приходно-расходная с государевых садов яблок и груш. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:115.
- 1.4. Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:136.
- 1.5. Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34.
- 1.6. Книги хлебного расхода и прихода из государевых житниц. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:116.
- 1.7. Расходные книги государева хлеба, выданного после опечатывания дел Дворцового приказа для ревизии. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 41–48.
- 1.8. Расходные книги государевым ружникам и оброчникам. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:98.
- 1.9. Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 1–31.
- 1.10. Расходные книги додачи государевой хлебной казны ружникам и оброчникам. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 51–63.
- 1.11. Книги приходные государева хлеба с дворцовых сел за приписью дьяка Пятого Григорьева. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 1–27.
- 1.12. Расходные книги хлеба из государевых житниц. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:76.
- 1.13. Книги кормового сбора немецким ратным людям с новгородских дворцовых сел. 1615. 23.02 // RA, NOA. Serie 1:27.
- 1.14. Приходные книги государева хлеба из дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:108.
- 1.15. Книги выделенного хлеба из дворцовых сел. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:109.

В том числе Старая Русса

- 1.16. Роспись прихода и расхода отписного хлеба со Старой Руссы и уезда за 1611/12 г. После 1612 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 28–31.
- 1.17. Роспись выделенного на государя ярового и озимого хлеба со Старорусского уезда по дозорным книгам Луки Милославского с товарищами, Филона Аничкова с товарищами, Другини Сьянова и подьячего Федота Кожарина и Мелентия Вараксина с товарищами, и остатка государева хлеба в Старой Руссе в государевых житницах. 1613. 11.08 // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 1–51.
- 1.18. Роспись прихода и расхода государева хлеба Старорусского уезда по умолотным и расходным книгам Алексея Колычева и подьячего Постника Кувшинова. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:68.
- 1.19. Роспись прихода и расхода государева хлеба Старорусского уезда по умолотным и расходным книгам Алексея Колычева и подьячего Постника Кувшинова. 1613/14 (продолжение) // RA, NOA. Serie 2:67.

В том числе ямгородские дворцовые села

- 1.20. Книги выделенного хлеба ямгородских дворцовых сел приказчика Ивана Тыркова. 1612. 18.08 — сентябрь // RA, NOA. Serie 1:94. С. 1–149.
- 1.21. Книги выделенного хмеля в ямгородских дворцовых погостах приказчика Ивана Тыркова. 1612. 26–29.08 // RA, NOA. Serie 1:94. С. 155–206.

В том числе порховские дворцовые села

- 1.22. Приходные книги кормов с порховских дворцовых сел Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, май — август // RA, NOA. Serie 1:71. С. 3–17.
- 1.23. Расходные книги кормов с порховских дворцовых сел Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, май — август // RA, NOA. Serie 1:71. С. 21–41.
- 1.24. Приходные книги кормов с порховских дворцовых сел приказчика Богдана Помещикова. 1612, октябрь — 1613, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 47–54.

Большой приход

2.1. Приходная книга окладных денег, взятых с новгородских посадских людей. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:59.

2.2. Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140).

2.3. Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69.

2.4. Книга сбора государевых промытных денег хлебного и калачного ряда государевых весчих целовальников Гриши Прокофьева и Прошки Иванова. 1612. 28.09–1613. 15.04 // RA, NOA. Serie 2:201, тетрадь в конце столбца.

2.5. Приходно-расходные книги за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:104.

2.6. Запись прихода пошлинных денег. 1613. 1.05 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 60.

2.7. Отрывок из расходных книг государевой казны на 1613/14 г., в том числе оклад новгородским пушкарям. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 5 об.

2.8. Приходные книги пошлинных денег с записи челобитных. 1615/16 г. // RA, NOA. Serie 1:124

В том числе Заонежье

2.9. Книги денежных доходов с Оштинского стана Заонежских погостов за 119 год и доимочных денег за 1609/10 год. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:42.

2.10. Платежная книга оброчных денег с погостов Оштинского стана, Заонежских и Лопских. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:92.

В том числе поместные пошлины

2.11. Книги денег, взятых на дворянах Деревской пятины за псковские нети по переводным записям. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

2.12. Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Водской, Шелонской и Деревской. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:100.

2.13. Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 1–84.

2.14. Книги записи поместных пошлин. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 85–120.

В том числе солдатские деньги

2.15. Кормовые книги немецким ратным людям. 1611, декабрь – 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:74.

2.16. Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48.

2.17. Счет деньгам (18 529 рублей 7 алтын 3 денги), выданным из Новгородской казны с 19.10. 1611 по 20.04. 1613 на наем немецким ратным людям. 1613, после 20.04 // СПБНИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 541, большой формат.

2.18. Расходные книги кормовых денег на немецких людей. Новгород. 1612/13–1614/15 // RA, NOA. Serie 1:123.

2.19. Книги сбора денег с новгородских посадских людей. 1614, январь // RA, NOA. Serie 1:35²³³.

2.20. Книги сбора солдатских денег с Новгородского и Старорусского посадов. 1613/14–1615/16 // RA, NOA. Serie 1:2.

2.21. Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:357. 2.16.

2.22. Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:140. Л. 1 об.

В том числе приход и расход отписного хлеба из изменничьих поместий

2.23. Отписные и выдельные книги хлеба в изменничьих поместьях в погостах Дудоровском, Ижерском, Дмитриевском Кипенском, Суйдовском, Вздылицком, Орлинском, Дягиленском Петра Ермолича Хомутова. 1614.14.08 // RA, NOA. Serie 1:49.

2.24. Отписные книги хлеба в изменничьих поместьях Карельской половины Водской пятины и в Обонежской пятине отписи кн. Тимофея Ан-

²³³ Датируется 1614 г. на основании: Память сборщику Овсею Дмитриеву Резанову и подьячему Ивану Заденскому за приписью дьяка Семена Лутохина о взятии денег с детей Первого Прокофьева. 1614. 2.01 // RA, NOA. Serie 2:23. Л. 4.

дреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1:50.

2.25. Книги раздачи изменничьего хлеба Карельской половины Водской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614, август // RA, NOA. Serie 1:51.

2.26. Отписная и зажинная книга хлеба в изменничьих поместьях Корельской половины Водской пятины и Обонежской пятины кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1:52 (копия serie 1:11 и 50).

2.27. Книга хлебной раздачи новгородским дворянам, детям боярским, вдовам и девкам хлеба из изменничьих поместий кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614, августа 17—ноября 30 // RA, NOA. Serie 1:11.

2.28. Книги хлебной раздачи кн. Тимофея Андреевича Шаховского и Федора Ивановича Бестужева. 1614. 17.08 — 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:56.

2.29. Книги приходные и расходные государева отписного хлеба в Наволоцком, Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятины письма Никиты Дирина, Ивана Порецкого и подьячего Торопа Беляковского. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:13.

2.30. Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

2.31. Расходные книги государева отписного хлеба Водской и Шелонской пятины Семена Муравьева. 1614, декабрь — 1615. 26.02 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 76—90.

2.32. Расходные книги государева отписного хлеба Водской и Шелонской пятины Семена Муравьева. 1615, февраль — 30.03 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 116—122.

2.33. Выдельные книги государева хлеба из Никольского Бутковского погоста усадьбы Белой Григория Оболянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1:135.

2.34. Выдельные книги четвертого снопа в бывшем усадище Никиты Тыркова Белой в Будковском погосте Григория Оболянинова да подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 12.07 // RA, NOA. Serie 2:110.

В том числе Государев винный погреб

2.35. Приходно-расходные книги Государева винного погреба. 1611. 28.03—31.08 // RA, NOA. Serie 1:60.

2.36. Приходно-расходные книги Государевых винных погребов погребного приказчика Григория Афанасьева и разных целовальников за приписью дьяка Семена Лутохина. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:11.

2.37. Приходно-расходные книги Рогатицкого кабака. 1614 или 1615, январь — март // RA, NOA. Serie 2:103. 2 листа.

2.38. Приходно-расходный список денег, вина и пива на государевых Рогатицком и Витковском кабаках с 1.01 по 1.02. 1617 // RA, NOA. Serie 2:161.

Порхов

3.1. Приходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабрь — 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229—237.

3.2. Расходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабрь — 1612, январь // RA, NOA. Serie 1:71. С. 267—277

3.3. Приходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, январь — май // RA, NOA. Serie 1:71. С. 241—264.

3.4. Расходные книги порховским немецким кормам сбора Петра Ногина, Федора Олферьева Воронова, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1612, январь — апрель // RA, NOA. Serie 1:71. С. 285—300

3.5. Приходно-расходные книги кормов немецким людям по Порхову. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:117.

3.6. Книга раздачи опальной ржи немецким людям в Порхове Федора Култашева и целовальника Гриши Сереброва. 1613. 21.08—1614. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 121—125.

3.7. Книги расходные государевой хлебной казны в Порхове. 1614, февраль — июнь // RA, NOA. Serie 1:32.

3.8. Книги хлебной раздачи в Порхове Ивана Селиванова. 1614. 1.03 — сентябрь // RA, NOA. Serie 1:82.

Орешек

4. Черновые расходные списки немецких кормов и других расходов Ореховского (?) уезда // RA, NOA. Serie 2:258.

Острожки

Тесово

5.1.1. Приходная книга кормов с Полужской половины Водской пятины на Тесовский и Пентелеевский острожки. 1611, август — 1616, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:109, 1 л.

5.1.2. Кормовые книги Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12—1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1:71. С. 57—128.

5.1.3. Книги расхода кормов немецким ратным людям по Тесовскому острожку при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 23.12—1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 137—166.

5.1.4. Книга приходная кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 169—183.

5.1.5. Книга приходная кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 189—204.

5.1.6. Книга расходная выдачи кормов немецким людям в Тесовском острожке при воеводе Федоре Звереве Муравьеве. 1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 207—226.

5.1.7. Кормовые книги Тесовского острожка при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь — 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87.

5.1.8. Черновая расходная роспись кормов Тесовского острога²³⁴. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 57—57 об.

5.1.9. Книги кормовые приемочные Тесовского острожка. 1615. 6.02—5.05 // RA, NOA. Serie 1: 9.

²³⁴ Подобная предыдущей.

5.1.10. Расходные книги кормов Тесовского острога кн. Гаврила Ивановича Нарымова. 1615. 6.02—март // RA, NOA. Serie 1:72.

5.1.11. Отрывок из росписи кормов Тесовского острожка. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 54—54 об.

5.1.12. Черновая роспись кормов Тесовского острога. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 55—55 об.

5.1.13. Черновая роспись кормов Тесовского острога. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 56.

5.1.14. Кормовые расходные книги Тесовского острожка Федора Афанасьевича Одинцова. 1615, июль // RA, NOA. Serie 1:81.

5.1.15. Приходные книги кормов Тесовского острога приема Федора Афанасьевича Одинцова. 1615, июль — ноябрь // RA, NOA. Serie 1:73.

5.1.16. Кормовые даточные книги немецким людям Кристоанцовой роты, данных губным старостой Селиверстом Зиновьевым и Иваном Барановым. 1615, ноябрь — декабрь // RA, NOA. Serie 1:132.

5.1.17. Кормовые даточные книги немецким людям Кристоанцовы роты, данных Федором Одицовым и губным старостой Селиверстом Зиновьевым. 1615, декабрь — 1616, январь // RA, NOA. Serie 1:134.

5.1.18. Расходные книги хлебных кормов Тесовского острожка при Федоре Афанасьевиче Одинцове. 1615, декабрь — 1616, январь // RA, NOA. Serie 1:89.

Белая

5.2. Книги приходные Бельского острожка. 1612, январь — март // RA, NOA. Serie 1:36²³⁵.

Заречье

5.3. Кормовые книги Зарецкого острожка Никиты Матвеевича Зиновьева 1614. 15.07 // RA, NOA. Serie 1: 125.

Ивня

5.4. Книги кормового сбора Ивнинского острожка Федора Афанасьевича Одинцова. 1615. 21.12 — 1616. 30.01 // RA, NOA. Serie 1:133.

²³⁵ Книга датирована по упоминанию в ней в качестве лиц, которым был выдан хлеб дьяка Третьяка Копнина и Овсея Дмитриева Резанова, участников посольства архимандрита Никандра в Стокгольм.

Устрека

5.5. Отписная книга стоячего молоченого хлеба с побитых, сошных и выморочных участков в дворцовой Устрецкой волости с третями отписи Моисей Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 1.04 // RA, NOA. Serie 1:68. С. 257–270 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 350).

Поход Вышеславцева на восток зимой 1611/12 г.

6.1. Книги приходно-расходные государевым всяким денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 1–20.

6.2. Кормовые книги немецким и русским ратным людям при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611, ноябрь — 1612, февраль // RA, NOA. Serie 1:97.

6.3. Отрывок приходной записи кормов с Кострицкой волости и с Боровицкого монастыря. 1612 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 36.

Чрезвычайные кормовые сборы с пятин

7.1. Книги кормового сбора немецким людям Симона Блаженкова, Гаврила Мякинина и подьячего Никиты Нефедьева. 1612. 17.06 // RA, NOA. Serie 1:23. С. 1–12.

7.2. Кормовые книги Бельского и Тихвинского стана Ивана Никифоровича Коковцова и Андрея Горемыкина. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:101.

6.3. Кормовые книги Якова Делагарди и Эверта Горна при отъезде из Новгорода. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:128.

Разное, отрывки

8.1. Отрывок расходной записи денег за яловицу, баранов, коз, зипуны сермяжные, фрезы женские. 1612 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 37.

8.2. Отрывок из приходно-расходной записи о государевом умолоченном хлебе (итог) // RA, NOA. Serie 2:162.

8.3. Отрывок из приходно-расходной книги. 1612, осень // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 128 об., 128.

Приложение 10. Перечень ужиных, умолотных и засевных книг

1. Ужинные и умолотные книги яровой ржи в поместье Венедикта Тимашева ужина и умолота Григория Обольянинова. 1613. 15.07 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 643–645.

2. Засевные и ужинные книги в Городенском, Будковском, Передольском, Косицком, Сабельском и Петровском погостах Водской и Шелонской пятин ужина и умолота Семена Муравьева. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:55.

3. Ужинные и умолотные книги дворцовых сел Королева и Коростынского погоста. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:99

4. Ужинные, выдельные и посопные книги ярового хлеба дворцового села Тесова ужина и умолота Никиты Андреевича Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 257–318.

5. Ужинные и выдельные книги дворцового села Тесова ужина и умолота Никиты Андреевича Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613, август — 14.09 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 221–253.

6. Ужинные и умолотные книги государева хлеба на десятинной пашне в дворцовом селе Тесове ужина и умолота Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 7.08 // RA, NOA. Serie 1:109. С. 267–269.

7. Ужинные, умолотные и засевные книги дворцового села Тесова ужина, умолота и засева Никиты Обольянинова и приказчика Ивана Порецкого. 1613. 4.07–11.12 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 93–118.

8. Ужинная и умолотная книга отписного хлеба в изменничьих поместьях во Влажинском и Сытинском погостах Деревской пятины ужина и умолота Ивана Порецкого и подьячего Торопа Беляковского. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 1: 83.

9. Ужинные и умолотные книги в изменничьих поместьях Хрепельского погоста Водской пятины ужина и умолота Якова Частого. 1614. 16.09 // RA, NOA. Serie 1:12

10. Ужинные и умолотные книги хлеба в изменничьих поместьях ужина и умолота Семена Муравьева и подьячего Казарина Башмакова. 1614, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:88.

11. Ужинные и умолотные книги в погостах Водской и Шелонской пятины ужина и умолота Семена Муравьева. 1614, ноябрь // RA, NOA. Serie 1:10. С. 1–73.

12. Выпись из ужинных и умолотных книг Алексея Колычова да подьячего Постника Кувшинова 122 г. в погостах Старорусского уезда. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:66.

13. Замолотные книги отписного хлеба в Бутковском и Хрепельском погостах. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:10. С. 94–113.

14. Умолотная книга ржи в поместье Дмитрия Лодыгина в с. Торошковици в Никольском Передольском погосте. 1615. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 62–63.

15. Ужинные и умолотные книги государева казенного хлеба в Никольском Бутковском погосте. 1616. 12.07 // RA, NOA. Serie 1:129.

16. Ужинные и умолотные книги хлеба в Никольском Будковском погосте Водской пятины ужина и умолота Григория Оболянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1:57.

17. Отрывок из выписи из умолотных книг Петровского (?) погоста Старорусского уезда // RA, NOA. Serie 2:64. Л. 1 об.

ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография Смутного времени

В русской историографии начала XIX в. утвердился стереотип Смуты как польско-шведской интервенции (что будет впоследствии воспроизводиться в советских школьных учебниках истории). В приложении к монографии В. Берха об истории царствования Михаила Федоровича приводятся идеологические документы, выработанные в начале царствования Романовых, осуждающие шведов — оккупантов и разорителей Новгорода: «И оплоша разговоры и ссылкой, Новгород за ссылкой и крестным целованием взял, и многую крестьянскую кровь полили, и монастыри и церкви Божии разорили, больши семьдесят одних монастырей опричь мирских церквей, а мирских церквей больши 1500 без Божия пения учинили. И образы многих святых осквернили, и двory всяких людей пожгли... И ныне в Новгороде и во всех наших городех, Митрополита Исидора и боярина и воеводу князя Ивана Одоевского держит в неволе, и Новгородское государство и ноугородские пригороды и уезды разоряют и пустошают»¹. В начале XX в. Г. А. Замятин убедительно показал, что данная сентенция была подготовлена в московских приказах уже после избрания на царство Михаила Романова и не отражает, к примеру, впечатлений, полученных о Новгороде в 1612 г. С. Л. Татищевым и П. И. Секириным².

Монография Н. П. Лыжина, посвященная установлению мира между Москвой и Швецией, была написана в этом же русле историографии: Москва абсолютно права во всех своих действиях, а шведы с 1611 г. стремятся отторгнуть от русской земли тот или иной кусок.

¹ Берх В. История Михаила Федоровича. СПб., 1832. Ч. 2. Приложения. Прилож. 15. Грамота царя Михаила Федоровича к французскому королю от мая 1615 г. С. 116–159.

² Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 85–87.

Старорусский же воевода кн. А. К. Шаховской, служивший на этом посту с 1612 по 1617 г., должен считаться предателем³.

Несколько более сухой и объективный взгляд на позицию Шведского королевства в Смутное время высказал в своем богатом источниковой базой исследовании Г. В. Форстен⁴. Действительно, целью Карла IX с 1605 г. являлось проникновение на территорию Московского государства. Однако в 1605 г., в связи с занятием Лжедмитрием I Московского престола, шведский король впервые обратился к новгородцам с посланием, обличающим политику римского папы, сеющего Смуту в России⁵. Основным принципом политики Карла IX, по Форстену, был *Utilitätprincip*⁶. Он действительно постоянно побуждал Деллагарди к активным действиям по захвату русских крепостей. Густав Адольф в целом продолжал политику отца. В 1614 г. молодой шведский король принял решение лично отправиться на войну. Обозрев занятые шведами земли, Густав Адольф, как считал Г. В. Форстен, принял решение уступить Москве наиболее разоренные уезды Новгорода, Ладogi, Порхова и Старой Руссы.

Ситуация в историографии изменилась к началу XX в. В 1913 г. вся страна помпезно отмечала 300-летие царствования дома Романовых. В том же году в Дерпте, переименованном Александром III в Юрьев, вышла монография Г. А. Замятина «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.)»⁷, где автор, уже заявивший о себя как о ярком источникововеде⁸, последовательно проводит мысль о том, что кандидатура М. Ф. Романова была не главной на Соборе февраля 1613 г. и что ранее, летом 1612 г., важнейшие лица Второго ополчения, включая князя Дмитрия Пожарского, поддерживали идею избрания на Московский престол шведского принца (эта идея была сформулирована еще в Первом ополчении). Замятин критиковал не только официальных идеологов Романовского цар-

³ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.

⁴ *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февраль. С. 325–349; сентябрь. С. 185–213.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 345.

⁷ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа...

⁸ *Замятин Г. А.* Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году (отд. оттиск. из ЖМНП. С. 63–87).

ствования — от московских бояр 1615 г. до своих современников, но и С. Ф. Платонова, сомневавшегося в легитимности Совета всей земли 1611 г. и в его правомочности выбирать царя (во всяком случае, и на Соборе 1613 г. новгородцы представлены не были. — А. С.). Основным источником для исследований Г. А. Замятина послужила коллекция «Шведские дела» из бывшего архива Посольского приказа (ныне ф. 96 РГАДА). Русские документы шведских архивов были ему знакомы только по конспективным публикациям К. Якубова. Однако ученому удалось воссоздать точную картину переговоров новгородцев с Первым и Вторым ополчением и продвижения идеи избрания шведского принца на московский престол. Причину занятия Новгорода шведами Замятин видел не в вероломстве последних, а в саботаже переговоров с Деллагарди чашником Бутурлиным⁹, который, как известно, во время взятия шведами острога на Софийской стороне разграбил ряды на Торговой стороне и ушел из Новгорода на Бронницы. Отметим, что никто из новгородцев за ним не последовал. Подчеркнул Замятин и то, что никаких сведений в документах московского происхождения о разорениях, чинимых шведами в Новгороде, не найдено. Описание состояния Новгорода и православной церкви в нем, данное послом из Ярославля С. Л. Татищевым, вполне благоприятно. Уже в первой своей монографии Замятин поставил вопрос о генезисе оппозиции шведам в Новгороде. По всей вероятности, вызвана она была разочарованием новгородцев в не приехавшем в город Карле Филиппе и военными поражениями под Тихвином и Старой Руссой в 1613–1614 гг. Как заметил Г. А. Замятин, в 1615 г. посланный из Новгорода в Москву Я. М. Боборыкин говорил, что самыми преданными слугами царя Михаила Федоровича в занятом шведами городе являются митрополит Исидор, боярин кн. Иван Никитич Большой Одоевский, дьяк Семен Лутохин, «да из дворян кн. Микифор Мещерский»¹⁰. Отметим, что все перечисленные лица относились к новгородскому правительству.

В заключительной части книги Замятин привел жизнеописание Якова Боборыкина, новгородского дворянина, заподозренного в промосковской позиции, даже приговоренного к смерти, но успешно избежавшего и во время переговоров в Дедерине перебежавшего на сто-

⁹ *Замятин Г. А.* Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году (отд. оттиск. из ЖМНП. С. 18).

¹⁰ Там же. С. 121.

рону Москвы¹¹. Очерк о Я. М. Боборыкине был написан ученым по его челобитной, поданной в 1622 г. и составившей особое дело в коллекции «Шведских дел»¹². Замятин не проследил дальнейшую судьбу Боборыкина, хотя известно, что он оказался на службе в Москве, был зачислен в московский список и служил судьей Поместного приказа.

Вторая монография Г. А. Замятина, также подготовленная в Юрьевском университете, осталась неопубликованной из-за начавшейся гражданской войны. Рукопись ее хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. В этой работе Замятин более подробно рассмотрел последовательность установления шведской власти в Новгороде, а также вопрос о взаимоотношении шведов и новгородских властей. Более детально он изучил проблему формирования антишведской оппозиции в Новгороде, а также способы сбора информации как шведами, так и москвичами с помощью лазутчиков, вербовку сторонников обоими враждебными лагерями среди новгородцев. Так, в 1615 г. подьячий Григорий Собакин разослал лазутчиков из Старой Руссы «по Моншину приказу» (т. е. по прямому указанию секретаря М. М. Пальма), а строитель Ивановского монастыря близ Ладоги Варсонофий, к которому князь Данило Мезецкий с товарищами отправил в 1616 г. «для вестей» крестьянина Ларку Федорова, сообщил Ларке: «слухом» он, строитель, слышал, «что Яков Пунтусов из Новгорода июля в 8 день в понедельник разослал по государевым городам для вестей лазутчиков русских людей...»¹³. В этой монографии Замятин поместил еще один биографический очерк, на этот раз посвященный Никите Калитину, одному из наиболее последовательных сторонников шведов, в чем-то авантюристу, 2 июля 1620 г. принятому в швед-

¹¹ Замятин Г. А. Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году (отд. оттиск. из ЖМНП. С. 122), прим. 2. Г. А. Замятин ссылался на «Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы его в бывшую со шведами войну к Российскому государству показанные», архивный шифр которого в начале XX в. был следующим: МГАМИД, Шведские дела 1616. № 12. Св. 15.

¹² Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616—1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12.

¹³ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918 // СПбИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. С. 76.

ское дворянство. После Гражданской войны Замятин остался в СССР. Ему принадлежат еще две небольшие работы, опубликованные уже в 1950-х гг. — о военных действиях в Поморье в 1612—1614 гг.¹⁴ и об осаде Пскова Густавом Адольфом в 1615 г.¹⁵ Творческий путь Г. А. Замятина рассмотрен в специальной статье Г. М. Коваленко¹⁶.

Особый концептуальный взгляд на Смутное время с оригинальной периодизацией был сформулирован С. Ф. Платоновым в фундаментальной монографии, выдержавшей бесчисленное количество переизданий¹⁷. Однако более свободный и точный очерк, характеризующий взаимоотношения русской и соседних культур в XVI—XVII вв., был опубликован С. Ф. Платоновым в 1926 г.¹⁸ Платонов пишет о русских западниках, начиная с XVI в., в том числе о вынужденных эмигрантах — Федоре Писемском, братьях Лыковых¹⁹. Важным аспектом московской политической жизни конца XVI в. Платонов считает негодование «московских националистов» в адрес Грозного, а позднее — в адрес Бориса Федоровича Годунова²⁰. С. Ф. Платонов яркими мазками

¹⁴ Замятин Г. А. Походы шведов в Поморье в начале XVII века // УЗ Молотовского ГПИ. Вып. 2. Молотов, 1951.

¹⁵ Замятин Г. А. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.) // Изв. Т. 40. 1952. С. 186—213.

¹⁶ Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин...

¹⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Издание 5-е. СПб., 1995.

¹⁸ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1926.

¹⁹ Вопрос о русской эмиграции в XVI—XVII веках поднимался в историографии и до С. Ф. Платонова. Поводом к этому послужила не только и не столько переписка Грозного с Курбским — самым известным русским эмигрантом московской эпохи, но скорее обнаружение С. В. Соловьевым в шведских архивах рукописи Григория Котошихина (Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895). Кстати, А. И. Маркевич неверно определил как русского эмигранта подьячего Ивана Верина, ведшего переписку со своим коллегой в Ладоге, якобы для добычи сведений. Иван Верин был ореховским своеземцем, который, разумеется, после 1617 г. стал вполне легальным подданным шведской короны (Там же. С. 10). В последние годы наиболее полный обзор русской эмиграции XVI—XVII вв. дал Г. М. Коваленко (Коваленко Г. М. Комментарии // Павел Юстен. Посольство в Московию 1569—1572 гг. / Пер. Л. Э. Николаева. Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2000).

²⁰ Платонов С. Ф. Москва и Запад... С. 37.

написал портреты еще двух западников — выдающихся фигур Смуты. Первый — дьяк Иван Тарасьевич Грамотин, в годы Смуты выучивший польский язык, при Гонсевском именованный «милостивым паном». В молодости Грамотин служил подьячим, ездил в Германию, Чехию, Гамбург, Любек и другие страны и города, а в 1610—1611 гг. показал себя как открытый сторонник Сигизмунда III. Однако при Романовых он вернулся на службу, служил до 1635 г., дожил до глубокой старости²¹. Вторым героем Платонова стал князь Иван Андреевич Хворостинин, «первая ласточка московской культурной весны». Будучи (как, впрочем, и многие из романовского круга) активным сторонником Тушинского лагеря, Хворостинин после утверждения Романовых на престоле должен был подробно оправдываться в своей позиции. Платонов очень тщательно рассмотрел литературное творчество своего героя, возвращаясь к своей старой работе 1888 г. о сказаниях о Смутном времени, подчеркивая ее религиозно-полемический характер. Важным для Платонова является характеристика духовной жизни в Московском государстве начала XVII в.: в это время мелкие уклонения от старых московских обычаев стали всеобщими. Вызвано это было событиями Смуты, а также наплывом иноземцев при Михаиле Федоровиче. Эти уклонения вызвали к жизни идеи охранительства, борьбы с протестантской пропагандой, в особенности при патриархе Филарете. Даже из Речи Посполитой тогдашние московские круги ожидали проникновение лютеранской веры.

В 1930—1950-х гг. в Советском Союзе тема шведского присутствия в Новгороде в начале XVII в. рассматривалась исключительно в рамках иностранной интервенции в Московское государство (такая постановка вопроса вполне устроила бы патриарха Филарета). Именно в этом ключе выдержаны даже работы самых доскональных исследователей, как правило редко вводивших в оборот новые документы. К примеру, в работе В. Шункова, основанной на материалах, опубликованных К. Якубовым, заметное внимание уделялось содержащимся в них указаниям на взаимоотношения помещиков с крестьянами²².

²¹ Недавно свой портрет дьяка Грамотина привел в своей монографии о Посольском приказе Д. В. Лисейцев (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты*. Т. 1. М., 2003. С. 83—107).

²² Шунков В. Народная борьба против польских и шведских оккупантов в начале XVII века // ИЖ. 1945. № 1—2. С. 3—8.

В. Шунков обратил внимание на два важных сюжета. Первый из них является примером крестьянской верности. Один дворянин Водской пятины, Богдан Ададунов, уехал из Новгорода во Псков. По нормам, бытовавшим в Новгороде в то время, хлеб из изменничьего поместья должен был быть отписан на государя. Часть хлеба, вероятно, помещик скрыл в лесных тайниках — «ямах». Как выяснилось, зимой 1613/14 г. Ададунов нелегально приезжал к себе в поместье и, пользуясь расположением оставшихся своих крестьян, вывозил и прятал свои хлебные запасы. Взятый по доносу крестьянин Ададунова Иван Кондратьев Косяга всячески отрицал свою вину, покрывая своего прошлого владельца²³. Другой сюжет касается Арины Новокшеновой, чей муж оказался вдали от своего поместья. В отсутствие мужчины ее крестьяне отказались оказывать Новокшеновой повиновение, на что она и жаловалась новгородскому правительству²⁴.

Надо заметить, что остро негативное отношение к шведскому фактору в годы Смуты присутствует далеко не во всех работах советских ученых. В 1930-е гг. появилось несколько работ, посвященных Новгороду периода оккупации, принадлежащих перу В. А. Фигаровского. Ученый впервые рассмотрел все сложные перипетии посольства архимандрита Киприана и Якова Боборыкина с товарищами в Москву весной 1615 г., использовав вслед за Г. А. Замятиным коллекцию «Шведских дел» из архива Посольского приказа. Употребляя понятие «измены» по отношению к новгородцам начала XVII в., Фигаровский не следовал политической риторике своего времени, но скорее пользовался терминологией московских документов 1615—1617 гг.²⁵

²³ Дело по челобитной Г. Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б. Ададунова и Б. Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

²⁴ Дело по челобитной Арины, жены Воина Новокшенова на своих крестьян. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:30.

²⁵ Ученый писал: «Это (рассмотрение всех новгородцев как изменников в Москве. — А. С.) подтверждается следственным делом приказного стола Разрядного приказа за 1614 год: “О сношениях Ратмана Вельяминова, воеводы в полку князя Трубецкого, князя Андрея и Григория Шаховских с дядей последних новгородским изменником холмитином князем Андреем Константиновичем Шаховским”. На всем протяжении следствия новгородцы называются изменниками» (*Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г.* // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 57, прим. 3).

Позицию новгородцев в 1615 г. Фигаровский также толкует как неоднозначную: они (лично архим. Киприан) утверждали в Москве, что узнали об избрании Михаила Романова только в августе 1614 г., несмотря на то, что Эверту Горну было известно об этом уже в июле 1613 г. Характерным было, по мнению ученого, и заявление новгородцев о том, что если к сроку московское правительство не начнет переговоров о мире, то они поцелуют крест Густаву Адольфу. Разумеется, в своей статье 1937 г. ученый был вынужден прикрываться терминологией, принятой в то время. Так, споры в Новгороде в 1611 и 1615 гг. он именуется следствием классовой борьбы²⁶. При этом ученый достаточно точно анализирует предшествующую историографию, называя отрицание приговора об избрании шведского принца в ляпуновском ополчении — официальным мнением царской историографии: «Эта позиция дворянской историографии совпадает с официальными утверждениями правительства Михаила Романова»²⁷.

В работах В. А. Фигаровского также впервые была сделана попытка прояснить позицию новгородского правительства летом 1611 г.

²⁶ Надо сказать, что здесь В. А. Фигаровский учитывал достижения историографии своего времени: там, где он пишет о классовой борьбе в Новгороде в 1611 г., он апеллирует к примеру борьбы во Пскове 1607—1609 гг. В 1930-е годы события во Пскове того времени были охарактеризованы в монографии М. Н. Тихомирова, посвященной событиям 1650 г. (*Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1935*). Позднее этим событиям была посвящена особая статья ученого: *Тихомиров М. Н. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. // Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 75-летию ак. В. П. Волгина. М., 1955. С. 181—189*). Вплоть до 2000 года в отечественной историографии борьбу во Пскове представляли либо как классовую, либо как борьбу «верхов» с «низам», либо как социальную (в этом ключе оцениваются события во Пскове даже новейшим исследователем И. О. Тюменцевым — *Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999*). Новый взгляд на развитие событий во Пскове был изложен в работах В. А. Аракчеева (*Аракчеев В. А. Псковский край в XV—XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 165—200; Он же. Псков и Новгород: две стратегии в хаосе Смуты // Чело. 2004. № 3. С. 25—32*).

²⁷ *Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства... С. 60.*

По его наблюдениям, большинство новгородской знати склонялось к принятию союза со шведами (о «недоумении» кн. И. Н. Большого Одоевского вскользь упоминет Новгородская третья летопись). Впрочем, анализируя договор новгородцев с Делагарди, Фигаровский пользуется терминологией классовой парадигмы: согласно ученому, в договоре «охраняются интересы духовенства, боярства и дворянства». Интересен анализ В. А. Фигаровским событий в Новгороде в 1614 г.: результаты «плебисцита» 31 июля 1614 г., когда «изо всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать», ученый объясняет не абстрактной «патриотической позицией», а прежней присягой жителей города королевичу Карлу Филиппу²⁸. При всей антишведской риторике текстов Фигаровского, они кажутся результатом вдумчивого и кропотливого исследования ученого, рассмотревшего много конкретных обстоятельств новгородской жизни эпохи Смуты. Пусть о чашнике В. И. Бутурлине Фигаровский пишет, что тот «изменил Родине и стал шведским шпионом»²⁹, но последовательность событий и сложность взаимоотношений между людьми, оказавшимися на службе в Москве и, соответственно, в Новгороде, передана Фигаровским досконально³⁰.

Обстоятельные исследования И. С. Шепелева, появившиеся в печати еще в сталинские годы, также вполне объективно, в духе Замятина, трактовали взаимоотношения шведов и Первого земского ополчения³¹.

²⁸ *Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. 3/4. 1938. С. 58—85.*

²⁹ Это утверждение базируется, по всей видимости, на знакомстве Фигаровского с делом о приезде посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г. Обвинение Бутурлина в «измене» было высказано Я. М. Боборыкиным (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01—15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 171а—172).

³⁰ *Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 53—82; Он же. Отпор шведским интервентам...*

³¹ *Шепелев И. С. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней Первого земского ополчения // УЗ Пятигорского ГПИ. Вып. 4. Кафедра отечественной истории. 1949. С. 175—198.*

Гораздо более поверхностна работа В. Лилеева, где в основном пересказывались труды конца XIX — начала XX в. — К. Якубова и Г. А. Замятина. И вновь, вслед за В. А. Фигаровским, фигура чашника Бутурлина у Лилеева была названа «изменничьей»³².

В послевоенное время большое место события эпохи Смуты в России заняли в трудах И. П. Шаскольского. Не будучи свободными от идеологических украшений в духе романовско-большевистской трактовки шведского фактора в эпоху Смуты, в трудах И. П. Шаскольского очень точно восстанавливаются конкретные события Смуты, такие как борьба вокруг Корелы и Орешка в 1610 г., на новом витке гражданской войны³³.

Немалую роль в формировании представления о Смуте у большинства современных ученых сыграли труды Р. Г. Скрынникова, посвященные в первую очередь политической истории Смутного времени. Некоторые замечания Скрынникова, казавшиеся в свое время спорными (к примеру, положительная трактовка деятельности Бориса Годунова, принципиальный отказ от какого бы то ни было оправдания опричнины) кажутся сегодня аксиоматичными. Во многом в полемике с исследованиями Р. Г. Скрынникова родилась работа А. Л. Станиславского об одной из крупнейших действующих сил Смутного времени — казачестве³⁴. Эта работа, пожалуй, первая в отечественной историографии, стала итогом просопографического исследования, когда путем изучения отдельных биографий казаков (или путей движения казачьих станиц) была воссоздана

³² Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С.100–110. Представляется, что «изменником» В. И. Бутурлина сделал генеалогический парадокс: его часто путают с другими Василиями Бутурлиными, оказавшимися в Новгороде в 1611–1617 гг., в первую очередь с юным В. Бутурлиным, взятым в плен в 1614 г. в Гдове и оказавшимся под прямым покровительством короля Густава Адольфа в Швеции (подробнее: *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 19). Полагаю, что чашник В. И. Бутурлин вряд ли признал бы того за своего родственника.

³³ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.

³⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

судьба специфической социальной группы на переломном этапе ее формирования. К сожалению, рамки работы А. Л. Станиславского не позволили представить весь исследованный им материал, и у современного исследователя есть возможность знакомиться только с итогами его труда.

В недавней работе Б. Н. Флори были рассмотрены некоторые ментальные установки городского дворянства, проявившиеся в памятниках Смутного времени, в первую очередь в Приговоре подмосковного ополчения. Именно служилые люди были, по Флоре, авторами Приговора. Ученый предлагает рассматривать идею совета «Всей земли», то есть служилых и жилецких людей, в контексте идеи сейма — главного судебного органа. Эта идея появилась в московском обществе Смутного времени не случайно. К лету 1611 г. общество имело опыт подкрестной записи царя Василия Шуйского, а также заключенного с Жолкевским договора о призвании на царство Владислава Вазы. Вместе с тем в создании Приговора отразились требования не только служилых по отечеству, но и казаков, к примеру — требование вернуть государству розданные в поместья и вотчины черные и дворцовые земли. Одновременно Приговор запрещал практику приставств, перенятую казаками по примеру польско-литовского войска. Дворяне — участники создания Приговора выступают как убежденные сторонники соблюдения принципа сословной иерархии. Русский дворянин в эпоху Смуты продолжал воспринимать себя в качестве служилого человека, а службу — как свою важнейшую постоянную обязанность. Именно за нее полагалось вознаграждение. Гарантия этого заключалась, по мнению ученого, в восстановлении Поместного приказа и Разряда. Деятельности приказов дворяне придавали особое значение. В их представлениях о желательном государственном устройстве важное место занимали сильные центральные органы государственного управления, строго подчинявшие себе органы на местах. Таким образом, дворянство стремилось, с одной стороны, сосредоточить верховную власть в учреждениях, состоящих из его выборных представителей, с другой — воспринимало себя как служилое сословие, получающее вознаграждение за службу. И то и другое должна была ему обеспечить сильная центральная власть. Именно в Смутное время сформиро-

валось представление дворян о том, что служилым людям принадлежит первенствующее место в обществе³⁵.

Проблеме воцарения Михаила Федоровича Романова посвящена книга Л. Е. Морозовой. Это вторая монография ученого, посвященная эпохе Смутного времени. Первая, вышедшая в 2000 г., была посвящена формальному анализу сочинений о Смуте с использованием точных технологий³⁶. Не подвергая сомнению метод формального анализа, примененного автором для систематизации данного корпуса памятников, отметим заметную схематичность многих утверждений Морозовой. Так, мнение о слабоумии Федора Ивановича исследовательница связывает с идеологическими установками «польско-шведских» кругов³⁷. У Морозовой не вызывает сомнений авторство патриарха Иова по отношению к «Повести о честном житии Федора», дядка Ивана Тимофеева — к «Временнику» и т. д.³⁸ Такой же схематизм присутствует в прочих суждениях Л. Е. Морозовой: «...чувства патриотизма не были столь уж развиты в широкой народной массе, в данном случае, среди казачества»³⁹, «в Хронике события Смуты представлены с точки зрения и в оценке представителя нового дворянства. Оно было менее родовито, чем старое боярство»⁴⁰.

Подобный схематизм суждений и выводов характерен и для последней книги исследовательницы (подчас возникает подозрение в идеологической ангажированности автора). По какой-то причине не критичное отношение к сведениям Нового летописца сопутствует гиперкритичному отношению к Повести о Земском соборе. Морозова критикует Повесть за формальные ошибки (в Москве не могло быть 40 тысяч казаков, бояр не семь, а восемь, Михаил Федорович

³⁵ Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // ИЗ. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

³⁶ Морозова Л. Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000.

³⁷ Там же. С. 9.

³⁸ Там же. С. 19.

³⁹ Там же. С. 210.

⁴⁰ Там же. С. 276. В этой связи уместно вспомнить ценное наблюдение А. П. Павлова, что традиционное для русской историографии XIX–XX вв. противопоставление боярства и дворянства, титулованной и нетитулованной знати на современном этапе развития науки попросту лишено смысла (Павлов А. П. Проблема «боярство и дворянство» XVI–XVII вв. и генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12–14).

не князь, а боярин) и характеризует памятник как позднее творение выходца из какого-то провинциального города, возможно из казаков⁴¹. В книге много ошибок в обозначении имен и местностей: так, архангельский архиепископ Арсений именуется «архиепископом Галасунским» (верно: Елассонским), что позволяет предположить, что исследовательница не знает ни публикации его записок А. А. Дмитриевским⁴², ни последнего издания этих записок Фондом Сергея Дубова⁴³. Деревскую пятину Новгородской земли Л. Е. Морозова именуется «Деревенской»⁴⁴. Чрезмерно схематичны характеристики бояр из «окружения Бориса Годунова», претендующие на то, чтобы стать формульными: «был бездарным/талантливым полководцем»; «отличался любовью к роскоши»⁴⁵. Если развивать этот ряд, то, к примеру, Яков Делагарди был, несомненно, талантливым полководцем и наверняка отличался любовью к роскоши и т. д. Плодотворность таких характеристик вызывает большое сомнение⁴⁶. Налицо и фактические ошибки при описании политических событий Смутного времени. «Вторым крупным городом, подчинившимся Самозванцу (неясно, какому, так как перед этим речь шла об убийстве Лжедмитрия II. — А. С.) был Псков. Под него было отправлено войско под началом Ивана Михайловича Салтыкова и кн. Григория Константиновича Волконского.

⁴¹ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 44–46.

⁴² Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899.

⁴³ Елассонский Арсений. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 163–204.

⁴⁴ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 223.

⁴⁵ Там же. С. 49–50. Схематичность такого подхода Л. Е. Морозовой к классификации высших должностных лиц Московского государства была показана в работе В. Г. Ананьина, посвященной личности кн. А. В. Трубецкого. Как показал Ананьин, нет никаких оснований считать, что его «включили в состав правительства, так как он пользовался особым уважением»; князь был последним представителем старшей ветви рода (Ананьев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35).

⁴⁶ Сталинское окружение также можно рассмотреть в качестве бояр, таким образом: Берия — был бездарным полководцем и отличался любовью к роскоши; Жуков — был талантливым полководцем и отличался любовью к роскоши; Сталин был бездарным (вар.: талантливым) полководцем, но не отличался любовью к роскоши и т. д.

Но под Ладогой оно было разбито и было вынуждено вернуться ни с чем.»⁴⁷ Понятно, что Ладога окажется на пути к Пскову только в том случае, если двигаться с севера, к примеру из Карелии или Поморья. И. М. Салтыков и кн. Г. К. Волконский под Ладогой поражений никогда не терпели, а, напротив, взяли эту крепость после долгой осады 8 февраля 1611 г.⁴⁸ Довольно спорную и безапелляционную характеристику Л. Е. Морозова дает и кн. С. В. Прозоровскому, который, по ее мнению, «был отважным воеводой царя Василия»⁴⁹. Думается, что при царе Василии кн. С. В. Прозоровский был еще юным стольником. Характеристика его поведения во время Смоленской войны 1632–1634 гг. дана в недавней работе К. В. Петрова⁵⁰.

В 2006 г. вышла в свет большая концептуальная работа, посвященная первым годам Смуты. Речь идет о книге В. И. Ульяновского «Смутное время»⁵¹. Несмотря на идеологическую ангажированность книги, в ней содержится новый взгляд на личности Лжедмитрия I, патриархов Иова, Игнатия и Филарета, новгородского митрополита Исидора. Несомненной заслугой монографии В. И. Ульяновского является тонкий анализ коронационных процедур, происходивших в Москве в мае 1606 г. Книга не избежала и заметных ошибок и неточностей. В продолжение тенденций отечественной историографии, восходящих к Н. М. Карамзину, Ульяновский склонен демонизировать

⁴⁷ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 80. Автор дает ссылку на 2 том Собрания государственных документов и договоров, с. 375–376. По публикации 1819 г. на этих страница первый документ из двух, изданных под общим заголовком «Две договорные взаимные записи боярина и воеводы кн. М. В. Скопина-Шуйского с шведским секретарем Карлом Олусоном, заключенные в Колязине монастыре: о посылке с ним полномочных в город Корелу для выдачи одного с уездами в владение шведам как скоро воевода Я. Де ла Гарди, для обороны Московского государства от неприятелей с войсками своими придет в Колязин и соединит оные с российскими. Роспись жалованью, определенному вспомогательным в России войскам шведским». 1609. 27.08 // СГГД. Т. 2. 1819. № 189 и 190. С. 375–378.

⁴⁸ Подробнее: Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб., 2006.

⁴⁹ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 105.

⁵⁰ Петров К. В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 116–131.

⁵¹ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. Далеко не случаен выбор ее для публикации издательством «Евразия», которое считается близким Фонду эффективной политики (возглавляемому Г. О. Павловским).

царицу М. Г. Годунову⁵². Интересным однако оказывается наблюдение В. И. Ульяновского о том, что в тексте присяги, составленном после смерти Бориса Годунова в апреле 1605 г. царице Марии Григорьевне, Федору Борисовичу и Ксении Борисовне, на первом месте стоит имя царицы Марии. Важной проблемой, затронутой в книге В. И. Ульяновского, является противопоставление «прямых» и «кривых» героев Смуты. Автор идет по пути реконструкции критических биографий и поиска мотивации поступков героев. Заметной особенностью московской идеологии при первых Романовых и несколько ранее является подмеченная Ульяновским тенденция: «прямые» герои Смуты — сторонники Годунова и старины, «кривые» — сторонники Первого самозванца; равным образом, для времени после 1607 г. «прямые» — за царя Василия, «кривые» — за Тушино и поляков.

Особое место в книге занимает исследование личности патриарха Филарета. Здесь обвинение в кривизне, казалось бы, очевидно, однако в памятниках начала XVII в. это обстоятельство по понятным причинам замалчивалось. 1 июня 1606 г. Василий Шуйский был венчан на царство новгородским митрополитом Исидором. В описании царского венчания на первом месте стоит митрополит ростовский и ярославский Филарет, отсутствовавший на церемонии⁵³. Вместе с тем многие источники Смутного времени толкуют личность Филарета в негативном ключе. Ульяновский приводит выдержку из одной разрядной книги: 10 мая 1610 г. кн. Тимофей Иванович Оболенский «Литву побил, Филарета полонил и многих изменников поймал»⁵⁴.

Интересен взгляд В. И. Ульяновского на участие новгородского митрополита Исидора в событиях 1605–1606 г. В книге дается крат-

⁵² Он приводит стихи-памфлет Исаака Массы:

Куда тебя твоя жестокость привела,
советы те, что ты супругу подавала?
Ты сотворила много больше зла,
чем встарь Иезавель, Гофолия свершала —
но по заслугам ты и кару понесла,
которую в тиши другим уготовляла.

(пер. В. А. Зоргенфрея)

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 46–47 (Ульяновский В. Смутное время... С. 46).

⁵³ Там же. С. 139.

⁵⁴ Там же. С. 145.

кий биографический очерк Исидора: хиротонисан в епископы из игуменов Соловецкого монастыря патриархом Иовом (прежде был келарем в Троице-Сергиевом монастыре) в московском Успенском соборе 6 февраля 1603 г., 16 лет пребывал на кафедре, погребен в Корсунском притворе Софии Новгородской. Еще в январе 1605 г. он рассылал по епархии грамоты о «расстриге Гришке Отрепьеве» (сохранилась в собрании Соловецкого монастыря) и указ ежедневно молиться за царскую семью Годуновых. Однако вскоре после вступления Лжедмитрия в Москву Исидор приказал изъять из Софийского собора служебник с поминанием Годуновых, написать и употреблять новый с именами царя Дмитрия Ивановича и его матери. 21 июля 1605 г. он принял участие в коронации Лжедмитрия, в мае 1606 г. — в коронации Марины Мнишек. Возможно, Исидор участвовал в избрании патриарха Игнатия. Ульяновский взвешенно оценивает такое противоречие: проще всего объяснить поведение новгородского митрополита ангажированностью, т. е. рассматривать поведение с политической точки зрения. Однако в данном случае можно говорить просто об исполнении приказов первосвященника (в этой ситуации сложно сказать какого: Иова или Игнатия?). Поставленный Иовом на митрополию, Исидор должен был подчиняться духовному наставнику и государю: его анафемы Отрепьеву искренни. Но он не мог не знать о разнообразных слухах. Эти слухи оставляли след сомнения. «Военные успехи самозванца, переход на его сторону армии Годуновых, неожиданная смерть царя Бориса — все это только сбивало с толку верующего человека... И порождало мысль о Божьей каре царствующему дому за грехи».

Сомнения восторжествовали, когда Годуновы потерпели полный крах. У Исидора, по Ульяновскому, не было иного выбора, кроме как принять Самозванца⁵⁵.

Историография изучения дворянских корпораций и других социальных групп Московского государства

Исследование персонального состава московского служилого люда — членов Государева двора, приказных, других категорий дворянства ведется с конца XIX века. Первой и до сих пор не потерявшей своего значения работой такого рода следует назвать моногра-

⁵⁵ Там же. С. 213–214.

фию Н. П. Лихачева о дьяках Разрядного приказа XVI столетия⁵⁶. На самом деле рамки работы значительно шире. Все приказные назначения эпохи Смуты подробно рассматриваются в приведенном Н. П. Лихачевым справочнике.

Вне всякого сомнения, не менее значимым справочником для современного исследователя является издание «Дьяки и подьячие XV–XVII веков», подготовленное на основе рабочей картотеки С. Б. Веселовского и опубликованное после его смерти в 1975 г.⁵⁷ Сегодня, пожалуй, нет работы о системе управления Московского государства, в которой бы не использовалось это издание. Но эта монография не была подготовлена автором к печати, и базировалась в основном на опубликованных материалах или тех, которые использовались в различных исследованиях самого С. Б. Веселовского. В трудах С. Б. Веселовского содержится масса специально организованных биографических данных и о представителях других групп служилого сословия. Основным предметом историко-биографических и историко-генеалогических изысканий С. Б. Веселовского было московское боярство, преимущественно XV–XVI вв.⁵⁸ Но одна из работ С. Б. Веселовского может считаться классической для исследования персональной истории именно Новгородской земли XVI века. Она была посвящена лицам, упомянутым в Синодике опальных Ивана Грозного, где новгородцы составляли заметную часть. Исследователь соотнес лиц, известных по Синодику, с новгородцами того времени, известными в первую очередь по Тысячной книге, писцовым книгам и другим материалам поместного делопроизводства⁵⁹. Позднее этот же источник был исследован Р. Г. Скрынниковым. Ученый вышел на новый уровень изучения памятника, но к биографическим разработкам С. Б. Веселовского добавил сравнительно мало⁶⁰.

Одним из продолжателей традиции историко-генеалогических исследований С. Б. Веселовского стал В. Л. Янин. В 1962 г. им была опубликована монография о новгородских посадниках, которая мо-

⁵⁶ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

⁵⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975.

⁵⁸ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

⁵⁹ Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // ПИ. 1940. Сб. 3. С. 245–366.

⁶⁰ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.

жет считаться первым опытом применения сформулированного автором принципа комплексного источниковедения⁶¹. По сути дела, свои историко-генеалогические разыскания В. Л. Янин проводил путем реконструкции политических биографий новгородских бояр и установления связей между ними. В 1981 г. вышла в свет вторая монография В. Л. Янина, написанная в рамках того же направления (наверное, единственное опубликованное в советское время исследование, заголовок которого содержал слово «генеалогическое»)⁶². В этой монографии были существенно расширены как источниковедческая база, так и область применения метода: исследовались не только боярские роды, но и роды мелких новгородских вотчинников. Комплексное исследование позволило сделать важные наблюдения над социальным составом новгородских землевладельцев как республиканского периода, так и первых лет московской власти.

С конца 1970-х гг. наблюдения С. Б. Веселовского над генеалогией московских родов, а также предложенный В. Л. Яниным метод комплексного источниковедения нашли свое развитие в целой серии исследований С. З. Чернова по локальным группам московской провинциальной элиты времени сложения сословия служилых землевладельцев⁶³. Сам С. З. Чернов обратил внимание на то, что сформулированная в первой половине XX в. программа С. Б. Веселовского об изучении княжеского землевладения с картами в руках только в 1970-х оказалась востребованной археологами и именно в археологических исследованиях получила свое дальнейшее развитие⁶⁴. Такой интерес археологов к проблемам географии средневекового землевладения нельзя назвать случайным: любое конкретное археологическое исследование неизбежно стремится к точным топографическим

⁶¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

⁶² Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁶³ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV–первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998; *Его же*. Землевладение волости Бели Радонежского уезда // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 20–70; *Его же*. Из истории Киснемы последней четверти XIV — начала XV века // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 9–26.

⁶⁴ Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2). С. 23–24.

и/или географическим привязкам, и путь от занятия средневековой археологией к занятию исторической географией землевладения и далее — к исследованию биографий деятелей средневековья вполне закономерен⁶⁵. С. З. Чернов, исследуя землевладение в разных частях Московского государства, опирается на такие важные особенности традиционного московского средневекового общества, как его иерархичность, клановость, преемственность на протяжении XV (подчас и XIV)–XVII вв. Исследование землевладения и землевладельцев в Новгородской и Псковской земле XVI–XVII вв. имеет совершенно иной характер: смена состава землевладельцев на рубеже XV–XVI вв. не позволяет выявить архаические особенности формирования земельных владений и семейных кланов.

В настоящее время в рамках сформулированной С. Б. Веселовским и В. Л. Яниным парадигмы плодотворно работает А. А. Гиппиус. Одна из самых ярких фигур эпохи новгородской независимости — художник и священнослужитель Олисей Петрович Гречин, усадьба которого была полностью исследована в 1980 г.⁶⁶ Через двадцать с лишним лет после выхода в свет монографического издания материалов раскопок усадьбы художника А. А. Гиппиус решил вернуться к изучению его личности на новом источниковедческом уровне, соотнеся материалы разных источников. По Гиппиусу, разные типы источников допускают разные уровни приближения и разные уровни достоверности. Для характеристики личности Олисея Гречина ученый обращается к ономастической статистике: имя Олисей для византийца этого времени невероятно, отчество Петрович — крайне маловероятно⁶⁷. Таким образом, личность художника представляется сегодня более загадочной, нежели тогда, когда была исследована его усадьба.

Из всех социальных групп московского общества XV–XVII вв. в настоящий момент более всего изучен Государев двор. На его исследовании на рубеже XIX–XX вв. были сосредоточены усилия Н. В. Мятлева, впервые введшего в научный оборот два основополагающих

⁶⁵ По сходному пути прошел свое развитие ученый и автор этих строк.

⁶⁶ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

⁶⁷ Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 99–114.

документа эпохи складывания Двора как служебного и социального института — Тысячную книгу и Дворовую тетрадь середины XVI века. Новый источник по истории двора уже эпохи опричнины в 1949 г. предложил Д. И. Альшиц⁶⁸. В те же годы Тысячная книга и Дворовая тетрадь были переизданы под редакцией А. А. Зимина.

Позднее трудами А. Л. Станиславского ранее изданные документы были критически разобраны. Исследователь указал и на новые источники — боярские списки, позволяющие по-новому взглянуть на Государев двор в конце XVI — начале XVII в. А. Л. Станиславский впервые обратил внимание на особое место Новгорода в системе служилых городов Московского государства. По наблюдениям Станиславского, в Тысячной книге нет новгородцев и представителей некоторых других городов «от немецкой украины», в Дворовой тетради они записаны отдельно от остальных; боярский список 1577 г. включает в себя и новгородцев, и пусторжевцев, но разряды 1577 различают служащих Московской и Новгородской земель. «Судя по новгородским десятням начала XVII века, выборные группы новгородских пятин к этому времени еще не оформились»⁶⁹. В 1585 г. среди «выбора» было упомянуто шестеро новгородцев — это, по Станиславскому, единственное свидетельство о несении новгородцами службы в столице после смерти Ивана IV наравне с выборными дворянами⁷⁰. При этом Станиславский объяснял особое место новгородского и псковского дворянства более архаичной организацией служилого города на Северо-Западе. Дворовые Новгорода, Пскова и других городов от «немецкой украины» и после оформления новой структуры двора на остальной территории страны (выделения столичного и выборного дворянства) продолжали рассматриваться как члены двора. В пределах Новгородской земли новгородцы и псковичи несли службу наравне с выборными. Некоторые

⁶⁸ Альшиц Д. И. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949.

⁶⁹ Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры Государева двора в последней четверти XVI — начале XVII века // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 134—135.

⁷⁰ Там же. С. 102—103.

новгородцы (в т. ч. В. И. Волков-Курицын) из года в год получали «дворовые» назначения. Максимальные новгородские оклады были вдвое выше, чем у детей боярских провинциальных городов «Московской земли». Два новгородца, Богдан и Воин Афанасьевы дети Новокшеновы, были записаны в Списке дворовых начала XVII в. Они значились здесь детьми боярскими «без городов»⁷¹. Впоследствии Воин Новокшенов стал одним из виднейших деятелей в Новгороде 1611—1617 гг.

Тогда же, в 1970—1980-е гг., история возникновения Государева двора заинтересовала американскую историографию. Пожалуй, именно в исследовании Г. Алефа впервые была сделана попытка проанализировать персональный состав участников похода Ивана III на Новгород⁷² (позднее критически разобранная в статье В. Д. Назарова)⁷³.

С 1980—1990-х гг. этот подход с успехом применяется В. П. Павловым в исследовании Государева двора XVI—XVII вв. В целом и отдельных его категорий в частности⁷⁴. Ученый впервые в историографии заявил о бессмысленности противопоставления «боярства» и «дворянства» как особых социальных групп Московской Руси XVI—XVII вв., малой значимости противопоставления титулованного и нетитулованного дворянства⁷⁵. В основе работ А. П. Павлова лежит внимание к карьерам личностей, в рассматриваемый период занимавшим разные должности в Государевом дворе. В монографии 1992 г. была дана исчерпывающая характеристика этому институту накануне Смутного времени, базирующаяся на анализе его персонального

⁷¹ Там же. С. 152, прим. 14.

⁷² Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III (Forschungen zur östereuropaischen Geschichte. Bd. 39). 1986.

⁷³ Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. Сборник статей к 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 567—584.

⁷⁴ Павлов А. П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы житецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV—XVII вв. Сборник статей к 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 308—436.

⁷⁵ Павлов А. П. Проблема «боярство и дворянство» XVI—XVII вв. И генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12—14.

состава⁷⁶. Такой подход позволил исследователю сделать ряд важных наблюдений о развитии Государева двора. К числу таких наблюдений относится выявление того факта, что в 1618–1626 гг. 23 представителя новгородской служилой корпорации были пожалованы в московские дворяне (больше пожалований в московский список получили только смоляне)⁷⁷. Вместе с тем, по наблюдениям исследователя, попадание в московский список скорее отрывало пожалованных новгородцев от основной массы городской корпорации⁷⁸. Действительно, выдвинувшиеся в Смуту новгородские дворяне И. М. Аничков и Б. М. Дубровский, дьяки-новгородцы Ефим Телепнев и Томило Луговской, достигнув московских чинов, связь с Новгородом практически полностью утратили.

Несколько исследований, посвященных судьбам московского служилого люда в годы Смуты, проведено П. В. Седовым. Ученый развил мысль об окладах служилых людей как одном из основных мотивов тех или иных действий на протяжении всей Смуты⁷⁹. По справедливому замечанию П. В. Седова, несоответствие поместных и денежных окладов реальным размерам поместных дач и денежным выплатам привело к сильнейшим кризисным явлениям в судьбе служилого сословия, особенно ярко проявившимся в годы Смуты. В другой работе Седов реконструировал жилецкий список 1611 года, реально существовавший документ, сгоревший в московском пожаре 1626 г.⁸⁰ Важно замечание П. В. Седова о поголовном уменьшении окладов служилых людей в подмосковном ополчении при П. Ляпунове.

⁷⁶ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. 1992.

⁷⁷ Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 331.

⁷⁸ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев Двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

⁷⁹ Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 227–241.

⁸⁰ Седов П. В. Реконструкция жилецкого списка 1611/1611 года // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник трудов, посв. 35-летию научной и педагогической деятельности проф. Р. Г. Скрынникова. СПб.; Киев, 1993. С. 57–69.

В этом же русле лежат разработки ученых, посвященные отдельным служилым городам России. Таковы исследования Л. И. Ивиной о дворянстве русского северо-востока — Углича, Галича, Вологды. Особенностью трудов ученого является «привязка» их к конкретному историческому пространству, отчасти историко-географический характер⁸¹.

В последние годы наиболее серьезно вопрос об изучении городского дворянства как особой группы московского общества, меняющейся вместе со страной, поставил в своей докторской диссертации В. Н. Козляков. На обширном материале первой половины XVII в., в первую очередь на данных десятен и коллективных челобитных городских дворян, исследователь изучил повседневную жизнь городского дворянства, его потенциал как активной значимой силы в Московском государстве XVII в., его приоритеты и ценности⁸². Наблюдения над историей городских служилых корпораций позволили ученому прийти к выводу о том, что победа, достигнутая в 1611–1612 гг. служилыми людьми и верхушкой посада, позднее была утрачена. К 1613 г. города Московского государства были истощены и физически, и материально. В походах 1613–1615 гг. активно участвовали только те города, которые были заинтересованы в направлении походов (южнорусские города в походах кн. И. Н. Одоевского к Воронежу, западнорусские — к Смоленску и Пскову). В целом же нетство и бегство со службы после 1613 г. приняло угрожающий характер: так, в 1613/14 г., перед походом кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород, в Торжке собралось только 14 владимирцев из 132. Вместе с тем в Устюжне и Тихвине в это время большинство собравшихся принадлежало к выехавшим из Новгорода городским детям боярским, заинтересованным в возвращении города и соответственно своих поместий под власть Московского государства. В. Н. Козляков обратил также внимание на то, что несмотря на общее стремле-

⁸¹ Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979; *Ее же*. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985.

⁸² Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соиск. учен. степени доктора истор. наук. СПб., 1999.

ние городского дворянства «пробиться» в московский список, своя иерархия существовала внутри каждой городской корпорации (исследование новгородских материалов эпохи Смуты позволяет присоединиться к такому мнению)⁸³.

Важные наблюдения, отчасти антропологического характера, над судьбами дворянских городских корпораций принадлежат И. Л. Андрееву. По наблюдению ученого, городской сын боярский, оказавшись вне корпорации, был обречен на одиночество. Внутри корпораций кроме формальных связей существовало множество неформальных взаимоотношений. В рамках этики городского дворянина XVII в. действенными были понятия лидерства, авторитета, примера. Город выживал и расправлялся с неугодными, имея в своем распоряжении множество неформальных способов. Реализация принципа равенства внутри корпорации была особо ощутимой в отношении к служебной карьере: новики — городской — дворовый. Оценка личных заслуг чужда для провинциального дворянства, примером чему, по И. Л. Андрееву, является встречающаяся в дворянских челобитных XVII в. формулировка с просьбой «пожаловать со своей братью вровень». Вообще тон дворянских челобитных того времени был близок к ультимативному. Сословные притязания городского дворянина заключались в первую очередь в стремлении вырваться за пределы города (но не порывать с городом связи), соответственно челобитные должны были объединить усилия корпораций для достижения сословных целей⁸⁴.

Вопрос о значении неформальных связей в системе управления Московского государства рассмотрен в статье О. В. Новохатко. По ее мнению, приказные люди из служилых людей по отечеству всечески старались доказать, что служат в приказе не по своей воле,

⁸³ Козляков В. Н. Служилый «город» в Московском государстве в 1613–1619 гг. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 188–199.

⁸⁴ Андреев И. Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; *Он же*. Дворянство и служба в XVII в. // ОИ. 1998. № 2. С. 164–175.

а по указу государя. Это, считает исследователь, свидетельствует о непрестижности такой службы в среде служилых людей. Если потомственные приказные стремились добиться престижа за счет уз родства-свойства, то служилые — связями с аппаратом. В статье ученого описаны разнообразные попытки стольника А. И. Безобразова «избыть государевой службы», используя своего свойственника дьяка Семенова и образовавшиеся при этом родстве связи. Очевидным является значение родственных и приятельских взаимоотношений в кадровых назначениях. По мнению О. В. Новохатко, это в целом было позитивно для качества управления, так как неформальные решения проблем (не злоупотребления) лучше формальных, «правильных» решений.⁸⁵

Наблюдения Б. Н. Морозова и О. Е. Кошелевой над самосознанием и социальным поведением дворянства XVII в. базируются на многолетнем исследовании биографий московского дворянства (именно этими учеными в соавторстве с американским исследователем М. По было в свое время предложено просопографическое изучение Боярской думы XVII в.⁸⁶). Публикации-реконструкции личных дворянских архивов последних лет позволили исследователям подробно остановиться на судьбах этих собраний. По их наблюдениям, такой личный архив был чрезвычайной ценностью для дворянина XVII столетия. Дворянские архивы хранились в подпольниках. Примерный анализ их состава позволяет говорить, что дворянами сохранялись документы не только о собственной или родительской — дедовской службе, но и о службах родственников и далеких предков в XV в. Последние документы использовались для подтверждения древности рода и других подобных целей. Большую роль для изучения самосознания дворянства играет исследование частных книжных собраний, а также кратких летописцев на столбцах, также иногда встречающихся в таких архивах. Это позволило

⁸⁵ Новохатко О. В. Управленцы среднего звена в XVII веке: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // ОИ. 2005. № 3. С. 158–169.

⁸⁶ Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М. Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226.

ученым сделать вывод о том, что наиболее значимые для дворянина XVII в. понятия — род и служба⁸⁷.

Вопрос о морально-психологических представлениях служилых людей Московского государства (и специально — Новгородского разряда), их отношении к военной службе затронут в статье О. А. Курбатова, посвященной тем изменениям, которые происходили в психологии служилых людей в ходе военных реформ середины XVII в.⁸⁸ Исследователь, оценивая стойкость и удачливость бойца в XVI — начале XVII в., справедливо указал, что они были связаны с «дородством» — знатностью, и «честностью» службы рода московским государям. Внутри Новгородского разряда выделялись свои знатные роды, в первую очередь княжеские — Мышецкие, Елецкие и Шаховские, а также Елагины и Нащокины. Их представители первыми являлись на службу и последними покидали ее, при поражении не бежали, а собирались близ воеводы и государева знамени. Корни такого поведения новгородских помещиков, по мнению Курбатова, уходят в дружинную древность. Уклонение от службы могло обесчестить весь род. Это обеспечивало своего рода круговую поруку, когда родственники принуждали друг друга к честной службе. По мнению исследователя, все поражения в Смуту вызваны в первую очередь непониманием служилыми людьми целей гражданской войны. Они не были готовы терпеть голод и лишения за чуждые и непонятные им интересы. В таких случаях (при Болхове в 1607 г., под Москвой в 1606 г. и т. д.) они стремились покинуть полки при первой возможности. Отсюда происходила поразительная нестойкость дворянских отрядов, дававшая о себе знать и после воцарения Романовых. Дух русской конницы зависел от заинтересованности ратных людей в продолжении похода. основополагающими понятиями для служилого человека являлись «честь», «служба», «жалованье».

⁸⁷ Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 226–230.

⁸⁸ Курбатов О. А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003. Опубликовано также в Интернет-журнале «Oderint dum proderint». Вып. 13, январь — февраль 2007 (www.milhist.ru).

Ярким опытом персонально-исторического исследования жизни провинциального дворянства может служить статья Н. В. Пиотух, посвященная особой группе служилых людей — тем, кто был испомещен в захваченных в Ливонскую войну городах и после Плюсского и Ям-Запольского перемирия должен был оставить прибалтийские поместья⁸⁹. Небольшое исследование Н. В. Пиотух, базирующееся на сопоставлении в первую очередь разрядных книг и писцовых описаний Пусторжевского уезда, имеет тем большее значение, что касается географии землевладения — как в Ливонии, так и в Пусторжевском уезде⁹⁰.

Историография конца XX — начала XXI в. насчитывает большое число отдельных биографических исследований, посвященных ярким фигурам московской истории XVI–XVII вв. После досконального исследования состава опричного двора Ивана Грозного В. Б. Кобрин обратился к изучению судеб отдельных его участников. Новацией биографического очерка В. Б. Кобрина, посвященного Михаилу Безнину, является то, что он рассматривает оба периода жизни Безнина — мирской и духовный, в Кирилловом монастыре. «Безнин сохранил в монастыре хватку беззастенчивого дельца, которая оказалась здесь весьма кстати»⁹¹. В середине 1980-х гг. вопрос о продуктивности исследования отдельных биографий периода Смуты для понимания истории эпохи был поставлен в статье С. Е. Князькова, посвященной Истоме Пашкову⁹². Сравнительно недавно польский исследователь Иероним Граля, разработавший в обстоятельной монографии портрет дьяка Ивана Михайловича Висковатова, фактически на ее основе воссоздал картину первой половины царствования

⁸⁹ Вопрос об этом испомещении впервые был сформулирован В. А. Аракчеевым (Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодалная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42).

⁹⁰ Пиотух Н. В. Служилые люди на Ливонской войне // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров. 2001–2002. Псков, 2003. С. 161–183.

⁹¹ Нирбок В. Б. (Кобрин). Михаил Безнин — опричник, монах, авантюрист // ВИ. 1965. № 11. С. 214–216.

⁹² Князьков С. Е. Материалы к биографии Истомы Пашкова и истории его рода // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 68–74.

Ивана IV⁹³. В этом же жанре, в традициях С. Б. Веселовского, создан обстоятельный очерк Ю. Г. Алексеева о роде Плещеевых на службе московских государей XIV–XV вв.⁹⁴ и исследование М. М. Крома о князе-авантюристе С. Ф. Бельском⁹⁵.

Заметный ряд историко-персональных исследований связан с западным соседом Новгорода, Псковом. Наиболее подробным персональным исследованием о псковичах этого времени является классическое исследование С. Б. Веселовского о роде Пушкиных. Особое внимание ученого привлекли Пушкины — члены Государева двора, в годы Смуты служившие в основном в Москве и на воеводских должностях по городам, а также те из Пушкиных, кто еще в конце XV века оказался на Северо-Западе⁹⁶. Не так давно появилась еще одна специальная статья о псковских, новгородских и пусторжевских Пушкиных. Ее автор, В. А. Аракчеев, привлек источники, С. Б. Веселовскому недоступные — керамида Псково-Печерского монастыря⁹⁷.

Следует отметить, что историко-биографические работы последних лет приобретают новое качество. Исторический обзор большого числа биографий одной социальной (служебной, проч.) группы за определенный хронологический период позволяет в ряде случаев изменить представление о той или иной эпохе. Примером просопографического исследования, проведенного на высоком методическом уровне, может служить монография Д. В. Лисейцева о Посольском приказе в годы Смуты. Важной частью монографии является биографический справочник о дьяках, подьячих, переводчиках и служилых татарах Посольского приказа 1605–1613 гг. Именно такой уровень обобщения данных, полученных из Посольских книг и делопроизводственных документов Посольского приказа, дал возможность Д. В. Лисейцеву составить представление о действенности Посоль-

⁹³ Граля И. Иван Михайлович Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

⁹⁴ Алексеев Ю. Г. Андрей Михайлович Плещеев — боярин Ивана III // Средневековая и Новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 323–353.

⁹⁵ Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

⁹⁶ Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990.

⁹⁷ Аракчеев В. А. Род Пушкиных и Псково-Печерский монастырь // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1995. С. 51–56.

ского приказа как государственного учреждения даже в годы полного развала государственности в Московской державе⁹⁸.

Близка по методике работа О. Ю. Куца о донских атаманах и есаулах середины XVII века⁹⁹. В ней обобщена биографическая информация о нескольких десятках атаманов Войска на Дону. Перу исследователя принадлежит также важная работа об этнических и религиозных группах, входивших в разное время в состав Войска¹⁰⁰.

Среди героев других историко-биографических исследований о псковичах — опричник К. Д. Поливанов¹⁰¹, луцкий воевода Григорий Валуев¹⁰², псковский правитель Смутной поры дьяк Иван Леонтьевич Луговской (Льговский)¹⁰³, еще один деятель Смутного времени, князь Андрей Васильевич Трубецкой¹⁰⁴.

Два периода, важнейших для истории Московского государства, оказались под пристальным вниманием историков на рубеже XIX и XX вв. — это Ливонская война и Смутное время начала XVII в. Специфика исторических периодов, обилие источников, быстро-та карьер, нестандартность многих жизненных ситуаций — все эти

⁹⁸ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003.

⁹⁹ Куц О. Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй половины XVII в. (1637–1667 гг.) // ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 122–164.

¹⁰⁰ Куц О. Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 398–414.

¹⁰¹ Зуев М. И. Константин Дмитриевич Поливанов — опричник и воин (Из материалов к Псковскому биографическому словарю) // Земля Псковская древняя и современная. Тез. докл. К науч.-практ. конф. Псков, 1994. С. 121–128.

¹⁰² Петров С. Г. «Тушинские перелеты» (К биографии Григория Валуева) // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2000–2001 гг. Псков, 2002. С. 135–140.

¹⁰³ Зуев М. И. Дьяк Иван Леонтьевич Луговской (Льговской) — организатор обороны Пскова в «лета смутные». Из истории псковской оборонительной системы в 1608–1611 гг. // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практических конференций 2000–2001 гг. Псков, 2002. С. 88–104; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. Псков, 2003. С. 185–188 и далее.

¹⁰⁴ Апаньев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35.

факторы обусловили появление большого числа работ, где так или иначе затрагивались биографии деятелей Смуты. Чрезвычайно характерно название одной из монографий Н. И. Костомарова «Личности Смутного времени», вышедшей в свет еще в 1871 г.¹⁰⁵ Вместе с тем, в большом числе работ той поры содержались развернутые биографии людей, живших и действовавших в конце XVI — начале XVII в. Жизненные пути нескольких опричников Ивана Грозного — Деменши Черемисинова, дьяка Постника Дмитриева, боярина М. Г. Салтыкова-Морозова были исследованы библиотекарем Дерптского университета В. Кордтом¹⁰⁶. В годы особого внимания ученых к эпохе Смуты, «подогретого» празднованием 300-летия династии Романовых в Л. М. Сухотин в своей публикации, посвященной земельным пожалованиям, совершенным при царе Владиславе, обстоятельно рассмотрел судьбу одного из новгородских помещиков, кн. М. В. Белосельского. Этот русский тушинец вместе с патриархом Филаретом последовал к Сигизмунду под Смоленск, был назначен королем воеводой в Торжок 2 августа 1610 г., а позднее перешел на сторону Подмосковного ополчения¹⁰⁷.

В начале XX в., как и в советское время, мы встречаемся с идеологизированными изданиями (такими, к примеру, как «Летопись историко-родословного общества»). Идея публикации документов к юбилейному 1913 году носила четко выраженный характер идеологического заказа. Концом Смуты объявлялось возведение Романова на престол в результате выбора русского «всенародства». Между тем, как известно, легитимность царя Михаила на престоле обеспечивалась подчеркиванием его родства с царем Федором Ивановичем. Но уровень осмысления источников к 1913 г. был столь высок, что идеологический прессинг не смог возобладать над исследовательскими задачами. В результате в нашем распоряжении — отлично изданный и комментированный корпус источников и серия ярких исследований (Е. Д. Сташевский¹⁰⁸, Г. А. Замятин).

¹⁰⁵ Костомаров Н. И. Личности Смутного времени. СПб., 1871.

¹⁰⁶ Kordt V. Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina // Gelehrte Estnische Ges. Verhandlungen. Bd. 16:3. Dorpat, 1892. S. 102, прим. 1.

¹⁰⁷ Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. XXII, сноска 1.

¹⁰⁸ Сташевский Е. Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Киев, 1919.

Жанр комментариев к историческим памятникам, во множестве публикуемым сегодня, неотвратимо заставляет их авторов прибегать к биографическим и историко-географическим исследованиям. Не составляя целостных справочников, некоторые авторы тем не менее приводят исчерпывающие биографические сведения о персоналиях, действовавших в XV–XVIII вв. Одной из самых ярких публикаций источников, содержащей подробные биографические справки об упомянутых лицах, стала, вероятно, публикация «Тысячной книги», предпринятая в 1911 г. Н. В. Мятлевым и Н. П. Лихачевым¹⁰⁹. Широкая эрудиция авторов, их способность дать комментарий к личности каждого из «тысячников», попытка воссоздать «послужной список» каждого, с привлечением данных родословцев делает публикацию Лихачева и Мятлева образцовой; данное издание может считаться лучшим биографическим справочником о служилом люде Московской Руси середины XVI в. В комментариях И. А. Голубцова к III тому Актов социально-экономической истории Руси сохранены те традиции, которые в начале XX в. были заложены Н. П. Лихачевым, Н. В. Мятлевым, С. Б. Веселовским; эти комментарии также могут считаться своего рода справочником, впрочем, скорее не биографическим, а историко-географическим. Не меньшее значение имеют и комментарии В. Д. Назарова к актам Успенского собора и Богоявленского монастыря¹¹⁰. Хочется верить, что данный жанр получит развитие и в дальнейшем¹¹¹. Впрочем, по меткому замечанию С. З. Чернова, в обычных комментариях к актам результаты самостоятельных историко-географических и археологических исследований не умещаются¹¹².

¹⁰⁹ Мятлев Н. В., Лихачев Н. П. Тысячная книга 7059 г. // ЛИРО. Год 7. Вып. 1–2. М., 1911.

¹¹⁰ Назаров В. Д. Комментарии // Акты Московских монастырей и соборов. Из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984.

¹¹¹ Попытка такого комментированного издания источника второй половины XVI в. была предпринята мной в 2000 г. (Селин А. А. Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 207–232).

¹¹² Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М., 2005 (Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2). С. 10.

Не всегда, однако, такие исследования выходят далеко за пределы поиска совпадений отдельных черт биографий, что в свою очередь может приводить к досадным ошибкам. Так, личность переводчика Ганса Бракиля («Анцы Брякилева»), служившего в Новгороде в 1611–1617 гг., вызывает многие споры. По мнению комментаторов труда Юхана Видекинда, Бракиль — лифляндский дворянин, наместник Везенберга, получивший при шведах «огромные владения в Новгородской земле» (всего, по подсчетам авторов, — 550 четвертей, в частности, 10 декабря 1613 г. конфискованные у Ивана Воинова сына Баранова 35 четвертей)¹¹³. Авторы соотносят «огромные поместья» «Анцы Брякилева» с пожалованиями поместьями поляков под Калугой. Следует отметить, что несмотря на особое место, которое Ганс Бракиль занимал при новгородской администрации, поместье в 550 четвертей не было чем-то из ряда вон выходящим, тем более что пожалованный Брякилеву в то время оклад составлял 700 четвертей¹¹⁴, а большая часть его поместья к 1613 г. была «в Обонежской пятине, и то, государь, от воров от казаков разорено до основанья»¹¹⁵.

Нельзя не отметить важности биографических исследований, содержащихся в специальных справочниках, дополнивших отечественную историографию последних лет, «Словаре книжников и книжности Древней Руси» и близких Словарю изданий. Применительно к рассматриваемой в настоящем исследовании эпохе отметим три статьи, посвященные двум выдающимся деятелям Новгорода эпохи Смуты, — митрополиту Исидору и архимандриту Киприану, и принадлежащие Е. К. Ромодановской, Е. В. Крушельницкой и Я. Г. Солодкину¹¹⁶.

¹¹³ Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 532.

¹¹⁴ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 22.

¹¹⁵ Дело по челобитью Анцы Брякилева о поместье (без начала). 1613. 10.07 // RA, NOA. Serie 2:17; Дело по челобитью Анцы Брякилева о пожаловании его подгородной деревней Новоселицы в Холыньском погосте. 1613. 6.07 // RA, NOA. Serie 2:222.

¹¹⁶ Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 156–163; Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории.

Другие фигуры, действовавшие в Новгороде в Смутное время, также привлекали внимание ученых. Среди них Иван Шваль, которого новгородские летописи именуют предателем за то, что он 16 июля 1611 г. тайком провел шведов через Чудинцевы ворота в Новгород. Сравнительно недавно личность И. Шваля была рассмотрена в популярной статье П. В. Седова¹¹⁷. Впоследствии были предприняты попытки идентифицировать И. Шваля с людьми, упомянутыми в документах Новгородского оккупационного архива. Г. М. Коваленко полагает, что Иван Прокофьев Шваль — «реальное историческое лицо. Во время шведской оккупации он был заметной фигурой в Новгороде. Известно, что в 1612 г. он получил от шведов хлебный паек. В 1614 г. он наблюдал за сбором урожая в Тесове, где был избит и ограблен крестьянами. В 1616 г. надзирал за сбором урожая в Белой. В том же году его человек Харька обвинялся в краже лошадей у кн. Н. Мещерского. В 1615 г. перебежчик из Новгорода назвал его среди самых активных сторонников шведов, целовавших крест Густаву Адольфу»¹¹⁸. Впрочем, здесь ученый путает двух Иванов Прокофьевых, действовавших в Новгороде в 1611–1617 гг., ни одного из которых, впрочем, «заметной в Новгороде фигурой» называть не приходится. Иван Шваль лишь дважды упоминается в документах архива Новгородской приказной избы: в июле 1616 г. как голова сторожи на Славенских воротах (вероятно — служилый человек)¹¹⁹ и в августе 1616 г. в упомянутом Г. М. Коваленко деле о краже лошадей из городского стада¹²⁰. Отсутствие данных о Швале в другое время указывает скорее на то, что его не было в Новгороде. Сорока годами ранее, 27 февраля 1577 г., некто Иванко Шваль ку-

Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 379–398; Солодкин Я. Г. Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 119–122.

¹¹⁷ Седов П. В. Интриги Смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

¹¹⁸ [Коваленко Г. М.] Комментарий // Видекинд Юхан. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 594.

¹¹⁹ Челобитная новгородских посадских людей о пропуске их через Славенскую заставу для косьбы на пустоши под Кирилловым монастырем. 1616. 29.07 // RA, NOA. Serie 2:42. Л. 9.

¹²⁰ Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 — 11.10 // RA, NOA. Serie 2:165.

пил что-то из казны Новгородского Софийского дома¹²¹. Одинаковое прозвище можно было бы считать простым совпадением, если бы не то обстоятельство, что на связь открывшего шведам ворота Ивана Шваля с Софийским домом указывает его служба софийскому дворецкому Ивану Захарьеву Лутохину. Известия 1612 и 1614 гг., приводимые Коваленко, относятся не к Ивану Швалю, а к другому Ивану Прокофьеву — подьячему Новгородского дворцового приказа, служившему в 1611–1617 гг., остававшемуся на службе в Хлебном столе новгородского Дворцового приказа и в 1621 г.¹²²

В настоящее время проблемы социальной истории, истории повседневной жизни русского общества XVI–XVII вв. и, уже, эпохи Смуты подробно разрабатываются как в отечественной, так и в европейской и американской историографии. Важно заметить, что такое исследование может быть чрезвычайно многоаспектным: к примеру, еще в монографии 1982 г. Р. Хелли, работая над историей холопства в России, рассмотрел не только социальный состав, основные пути формирования этой группы, но, к примеру, и статистику встречаемости имен¹²³.

Вопросам повседневной жизни различных социальных групп русского общества посвящена серия работ европейских и американских исследователей. В работе Дж. Мартин об экономике Новгородской земли 1580-х гг. — в чем-то альтернативной трудам ленинградских историков-аграрников 1970-х — особое место занимает история частных хозяйств. Не претендуя на изучение проблем повседневной жизни новгородской деревни, автор, между тем, показывает историю помещичьего хозяйства братьев Косицких — Федора, Михаила, Ждана и Петра Борисовичей¹²⁴. Старший из братьев, Федор Борисович, дожил до Смутного времени, он был среди новгородцев, скупавших имущество Михаила Татищева осенью 1608 г. (купил «2 наволоки подушечные тафта китайка лазорева» и седло¹²⁵). Ф. Б. Косицкий, пере-

¹²¹ Отрывки из приходных книг Новгородского Софийского дома. 1577 / Сообщено И. Куприяновым // ВОИДР. Т. 25. 1857. Смес. С. 1–2.

¹²² Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 268.

¹²³ *Hellie R. Slavery in Russia*. Chicago; L., 1982.

¹²⁴ *Martin J. Economic Survival in the Novgorod Lands in the 1580s* // *New Perspectives on Muscovite History*. Hampshire; L.; NY., 1993.

¹²⁵ Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 8, 13.

живший своих братьев, скончался между октябрём 1611 г. и августом 1612 г., вероятно, в своем поместье в Рождественском Бельском погосте Шелонской пятины¹²⁶. Анна Яковлевна Косицкая, жена Ждана Борисовича Косицкого, овдовела уже к 1600/01 г.¹²⁷

Анализ исследований в жанре микроистории, проводимых в европейской и отечественной науке, чрезвычайно важен для данной книги. Вслед за А. Б. Каменским я сознательно отказываюсь от попытки дать определения жанрам «микроистории» и «истории повседневности»¹²⁸. Вместе с тем следует указать, какие работы этих направлений кажутся ценными для осмысления новгородского общества начала XVII в.

Обзор исследований по гендерной истории в современной русской историографии предложен Л. П. Репиной в недавней публикации¹²⁹. Исследователь справедливо подчеркивает, что интерес к детализации истории, к индивидуальному — тому, что раньше считалось «неисторическим», в целом проявляется в отечественной историографии с середины 1990-х. и реализуется в изданиях «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем», «Адам и Ева» и им подобных (преимущественно выпускавшихся Институтом всеобщей истории РАН). По мнению ученого, история индивидуального создала тот контекст, в котором микро- и макроанализы могли быть применены одновременно. Изучение того, как культурные традиции, обычаи и взгляды должны были определять человеческое поведение в конкретной жизни, привело к исследованию человеческих поступков. Такие исследования фокусировались на изучении экстраординарных личностей или, по меньшей мере, людей, ко-

¹²⁶ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 37, 55, 100; Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 261, 262–265.

¹²⁷ Она записала за себя холопа в Новгороде в 1600/01 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 384).

¹²⁸ *Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века*. М., 2006. С. 19.

¹²⁹ *Repina L. Gender Studies in Russian Historiography in the nineteenth-nineties and early twenty-first century* // *Historical Research*. Vol. 79. № 204. 2006. P. 270–286.

торым необходимо было принимать решения в экстраординарных ситуациях. В русской историографии гендерная и женская история не получили такого распространения, так как здесь это направление — одна из многих попыток уйти от классового и социально-экономического подхода. Пионером в изучении «женской истории» может считаться Наталья Пушкарева. Особенно интересны ее исследования понятия материнства, изменения материнских чувств со временем. Вообще в «русской женской истории» наиболее полно разработанной темой является повседневность и человеческие взаимоотношения.

Еще одно важное направление гендерной истории в русской историографии — исследование девиантного поведения, в частности — содомии и ненормативной сексуальности¹³⁰. Л. П. Репина справедливо обозначила продуктивную тенденцию в анализе сообщений иностранцев об этих явлениях в Московской Руси, отметив, что подобные свидетельства подвергаются сомнению, т. к. русские — стереотип «другого» для культуры Запада, поэтому с ними и связываются такие девиантные образы.

В 2006 г. увидела свет книга А. Б. Каменского, посвященная повседневной жизни горожан Бежецка XVIII в.¹³¹ Атмосфера свободы и неангажированности, характерная для ученых РГГУ, где была подготовлена данная монография, отсутствие формальных рамок — все это позволило А. Б. Каменскому поместить в ней необычно развернутое предисловие. По мнению ученого, занятия микроисторией и историей повседневности, ставшие модными направлениями в современной исторической науке, связаны с общим методическим кризисом, охватившим традиционную историю¹³². Приступая к еще одной «истории повседневности», Каменский

¹³⁰ Один опыт такого исследования принадлежит и автору этих строк (Селин А. А. Новые материалы о гомосексуализме в Новгороде начала XVII в. // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 40–45). Данная публикация получила неожиданно большой отклик в интернет-ресурсах, специализирующихся на гей-проблематике, а позднее привлекла к себе внимание журналистов желтой прессы — «Комсомольской правды» и проч.

¹³¹ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей...

¹³² Там же. С. 11–12.

рефлексирует над предметом и методами своих занятий, а также — над конечным продуктом (т. е. над собственно монографией, какой она должна получиться). Так, согласно Каменскому, любое исследование такого рода пестрит обилием имен и подробностей, ничего не говорящих читателю. Однако их, по мнению ученого (которое я полностью разделяю), необходимо все же сохранять, чтобы не сделать труд безличным, а также из уважения к людям, эти имена носившим¹³³. Неформальный анализ источников — материалов Бежецкого городского архива, оказался продуктивным. Ученый справедливо отметил, что в документах, в особенности в судебных делах, отражаются события эксцентричного, чрезвычайного характера. Семейная жизнь была, вероятно, в большинстве случаев благополучной, но документы сообщают нам лишь о конфликтах. Таким образом, именно конфликты оказываются наиболее информативными. Но неясно, типичны ли они для рассматриваемого общества¹³⁴. Следуя Каменскому, не в наших силах характеризовать семейные отношения в целом, выявить, какие были типичными, какие нет. Мы можем зафиксировать только что-то, сообщающее о семейных и родительских отношениях. То, что мы знаем, по мнению ученого, является нарушением нормы, частицами «мозаики, из которой не складывается целостной картины»¹³⁵. В материалах местного судопроизводства Каменский ищет живую жизнь Бежецка XVIII столетия. Ученый подробно рассматривает челобитные — источник с несомненно формализованным языком, выполненный профессионалами-писцами. Вслед за А. С. Лавровым, А. Б. Каменский пытается рассматривать расспросные речи как human document. В этом источнике представлена заведомо неравная ситуация. По А. С. Лаврову, исследовавшему вероисповедные судебные дела XVII–XVIII вв., в расспросных речах отражается противостояние определенной стратегии принуждения (со стороны ведущего дело) и защитной стратегии (со стороны допрашиваемого)¹³⁶.

¹³³ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей... С. 22.

¹³⁴ Там же. С. 35–36.

¹³⁵ Там же. С. 271–273.

¹³⁶ Там же. С. 42–43, 45–46.

Самым ярким обобщающим исследованием московского служилого города является работа В. Кивельсон, посвященная дворянству северо-восточных уездов Московского государства и основанная на десятиях середины XVII в.¹³⁷ Американская исследовательница пишет о специфических чертах московского служилого люда. Эти люди, по ее словам, избрав на царство Михаила Романова, разъехались по своим уездам, предпочтя свои частные проблемы — малолюдность помещий, несправедливый оклад, неподобающее заслугам место в списке служилого сословия — тем, что стояли перед страной, тогда как в то же время «на Западе средний класс формировал новое понятие о гражданстве, а в соседней Польше знать управляла королем»¹³⁸. В. Кивельсон сравнивает выборы губных старост с английскими выборами в парламент до середины XVII в., а Шекспира с Иваном Федоровым¹³⁹. «Герои» исследования В. Кивельсон — это ровесники тех новгородцев, кто начал службу около 1605 г., т. е. младшего поколения из тех, что включены в базу данных, подготовленную для этой книги.

В. Кивельсон также отмечает, что личные, неформальные связи в XVII в. играли не меньшую роль в функционировании государства, чем бюрократические правила и процедуры. Персонализация отношений давала возможность провинциалам приспособиваться к сложным взаимоотношениям с представителями центра, а подчас и к столичной жизни. Вместе с тем, по В. Кивельсон, такая система, действовавшая за счет неформальных связей, декларировала (в Уложении 1649 г.) осуждение использования этих связей. Личные связи являлись системной чертой Московского государства при первых Романовых. Двойной стандарт возник из противоречий внутри этой системы. Но не стоит считать непоследовательность государственной политики проявлением бесстыдного лицемерия. Здесь, скорее, мы сталкиваемся с многогранностью системы в переходный период XVI—XVII вв. В. Кивельсон утверждает, что неофициальная московская политика того времени базировалась на «треножнике»: заступничество — благодеяние — милость (причем рядопологались

¹³⁷ Kivelson V. A. *Autocracy in the province: The Muscovite gentry and political culture in the 17th century*. Stanford, 1996.

¹³⁸ Там же. С. 7.

¹³⁹ Там же. С. 12, 145.

милость благодетеля, государя, Богородицы; судьи — в приказе или на Страшном суде — не вынесут справедливого приговора без мольбы о милости)¹⁴⁰.

Крупный центр исследований эпохи Смуты с новых источниковедческих позиций сложился в последние годы в Волгограде вокруг И. О. Тюменцева. Первые работы этого автора были связаны с изучением осады Троицы войсками Сапеги¹⁴¹. Именно изучение архива Сапеги подтолкнуло автора к более глобальной теме — исследованию всего движения Тушинского вора¹⁴². На обширном актовом материале Тюменцев подробно проследил этапы развития движения и, что кажется нам особенно значимым, региональную специфику движения — то, как в разных уездах и областях Московского государства воспринимались известия о царевиче Дмитрие, с помощью каких механизмов Тушинский лагерь приобретал себе союзников.

Важной заслугой И. О. Тюменцева можно считать привлечение новых источников по истории главнейших событий Смуты из шведских и польских архивов. Так, ярким памятником полемической мысли Смутного времени является список сторонников Василия Шуйского, озаглавленный «Московского государства ушники, которые Московское государство в разорение и смуту приводили...», составленный сторонниками Владислава с пометами Льва Сапеги¹⁴³. Еще одно важное открытие Тюменцева — реконструкция комплекса архива Яна Сапеги¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Кивельсон В. Родственные связи и покровительство в провинциальной политике XVII века // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 2. М., 1994. С. 242–252.

¹⁴¹ Тюменцев И. О. *Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой лавры*. Волгоград, 1995.

¹⁴² Тюменцев И. О. *Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II*. Волгоград, 1999.

¹⁴³ Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992. М., 1994. С. 317–319.

¹⁴⁴ Тупикова Н. А., Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. Пять писем тушинского гетмана Романа Ружинского из русского архива Яна Сапеги 1608–1610 годов // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2001. Вып. 6. С. 24–33.

Ученица И. О. Тюменцева, Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»¹⁴⁵. Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десятины, в том числе новгородские. Исследовательнице удалось установить родственные связи некоторых новгородских приказных с московскими бюрократами¹⁴⁶. Единственной ошибкой Рыбалко явилось причисление к «новгородским» дьякам и подьячим приказных новгородского Софийского дома (сведения о них Рыбалко почерпнула из опубликованной в Актах исторических части актов Новгородского Софийского дома). В другой работе Н. В. Рыбалко рассмотрела родственные связи 673 дьяков и подьячих Московского государства 1598–1613 гг., учитывая как их родственные связи друг с другом, так и с дворянскими родами¹⁴⁷.

З. А. Тимошенкова в небольшой работе о землевладении Иверского монастыря вновь вернулась к генеалогическим проблемам, связанным с историей сложения одного из монастырских комплексов владений. В 1654 г. к монастырю перешел двор дьяка Михаила Милославского, а позднее и вотчина Милославских в восточном Приильмене. В статье З. А. Тимошенко рассмотрены родственные связи Михаила Милославского — дьяка, взятого в плен Лжедмитрием III в Ивангороде, позднее ставшего дьяком во Пскове и приведшего Псков под власть Романовых с князьями Мышецкими и другими новгородцами — участниками Смуты (Ивковыми и Языковыми)¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5. С. 21–39.

¹⁴⁶ Новгородец Василий Тихонов Аврамов скорее всего был братом дьяка Разрядного приказа Сапуна Тихонова Аврамова.

¹⁴⁷ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные отношения // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, регионоведение, международные отношения. 2001. Вып. 6. С. 43–56.

¹⁴⁸ Тимошенкова З. А. Землевладение Иверского монастыря в XVII веке // Вестник Псковского вольного университета. Т. 3. 2000. № 1–3. С. 12–21.

В обзоре историографии Смутного времени нельзя не коснуться работ генеалогического направления, как носящих общий характер, так и посвященных реконструкции отдельных родов новгородцев. Все работы этого рода перечислить невозможно, так как именно эпоха Смуты дала первый пласт документов, повествующих о судьбах множества дворян. Важное место в этом ряду занимает справочник, составленный кн. А. Б. Лобановым-Ростовским¹⁴⁹, пользовавшимся родословными росписями конца XVII в. Основным недостатком этого справочника заключается в том, что в нем подчас отсутствуют ссылки на источники, вероятно, с целью избежать громоздкости. Сказанное может быть отнесено и к широко известному справочнику В. В. Руммеля и В. В. Голубцова¹⁵⁰. В 1886 г. в свет вышел очерк рода Колычевых, написанный в довольно патетических тонах, с несколько назойливым подчеркиванием именно боярской принадлежности рода, но зато основанный на обширном фактическом материале, в ряде случаев имеющий уникальные отсылки к архивным материалам с качественным справочным аппаратом¹⁵¹. Особое внимание автор уделил новгородским Колычевым — помещикам Шелонской пятины, часть которых в годы Смуты сумела пробиться в московские дворяне. Самым ярким представителем этой фамилии в Новгороде в описываемую эпоху был Полуэкт Матвеевич Колычев, сидевший в Москве в осаде при царе Василии Шуйском, а в 1611–1612 гг. участвовавший в посольстве новгородцев к королю Карлу IX. Существуют также две сравнительно недавние работы, посвященные родам новгородцев — князей Елецких¹⁵² и Мышецких¹⁵³ и их родственных связям. В 1994 г. группа ученых РГГУ подготовила работу, посвященную новгородцам Апрелевым; одна-

¹⁴⁹ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Изд. 2-е. СПб., 1895. Т. 1–2.

¹⁵⁰ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, 1887. Т. 1–2.

¹⁵¹ Боярский род Колычевых / Сост. М. Л. Б[оде]-К[олычев]. М., 1886.

¹⁵² Селезнев-Елецкий А. В. История происхождения древнего дворянского рода Селезневых. Ч. 1. М., 2006.

¹⁵³ Лебединский М. Ю. Хроника рода князей Мышецких. М., 1990–1997. Рукопись не опубликована, доступна в сети Интернет по адресу: www.lib.ru (Библиотека Мошкова).

ко она была опубликована лишь в виде поколенной росписи, хотя авторы и отмечали, что в их распоряжении имеется богатая биографическая информация¹⁵⁴.

Историография Новгорода Смутного времени

Серия работ об известных деятелях новгородской истории в Смутное время принадлежит Н. В. Мятлеву. Бесценным материалом для истории персоналий эпохи Смутного времени является, без сомнения, и опубликованная им десятина Водской пятины 1605 г., и предпосланный ей источниковедческий и исторический очерк, рассказывающий об участии многих из дворян 1605 г. (Воина Новокшенова, Никиты Вышеславцова, Василия Трусова и других) в событиях Смуты¹⁵⁵. Еще одна небольшая генеалогическая работа Н. В. Мятлева, базирующаяся на писцовых книгах, посвящена князьям Мышецким, помещикам Ореховского уезда, активным участникам обороны Орешка от шведов осенью—зимой 1611 г. и предкам деятелей старообрядчества Денисовых¹⁵⁶.

Обширная литература посвящена дьяку Ивану Тимофееву — автору «Временника», жившему и действовавшему в Новгороде в годы Смуты¹⁵⁷. Не буду останавливаться на подробном разборе историографии, связанном с «Временником», но обозначу лишь основные тенденции в литературе последних лет.

В одной из своих недавних работ Л. Е. Морозова, пытаясь анализировать историографию Смуты в трудах ее современников, высказала несколько экстравагантную идею. По ее мнению, митропо-

¹⁵⁴ Рикман В. Ю., Сапожников С. А. Генеалогия рода Апрельевых // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 247–257.

¹⁵⁵ Десятина Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 435–509.

¹⁵⁶ Мятлев Н. В. Князья Мышецкие // ИРГО. Вып. 4. СПб., 1911. С. 93–107.

¹⁵⁷ Назову самые главные работы последних лет: Солодкин Я. Г. Иван Тимофеев в Новгороде (Из истории русской публицистики начала XVII в.) // НИС. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 110–123. Он же. Иван Тимофеев сын Семенов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 14–20.

лит Исидор после событий лета 1611 г. и захвата шведами Новгорода «стал вынашивать план создания отдельного Новгородского государства во главе со шведским принцем Карлом Филиппом. Фактически такое государство существовало с июля 1610 (так! — А. С.) г. по 27 февраля 1617 г.». Исследователь считает, что «Временник» Ивана Тимофеева был написан с целью политического обоснования такого государства¹⁵⁸. Представляется, что произведение дьяка, одного из страдательных (в отличие от Пятого Григорьева и подьячего Григория Собакина) элементов приказной бюрократии Новгорода, никак не может считаться обоснованием независимости Новгорода; напротив, мнения дьяка чрезвычайно резки в отношении практически всех фигурантов политической жизни того времени¹⁵⁹.

Новый подход к изучению «Временника» демонстрирует преподаватель Монреальского Университета М. Свобода. По мнению ученого, все ее предшественники игнорировали ту часть «Временника», которая непосредственно касается Новгорода, т. е., по подсчетам М. Свободы, примерно треть памятника. При этом, следуя «Временнику», целью его создания было именно описание бедствий города. Ученый справедливо полагает, что после 1570 г. Новгород окончательно интегрировался в Московскую державу, а «славные дни города» минули более чем за сотню лет до рождения Тимофеева. По поручению Исидора Тимофеев должен был отредактировать текст присяги новгородцев Карлу Филиппу (здесь М. Свобода следует А. Шёбергу¹⁶⁰). Это немедленно включило его в административную элиту города. Так как Тимофеев был человеком, знакомым с историческим прошлым Новгорода, нельзя представить себе, что ему была неизвестна легенда о Белом Клобуке. М. Свобода находит две соответствующие аллюзии во Временнике. Впервые Новгород возникает на страницах труда Ивана Тимофеева в связи с описанием похода Ивана Грозного. В этом месте Тимофеев во многом повторяет Новгородскую третью летопись «красочным гиперболическим языком». Важным обстоятельством,

¹⁵⁸ Морозова Л. Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

¹⁵⁹ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888. С. 135.

¹⁶⁰ Sjöberg A. Ivan Timofeev and his Two still Unidentified enemies in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

по Свободе, является то, что во Временнике не упоминается ни имени царевича Ивана Ивановича, ни о наказании Новгорода Иваном Грозным за какие-то конкретные поступки/измены. Причину этого М. Свобода видит в том, что царевич Иван — законный наследник и, в отличие от греховного отца, не может быть греховен; Новгород же не может быть заподозрен в измене (по концепции Тимофеева). Дьяк — не летописец, а интерпретатор. Его цель — объяснить причины Смуты и выявить «греховную» партию. По Тимофееву, Иван Грозный, Борис Годунов, Василий Шуйский — несправедливые цари, в отличие от Романовых. Тимофеев подчеркивает, что Иван Грозный отверг многих русских советчиков и прибегнул к советам иностранцев, что и привело его к походу на Новгород. За это Господь его и покарал (1571 г. — поход Девлет-Гирея). «Плач о Новгороде» — второе обращение Тимофеева к новгородской тематике. Разорение Новгорода шведами уподоблено разорению Иерусалима Титом. М. Свобода считает, что для Тимофеева образ пророка Иеремии, родившегося во времена, когда Иудея распалась, был актуальным для уподобления. В отличие от Иерусалима, Новгород пал из-за действий «несправедливых» царей. Исследователь подчеркивает нелюбовь Тимофеева к Е. Телепневу и М. И. Татищеву и отмечает следующие библейские параллели: смерть Скопина сопоставляется со смертью Иосифа, а деяния Скопина с деяниями Моисея. Противоречия же между Новгородом и Москвой должны оцениваться в контексте доктрины ап. Павла: «Если один член болит, то болят все члены». Таким образом, Новгород — один из членов тела — сможет вернуться под власть Москвы только тогда, когда произойдет признание роли Новгорода в качестве Нового Иерусалима, в противоположность подавлению города, происходившему при царях Иване IV, Борисе Годунове и Василии Шуйском. Новгород, по Тимофееву, представляет собой все, что было утрачено Москвой при «несправедливых» царях¹⁶¹.

Одна из самых трагичных фигур истории Новгорода начала XVII века — Михаил Игнатьевич Татищев, удаленный туда царем Василием Шуйским и убитый новгородцами. Ему посвящена отдельная

¹⁶¹ Swoboda M. The Place of Novgorod in Ivan Timofeev's Vremennik // Russian History/Histoire Russe. Vol. 25. № 4. 1998. P. 409–428.

работа, написанная представителем этого рода, Ю. В. Татищевым в начале XX столетия. Негативное отношение к фигуре М. И. Татищева, как сумел показать ученый, сложилось под влиянием «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, в 1608–1609 гг. члена новгородского правительства и явно пристрастного к фигуре Татищева, который, по сути, был лишь жертвой в неудачной политической игре кн. М. В. Скопина-Шуйского¹⁶².

Род Татищевых как отдельный объект исследования был разработан историком начала XX века С. С. Татищевым¹⁶³. Скрупулезное исследование ученым не только собственно Татищевых (ветвь которых была помещена в Шелонской пятине Иваном III), но и их родственных связей на обширном источниковом материале, в первую очередь на материалах приказного делопроизводства, дает современному историку серьезную информацию также о Муравьевых, Скобельцыных и проч. Монография С. С. Татищева — это результат обработки большого массива архивных фондов, рабочий материал к этой монографии сам стал особым архивным фондом РГИА¹⁶⁴.

В 1920-х гг. в сборнике «Века» были опубликованы две работы молодых тогда историков, посвященные людям XVI–XVII вв., чья судьба так или иначе была связана с Новгородом. В очерке П. А. Садикова «Царь и опричнина» подробно рассматривалась судьба одного из членов позднейшего опричного правительства Василия Грязного, который, кроме всего прочего, после взятия в опричнину Шелонской

¹⁶² Татищев Ю. В. Деятели Смутного времени. I. Михаил Игнатьевич Татищев // ЛИРО. Вып. 1. 1905. Позднее к жизнеописанию рода Татищевых Ю. В. Татищев обратился еще в одной работе (Татищев Ю. В. Татищевы и Писемские // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 70–79). Личность кн. М. В. Скопина-Шуйского, без сомнения, идеализирована в русской историографии, где «героический» Скопин противопоставляется «лукавому» Василию Шуйскому. Занятно, что в легенде об отравлении Скопина на пиру у Дмитрия Шуйского всячески подчеркивается, что яд подмешала жена Дмитрия Шуйского, дочь Малюты Скуратова (брак с дочерью Малоты Скуратова в романовской и большевистской популярно-исторической литературе всегда ставится в упрек и Борису Федоровичу Годунову — вспомним Пушкина!). Не отражение ли это каких-то чрезвычайно пристрастных мнений первых лет царствования Романовых?

¹⁶³ Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. СПб., 1900.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 878. Оп. 2.

пятины получил поместья в Которском погосте. Портрет В. Грязного, нарисованный П. А. Садиковым, многосторонне и ярко представляет его как неординарного человека, волею судеб приближенного к безумному царю¹⁶⁵. В очерке С. В. Бахрушина речь идет об уже упоминавшемся мной участнике событий Смуты на Северо-Западе Андрее Палицыне, который был охарактеризован автором как «русский интеллигент XVII века»¹⁶⁶. Личность Андрея Палицына обрисована в довольно мрачных тонах: в 1608 г. он был послан И. М. Заруцким «от Спаса на Тушине» в Тотьму, в 1610 г. участвовал в посольстве к Сигизмунду как представитель городского дворянства, в то время как его отец, Федор Палицын, служил окольным Псковскому вору. После прихода к власти Романовых А. Ф. Палицын сохранил чин стряпчего и получил воеводский пост в Угличе. В 1614 г. «под его командой образовался отряд казаков с довольно темным прошлым, с которыми он засел в Рамышевском острожке под Старой Руссой, угрожая одновременно и этому городу, занятому шведским ротмистром Вагнером, и самому Новгороду» (речь идет об участии А. Ф. Палицына в боевых действиях кн. Д. Т. Трубецкого под Новгородом). В марте 1614 г. Палицын нанес поражение «немецким людям» между Руссой и Новгородом и одновременно оказал поддержку Г. Валугеву в Невеле. В челобитных царю Михаилу Федоровичу Палицын писал: «А брат, государь, мой родной... за твое государское имя от Якова Пунтусова по составам розрезан, а мертвое его тело брошено в Волхов». Это было ложью: Семен Палицын продолжал служить в Новгороде при правительстве Делгарди — Одоевского и получал прибавки к поместным дачам. Он погиб при осаде Тихвина летом 1613 г.¹⁶⁷

Важной характеристикой обоих очерков является то, что, освободившись от созданного при ранних Романовых историографического мифа о «плохих» государях Борисе Годунове и Василии Шуйском и «хороших» Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете, и Садиков, и Бахрушин не успели воспринять большевистский историографический миф о глобальном детерминизме классовой борь-

¹⁶⁵ Садиков П. А. Царь и опричнина (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574–1576 гг.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 36–78.

¹⁶⁶ Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 79–110.

¹⁶⁷ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга... Т. 2. С. 60.

бы и проч. Не случайно, а характерно замечание С. В. Бахрушина о множестве тушинцев — в частности, Андрее Палицыне, — в правление патриарха Филарета обосновавшихся при дворе и продолжавших делать карьеру. Такое замечание вряд ли было бы уместным в предшествующей историографии и не встречается в историографии советской.

В конце XX в. появились первые исследования Новгорода как служилого города. Важным стимулом для исследования новгородского поместного землевладения явилась деятельность семинара А. Л. Шапиро в 1960–1970-х гг., результатом работы которого явилось издание четырех томов «Аграрной истории Северо-Запада России». Главной целью исследований большой группы ленинградских историков было крестьянское хозяйство Северо-Запада. Обратившись к исследованию комплекса массовых письменных источников XV–XVII вв., основу которого составляли писцовые книги, тема поместного землевладения, а также персонального состава новгородского дворянства непременно возникала во многих работах участников семинара, создававшихся параллельно с написанием коллективных монографий. В первую очередь следует отметить публикации Г. А. Победимовой, специально исследовавшей весь комплекс делопроизводства Поместного приказа, касающийся Деревской пятины. Результатом наблюдений над этим комплексом явилась специальная статья Г. А. Победимовой, посвященная генеалогии служилого сословия XVI в.¹⁶⁸

В 1990-е годы исследования новгородских писцовых книг продолжились уже в Российском государственном архиве древних актов. Результатом этих исследований стала до сих пор продолжающаяся публикация Писцовых книг Новгородской земли XVI в. под редакцией К. В. Баранова. Одновременно А. В. Антонов и К. В. Баранов проводят масштабную работу по выявлению следов частных архивов московских служилых людей в архивах центральных учреждений Московского государства. Эти изыскания принесли много новой информации для понимания обстоятельств сложения новгородского служилого города. Равно значимы и отдельные исследования К. В. Баранова, посвященные родословиям новгородцев,

¹⁶⁸ Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Т. 14. 1983. С. 59–64.

их связям/несвязям с послужильцами московских бояр, родству с новгородскими родами XV в. (здесь, надо сказать, К. В. Баранов следует той традиции, которая была заложена еще в начале XX в. Н. В. Мятлевым)¹⁶⁹.

В недавнем прошлом появилась работа М. М. Бенцианова, посвященная особенностям формирования новгородского служилого сословия. Важным наблюдением является мысль ученого о том, что и после присоединения Новгорода к Московскому государству в силу специфичности своего положения и его удаленности от Москвы он сохранял центробежные тенденции, и уже второе поколение местных помещиков вполне осознавало себя новгородцами, чье положение отлично от остального служилого сословия государства¹⁷⁰. Такая самоидентификация новгородского дворянства ярко проявилась и в годы Смуты.

Близкие идеи более развернуто сформулированы в статье А. П. Павлова о специфике новгородской и псковской служилых корпораций. Исследователь подчеркивает, что удаленность северо-западных городов на протяжении XVI–XVII вв. затрудняла проникновение выходцев оттуда в состав Государева двора. Со временем эта тенденция усиливалась. Хотя после Смуты значительная часть новгородцев оказалась записанной в состав дворян московских, это не усиливало, но ослабляло город¹⁷¹.

В 1990-е годы группа исследователей в Санкт-Петербургском университете, возглавляемая В. М. Воробьевым, также обратилась к изучению городских служилых корпораций. Однако путь, по которому пошли ученые при изучении, в частности, новгородского дворянства, был не исследованием судеб людей, но основанным на десятнях и близких к ним по содержанию документах статистическим

¹⁶⁹ Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 85–97.

¹⁷⁰ Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV — середине XVI в. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241–277.

¹⁷¹ Павлов А. П. Новгородское дворянство и Государев двор XVI–XVII веков // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 140–147.

подсчетом, направленным в первую очередь на установление боеспособности тех или иных городских полков¹⁷². Зачастую эти исследования в ущерб эвристике наполнены ненужной патетикой¹⁷³. Наиболее важными и основательными работами этой группы представляются исследования Н. В. Смирнова, посвященные преимущественно тверской городской корпорации. Впрочем, его перу принадлежат и обобщающие исследования о боеготовности и обеспеченности всего русского войска¹⁷⁴. Очень фундирована также работа К. Н. Баранова, посвященная костромскому служилому городу, основанная на материалах разборной книги костромских служилых людей 1676 г. Важный вывод Баранова заключается в том, что реформа русского войска XVII в. осуществлялась постепенно и в составе традиционной для XVI–XVII вв. организации дворян в служилые города¹⁷⁵.

Одновременно на историческом факультете Санкт-Петербургского университета проблемы становления русского дворянства разрабатывались И. Б. Михайловой¹⁷⁶. Весомым итогом ее исследований может считаться монография, посвященная служилым людям Северо-Восточной Руси¹⁷⁷. Если оставить в стороне дискуссии о природе

¹⁷² Смирнов Н. В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 91–99; Алой А. А. Рязанское и новгородское поместное землевладение в первой половине XVII века // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 2. Великий Новгород, 1999. С. 85–91.

¹⁷³ Воробьев В. М. Как и с чего служили на Руси в XVII веке (к истории русского дворянства) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 451–462.

¹⁷⁴ Смирнов Н. В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI — первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 369–382.

¹⁷⁵ Баранов К. Н. Костромской служилый город в 70-е годы XVII в. // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 36–39.

¹⁷⁶ Михайлова И. Б. Петр Зайцев и Василий Грязной: две судьбы, два пути в опричнину // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 125–136; Михайлова И. Б. Опричник в кругу семьи // Вестник Удмуртского университета. Сер. История. 2004. № 3. С. 49–62.

¹⁷⁷ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV–первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., Изд-во СПбГУ, 2003.

русского дворянства, о соотношении понятий «дворяне» и «дети боярские» в XV–XVI вв.¹⁷⁸, исследование И. Б. Михайловой следует оценить весьма высоко. Обилие фактического материала по социальной и персональной истории Северо-Востока, привлеченного и скрупулезно разработанного в монографии ученого, поражает. К сожалению, сообщение о том, что в ходе работы было составлено около 1200 «коллективных портретов» дворянских фамилий, не сопровождается приложением, где бы все эти «коллективные портреты» стали доступны читателю. В то же время я не могу согласиться со всеми построениями И. Б. Михайловой, в частности — с реконструкцией рода Милославских¹⁷⁹, с явной модернизацией, свойственной суждениям о «приятии» или «неприятии» детьми боярскими политики Ивана IV, с некоторыми терминами, используемыми в монографии¹⁸⁰. Сама методика создания «коллективных портретов» достаточно продуктивна: выше я упоминал об убедительном суждении Б. Н. Морозова и О. Е. Кошелевой о двух важнейших ценностных приоритетах московского дворянства XVI–XVII вв. — роде и службе, — сделанном именно на основе анализа таких коллективных биографий. Впрочем, в монографии И. Б. Михайловой этот метод подчас сводится к пересказу генеалогических таблиц, что, может быть, и поучительно,

¹⁷⁸ По мысли исследователя, страта городских детей боярских тесно связана по происхождению с городскими общинами Древней Руси. Последняя умозрительная конструкция школы И. Я. Фроянова в качестве обоснования не выдерживает критики. Равным образом сильно идеологизированным мне кажется тезис о всеобщем — от великого князя до крестьянина — служении, являвшемся идеей, консолидирующей «городовую общину»/все русское общество (*Михайлова И. Б. Служилые люди...* С. 4, 5). При этом совершенно вне внимания исследовательницы остается монгольское и византийское влияние на социальное членение раннемосковского общества, а преемственность московских институтов по отношению к древнерусским не подвергается сомнению.

¹⁷⁹ В исследовании И. Б. Михайловой известен Лука Иванович Милославский, но его дети (Иван и Давыд, упомянуты в опубликованных А. И. Яковлевым новгородских кабальных книгах) и брат, дьяк Михаил Милославский (известен по справочнику С. Б. Веселовского) и их потомство не отмечены (*Михайлова И. Б. Служилые люди...* С. 130–135, табл. 1.17).

¹⁸⁰ Так, в поисках лучших синонимов, И. Б. Михайлова употребляет применительно к основателям того или иного рода детей боярских термин «праотцы», что несколько наивно.

но не наглядно, и что было бы уместно в приложениях, а не в тексте книги¹⁸¹.

Новгороду эпохи Смуты посвятил серию своих статей Г. М. Коваленко. Его перу принадлежит обзорный очерк деятельности Якова Деллагарди в Новгороде¹⁸², большой текст о новгородских переводчиках XVII в.¹⁸³ Однако на наш взгляд, ценнейший вклад Г. М. Коваленко в исследование новгородского общества той поры заключается в открытии и публикации сообщения М. Клементьева о Московском государстве после избрания Михаила Федоровича¹⁸⁴. Это единственный нарративный документ, вышедший из-под пера одного из рядовых героев новгородской жизни Смутного времени, по своей критичности приближающийся к известной «Повести о земском соборе 1613 г.»¹⁸⁵

В последние годы большое число работ о новгородцах Смутного времени опубликовала Е. И. Кобзарева. Ее исследования базируются на копиях столбцов Новгородской приказной избы, сделанных для советских ученых в 1960-е годы и хранящихся в ГАРФ. Серия статей Кобзаревой в недавнем прошлом завершилась монографией, защищенной как докторская диссертация¹⁸⁶. Е. И. Кобзаревой принадле-

¹⁸¹ По мнению В. Г. Ананьева, метод коллективных биографий, применяемый И. Б. Михайловой, позволяет «по новому взглянуть» на проблему (*Ананьев В. Г. Князь Андрей Васильевич Трубецкой: исторический портрет // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 31–35*). Однако сам Ананьев в своей статье рассматривает биографию одного кн. А. В. Трубецкого в широком контексте источников, в большей степени методически руководствуясь приводимым им тезисом Карло Гинзбурга о том, что «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных социальных стратегий». Эту-то стратегию Ананьев и пытается выявить.

¹⁸² *Коваленко Г. М. Яков Деллагарди в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1998 г. Новгород, 1998. С. 88–91.*

¹⁸³ *Коваленко Г. М. Новгородские переводчики XVII в. // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 123–128.*

¹⁸⁴ *Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1992. С. 128–131.*

¹⁸⁵ *Повесть о земском соборе 1613 г. // Хроники Смутного времени. М., 1998.*

¹⁸⁶ *Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.*

жат ценные наблюдения о взаимоотношениях внутри новгородского общества в 1611–1617 гг., о политической истории этого времени¹⁸⁷. Исследователь пишет о том, что материалы архива Новгородской приказной избы позволяют говорить о проблемах выбора простого человека в Смутное время, выявляют мотивы тех или иных поступков новгородцев в эту непростую эпоху¹⁸⁸.

Особенностью исследований Е. И. Кобзаревой является то, что шведы в них предстают с определенным знаком минус — оккупантами, а сотрудничество новгородцев со шведами рассматривается не просто как компромисс, но как измена. Ученый употребляет обороты: «на службе у шведов», «служит шведам», выглядящие довольно назойливо и пристрастно. Наиболее продуктивные наблюдения Кобзаревой встречаются там, где исследователь вводит в оборот материалы Разрядного архива¹⁸⁹. Вместе с тем Е. И. Кобзарева очень слабо владеет смежным материалом и терминологией. К примеру, неясно, что обозначает именование Василия Ивановича Трусова «судьей по сбору пошлин» — в разное время этот служилый человек и занимал пост судьи, и назначался к сбору пошлин, о судьях же «по сбору пошлин» мне не известно¹⁹⁰. Точно так же сложно понять, что Е. И. Кобзарева имеет в виду, когда именуется чашника В. И. Бутурлина «боярским сыном»¹⁹¹, каким образом Лжедмитрий I в Москве «беспрепятственно исповедовал католичество»¹⁹², можно ли генерала, а позднее фельдмаршала Якова Делагарди именовать «полевым командиром»¹⁹³. Неясно и что исследователь подразумевает под «оплатой шведами церковных богослужений»¹⁹⁴. Подчас Е. И. Кобзарева демонстрирует явное незнание источников. Так, она предположительно пишет об

¹⁸⁷ Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11–13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80–85.

¹⁸⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 12.

¹⁸⁹ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 16, 26, прим. 6.

¹⁹⁰ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 339–381.

¹⁹¹ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода... С. 110, 119.

¹⁹² Там же. С. 229.

¹⁹³ Там же. С. 240 и ранее, 283.

¹⁹⁴ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 341.

одном из участников посольства 1611/12 г. Полуэкте Колычеве: «повидимому, помещик», добавляя, что о нем «практически ничего не известно»¹⁹⁵. Всех участников посольства в Стокгольм Кобзарева обвиняет в том, что они заняли циничную позицию, стремясь к личному обогащению. В частности, она так пишет о дьяке Третьяке Копнине: «возможно, дьяк надеялся на получение вознаграждения (разорившись, Копнин уже в 1612 г. просил выделить ему поместье)¹⁹⁶». Цинизм Н. В. Вышеславцева, по мнению ученого, проявился в том, что его поход вместе с Эвертом Горном ко Пскову в июне 1612 г. вызвал голод в городе следующей зимой¹⁹⁷, хотя в любом случае голод скорее вызвал бы поход, совершенный осенью. Миссию вяжицкого игумена Геннадия и кн. Ф. Т. Оболенского (которого Кобзарева по какой-то причине именуется старостой) в Ярославль летом 1612 г. исследовательница однозначно трактует как безуспешную, добавляя, что «идея сделать Карла Филиппа русским царем оказалась для Рос-

¹⁹⁵ Там же. С. 343. Полуэкт Колычев — помещик Деревской пятины в 1582 г. После смерти отца, Матвея Третьякова Лошакова-Колычева в 1598/99 г., получил 30 июля 1599 г. отцовское поместье, в котором жил с матерью Настасьей. В 1609 г. П. Колычев получил за московское осадное сидение сельцо Колголему в Обонежской пятине; к этому моменту его оклад составлял 750 четвертей (Боярский род Колычевых... С. 124, 151–158). В 1610/11 г., при Владиславе, пожалован подмосковной вотчинной деревней Колычевых Густоедовым (Выписка Поместного приказа о владельческой принадлежности д. Густоедово в Московском уезде. 1618–1626 // Акты служилых землевладельцев XV–нач. XVII века. Т. 3. М., 2002. № 540. С. 464). 9 сентября 1611 г. он упомянут как воевода Старой Руссы вместе с подьячим Томилом Сергеевым (Дело о пожаловании в поместье кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому Старорусского Славитинского погоста. 1611, сент. // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 160. С. 278–280). Юхан Видекинд также упоминает о П. Колычеве как о члене посольства 1611/12 г.: «Главами посольства названы были трое, по одному от каждого сословия: Полуэкт Матвеевич Колычев (Calutzon), Никандр, архимандрит Юрьевского монастыря, и Степан Иголкин» (Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 226).

¹⁹⁶ В 1612 г. Копнин не разорялся. Если в его челобитной и содержится ссылка на собственное «разорение», то это лишь обычный формуляр челобитной, наверняка составленной не Копниным, а профессиональным писцом (Челобитная Т. Копнина о пожаловании ему семян из сеяной ржи в пожалованном ему изменничьем поместье Павла Клементьева в Деревской пятине. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:306. Л. 2).

¹⁹⁷ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 241.

сии неприемлемой»¹⁹⁸. Мотивы алчности и меркантильности она усматривает у всех новгородцев, которые участвовали в переговорах со шведами и в посольствах. По мнению Е. И. Кобзаревой, служба шведам, сотрудничество с ними, включая подписание договора 1611 г., гарантировали доступ к некоей «кормушке»¹⁹⁹. Так она пишет о Степане Тимофеевиче Горихвостове, участнике посольства в Выборг 1613 г.: «Видимо, он был заинтересован в торговле со шведами — по описи 1617 г. он имел Тихвинский привоз»²⁰⁰. Данное утверждение основано на недоразумении, вызванном неверным пониманием источников: опись Новгорода 1617 г. упоминает привезенный в Ладогу хлеб «Тифинского привозу (выделено мной. — А. С.) Степановой присылки Горихвостова»²⁰¹. В это время С. Т. Горихвостов служил тихвинским воеводой²⁰², и речь в данном отрывке, разумеется, идет о том, что он прислал в Ладогу хлеб из Тихвина. Слово «привоз» здесь никакого отношения к привозу-базару (типа одесского) не имеет. Неверно утверждение Кобзаревой о том, что лишь «верхушка новгородского духовенства» (к которой исследовательница относит митрополита Исидора и игумена Аркажского монастыря Антония) поставила подписи под приговором 1613 г., «который реально предполагал возможность отделения Новгорода от Москвы», тогда как, по ее же мнению, новгородское духовенство, насмотревшись на насилия шведов, было к тому времени настроено против шведского владычества. Мне представляется, что говорить о каких-то политических противоречиях внутри сословия церковнослужителей Новгорода в 1611–1617 гг. не приходится: во всех документах они выступают с консолидированных позиций²⁰³. Порой Е. И. Кобзарева демонстрирует полное непонимание структуры московского и новгородского общества начала XVII в. Так, она утверждает, что гости Истома Демидов и Первой

¹⁹⁸ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 342–344.

¹⁹⁹ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр 1613 г. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 201.

²⁰⁰ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 344–345.

²⁰¹ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 152.

²⁰² Разрядная книга 125 г. // ВОИДР. Т. 3. М., 1849. С. 120; Посольство кн. Борятинского с товарищи в Швецию в 1617–1618 гг. // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 71.

²⁰³ За исключением, пожалуй, яркой личности хутынского архимандрита Киприана (о нем подробнее в главе 5).

Прокофьев заняли «теплые места» в новгородском правительстве, став целовальниками, а один из них — таможенной головой²⁰⁴. (Об обременительности службы гостей в Московском государстве написано достаточно. Из работ последних лет следует упомянуть монографию В. А. Аракчеева, в которой подробно рассматривается круг государственных обязанностей псковских гостей в XVII в.²⁰⁵) По мнению исследователя, войско М. В. Скопина-Шуйского в 1608/09 г. в основном состояло из крестьян (на что нет совершенно никаких указаний в источниках)²⁰⁶. Не сделав попытку найти упоминания об акторах новгородской жизни начала XVII в. в источниках вне Новгородского оккупационного архива, Кобзарева тем не менее классифицирует новгородский служилый люд. Это приводит к выводам парадоксальным. Так, среди новгородцев исследовательница как особую социальную группу выделяет княжеские роды (объединяя кн. П. И. Пронского, бывшего в Новгороде небольшой период, примерно в апреле — июне 1611 г., и новгородских помещиков в третьем-четвертом поколениях князей Белосельских, Мышецких, Мещерских). Говоря о первом из них, князе Пронском, Кобзарева пишет, что тот никак не участвовал в переговорах и вскоре перешел на сторону Москвы (замечу, что кн. П. И. Пронский уехал из Новгорода, оставив там жену и сына Михаила в апреле 1611 г. и, разумеется, ни в каких дальнейших переговорах со шведами принять участия не мог)²⁰⁷. Перечислить все биографические огрехи невозможно. Игнатия Жданова сына Харламова Кобзарева именует «представителем купечества» (видимо, по сходству его фамилии с фамильным прозвищем новгородских гостей Харламовых) и одновременно упоминает о его службе на воеводстве в Порхове. Повествуя о посольстве архимандрита Киприана в Москву в 1615 г., Кобзарева пишет, что Яков Боборыкин «сообщил в Москве, что сопротивление шведам в Новгороде возглавили митрополит Исидор, Большой Одоевский, дьяк Семен Лутохин и князь Микифор Мещерский»²⁰⁸. Однако ни о

²⁰⁴ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 347–348.

²⁰⁵ Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XVI–XVII веках. Псков, 2004. С. 253.

²⁰⁶ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 68.

²⁰⁷ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 348.

²⁰⁸ Там же. С. 352.

каком сопротивлении шведам экзальтированный новгородский дворянин в Москве не говорил: его подлинные слова звучали следующим образом: «никто так не прямит Государю в Новгороде как митрополит Исидор, да боярин князь Иван Никитич, да дьяк Семен Лутохин, да из дворян князь Микифор Мещерский»²⁰⁹. В биографических справках Е. И. Кобзаревой (исследовательница не привлекает даже справочник С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.») также содержатся парадоксальные утверждения. Так, на ее взгляд, Яков Григорьев, шелковник — владелец кабака²¹⁰, равно как и Василий Вышеславцев²¹¹ (разумеется, до середины XIX в. любой кабак в Московском государстве — государев); в этом же справочнике упомянут некий «Сковороткин, черной игумен Михайловского монастыря»²¹², вероятно, игумен Михайлова Сковородкина монастыря. Кобзарева считает, что в октябре 1611 г. против поляков вел боевые действия Тимофей Шаров с казаками, которых было 160 человек²¹³ (Тимофей Шаров был убит при взятии Новгорода шведами 16 июля 1611 г.). По данным исследователя, «Семена Глотова направили со стрельцами вслед за “вором”. Семен вышел к шведскому ротмистру Клаусу, который освободил его от службы»²¹⁴. В челобитной Глотова (не Семена, а Моисея), сохранившейся в архиве Новгородской приказной избы и использованной Кобзаревой, сказано, что он, служивший прежде Лжедмитрию III и посланный из Гдова с отрядом стрельцов против шведов, дезертировал и вышел к шведскому ротмистру, который не подверг его аресту, а направил в Новгород как перебежчика²¹⁵. Сына боярского Деревской пятины по имени Сотник Веревкин Кобзарева считает стрелецким (казачьим?) сотником²¹⁶, а в одном месте даже присваивает ему имя «Давыд» (?)²¹⁷, детей бо-

²⁰⁹ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 191–192.

²¹⁰ Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 356.

²¹¹ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 203.

²¹² Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами... С. 363.

²¹³ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 195.

²¹⁴ Там же. С. 195, прим. 12.

²¹⁵ Челобитная боярам и воеводам Моисея Глотова с сообщением о своем отъезде из Гдова и с просьбой о вспомоществовании. 1611. 30.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 11.

²¹⁶ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 197.

²¹⁷ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 150.

ярских Бачмановых она упорно именует Басмановыми, которых в Новгородской земле в начале XVII в. не было вовсе²¹⁸ (по Новгороду служили только некоторые их родственники Плещеевы). Абсурдной выглядит гипотеза Кобзаревой о том, что целью новгородцев, поехавших в 1613 г. в Выборг для встречи королевича, было добиться самоуправления и избавиться от Делагарди. По Кобзаревой, «предполагалось, что Степан Иголкин будет назначен новгородским “офицером”, т. е. главой новгородского гарнизона». Как гость мог стать главой гарнизона, совершенно неясно²¹⁹. Среди новгородских купцов (которых она огульно относит к приезжим и чуждым Новгороду) исследовательница упоминает «гостя Коковцова» (сын боярский Бежецкой пятины Гость Коковцов) и «Яна Унковского» (сын боярский Обонежской пятины Яков Унковский)²²⁰. Новгородца Деревской пятины Федора Боборыкина Кобзарева именует костромским сыном боярским²²¹, имя «Мисаил» полагает тождественным «Михаилу»²²², Юхана Делакумбе вслед за русскоязычными источниками начала XVII в. величает Иваном Лукумбовым, считая его одним из новгородцев²²³, а Генриха и Индрика Горна — разными лицами²²⁴. Принца Карла Филиппа, сына Карла IX, Кобзарева отождествляет с незаконнорожденным сыном того же Карла IX Карлом Карлсоном Юлленгельмом,²²⁵ осаждавшим Псков в 1616 г. и будущим губернатором Ингерманландии. Перечень таких ошибок можно было бы продолжить.

Явно неудачна попытка московской исследовательницы соотнести лиц, упомянутых в делах Новгородского оккупационного архива, с новгородцами — владельцами холопов, известными по опубликованным новгородским кабальным книгам конца XVI — начала XVII в.²²⁶ По ее наблюдениям, в Росписи новгородского войска 1613 г. нет

²¹⁸ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 199.

²¹⁹ Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой... С. 20; Она же. Шведская оккупация... С. 293–295.

²²⁰ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 153, 175.

²²¹ Там же. С. 236.

²²² Там же. С. 259.

²²³ Там же. С. 262.

²²⁴ Там же. С. 271.

²²⁵ Там же. С. 323. Подробнее об Юлленгельме: *Ehrensward U. Carlberg i Ingermanland // Karlbergiana. 1995. Årg. 2. S. 5–7.*

²²⁶ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938.

никого, кто владел бы более чем 4–5 холопами по новгородским кабальным книгам, отсюда исследовательница делает вывод о том, что «помещики, наделенные большими поместьями с многочисленными холопами, предпочитали откупаться от шведов»²²⁷. То, что Кобзарева именует «отказом от службы шведам»²²⁸, вероятно, видя в таком отказе патриотический порыв, с точки зрения этики служилого человека было позорным действием — избеганием службы и нетством. Выводы исследователя парадоксальны: новгородцев на шведской службе оставалось много. И даже когда шведам пришлось прибегнуть к серьезным карательным мерам (имеется в виду высылка из поместий на службу, что практиковали все власти в XVI–XVII вв.), это не привело к массовым отъездам²²⁹.

Исследования Кобзаревой пестрят ошибками историко-географического характера. Описывая условия Тязвинского договора 1595 г., московский ученый употребляет термин «русская Ингерманландия»²³⁰, хотя территория будущей шведской провинции Ингерманландии в то время именовалась Копорским, Ямским и Ивангородским уездами (а также Ореховским, который в 1583–1591 гг. не был зоной шведской оккупации)²³¹. Город Лух она путает с городом Луга (хотя последний появился только в 1777 г.)²³². По мнению исследователя, Бежецкий Верх тождествен Бежецкой пятине²³³; она упоминает неизвестные по другим источникам топонимы Острожек (имя собственное)²³⁴, загадочный город Устрица²³⁵; предполагает, что Солецкий погост располагался на подступах к Новгороду (ныне это часть г. Кириши Ленинградской области, примерно в 90 километрах к северу от Новгорода)²³⁶, а Водлозеро располагалось в Белозерской области²³⁷

²²⁷ Кобзарева Е. И. Новгородский войсковой смотр... С. 201.

²²⁸ Там же. С. 204.

²²⁹ Там же. С. 204.

²³⁰ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 8.

²³¹ Шаскольский И. П. Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // Изв. Т. 35. 1950. С. 294–303.

²³² Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 67.

²³³ Там же. С. 138, 177.

²³⁴ Там же. С. 166.

²³⁵ Там же. С. 205–207.

²³⁶ Там же. С. 116.

²³⁷ Там же. С. 221.

(на самом деле — на границе Каргопольского уезда и Обонежской пятины Новгорода; подробнее о Водлозере в главе 5). Ржевский рубеж (т. е. границу Новгородского и Ржевского уездов) Кобзарева относит к району Бежецкой пятины, хотя, несомненно, он относится к Деревской (см. карта 2), а «колмовский рубеж» (верно: «Холмовский», граница Новгородского и Холмского уездов в той же пятине) — к ближайшим окрестностям Новгорода (видимо, от местности «Колмово», к северу от Новгорода, где располагался Успенский Колмов монастырь)²³⁸.

Специальные исследования посвящены особой группе новгородских служилых людей, оставшихся после 1617 г. на службе у шведского короля Густава Адольфа (так называемым «байорам» — от русского «боярин», «сын боярский»). Появление таких исследований связано с тем, что часть потомков этих шведских родов (Аминева, Пересветовы-Мураты) до сих пор живут в Швеции и Финляндии. Среди генеалогических работ наиболее обстоятельна и критична переведенная недавно на русский язык большая статья датского исследователя Дж. Х. Линда, выпущенная отдельной книгой. Ученый рассмотрел все посвященные этим родам исследования, начиная с XVIII в., и показал, что наибольшее число генеалогических преданий возникло в середине XVIII столетия, в связи с необходимостью шведским дворянским родам доказывать, что утраченные ими в Ингерманландии земли — не жалованные королем, но их родовые владения. Происхождение и внутренние связи «байорских» родов Барановых, Насакиных, Разладиных, Аминева, Бутурлиных, Калитиных и Рубцовых были изучены досконально, в работе рассматривались и многие обстоятельства попадания этих родов на шведскую службу, преимущественно в годы Смуты²³⁹. Впрочем, в исследовании Дж. Линда содержатся некоторые наивные и не соответствующие действительности представления о новгородцах конца XVI — начала XVII в. Так, в начале работы он пишет о мифической «шведской партии», которая была вынуждена после заключения Столбовского мира уйти в Швецию, дабы избежать возмездия от вернувшейся на Новгородскую землю москов-

²³⁸ Кобзарева Е. И. Шведская оккупация... С. 255.

²³⁹ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000.

ской власти²⁴⁰. Между тем ничего не известно о том, что новгородское дворянство выступало с *инициативой* (курсив мой. — А. С.) избрания на московский или новгородский престол Карла Филиппа. Оно лишь в 1614 г. сохраняло верность Карлу Филиппу, отказываясь тем самым от присяги Густаву Адольфу.

Согласно Дж. Линду, известные по документам архива Новгородской приказной избы Иван Воинов сын, Иван и Лука Захарьевы дети Баранова были потомками оказавшихся еще на исходе Ливонской войны на шведской службе новгородских помещиков, что, вероятно, ошибочно. В то же время вполне убедительно наблюдение датского ученого о поместьях Носакиных и Разладиных в Эстляндии в 1584 г. Ученый очень точно оспаривает мнение, бытующее со времен полемики кн. А. М. Курбского с Иваном Грозным, о том, что предпринятые царем репрессии вызвали массовую эмиграцию служилых людей, тогда как в реальности большинство русских служилых людей оказались на шведской службе лишь в начале 1580-х гг., видимо в связи с множественными военными неудачами (а отнюдь не репрессиями). Название деревни Лысково (д. Лысково Санкт-Петербургской губернии, известная в начале XX в.) он связывает с Иваном Лыском Барановым, новгородским помещиком 1500 г., имевшим братьев Михаила Ягныша и Кирилла Малыша Барановых Овцыных²⁴¹, в то время как эта деревня определенно возникла ранее 1500 г. и до испомещения здесь Барановых. Датскому исследователю, не знакомому с основным массивом документов Новгородского оккупационного архива, неизвестны некоторые частные факты, такие, к примеру, как отчество Мурата Пересветова (Алексеевич). Многие ошибки Дж. Линда обусловлены слабым знанием русских источников и их терминологии. Так, «полтретья обжи» он воспринимает не

²⁴⁰ Линд Дж. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 3–4.

²⁴¹ Там же. С. 6–7. Такое именование братьев «овечьими» именами сродни рассмотренному Л. И. Успенским случаю с именованием их соседей Линева — детей Линя — именами «рыбьими» — Сом, Кобяк, Сарыч. Точно также Травины именуют себя «травяными» прозвищами: дети Травы — Иван Осока и Тимофей Скряба, внуки — Григорий Пырей, Иван Отава, Григорий Вязнела, Семен Дятелина и Щавель (Михайлова И. Б. Служилые люди... С. 201–201, прим. 431).

как две с половиной, а как одну шестую, т. е., в переводе с обожной на четвертную меру, — 2 четверти, а не 25²⁴².

В исследовании шведского слависта А. Пересветова-Мурата, также опубликованном на русском языке, в целом повторяются основные тезисы Дж. Х. Линда о неродовитости большинства «байорских» фамилий. Здесь в большей степени использованы материалы Новгородской приказной избы и отчасти затронуты некоторые аспекты повседневной жизни (к примеру, развернуто цитируется письмо Олфера Северова в «действующую армию» к Мурату Пересветову)²⁴³.

Биография еще одной заметной в Новгороде 1611–1617 гг. фигуры — сибирского царевича Алтаная (Алтаней) Кучумовича — рассмотрена в статье А. В. Белякова. По данным ученого, царевич оказался в Новгороде довольно случайно: отправленный из Тобольска в Москву через Вологду, он не смог проехать к столице и тогда, по указанию кн. М. В. Скопина-Шуйского, был отправлен в Новгород. Попытка царевича бежать в Москву из занятого шведами Новгорода вместе с кн. Ф. Т. Черным Оболенским, о которой пишет Беляков, вероятно, была предпринята 14 июня 1614 г., и неудачной она оказалась только для царевича. Заключение после этого в тюрьму царевич Алтаней был обменен на пленного шведского офицера Г. Волмера. После этого Алтаней Кучумович оказался в осажденном шведами Гдове и просидел в осаде восемь недель. После взятия Гдова Густавом Адольфом царевич смог беспрепятственно выехать во Псков²⁴⁴.

Серия работ об облике сельского пространства Северо-Запада в эпоху Смуты и, шире, в конце XVI — начале XVII века принадлежит А. А. Шенникову и Ю. Г. Малкову. Оба ученых в своих архитектурно-градостроительных изысканиях обратились к рисункам Антониса Хутеериса, секретаря голландского посольства, отправленного Генеральными Штатами с посреднической миссией для заключения мира между Швецией и Москвой в 1615 г. Особое внимание ученых

²⁴² Линд Дж. Х. Ингерманландские русские бояре... С. 9.

²⁴³ Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие вајог'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

²⁴⁴ Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения. Материалы науч. конф. 29–30 октября 2004 г. Нижний Новгород, 2005. С. 21–36.

привлекли две гравюры Хутеериса — одна изображает «боярскую усадьбу» (Тесово)²⁴⁵, на другой помещен вид участка Ивангородской дороги между Чашинским монастырем и Орлинским погостом, в районе будущей русско-шведской границы²⁴⁶.

История изучения Архива Новгородской приказной избы

Специфика историографии Архива Новгородской приказной избы, в отличие от истории изучения других собраний документов, вышедших из-под пера московской бюрократии, во многом заключается в том, что архив находится вне пределов России (в 1922–1991 гг. — вне пределов СССР). С этим связаны следующие особенности их изучения:

- во-первых, в представлении заметного числа исследователей эти документы кажутся уникальными (хотя они вполне рядовые, уникальность их в том, что это *собрание* (курсив мой. — А. С.), уникальное по происхождению);
- во-вторых, к ним обращаются люди, как правило, с иной профессиональной подготовкой, нежели большинство исследователей остальных русских архивных фондов;
- в-третьих, уникальность этого собрания для шведских славистов связана именно с доступностью этих источников для изучения, что приводит ученых к интереснейшим выводам (к примеру, о лингвистическом, а не историческом отличии документов «смоленского» происхождения от документов новгородского происхождения). Несомненно, не менее благодарный материал для изучения языковых особенностей находится в иных фондах, но они хранятся в архивах России и поэтому гораздо менее доступны.

²⁴⁵ Шенников А. А. Русское деревянное зодчество начала XVII в. по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей: Проблемы деятельности и перспективы развития. Л., 1980. С. 130–143.

²⁴⁶ Малков Ю. Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год) // Древний Новгород. История, искусство, археология. М., 1983. С. 338–353.

Архив Новгородской приказной избы привлекает к себе исследователей с XIX в.²⁴⁷ Первым ученым, обратившимся к его материалам, должен быть назван профессор Гельсингфорского университета С. В. Соловьев (выше я упоминал о его роли в разединении комплекса архивных дел), работавший с коллекцией в 1837–1841 гг.

В 1897 г. обозрение документов Новгородской приказной избы, хранящихся в Швеции, было опубликовано К. Якубовым. Ученый работал в Государственном архиве Швеции летом 1885 г. Им же для шведских и русских архивистов было составлено первое краткое описание коллекции. Шведский текст К. Якубова в 1904 г. лег в основу нового описания архивистом С. Класоном²⁴⁸.

Печатный обзор Якубова вплоть до 1960-х гг. являлся одним из основных источников для русских ученых, так или иначе затрагивавших в своих исследованиях проблемы истории Новгорода начала XVII в., а самому Якубову знакомство с архивом дало возможность закончить свой труд о русско-шведских взаимоотношениях в первой половине XVII в.

В небольшой работе о русских документах шведских архивов упомянул и известный историк церкви и публицист А. А. Папков. Лучше всего, видимо благодаря монографии К. Якубова, ему были известны материалы Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хотя он не обошел вниманием и хранящиеся в Королевской библиотеке (отдел *Uttlandska Autografer*) документы более позднего периода, равно как и эпистолярное наследие XVI–XIX вв. в Упсальской библиотеке (*Karolina Rediviva*)²⁴⁹.

На рубеже XIX и XX вв. интерес к русским памятникам, хранящимся в архивах Швеции, проявляет Ю. В. Готье. Ученый впервые вводит в оборот отечественной историографии записки капитана

²⁴⁷ Полная библиография работ шведских и русских исследователей, связанных с архивом, содержится в исчерпывающей статье Э. Лёфстранд: *Löfstrand E. Ockupationsarkivet från Novgorod: en presentation // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 119–126.*

²⁴⁸ *Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983. P. 5.*

²⁴⁹ *Папков А. А. Шведские архивы // РИЖ. 1917. № 3/4. С. 60–72.*

Эрика Пальмквиста²⁵⁰ (откликнувшись на репринтную публикацию этих записок в 1898 г.²⁵¹). Позднее Ю. В. Готье вступает в переписку с руководством Riksarkivet, и ему во временное пользование передается т. н. Смоленский архив — часть коллекции русских документов из замка Ску-Клостер, представляющей собой делопроизводство Смоленской приказной избы времен осады города королем Сигизмундом. Ю. В. Готье тогда же подготовил значительную часть этих документов к печати²⁵², вероятно предполагая продолжать их изучение и далее. Но, как писал один из учеников Ю. В. Готье В. П. Мальцев, «после 1912 г. произошли коренные изменения в русской историографии, изменились и взгляды на историю самого Ю. В. Готье. В 1940 г. он выразил автору этих строк (В. П. Мальцеву. — А. С.) большое сожаление, что не прочел всех тюремных записок в 1912 г., так как в 1940 г. их уже невозможно было снова выписать по почте из Стокгольма в Москву»²⁵³.

В 1920-х гг. к русским материалам Государственного архива Швеции обратился советский дипломат, позднее — невозвращенец — С. Дмитриевский. Им было составлено первое подробное описание документов Новгородской приказной избы и фактически первый каталог архива. Каталог С. Дмитриевского, составленный в 1951—1964 гг., сегодня служит серьезным подспорьем для шведских исследователей при работе над новым каталогом архива.

В конце 1950-х гг. новое поколение исследователей обратилось к документам Оккупационного архива. В 1957 г. появилась первая в СССР публикация, привлекающая внимание к шведским архивам, хранящим источники по отечественной истории²⁵⁴, а вскоре, в феврале — апреле 1959 г. из СССР в Швецию прибыла делегация советских архивистов во главе с Л. В. Черепниным.

²⁵⁰ Готье Ю. В. Известие Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. Год 7. 1899. № 3/5. С. 65—98.

²⁵¹ Palmquist E. Nögre widh Sidste kongl. Ambassaden till Tzaren i Moskou 1674. Stockholm, 1898.

²⁵² Готье Ю. В. Памятники обороны Смоленска (1609—1611 гг.). М., 1912.

²⁵³ Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609—1610 гг. // ИА. 1960. № 5. С. 129—139.

²⁵⁴ Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции // Вестник АН СССР. 1957. № 1. С. 82—91.

Работа делегации в Riksarkivet была чрезвычайно плодотворной. Вскоре Л. В. Черепнин в серии публикаций представил отечественным ученым новый взгляд на документы архива. Уже в первой информационной печатной работе он указал, какой материал дают документы архива для изучения «политических биографий служилых людей»²⁵⁵. Вскоре Л. В. Черепнин представил и новое описание большей части коллекции Новгородской приказной избы, снабдив его яркими картинками повседневной жизни — о побеге тюремных сидельцев из Тесовского острога в 1616 г., о приказе крестьянам Сумерской волости «очищать» от «шишей» течение Луги (от Яма до Тесова острожка)²⁵⁶. Обзор Л. В. Черепниным коллекции Новгородской приказной избы пестрит ошибками (надо сказать, что ранее ученый не занимался историей Новгорода начала XVII в.): он называет дозорщиками Старой Руссы в 1611 г. Л. И. Милославского и А. С. Висковатого (хотя имя последнего вовсе не встречается в новгородских источниках начала XVII в.), путает названия погостов, считает именование в русских источниках «удельным князем» саксонского герцога «Юла Индрика» (Юлия Генриха), принявшего участие в боевых действиях на стороне Густава Адольфа, признаком «возрождения системы кормлений» (!?). Но значение документов коллекции для реконструкции повседневной жизни, нравственных ориентиров и социального облика новгородцев Л. В. Черепнин определил очень точно, поставив вопрос о необходимости изучения биографий новгородских дворян, указав на «их изменчивые судьбы в сложных условиях интервенции и острых социальных конфликтов».

Особое место в работах Черепнина занял поиск новых сведений о дьяке Иване Тимофееве, чей «Временник» в 1951 г. был заново опубликован О. А. Державиной. Им было обнаружено судное дело, возбужденное дьяком Пятым Григорьевым, всесильным руководителем Новгородского дворцового приказа, против Ивана Тимофеева. Л. В. Черепнин подчеркнул связь между судебными пре-

²⁵⁵ Черепнин Л. В., Шумилов В. Н., Александрова М. И. Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции // ИА. 1959. № 6. С. 113—126.

²⁵⁶ Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961. С. 221—257.

следованиями, которым дьяк Иван Тимофеев подвергался в Новгороде при шведах, и строками его «Временника», говорящими о злостновании в Новгороде не только шведов, «иже граз враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих», но и «неверных» «же приседят о нас татю в ловителях ко еллинам», которых Тимофеев обвинял в расколе общества. По мнению Черепнина, под этими неверными Тимофеев имел в виду скорее всего новгородских дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина²⁵⁷. Рассматривая данное судебное дело, Черепнин попытался выявить политическую приверженность его фигурантов. По его наблюдениям, дьяк Тимофеев был врагом и дьяку Ефиму Телепневу (перебравшемуся ко времени завершения «Временника» в Москву и имевшему чины дворянина московского, позднее — думного дьяка), и М. И. Татищеву. Черепнин считает, что «между смертью Скопина в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь». Здесь Черепнин, склонен вслед за традиционной русской историографией XIX в. идеализировать Скопина. По мнению Черепнина, челобитчики на Тимофеева в апреле 1611 г., в том числе гость Степан Иголкин, входили в число бывших сторонников Татищева²⁵⁸. По какой-то причине Черепнин счел гостя Степана Иголкина, члена Выборгского посольства 1611–1612 гг., сторонником шведской династии²⁵⁹, хотя позиция С. Иголкина на переговорах

²⁵⁷ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 454–472.

²⁵⁸ Л. В. Черепнин неточно характеризует взаимоотношения внутри новгородской администрации в апреле 1611 г. вследствие одной ошибочной идентификации. Дело о пропавших образах было возбуждено в ходе проверки дел, оставшихся в приказе после отъезда дьяка Петра Третьякова под Москву. В Новгород бывший тушинский думный дьяк П. Третьяков прибыл осенью 1610 г. вместе с Иваном Салтыковым и уехал в Москву, вероятно, вскоре после его гибели. Говоря о том, что Петр Третьяков и Степан Иголкин — участники посольства 1611–1612 гг. в Стокгольм, Черепнин путает дьяка Петра Третьякова с подьячим Петром Третьяковым Копниным, сыном дьяка Третьяка Копнина, действительно сопровождавшим отца в Стокгольм.

²⁵⁹ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры...

с королем была совсем не однозначной и даже, как сказали бы советские ученые 1960-х гг., «патриотической»²⁶⁰.

Странно, что Л. В. Черепнин уделил внимание в основном личностным характеристикам дьяков в этом противостоянии. С моей точки зрения, данное дело в большей степени характеризует профессиональные качества этих людей. Дьяк Пятой Григорьев действительно сумел уличить дьяка Ивана Тимофеева в некачественной работе, показал себя гораздо более опытным бюрократом. Еще предстоит понять,

²⁶⁰ Так, апологет Якова Делагарди шведский историк XVII века Юхан Видекинд описывает поведение С. Иголкина на аудиенции у Густава Адольфа: «Неуместная речь новгородского старосты. Когда те уже собирались это сделать, вдруг бестолково вмешался новгородский староста (в латинском переводе: один из бургомистров) Степан Иголкин (Igolkinus) и спросил, что это еще за присяга? Может быть, они решили совсем покориться шведской власти? Емучто она столь же противна, как и польская (в латинском переводе: Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели)» (Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 281–282). По наблюдениям комментатора Видекинды В. Геймана, «очевидно, текст присяги, принесения которой требовали шведы, говорил не о признании Карла Филиппа самостоятельным от Швеции русским царем, а об инкорпорации Новгорода в состав Шведского государства. Инструкция Густава Адольфа от 18 июля 1613 г. шведским сенаторам, сопровождавшим Карла Филиппа и уполномоченным для ведения переговоров в Выборге, предписывала добиваться присоединения Новгорода к Швеции в том случае, если в Выборг придут послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода... Поэтому речь Иголкина далеко не была "бестолковой", а имела большой политический смысл. Она изложена Г. В. Форстеном несколько в иной редакции, чем у Видекинды: "О какой клятве идет тут речь, уж не намерены ли шведы подчинить русских своей Короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше"... Интересную аналогию случаю с купцом Иваном (так у В. Геймана. — А. С.) Иголкиным можно усмотреть в эпизоде, относящемся уже к началу XVIII века. Во времена Северной войны некий купец Иголкин (однофамилец, а возможно и потомок современника Смуты), оказавшись в плену у шведов, убил двоих из них за оскорбительные слова в адрес России и Петра I. По легенде, шведский король Карл XII, изумленный храбростью и патриотизмом Иголкина, отменил вынесенный ему смертный приговор и отправил на родину. Позднее, в 1830-х гг., этот случай послужил сюжетом для картины "Подвиг купца Иголкина"» (Немировская М. А. Акварель и рисунок XVIII — первой половины XIX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1982. С. 23 — цит. по В. Гейману).

кто и как 17 августа 1613 г. поручил дьяку Тимофееву, несколько лет остававшемуся в тени Новгородского правительства, ревизовать деятельность Поместного и Дворцового приказов, но сложно сказать, кто в ситуации противостояния больше провоцировал своего соперника: дьяк Григорьев дьяка Тимофеева или наоборот.

В своей поздней работе Андерс Шёберг вернулся к проблеме, захватившей советских ученых в 1960-е гг., — кто же были те самые неизвестные враги Ивана Тимофеева в Новгороде. Интересно, что Шёберг подошел к этому вопросу комплексно, подробно рассмотрев взаимоотношения между новгородскими властями и Швецией, а также Выборгские переговоры 1613 г.²⁶¹ Совершенно точно недоброжелателем Ивана Тимофеева был гость Степан Иголкин, которого шведские информаторы о Выборгских переговорах называли «новгородским бургомистром».

Мне кажется, что в Новгороде у Ивана Тимофеева врагов было немало: так, будучи допрошен в апреле 1611 г., он просил не верить показаниям против него, данным ранее дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, «а оне ему были недрузи»²⁶². Такие слова прозвучали у дьяка в момент подачи на него изветной челобитной весильным дворцовым дьяком Пятым Григорьевым. Складывается впечатление, что дьяк, находясь в Новгороде без официального статуса, лишенный надежного источника существования, был окружен недоброжелателями. Так, летом 1614 г. Иван Тимофеев бил челом о пожаловании ему ржи. В челобитной писал, что ничем не пожалован, без приказа волочится пять лет, «а к твоему государеву приказному делу, к счоту, волочюсь сяж день рано и поздно пеш»²⁶³.

Сотрудничество между шведскими и советскими историками в 1960–1970-х гг. шло интенсивно, в особенности в направлении изучения истории XVII в. К 1960 г. был подготовлен и выпущен в свет сборник документов из советских архивов «Русско-шведские эконо-

²⁶¹ *Sjöberg A. Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 26. 1980. P. 105–113.*

²⁶² Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

²⁶³ Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // RA, NOA, serie 2:289. Л. 13.

мические отношения» и позднее трехтомник «Экономические связи Швеции и России» (на материалах Государственного архива Швеции). Появились и аналитические статьи, исследовавшие проблему появления в Швеции русских документов. И. П. Шаскольский, виднейший отечественный исследователь русско-шведских связей XVII в., впервые предположил, что Делагарди вывез документы Новгородской приказной избы в Швецию для личных нужд²⁶⁴.

Вскоре после публикаций Л. В. Черепнина часть архива была копирована для советских ученых, и копии оказались распределены между двумя архивохранилищами — микрофильмы документов первой серии (книги) попали в архив ЛОИИ, а второй — в ЦГАДА. Эти микрофильмы дали новый материал отечественным ученым. После Л. В. Черепнина к копиям материалов Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. обращались З. А. Тимошенкова, П. В. Седов и Е. И. Кобзарева.

З. А. Тимошенкова, чье особое внимание всегда привлекали материалы, связанные с Иверским монастырем и соответственно Старорусским уездом, в небольшой статье о новгородских крестьянах в 1611–1617 гг. основное внимание уделила описанию Старой Руссы и ее уезда, хотя в статье содержится и общий обзор других дозоров, составленных при шведах²⁶⁵.

Два ярких явления эпохи Смуты рассмотрены П. В. Седовым в нескольких работах, основанных на копиях архива Новгородской приказной избы.

Одна из этих работ посвящена Лжедмитрию III, гротескной фигуре Смутной эпохи, значение которой было в том, что в 1611 г. ему присягнуло Подмосковное ополчение, а также города Арзамас, Орел, Рязань и некоторые другие. Несколько недель «Вор Матюшка» властвовал во Пскове. Архив Новгородской приказной избы сохранил немало косвенных сведений о новгородцах, служивших Псковскому вору и даже входивших в его двор. Эти сведения были обобщены П. В. Седовым. Результатом обобщения стала статья — самое исчерпывающее на сегодняшний день исследование этого

²⁶⁴ *Шаскольский И. П.* Как оказался в Стокгольме новгородский архив начала XVII века // Советские архивы. 1968. № 3. С. 115–117.

²⁶⁵ *Тимошенкова З. А.* Новгородские крестьяне в период Шведской интервенции в XVII в. // Социально-политическая история СССР. М., Л. 1974. Ч. 2. С. 3–24.

движения²⁶⁶. Подчеркну здесь лишь то, что именно со Псковским воеводством связано возвышение Михаила Милославского, плененного в Ивангороде, перевезенного во Псков и там, вероятно в союзе с Н. Плещеевым и кн. И. Ф. Хованским, участвовавшего в свержении самозванца и присяге псковичей Михаилу Федоровичу.

В двух других статьях П. В. Седова содержится подробное исследование обстоятельств взятия Новгорода войсками Я. Делагарди 15 июля 1611 г. и переговоров, предшествовавших этому событию²⁶⁷. П. В. Седов оперировал целым комплексом синхронных источников, в частности двумя документами из архива Новгородской приказной избы, связанными с делопроизводством новгородского винного погребца за 1610/11 г.²⁶⁸ Эти материалы довольно подробно показывают интенсивность действий новгородского правительства в мае — июне 1611 г. по налаживанию добрых взаимоотношений с Делагарди. П. В. Седов впервые четко выявил роль В. И. Бутурлина в ведении и срыве переговоров в Хутынском монастыре. Интересен взгляд П. В. Седова на личность чашника Бутурлина. В источниках содержатся разные оценки этой фигуры: Новгородская третья летопись и Новый летописец чествуют его как изменника. Но правительство Михаила Федоровича посылает его осенью 1613 г. под Новгород. Хутынский архимандрит Киприан в Москве в 1615 г. в ответ на вопрос о шведских лазутчиках обвиняет его в сношениях с Делагарди во время стояния войска боярина кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами. По мнению ученого, Бутурлин не был склонен к полю брани, но скорее к тайным переговорам, что и проявилось в мае — июне 1611 г. П. В. Седов цитирует строки памфлета на сторонников В. И. Шуйского, повествующие о Бутурлине: «А такого вора и довотчика нет, и на отца родного доводил»²⁶⁹.

²⁶⁶ Седов П. В. Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22–33.

²⁶⁷ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127; *Он же*. Интриги Смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

²⁶⁸ Эти документы рассмотрены мной в двух работах: Селин А. А. Осколки тушинского двора на Северо-Западе, или Кто и сколько пил в Новгороде в 7119 году // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4(14). С. 65–67; *Он же*. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149–157.

²⁶⁹ Тюменцев И. О. Список сторонников царя Василия Шуйского (Новая находка в Шведском государственном архиве) // АЕ за 1992. М., 1994. С. 317–319.

При этом позиция Бутурлина на переговорах, согласно П. В. Седову, заключалась в том, чтобы любыми усилиями склонить шведов к выступлению под Москву против польского гарнизона. Очень точно ученый характеризует состояние города в середине июля 1611 г. и действия новгородцев в критические дни после перемирия, достигнутого 27 июня. Присланный от ополчения дьяк Афиноген Голенищев еще 8 июля позволил себе открыто угрожать шведам, при том что Новгород был совершенно не готов к обороне. В тот же день новгородцы под прикрытием дыма от подожженных ими предместий напали на шведов. 12 июля 1611 г. последовала «сильная вылазка» новгородцев, вскоре произошел «правильный» штурм города войсками Делагарди. Седовым найдены два синодика Входеоерусалимской церкви Новгородского кремля, в которых записаны имена павших при взятии Новгорода Тимофея Шарова, Афиногена Голенищева, неизвестного Седову Степана Теглева²⁷⁰, которых поминали в течение трех столетий после взятия города.

²⁷⁰ Степан Теглев — помещик Бежецкой пятины, верстаный на 250 четвертей новичным верстанием в 1596 г. (*Лихачев Н. П.* Десятина новиков, поверстаных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 113–209), высланный осенью 1610 г. на службу дворян Бежецкой пятины. (Доездная память Бежецкой пятины Суглицкой волости попа Дмитрия Агафонова о выезде боярских детей на службу в Новгород. 1610. 22.10 // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 304. С. 359). По моим сведениям, он не погиб при взятии Новгорода, 20 августа 1613 г. Степан Теглев привез из Выборга грамоту от Карла Филиппа, написанную 7 августа, в которой тот объявлял о желании присоединения к Новгороду Московского и Владимирского государств (Грамота шведского принца Карла Филиппа новгородским митрополиту Исидору, воеводе кн. И. Н. Одоевскому и земским чинам о принятии мер к истреблению гдовских и тихвинских мятежников и о скорейшей присылке в Выборг уполномоченных от всего государства. 1613. 7.08 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 8–10; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 98). По списку, данному на Москве Ивану Салтыкову, он имел оклад в 750 четвертей. По даче 1605/06 г. владел в Бежецкой пятине: с 1597/98 г. в Егорьевском погосте в Минце помещьем Григория Пустошкина; в 1606/07 г. получил 45 четвертей поместья Якима Теглева, в 1610/11 г. — 322 четверти Никиты Мякинина (Дело по челобитью Степана Теглева и Егупа Боборыкина о поместье Антона Лихарева. 1614, до 20.01 // RA, NOA. Serie 2:315). 20 января 1614 г. получил вместе с Егупом Боборыкиным отдельную грамоту на поместье Антония Лихарева в Шелонской пятине (445 ч.). По подписной челобитной пошлин с них взято не было (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 43).

Чрезвычайно ценным является наблюдение П. В. Седова о том, что в сообщении Новгородской третьей летописи о взятии шведами Новгорода использована «Повесть о взятии Московском и о пленении земли Русские от царя Тохтамыша» (равно как, по наблюдениям И. О. Тюменцева, в описании Авраамием Палицыным осады Троице-Сергиева монастыря Сапегой использована «Повесть о нахождении Батория под град Псков») ²⁷¹.

Почти в то же время русские материалы Государственного архива Швеции привлекли внимание шведских славистов, прежде всего — Хенрика Бирнбаума, опубликовавшего первое краткое описание коллекции на немецком языке для шведского читателя ²⁷², и Андерса Шёберга, которому удалось создать большой коллектив исследователей, до сего дня изучающих русские документы архива.

Андерс Шёберг останавливался и на специальных вопросах накопления архивного фонда. Его перу принадлежит описание трех судебных книг из первой серии архива. Важным замечанием, высказанным Шёбергом, явилось то, что, по его мнению, «практически каждое предложение в документах Оккупационного архива содержит слова, не встречающиеся в более ранних текстах» ²⁷³. Единственной в своем роде является работа Шёберга об общественной бане в Новгороде, основанная на т. н. «банных книгах». Шёберг изучил способ управления баней: кто управлял, по каким дням она была открыта. Важным для ученого, и он это подчеркивал, было то, что возможно сосчитать число посетителей. К примеру, к 7123 (1614/15) г. число посетителей явно уменьшилось. В течение года больше всего мылись в июне, меньше всего — в сентябре, каждый год явное уменьшение фиксировалось в апреле. Больше всего человек помылось в период между 22 и 27 апреля 1612 г. — всего 1422 ²⁷⁴.

²⁷¹ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия... С. 232.

²⁷² Birnbaum H. Novgorodiana Stockholmiensia. I. Zur Bedeutung und Geschichte der Novgoroder Akten des Stockholmer Reichsarkivs // Scando-Slavica. Vol. 10. 1965. P. 154–173.

²⁷³ Sjöberg A. Three judgment Books in the Novgorod Occupation archives 1611–1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. T. 31/32. 1985 (Slavic Linguistics, Poetics, Cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his 60th birthday 13 Dec. 1985). P. 399–404.

²⁷⁴ Sjöberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

Небольшая книжка о Новгородском монетном дворе во время шведской оккупации была напечатана в Швеции на английском языке в 1983 г. Она также базируется на материалах Оккупационного архива (четыре книги монетного двора 1610/11 и с декабря 1613 по февраль 1617 гг.). Работа А. Берглунда и В. В. Захарова — прежде всего нумизматическое исследование, однако в нем затронуты и вопросы организации монетной чеканки в Новгороде в 1611–1617 гг. ²⁷⁵ Именно ими было установлено, что в Новгороде существовал особый стол, ведавший денежным делом, в котором в 1613 г. работали шесть подьячих. Важной особенностью данной книги является всестороннее исследование проблемы, соотнесение данных книг Новгородского монетного двора с нумизматическими данными, со сведениями о синхронной денежной чеканке в Москве и Ярославле и т. д.

Две ученицы Андерса Шёберга в 1980-е гг. продолжили исследование русских материалов в шведских архивах.

Хагар Сундберг опубликовала две кабальные книги 1614–1616 гг. из коллекции, хранящейся в Швеции. Отметим, что ученый в своей работе рассмотрела не только вопросы языка книг и дала характеристику источника, но и предложила некоторые обобщения. Ее интересовали также место рождения, возраст, пол, предыдущие службы и биография вновь поступающих в холопы и особо — их жизнеописания. По наблюдениям Сундберг, большинство холопов были в возрасте 20–25 лет, многие из поступавших в холопы женщин — вдовы. Всего было учтено 300 имен людей, упоминавшихся в кабальных книгах ²⁷⁶.

Большая работа по исследованию архива Новгородской приказной избы проделана Ингигерд Нордландер. В 1987 г. ею были опубликованы сборники купчих (и разрозненные документы этого рода), составленных в Новгороде в 1611–1615 гг. ²⁷⁷ Публикации было предпослано исследование, где затрагивались вопросы как источниковедения памятника, так и истории повседневного быта новгородцев.

²⁷⁵ Berglund A., Zakharov V. V. The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Stockholm, 1983.

²⁷⁶ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books 1614–1616. People in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 24. 1978. P. 157–167.

²⁷⁷ Nordlander I. Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. № 18. Stockholm, 1987.

Нордландер обратила пристальное внимание на участников купчих сделок. Особое место в них занимают новгородские церковнослужители; есть среди покупателей также и представители администрации, к примеру, дьяк Андрей Лысцов, скупавший земельные участки близ собственного двора²⁷⁸.

В 1995 г. в сборнике, посвященном памяти Андерса Шёберга, было опубликовано совместное исследование Ингигерд Нордландер и Хагар Сундберг о кабаках, функционировавших в Новгороде в годы оккупации. Вновь шведские исследовательницы документов архива проявляют интерес к повседневной жизни, описывая такие обыденные явления, как продажа и отпуск водки и пива в трех новгородских кабаках. Ученым удалось выявить яркие факты: так, с августа 1611 по октябрь 1613 г. одним из получателей бесплатного вина из Рогатицкого кабака был сибирский царевич Алтаней Кучумович, живший в Новгороде, на положении почетного пленника. Очень важное внимание ученые уделили проблеме снабжения алкоголем войск. Летом 1613 г. водка и пиво посылались в войска, стоявшие в Бронницах, Грузине и на Нередице, летом 1614 г., в связи с подходом к Новгороду войска кн. Д. Т. Трубецкого — в Бронницы. В середине июня 1614 г. особая партия вина и пива была выдана кн. И. И. Одоевскому на дорогу до Ивангорода²⁷⁹.

В 1990-х гг. к исследованию фонда Новгородской приказной избы приступило следующее поколение учеников Андерса Шёберга. Назову здесь работы Лайлы Нордквист, Элизабет Лёфстранд и Пера Амбросиани. Коллектив исследователей, возглавляемых проф. Барбро Нильсон, более десятилетия ведет работу над созданием каталога Новгородского оккупационного архива. Подчеркнем, что в первую очередь шведских ученых интересует язык Новгорода XVII в. Лайла Нордквист специально рассматривает язык челобитных, сохранившихся в архиве²⁸⁰. Последние работы Элизабет Лёфстранд посвящены, кроме всего прочего, людям Новгорода и новгородских пригородов — женщинам Новгорода

²⁷⁸ Nordlander I. Real Estate... С. 94–95.

²⁷⁹ Nordlander I., Sundberg H. The Novgorod taverns during the Swedish occupation // Stockholm Slavic Studies. Т. 24. 1995. P. 139–156.

²⁸⁰ Преимущественно дела 71, 73 и 172 из 2-й серии архива.

начала XVII в.²⁸¹, старорушанам, другим категориям населения. Предметом исследований Пера Амбросиани являются топонимы дозорных книг, хранящихся в Новгородском оккупационном архиве. Хочется выделить одну из работ Амбросиани, посвященную топонимам Введенского Дудоровского погоста. Автор сумел соотнести материалы архива Новгородской приказной избы с широким контекстом источников, создав единственный на сегодняшний день полный комментированный словарь топонимов для одного из погостов Новгородской земли²⁸².

Внимание шведских коллег привлекали в первую очередь документы первой серии, т. е. регулярного приказного делопроизводства, а не акты, содержащиеся во второй серии. Именно эта серия архива описана в уже опубликованной первой части каталога. Выход в свет первого тома описания ввел этот материал не только в шведскую или российскую, но и в мировую историографию²⁸³. Первый том каталога архива дополняют «Введение», написанное московским ученым А. А. Туриловым²⁸⁴, и исторический очерк «Смутные годы», созданный Г. М. Коваленко. Взгляд А. А. Турилова на эпоху Смуты своеобразен и оригинален; отмечу, однако, некоторые неточности ученого, касающиеся состава архивной коллекции. Так, по мнению Турилова, список лиц посольства С. Л. Татищева, присланного в Новгород из Ярославля в мае 1612 г., попал в коллекцию случайно, а его место — в коллекции Militaria. Однако данный список, входящий в один из столбцов Дворцового приказа, является хозяйственным документом, необходимым для сметы расходов на содержание посольства²⁸⁵. Таким образом, его место среди дел Дворцового приказа вполне

²⁸¹ Лёфстранд Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.

²⁸² Ambrosiani P. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish contribution to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana. Lund., 2003. P. 15–21 (Slavica Lundensia Supplement 5).

²⁸³ Löfstrand E., Nordquist L. Archives of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series 1. Stockholm, 2005.

²⁸⁴ Turilov A. Introduction // Accounts of the Occupied City... P. 13–16.

²⁸⁵ Роспись жильцам и дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55.

логично. По такому же списку сын боярский Гость Коковцов и подьячий Емельян Елизаров в мае 1612 г. должны были давать послам корм на их обиход²⁸⁶. Особняком стоят рассуждения ученого о причинах нахождения в Новгородском оккупационном архиве неожиданно большого комплекса документов, происходящих из Старой Руссы. Как считает ученый, наиболее вероятной причиной такого обилия старорусских документов — в особом значении этого города для Новгорода как важнейшего центра производства соли. По мнению Турилова, гораздо более гипотетична версия о том, что другие города Новгородской земли, расположенные ближе к землям Шведского королевства, вскоре после 1611 г. получили прямое шведское управление, тогда как Старая Русса осталась в совместном ведении новгородской и шведской администрации. Впрочем, «тайна» большого числа старорусских документов в коллекции объясняется достаточно просто: Старая Русса была в ноябре 1611 г. передана под прямое управление Дворцового ведомства²⁸⁷, в котором был, видимо, создан особый стол, занимавшийся старорусскими доходами (во всяком случае, большинство дел столбцов 349, 352 и 358–363 на обороте помечены «Старорусский»). Таким образом, существование комплекса документов из Старой Руссы объясняется большей сохранностью документов Дворцового приказа, управлявшегося в 1611–1615 гг. дьяком Пятым Григорьевым.

В очерке Г. М. Коваленко в основном воспроизводится более ранняя работа Г. М. Коваленко и В. М. Варенцова о Новгороде²⁸⁸. Обра-

²⁸⁶ Ропись ярославских послов и корма на их обиход. 1612, май // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 556–559.

²⁸⁷ Челобитная (отписка) Пятого Григорьева старорусскому воеводе Г. А. Муравьеву и дьяку Т. Сергееву с сообщением о подчинении Старой Руссы и 11 старорусских погостов Дворцовому приказу и с требованием прислать в Дворцовый приказ роспись доходов, платившихся в Новгород в 117, 118, 119 и 120 гг. 1611, ноября // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 1; Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о том, что дозор уезда и посада Старой Руссы еще не завершён, а также о том, что вскоре будут готовы сметные списки старорусских доходов и расходов за прежние 1608/09, 1609/10 и 1610/11 гг. 1611, декабря после 9 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 21–23.

²⁸⁸ Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991.

щает на себя внимание то, что ученый не вполне критично воспринимает тезис шведской пропаганды начала XVII в. об интересе испанцев к русской проблеме. Подробно этот вопрос рассмотрен мной в 6 главе настоящей книги.

В последнее время в архивах Швеции выявляются все новые и новые русские документы, которые, однако, не всегда получают грамотный исторический комментарий. Так, в опубликованном на русском языке описании русских документов в коллекции Militaria²⁸⁹ допущено много неточностей; на некоторые из них я обращал внимание в своих прежних работах²⁹⁰. В то же время отмечу, что общий взгляд на политическую ситуацию в Новгороде в начале XVII в. претерпел существенные изменения. В большинстве современных исследований, как и в работах Г. А. Замятнина, присутствие шведов на Северо-Западе в эти годы вновь трактуется не как акт агрессии, а как одно из обстоятельств гражданской войны, бушевавшей в стране с начала XVII столетия. Что более важно, воцарение Романовых не считается единственно возможным тогда выходом для страны и не воспринимается конечной точкой войны, на что еще в 1920-х гг. обратил внимание С. Б. Веселовский²⁹¹.

²⁸⁹ Дрень Л. В. Русские документы XVI — начала XVII в. В архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7(17). 1999. С. 379–385.

²⁹⁰ Селин А. А. Новые материалы о гомосексуализме...

²⁹¹ Веселовский С. Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 276–296.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Большая часть документов архива Новгородской приказной избы происходит не из Новгорода, а из Новгородской земли. В них содержится обширный материал о деревнях, погостах, острогах, городах территории, которая была подвластна новгородско-шведскому альянсу 1611–1617 гг. Надо сказать, что облик этого пространства в годы альянса чрезвычайно изменился. В данной главе я рассмотрю исторический ландшафт Новгородской земли, на фоне которого происходили политические события начала XVII в., коснусь общих процессов, характерных для всей рассматриваемой территории, и дам описание основных ее районов и пунктов.

В годы правления, а позднее царствования Бориса Годунова Новгородская земля постепенно выходила из кризиса, в который ее завлекла разрушительная политика Ивана IV и прокатившиеся по ее территории бои заключительного этапа Ливонской войны. Восстановление Новгородской земли заключалось, в частности, в воссоздании поселенческой системы, существовавшей в докризисную эпоху, т. е. в первой половине — середине XVI в. Однако позднейшие события полностью расстроили наметившийся процесс восстановления.

Начавшаяся в конце 1604 г. гражданская война в Московском государстве первоначально лишь косвенно коснулась Новгородской земли: вплоть до 1607 г. новгородские служилые люди принимают участие в боевых действиях сначала на Северщине, позднее, при Василии Шуйском, под Калугой, Тулой и в других районах Московского государства. Однако уже в 1608 г. боевые действия докатываются до Новгородской земли, которой угрожает непосредственная опасность быть подчиненной тушинскому правительству. Бурные события тех дней хорошо описаны в историографии, равно как и военные действия последующих лет, вплоть до июля 1611 г., когда Новгород был взят шведским генералом Яковом Делагарди, после

чего на Северо-Западе образовалось, наконец-то, правительство, с которым большая часть общества связывала надежды на стабилизацию.

В условиях непрекращающихся боевых действий власть новгородского правительства в разные периоды его существования распространялась на разные территории, подчас и за пределами «большого» Новгородского уезда¹. Вопрос о подчинении тех или иных территорий Новгороду в 1611–1617 гг. изучен комментаторами к труду Юхана Видекинда. Составленные ими карты на сегодняшний день — наиболее содержательная иллюстрация к историческому исследованию шведского историка. Именно они лучше всего демонстрируют динамику подчинения Новгороду тех или иных территорий в годы Смуты². В настоящей главе я попробую наметить не освещенные данными картами явления, происходившие в сельском расселении на Северо-Западе в рассматриваемый период.

И. О. Тюменцев, описывая способы управления тушинцами в замосковных городах, подробно рассмотрел технику «приставств». Тушинский отряд занимал сельскую территорию, охранял ее от других отрядов тушинцев или сторонников Василия Шуйского, а сам кормился за счет территории. По наблюдениям Б. Н. Флори, в Приговоре подмосковного ополчения 1611 г. содержался запрет на взятие тех или иных территорий в приставства, что было распространено в казачьей практике по примеру польско-литовского войска³. В Новгородской земле начала XVII в. я лишь один раз встретился с таким механизмом, в районе Старой Руссы⁴.

¹ Подразумеваю здесь территории, подчиненные Новгороду: собственно Новгородский, Ладужский, Копорский, Ореховский, Корельский, Порховский, Ямской, Ивангородский и Старорусский уезды.

² Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.

³ Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // ИЗ. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

⁴ Подьячий Афанасий Муранов в начале января 1615 г. получил память по челобитью части крестьян Бурезжского погоста о приписке их к Старорусскому уезду, так как они фактически проживают под Старой Руссой, в «Лаврентьеве приставстве», в Неговской и в Чертицкой волостях. Несомненно, Лаврентием здесь назван ротмистр Лоренц Вагнер (Память подьячему Афонасию Муранову по челобитью крестьян Бурезжского погоста и с. Двориц. 1615. 9.01 // RA, NOA.

Пригороды

Старая Русса

Старая Русса — ближайший и важнейший пригород Новгорода. Особое положение Руссы в системе новгородских пригородов было связано в первую очередь с его соляным производством и с большим числом занятых в этом производстве людей. Одновременно Русса была центром огромного района, практически лишённого поместного землевладения, Уже в годы царствования Бориса Годунова Старая Русса и старорушане привлекали особое внимание правительства. В дни приезда в Московское государство датского принца Ганса осенью 1602 г. для встречи королевича в Новгород было вызвано 200 старорушан в «красном» платье для демонстрации многолюдности и благосостояния московского Северо-Запада⁵.

Вскоре после взятия Новгорода шведами, в августе 1611 г. В Руссу для создания новой переписи были посланы дети боярские Лука Милославский и Антон Выповской⁶. В ноябре 1611 г. Русса с уездом была передана в Дворцовый приказ⁷. Воеводой Руссы стал Герасим

Серие 2:77. Л. 92.). Надо сказать, что термин «приставство» упоминается и в более поздних источниках. В челобитной кн. С. В. Прозоровского, написанной в Москву из-под Смоленска, в 1633 г., упоминается, что воеводы боярин М. Б. Шеин и окольный А. В. Измайлов Смоленский уезд «рознили себе в приставстве, и во всех волостех живут люди их на приставстве» (Челобитная воеводы Передового полка окольного кн. С. В. Прозоровского из-под Смоленска о ходе военных действий. 1633. 21.04–3.07 // *Петров К. В.* Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 125–131).

⁵ Список посадских людей старорушан, направленных по указу в Новгород. 1602 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 46.

⁶ Дозорная книга Старой Руссы дозору Луки Ивановича Милославского, Антона Силича Выповского подьячего Никифора Коптева и торгового человека Семена Иванова. 1611, август // RA, NOA. Serie 1:63. С. 4–207.

⁷ Челобитная (отписка) Пятого Григорьева старорусскому воеводе Г. А. Муравьеву и дьяку Т. Сергееву с сообщением о подчинении Старой Руссы и 11 старорусских погостов Дворцовому приказу и с требованием прислать в Дворцовый приказ роспись доходов, платившихся в Новгород в 117, 118, 119 и 120 гг. 1611, ноября // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 1; Челобитная (отписка) Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева дьяку Пятому Григорьеву о

Муравьев, а в конце января 1612 г. — князь Андрей Константинович Шаховской, удержавшийся на этой должности до ухода шведов из Руссы в 1617 г. Вначале его товарищами были назначены подьячий Ждан Медведев и гость Истома Демидов⁸, а к июлю 1612 г. — Федор Витовтов, переведенный сюда из Заонежских погостов, также служивший в Руссе до 1616 г.⁹

11 февраля 1612 г. Русса подверглась разгрому от войск Лисовского. Разграбив город, «литовские и польские люди» удалились. И город, и уезд были разорены¹⁰.

К марту 1612 г. В Руссу пришел новый крупный воинский контингент с русским воеводой Матвеем Семеновичем Львовым, которому было поручено собирать корм для шведских солдат¹¹. Кроме того, «они же... В Старой Русе город и на городе острог поставили и около города ров выкопали и в городе в зимнюю пору двory про ратных людей на стужи поставили, да ныне в остроге двory ратным людям

том, что дозор уезда и посада Старой Русы еще не завершён, а также о том, что вскоре будут готовы сметные списки старорусских доходов и расходов за прежние 1608/09, 1609/10 и 1610/11 гг. 1611, декабря после 9 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 21–23.

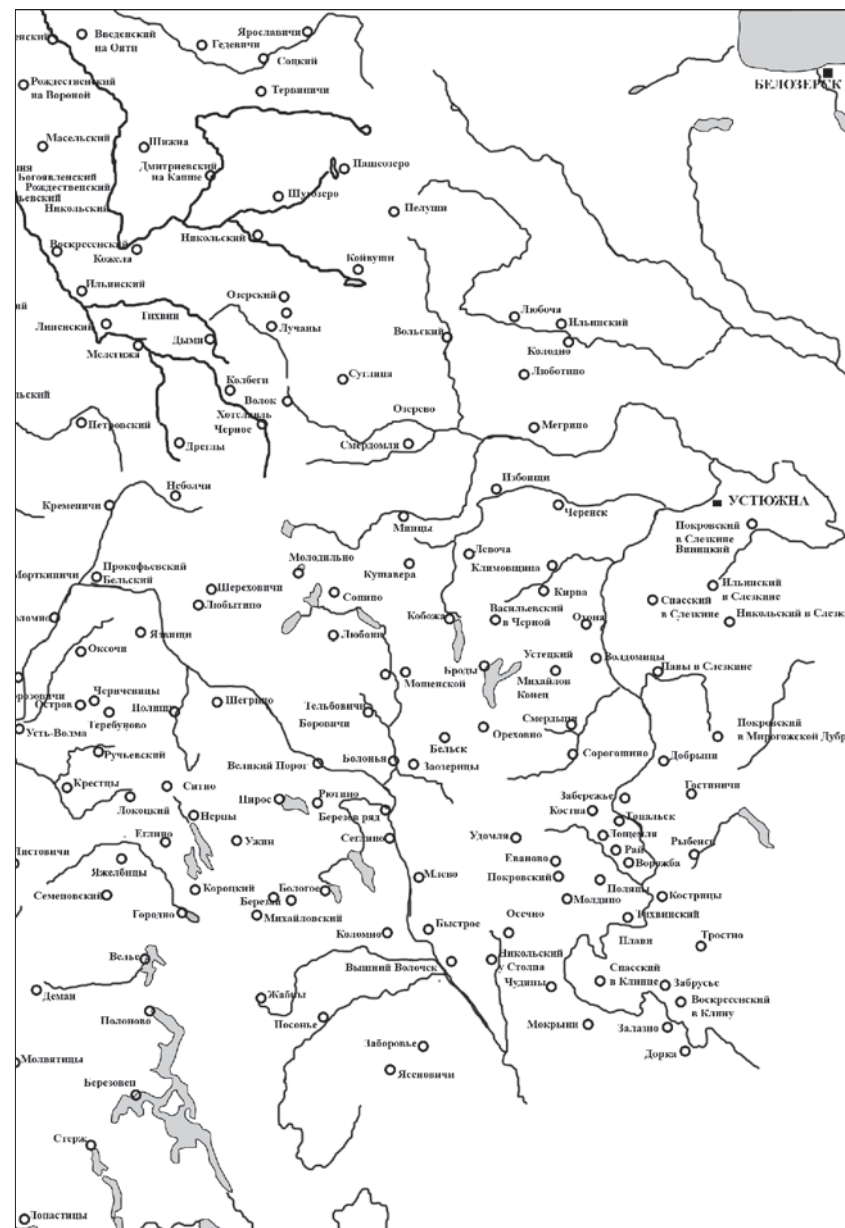
⁸ Наказ от бояр и воевод кн. А. К. Шаховскому, гостю Истома Демидову и подьячему Ждану Медведеву ехать в Старую Руссу и принять дела у воеводы Герасима Муравьева и дьяка Томила Сергеева. 1612, января // RA, NOA. Serie 2:363. Л. 1–3.

⁹ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячему Федору Витовтову о присылке в Новгород недоплатных денег со Старорусского посада и недовозного хлеба с погостов Старорусского уезда. 1612. 2.07 // RA, NOA. Serie 2:352. Л. 1–2.

¹⁰ Челобитная боярам и воеводам от старорусского посадского старосты Богдана Федорова и от всего посада с жалобой на свое разорение и непомерное обременение платежами с просьбой о льготе. 1612, марта после 7 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 62–65; Челобитная боярам и воеводам верхнего волостного старосты старорусских погостов Ивана Жилинского и всех крестьян о невозможности после разорения литовскими людьми платить корм по дозору Луки Милославского с просьбой о новом дозоре. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 52–53.

¹¹ Грамота от бояр и воевод в Старую Руссу воеводе Матвеем Семеновичем Львову о сборе на немецких ратных людей, стоящих в Руссе на посаде и в остроге, кормов пока только на два месяца и о точной фиксации всех кормов в книгах. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 1–2.

Карта 3. Погосты Новгородской земли

ставят же»¹². Матвей Львов тут же вступил в конфликт со старорусской администрацией¹³. В конце 1613 г. Руссу попытались захватить казаки — часть войск кн. Д. Т. Трубецкого, шедшего на Новгород. Только к лету 1614 г. Русса была освобождена, там была восстановлена новгородская администрация.

По сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г. «...в городех, в Старой Русе, в Порхове людей не по многу, потому что те уезды от немецких людей разорены. В Русе запасов королевских нет ничего. Книхтов свийских всего человек с [...], дают с кабака поденной корм по два гро[оша] человеку на день. А хлеба покупают в Русе из Новагорода, а четверик ржи по дватцати алтын, а [...] мало...»¹⁴. Переводчик Арн Бук, также перешедший на сторону Москвы, сообщал, что «в Старой Русе немецких людей с тридцать человек, а наряду и зелья нет ничего»¹⁵. Летом 1616 г. английский переводчик сообщал о чрезвычайной хлебной дороговизне в Руссе: «хлеб в Русе купять четь ржи по 8 рублев», а тамошний гарнизон оценивал в 40 солдат¹⁶.

Опись 1617 г. зафиксировала в Старой Руссе «2 пищали медяных полуторных, 4 тюфяки железных, 3 пищали затинных, 70 ядер железных, пуд с четью зелья, 2 пуда с четью свинцу, 11 заступов железных, 70 сажен снуров, да кабацких судов медяных: котел 32 ведра, котел в 28 ведр, котел в 16 ведр, котел в 8 ведр, ведро пудовое в 16 кружек, яндова в ведро, осмина винная, 12 труб винных. Деревянных судов: 4 тцаны больших, русло большое, 4 бочки»¹⁷.

¹² Память из Дворцового приказа (?) в Старую Руссу воеводе Матвею Семеновичу Львову о сборе на немецких ратных людей, стоящих в Руссе на посаде и в остроге, кормов пока только на два месяца. Без начала. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 3—5.

¹³ Грамота от бояр и воевод старорусскому воеводе кн. А. К. Шаховскому по челобитной об отсутствии денег и кормов и о самоуправстве Матвея Львова. Без окончания. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:359. Л. 31—34.

¹⁴ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова. Без начала. 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31—33.

¹⁵ Расспросные речи толмача Арна Бука перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 8.02 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 244—250.

¹⁶ Расспросные речи переводчика Ивана Рихтерева, приехавшего из Старой Русы. 1616, июня // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 158.

¹⁷ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 168.

Порхов

Порхов — каменная крепость, новгородский пригород на пути к Пскову. Еще в 1609 г. в нем были осаждены войска, верные Василию Шуйскому (видимо, тушинским полковником Кернозицким). О судьбе Порхова в дни смены власти в Новгороде летом 1611 г. ничего не известно; скорее всего, порховский гарнизон не проявил самостоятельности и присягнул новгородскому правительству. Первоначально шведские военачальники Порхова соседствовали с русским воеводой кн. И. А. Мещерским. 7 февраля 1612 г. он вместе со вторым воеводой С. Ф. Тимашевым писал в Новгород из Порхова о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. В их распоряжении, по отписке, почти не было и кабацких доходов, а для «курения» нового вина отсутствовали средства. Посланные в уезд сборщики Федор Воронов и Петр Ногин писали воеводам, что у них в сборе кормов тоже почти нет, стрельцам жалованье не додано¹⁸. В конце 1612 г. кн. Мещерский был сменен И. И. Крюковым. Именно И. И. Крюков, переведенный сюда из Тихвина, летом 1613 г. вступил в переговоры со псковичами и попытался сдать им Порхов, однако лишь увел часть новгородцев к псковичам. Шведы сумели удержать порховскую крепость. Русским порховским воеводой был вновь назначен кн. И. А. Мещерский.

По сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г. «...в Порхове запасов толко королевских немного поболши 1000 чети ржи, и тот де хлеб велено ныне привести в Новгород, а вперед взяти корму с старорусского и с порховского уезда нечего, потому что те уезды запустошены»¹⁹.

Однако опись 1617 г. фиксирует оставленный шведами большой артиллерийский запас (2 полуторных и 19 затинных пищалей, большое число ядер, еще одна полуторная пищаль, спрятанная под папертью и 15 затинных пищалей, спрятанных под церковью), правда,

¹⁸ Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129.

¹⁹ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова (без начала). 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31—33.

каменная крепость оказалась разрушенной. Опись же говорит о том, что в Порхове при шведах действовал кабак; во всяком случае, там оставались «котел большой медной 90 ведер, с крюки. Другой котел меньшей, с ушми. 3 трубы винных»²⁰.

Орешек

В 1610 г. Орешек, вероятно, признал власть царя Владислава; ничего не известно о противостоянии Орешка и Новгорода. При этом воеводы Орешка кн. И. С. Путятин и Л. И. Милославский выступали самостоятельными участниками переговоров со шведскими военачальниками, действовавшими на Северо-Западе. 1 апреля 1611 г. Делагарди сообщал королю, что жители Нотебурга тремя неделями ранее вместе с другими крепостями, кроме Пскова, Ивангорода, Ямы, Копорья, отреклись от поляков и соединились друг с другом²¹.

После взятия Новгорода в июле 1611 г. Орешек не подчинился новой власти и стал вторым городом, который осаждал шведский полковник Клаус Сланг совместно с новгородцами. Осада Орешка продолжалась осенью — зимой 1611/12 г. Сопrotивление ореховцев было для шведов весьма неожиданным. По наблюдениям Н. П. Лыжина, Орешек сопротивлялся шведам так упорно, что и в 1688 г. писали, будто из всего гарнизона в нем уцелело два человека, и те, сдав крепость шведам, удалились с честью²². Город продержался до начала мая 1612 г.²³ Ореховские «осадные сидельцы», возглавляемые кн. Д. Т. Мышецким, после сдачи города все вернулись на службу в Новгород. Позднее город утратил свое военное значение. Некоторое время им управляли шведский военачальник Клаус Сланг и русский воевода кн. И. В. Кропоткин; позднее власть сосредоточилась в руках шведской администрации. В 1612 г. началась «отписка» прилегающих к Орешку территорий от местных помещиков к городу, а также

²⁰ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 169.

²¹ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918 // СПБИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. С. 14.

²² *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 7, прим. 11.

²³ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы... С. 43.

к строящемуся неподалеку Ниеншанцу. Южная часть Ореховского уезда была приписана к городу Орешку/Нотебургу.

Мантальные книги уезда за 1615²⁴, 1616²⁵ и 1618²⁶ гг. сохранили имена православных священников Егорьевского Лопского, Куйвошского, Корбосельского, Ижерского и Дудоровского погостов. Они скрепляли, вполне в традициях московского делопроизводства, мантальные росписи погостов и деревень. К 1616 г. в Орешке остались только «осадные люди», т. е. гарнизон²⁷. Наиболее интересен документ, также созданный на двух языках, фиксирующий количество посадских людей в Орешке на 1 мая 1618 г. подписью, указывающей, что в это время в Орешке на посаде жило 17 человек, судя по именам — русских²⁸.

Копорье

По сообщению вышедших в московский посольский стан новгородцев Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова, к началу 1616 г. «...что было в Копорье и в Копорском уезде по селом хлеба, и тот хлеб велел корол свийской вывезть в Выбор. А как сам корол был ныне в Копорье с ратными людьми, и он достал запустошил»²⁹.

В июне 1616 г. из Копорья вышли люди Шума и Венедикта Хомутовых, кормившиеся там «Христовым именем». По их сообщению, в Копорье в то время воеводами служили новгородец Василий Чебота-

²⁴ Knut Ericksons Rächenskap för ovbörd och utgift midh Nötheborgs Befestnings för Katersaksurg anno 1615 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁵ Knut Ericksons Rächenskap för ovbördh och utgift midh Nötheborgs Befestnings för anno 1616 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁶ Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03 — 1618. 28.02 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424.

²⁷ Расспросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

²⁸ Список посадских людей Г. Нотебург. 1618. 1.05 // Mantalregister över Nöteborgs län. 1617. 1.03 — 1618. 28.02 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 424. Л. 22.

²⁹ Расспросные речи Якова Боборыкина, Угрима Лупандина и Федора Витовтова (без начала). 1616. 22.01 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 31—33.

ев «да немчин Ондрей, чей словет, того не ведают, а с ними немецких ратных пеших людей 100 человек»³⁰.

В последние месяцы перед Столбовским миром Копорье становится важной базой шведских войск. Сюда направляются новгородские новокрещены и татары, не пожелавшие служить царю Михаилу Федоровичу. Однако именно отсюда в Новгород уходит в феврале 1617 г. большая группа детей боярских во главе с Петром Хомутовым. Новая шведская администрация в 1617 г. предпринимает жесткие шаги по управлению территорией Копорского уезда. Генерал-губернатор К. К. Юлленельм сурово обратился к погостским старостам с требованием немедленно по получении указания прибыть в Копорье вместе с волостными приходно-расходными документами³¹.

Ладога

Сведения о Ладоге в первые годы Смуты отрывочны. Известно, что осенью 1608 г. туда навстречу вспомогательному шведскому войску был послан И. Н. Ржевский, будущий боярин Лжедмитрия II. Из конфискованного имущества М. И. Татищева ему «для встречи немецких людей» были посланы «кафтан холодной, камка адамашка черевчата, нашивка золотная, головки обнизаны жемчужком мелким..., шапка с околлом, полушарлат, петли низаны жемчюгом большим, по одной петли на порехе, по 30 жемчюгов в петле, цена 10 рублей»³².

В начале августа 1610 г. к Ладоге подошло три роты французов во главе с Пьером Делавиллем. Ему противостояли две сотни ладожских стрельцов. Жалованья они не получали уже много месяцев, и попросту умирали от голода. 15 августа 1610 г., на праздник Успения Богородицы, Делавилль вошел в Ладогу почти без боя, применив петар-

³⁰ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

³¹ Письмо фельдмаршала Карла Юлленельма в Копорский уезд с наказом об обязательном прибытии в Копорье 18 марта со своими жалобами и приходно-расходными книгами с погостов под угрозой штрафа за неявку. 1620. 17.03 // RA, Militaria: 1287: 18.

³² Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВО-ИДР. Кн. 8. 1850. С. 2–3.

ды и какую-то военную хитрость. Взяв город, он сразу же вступил в переговоры с Новгородом. Однако именно в эти недели туда пришла весть из Москвы о низложении царя Василия Шуйского и об избрании на престол польского принца Владислава Сигизмундовича. Новгородцы отказались от переговоров с Делавиллем и попытались изгнать его из Ладоги, однако он неоднократно отбивал атаки от крепости. Первая осада города, предпринятая осенью полуторатысячным войском во главе с кн. И. А. Мещерским, успехов не принесла, оно попросту разбежалось.

Вскоре после захвата Ладоги П. Делавиллем, осенью 1610 г., под Ладогу был послан кн. Г. К. Волконский. Осада им крепости велась вяло. Обе стороны использовали «наряд» — артиллерию. Когда в октябре — ноябре этого же года все новгородцы целовали крест королевичу Владиславу, то энергичный Иван Михайлович Салтыков стал проводить политику выдавливания шведов с территории Новгородской земли. 11 января нового 1611 г. Салтыков лично возглавил войска, осаждавшие Ладогу, — служилых людей новгородцев во главе с князем Волконским, татар Исинея Мусаитова и казаков Тимофея Шарова. С собой Салтыков привел сильный отряд Солового Протасьева с детьми боярскими, в основном бывшими сторонниками Тушинского лагеря, пришедшими с ним в Новгород из южных уездов, главным образом из Астрахани. Ладога была окружена с двух сторон — князь Волконский пошел на север, занимать Никольский Медведский монастырь, а сам Салтыков занял Гостинопольский монастырь на юге. Обе эти укрепленные точки располагались примерно в 12 верстах от города.

В ходе полугодовой осады Ладоги за фуражом и провизией в окрестные деревни устремились и французы, и воины Салтыкова. И через год после событий крестьяне Михайловского погоста на Ладожском пороге были освобождены от уплаты недоимок, потому что «как немцы город Ладогу взяли, и как под Ладогою ратные всякие люди стояли, и как немцы шли к Новугороду, и тем крестьяном учинился убытков болши того, что на них довелось взяти на сто осьмой на десять год (т. е. 7118 — 1609/10 г.) денежных доходов»³³.

³³ Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie I: 136. С. 150–151.

Среди осаждавших Ладогу зимой 1610/11 г. выделяются две яркие фигуры. Это новгородец Роман Иванович Неелов и казачий атаман Тимофей Васильевич Шаров. Сразу после прихода в Новгород Ивана Салтыкова поздней осенью 1610 г. они разделили между собой дворцовую Михайловскую волость на Ладожском пороге. По грамоте «царя Владислава Жигимонтовича» было пожаловано «Роману Неелову да Тимофею Шарову волостка Михайловская з деревнями на Порошке и кабак со всеми угоды, всего 400 чети»³⁴.

Роман Неелов упомянут среди тех, кто в лагере Сигизмунда III под Смоленском в 1610 г. получил земельные пожалования лично от короля. Пожалуй, Неелов был одним из немногим приспешников Сигизмунда, кто вступил во владение искомыми землями вскоре после прихода Салтыкова в Новгород³⁵. Интересно, правда, что под Смоленском Роману Неелову были пожалованы несколько другие земли — рядок «Устье реки Сясь»³⁶. В 1610–1611 гг. Роман Неелов привел под Ладогу из Новгорода 40 стрельцов³⁷. В годы новгородско-шведского управления 1611–1617 гг. Неелов жил тихо, не привлекаясь к ответственным поручениям. Но после возвращения Новгородской земли под власть московских царей он назван среди «окладчиков» Вовской пятины в 1624/25 г.³⁸.

Имя казачьего атамана Тимофея Шарова появляется в источниках еще в ходе событий 1606–1607 гг. под Волоком Ламским. 1 ноября 1606 г. ему было выдано 5 рублей из казны Иосифова Волоколамско-

³⁴ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

³⁵ Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 112–120 гг. ... Л. 150–151.

³⁶ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава, на Московский престол. 1610–1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. Ст. 347.

³⁷ Дело по двум челобитным...

³⁸ Десятина денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 6.

го монастыря, «от того, чтоб монастырских сел не жгли и людей не губили»³⁹. В ноябре 1610 г. мы застаем Тимофея Шарова уже в Новгороде, получающим вино из государева винного погреба. В марте 1611 г. его станица (220 казаков и 2 есаула)⁴⁰ вместе с воеводой Леонтием Андреевичем Вельяминовым участвует в походе под Старую Руссу. В июне 1611 г. Тимофей Шаров участвует в переговорах В. И. Бутурлина с Делагарди⁴¹. 11 июля 1611 г. ему было велено выдать полведра вина из государева погреба в Новгороде⁴². Это последнее упоминание о Шарове — в ходе «новгородского взятия», предпринятого Делагарди 16 июля 1611 г., Шаров с 40 казаками погиб. Согласно одному из Хронографов XVII в., в июне 1611 г. отряд Шарова из 500 казаков был единственным, кто оказал сопротивление шведским войскам⁴³, а «июля в 16 день Тимофея Шарова немецкие люди убили»⁴⁴.

Зимой 1610/1611 г. под Ладогой решалась судьба Северо-Запада. Взять Ладогу в феврале удалось только путем чрезвычайного напряжения сил. Для борьбы со шведами были согнаны тысячи дворян и детей боярских, новокрещеных татар, казаков, крестьян-даточных людей. Как осажденные, так и осаждавшие Ладогу войска испытывали и серьезные невзгоды, и небольшие радости. В сочельник 1610 г. из-под Ладогой в Новгород была послана память о даче новокреще-

³⁹ Из расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря казначея старца Гавриила. 1606, сент. — 1607, авг. // Бибиков Г. А. Новые данные о восстании Болотникова // ИА. Т. 1. 1936. С. 12–20.

⁴⁰ По данным, выявленным П. В. Седовым, после старорусского похода, накануне июльского штурма Новгорода, у Шарова было 230 казаков; надо полагать, к ним присоединились казаки других станиц (Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1993. С. 121).

⁴¹ Сборник памятей в новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2:124. Л. 23, 82, 103, 110, 164, 185, 199.

⁴² Память погребному приказчику Григорию Офонасьеву да целовальнику Ивану Федотову с товарищи выдать казачьему голове Тимофею Васильевичу Шарову полведра вина за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1611. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:116. Л. 2.

⁴³ О рождении князя Михаила Васильевича. По списку Хронографа Древлехранилища Погодина № 1451 // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Поповым. М., 1869. С. 388.

⁴⁴ Дело по двум челобитным...

ным татарам 7 ведер вина (от 84 до 116 литров водки) для празднования Рождества.

Француз, командовавший осажденными в крепости, так описывает свои злоключения:

«...Иван Михайлович Салтыков имел время послать в Москву за помощью для осады меня и собравши еще три или четыре тысячи человек, послал на меня прежде князя Григория Константиновича с 2000 человек, которые и остановились в трех лье от крепости. Я отправил моего брата добыть языка, не уверенный, что русские тут находятся. Он, зная, что русским неизвестно число неприятелей и увидев их лагерь, прямо въехал в него.

Началась тревога; большая часть русских бежала. Но брат мой запутался в лагере неприятельском, имея с собою только 60 всадников. Когда хотел он отступить, на него напала рота копейщиков, обойдя задним выходом лагерь, прежде нежели брат мой построил отряд в порядок, что и было причиною его разбития, причем схватили его самого, а всех солдат его перебили и полонили, ибо неприятелей было две тысячи.

После такой потери осталось у меня в крепости тридцать господ да тридцать слуг, большею частью без оружия.

Неприятели, уведомленные о том, сильно осадили меня. Но прежде всего привели на вид крепости брата моего и других пленников, угрожая мне, что если я не сдамся, они в глазах моих всех их умертвят.

Я предложил им выкупить моего брата за деньги или обменять на пленных русских. Они слышать не хотели. Но услышав ответ мой, что честь моя велит мне охранять крепость и что я решил не сдаваться на их угрозы, они бросились на брата, как будто хотели его убить. Вместо его убили двух пленных, думая, что когда я увижу смерть их, то почту брата убитым и сдам крепость. Видя, что хитрость не удалась, Иван пошел на приступ, стрелял калеными ядрами, зажег было крепость, но по милости Божией пожары утушили. Однако ж солдаты наши так испугались, что четверо спрыгнули со стен и перешли к неприятелю.

При такой крайности, после двух или трех приступов упорных, не надеясь помощи, сдал я Ивану Михайловичу крепость, а он согласился на отступление мое, с оружием и обозом, распущенным

знаменем, под звуки труб и со всеми нашими богатствами. Мне отдали моего брата, всех пленных французов, бывших под моим начальством, придавши мне в проводники великого палатина русского, князя Ивана Мещерского»⁴⁵

Согласно русским источникам, 15 января 1611 г. Жак Делавилль, младший брат Пьера Делавилля, предпринял вылазку из осажденной Ладogi в северном направлении. Надо думать, что Делавилль-младший дошел до самого Медведского монастыря. Его действия были направлены против засевших там дворян князя Волконского и казаков Минея Карамышева и Тимофея Шарова. Но осажденные потерпели неудачу. Их «побили наголову и топтали» целых 15 верст. Было пленено 64 участника вылазки. Самых важных пленных Волконский и Шаров отправили в Москву. Эта неудача, а также тяготы зимней войны побудили Пьера Делавилля сдать Ладogu Ивану Салтыкову.

После капитуляции Делавилля в начале февраля 1611 г. Ладogu занял русский гарнизон во главе с воеводой Г. Н. Муравьевым. Основная сила гарнизона — это две сотни стрельцов, служивших в городе еще в 1610 г. В начале лета 1611 г. Муравьев получил приказ из Новгорода выдать гарнизону хлеб из государевых житниц и сообщить им, что их могут сменить только после того, как новгородские правители заключат договор с Делагарди⁴⁶.

Упоминания о событиях лета 1611 г. под Ладогой, ремонте и благоустройстве городов показывают, что в это время существует уже два города — земляной и каменный. Видимо, именно это благоустройство фиксируется археологически. Известно, что в насыпи вала ладожского Земляного Городища, в щели пола одной из построек найден золотой дукат, отчеканенный в г. Гельдерн (Австрийские Нидерланды),

⁴⁵ Краткая записка о том, что происходило в Московии от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского, сочиненная Петром Делавиллем де-Домбаль в 1611 году // Русский вестник. 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 754–755.

⁴⁶ Отписка новгородских воевод кн. Ивана Одоевского и Василия Бутурлина в Ладogu о доставлении хлебных запасов московским стрельцам, осажденным шведскими ратными людьми. 1611, прежде июля // АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 331. С. 398.

датирующийся 1603–1607 гг. Некоторые ученые предположили, что и сам деревоземляной город был построен в годы Смуты⁴⁷; однако существуют сведения о нем еще при Борисе Годунове⁴⁸.

По сообщению шведского историка XVII века Юхана Видекинда, из Ладоги и Нотебурга генералу Делагарди писали, что жители этих городов «готовы разделить стремление и судьбу новгородцев и москвичей и примкнуть к избранному князем шведскому принцу», но они отказались присягать новому кандидату на престол, пока его не поддержит вся страна, а не один только Новгород⁴⁹. Осенью 1611 г. Ладожскую крепость пытались принудить к капитуляции войско во главе с Клаусом Слангом (впоследствии — шведским комендантом Орешка/Нотебурга) и дворянином В. Ф. Клепиком Бутурлиным, который еще в 1610–1611 гг. служил головой в полку князя Волконского, осаждавшего Ладожскую крепость⁵⁰. Немногие сохранившиеся источники показывают, что оборона Ладожской крепости осенью 1611 г. также была достаточно упорной, шведы подвезли «наряд», размещенный первоначально на Вындине Острове⁵¹. По сообщению того же Видекинда, увидев непосредственную угрозу городу, ладожане решили присоединиться к новгородцам, но составлявшие гарнизон стрельцы заняли крепость («кремль», как пишет Видекинд) и пытались удержать ее до тех пор, пока в Новгородскую землю не прибудет шведский принц. Однако шведы принудили их сдать, после чего 50 стрельцов было поселено внутри крепости, «в избушках близ вала»⁵². Это сведение Видекинда часто некритично принимается современными исследователями Смуты

⁴⁷ Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И. Ладожские бастионы и горизонт В Земляного городища (проблема хронологии) // Ладога и Северная Европа от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. СПб., 2002. С. 195–199.

⁴⁸ Подробнее: Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2006. С. 51, 129–132.

⁴⁹ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 190.

⁵⁰ Белоуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 105–106.

⁵¹ Дело по челобитной боярам и воеводам Духова монастыря игумена Тихона. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 106–115.

⁵² Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 212.

на Северо-Западе⁵³; при этом совершенно неясно, где могли располагаться данные «избушки»; впрочем, и облик укреплений Ладоги этого времени не ясен.

В коллекции Государственного архива Швеции *Baltiska Fogderäkenskaper* присутствуют документы из архивов новгородских пригородов — Яма, Копорья, Ивангорода, Орешка (Нотебурга), Ниена (Невского острожка) и даже Гдова. Ладогу же вернули через две недели после заключения Столбовского мира, в 1617. Нет никаких сомнений, что администрация города сохраняла важнейшие документы, как это происходило в других городах, находившихся в совместном управлении новгородских и шведских властей; однако архива Ладоги за 1611–1617 гг. не сохранилось. Он должен был бы также войти в состав фонда. Так как материалы из Ладоги отсутствуют, вероятно, архив города за Смутное время погиб при уходе шведов в 1617 г.⁵⁴

В 1611–1612 гг. в Ладоге стабильно присутствует двое русских воевод — Иван Григорьевич Шея Секирин (вотчина его находилась в Федоровском Песочком погосте, близ современной д. Кисельня) и Василий Федорович Клепик Бутурлин, дважды участвовавший в осаде Ладоги в течение 1611 г. Новые власти на первых порах занимались обустройством мирной жизни. В первую очередь восстанавливались доходные статьи. По инициативе шведской администрации в 1612 г. восстанавливается ладожский кабак. 3 апреля 1612 г. секретарь Монс Мортенсон Пальм («Монша Мартынович» русских источников) указал за счет государства соорудить три медные трубы, стоимостью в рубль, к винным котлам на ладожский кабак⁵⁵. В 1612 году возникает план воссоздания ладожского яма, для чего в город из Новгорода присылается ямской устроитель Иван Курицын⁵⁶.

⁵³ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 15.

⁵⁴ Селин А. А. Города и уезды Новгородской земли в начале XVII в. Некоторые перспективы исследований русских материалов *Riksarkivet* // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 145–150.

⁵⁵ Отписка М. М. Пальма о даче рубля на устройство трех винных труб к винным котлам Ладожского кабака. Русский и шведский текст // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 20.

⁵⁶ Челобитная (отписка) ладожского воеводы В. Ф. Бутурлина в Новгород о том, что, несмотря на запрещение, он все же послал в Нагорную половину Исаю Глотова собрать там корма, так как по прибывшим в Ладогу дозорным

Самым известным шведским военачальником Ладоги, занимавшим этот пост в 1612–1613 гг., был полковник Ганс Рекинбергер (Рекинбергер), ветеран походов Делагарди по Московскому государству, участник «Новгородского взятия» 16–17 июля 1611 г. Иван Шея Секирин и Василий Клепик Бутурлин постоянно вступали с ним в конфликты. От Рекинберга доставалось и церковнослужителям окрестных монастырей. Игумена Никольского Медведского монастыря Феодорита с монахами он посадил в тюрьму и подверг пыткам, а монастырь и, главное, монастырские припасы разорил полностью, свежая их в Ладогу⁵⁷.

В ноябре 1613 г. Ладога была осаждена «двумя тысячами русских и татар, перерезавшими дороги к Новгороду». В это время из Новгорода в Ладогу был послан дворянин, не раз побывавший в плену у шведов, участник переговоров лета 1611 г. под Новгородом Гаврило Савинович Бекетов. По дороге его взяли в плен «тихвинские казаки»⁵⁸. Только в январе 1614 г. осаду с города снял полковник Йеспер Крус, специально пришедший из Швеции с личной хоругвью (ротой гвардейцев) короля Густава Адольфа⁵⁹.

Начиная с лета 1612 г. о русских воеводах в Ладоге ничего не известно. Иван Шея Секирин в 1613 г. участвует в посольстве игумена новгородского Отенского монастыря Дионисия в Москву, В. Ф. Бутурлин в сентябре 1613 г. также находится в Новгороде. Возможно, Ладога в августе 1612 г. лишается русской администрации. По сообщению взятых тихвинцами пленных немцев, к весне 1614 года в городе стоял только шведский гарнизон, а русских ратных людей здесь не было. Да и состояние шведского гарнизона было плачевным: «А в Ладоге де немецких всяких людей с 300 человек, и то де все худые люди

книгам Ивана Коковцова объявился недоплатеж кормов с этой половины за более раннее время, и о том, что ямской устроитель Иван Курицын в Ладоге пока не появился. 1612, между 23.06 и 2.07 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 18.

⁵⁷ *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 95–96. Н. Е. Бранденбург ошибочно считал, что жалоба монахов Медведского монастыря относится не к Рекинбергу, а к Самуилу Коброну.

⁵⁸ Выдельные книги дворцового Голинского погоста приказчика Лучанина Еремеева и подьячего Сидора Коптева. 1613. 21.08 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 339.

⁵⁹ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны.... С. 309.

кнехты пешие, и запасов де никаких и конских кормов в Ладоге нет, потому де и оне из Ладоги вышед, стоят для кормов, а русских людей в Ладоге нет никого»⁶⁰.

В марте 1614 г. неподалеку от Ладоги боярин кн. Д. Т. Трубецкой тщетно пытался привлечь денежными раздачами оголодавших за зиму казаков на службу⁶¹. 8 мая 1615 г. в поисках пропитания под Ладогу приходила станица атамана М. И. Баловнева, одного из самых известных казачьих лидеров и бунтовщиков того времени⁶².

Летом 1616 г. Ладога превращается в центр, откуда шведские политики начинают сношения с московскими послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами, находившимися в Тихвине. Несмотря на стремление обеих сторон к миру, здесь, в Ладоге, концентрируются сильные военные контингенты шведской армии. Так, к примеру, расположился пришедший в Ладогу отряд во главе с Выборгским наместником Арвидом Теннисоном: «А острошку у Арвея нет, стоит в шатрах без острошку, а в полку де у Арвея три пушки, уставлены на три стороны, по Тихвинской да по Орешковской дороге, а запасу всякого в Ладогу хлеба, и коров, и боранов, и коз, и питья всякого привозили из Немецкие земли добре много, а ссыпаны де всякие хлебные запасы в Ладоге в житницы, а питья ставили по погребом, а животны ныне не бьют, пасут на поле, а сена де на зиму припасают немецкие люди добре много, а говорят де немецкие люди, что в Ладогу немецкие прибыльные люди из Лопи ещо будут, а вскоре ль будут и сколко человек, того не ведает»⁶³. По договоренностям, достигнутым в Столбово, шведы очищали Ладогу в течение двух недель после 1617 г. На смену Риккертю Розенкранцу в марте 1617 г. сюда пришли тихвинские

⁶⁰ Отписка воевод Д. Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Распросные речи языков. 1614, марта 30 // АМГ. 1890. Т. 1. № 78. С. 115–118.

⁶¹ «Книги денежные раздачи под Ладогою боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофевича Трубецкого с товарищи всяких чинов служилым людем 122-го году» (Опись архива Разрядного приказа XVII в. / Подг., вст. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 391).

⁶² *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 154.

⁶³ Распросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

воеводы В. Ф. Неплюев и В. И. Змеев. Они переписали город, в котором сохранялся воеводский двор, 15 жилых посадских дворов, 8 дворов служилых людей. При шведах, вероятно, в связи с подготовкой к переговорам 1616–1617 гг. в Ладоге было поставлено еще «всяких хором, светлиц и изб и клетей и житниц 15 хоромин»⁶⁴.

Гдов

История Гдова в Смутное время хорошо изучена, в особенности тот хронологический промежуток, в течение которого Гдов переходил из рук в руки от Лжедмитрия III к шведам, затем под власть Москвы и снова к шведам.

К истории нахождения Лжедмитрия III в Гдове обратился С. М. Каштанов, который, исследуя жалованную грамоту Никольскому монастырю во Гдове, столкнулся с необходимостью прокомментировать подтверждение этой жалованной грамоты в 1611 г. «царем Дмитрием Ивановичем». По Каштанову, самозванец находился в Гдове с апреля до начала июля, с конца августа до начала декабря 1611 г., когда двинулся на захват Пскова⁶⁵.

Военная история Гдова в Смуту изучалась в связи с общим интересом историков к осаде Пскова Густавом Адольфом. Еще Г. В. Форстен, анализируя политику Швеции в Смутное время, подробно рассмотрел две осады Гдова. Первая из них была предпринята в августе 1613 герцогом Саксонским Юлием Генрихом и С. Коброном. Осада была безуспешной, по данным Форстена, на одной из первых вылазок гдовляне перебили «всех русских, сдавшихся шведам»⁶⁶ и 300 человек из отряда Коброна. В конце 1613 г. шведы от Гдова отошли. В 1614 г. сам Густав Адольф предпринял поход к Гдову. После двух штурмов, 10 сентября Гдов сдался на милость победителям⁶⁷.

К трехсотлетию юбилею осады Пскова Густавом Адольфом была опубликована небольшая монография В. А. Бочкарева, в кото-

⁶⁴ Опись Новгорода 1617 г. Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984, Ч. 1. С. 170–171.

⁶⁵ Две жалованных грамоты 1510 г. Псковским монастырям / Публ. С. М. Каштанова и А. Н. Робинсона // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 24. 1961. С. 221–258.

⁶⁶ Полагаю, нанесли урон новгородцам-участникам похода под Гдов.

⁶⁷ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Сент. С. 201, 208.

рой Гдову также было уделено заметное внимание. По наблюдениям Бочкарева, Эверт Горн, в июне 1613 г. явившийся к королю, сообщил последнему об избрании Михаила Федоровича Романова в московские цари. Горн также донес королю, что «Михаила признал и Псков, и Тихвин, и Гдов, что шведский наместник в Гдове Вольдемар фон-Унгерн захвачен в плен и отправлен во Псков, что укрепления шведов в Гдове и Тихвине снесены и что кнехты, прибывшие было к шведам на помощь, обращены в бегство». В связи с этим 28 августа 1613 г. началась осада шведами Гдова. По сведениям Бочкарева, «... силы шведов были внушительные; кроме своих войск были наемные, под командой герцога Саксонского, и 3000 финской конницы. Тем не менее русские, сделав удачную вылазку, напали на шведский лагерь, перебили в нем всех русских, сдавшихся шведам, и 3000 человек из шведского войска...». В первой половине 1614 г. состоялась новая попытка Эверта Горна нечаянным нападением захватить Гдов, состоявшаяся одновременно со штурмом Старой Руссы, предпринятым полковником Мённингофом. К июлю 1614 г. шведские гарнизоны заняли Руссу, Порхов, Бронницы. В конце августа 1614 г. началась третья осада Гдова. 25 августа под Гдов прибыл Густав Адольф, и 10 сентября Гдов сдался⁶⁸.

Вновь к истории Гдовской крепости в Смутное время в одной из последних своих работ, посвященной походу Густава Адольфа на Псков, обратился Г. А. Замятин. Он упомянул, что летом 1612 г. «Гдов впервые попал в руки шведов»⁶⁹, но был освобожден в 1613 г. в результате восстания гдовлян, и лишь 10 сентября 1614 г. шведы вновь овладели Гдовом⁷⁰. В последнем по времени исследовании об осаде Пскова Густавом Адольфом, принадлежащем А. Н. Кирпичникову, судьба Гдовской крепости не рассматривается, хотя именно этому исследователю принадлежит последняя монография о Гдове.

Серия следующих документов очень точно характеризует положение в сельском пространстве между Ивангородом и Псковом по-

⁶⁸ Бочкарев В. А. Шведско-русские отношения в Смутное время и осада Пскова в 1615 г. Псков., 1916. С. 9–12.

⁶⁹ Точнее было бы сказать, «присягнул Карлу Филиппу»; впрочем, эта работа Г. А. Замятина была написана в годы «борьбы с космополитизмом», так что в такой оценке явно присутствует элемент самоцензуры.

⁷⁰ Замятин Г. А. «Псковское сиденье». Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // ИЗ. Т. 40. 1952. С. 186–213.

сле появления в Нарве короля Густава Адольфа и взятия Гдова. После этого жившие в своих поместьях псковские дети боярские стали в массовом порядке целовать крест королю Густаву. Если в те месяцы в Новгороде стойко сопротивлялись присяге Густаву Адольфу, рассценивая ее как измену королевичу Карлу Филиппу, то жители сельской глубинки — Гдовщины, Кобыльского уезда, возможно не зная о согласованной позиции новгородцев, били челом о службе «пресветлейшему и велможнейшему и высокорожденному князю и государю королю Густаву Адольфу», прямо называя себя «подданными его королевского величества». Среди присягнувших в те недели королю псковичи Отуч Перхурьев, Сергей Воронцов⁷¹, Никита Симанский⁷². Именно у Густава Адольфа искали они защиты от напастей, связанных с военными действиями на Псковщине⁷³.

Документы, касающиеся Гдова, стоят особняком в коллекции Baltiska Fogderäkenskapen (том F 416). Гдов никогда формально не входил в состав Шведской державы; однако в томе F 416 есть материалы как конца XVI, так и начала XVII в. Среди документов начала XVII в., относящихся к Гдову и Гдовскому уезду и хранящихся в данной коллекции, находятся также мантальные переписи уезда 1610-х гг. и «квитанции» — приходно-расходная документация. Большая часть этих документов составлена по-шведски; однако многие из них относятся к деятельности русского населения (так, удалось выявить расписку в получении денег, подписанную гдовским воеводой Исаем Федоровым сыном Аминевым). Три документа, составленных в Гдове в 1619 г. по-русски, также хранятся в коллекции. Подчеркну, что они относятся к наименее исследованному периоду истории Гдова — между 1617 и 1621 гг., когда город с уездом находился в залоге у Швеции. Все три документа⁷⁴ являются расписками гдовлян. Первый имеет отношение к городским приказным служа-

⁷¹ Крестоцеловальная запись Отуча Перхурьева и Сергея Воронцова королю Густаву Адольфу. Список. 1614 (?) // RA, Militaria: 1287: 6.

⁷² Крестоцеловальная (?) запись Никиты Осиповича Симанского. Без начала // RA, Militaria: 1287:24.

⁷³ Челобитная Сергея Воронцова Густаву Адольфу о его разорении и освобождении от поставки кормов ратным людям. 1615 // RA, Militaria: 1287: 17.

⁷⁴ Опубликовано мной: Селин А. А. Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда конца XVI — начала XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли 2001—2002. Псков, 2003. С. 143—150.

щим низшего звена — это расписка гдовского земского дьячка Демида Иванова о получении жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г. за себя, житничного целовальника Гаврила Поздякова и сторожа Дьячьей избы Дениса Микитина. Жалованье этих служителей измерялось бочками ржи⁷⁵. Второй документ — также расписка в получении хлебного жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г. девятью гдовскими пушкарями, палачом и кузнецом. Документы написаны дьячком гдовской Дмитриевской церкви и скреплены рукой священника этой церкви Перфирия Павлова. Употребление в документе арабских цифр говорит, вероятно, о близком знакомстве гдовского церковного дьячка с традициями шведской деловой письменности, во всяком случае учета⁷⁶. В документах используется шведская система измерения — бочка (*шв.* — amt) вместо русской четверти/чети. Впрочем, та же тенденция наблюдается и в других документах коллекции, относящихся к данному периоду (к примеру, в Таможенной книге Невского устья 1616—1618 гг.⁷⁷).

Третий документ — расписка гдовского посадского человека Острата Яковлева Колтыри в получении коровы, ранее конфискованной у него в качестве компенсации за погибших королевских телят. Еще в 1616/17 гг. корова была конфискована гдовским воеводой «Ефимом Андреевичем Фанколином»; теперь же, после подачи Остратом Колтырей челобитной и проведенного по ней сыска, фельдмаршал Карл Юлленгельм распорядился корову вернуть, что и было исполнено новым гдовским воеводой капитаном Симоном Лангом. Данный документ написан гдовским площадным дьячком⁷⁸.

Все три «гдовских» документа, будучи составленными на русском языке, продублированы аналогичным шведским текстом. Следует полагать, что до нас дошла малая часть материалов местного гдовского делопроизводства начала XVII в. Присутствие в городе площадного и земского дьячков предполагает большее число актов на русском языке, вероятно к настоящему времени утерянных.

⁷⁵ Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA, Baltiska fogderäkenskapen. F. 416. (Гдов). Л. 42 об. и 42.

⁷⁶ Там же. Л. 44.

⁷⁷ Таможенная книга Невского устья 1616—1618 гг. / Подг. А. А. Селин // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 475—482.

⁷⁸ Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA, Baltiska fogderäkenskapen. F. 416. Л. 51.

В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается документ, касающийся возвращения Гдова под власть московских царей. Одним из дискуссионных вопросов в переговорах русских и шведских властей была судьба крепостной артиллерии. В Описи содержится следующее сообщение: «Да о том же наряде грамота от Ругодивского державца от Гендрика Флямина во Псков ко князю Ивану ж Троекурову»⁷⁹. В результате 28 августа 1621 г. Гдов был передан под власть московских воевод на условиях возвращения русскими «немецкого наряда».

Ивангород

Специального исследования об Ивангороде в годы Смуты нет. В коллективной монографии, посвященной Ивангородской крепости⁸⁰, М. И. Мильчик лишь вскользь касается истории города после Ливонской войны⁸¹. Хорошо изучен и Ивангород в составе Шведского королевства⁸².

В 1609–1612 гг. Ивангород был предоставлен сам себе. Номинально воеводами города при Воре служили кн. И. Ф. Хованский, кн. С. Н. Кропоткин, однако тушинские порядки здесь не чувствовались. С этим временем связаны документы переписки ивангородских и нарвских военачальников в 1609 г.⁸³, начатой по инициативе шведской стороны прибывшими из Стокгольма Микаэлем Олафсоном и Гансом Нильссоном (в это время Яков Делгарди успешно действовал на Верхней Волге). 23 сентября 1609 г. в Ивангороде был получен лист со шведской стороны с предложением о съезде на

⁷⁹ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 176.

⁸⁰ Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997.

⁸¹ Мильчик М. И. История Ивангорода в конце XV–XVI в. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 52–53.

⁸² Здесь следует назвать работы А. Соома, к примеру: *Soom A. Den Ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617 // Svio-Estonica. 1936. Tartu, 1936. S. 34–45.*

⁸³ Об этом подробнее: Селин А. А. Псковские и новгородские документы Смутного времени, найденные в коллекциях Militaria и Extranea в Государственном архиве Швеции // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени акад. В. В. Седова. Материалы ЛII семинара. Псков, 2007. С. 185–198. Там же опубликованы некоторые из этих документов.

Нарове реке. Воевода князь Хованский 25 сентября писал в Нарву: «И мы на Нерову реку выслали к вашим к Ругодивским дворяном на съезд дворян добрых, Ондreja Онтоновича Булгакова с товарищи, и те государя нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии дворяне с вашими с королевскими дворяны на Нерове реке на съезде были. И государя вашего Карла короля дворяне на съезде государевым дворяном, Ондрею Онтоновичу Булгакову с товарищи, говорили, чтобы из нас воевод одному, который ни буди воеводе съехатца на съезд с вашими с королевскими послы о великих делех говорить. И нам с вами с королевскими послы съехатца на Нерове реке не уметь»⁸⁴. Таким образом, шведская сторона настаивала на более высоком уровне переговоров, на что тушинская сторона пойти отказалась. Дополнительным аргументом в пользу такого отказа была неопределенность предмета переговоров: по словам Хованского, шведы прислали также лист о переговорах «о земских делах, а о каких делах не пишете». Неизвестный нам ответный лист из Нарвы, посланный в Ивангород между 25 сентября и 5 октября, был тут же отправлен назад, так как он был адресован не воеводам «царя Дмитрия Ивановича», но воеводам царя «Василия Ивановича». 5 октября шведы высказали свое недоумение по поводу возвращения листа. В ответ они получили новую грамоту князя Хованского с полным изложением царского титула Лжедмитрия: «Божию милостью великого государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии самодержца Владимирского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, царя Астраханского, царя Сибирского, государя Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вяцкаго, Булгарского и иных государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондиньского и всеи Северныя страны повелителя и государя Иверские земли, Карталинских Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей и иных многих великих государств государя и обладателя» и претензией: «тот ваш лист писан к нам недельно: в том вашем листу великого прирожденного государя

⁸⁴ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского ругодивскому державцу Филиппу Шедингу, стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о переговорах. 1609. 25.09 // RA, Militaria, М–1287:3

нашего царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии имени не написано, а написано имя государева царева и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии изменника и врага Креста Христова и губителя всего православного хрестьянства Васьки Шуйского». При этом, по мнению князя Хованского, в листе не был достаточно подробно изложен предмет переговоров, а лишь содержались призывы к «измене» «царю Дмитрию Ивановичу», во всяком случае этот неизвестный нам «лист» назван «недельным» и «смутным». В своей грамоте князь Хованский просил также об освобождении захваченных «ругодивскими немцами» в верховьях Наровы торговых людей — «дву человек ивангородцов, Иванка Малахова да Сеньку Редозуба, а третьеве псковитина торгового человека, Ларивонку зовут»⁸⁵.

6 октября в Ивангороде был получен новый лист из Нарвы. Шведские дипломаты упорно именовали ивангородцев подданными царя Василия Шуйского, что вызывало опять-таки упорное сопротивление ивангородцев, хранивших верность Тушинскому вору. В шведском листе также содержалась просьба освободить «королевских латышей», взятых в плен ивангородцами. 9 октября князь Хованский отвечал, что «латыши» являются военнопленными, тогда как сами шведы удерживают взятого в плен ивангородского парламентаря⁸⁶. Личность этого парламентаря хорошо известна. Им был Федор Аминев. Настоящее биографическое сведение об этом человеке является связующим звеном в реконструкции его биографии. С 1601 г. псковский сын боярский Федор Аминев служил ивангородским стрелецким сотником⁸⁷. Видимо, он оставался на этой службе и в последующее десятилетие. Вместе с Псковом и Ивангородом, Аминев в 1609 г. оказался среди сторонников Тушинского Вора, а осенью 1609 г. во время переговоров был захвачен шведами в плен. Позднее, после за-

⁸⁵ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам. 1609, октября // RA, Extranea. 156:1.

⁸⁶ Грамота ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам, стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о титулах царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) и о размене пленных. 1609. 9.10 // RA, Militaria, М—1287:4.

⁸⁷ Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель — 1601, июль // Дела Тайного приказа. Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 270—308.

нятия войсками Густава Адольфа Ивангорода весной 1614 г., Аминев становится дьяком Ивангорода.

С этим документом корреспондирует другой. Это написанное по-русски письмо шведского пленника Асмуса, содержавшегося в тюрьме в Ивангороде, своему брату Францу Фангилцу в Нарву с просьбой о заступничестве перед шведскими представителями (т. е., вероятно, о включении Асмуса в список пленных, подлежащих размену) и о присылке необходимых вещей — сала, чулок и поршней⁸⁸.

Сохранился еще один яркий документ⁸⁹. Это обращение служилых людей Ивангорода к новгородцам Богдану Адаурову, Ивану Секирину и Ивану Ожогину, оказавшимся осенью того же 1609 г. в Нарве. В отличие от Аминева, освобождения которого требовали ивангородцы, Адауров, Секирин и Ожогин оказались в Нарве добровольно, по всей вероятности в ходе совместных со шведами боевых действий против занятой тушинцами Старой Руссы и присягнувшего Тушинскому вору Пскова. Новгородские дворяне ранее обратились к ивангородцам с предложением целовать крест Василию Шуйскому (видимо, поддерживая в этом шведских переговорщиков). В ответ они получили жесткую отповедь. Грамота из Ивангорода написана не только от воеводы, а «от воевод и от дьяка⁹⁰ и от головы стрелецкого, и от сотников стрелецких, и от протопопа, и от попов, и от стрельцов, и от пушкарей, и от посадцкого старосты, и ото всих посадцких людей». Адауров, Секирин и Ожогин названы «богоотступниками и врага Креста Христова изгубителями крестьянские веры и сотонинными советниками государевым царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии изменниками». Их предложение отступить от Тушинского вора толкуется ивангородцами как измена православию, а сами новгородцы, следуя риторике ивангородской грамоты, «души

⁸⁸ Письмо шведского пленника Асмуса из Ивангорода своему брату Францу Фангилцу в Нарву с просьбой прислать необходимое. 1609/10 (?) // RA, Militaria: 1287: 20.

⁸⁹ Грамота ивангородских воевод, стрелецких сотников и посадских старост Богдану Адаурову, Ивану Секирину и Ивану Ожогину в Ругодив об их измене. Список. 1609/10 (?) // RA, Militaria, М—1287:5.

⁹⁰ Дьяком в Ивангороде в то время был, по всей видимости, Михаил Милославский (Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 85), с марта 1613 г. дьяк во Пскове (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII веков. М., 1975. С. 332).

свои сатане и слугам его отдали и в люторскую веру учили веровать». Далее ивангородцы, повторив Символ веры, предлагают Ададунову, Секирину и Ожогину попечья о своих душах и отступить от лютеранства, которое, следуя ивангородцам, принято новгородскими дворянами. В заключении грамоты содержится призыв повиниться «прирожденному государю своему царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси» и обещание прощения. Подлинная грамота была скреплена ивангородской таможенной печатью. Наиболее интересно в этом документе настойчивое обвинение новгородских дворян в «лютеранстве», вызванное, несомненно, тем, что несохранившаяся их собственная грамота к ивангородцам написана из-за Наровы, со шведской стороны. Это один из немногих известных в настоящее время документов тушинского Ивангорода.

Яркий, хотя наименее изученный, эпизод жизни Ивангорода — пребывание там «псковского вора» Матюшки. Подробности этого периода почти не известны. 23 марта 1611 г. ивангородцы приняли Вора. В Ивангороде ему служили назначенный туда ранее дьяк Михаил Милославский и местные помещики Никита Зиновьев и Пятой Воронин. Им же в Ивангороде был замучен Юрий Булгаков Пушкин, отправленный в 1607/08 г. на службу в Ивангород, видимо в стрелецкие головы. После начала смуты в Ивангороде Юрий Пушкин ушел в Новгород. Перед походом кн. М. В. Скопина-Шуйского 1609 г. к Москве он был отставлен от службы по старости, вместо него на службу был взят Насон Пушкин. Сам же Юрий уехал к себе в поместье, где был захвачен «ворами», пришедшими из Ивангорода. «...и в Ивангороде его пытали розными пытками, и с пытки вкинули его в тюрьму, и в тюрьме де его на Иванегороде с пытки не стало, а после де него осталась жена его вдова Ульяна да сын», Насон⁹¹. Пробыв «царем» в Ивангороде весну и лето 1609 г., при первой возможности Вор ушел на юг и в декабре 1611 г. обосновался во Пскове.

После взятия в декабре 1612 г. Ивангорода войсками Горна города становится важнейшей базой шведских войск. С этого времени и уже до XX в. его судьба тесно связана с Нарвой. «Немцы», живущие на ивангородском посаде, известны уже в 1615–1616 гг.

⁹¹ Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05–1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237.

Остроги

События, протекавшие на Северо-Западе России в конце XVI — начале XVII в., повлекли за собой значительные изменения в структуре сельского населения. Большие подвижки населения, вызванные опричниной и событиями Ливонской войны и усугубившиеся после недолгой стабилизации в годы правления Бориса Федоровича Годунова разорением в Смутное время, привели к сокращению числа небольших деревень и починок и концентрации населения в сравнительно крупных селах и погостах⁹².

Но выбор этих крупных селений был обусловлен различными, непростыми причинами. Еще в конце XVI в. близ многих погостов Новгородской земли возникают небольшие укрепления. Так, упоминается «городок» у Офремовского погоста Шелонской пятины⁹³, около 1555 г. (а возможно, и ранее⁹⁴) возникает городок «у Спаса на Неве»⁹⁵.

Новый этап в строительстве небольших укреплений на погостских центрах начинается, по всей видимости, после Выборгского договора 1609 г., во время похода кн. М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Троице. По мнению С. Ф. Платонова, именно систематическое строительство небольших острожков на основных дорогах государства и, таким образом, взятие под контроль транспортных магистралей обеспечило успехи этого военачальника⁹⁶. Современный исследователь О. А. Курбатов пишет о том, что распространение такой тактики строительства острожков связано с передовым нидерландским способом ведения войны начала XVII в.⁹⁷

⁹² Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 57.

⁹³ Книга записей Софийской пошрины. 1576/77 // ОР РНБ, Соф. 1548. Л. 91 об.

⁹⁴ Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*. СПб., 1996. № 1. С. 28.

⁹⁵ Грамота царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси в Великий Новгород дьякам Ф. Еремееву и К. Дубровскому о посылке приказчиков в Кипенский погост и к Спасу на Неву для приготовления корму войску царевича Кайбалы. 1555. 4.12 // ДАИ. Т. 1. № 70, V. С. 130–131

⁹⁶ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995, 5-е изд. С. 267.

⁹⁷ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 24.

Дозорные книги 1612 г. зафиксировали чрезвычайно динамичный процесс восстановления селений, начавшийся, вероятно, еще при Борисе Федоровиче Годунове. Важно отметить, что в это время проявляются и новые факторы, влияющие на колонизационные процессы. В условиях непрекращающихся военных действий, особенно в период 1613–1615 гг., особая роль в этих процессах принадлежала военной администрации. И здесь важное место занимали острожки — укрепленные поселения, образованные в сельских районах Новгородской земли как зоны концентрации военных сил и продовольствия вблизи важнейших транспортных магистралей. В этот период острожки становятся локальными центрами для нескольких погостов⁹⁸.

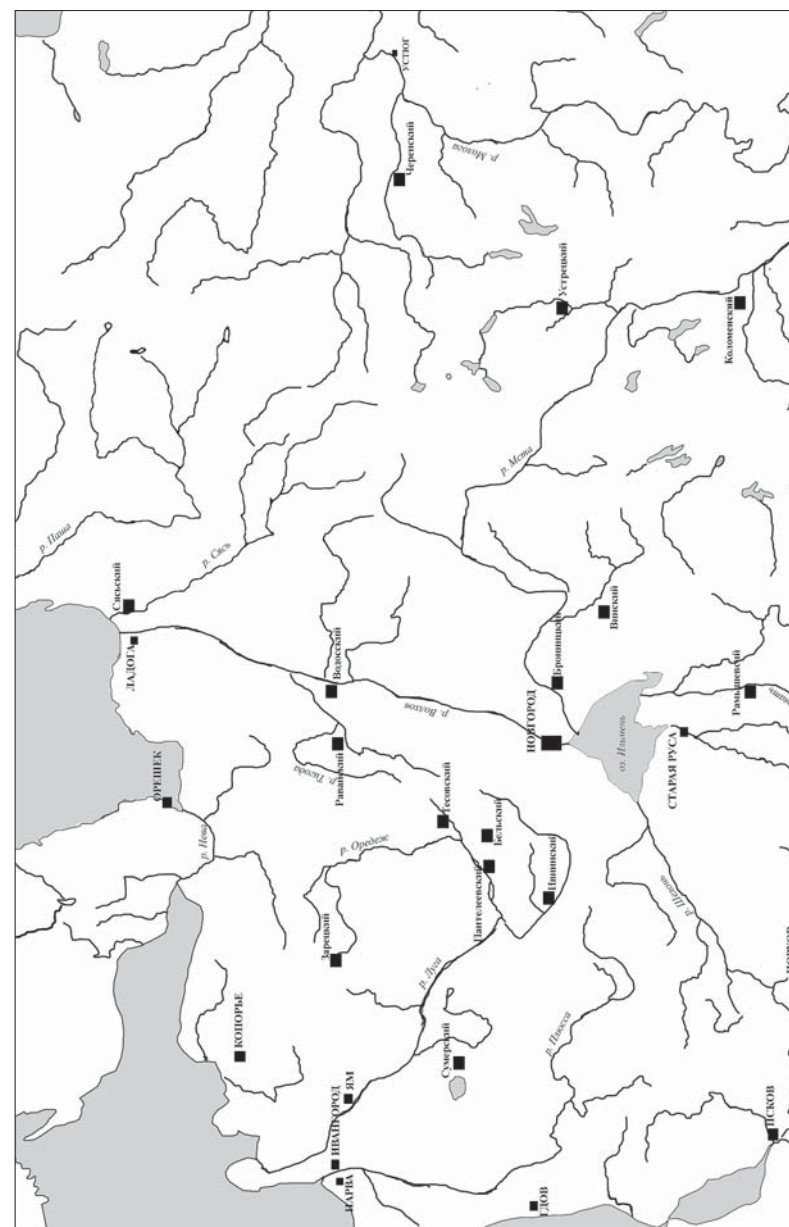
В 1614–1617 гг. восточные районы Новгородской земли были зоной безвластия, доступной для разного рода разбоев и, вероятно, совершенно разоренной. Если в том же году нидерландские посланники отмечали, что единственными населенными местами на Ивангородской дороге являются Тесово и Заречье⁹⁹, т. е. два укрепленных места, то для востока Новгородской земли таким укреплением, притягательным для населения, собиравшегося под его защитой, была Устрека. Далее на восток, вплоть до Торжка, никаких защитных сооружений не было, и передвижение здесь было исключительно опасным. В августе 1617 г. двигавшийся к Новгороду боярин кн. И. А. Хованский и посланный в Швецию кн. Ф. П. Борятинский были разгромлены казаками: «7125-го августа в 13 день по Устюженской дороге меж Устрецких волостей и Волочка Держкова приходили на боярина на кн. Ивана Андреевича Хованского и на послов на кн. Федора Борятинского с товарищи литовские люди и черкасы и, разгрома боярина, послов осадили в обозе и к ним приступали»¹⁰⁰.

Сами казаки также сооружали укрепления на своих станах; впрочем, не всегда ясно, так сказать, «партийная принадлежность» этих казаков. В 1623 г. разбиралась деятельность бежечанина Л. С. Плещеева, который в марте 1613 г. с отрядом казаков засел неподалеку от Новоторжского уезда в острожке. Тогда же, в марте 1613 г. новоторжским

⁹⁸ Об этом подробнее: Селин А. А. Города и уезды Новгородской земли... С. 145–150.

⁹⁹ Донесения Нидерландских посланников... С. 37.

¹⁰⁰ Веселовский С. Б. Белозерский край в первые годы после Смуты // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 276–296.

Карта 4. Острожки и пригороды

воеводам кн. М. В. Белосельскому и И. С. Урусову было велено отправить на Плещеева новоторжских дворян и стрельцов, дабы «переймать и посадить в тюрьму» плещеевских казаков¹⁰¹. Впрочем, в 1623 г. Плещеев давал в Москве совершенно иное толкование своих тогдашних действий: «...живучи я на Москве при боярех во 121-ом году, бил челом о поместьях с Иваном Гурьевым в Новгородском уезде на князь Ивана Путятина да на Федора Тахтамышева да на Микифора Байчурова да на Якова Аналеева, и те нам поместья даны и нынеча в Помесном приказе». Потом они с Гурьевым (т. е. до 3 марта 1613 г.) приехали в Торжок к воеводе кн. М. В. Белосельскому с грамотами на поместья. «И князь Михайла нам теми поместьями владеть не дал для того, что теми поместьями владел сам. А ф ту, государь, пору в Новгородском уезде стояли немецкие люди и князь Михайла Белосельской и новоторцы с немецкими людьми ссылались и торговали без ведома бояр, которые Москву очистили. И в то жа, государь, время пришли пот Торжок казаки и учили мне говорить, чтоб мне у них быть воеводаю, а итить с ними на немец». Л. С. Плещеев ходил с ними на немцев, побил немцев в Удомле, потом побил их в Устреке и наконец сошелся близ Устреки с кн. С. В. Прозоровским и Л. А. Вельяминовым. После этого плещеевские казаки соединились с ними, а Плещееву государь указал «быть из Тихвины к Москве», однако он, будучи ранен, остался на Тихвине, когда началась осада города немцами, позднее получил за тихвинскую службу наградные золотые. По его словам, после того, как им были разгромлены «немцы» в Удомле, кн. М. В. Белосельский не смог с ними ссылаться и торговать, после чего затаил на него обиду¹⁰². По мнению О. А. Курбатова, уход казаков из Торжка к Устреке привел к тому, что в районе Тихвина сконцентрировалось большое московское войско.

Другой такой казацкий острожек был сооружен весной 1615 г. на границе Осташковского и Торопецкого уездов казаками атамана Ми-

¹⁰¹ Грамота в Торжок к воеводам кн. М. В. Белосельскому и И. С. Урусову о действиях против казачьего отряда Л. С. Плещеева. 1613 марта 18. // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 226.

¹⁰² Расспросные речи Л. С. Плещеева. 1623, не ранее 5 августа // *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века... С. 231–234.

китки Жеребца. 3 апреля 1615 г. осташковский воевода Борис Кокорев пытался справиться с этим гнездом. Видимо, побудительным мотивом для Кокорева было присутствие в Осташкове С. Г. Коробьина, посланного из Москвы для съезда со шведскими представителями и размена с ними пленных. В состав карательного отряда были включены жившие в Осташкове дети боярские с головой Тимофеем Виселицыным и 50 стрельцов, пришедших из Москвы с Коробьиным. Т. Виселицыну поначалу не удалось разбить засевших в остроге казаков; в своем неуспехе он обвинял московских стрельцов, которые «на первый приступ своим изволением не пошли, и с теми воры битца не стали, свинец и зелья тем вором продавали». После этого казакам Жеребца удалось укрепиться и выкопать ров вокруг острога¹⁰³. Практически в то же время в Осташков пришла весть о том, что в Ржевском уезде стоит атаман Бессонко, якобы с двумястами казаков, намереваясь напасть на Коробьина и шведских посланных. Жеребец же со своими 50 казаками «идет в сход к вору Безсонку с товарищи, а сшедши де, государь, з Безсонком хотят приходить на нас». Т. Виселицыну, которому не удалось разбить Жеребца, посчастливилось лишь захватить семь человек, шедших на соединение с Жеребцом. Довольный уже этим успехом, он возвратился в Осташков¹⁰⁴. Пленные в Осташкове показали, что все они — служилые по прибору, почти все сидели в осаде в Невеле в вольных казаках, один — краснородский стрелец, сошедший с Красного, «как Лисовский Красный взял». Они показывали, что первоначально они, 15 человек, пробирались в Москву с челобитными. Однако по дороге большинство решило пройти «к вору к Жеребцу», некоторых из них, по словам плененных, потащили силой. На стычке с Виселицыным (у которого, как мы помним, было 50 человек стрельцов и осташковские дворяне) восемь человек было убито, а семеро ему сдались¹⁰⁵.

¹⁰³ Отписка осташковского воеводы Б. И. Кокорева о походе осташковцев на вора Никитку Жеребца и о плохой службе стрельцов, присланных С. Г. Коробьиным. 1615, апреля после 25 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 6.

¹⁰⁴ Отписка посланных С. Г. Коробьина, П. А. Обернибесова и дьяка И. А. Шевырева царю Михаилу Федоровичу о воровской опасности. 1615, апреля после 26 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 29–32.

¹⁰⁵ Допрос языков, приведенных в Осташков Тимофеем Виселицыным. 1615. 24.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 33–35.

Остроги на Московской дороге

1. Винский острожек

Активное возведение укреплений в Новгородской земле относится ко времени деятельности здесь кн. М. В. Скопина-Шуйского. Сооружение важнейшего из них — Винского острога на Московской дороге¹⁰⁶ отмечено разрядными записями. В 1609 г. этот острог был захвачен отрядом Лисовского, с большим кровопролитием. «И в прошлом, господине, во сто седмом на десять году на Винском деле в остроке Лисовские люди побили нашего Еглинского погоста 64 человеки тяглых крестьян»¹⁰⁷. В 1614 г. Винский острог снова стал важным узлом боевых действий. Сюда весной 1614 г. подошло войско боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого. В конце марта (в Великий пост) Делагарди направил под острожек С. Коброна на своего рода разведку боем¹⁰⁸. Позднее Трубецкой пошел к Бронницам.

2. Коломенский острожек

Коломенский острожек стоял на Московской дороге на Коломенском погосте, во всяком случае, осенью 1611 г. 30 ноября там произошло столкновение между новгородскими войсками во главе с воеводой Н. В. Вышеславцевым и сторонниками Владислава во главе, видимо, с кн. В. А. Тюменским. Дворецкий кн. Тюменского Ивашко был в этом бою пленен новгородцем Деревской пятины П. В. Косаковским¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Ныне д. Вины Крестецкого района Новгородской области, близ шоссе Санкт-Петербург — Москва.

¹⁰⁷ Обыск и отдел губным старостой Андреем Обутковым князьям Богдану и Мурзе Федоровым Мышецким и вдове Дея Хвостова Марфе с сыном Иваном и пятью дочерьми поместий из новоприписных деревень Валдайского села в Еглинском погосте и отписка деревень Хутынского монастыря в Нерецком погосте к селу Валдай. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 407—444 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 296).

¹⁰⁸ Отписка воевод Дмитрия Трубецкого с товарищами о приводе к ним атаманом Иваном Микулиным языков немецких людей и об отсылке их в Москву. Расспросные речи языков. 1614, марта после 30 // АМГ. Т. 1. № 78.

¹⁰⁹ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Проньки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 31.

3. Бронницкий острожек

Село (погост) Бронницы на Мсте находилось примерно в 20 верстах от Новгорода. В 1611 г. после штурма Новгорода шведами именно к Бронницам первоначально ушли покинувшие город В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов. Место Бронниц было выбрано для остановки неслучайно. Неподалеку от погоста располагалась Бронницкая гора, служившая укреплением с раннего железного века. Она изображена в 1630-х гг. на гравюре поразившегося ею Адама Олеария¹¹⁰. С конца XVIII в. Бронницкая гора была местом особого внимания путешественников. Так писал о ней анонимный английский путешественник: «В пяти верстах от Бронницы, посреди обширной равнины возвышается кругловатый холм, основание коего есть смешение песку с глиною и коего нижняя часть до самой середины покрыты обломками красного и серого гранита. На вершине сего холма возвышается каменная белая церковь, делающая издали весьма прекрасный вид»¹¹¹. Сходными красками Бронницкую гору описывает П. С. Паллас: «На верхней части оногo примечания достойны по своему положению два небольшие ключи, из коих только один снабжен обрубом и ветхою крышкою; напротив того, другой находится на самой вершине при деревянной часовне. Устроенный колодезь имеет свое положение на уступе южной стороны горы, и не глубже он шести футов. Воде его приписывают мужики целительную силу»¹¹². В таком месте, на ближних подступах к Новгороду Московскую дорогу защищал Бронницкий острог близ Бронницкого яма, где летом 1614 г. развернулось основное противостояние войск кн. Д. Т. Трубецкого и шведов¹¹³. После Смуты, в дни мятежа 1650 г. в Бронницком остроге остановилось войско кн. И. А. Хованского, осадившего Новгород.

¹¹⁰ *Олеарий Адам*. Путешествие из Московии в Персию. М., 1909. С. 25.

¹¹¹ Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование Екатерины II. М., 1837. С. 20.

¹¹² *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. 2-е тиснение. СПб., 1809. С. 7.

¹¹³ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614—1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 26.

Остроги в Полужье

1. Тесовский острожек

Лучше всего сохранилась информация по Тесовскому острогу. В нашем распоряжении имеется значительная часть его архива, известны все острожные головы, возглавлявшие его с 1611 по 1617 г. Тесовский острог находился близ Климентовского Тесовского погоста, по всей вероятности, в районе Успенского монастыря на островке, в низине, образованной протоками р. Тесовой в озеро Пристанское. Он контролировал Ивангородскую дорогу — магистраль, связывавшую Новгород с крепостью на Нарове. В 1611 г. острожку были приписаны погосты и волости Пооредежья¹¹⁴.

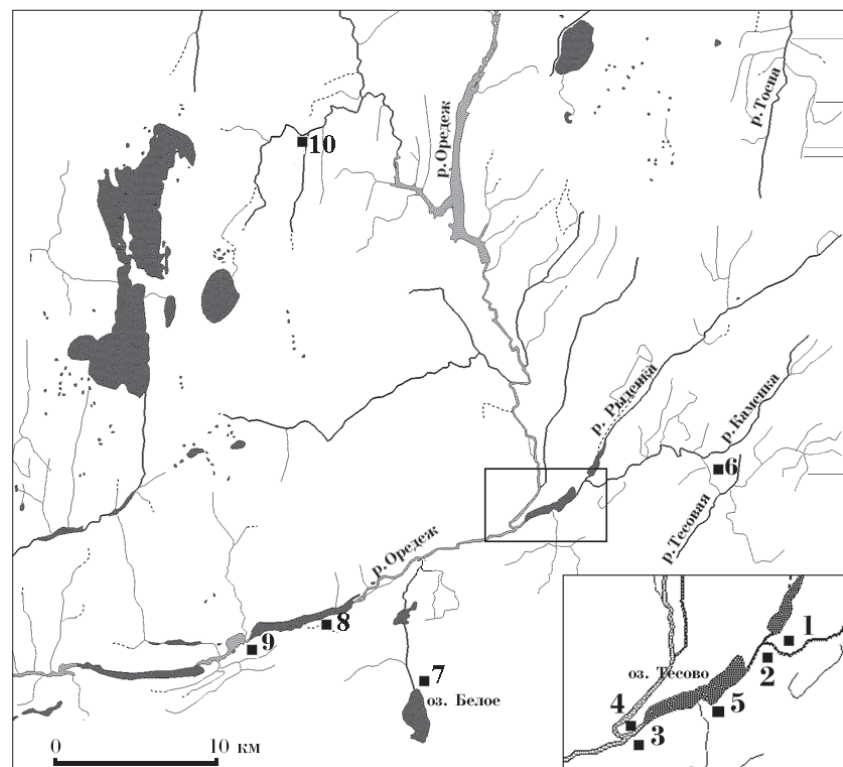
Какой-то острог в Тесовской округе существовал в XVI веке. По всей вероятности, он выполнял таможенные¹¹⁵ и военно-санитарные функции¹¹⁶. В годы русско-шведской войны 1590-х гг. здесь была база концентрации войск¹¹⁷; по окончании боевых действий — проходили переговоры о границе. В период новгородско-шведского политического альянса Тесовский острог (наряду с Зарецким, Пантелеевским, Ивнинским) — важный элемент в системе обороны Новгорода с Северо-Запада. При этом функция Тесовского острога в эти годы заключалась в значительной степени в обеспечении хлебным кормом как шведского гарнизона острожка, так и проходивших по Ивангородской дороге отдельных воинских частей и проезжавших военачальников и дипломатов. Шведские роты сменялись в Тесове

¹¹⁴ История Тесовского острожка подробно рассмотрена мной: Селин А. А. Тесова (исторические исследования и археологические перспективы) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 284–299.

¹¹⁵ Грамота об отставке от службы. 1556. 12.03 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 47. IV. С. 66; Памятники дипломатических сношений России со Швецией // Сб. РИО. 1910. Т. 129. С. 360, 368, 370.

¹¹⁶ Ср.: «...а от сосны к дороге, которая дорога от государева села Тесова к Спаскому яму, а у дороги сосна, а на ней грань, и от дороге засеком, что была засечена от Божия поветрея до Тесовского озера» (Список с межевой книги дворцового села Тесова дьяка А. Арцыбашева и подьячего С. Емельянова. 1586 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 15 об.–16).

¹¹⁷ Разрядная книга 1550–1636 г. М., 1975. Т. 2. Вып. 2. С. 105.

Карта 5. Тесовская округа. 1 — Климентовский Тесовский погост; 2 — Успенский монастырь в Тесове и Тесовский острог; 3 — Спасский погост в Тесове и Тесовский ям; 4 — Никольский Клинский монастырь; 5 — Государева пристань; 6 — Фроловская церковь в Тесове; 7 — Бельский острог; 8 — Никольский Будковский погост; 9 — Пантелеевский острог; 10 — Троицкий Зверинский монастырь

с периодичностью 20 дней¹¹⁸. Такая система установилась в конце 1611 г.¹¹⁹, возможно вскоре после визита Эверта Горна, также бравшего корма в Тесовском острожке¹²⁰. Примерно к 1615 г. относится

¹¹⁸ Кормовые книги Тесовского острожка при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь — 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87. С. 2.

¹¹⁹ Кормовые книги Тесовского яма при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 20.12–1612. 25.01 // RA, NOA. Serie 1:71. С. 57–128.

¹²⁰ Книги расхода кормов немецким ратным людям по Тесовскому острожку при воеводе Григории Муравьеве. 1611. 23.12–1612, март // RA, NOA. Serie 1:71. С. 137–166.

известное нам изображение погоста Тесово, помещенное в книге голландца Антониса Хутеериса¹²¹. В Тесовском остроге кроме гарнизона находилась и тюрьма, возможно, какие-то другие учреждения¹²². «Острог Тессау», по словам голландца ван Бредероде, являлся в 1616 г. «единственным обитаемым местом в области»¹²³.

Тесовский острог, расположенный в центре большой земледельческой дворцовой Тесовской волости, являвшийся ее важнейшей защитой и вместе с тем местом концентрации продовольственных ресурсов для шведских войск, в 1611–1614 гг. переносился. Григорий Муравьев зимой 1611–1612 гг. стоял, вероятно, на Тесовском яме, в районе перевоза через Оредеж — узлом стратегическом пункте Ивангородской дороги (ныне — в районе дд. Ям-Тесово и Горыни Лужского района Ленинградской области).

На Страстной неделе крестьяне округа Тесова подверглись насилию «воровских, литовских и немецких людей», позднее, в Петров пост, «приходили ... В Тесово воры казаки, и на тех воров казаков приходили из Новагорода в Петров день немецкие ратные люди да с Ывана города шли литовские и немецкие люди в Новгород, да из Новаграда многажды приезжали литовские и немецкие люди», что привело все дворцовые деревни в состояние полнейшего запустения¹²⁴. В августе 1614 г. новая русская администрация Тесовской волости вынуждена была собирать по лесам разбежавшихся крестьян, которые, будучи допрошены, показали: «как деи приходили немецкие ж люди из Ругодива, а литовские люди от Корелы и от Орешка, и стояли деи в Тесове недели з две, и в твоём государеве в селе в Тесове крестьян многих побили, а иных жгли и мучили и хлеб и лошади и всякой живот у них весь поимали». При этом выяснилось, что се-

¹²¹ *Goeteeris A. Journael der legatie ghedaen inde Jaren 1615 ende 1616 ... Gravenhage, 1619. С. 32.*

¹²² Челобитная черного попа Никольского Клинского монастыря Ионы об обидах, понесенных от немецких людей. 1614–1616 // *Якубов К. И.* Русские рукописи Стокгольмского архива // ЧОИДР. 1890. № 14. С. 34; Донесения нидерландских посланников о их посольстве в Швецию и Россию в 1615–1616 г. Сообщения из Нидерландского государственного Архива // Сб. РИО. Т. 24. 1878. С. 37.

¹²³ Донесения нидерландских посланников... С. 37.

¹²⁴ Челобитная дворцовых крестьян села Тесова, поданная Я. Делгарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому. 1614. 25.07 // RA, NOA. Serie 2:168. Л. 15.

ять хлеб на новый год уже поздно¹²⁵. У крестьян же после разорения во всей волости осталось «всево девятеро лошадеи, а болши деи того у них лошадеи нет»¹²⁶.

Боевые действия весны 1614 г., будучи разорительными для местного крестьянства, создали тем не менее благоприятную обстановку для злоупотреблений, в частности — для контрабандной торговли солью. Тогда же, на Страстной неделе 1614 г., в село Тесово приехал из Ивангорода новгородский купец Милей Белянин, который остановился «у Пречистой Богородицы на Городки у попа у Кузмы Иванова», т. е. в Успенском Тесовском монастыре и не явился к приказным Тесовского острога. Милей начал активно торговать солью в волости, причем немало заповедного товара извел на взятки: воевода Тесовского острога взял в острог восемь мехов соли, были и другие получатели взятки. Вскоре окрестности Тесовского острога были заняты «воровскими» казаками, которые отобрали у Милея соль и сами стали продавать ее крестьянам Тигодского и Ижорского погостов, через которые, вероятно, они пришли в Тесово. Однако после того, как шведские войска отогнали казаков от Тесова, было начато следствие, и воевода Тесовского острога Г. С. Обольянинов, опасаясь обвинений в злоупотреблениях, первым подал челобитную на крестьян села Тесова в том, что те во время казацкого прихода якобы также получили бесплатно три меха соли (т. е. поддержали политических противников новгородского правительства)¹²⁷. Однако тесовские крестьяне также били челом на Обольянинова и губного старосту Сильвестра Зиновьева и просили совершить справедливое рассмотрение дела. Обольянинов в ответ на крестьянскую челобитную отчитывался, что он отписал на государя, т. е. фактически конфисковал соль у Милея «про немецкий обиход», действуя совместно с ротмистром Гансом Адамсом, а когда казаки фактически овладели Тесовской округой, то крестья-

¹²⁵ Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2:284. Л. 3, 3 об.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Дело по челобитной крестьян села Тесова о несправедливом обвинении их в растрате соли в приход воровских людей. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 33–35.

не, забрав спрятанную на островке (т. е. в Успенском монастыре) соль, попросту ее разграбили¹²⁸.

В августе 1614 г. был построен новый Тесовский острог, близ Климентовского погоста, тот, который нидерландские посланники в 1615 г. назовут единственным жилым местом в округе. Как и при строительстве других острожков, в качестве строительного материала в Тесове использовались разобранные крестьянские дворы, особенно из опустевших деревень: «А по дозору и по сыску Бутковского погоста попов и волостных людей те деревни пожжены, а иные дворы свожены в Тесовский острог»¹²⁹. Видимо, организация строительства легла на плечи Г. С. Обольянинова, назначенного воеводой острога. Строительство ложилось бременем на местных крестьян. В сентябре 1614 г., после боевых действий в Тесовской округе лета 1614 г., вновь построенный Тесовский острог стали укреплять. 6 сентября 1614 г. подьячий Евдоким Сипягин был послан Г. С. Обольяниновым и немецким ротмистром Гансом Термом в Полянскую волость для отправки 20 посошных с топорами, мешками, веревками и лопатами на острожное дело¹³⁰.

После бурных событий 1614 г. в Тесове наступило затишье. Шведские историки показывают, что пехота, стоявшая гарнизоном в Тесове, Заречье и других небольших укреплениях, зимой 1614/1615 гг. жила хорошо, сравнительно с гарнизоном собственно Новгорода¹³¹.

В 1614–1615 гг., будучи местом концентрации не только военных соединений, но и государственных продовольственных запасов, Тесовский острог нередко подвергался грабежу. Так, 11 октября 1615 г. «немецкие люди Крест Анцовы да Петра Бронса роты в селе в Тесове из житнец государева десятинного пашенного хлеба» взяли, а 16 декабря того же года «взяли грабежом немецкие люди из Новагорода идучи к Невско-

¹²⁸ Память Г. С. Обольянинову по челобитью новгородского посадского человека Якуша Масленникова. 1614. 17.08 // RA, NOA. Serie 2:148. С. 10.

¹²⁹ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 87.

¹³⁰ Память ротмистра Г. Терма и Г. С. Обольянинова подьячему Евдокиму Сипягину о доправке посошных людей с Полянской волости. 1614. 6.09 // RA, NOA. Serie 2:182.

¹³¹ *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 341.

му устью восм четъей овса»¹³². Летом 1616 г. в Тесовском остроге стояло «для остерегання от государевых людей» 40 шведских солдат¹³³.

При выводе войск в марте 1617 г. шведы зарыли в Тесове колокола с нескольких новгородских церквей¹³⁴. После ухода шведов Тесовский острог является уже единственным укрепленным поселением к Северо-Западу от Новгорода. Уже к 23 мая 1617 г. туда был введен русский гарнизон и учреждена пограничная стража для упорядочения пропуска по Ивангородской дороге, в первую очередь — «немецких людей». Интересно, что новая администрация назначила головой Тесовского острога Г. С. Обольянинова, служившего там воеводой в 1613–1614 гг.¹³⁵ Острог здесь просуществовал до конца XVII в., оставаясь важным пограничным пунктом.

2. Пантелеевский острожек

В 1612–1614 гг. какое-то время на берегу Оредежа существовал еще один острожек — Пантелеевский. Он, по всей вероятности, был сооружен на высоком левом берегу Оредежа, близ деревни Пантелеевичи, известной с 1500 г., в 2 км от современного пос. Оредеж. Он был разрушен, по всей видимости, в 1614 г., когда в районе Тесова развернулись боевые действия¹³⁶. До этих событий в августе 1614 г. в Пантелеевском острожке стоял шведский гарнизон — «конные и пешие ратные люди» во главе с ротмистром Гансом Термом¹³⁷. К острожку

¹³² Приходные книги государева хлеба из дворцовых сел при дьяке Пятом Григорьеве. 1615/16 // RA, NOA. Serie 1:108. С. 86, 87.

¹³³ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.

¹³⁴ Описание Новгорода 1617 г. ... С. 133–134.

¹³⁵ Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 13. С. 57–63.

¹³⁶ *Ср.*: «пустошь, что была деревня Пантелеевичи, что была за Иваном за Серковым да за Васильем за Колобовым да за Тимофеем за Митковым... двory помещицкие выжгли воровские люди, как приходили под острог...» (Дозорные книги Полужской половины Водской пятины... 1615. С. 47).

¹³⁷ Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48. С. 39.

были приписаны помещичьи и митрополичьи крестьяне всех окрестных погостов (до строительства Ивнинского острога в конце 1614 или в начале 1615 г.), а воеводе Г. С. Обольянинову (одновременно ведавшему Тесовским острогом) было предписано собирать корма¹³⁸. После лета 1614 г. Пантелеевский острожек не возобновлялся.

3. Бельский острожек

Невдалеке от Тесовского острожка, близ с. Белое в Будковском погосте, примерно в 1614–1616 гг. находился Бельский острожек, контролировавший Будковский погост и дорогу с верхней Луги к Оредежу. Туда в марте 1614 г. к ротмистру Гансу Терму и голове Григорию Обольянинову вышли перебежчики из-под Пскова¹³⁹. Бельский острожек, видимо, дублировал Пантелеевский, разгромленный в ходе боевых действий летом 1614 г.

4. Зарецкий острожек

Спасский Зарецкий погост впервые упомянут в писцовой книге 1500 г. В ходе русско-шведской войны 1590-х гг. Заречье выступает как важный опорный пункт в отвоеванных землях. В ходе осады Нарвы в феврале 1591 г. царь Федор Иванович посылает в Заречье к князю Даниилу Ногтеву, который возглавлял стоявший в Заречье военный отряд, указ подвозить хлебные припасы в Ивангород.

Ям в Заречье на Ивангородской дороге отмечен многими документами начала XVII в. Несколько ранее, на рубеже XVI–XVII вв. известен приказчик Зарецкого яма Петр Кондратьев. В 1602–1603 гг. на Зарецкий ям бегут крестьяне Троицкого Зверинского монастыря, в 1603 г. ямские охотники Зарецкого яма разбойничают в округе Врудского погоста и в Ямском окологородье.

Зарецкий острог существовал уже осенью 1613 г., будучи выстроен для контроля над Ивангородской дорогой. Возможно, там от нее отходила трасса к Кипенскому погосту и далее к Невскому устью. 19 ноября 1613 г. Даниил Геббер писал из Новгорода своему слуге Валентину Югерсу с указанием отправляться в Заречье и далее в

¹³⁸ Память Г. С. Обольянинову о посылке к нему вместо Михаила Неелова Селивестра Зиновьева. 1614. 3.08 // RA, NOA. Serie 2:148. Л. 20; Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов... С. 34.

¹³⁹ Поручная людей Бажена Иванова по своим односельчанам. 1614. 18.03 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 56.

Нарву¹⁴⁰. В августе 1616 г. вышедший в Тихвин новгородец Богдан Нашокин доносил, что «по Ивангородской дороге на яму на Заречье поставлен острожок, от Ыванягорода во штидесяти верстах, а в нем, государь, немецких людей францоз сто пятьдесят человек конных». После поражения Густава Адольфа под Псковом отряд французов, по словам Нашокина, ушел в Ивангород, а на их место были посланы «немцы» из Новгорода¹⁴¹.

Укрепления в Заречье существовали и после Столбовского мира. В ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг., в весеннюю кампанию 1657 г. там происходила концентрация шведских войск близ границы. «Царица» — известный пункт на «Обычной зимней дороге из Нарвы в Новгород», по описанию Эриха Пальмквиста. Этот же пункт на дороге в Новгород упоминает Ю. С. Спарвенфельд¹⁴². Однако в шведской Ингерманландии, вероятно, роль Зарецкого погоста свелась лишь к военно-административной. В годы Северной войны Заречье — важный пункт на сохранившей свое значение коммуникации. Именно к Заречью из Дудергофа был послан за провиантом шведский полковник Армфельд из прорвавшегося в Ингерманландию в 1708 г. шведского отряда¹⁴³.

5. Ивнинский острожек

Ивнинский острожек был построен в 1614 г. для защиты водной дороги по Луге от «шишей», контролировавших Сумерскую волость¹⁴⁴, а также для контроля за теми погостами Шелонской пятины, где

¹⁴⁰ Письма шведских офицеров и должностных лиц. 1613, июнь — декабрь // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 2. Л. 67–68 об.

¹⁴¹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе из Новгорода подьячего Казарина Башмакова и сына боярского Богдана Нашокина. 1616, августа после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 256–261.

¹⁴² Спарвенфельд.

¹⁴³ Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5). СПб., 1893. С. 27.

¹⁴⁴ Грамота Якова Деллагарди в Ям немецкому воеводе Клаусу Харлу и Никите Ивановичу Калитину о розыске и грабежах крестьян Сумерской волости. б/д (ок. 1615 г.) // RA, NOA. Serie 2:164. По мнению Е. И. Кобзаревой, не сведущей в исторической географии Новгородской земли, он находился на р. Ивине, притоке Свири, что неверно (Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 350–351).

еще продолжалась жизнь (заметим, что если какое-то управление в Водской пятине мы фиксируем вплоть до февраля 1617 г., то об администрации для Шелонской пятины неизвестно ничего. С 1614 г. пятина, видимо, опустела полностью, за исключением Порхова, Старорусского уезда, нижнего течения Плюсы). Он был построен в бывшем с. Ивня, близ впадения речки Удрайки в Лугу. В дозорной книге 1615 г. есть характерные пассажи, свидетельствующие о том, что для строительства острожка разрушались крестьянские дома: «За Федором за Григорьевым за Бутурлиным селцо, что было Ивно, а ныне стоит острог, храм Никита Страстотерпец и крылоские дворы свезены в острог... Да в том же сельце за рекою за Удраею места дворовые, что был двор помещика Вельямина Трусова, хоромы свозили с того места немецкие люди в острог на помещика на Ивана на Боранова...»¹⁴⁵. Развалины Ивнинского острожка видны и сегодня в дер. Ивня Батецкого района Новгородской области. В 2006–2007 гг. они подверглись археологическому исследованию, предпринятому К. В. Шмелевым¹⁴⁶.

Остроги в Поволжье

1. Водоский острожек

Два острожка были сооружены в Корельской половине Водской пятины. Однако о них известно несравненно меньше, чем об острогах в районе Тесовской округи и в Полужье. Водоский острожек был построен, видимо, в селе Водоси. Здесь одно время начальствовал Никита Калитин — яркая фигура эпохи Смутного времени, свойственник Аминовых, оставшийся на службе у Густава Адольфа¹⁴⁷. Из района Водоского острожка шведы и новгородцы пытались контролировать близлежащие деревни на правом берегу Волхова¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины... 1615... С. 58, 63.

¹⁴⁶ Шмелев К. В. Исследование комплекса памятников в районе дер. Ивня. Опубликовано на сайте Северо-Западной археологической экспедиции НИИ-ИКСИ СПбГУ: <http://www.nwae.spb.ru/?0-200608>.

¹⁴⁷ О Никите Калитине подробно см.: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие вајгор'ы // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

¹⁴⁸ Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водоского острожка 1614 (?), сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

2. Раванский острожек

Последний острожек Водской пятины, Раванский, наименее известен. Его местоположение в Кривинской волости, видимо, связано с дер. Равань, в районе впадения р. Равань в Тигоду¹⁴⁹. Скорее всего этот острожек был устроен для контроля над Ореховской дорогой, соединявшей Новгород с крепостью в истоке Невы.

Остроги в удаленных от Новгорода областях

1. Сумерский острожек

В архиве Новгородской приказной избы практически не сохранилось документов о Сумерской дворцовой волости — глухом районе, лежавшем южнее р. Луги, между Ямом и Гловом, который долго не могли контролировать никакие силы. Именно крестьян этой волости шведы и новгородцы чаще всего именуют «шишами». Однако к 1615 г. Глов надолго попал в шведские руки. В те дни намечался поход Густава Адольфа под Псков, и в Сумерском остроге строятся укрепления, в которые поместили шведский гарнизон. После отхода Густава Адольфа от Пскова Сумерский острожек оказался под угрозой. В мае 1616 г. он подвергся нападению псковских казаков. Копорские посадские жители, перешедшие 13 июня 1616 г. в Тихвин, рассказывали об этих событиях, что «оне слышали от ивангородских посадских людей, которые ходят из Ыванягорода в Копорью: стояло де в Сомерском острожку неметцких людей 400 человек, и приходили на них казаки, и тот де острожек взяли взятьем и неметцких людей побили наголову, и ис Копорья де пот тот острожек неметцкие люди ходили на помочь, и те де неметцкие люди пришли в Копорью назад, а помочи им не учинили, а сколь далече от Пскова Сомерской острожек, того сказали не ведают»¹⁵⁰. Часть разгромивших Сумерский острог казаков после боя пришла в уже слабо контролируемый шведами район Тесова и сообщила местным крестьянам, что «стояло де в Сомерском острожке

¹⁴⁹ Память Якову Шепякову об обмолоте ржи Ивана Секирина. 1615. 23.05: Розыск о животе Ивана Борисова сына Секирина в Ильинском Тигодском погосте. 1615, авг. // RA, NOA. Serie 2:141. Л. 10–11.

¹⁵⁰ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

немецких людей 400 человек для остерегания от государевых людей. И о Николине дни приходили на них из Пскова государевы люди и Сомерской острожек взяли изгоном и немецких людей побили наголову, а тот де острожек меж Гдова и Пскова, ото Гдова в 10 верстах»¹⁵¹. Следует критически отнестись к сведениям, полученным при допросе перебежчиков; особенное сомнение вызывает то, что в обеих допросных речах повторяется численность шведского гарнизона острожка — 400 человек. Однако существование острожка в Сумерской волости отрицать невозможно: после Столбовского мира здесь, во всяком случае с 1629 г., находилось одно из важнейших укреплений на русско-шведской границе¹⁵².

2. Устрецкий острог

Как заметный пункт в ходе боевых действий гражданской войны Устрецкий острог появляется на страницах источников в конце 1608 г. 21 декабря на Устрецком стане собрались «вологжане и белозерцы и устюжане и галечане и кашинцы и Бежецкого Верху и городечане, обвестясь» с дворянами Бежецкой пятины и дали бой тушинцам, «и изменников государевых Осипка Застолпенского¹⁵³ да пана Матьяша¹⁵⁴ убили, а Федора Маврина¹⁵⁵ взяли, а иных панов велели, переимав, посадити в тюрьму до государева указу...»¹⁵⁶. В течение всего периода

¹⁵¹ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.

¹⁵² Память голове заставы в Сумерской волости Ивану Измайловичу Шипилову об усилении бдительности при охране границы от морового поветрия в связи с новыми известиями и о посылке к нему на заставу еще 10 стрельцов в прибавку. 1629. 25.11 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 436. Многие другие документы коллекции упоминают о заставе в Сумерской волости.

¹⁵³ Иосиф Застолбский.

¹⁵⁴ Матиас (Матвей) Заруцкий.

¹⁵⁵ Федор Дмитриев Маврин, сын боярский Бежецкой пятины, помещик Устрецкой округи. В 1609/10 г. получал из Галицкой четверти 7 рублей; 9 декабря 1613 г. ему было прибавлено 4 рубля за тихвинское осадное сидение (Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 97).

¹⁵⁶ Окружная грамота от боярина кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в разные города, для укрепления граждан в верной к законному государю службе, с возвешением о поспешающих на помощь от шведского короля войсках. 1608 // СГГД. Т. 2. 1819. № 166. С. 343–344.

боевых действия 1611–1614 гг. Устрецкий острог представлял собой важный узел коммуникаций: здесь соединялись дороги из Москвы на Новгород и к Тихвину из Бежецкого Верху.

После захвата шведами Новгорода оттуда ушли чашник В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов, с воинскими силами пробираясь к Подмошскому ополчению. Крестьяне Устрецких волостей жаловались новгородскому правительству в августе 1611 г.: «В нынешнем, государь, во 120 году приходили, государи, на Устрецкой стан и в Устрецкую волость изгоном воевода Василей Бутурлин да Левонтей Вельяминов с тотары и с казаки, и нас, сирот, из корму мучили насмерть, и мы, сироты, корм на них людцкой покупали, и на государи, стало, людцкой корм покупаючи, опрочно сена и овса пятьдесят пять рублей. А как, государи, тот Василей Бутурлин да Левонтей Вельяминов слышали, что воевода Никита Васильевич Вышеславцов с ратными с немецкими людьми наряд в Боровичи пришел, и тот Василей и Левонтей с Устрецкого стану со всеми ратными людьми с тотары и с казаки пошле назад, и идутчи, на Устрецком стану и в Устрецкой волости платье и лошадей у многих пограбили, и от того, государи, грабежу многие мы, сирота, оскудали». Вскоре на Устрецкий стан пришли шведские и русские войска во главе с воеводой Н. В. Вышеславцевым приводить к присяге «околных погостов дворян и детей боярских х крестному целованью...»¹⁵⁷.

Зимой 1611/12 г. в Устреке наблюдалась большая концентрация новгородских и шведских войск. Вероятно, в этот период численность новгородцев и шведов была вполне сопоставима. В январе 1612 г. в острожке стоял подчиненный новгородскому правительству отряд казаков под предводительством головы Ивана Паршина¹⁵⁸. Русский воевода Устрецкого острожка Игнатий Харламов проводил там смотр дворян Деревской пятины (до 25 марта)¹⁵⁹. Видимо, и там новгородские власти пытались наладить в 1612 г. правильное

¹⁵⁷ Челобитная боярам и воеводам от крестьян Устрецкой и Видимерской волостей о сбавке с них требуемых денег с перечислением своих несчастий. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 69–71.

¹⁵⁸ Книги приходно-расходные государевым всяким денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 7.

¹⁵⁹ Дело по челобитной о поместье Деревской пятины новика Афанасия Васильева Дирина. 1612, июнь // RA, NOA. Serie 2:81; Дело по челобитной о поместье Григорья Андреева сына Рясницына. 1612 // RA, NOA. Serie 2:127.

сообщение. Так, в конце апреля 1612 г. один из окрестных крестьян был обязан поставить на Устрецкий стан 6 колес «для государева дела»¹⁶⁰. Вероятно, тогда же острог подвергся атаке «литовских людей», но взят не был¹⁶¹.

Устрецкий острог лежал на пути от Московской дороги к Тихвину. Борьба за обладание Устрецким острогом — одна из важнейших страниц новгородско-шведско-московского противостояния 1613—1614 гг. Не сумевшие пробиться ко Пскову войска кн. С. В. Прозоровского получили указание двигаться к Тихвину мимо Устрецкого острога¹⁶², с чего, собственно, и началось противостояние московских и шведских войск под Тихвинским монастырем. Уже после того, как Тихвин стал надежной базой московских войск, стрелецкий сотник новгородец Степан Анисимов Оклячев 16 декабря 1614 г. вместе с тихвинскими посадскими людьми был послан в Устюжну «для зелья и свинцу». 23 декабря они прибежали в Тихвин, сообщив, что не доехали до Устюжны 70 верст, там «стоят черкасы многие, пришли из Устрецких волостей»¹⁶³. Таким образом, дорога из Тихвина к Москве и другим городам, признавшим власть Михаила Федоровича, была перерезана именно в районе Устрецкого острожка.

3. Черенский острог

Самым отдаленным от Новгорода новгородским острожком был острожек в Черенском погосте Бежецкой пятины. Он находился на реке Кабоже близ ее впадения в Чагодошу. Черенский острожек известен с 1611 года, когда там стоял отряд шведского ротмистра

¹⁶⁰ Поручная запись крестьян Липенского Котлована по Елизарке Васильеве о поставке тем в острожек на Устрецком стане шести колес для государева дела. 1612. 28.04 // RA, NOA. Serie 2:366. Л. 3.

¹⁶¹ Челобитная сына боярского И. Паршина о вспомоществовании. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 11.

¹⁶² Грамота царя Михаила Федоровича кн. С. В. Прозоровскому и Л. А. Вельяминову о том, что для борьбы с шведами следует идти к Тихвину и в Устрецкую волость: 1613, апреля. Уп.: Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 39.

¹⁶³ Отписка Тихвинского монастыря осадных воевод Василия Неплюева и Ивана Баклановского белозерскому воеводе Петру Чихачеву о присылке пороха и свинца по случаю ожидаемого приступа к монастырю шведов и литовцев. 1614. 26.12 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 53—55.

Франца Стрюйса¹⁶⁴. В 1612 году этот острог продолжал представлять опасность для москвичей¹⁶⁵. Вообще восточная граница Новгородской земли (с Устюженским и Белозерским уездами) как наиболее вероятное направление вторжения московских войск была хорошо укреплена шведами¹⁶⁶. К острожкам приписывали некоторое количество погостов, которые должны были поставлять корм для шведских гарнизонов (так, к Тесовскому острогу было приписано три погоста, к Черенскому — двенадцать).

Казацкие острожки

В свою очередь, и московская сторона принимала участие в строительстве долговременных укреплений в сельской местности.

Еще в ходе боевых действий 1611—1612 гг., когда наименее спокойными территориями для новгородской администрации являлись Заонежские погосты, вскоре (к лету 1613 г.) потерянные безвозвратно, там возникли укрепления. В 1612 г. в Заонежье появились войска Ганса Мунка и отогнали оттуда казаков. Окрестные крестьяне сообщали, что в Пиркиничском погосте на Свири в «прошлом де во 120 году воровские люди казаки Заонеских погостов и каргопольцы и белозер-

¹⁶⁴ Отписка боярину и большому ратному воеводе Я. П. Деллагарди и боярину кн. И. Н. Большому Одоевскому Т. Загоскина, посланного в Черенский острог для сбора кормов с Белозерской половины Бежецкой пятины ратным людям ротмистра Франсбрука, о том, что 12 погостов Белозерской половины дают кормы ротмистру Ирику Берсу, что кормы с погостов, дозренных Казарином Унковским, будут собираться по росписи с нового дозора, что ротмистр Франсбрук не отпускает его, Загоскина, и что подьячий Дружина Харитонов, посланный с ним для дела не годится. 1611 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Картон IV. Д. 505.

¹⁶⁵ «А иные, господа, немецкие же люди от Белозерского уезда верст за сорок, в Новгородском уезде, в Черенске, и острог поставили» (Отписка Белозерского воеводы Гр. Образцова воеводам кн. Трубецкому с товарищами про немецких людей и о малом числе войска на Белоозере. 1612, декабрь // ААЭ. Т. 2. 1836. С. 368).

¹⁶⁶ В 1613 году Устюженский воевода сообщал на Белоозере: «А немецкие люди из острожков отошли» (Отписка Устюжно-Железнопольского воеводы кн. Андрея Сицкого с товарищами Белозерскому воеводе Гр. Образцову о движении шведов и литовцев в Новгородском уезде. 1613. 4.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 179. С. 311).

цы Богданко Медведников да Фторой Игнатъев да Микитка Еремеев да Ондюшка Разин в нашем в Пиркинском погосте в Кондуской волости в остроге стояли восьми недель, а кормы и подводы на нас правили»¹⁶⁷. Острожек в Кондушской волости был поставлен вновь уже после Кардисского мирного договора, 20 декабря 1662 г.¹⁶⁸

В 1614 г. воеводе Богдану Чулкову было приказано собрать ратных людей «и итить на твою государеву службу на Волховское устье, что над Ладожским озером, и поставить острожек, и ис того острожку, промышлять над литовскими и над немецкими людьми»¹⁶⁹. Но Чулков изменил свой путь, видимо, следуя навязанной подчиненными ему казаками траектории пути, и направился в Заонежье, на Пудогу, собрал казаков и охочих людей из двух острожков — Пудожского и Шальского (близ соответствующих погостов), двинулся на занятый литовцами Андомский острожек (также близ соответствующего погоста) и выбил их оттуда¹⁷⁰. Вскоре тот же Богдан Чулков построил острожки в Егорьевском Толвуйском и в Никольском Шуйском погостах¹⁷¹. Практически вокруг каждого Заонежского погоста в 1614 г. было построено укрепление.

Кстати, и в Волховском устье укрепления, грозившие Ладоге с севера, были сооружены казаками. Шведские источники упоминают местечко Posowa (вероятно, совр. Птинов остров), где русские успели построить укрепления в 1614 г.: «Русские успели, между тем, построить некоторые укрепления на южном берегу Ладоги, около местечка Posowa, где Волхов впадает в Ладожское озеро. Намест-

¹⁶⁷ Обыскные книги Рождественского Пиркиничского погоста Юна Ириксона, Фирса Алексеевича Давыдова и Ивана Захарьевича Баранова. 1612. 26.09 // RA, NOA. Serie 1:66. С. 217–234.

¹⁶⁸ Переписная книга разным делам Новгородской приказной избы. 1661–1666 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–12 об.

¹⁶⁹ Отписка Б. Чулкова о поражении им с казаками и охочими людьми под Андомским острожком в Заонежских погостах литовских людей и о погоне за ними под Каргополь, с приложением списка казаков и охочих людей, кои были с ним в Андомском острожке. 1614 // АМГ. 1890. Т. 1. № 47. С. 82–84.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Отписка воеводы Б. Чулкова об отбитии польских и литовских людей от Никольского и Шуйского острожков с приложением расспросных речей «языков» о количестве неприятельского войска. 1614 // АМГ. 1890. Т. 1. № 59. С. 95–96.

ник Ладоги Розенкранц с несколькими кораблями двинулся вниз по течению Волхова с целью захватить эти крепости, но попытка не увенчалась успехом»¹⁷². Впрочем, к 1616 г. этого острожка уже не существовало.

По всей вероятности, такая тактика, приведшая к существенным изменениям в сельском ландшафте, была обусловлена спецификой военных действий эпохи Смуты. По словам иностранных описаний, острожки часто были единственными населенными местами на многие десятки верст. Такая новая география поселений не прошла бесследно и для периода после 1617 г.

Острожек на Сяси и укрепления округа Столбова

На переговорах в Дедерине в 1615–1616 гг. было условлено, что в следующий раз представители Москвы и полномочные шведские послы должны встретиться не между Осташковом и Старой Руссой, а между Тихвинным монастырем и Ладогой. Боязнь провокаций во время посольств побуждала обе стороны концентрировать войска и укрепления в местах будущих переговоров.

Тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому было поручено сообщать в Посольский приказ о строительстве укреплений шведами. В середине мая до Тихвина дошел слух о том, что Делагарди приказал совершить нападение на Тихвин до начала переговоров. Как подготовка к такому нападению расценивалось начало строительства шведами укреплений к востоку от р. Волхов — в устье реки Сясь и выше по Сяси, в районе деревни Бардовщины. Таким образом, перерезалась дорога от Тихвина к Заонежью¹⁷³. После того, как об этом стало известно в Москве, Неплюев и Баклановский получили указание опередить шведов и выставить острожки между Тихвином и Ладогой раньше них, проведя перед этим разведку и ни в коем случае не давая шведам перерезать дорогу из Тихвина в Заонежские погосты: «и укрепити велели гораздо, чтоб нашим людям сидети было

¹⁷² Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февр. С. 325–349; Сент. С. 185–213.

¹⁷³ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ о числе немецких людей в Новгороде и пригородах. 1616, мая // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 94–95.

безстрашно и запасы к вам из Заонежских погостов провести было мочно, а немецким людям из Заонежских погостов запасов иметь и в их острожек провозить не дать». Равным образом и подготовка к посольскому съезду требовала создания временных укреплений в районе переговоров¹⁷⁴.

Большой удачей тихвинских воевод был контакт с казачьим атаманом Чегодаем (Чаадаем) Спешневым, пришедшим к устью реки Сясь и подчинившимся московской администрации. 16 июня 1616 г. Спешнев писал в Тихвин, что он пришел в Сясьское устье 15 июня, «и острог поставил, а пищалей де государь, затинных и пороху и свинцу у него в остроге нет, а казаков де, государь, у него на Сяском устье полтретьяста человек, а немецкие люди многие ходят из Ладogi в Корелу и ис Корелы в Ладогу с товары, и они им ничем задору не чинят». Тихвинские воеводы послали служилых людей осмотреть острог Спешнева, и те сказали, что «Чегодай пришед на Сяское устье поставил острожек невелик, вдоль сажень з десять, а вперед де, государь, тут острожку никоими обычаи стоять не мочно, что блиско Ладogi, всего в пятнатцати верстах». Усомнившись в необходимости Сясьского острога, Неплюев и Баклановский попытались провести розыск в Тихвине, насколько он обеспечивает безопасность монастыря и дороги из Заонежских погостов. Общее мнение допрошенных дворян и посадских людей было резко против Сясьского острожка: он располагался в 70 верстах от Тихвина и в 15 верстах от Ладogi и не прикрывал дорог, «а толко тут острожку стоять, и с немецкими людьми задратца, и на съезд для мирного постанования свейские послы не поедут, потому что тот острожек стоит на ладожской земле». После этого тихвинские воеводы приказали Ч. Спешневу острожек «раскидать» и перейти вместе с казаками ближе к Тихвину, поставив новый острог в 30 верстах от Тихвина, также на Сяси¹⁷⁵. Однако Спешнев этого приказа воевод не исполнил, вероятно, лучше владея обстановкой и представляя свои возможности по обороне со-

¹⁷⁴ Грамота из Посольского приказа к тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому о постройке острожка на р. Сясь. 1616, мая 30 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 134.

¹⁷⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаадаея Спешнева о построенном на Сясьском устье остроге. 1616, июня после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 242–244.

оруженных им скромных укреплений. Несмотря на многочисленные предостережения Неплюева и Баклановского, он простоял в устье Сяси до Столбовского мира, контролируя сообщение между Ладogой и Тихвином; задуманный Деллагарди рейд на Тихвин (о котором есть сведения и у Видекинда¹⁷⁶) летом—осенью 1616 г. не состоялся, потом же начались переговоры в Столбове.

Весной 1616 г., за несколько недель до них, в Посольском приказе интересовались состоянием укреплений в зоне будущих переговоров. Прибывший из Тихвина стрелецкий сотник Петр Уваров сообщал, что в районе Рождественского погоста на Паше острожек не готов, хотя туда и пришли «плавные казаки ореховские и ладожские, человек с полтора, и стоят тут, а острог ищю не ставлен»¹⁷⁷.

При этом в устье Свири острог был поставлен сыном боярским Матвеем Арцыбашевым, видимо ранее, к 1615 г.: «А Заонежским погостам обереганье тот острожек на Свери реки, что поставил Матвей Арцыбашев, потому что воинским людям ийти из Ладожского озера Свирью рекою в Онего»¹⁷⁸.

Дороги

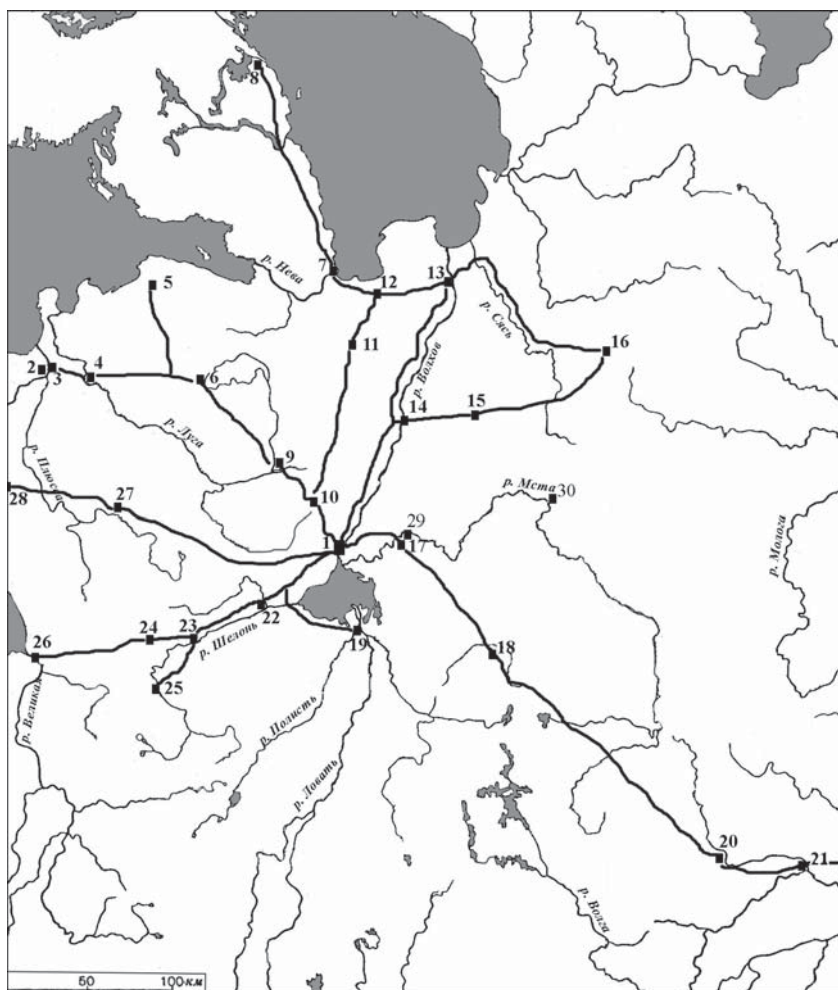
Дорожная сеть на территории Новгородской земли стала активно развиваться вскоре после присоединения Новгорода к Москве. К концу XVI в. густая сеть дорог, соединявших Новгород с Москвой, Псковом и всеми пригородами, оплела Новгородскую землю¹⁷⁹. Особое внимание дорожному строительству новгородские власти уделяли в первые годы XVII в. при подготовке к визиту в Москву датского принца Иоганна. В ходе перемещений русских и шведских воинских

¹⁷⁶ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 398.

¹⁷⁷ Расспросные речи стрелецкого сотника Петра Уварова в Посольском приказе о вестях из Тихвина. 1616, мая около 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 96–97.

¹⁷⁸ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаадаея Спешнева...

¹⁷⁹ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на карте середины XVII в. // Вопросы географии. Т. 20. М., 1950. С. 270–300.

Карта 6. Дороги Новгородской земли. 1 — Новгород; 2 — Ругодив (Нарва); 3 — Ивангород; 4 — Ям; 5 — Копорье; 6 — Зарезский острог; 7 — Орешек; 8 — Корела; 9 — Тесовский острог; 10 — Лусский ям; 11 — Шапечский ям; 12 — Назынский ям; 13 — Ладога; 14 — Грузино; 15 — Деревя; 16 — Тихвин; 17 — Бронницкий острог; 18 — Яжелбицкий ям; 19 — Старая Русса; 20 — Торжок; 21 — Тверь; 22 — Пиажский (Миажский) ям; 23 — Опочский монастырь; 24 — Дубровенский ям; 25 — Порхов; 26 — Псков; 27 — Лядский погост; 28 — Гдов; 29 — Прилуки; 30 — Белое.

контингентов в годы Смуты забота о магистральных дорогах легла на плечи новгородского правительства, которое где-то до 1613 г. в целом справлялось с поддержанием дорожной сети.

Однако уже к 1615 г. основное движение шло не по мощеным дорогам, а по рекам. Направленные на Пески, между Осташковым и Руссой, для обмена пленными шведские уполномоченные капитан С. Аппельман и Г. Бракиль так объясняли московским посланным С. Г. Коробьину и П. А. Обернибесову свое опоздание к намеченному сроку: «А что вы писали к нам, чтоб нам на общее мест на Пески самим ехать мая в 7 день, и нам на тот день николи поспети, потому что нас буря задержала на Илмене озере, а до Селищ едучи також подъемы на порогах тяжелые, и аще если Бог произволит, и мы чаем подлинно безо всякого мотчания на опчем месте быти мая в 11 день, а из Русы пойдем мая в 4 день. А посланных ваших мы с сею грамотою отпустили не задержав. Лета от Рождества Христова 1615-го мая в 3 день»¹⁸⁰.

К рассматриваемому периоду относится и единственное изображение Ивангородской дороги. Это гравюра участника голландского посольства 1615–1616 гг., предпринятого, как и миссия Джона Мерика, с целью заключения мира между Россией и Швецией¹⁸¹. На этой гравюре изображен какой-то участок дороги между Врудским и Тесовским ямами, расположенный в болотистой местности. Дорога на гравюре образована рядами вплотную прилегающих друг к другу бревен, лежащих перпендикулярно движению путников и укрепленных жердями. В правом углу автором изображены голландцы-всадники, вступающие на гать. Такой картине соответствует и описание Ивангородской дороги, сделанное другим участником этого посольства: «...Дороги очень дурны; почти половина дороги состоит из деревьев, которые кладутся по болоту. Деревя эти во многих местах были переломаны, а стороною нельзя было ни ехать, ни идти...»¹⁸². Самое неожиданное, что очень похожими красками рисует нам дорогу и позднейшая устная народная традиция: «Лет 80 тому назад

¹⁸⁰ Грамота капитана С. Аппельмана и Г. Бракилева об их прибытии на съезд для размена перебежчиками. 1615. 3.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 107–109.

¹⁸¹ Goeteeris A. Journael der legatie .. Fig. 28/29.

¹⁸² Донесения нидерландских посланников... С. 37.

(эта запись относится к 1923 г. — А. С.), помнят еще некоторые старики, находили груды леса, поросшие мхом. Лес был хвойный, толстый, и некоторые деревья совершенно здоровые, только сверху погнили, они даже употреблялись на починку мостов и дорог. Лес этот был остатки дороги, проложенной войском Иоанна IV. Он предполагал употребить этот лес на переправы через ручьи, болотистые и сырые места, но почему-то не удалось, и так этот лес остался лежать и большею частью сгнил»¹⁸³.

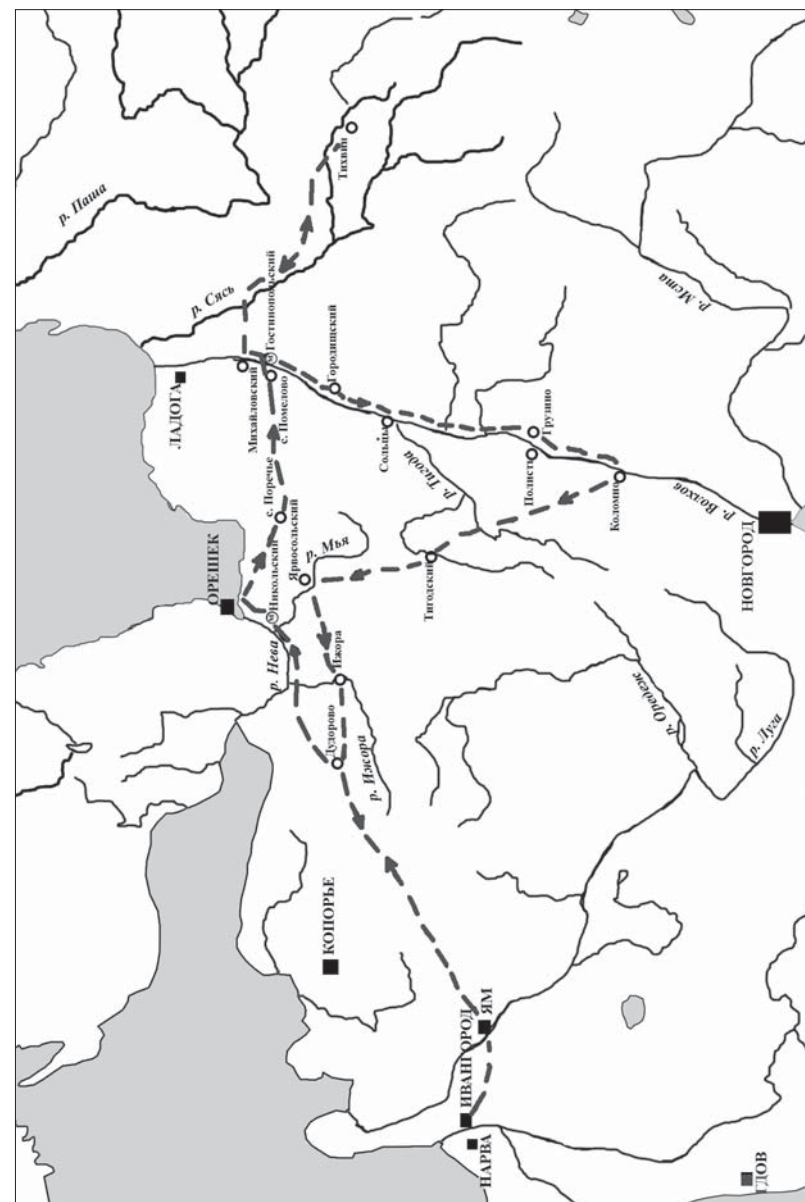
Однако к 1616 г. Новгородская земля представляла собой пустое пространство, по которому передвигались самые разные люди. Движение по дорогам Северо-Запада даже в последние месяцы, предшествовавшие Столбовскому миру, было интенсивным. Заставы стояли только в острожках. Люди же придумывали себе всевозможные маршруты.

В июле 1616 г. в Тихвин пришли двое псковских стрельцов, ранее взятых в плен шведами и поселенных на мызе, принадлежавшей одному из членов Нарвской администрации. За три дня до дня Рождества Иоанна Предтечи (21 июня) они бежали с мызы, расположенной в семи верстах от Нарвы, смогли дойти до Ивангорода, откуда, на Петров день (29 июня), двинулись к г. Ям, оттуда на Словенку (село в Ижерском погосте), затем — к Лопскому погосту (совр. п. Путилово) и далее к Волхову. В трех верстах от Ладого, занятой шведским гарнизоном, они переплыли Волхов и подошли к Сясьскому острожку, где стояли казаки Ч. Спешнева¹⁸⁴.

15 июля 1616 г. тихвинские стрельцы Петрушка Максимов и Ивашка Васильев были посланы на разведку к Ивангороду. Они вышли из Тихвина на Михайловский погост, далее на Коломенской погост на Волхове (вверх по реке), оттуда свернули на запад, на Ярвосольский, Ижорский и Дудоровский погосты, «и з Дудоровского погосту пришли в Ывангород на посад июля в 27 день, в неделю, к знакомцу своему Федотку Федотьеву, ночевали у него ночь, и пошли с Ывангоро-

¹⁸³ Легенды и предания о Тесовском крае. Материалы, собранные кружком по изучению Тесовского края. 29.04.1923. // ОПИ НГОМЗ. Ф. 6. Оп.1. Д. 177. Л. 3.

¹⁸⁴ Расспросные речи псковских стрельцов Ивашка Федорова и Ларки Офремова перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 8.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 24—28.

Карта 7. Путь тихвинских стрельцов Петрушка Максимова и Ивашка Васильева из Тихвина в Ивангород и обратно. 15 июля 1616 года

да 29 июля до Ярославского погоста тем же местом, а из Ярославского погоста» они пошли в Орешек. 2 августа Семеновской поп из села Поречья Юрий Мосеев привел их в Орешек к своему «знакомцу». Той же ночью лазутчики ушли из Орешка в Никольской монастырь, находящийся в четырех верстах от города, где провели следующую ночь. В монастыре их застал поп Ю. Мосеев, после чего они стали возвращаться в Тихвин. Путь лазутчиков лежал мимо Ладоги к вотчинному селу Духова монастыря Помялово и к Гостинопольскому монастырю. «Да как де они шли из Орешка на Михайловской погост, и сказывал им Помяловской выставки михайловской церковной дьячек Матюшка Юрьев сын Громов», что в Ладоге на Успенье ожидают Якова Деллагарди и М. М. Пальма¹⁸⁵.

После присоединения Ингерманландии к Швеции на ее территории дорожная система развивалась довольно активно. В частности, Ивангородская дорога получила несколько ответвлений и уже не являлась важнейшей для Ингерманландии магистралью (как это было в XVI в.). Уже в 1617 г. использовалась дорога из Ивангорода к Копорью, причем в Копорье существовал особый Копорский ям¹⁸⁶.

Грабежи на дорогах

На дорогах в эти годы было весьма беспокойно.

Осенью 1613 г. совершенно опасным для передвижения стало течение Волхова, вдоль которого проходила дорога, соединявшая Новгород и Ладогу. В это время казаками (вероятно, тихвинскими) было перехвачено несколько писем, посылавшихся шведскими военными и гражданскими лицами друг другу. Они осознавали всю опасность таких перемещений. Так, ладожский воевода Ганс Рекинберг нахо-

¹⁸⁵ Расспросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

¹⁸⁶ «126 году сентября в 13 день. Памет копорскому ямщику Ивану Григорьеву сыну с товарищи, что мы платили Ивангородскому прикащику Пентелею Васильеву сыну прогонных денег 8 рублей для того, что проехали ивангородские крестьяне с подводы мимо Копорья. А отпись писал Фетка Якимов сын Попов» (Bengt Halsolls Räkenskap för Ivangorod. 1618–1619 // RA, Baltiska fogderäkenskap. F. 415. № 13).

дился в те дни в Новгороде. Его жена Екатерина писала ему 13 ноября о том, чтобы он, отправляясь в Ладогу, был осторожен и, взяв с собой большое число провожатых, ехал туда другим путем¹⁸⁷. Со временем безопасность на этой дороге не стала большей. В ноябре 1615 г. два крестьянина Солецкого погоста с Волхова, вышедшие в Тихвин, рассказывали на допросе, что они были посланы из Новгорода в Ладогу к воеводе с листом из Новгородского разряда. Им «...велели... тот лист в Ладогу пронести не большою дорогою, околными залескими дорогами, а из Ладоги, государь, велели против того листа принять от воеводы лист же, а как, государь, оне в Новгород против того листа из Ладоги от воеводы лист принесут, их де король за то пожалует». Поручение было дано крестьянам, а не шведу-гонцу из опасения «русских шишей». Однако посланные пошли не в Ладогу, а в Тихвин, к московским послам¹⁸⁸.

Торговые люди, возившие товары по дороге из Новгорода в Ивангород и Нарву, подвергались ограблениям. В 1614 г. в Новгородском дворцовом приказе перед дьяком Пятым Григорьевым слушалось дело об ограблении двух таких купцов — Федора и Данила, везших в 1613 г. товар в Нарву. Они обвиняли некоего Якуша в том, что тот «их, Федку и Данилку, с своими племянники и с товарищи в Заречье в деревне в Русковичах били и грабежу у них двое лошадей возами хмелем в тридцат рублей, да денег тридцать рублей, да платья по кафтану по лазоревому, да по зипуну, да по кресту, да по перстню, да две лисицы, да две пишали, всего на пятнатцат рублей взяли». Ранее обвиняемый Якуш сам занимался извозом на Ивангородской дороге и одновременно был старостой Врудского погоста. Как на свидетелей своей невиновности Якуш ссылался «села Тесова на хрестьянина на Офонку Воробьева с товарищи, которые у Клауса (Храмборна. — А. С.) в извозе были, Зарецкого яму на охотников на всех в слух и в виденье, Врутцкого погоста на хрестьян деревни Глумиц на Степанка да на Петрушку, деревни Донца на Пашка и на всех Врутцкого погоста хрестьян, Копорского уезда Ласковицкого погоста деревни

¹⁸⁷ Письма шведских офицеров и должностных лиц. 1613, июнь — декабрь // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 2. Л. 57–60.

¹⁸⁸ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ о посылке в Москву немецкого листа, секретно посланного из Новгорода в Ладогу. 1615. 15.11 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 349.

Губаниц на Онтонка на Минина з братьею.... да на детей боярских на Никиту Тыркова да на Офонася Охлабаева да на Петра Савина в том, что он, Якуш с своими племянники и с товарищи тех своих исцов Данилка и Федка не бивали и не граблывали»¹⁸⁹.

19 июля 1616 г. из Новгорода тайно в Тихвин отправился служка Хутынского монастыря Куземка Яковлев, посланный архимандритом Киприаном с вестями к московским послам. Кроме вестей он должен был доставить в Тихвин церковную казну: «две ризы камчатые, одно белое, другое черное, да третьи ризы дороги двоичные да оплече на золоте, да образы складни окладные да архимаричья платья: 2 клабука да манос да ряску да протодьяконову Микитину однорядку да ферези женских да 2 книги да мерин гнед с седлом и с уздою». Все это нужно было передать тихвинскому игумену Макарию. По дороге из Новгорода в Тихвин в д. Кашире, в 80 верстах от Новгорода, по всей вероятности где-то между Грузиным и Оскуйским погостом, на него напали стрельцы, бежавшие из Тихвина, по словам Куземки, 16 человек и дочиста ограбили, взяв даже письмо архимандрита. После этого он смог дойти до Тихвина лишь с небольшими «памятцами» из Новгорода¹⁹⁰.

Ивангородская дорога

Восстановление сети магистральных дорог, из которых важнейшей была Ивангородская, началось незадолго до русско-шведской войны 1590-х гг. Мероприятия правительства по благоустройству дороги продолжались, вероятно, вплоть до подписания в 1609 г. Выборгского договора (так, в апреле 1606 г. известен посланный на дорогу ямской стройщик Иван Линева¹⁹¹), вслед за которым началось постепенное проникновение шведских войск на Северо-Запад России, завершившееся в 1611 г. занятием Новгорода. На плане Новгорода,

¹⁸⁹ Отрывок из судного дела у дьяка Пятого Григорьева по поводу некоего Якуша (зачеркнуто, следовательно, до сент. 1614) // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 22 об., 24 об.

¹⁹⁰ Расспросные речи хутынского служки Куземки Яковлева, посылавшегося в Новгород перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами на Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 325–331.

¹⁹¹ Память стройщику Линева об отчинах Вяжицкого монастыря в Луском погосте. 1606, апрель // ААЭ. Т. 2. 1836. № 42. С. 98–99.

изображающем осаду его Деллагарди, отмечена Via Sorogiam ducens (Большая Копорская дорога), со стороны которой наступает на Софийскую сторону шведское войско¹⁹². По всей видимости, это была Ивангородская дорога, а два храмовых комплекса — скорее всего, Богоявленский и Трехсвятский монастыри на Вотской дороге.

Новый интенсивный этап истории дороги приходится на 1611–1617 гг. Дорога начинает непрерывно функционировать, в первую очередь как военная коммуникация, обеспечивавшая связь Новгорода с Балтийским морем и Швецией. В июне 1612 г. по Ивангородской дороге (впрочем, несколько уклоняясь от основной трассы, через Сабельский погост и Кусони) перешедшие под Устрецким острожком на сторону Эверта Горна «литовские люди» были отправлены в Ивангород, в связи с чем на станах в Кусонях, Тесове и Заречье были устроены продовольственные склады¹⁹³. Уже летом 1613 г. большое число конных и пеших людей сгоняется на дорожные работы, в том числе и из отдаленных районов Новгородского государства. В июне 1613 г. порховский воевода Иван Крюков должен был «с Порховских дворцовых сел на Ивангородскую дорогу к мостовому делу доправить» дополнительно 34 человека конных и 27 человек пеших. При этом пригнанные прежде «Карачюницкого и Болчинского погоста посошные люди» уже успели замостить «за Тесовом старых мостов поделано и новым лесом двести одна сажень... А лес клали мелкой еловой и осиновой и березовой»¹⁹⁴. На мостовое дело по Ивангородской дороге собирались деньги и с далеких Устрецких волостей¹⁹⁵. Дорога берется шведами под контроль. В Зарецком и

¹⁹² Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII в.: Из истории политических и культурных связей // Rapportserie utg. Av Forskningarkivet vid Umeå Universitet. Scriptum № 40. 1995. С. 28.

¹⁹³ Наказ от бояр и воевод о корме для литовских людей, идущих из-под Новгорода к Ивангороду и память по этой грамоте Симона Блаженкову и Гаврилу Мякинину. Без начала. 1612. 8.06 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 51–52.

¹⁹⁴ Начало отписки от бояр и воевод из Новгорода в Порхов воеводе И. И. Крюкову о неисполнении тем прежних грамот бояр. 1613, после июня // Дело о выделении С. И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2:50. Л. 48 об.

¹⁹⁵ Приходно-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 259–261.

Тесовском ямах возникают «острожки» или «шанцы». Эти военные мероприятия не были перестраховкой: английского посла Джона Мерика в 1615 г. ограбили какие-то «двое русских», которых, пойманных с поличным, содержали в Зарецком остроге¹⁹⁶. Из переписки Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского известно, что в те годы использовался и вариант дороги из Новгорода на Копорье¹⁹⁷. Материалы Новгородской приказной избы показывают принципы обеспечения дорожного устройства, сложившиеся еще при Борисе Годунове. Так, нам известны данные о том, что в 1612/13 г. хлебное жалованье ямским охотникам Тесовского яма выдавалось из доходов Новгородского дворца¹⁹⁸. В то же время деньги на мощение мостов по Ивангородской дороге раскладывались на дворцовые волости, причем даже на такие удаленные от Новгорода, как Устрецкую и Кострецкую¹⁹⁹. Летом 1613 г. новгородское правительство не оставляло попыток наладить правильное сообщение хотя бы по основным магистральным дорогам, соединявшим важнейшие остроги и крепости — Ивангородской и Ладужской. В июне подьячие Григорий Собакин и Максим Васильев были отправлены в Ивангород для сбора посошных людей из Сумерской волости для мощения дорог на Ивангородской дороге²⁰⁰.

После заключения в 1617 г. русско-шведского мира в Столбове произошло размежевание границ двух государств. Соглашение о границах было подписано именно на Ивангородской дороге — в местечке Осиновая Горка — точке пересечения дороги со шведской границей²⁰¹. С этого времени характер дороги изменяется. Она становится маги-

¹⁹⁶ Лист Джона Мерика графу Эвердту Горну от 28 февраля 1615 г. // Сб. НОЛД. Вып. 6. Новгород, 1912. С. 13; Лист Джона Мерика графу Эвердту Горну от 10 апреля 1616 г. // Сб. НОЛД. Вып. 6. Новгород, 1912. С. 18.

¹⁹⁷ Письмо графа Деллагарди кн. Ивану Одоевскому, во время путешествия его из Новгорода в Ревель к королю Густаву Адольфу. 1614. 10.08 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 41.

¹⁹⁸ Приходно-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 63–65.

¹⁹⁹ Там же. С. 459.

²⁰⁰ Там же. С. 481.

²⁰¹ Межевая запись о размежевании по Столбовскому договору Новгородского, Ладужского и Гдовского уездов от Шведских владений. 1618. 29.03 // ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1838. С. 203.

стралью, соединяющей два государства, причем московское правительство не было заинтересовано в ее восстановлении. Купцы, ездившие по Ивангородской дороге в Швецию, писали, что «из Новгорода до Тесова бывала дорога мостовая, а ныне мостов нет, и дорога худа, грязна и водяна, и через речки и по мхам достальные мосты нынешнею великою водою поняло, и ехать ныне с телеги тою дорогою некоторыми обычии нельзя, только по нужи проедет верхом, и тут по местам итти пеш»²⁰². В это время одно из названий Ивангородской дороги — «Тесовская дорога», по наиболее важному пункту на ней²⁰³.

Ладужская дорога

Дорога из Ладуги в Новгород лежала вдоль Волхова, мимо селений Водской пятины, т. е. вдоль левого берега реки. Ладужская дорога начинает обустраиваться как важная, постоянно действующая магистраль лишь со второй половины XVI в. Специфика этого времени была такова, что сухопутные дороги, пришедшие в упадок в ходе Ливонской войны и опричнины в 1580-е гг., стали заменяться водными, или, во всяком случае, водные пути «подстраховывали» сухопутные магистрали в летнее время.

В 1586 г. был издан указ, требовавший перевести ямских охотников с Волжинского яма на Ладужскую дорогу и учредить там ямские станции. В этом году были учреждены т. н. «поперечные», т. е. второстепенные ямы на Вылегах, в Грузине, на Солецком погосте, «для скорой подмены лошадей». На всех этих ямах в 1586 г. поместили по пять человек ямских охотников. В 1591 г. ямскими устройщиками Степаном Кузминским и подьячим Одинцом Ивановым был организован ям в Ладуге. В 1597 г. происходят существенные реформы в области дорожной сети в Новгородской земле. Ликвидируются Ореховская и Корельская дороги, и их место занимает Ладужская, причем используются оба ее варианта — водный и сухопутный. На последний, впрочем,

²⁰² Расспросные речи новгородских торговых людей в Новгородской съезжей избе о дорогах из Новгорода к шведскому рубежу. 1633. 15.04 // РШЭО. № 53. С. 84.

²⁰³ Челобитная выборжца торгового человека Ф. Геслинга в новгородскую приказную палату о выдаче ему товаров, задержанных в Новгороде, и об отпуске за шведский рубеж. 1668. до 1.05 // РШЭО. № 189. С. 309–310.

как на требующий наибольших затрат, надеялись мало²⁰⁴. В ходе реформы поперечные ямы ликвидировались. Вместо них создавались крупные ямские станции на двух сторонах Волхова — «первой ям на Вотцкой стороне в деревне на Смолках, а другой ям на Обонежской стороне на Пчеве»²⁰⁵. После этого ключевую роль начинает играть Смолковский ям. Именно он становится перекрестком Ладожской и Тихвинской дорог. Но в 1601 г. из-за неудобства положения дороги на левом берегу р. Волхов, охотники были переведены на Обонежскую сторону на вновь образованный Пневский ям. Известен документ, относящийся примерно к 1597 г. и перечисляющий ямы на Ладожской дороге. Это Пневский, Пчевский и Ладожский ямы²⁰⁶. В 1601 г. ямы на Ладожской дороге были укрупнены. На каждый из них было поселено по 10 ямских охотников²⁰⁷. По всей видимости, на рубеже XVI—XVII вв. путь по Ладожской дороге был преимущественно водным и санным (по реке). На это указывает расположение ямов и по правому, и по левому берегу Волхова.

Нам мало известно о функционировании Ладожской дороги в начале XVII в. Движение между Ладогой и Новгородом в 1610—1618 гг. было чрезвычайно активно. Несколько раз за это время Ладога, Порожская волость, район Гостинопольского монастыря становятся ареной боевых действий. Ладожский ям как важный транспортный узел был объектом особого внимания правительства Делагарди — Одоевского в 1612 г. в ходе подготовки к визиту послов из Ярославля²⁰⁸.

²⁰⁴ «Ныне [1597 г.] той [Ореховской] дорогой не гоняют, а из Новгорода Волховом в Ладогу и до Орешка и назад» (Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. (РИБ. Т. 22). Ст. 757—772).

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. И отражение их на карте середины XVII в. // ВГ. Т. 20. М., 1950. С. 296.

²⁰⁷ Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

²⁰⁸ «Бил челом Тифина монастыря игумен Иосиф з братьею, а сказал: правять де на посадцких на Тифинских по вашему указу подьячей Василей Ушаков под послов ста подвод с санми и с хомуты и с проводники и на ладожской ям мимо всей пятины, а не по тому указу, каков вам из Новагорода послан» (Отписка кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков С. Лутохина и А. Лыцова в Ладогу В. Ф. Бутурлину по челобитью тихвинского игумена Иосифа. 1612. 15.01 // RA, NOA. Serie 2:74. Л. 14).

После освобождения Новгородского и Ладожского уездов от шведов в начале XVII в. восстанавливаются ямские станции. Однако свидетельств восстановления сухопутной дороги в Новгород ранее середины столетия мы не знаем. Напротив, источники, относящиеся ко времени сразу после заключения мира, скорее свидетельствуют о некотором недоумении путников при выборе пути от Ладоги к Новгороду и к Москве. 28 октября 1619 г. кн. Ф. П. Борятинский, О. Прончищев и Б. Кашкин писали в Москву, что стоят в Ладоге «за розпутицею. А как зимней путь учинитца, и мы пойдем из Ладоги ко государю к Москве, розспрашивая, на те места, куда лутче пройти»²⁰⁹. Однако, к 1622 г. Ладожский ям был восстановлен²¹⁰. В 1650 г. обязанности ладожских ямских охотников были строго регламентированы, Они должны были обеспечивать коммуникации «от Ладоги до Новгорода и до свейского рубежа до Лавуи реки и до Пашского яму»²¹¹. Таким образом, в середине века дорога из Ладоги в Новгород и из Ладоги в Орешек была восстановлена.

После Смуты сухопутная дорога от Ладоги к Новгороду оказалась заброшенной. Когда в 1619 г. возникла необходимость отправить из Ладоги в Москву выходца Воина Бедринского из полка литовского полковника Косименкова, его направили к Свири и далее через Вытегру к Вологде²¹².

Ореховская дорога

Ореховская дорога, соединявшая Новгород с Орешком и продолжавшаяся далее, уже под названием Корельской, на север, являлась составной частью сети магистральных путей Водской пятины, образовывавшейся Ивангородской, Копорской, Корельской и Ладожской дорогами, а также дорогой из Ладоги к Орешку. Она отходила

²⁰⁹ Челобитная кн. Ф. П. Борятинского, О. Прончищева и Б. Кашкина. 1620 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 537—538.

²¹⁰ Отписка Василия Неплюева из Ладоги к новгородскому воеводе кн. Д.И. Мезецкому о корельских перебежчиках. 1622, сент. // СПбИИ. К. 109. Д. 82.

²¹¹ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога... С. 66.

²¹² Отписки ладожских воевод В. Ф. Неплюева и В. И. Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02—30.03 // СПбИИ. Кол. 153. Оп. 1. Д. 52.2.

от Ивангородской в Лусском яме и далее шла почти строго на север. Ореховская дорога проходила через болотистые малозаселенные местности, что приводило к определенной нестабильности в ее использовании. Когда у государства недоставало средств на поддержание коммуникаций, оно оставляло Ореховскую дорогу. Военные действия, в конце Ливонской войны затронувшие и территорию Водской пятины, привели на некоторое время к взятию основных сухопутных магистралей (Ореховская, Ивангородская дороги) под контроль шведами. Но русские дороги не очень устраивали шведов в военном отношении. Их «дурной характер» считался современниками основной причиной провала похода на Новгород в 1582 г. Так описывает один из участников этого похода Ореховскую дорогу: «Когда на этот раз была потеряна надежда на Нетеборг, шведы должны были снять свой лагерь и отступить с убытком. Тогда все гофлейты в Мартинов день²¹³ пошли к Новгороду по дурной дороге, на которой все лужи были переполнены водой, и непогода с ливнем длились и день и ночь, и все мосты в России плавали под водой»²¹⁴.

Между 1572 и 1586 гг. ямские охотники с запустевших ямов были переведены на продолжавшие функционировать Ореховский и Волжинский ямы²¹⁵. В 1586 г. Ореховская дорога была обустроена, ямские станции укрупнены — если раньше на станциях сидело по два охотника и два «поддатчика», то в 1586 г. на каждую станцию поместили по 10 ямских охотников²¹⁶. В документах 1580-х гг. описана структура ямской станции. В эти годы станция включала в себя ямскую слободу — комплекс дворов ямских охотников, ямской пригонный двор — место, где помещались подошедшие подводы, и ямской двор — административное помещение. Но Ореховская дорога прослужила, по всей видимости, до начала русско-шведской войны 1591—1593 гг. По ее окончании, с отвоеванием Ивангорода, Яма и Копорья с уездами, главной становится Ивангородская дорога. В 1597 г.

²¹³ По всей видимости, день св. Мартина I, папы римского, празднуемый 13 апреля.

²¹⁴ *Рюссон Балтазар*. Ливонская хроника. [1584] // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 345.

²¹⁵ Книги ямские Новгородского уезда И. Г. Вельяминова да дьяка С. Собаки Васильева. 1586 // ОР РНБ. ОСПК. Q IV. 261. Л. 130.

²¹⁶ Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

Ореховская дорога была упразднена, а ямских охотников перевели с нее на Ладожскую дорогу, на вновь учрежденный Пчевский ям.²¹⁷ Одним из основных аргументов для упразднения Ореховской дороги была дальность и неудобность пути по ней и заметная выигрышность и удобство Ладожской дороги²¹⁸. Если с вновь учрежденного Пчевского яма можно было «гонять» к Новгороду и к Ладоге «водяным путем» практически по прямой, легко охватывать территорию в Обонежье радиусом 20—30 верст, а также достигать «горным путем» Орешка и Тихвина (по 70 верст от Ладожского яма), то с упраздненного Волжинского яма на Ореховской дороге подобных рейсов делать было нельзя, а расстояние от него до Новгорода равнялось 85 верстам²¹⁹. Вероятно, основной выигрыш использования Ладожской дороги состоял именно в возможности водного варианта пути, более дешевого, чем требовавшие постоянного ухода и осмотра прямые дороги через болота.

В изгонных книгах, обнаруженных и опубликованных И. А. Голубцовым, существует подробная роспись Ореховской дороги и действовавших на ней до 1597 г. ямах. Этот документ перечисляет пункты на Ореховской дороге в следующем порядке: Лусский ям, Гдицкий ям, Волжинский ям, Шапецкий ям, Назынский ям, Ореховский ям. Расстояние между этими ямами исчислялось в 25—30 верст²²⁰. При этом ко времени составления Изгонных книг Ореховская дорога и находившиеся на ней ямы уже не действовали, функционировал лишь водный путь из Новгорода в Орешек и Корелу через Ладогу и Ладожское озеро.²²¹

В XVII в., однако, Ореховская дорога восстанавливается. Уже в 1612 г. по ней, двумя переходами, от Новгорода до Волжинского яма и

²¹⁷ Две челобитные охотников Пчевского яма. 1603. декабрь // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908 (РИБ. Т. 22). Ст. 752—753.

²¹⁸ Ср.: «...тою дорогою в Орешек и из Орешка государевы воеводы и всякие посланники и гонцы не гоняют для великих грязей, а гоняют от Новгорода Волховом на Ладогу от Орешка, а из Орешка в Новгород гоняют на Ладогу же...» (Книги ямские Новгородского уезда И. Г. Вельяминова да дьяка С. Собаки Васильева... Л. 176).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ *Голубцов И. А.* Пути сообщения... С. 295.

²²¹ «Дорога к Ладоге и к Орешку и к Кореле рекою Волховом и берегом от Великого Новгорода, куда ныне гоняют по ямам порознь» (Там же. С. 296).

от того до Орешка, передвигаются шведские войска²²². В конце этого столетия путь по Ореховской дороге мимо Костовской заставы описывает И. Ф. Кильбургер²²³. Если Ивангородская дорога приходит в запустение на территории Московского государства и продолжает активно использоваться в шведской Ингерманландии, то Ореховская дорога, напротив, функционирует в России, а в Швеции забрасывается. По карте Бергенгейма²²⁴ этот участок ее трассы сложно установить. В качестве сухопутной дороги из Ниеншанца в Новгород старая Ореховская дорога шведами не использовалась, вместо нее Эрих Пальмквист в 1674 г. описывает прямую дорогу из Ниеншанца через Ижерский погост, выходящую к трассе прежней Ореховской дороги в районе Шапецкого яма²²⁵.

Дорога из Ладоги в Орешек

Дорога из Ладоги в Орешек являлась, по всей видимости, одной из важнейших магистральных дорог Новгородской земли в XVI — начале XVIII в. Она шла от центра г. Ладога вдоль течения небольших рек Ладожки и Кобоны мимо Федоровского Песоцкого погоста к д. Городище на Лавуе, близ которой в XVII в. был построен Лавуйский острог — пограничный пункт на русско-шведской границе. От реки Лавуи (Лавы) дорога шла к Егорьевскому Лопскому погосту, а от него — к Назыинскому яму на Ореховской дороге, где с ней соединялась.

Большинство сведений о дороге из Ладоги в Орешек относится к рубежу XVI—XVII вв., а также к началу XVIII в. Нам известен только один ям, расположенный на этой дороге — Ладожский. Дорога из

²²² Память Андрею Волнину и подьячему Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 35—37.

²²³ *Кильбургер И. Ф.* Краткое известие о русской торговле как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // 6-й сборник статей членов студенческого историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев, 1915. С. 194—195.

²²⁴ Карта бывших губерний Иваньгорода, Яма, Копорья и Ноэтеборга, составленная под присмотром Генерал-Маиора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1-м. СПб., 1827.

²²⁵ *Пальмквист Эрих.* Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1674 году / Пер., ред. Г. М. Коваленко. Новгород, 1993. С. 18.

Ладоги в Орешек изображена на карте Нотебургского уезда и Дудергофского погоста 1688 г., хранящейся в Государственном архиве Швеции²²⁶. В то время дорога шла примерно по трассе современного Мурманского шоссе, но близ русской границы раздваивалась — одна дорога вела к озеру (там — Lawoi hof), другая к Colosaribeck, т. е. к мосту через речку Сарью (ср. д. Колосарь в Теребудском погосте). К концу XVII в. отсутствовал и Назыинский ям, известный в XVI столетии.

Н. И. Репников в ходе своих исследований военно-исторических памятников Южного Приладожья зафиксировал народные предания, соотносимые с дорогой из Ладоги в Орешек. По его данным, в начале XX в. крестьяне, жившие близ бывшей русско-шведской границы, рассказывали о «Карыгановской» или «Киргановской» дороге, на которой, по преданию, была застава — стан разбойников²²⁷. Несомненно, в этих рассказах содержалось указание на дорогу, соединявшую Ладогу и Орешек. Ее народное название перекликается с названием деревни Курыханово (Курганцы, Куруханово), известной в Егорьевском Теребудском погосте с 1568 г.²²⁸ и когда-то лежавшей на дороге из Ладоги в Орешек. Этой дороге была посвящена отдельная статья В. П. Петренко²²⁹. Им была проведена локализация дороги, по данным Генерального межевания 1790-х гг.²³⁰ Интересно, что на карте, составленной в. П. Петренко, отмечены как раз те пункты на дороге, которые не назвал в своем описании дороги из Нотебурга в Ладогу Эрих Пальмквист: Ахматова Гора, Кисельня, Пески, Чаплино, Васильково²³¹. Это связано с тем, что в своей работе В. П. Петренко опирался не только на документальные свидетельства, но и на собственные полевые изыскания (фольклорные, археологические данные)²³², материалы которых ныне утеряны.

²²⁶ Geografisk Charta öfver Nöteborgs län Ingermanland Undantagauides Duderhof pogost. 1688 // RA. Lantmäteristyrelsen Leveranser. Nr. 307.

²²⁷ *Репников Н. И.* Памятники военной старины в низовьях Волхова // Записки разряда военной археологии Русского военно-исторического общества. Т. 3. Пг., 1914. С. 6, прим. 2.

²²⁸ Писцовая книга Водской пятины И. В. Булгакова и подьячего П. Шепелева. 1568 // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 7. Л. 451 об.

²²⁹ *Петренко В. П.* Городище на реке Лаве // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 71—75.

²³⁰ По какой-то причине автор статьи не сделал сноски на номер архивного дела.

²³¹ Там же. С. 74.

²³² Любезно сообщено мне В. Ф. Игнатенко.

В источниках конца XVI²³³ и начала XVII в.²³⁴ зафиксирована точная длина дороги — 70 верст. Описание, данное этой дороге шведским разведчиком Эрихом Пальмквистом, было нелицеприятным: «Когда-то, а именно во времена графа Якова Делагарди, эта дорога очень хорошо была обстроена мостами и т. п., но теперь же пришла в совершенную негодность и почти непроходима, особенно летом из-за густых зеленых зарослей и болотистой топкой почвы»²³⁵. Неясно, какими источниками начала XVII в. пользовался Пальмквист. В документах середины — второй половины XVII в. дорога из Ладоги в Орешек не упоминается. Однако существование Лавуйской заставы, расположенной близ пересечения этой дорогой русско-шведской границы, косвенно указывает на использование этого пути в XVII в.

Псковская дорога

Дорога из Новгорода в Псков была, по всей видимости, одной из наиболее древних. «Путь из Новгорода горою и водою» упоминается в договорной грамоте Пскова с Дерптом 1474 г.²³⁶ Тремя годами ранее, примерно по трассе дороги, мимо «Мусцы и Сольцы» (т. е. Мусецкого погоста и Солецкой слободы на Шелони) шли новгородская и московская рать к Шелонской битве²³⁷. В 1477 г. по ней ехал в Новгород сложивший с себя крестное целование Пскову князь Ярослав²³⁸. Эта же дорога известна по статейному списку 1493 г.: «А как поедет тот посол из Новагорода, и вы бы велели давати Елке по ямом по семи подвод, да ему по две подводы до псковского рубежа... А где будет им

²³³ Выпись из Новгородских изгонных книг // Голубцов И. А. Пути сообщения... С. 294–300.

²³⁴ Выписка по делу и приговор. 1603. 20.12...

²³⁵ Пальмквист Эрих. Некоторые заметки о России... С. 16.

²³⁶ Михайлов А. В. К изучению волока в междуречье Черехи и Узы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995. Псков, 1996. С. 69–73.

²³⁷ Псковская 3-я летопись. Строевский список // ПЛ. Т. 2. М., 1955. С.182

²³⁸ «И по сем, едя до робежа, на Прошеникоу две ночи стоял, а на Мелетове три ночи, а все то волости псковская, троучи на 40 верст 5 ночеи, а весь Псков всего того не рядя, такы слали на всяк стан, емоу корм из града и мед и вологоу и всю приправу с честию; и он злосердыи всего того добра не рядя псковского, да с последнего стану с Мелетова поехал» (Псковская 3-я летопись. Строевский список... С. 208).

надобно судно и гребцы, да и корм» (это, кстати, одно из первых упоминаний о существовании налаженных ямских станций)²³⁹. Первое подробное описание Псковской дороги было составлено бароном Сигизмундом Герберштейном²⁴⁰. При этом ямские станции на ней упоминаются достаточно поздно, лишь к концу XVI столетия. Псковская дорога начиналась в Новгороде, в Алексеевской ямской слободе (с церковью Алексея, человека Божия)²⁴¹. Ближняя к Новгороду часть Псковской дороги проходила через болотистые места. Еще в середине XIX в. наблюдатель писал: «За нынешнею Софийскою стороною в 4 верстах от города начинается дремучий болотистый лес, который по Псковской дороге идет на 35 верст, оканчиваясь за 4 версты до д. Менюши»²⁴². В «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым, упомянуты следующие ямы на Псковской дороге: Веряжский, в 20 верстах от Новгорода, Пшасский — еще в 30 верстах, дальше в 20 верстах — Раицкий ям, еще в 20 — Сухловский, далее в 15 верстах — Дубровенский, от него в 20 верстах — Загорье, откуда оставалось 30 верст до Пскова²⁴³.

С конца XVI в. практиковался и путь из Пскова в Москву мимо Новгорода, к Юрьеву монастырю на Городище, «а через озеро прямо на Бронничу»²⁴⁴, т. е. на Большую Московскую дорогу. В годы Смуты Псковская дорога — важная магистраль на новгородско-псковском фронте²⁴⁵. Особенно важен был расположенный на дороге Веряжский ям, где находилась развилка — на восток дорога шла к Старой Руссе, на

²³⁹ Статейный список сношений великого князя Иоанна Васильевича с князем Мазовецким Конрадом. 1493 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 106. С. 375.

²⁴⁰ Впрочем, Герберштейн проезжал в Новгород из Великих Лук и на Псковскую дорогу выехал только в Опоках (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. М., 1988. С. 236).

²⁴¹ Перепись охотников Алексеевской слободы, их семей и имущества. 1602. 30.05 // Дела Тайного приказа. Т. 2. СПб., 1908. (РИБ. Т. 22). Ст. 456–492.

²⁴² Н-в. Трое суток в Новгороде. СПб., 1842. С. 85.

²⁴³ Голубцов И. А. Пути сообщения... 297.

²⁴⁴ Лихачев Н. П. Дело о приезде Антония Поссевина // ЛЗАК. Т. 11. 1903. С. 64.

²⁴⁵ Память Андрею Волнину и подьячому Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 35–37.

запад — ко Пскову. Зимой 1611—1612 гг. Веряжский стан стал местом зимовки одного из шведских отрядов. В конце декабря 1611 г. к этому отряду прибыл русский воевода Тимофей Викулич Тыртов. По прибытии он сразу же разослал в окрестные погосты кормовых сборщиков за продовольствием²⁴⁶. Около 25 декабря 1611 г. он писал в Новгород дворцовому дьяку Пятому Григорьеву о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25 декабря не присылали ему кормов, а собранный им самим корм отдан «немецким ратным людям» на неделю. Как и в других местах, попытка выдать шведским солдатам деньги вместо провианта встретила отказ. Проблемой для Тыртова было и общение со шведами: в своей следующей отписке в Дворцовый приказ Тыртов просил прислать ему толмача и весы²⁴⁷. Однако толмача ему до 10 января не прислали. В эти дни Тыртов писал в Новгород, что кормов на Веряжский стан привезено недостаточно, весь наличный корм он раздал немецким людям. Он вновь просил Дворец прислать толмача и «прямой» указ от Якова Деллагарди о том, сколько давать «немецким людям» ячменя. По словам Тыртова, те «тот корм емлют не по указу... А денгами по указу не емлют, дай де нам солод». В толмаче же «к кормовой раздаче» была прямая необходимость, «потому что Иван Боранов не ездил к кормовой раздаче, и оттого великая смута»²⁴⁸.

После Смуты Псковская дорога временно перестает использоваться. В 1624 г. псковские ямщики так вспоминали об этом времени: «Как де Новгород и Порхов и Иваньгород и Гдов взяли немецкие люди, и в то де время к Москве прямые дороги не было, а отпу-

²⁴⁶ Челобитная (отписка) дьяка Пятого Григорьева Тимофею Викуличу Тыртову о посылке новой росписи, по которой должны собираться корма или деньги за корм с погостов Новгородского и Старорусского уезда. 1611. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 13—15.

²⁴⁷ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормовые сборщики Иван Забелин и Василий Сытин до 25.12. не присылали ему кормов, а собранный им самим корм он отдал немецким ратным людям на неделю, денег вместо кормов немецкие люди не берут, с просьбой прислать ему толмача и весы. 1611, декабря после 25 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 10—11.

²⁴⁸ Челобитная (отписка) дьяку Пятому Григорьеву от Тимофея Тыртова о том, что кормов на Веряжский стан привезено недостаточно, весь наличный корм он раздал немецким людям с просьбой о толмаче и о прямом указе от Якова Деллагарди, сколько давать немецким людям ячменя. 1612, января после 10 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 57—59.

скали де подводы под нашими посланники и под гонцы изо Пскова до Торопца и до Москвы». В связи с этим ямщики просили сделать обязательным путь изо Пскова к Великим Лукам через Новгородско-Псковскую дорогу, в чем им было отказано. В 1624 г. правительство сделало всего одну промежуточную станцию на дороге из Пскова в Новгород — Загорский ям²⁴⁹.

Тихвинская дорога

Дорога из Новгорода к Успенскому Тихвинскому монастырю существовала по меньшей мере с XVI в. Самые ранние сведения о дороге «от Новгорода к Тифине» содержатся в «Выписи из Новгородских изгонных книг», опубликованной И. А. Голубцовым²⁵⁰. Надо полагать, что дорога возникла из старого пути в Обонежье, подобно Гдовской дороге, т. е. из системы небольших, второстепенных дорог, без регулярной ямской гоньбы, связывавшей отдельные погосты друг с другом. Возобновленная в начале XVII столетия Тихвинская дорога отворачивала от Ладужской в Пневском яме и далее шла к Пшегужскому яму. Ямские охотники с Пневского яма, ища более легкого пути, подвозили гонцов и прочих проезжающих Волховом до Грузина, и далее рекой Оскуей, а только последний участок пути шли «горней» дорогой²⁵¹. Далее, со Пшегжи, дорога шла на Креницкий погост и к Сяси²⁵². «Выпись из Новгородских изгонных книг» довольно скупо говорит о трассе Тихвинской дороги, упоминая на ней лишь Сухловский ям, лежавший на Ладужской дороге, от которого шел поворот на Тихвин, и Пшегужский ям, известный по множеству других источников. Таким образом, предлагаемая реконструкция трассы Тихвинской дороги весьма приблизительна. Ничего не известно о яме в самом Тихвине. В то же время, надо полагать, что современная дорога из г. Чудова в Тихвин в общих чертах совпадает с Тихвинской дорогой эпохи позднего Средневековья.

²⁴⁹ Царская грамота псковским воеводам Ахамашукову и Глебову об устройении ямов в Пскове и Загорье. 1624. 10.12 // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 158. С. 224—226.

²⁵⁰ Голубцов И. А. Пути сообщения... С. 296.

²⁵¹ Челобитная игумена Деревяницкого монастыря на охотников Пневского яма. 1604. 1.07 // СПБИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 128—129.

²⁵² Челобитная ямских охотников Пшегужского яма. 1604 // СПБИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 136, 133 (листы перепутаны).

Дорога между Тихвином и Ладогой

Движение между Тихвином и Ладогой осуществлялось по реке Сясь, затем, в районе Никольского погоста на Сяси, дорога поворачивала на запад и выходила по прямой на Васильевский погост на Волхове, напротив ладожского «каменного города», где существовал перевоз через Волхов. Ближняя к Тихвину половина этой дороги была в июне 1616 г. подробно описана Семеном Дуниловым (Приложение 1 к настоящей главе). Но была и другая, «прямая» дорога из Тихвина к Ладого, через Зеленецкий монастырь к митрополичьей Спасской Заболотской волости, далее Волховом вниз до Ладожского порога и оттуда к Ладого. Именно этой дорогой шли в июне 1616 г. стрельцы, посланные в лазутчики к Ладого²⁵³.

Дорога между Тихвином и Москвой

Сообщение между Москвой и Тихвином осуществлялось двумя путями. От Московской дороги был поворот на реку Мсту в районе Боровичей. Оттуда шла дорога к Мологе, на Устрецкие дворцовые волости и далее на Колбязский погост. Сведений об этой дороге немного; однако именно таким образом передвигались к Тихвину в 1613 г. войска кн. С. В. Прозоровского и Л. С. Плещеева. Дорога использовалась и после окончания Смуты: когда в 1624 г. сгорел губной стан в выставке Сенне Колбязского погоста, новгородский воевода кн. Д. И. Мезецкий указал: «Преж де сего в Колбецком погосте в деревне в Горе губной стан не бывал; а бывал де преж сего губной стан в их же Колбязском погосте в выставке на Сенне, тут де и место жило, крестьянских дворов с пятнадцать да три двора помещицких, а стало де то место близко большия Московские дороги и из иных из многих городов»²⁵⁴.

²⁵³ Расспросные речи тихвинских стрельцов-лазутчиков, вернувшихся изпод Ладогои в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 18.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 270–273.

²⁵⁴ Воеводская грамота Обонежской пятины Нагорной половины губному старосте Палицыну о построении губного стана на Сенне, где он прежде находился. 1624, июля // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 154. С. 220–221.

Другая дорога вела от Тихвина на восток, на Устюжну Железнопольскую. Сообщение тихвинских воевод, а с лета 1616 г. — послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами с Москвой шло преимущественно по этой дороге, а не через опасную Бежецкую пятину. Ямские станции на этой дороге между Тихвином и Устюжной упоминаются еще в самом начале Смуты²⁵⁵.

Московская дорога

Большая дорога из Новгорода в Москву шла через Бронницкий ям. Ее активное функционирование относится, видимо, уже к первой половине XVI в., именно на ней был неподалеку от яма в Едрове пойман мятежный кн. Андрей Иванович Старицкий²⁵⁶. В годы Смуты по Московской дороге постоянно шло передвижение войск, на ней ставятся укрепленные Бронницкий, Винский и Коломенский острожки. На ближних подступах к Новгороду московская дорога проходила мимо Хутынского монастыря²⁵⁷. Осенью 1616 г. по Московской дороге были разсланы отряды новгородских детей боярских и новокрещенов для поимки языков — в Новгороде не хватало информации о действиях московской стороны²⁵⁸. Это последнее известие об участии новгородцев в совместных со шведской администрацией военных акциях.

После Смуты Московская дорога не была ни зоной безопасности, ни надежной коммуникацией. Мосты были разрушены и восстанавливались постепенно. Такой наказ был в 1620 г. дан подьячому А. Муранову, посланному организовать восстановление мостов на Московской дороге: «На Большой де на Московской дороге, на Нише реке скота и перевозу нет, а государевым де гонным лошадем от тово ставитца нужда великая, в осень, и в весне лошадей пловят... А зделати тот плот в пазы на иглах из вотцати бревен да ему... веле-

²⁵⁵ Списки с подорожных, выданные из Москвы и других городов // Смутное время Московского государства. Вып. 2. Акты времени царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). / Пред. А. М. Гневушева. С. 60–64.

²⁵⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 220–224.

²⁵⁷ Прозоровский Д. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887. С. 44.

²⁵⁸ Расспросные речи дьячка Никольского монастыря с Островка Ульянка Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 25.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 384–387.

ти на той реке на Нише для въезду с обеих сторон от берегов зделати мосты, как бы мочно на лошадах с телегами на тот плот въезжати, и велети укрепить накрепко»²⁵⁹.

Дубецкая дорога

Дубецкая дорога — одна из самых старинных на востоке Новгородской земли. Ее локализация на местности проведена в работе А. А. Фролова²⁶⁰. По мнению ученого, дорога, известная по дозорной книге Деревской пятины 1572 г., существовала уже во второй половине XV в. Именно по ней к Новгороду шел в ноябре 1475 г. Иван III. В рассматриваемый период Дубецкая дорога вела, вероятно, далее не к Москве, а на восток. Так, в мае 1612 г. по ней были посланы дети боярские Семен Корсаков и Друган Масленицкий с подьячим Третьяком Посадниковым до «Белозерского рубежа» для выбора лучшего пути, по которому к Новгороду проследовали бы послы из Ярославля²⁶¹. Корсакову, Масленицкому и Посадникову было предписано собирать корма и доставлять на станы Дубецкой дороги. «А на котором стану какова корму будет, и... о том отписать к посольским приставам, а что кормов останетца, и те кормы отдавати назад волостным людем, а лишних кормов не збирати»²⁶². В июне 1612 г. для сбора кормов для проходящих на восток «немецких ратных людей» на стан Теребышево Дубецкой дороги в Крестецкий, Листовский, Тухольский и Холовский погосты Деревской пятины был послан сын боярский Иван Базлов²⁶³. Это последнее по времени известное упоминание данной дороги. После Смуты она, видимо, не восстанавливается.

²⁵⁹ Память подьячому Афанасию Муринову. 1620. 20.06 // СПбИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 27. Ямские дела. Л. 405–407.

²⁶⁰ Фролов А. А. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998. С. 80–82.

²⁶¹ Память Семену Корсакову, Другану Масленицкому и подьячому Тренке Посадникову ехать Дубецкой дорогой до Белозерского рубежа, расспрашивать, куда лучше ехать в Ярославль послу Степану Лазаревичу Татищеву и собирать корм на послов. 1612, мая 17 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 33–34.

²⁶² Там же.

²⁶³ Челобитная боярам и воеводам крестьян Холовского погоста Венской волости Спаса Хутыня монастыря о счете в кормах с окольными погостами и память по ней. 1612, июня // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 3–5.

Бельская дорога

Бельская дорога шла вдоль реки Мсты от Боровичей через погосты на р. Белой (Прокофьевский, Богородицкий и Никольский), далее на стан в Прилуках и к Бронницкому острогу. Дорога проходила по реке и поэтому использовалась в основном в зимнее время. Крестьяне Кострицкой волости в 1612 г. жаловались, что через их деревни проходят сразу четыре дороги — водная по реке Мсте и «горние дороги, Дубецкая и Билская и Тихвинская»²⁶⁴, из-за чего волость разорена. В 1612 г. новгородское правительство озаботилось обустройством Бельской дороги, начав сбор сил и средств для ее ремонта²⁶⁵. К этому времени относится сохранившаяся роспись станов Бельской дороги — первый от Новгорода стан на Прилуках, второй в Покровском Хубецком погосте, третий — в Коломне на Мсте²⁶⁶. В августе 1612 г. по Бельской дороге из Новгорода был направлен подьячий Михаил Кудрявцев для встречи возвращающегося из Ярославля посольства вяжицкого игумена Геннадия и кн. Ф. Т. Черного Оболенского вместе с посланным от ополчения в Новгород П. И. Секириным²⁶⁷.

Запустение пространства на периферии Новгородской земли

Непрекращающиеся боевые действия, ведшиеся на пространстве между Псковом и Новгородом, сделали район между устьем Шелони, Псковом и Порховом совершенно безлюдным. Новгородские

²⁶⁴ Челобитная боярам и воеводам крестьян Устрецкой меньшей Кострицкой волости о сбавлении с них денег на корм немецким людем. 1612 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 72.

²⁶⁵ Челобитная боярам и воеводам крестьян Холовского погоста Венской волости Спаса Хутыня монастыря о счете в кормах с окольными погостами и память по ней. 1612, июня // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 3–5.

²⁶⁶ Роспись дворян, посланных для кормов. Без начала и окончания // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 41.

²⁶⁷ Грамота бояр и воевод подьячому Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.

сборщики хлебных запасов сын боярский Ф. А. Одинцов и подьячий М. Константинов, не рискнув в начале мая 1615 г. ехать в приписанные к дворцовым селам Свинорецкий, Струпинский и Любынский погосты, послали туда для поиска крестьян Томилка Негодяева, жителя дворцового Коростынского села. «И тот Томилка Негодяев ис тех погостов пришед, в роспросе сказал Федору Офонасьевичу Одинцову да подьячему Михайле Костянтинову Коростынского погоста перед священником перед Гаврилою Костянтиновым да перед волостными людьми... что в тех погостех был, а жилцов никакова человека не сыскал, и хлеба де в тех погостех ни ржи, ни ярового не сыскано. Да он же де, Томилко, едучи в те погосты, ведел детей боярских ис Порхова в деревне во Князем Дворе Ивана Овцына с немецкими людьми на заставе и память де у него прочитали и ему де сказывали что в тех погостех жилцов нет. Да он же де, Томилко, видел в деревне Соснице в Струпинском погосте Медвецкого погоста крестьянина Пименка Офремова, лежит болен один, его Пименка спрашивал: где старосты и крестьяне тех погостов. И он де Пименко ему сказал: старосты де тех погостов и крестьяне и иные сошли безвестно, а иные померли, а хлеб де у них, тех погостов у крестьян, ни у кого никакой не сеян, а ходят де в тех погостах воровские люди шиши безпрестанно»²⁶⁸.

В условиях непрерывных военных действий появились целые погосты, полностью лишенные какого бы то ни было населения. В августе 1615 г. во всей южной части Зарусской половины Шелонской пятины никто не жил. Такую картину представляют дозорные книги: «В Шелонской ж пятине в Заруской половине погост Струпинской, погост Любынской, погост Доворотцкой, погост Шкнятинской, погост Дретенской, погост Илеменской, погост Смолинской, погост Бельской, погост Высотцкой, погост Ясенской, погост Жедрицкой, и те погосты по дозору все пусты, крестьян и бобылей нет, и пашня непахана, лежит перелогом. Погост Павской, погост Опотцкой, погост Буреской, погост Облутцкой да Старорусские погосты: погост Петровской, погост Воскресенской, погост Чертецкой, и те все погосты не дозираны за шиши, потому что те погосты от Порхова удале-

²⁶⁸ Расспрос крестьянина Томила Негодяева, посланного Ф. А. Одинцовым в Медведский, Свинорецкий, Струпинский и Любынский погосты для сыску крестьян. 1615. 4.05 // Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 108.

ли, а шиши в тех погостах жили не выходя...»²⁶⁹. Среди таких пустых пространств бродили отдельные дозорщики, посланные за кормами, или обнищавшие дворяне, разыскивающие себе пропитание.

К июлю 1615 г. недоступными для новгородских властей стали южные погосты Старорусского уезда — Троицкая и Борисоглебская трети Офремовского погоста²⁷⁰, Должинский и Лосский погосты, Замошский стан Дретенского погоста, где в тот момент власти, вероятно, не было вовсе: там ходили «воровские люди шиши»²⁷¹.

В 1616 г. в Которском погосте шведским разъездом было задержано девять новгородских детей боярских. Картина, которую они нарисовали во время допроса, была более чем характерна. Дезертировав из Новгорода, они попытались перезимовать во Пскове. Но на Пасху 1616 г. воевода И. Н. Салтыков отпустил их кормиться «где хотят». Первоначально они пошли в д. Скреблово, затем к «Богослову», т. е. к Черемнецкому монастырю, там сошлись с шишами, посланными воевать в Новгородский уезд. Оттуда дети боярские отошли к Которску, где и были захвачены шведами²⁷².

Очень похоже выглядели пространства Обонежской пятины. Практически все деревни на правом берегу Волхова были пусты. В то же время для шведских гарнизонов, равно как и для новгородцев и для тех, кто служил в Тихвине на стороне Москвы, эти земли представляли большой интерес как пахотные угодья и сенные покосы.

В июле — августе 1615 г. Петр Ногин собирал корма для шведских войск в округе Водосского острожка. 25 июля он получил из Новгорода предписание взять у капитана в остроге «немецких людей и татар» и с ними идти в Обонежскую пятину в поместья Горчака Ханькова (д. Матушкино) и Тимофея Качалова (д. Крутая Гора и др.). Эти два сына боярских к тому времени уже были на московской стороне

²⁶⁹ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 53.

²⁷⁰ В Никольской трети этого погоста дозорщик Гаврило Карцов просто не обнаружил сеяного хлеба.

²⁷¹ Сметные и переписные книги ржи, засеянной на участках убитых и безвестно сошедших крестьян Старорусского уезда дозорщика Гаврила Карцова. 1615, июля до 23 // RA, NOA. Serie 1:109. С. 491—569.

²⁷² Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове. 1616. 30.09 // RA, NOA. Serie 2:39. Л. 4.

и служили в Тихвине. Уже 28 июля П. А. Ногин послал в эти деревни детей боярских Никиту Вельяшева и Богдана Тыркова, но те побоялись ехать без шведской охраны. Солдаты же не поехали с ними, так как им не хватило судов для переправы через Волхов. 4 августа Ногин послал туда же Ивана Бестужева уже и с татарами и с немецкими людьми. Отряд сборщиков столкнулся на следующий день, 5 августа под д. Матушкино с Горчаком Ханыковым, стоявшим в своем усадище с казаками. Одновременно в митрополичьих деревнях Обонежской пятины Богдану Тыркову удалось намолотить некоторое количество хлеба, у Никиты же Вельяшева крестьяне-молотильщики разбежались. После этого П. А. Ногин послал Никиту Вельяшева с татаринном Михаилом Юрьевым в Солецкий погост ловить разбежавшихся молотильщиков, чтобы заставить их домолачивать оставшееся в деревнях Обонежской пятины. Сам же П. А. Ногин с Василием Ушаковым поехал в Ильинский Тигодский погост разыскивать, что случилось с хозяйством и хлебом Ивана Секирина. В Ильинском погосте они пробыли 2 дня, с 7 по 9 августа. Там в д. Тухани («Духанино») они застали казаков, которые, по словам окрестных крестьян, собирались идти к Тихвину, а переезжать Волхов в Сольцах. Об этом П. А. Ногин тотчас послал весть в Водосский острожек с татаринном Иваном Исуповым. Вскоре после этого, 11 августа П. А. Ногин и Василий Ушаков вернулись в Водосский острожек²⁷³.

2 декабря 1615 г. посланный из Тихвина в Посольский приказ пскович Петр Ногин, к тому времени уже перешедший на московскую сторону, привез перехваченное под Ладогой письмо Якова Делагарди к немецким хлебным сборщикам Йорану Бриму и Петеру Бримсу, собиравшим провиант и фураж в разоренной округе Ладого, с просьбой прислать на стан в Коломно (видимо, Коломенский погост на Волхове) по первому санному пути 1000 четвертей ржи, сосредоточенных в Селевнинском острожке (единственное встреченное мной упоминание о таком острожке). В этот период, вероятно, процесс кормового сбора уже полностью сосредоточился в руках шведской администрации²⁷⁴.

²⁷³ Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка. 1615, сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

²⁷⁴ Перевод с листа, посланного Яковом Делагарди в Ладожский уезд приказному Петру Бримсу. 1615. 17.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 351.

Обезлюдившие земли становились, разумеется, местом, где совершались разного рода злоупотребления. Местные воеводы и другие начальные люди активно пользовались ослаблением центрального контроля и разворачивали торговые операции. По словам бежечнина Л. С. Плещеева, обвинения его в воровстве новоторжским воеводой кн. М. В. Белосельским были связаны с тем, что после разгрома Плещеевым «немцев» в Удомле воевода Белосельский не смог с ними «ссылаться» и торговать, после чего затаил на него обиду²⁷⁵. Вполне возможно, что в данном случае Плещеев не грешил против истины. Во всяком случае о такой несанкционированной торговле между крестьянами Старорусского уезда и псковичами известно из источников начала 1613 г.²⁷⁶

Географические представления новгородцев

Представления людей XVII в. об окружающем их пространстве, несомненно, сильно отличались от современных. Взгляд на пространство с птичьего полета, характерный для общества индустриальной и постиндустриальной эпохи, для которого географическая карта — неременный бытовой атрибут, в ту эпоху только начинал формироваться. Именно к XVI—XVII вв. относятся первые чертежи и карты Восточной Европы. Кое-что знали о них и новгородцы, жившие в эпоху Смуты, к примеру — Никита Тырков, привезший 2 октября 1616 г. в Москву «чертеж новгородским, и ладожским, и ореховским, и копорским, и ямским, и ивангородским погостем»²⁷⁷. Впрочем, ни один подлинный такой чертеж ныне не известен.

²⁷⁵ Расспросные речи Л. С. Плещеева. 1623, не ранее 5 августа // Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 231—234.

²⁷⁶ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами 13.01.1613 — янв. 1615 // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1—70.

²⁷⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о привозе к ним чертежа Ямского, Копорского и Ореховского уездов Никитой Тырковым. 1616. 2.10 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 174.

Новгородские служилые люди имели довольно четкое представление об административном делении. В феврале 1612 г. Яков Деллагарди упрекнул кн. Ивана Большого Одоевского в том, что русские воеводы Ладogi «водят за нос» полковника Рекинберга, который не знает, какая пятина Водская, а какая Обонежская, и толкают его на сбор кормов с тех территорий, откуда фураж и продовольствие должны поступать в полки, осаждающие Орешек. Воеводы Шея Секирин и Василий Бутурлин отвечали на эти обвинения Деллагарди письмом: «И мы, Яков Гер Пунтосович, того ничево воеводе Анц Рекберю не говаривали и ево на то не учим, учен воевода Анц Рекбер преж нас, да и знает, а кормы имали с одной Обониской пятины, а с Воцкой пятины кормов не имывали, опрично Порогу Михайловского погоста дворцового села, как из Великого Новагорода грамота пришла. И ты, Яков Гер Пунтосови, вели наше воровство сыскати, а здесь воевода Анць Рекбер сказывал, что я к Якову Гер Пунтосовичю не писывал»²⁷⁸.

Многое о географических представлениях новгородцев начала XVII в. дает анализ их допросов, проводившихся с разными целями послами и судьями Посольского приказа. Практика выяснения у новгородцев, служивших Московской стороне, о дорогах, местах, удобных для строительства укреплений, расстояниях между географическими пунктами и т. п. была вполне естественной для воюющей и/или ведущей переговоры стороны. Летом 1616 г. были предприняты действительно серьезные усилия для того, чтобы выбрать подходящее место для будущих переговоров между Тихвином и Ладогой. Прибыв в Тихвин, послы кн. Д. И. Мезецкий с товарищами первоначально вызвали на службу отпущенного, видимо по старости, к себе в поместье Ивана Большого Герасимова сына Ушакова, бывшего ранее стрелецким головой, так как «сказали нам, холопом твоим, ноугородцы дворяне и дети боярские, что он знает меж Тифины и Ладogi места, где нам с свейскими послы съезжатца»²⁷⁹. Практически сразу

²⁷⁸ Челобитная Якову Деллагарди от ладожских воевод с просьбой избавить их от напрасных обвинений в дезинформации воеводы Ганса Рекинберга. 1612 февраля после 4 // РА, NOA. Serie 2:73. Л. 122–123.

²⁷⁹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о привлечении ими на службу находящегося не у дел новгородца Ивана Герасимова Ушакова. 1616, июня после 13 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 154.

после этого была предпринята целая экспедиция во главе с головой ярославцем Семеном Дуниловым для определения перспективных мест для переговоров. 18 июня Дунилов привез в Тихвин «роспись и чертеж местом, росписав против росписи, сколько до которова места верст»²⁸⁰. На основании росписи послы сделали вывод: нельзя идти на поводу у шведов, которые хотят съезжаться в 10–15 верстах от Ладogi, в Рождественском погосте на Сяси, так как это место чрезвычайно далеко от Тихвина, в 60 верстах, «грязно и болота и мхи непроходимые, а рекою пороги великие». Послы же были предупреждены служившим в Ладогe сыном боярским Агишем Уваровым о возможных провокациях шведов.

Роспись Дунилова (помещена в приложении к настоящей главе) примечательна. Она насчитывает три возможных места для посольского съезда между Тихвином и Ладогой, подробно описывает, где, в каком случае стоять острогу для московских послов, где должна быть ставка посредника Джона Мерика и где — шведский стан. Подробно рассматривается и военно-стратегическое значение каждого из мест, насколько возможно строительство острога, насколько такой острог будет безопасен в случае внезапного нападения неприятеля, и в какой степени местность обеспечена фуражом и водой. Именно в этой росписи, подробно фиксирующей половину дороги от Тихвина к Ладогe, впервые как возможное место переговоров была названа д. Столбово. Чертеж, о котором говорится в отписке кн. Д. И. Мезецкого в Посольский приказ, вероятно, не сохранился.

Посольский приказ требовал от новгородцев показаний о географии и топографии Новгородской земли не только для разведки местности, но и для более глобальных геополитических задач того времени. В делопроизводстве приказа начала XVII в. отразились и представления новгородцев о расстояниях между городами и значении различных районов Новгородской земли. Здесь особую роль занимает Невское устье.

Невское устье в XVI столетии представляло собой достаточно динамично развивающийся район Новгородской земли. Важное зна-

²⁸⁰ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о поиске удобного места для будущего съезда. 1616, июня около 19 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 217–218.

чение этого места для военных и торговых путей внутрь Московского государства, особенно в годы после Ливонской войны, когда «нарвское мореплавание» было потеряно, сегодня хорошо изучено. На рубеже XVI—XVII вв. В районе Охтинского устья стояла государственная корабельная пристань, неподалеку находился гостинный двор, рядом, в поместье Богдана Хорошева, была выстроена церковь архангела Михаила.

Весной 1611 г. здесь разворачиваются масштабные инженерные работы под руководством Линдведа Класона, в задачи которого входит принуждение Орешка к сдаче. Именно эти работы и дали начало городу Ниену, стоявшему до 1703 г., пока он не был взят войском Петра. Уже в 1611 г. здесь была устроена таможня, где до 1618 г. велось делопроизводство на русском языке. Однако новгородцам начала XVII в. дальнейшие судьбы этой территории были неведомы; кто знал в 1611, да и в 1615 гг., какая власть какого государства будет распространяться на устье Невы в ближайшие годы!?

В расспросных речах московских посланников и иных информаторов Посольского приказа в канун Столбовского мира Невское устье занимает важное место. Вернувшийся из Швеции Богдан Долматов-Карпов 18 августа 1616 г. рассказывал о своих впечатлениях, полученных в Невском устье: «На пристанище в острожку нам дали судно большое полукорабельное покрытое, да в провожанье гребцов дватцет человек. И я, холоп твой, на Невском устье стоял неделю за ветром, и как учал по нас бьет ветер, и мы ехали две ночи да день болшим морем, и стал опять ветер сильной и волна велика и мы стояли на море на якорях другую неделю»²⁸¹. Месяцем ранее строитель Ладожского Ивановского монастыря Варсонофий сообщал в Тихвин о том, что «на Невском устье стоит буса болшая с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцать пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»²⁸².

²⁸¹ Список дворянина Богдана Карпова как он ездил в Швецию к голландскому посланнику с письмом от государя. 1616. 18.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 485—494, 498, 504.

²⁸² Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134—136.

Однако для новгородцев того времени Невское устье было не просто важным местом, активно развивающейся частью Новгородской земли. Они видели здесь своего рода перспективу для развития.

В ночь на 23 января 1616 г. из шведского посольского стана в московский выехали три новгородца: дворяне Яков Михайлович Боборыкин, Угрим Иванович Луландин и старорусский подьячий Федор Витовтов. Прежние их (в особенности Боборыкина) услуги московской стороне, а также высокая информированность о действительном состоянии занятой шведами территории стали причиной высокого внимания Посольского приказа к их личностям. Доставленные в Москву, новгородцы подверглись тщательному расспросу.

Надо сказать, что информация Посольского приказа того времени о пространстве, которое занимали шведы на Северо-Западе, в том числе о городах и уездах, которые стоило отобрать у шведов, была достаточно скудной и ограничивалась в лучшем случае перечнем. В Посольском приказе всерьез раздумывали, требовать ли у шведов на московскую сторону, скажем, город Толшебор (Тольсбург) без четкого представления о его местоположении. Н. П. Лыжин упоминал эпизод Дедеринских переговоров: когда зашел спор о Лифляндии, московские посланные стали утверждать, что Лифляндия — отчина московских государей от Георгия Владимировича, который построил город Юрьев «своим именем». Шведские же послы спросили государевых, «видели ли они каков Юрьев Ливонский делом»?²⁸³ Здесь новгородцы оказались информаторами очень важными, не только рассказавшими, где какой город находится, но и оценившими фискальный (здесь, несомненно, пригодился опыт подьячего Витовтова) и геополитический потенциал каждого из новгородских пригородов.

Так, к примеру, они рассуждали об Орешке: «Орешек государю прибылен, уездом велик и пошел уездом блиско к Новгороду, толко за семдесят верст от Новагорода. И Ладожское озеро и Нева река и Заневские погосты — все то к Орешку. И толко Орешка поступятца, и Новгородского уезда Заонежские погосты и Олонец будут за хрептом, и Ладожское озеро и Нева река отойдет»²⁸⁴.

²⁸³ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 48.

²⁸⁴ Здесь и далее приведены цитаты из: Расспросные речи Якова Боборыкина и Федора Витовтова в Посольском приказе о расстояниях в Новгородской

А так они судили о Копорье, Яме и Ивангороде: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новугороду Копорской уезд близко помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые села от Новагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским уездом. А помещиковы земли от Копорья приписаны к Новугороду и называют Новгородским уездом, и ведали к Новугороду, а х Копорье помещиковых земель не ведают. И доходом Копорья Орешка болши, токмо Орешек город крепче и Новугороду замок в государеву сторону лутчи. А Яма город и Ямской уезд подошел к Иваню городу, а уезд невелик, всево пять погостов, а доходом Копорья гораздо был менши, а Ивангородского уезда доходом был болши. А Ивангород крепок городом, и что было доходов с посаду и тамги, тово не ведает, а уездом невелик, и в большом мести от города уезд на 15 верст, и доход с уезда был невелик, менши всех городов».

Однако и в этом случае Боборыкин не ограничивается описанием, но приводит чрезвычайно ценное наблюдение: «А толко вместо Иванягорода учинити судовая пристань на Невском устье, и в Ъванегороде прибыли не будет, а Невское устье в Ореховском уезде».

Иными словами, налицо анализ новгородским дворянином геополитической ситуации в Новгородской земле. Явная неудача Ивана III с выбором места для строительства Ивангорода — возможного торгового соперника Нарвы, могла, по мысли новгородца, быть компенсирована возведением торговой фактории в Невском устье. Обращает на себя внимание то, что Боборыкин, несмотря на свою особую роль в истории последних двух лет существования шведской администрации в Новгороде, все же не принадлежал к лицам, принимавшим в Новгороде сколько-нибудь ответственные решения. В этом сообщении новгородца мы сталкиваемся с общими представлениями новгородского дворянства о перспективах развития урбанизма на Северо-Западе, как выяснилось через столетие—полтора, достаточно точными.

Сумерский погост и Старорусский уезд в Посольском приказе описывал старорусский подьячий Григорий Сулешев, также перешедший в Дедерине на московскую сторону.

земле. 1616, февраля между 10 и 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 181, 183, 182, 184 (листы перепутаны).

«Про Сумерской погост сказал старо[русской] подьячий Григорей Сулешев. Сумерский погост Старорусково уезда, а подо[шел блиск] ко Иванягорода и Ямы. От Иванягорода Сумерского погоста Старопольская село Корино 30 верст, а от Ямы ближние деревни Сумерские [волости] деревня Муравейна 15 верст. А всего было Сумерского погоста по дозору Олексея Безобразова да подьячих Воина Трескина да Ивана Болотникова 115-го году в живущем 225 вытей, а впусе было и вдвое, а стоило живущих. А доход был великой хлебной и денежной з живущего и с пуста, а сколко каких доходов было, того не упомнит, в Староруском в уезде давали пустые пашни ис семян ис шестого снопа, а в Сумерском погосте ис третьево снопа и из другого. А от Новагорода Сумерская волость ближняя деревни 160 верст, а от Старые Русы ближние деревни 160 же верст». Надо полагать, что Сулешев не пользовался никакими записями; таким образом, его наблюдение — свидетельство высокой профессиональной памяти бюрократа.

На основании данных расспросных речей была составлена роспись расстояний между Новгородом, его пригородами и отдельными территориями, отправленная к послам в Дедерине (впрочем, там им эта роспись уже не пригодилась, но, возможно, была востребована на переговорах, предшествовавших Столбовскому миру. Приведу ее здесь полностью.

«Подад Яков Боборыкин с товарищи. Ис таковой росписи слово в слово послано к государевым послом с пошехонцом с Яковом Павловым.

От Новагорода до Ладоги 150 верст.

А до Орешка от Ладоги 70 верст.

А от Новагорода до Орешка 150 верст.

А Ореховской уезд от Новагорода 70 верст.

Заневские погосты за Невою рекою на Корельской стороны подошли к Орешку к посаду, уезд Ореховской.

Копорья от Новагорода 170 верст.

А уезд Копоровской по Вруде реке подошел к Тесовскому погосту от Новагорода верст с восьмдесят.

Яма город от Новагорода 170 верст.

А уезд Ямской с Копорским сшелся.

От Ямы до Иваня города 15 верст.

А уезд Ивангородской от Ивангорода верст на семь и на десять, а большая статья на 15 верст.

Старорусской уезд Сумерской погост и Старопольская волость подошла блиско Ивангорода и Ямы. Старопольской волости село Корина з деревнями от Ивана 30 верст. А Ложголовская сотня села [...] ближние от Ямы города по реке по Луге в 15 верст. А все то Сумерские волости»²⁸⁵.

Значение этой росписи и сведений, поданных в Посольский приказ, сам информатор, Яков Боборыкин, оценивал очень высоко. Когда после удаления от дел посольского думного дьяка Петра Третьякова Боборыкин бил челом о дополнительном пожаловании, он в своей большой челобитной упоминал о том, как подал в Москве географическую роспись новгородским пригородам²⁸⁶.

Уже в 1617 г., когда в Москве уточнялись положения, о которых Мезецкий с Деллагарди договорились в Столбове, вновь в качестве географических экспертов были привлечены новгородские дети боярские, находившиеся в столице (надо сказать, что Посольский приказ совершенно точно выявил тех служилых людей, чьи поместья в 1611 г. располагались именно в интересовавших правительство местах): «А про ижеру в которых она пятинах того же дни генваря в 21 день спрашиваны дворяне ноугородцы Воцкие пятины Иван Тырков, Иван Кузминской, Микита Супонев, в которой пятине Ижерский погост и в одной пятине ли или не в одной и города Ивангород и Яма, Копорья, Ладога, Гдов, Порхов, Старая Руса в которых пятинах?

(ответ): Ижерской погост в Вотцкой пятине в Ореховском уезде.

А Орешек и Яма и Копорья и Ладога в Воцкой же пятине.

А Ивангород, Гдов²⁸⁷, Порхов, Старая Руса в Шелонской пятине».²⁸⁸

²⁸⁵ Роспись расстояний между городами в Новгородской земле. 1616, февраля между 10 и 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 179–180.

²⁸⁶ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12. Л. 45.

²⁸⁷ Ошибка: Гдов располагался вне пятин, в пределах Псковской земли.

²⁸⁸ Посольство кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 14. 1617, январь — февраль // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 257.

Если новгородцы имели достаточно отчетливое представление о дорогах, городах и административных границах своей земли, то ни в Москве, ни среди казаков, действовавших на Северо-Западе в годы Смуты, не было ясной картины о расстояниях и направлениях в Новгородской земле. По мнению О. А. Курбатова, когда в 1613 г. кн. С. В. Прозоровскому было приказано идти с казаками ко Пскову, то в плане его было движение по линии: Устрека — Крестцы — Бронницы — Русса — Псков. Поход ко Пскову по данному маршруту не состоялся только потому, что шведы перекрыли Белую и соответственно не дали выйти к Крестцам²⁸⁹. Однако и сам план, если верно предположение Курбатова, кажется фантастичным. Прорываться с Бронниц к Руссе, имея чрезвычайно близко новгородский гарнизон, а далее выбивать шведов из Руссы и мимо занятого еще одним шведским гарнизоном Порхова идти на выручку Пскову было по меньшей мере наивно. Не исключено, что в Москве действительно не знали, как пройти к Пскову через Новгородскую землю (а не южнее, через Ржев и Торопец).

В середине февраля 1619 г. к Ладоге подошел отряд литовских людей с полковником Тимофеем Косименковым, который просил у ладожских воевод пропустить его мимо Ладоги к Новгороду, на что был получен твердый отказ. Выходец из полка Косименкова Воин Бедринский сообщил воеводам В. Ф. Неплюеву и В. И. Змееву о совершенно фантастических планах полковника: «...идти деи, государь, литовским людем мимо Ладоги Обонежскою пятиною горою на Васильевской монастырь, а прошод де, государь, Васильевской монастырь, идти им рекою Волховом к Великому Новугороду, а обшод де, государь, Великой Новгород, идти им на Старую Русу и проходит в Свею»²⁹⁰. Если такой вариант не удавался, «литовские люди» планировали, обойдя Ладогу, идти на Спасскую волость в Заболотье, а оттуда — опять-таки через Новгород к Старой Руссе. Зачем нужно было идти к шведским владениям из Заонежья через Ладогу, Новгород и Старую Руссу — совершенно неясно.

²⁸⁹ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 24.

²⁹⁰ Отписки ладожских воевод В. Ф. Неплюева и В. И. Змеева царю Михаилу Федоровичу о боевых действиях под Ладогой против литовских людей. 1619. 23.02–30.03 // СПбИИ. Кол. 153. Оп. 1. Д. 52.2.

* * *

Проблема политического подчинения той или иной территории в годы Смуты очень остро воспринималась служилым людом. Помещику было необходимо выбрать место, где бы его права на земельное владение были определены. Так, по челобитным помещиков, претендующим на земельные владения в разных районах, можно попытаться определить время подчинения Новгороду той или иной территории. Летом 1611 г. торопецкий помещик Лев Петров сын Скворцов²⁹¹ бил челом в Новгороде о поместье вдовы Анны, жены Григория Мисюрева сына Непейцына, находившемся в Торопецком присуде²⁹².

В развитии сельского пространства Смутного времени обращают на себя внимание следующие явления:

1. Концентрация платежеспособного крестьянского населения в дворцовых волостях, в первую очередь прилегавших к Новгороду, — Ракомо, Королево, Трясово, отчасти Тесово, на начальном этапе — Старорусские погосты.

2. Появление целых районов в Новгородской земле, где крестьянское население отсутствует, однако деревни почти полностью заселены помещиками. Прежде всего это район верховьев р. Рыденки, притока р. Тесовой, в Климентовском Тесовском погосте, все население которого к августу 1615 г. составляли помещики.

Дворцовые земли

Общеизвестно суждение о том, что для поместного обеспечения служилых людей, не имевших связей в Новгороде и оказавшихся там в результате событий Смутного времени, определялись дворцовые волости и села. Стоит отметить, что раздачи и конфискации таких поместий проводились в течение 1611–1617 гг. в одних и тех же районах

²⁹¹ В июне (м.б. конце мая) 1614 г. на верстанции в Торопце был записан как городской сын боярский с окладом в 400 четвертей, получавший с городом 13хрублей (Книга сыскная дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации)).

²⁹² Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 72.

Новгородской земли. Такими дворцовыми селами были села Заянье (Хоромно) и Боброво в Лядском погосте²⁹³, село Бор в Карачуницком погосте. Надо сказать, что села Заянье и Боброво с середины XVI в. регулярно поступали в поместную раздачу чуждым Новгороду лицам. Еще в 1571 г. владельцем его был дьяк Данило Микулин сын Бартенева, получивший его после дворцового дьяка Дятла Мошкова²⁹⁴. В 1610 г. сын боярский Второй Семенов сын Львов просил короля Сигизмунда вернуть ему данное еще при Годунове поместье в Лядском погосте (неясно, в Заянье или в Боброве), ранее принадлежавшее Богдану Бельскому²⁹⁵. В августе 1612 г. дворцовое село Боброво было пожаловано порховскому воеводе Ивану Крюкову, дьяку Ивану Тимофееву и кн. Никифору Мещерскому²⁹⁶. Ранее, в середине XVI столетия оно принадлежало дьяку Казарину Дубровскому.

Другой такой район испомещения новгородской администрации находился в Антоновском погосте на Волхове, в его восточной, «обонежской» части. 5 марта 1606 г. назначенный в Новгород дьяк Василий Оладьин получил здесь поместье прежнего дьяка Андрея Арцыбашева, кстати, новгородца по происхождению²⁹⁷.

В первые годы новгородско-шведского политического альянса дворцовые земли Старорусского уезда использовались как резервный фонд

²⁹³ Примечательно, что к 1678 г. село Заянье стало вотчиной боярина Ивана Богдановича Милославского (Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи стольника Степана Александровича Аничкова и подьячего Антипа Федорова. 1677/78 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8570. Л. 216).

²⁹⁴ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Ст. 548.

²⁹⁵ Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. Под Смоленском, 1610 // *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 111.

²⁹⁶ Отдел подьячим Якимом Вешняковым кн. Никифору Мещерскому, Ивану Крюкову и дьяку Ивану Тимофееву в Лятцком погосте Шелонской пятины дворцового села Боброва. 1612, авг. // RA, NOA. Serie 1:41. С. 513–526 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293).

²⁹⁷ Отдел подьячим Иваном Галактионовым поместья Андрея Арцыбашева дьяку Василию Аладьину в Антоновском погосте на Волхове Обонежской пятины. 1606. 5.03 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 351–353.

поместных земель для экстренных пожалований. Именно в Петровском погосте Старорусского уезда был испомещен дворцовый дьяк Пятой Григорьев. Важное земельное пожалование было совершено 26 декабря 1611 г. (на следующий день после подписания известного приговора об отправке посольства в Швецию). Поместья в Петровском погосте в этот день были пожалованы «Анце Брякилеву» (Гансу Бракилю), Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому. Первые двое очень скоро были посланы в Заонежские погосты со шведским военачальником Гансом Мунком, а последний был отправлен гонцом в Москву²⁹⁸.

Именно этот земельный фонд в первые годы Смуты также использовался для испомещений лиц, находившихся в Новгороде временно, к примеру дьяка Василия Янова²⁹⁹. В связи с этим упомянуты «старые писцовые книги», предшествующие письму Алексея Безобразова 1606/07 г.: «В Петровском погосте которые были деревни преж сего за Пятым за Киршиным, а после того были в поместьи ж за Васильем за Яновым по старым книгам Юрья Тимирева да Василья Зыбина»³⁰⁰. Отметим здесь же, что и Славятинский погост, пожалованный в 1611 г. боярину кн. Ивану Большому Одоевскому³⁰¹, также находился в Старорусском уезде.

Поместьем в дворцовом Струпинском погосте поочередно владели назначенный в королевском лагере под Смоленском ореховским

²⁹⁸ Отдел Федором Корповским поместий Анце Брякилеву, Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому в Воскресенском, Офремском и Петровском погостах Старорусского уезда. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 399–415 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293).

²⁹⁹ Новгородский дьяк в 1603–1604 гг. (?), на заключительном этапе Смуты эмигрировавший в Речь Посполитую. О его поместье в Старорусском уезде: роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1–1; Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятины. Без начала и окончания. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–410.

³⁰⁰ Отдел Федором Корповским поместий Анце Брякилеву, Богдану Лупандину и Богдану Дубровскому в Воскресенском, Офремском и Петровском погостах Старорусского уезда. 1611. 26.11 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 399–415 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293).

³⁰¹ Дело о пожаловании в поместье кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому Старорусского Славятинского погоста. 1611, сент. // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 160. С. 278–280.

воеводой Венедикт Тимашев, а после него Тимофей Тыртов (воевода Веряжского острога, утративший поместья в Ивангородском и Ямском уездах) и Федор Кожа Неклюдов, отъехавший из Пскова в Новгород, а также Иван Захарьев и Иван Воинов Барановы³⁰².

Село Бор Карачуницкого погоста в 1611–1612 г. было пожаловано гдовскому воеводе Парфению Елагину³⁰³, «а сам Парфений съехал во Псков, да туто после Парфенья отданы были в поместье Игнатью Харламову да князю Булату Мещерскому, и в нынешнем 122-м году тот Игнатий съехал во Псков». В апреле 1614 г. село было возвращено в Дворцовое ведомство³⁰⁴.

Такой же зоной были небольшие территории в Старорусских погостах, преимущественно, в лежащих к востоку от Старой Руссы Чертицком и Петровском, где в 1611/12 гг. получили поместья вязьмитин Иван Третьяков Якушкин, пскович Федор Неклюдов, Богдан Гостев сын Лупандин³⁰⁵, позднее второй воевода Старой Руссы Смирной Отрепьев. Эти помещики в 1613 г. били челом старорусской администрации о непомерно большом обежном окладе в их поместьях: «...били челом Иван Якушкин, Смирной Отрепьев, князь Федор Черной Оболенской, а сказали, что у них в поместье в Старорусском уезде в тягле десять обеж, а положено де у Ивана Якушкина на обжу по четырнадцать мужиков, а у Смирново и у князя Федора на обжу по двенадцати мужиков, и от тово де их крестьяне охудели, а во всех деи пятинах ныне по новому дозору кладено на обжу по дватцети по пяти мужиков и по тритцети и болше...»³⁰⁶.

³⁰² Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 26, 28.

³⁰³ Там же. Л. 27.

³⁰⁴ Грамота от бояр и воевод Александру Фомичу Тимашеву, Мосею Денисьевичу Еврееву и подьячему Семейке Шустову ехать в Порховский уезд в Карачуницкий погост, видимо для отписки на государя 7 вытей в дворцовых селах, бывших в поместье за Игнатием Харламовым, съехавшим во Псков. 1614 апреля после 10 // RA, NOA. Serie 2:62. Л. 63 об.

³⁰⁵ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины... Л. 26.

³⁰⁶ Челобитная Федора Витовтова, Андрея Шаховского о том, переписывать ли им заново поместья Ивана Якушкина, Смирново Отрепьева и кн. Федора Черного Оболенского. 1613 // RA, NOA. Serie 1:51. С. 81.

Власть всех правительств в тех районах, где не было укреплений — острожков и городов, была чисто номинальной, а тамошние жители были страдательным элементом по отношению к многочисленным воинским отрядам. Так, сын боярский Михаил Давыдов подал челобитную еще новгородскому правительству в конце 1611 г. В 1608/09 г. В его поместье приходил пан Красовский, его люди убили 15 человек, и сожгли «деревнишки» Давыдова. На Рождество 1609 г. приходил пан Костенецкий с внушительной силой — 4 тысячами литовских людей, которые четыре дня стояли в поместье М. Давыдова и убили его брата Максима. 18 августа 1610 г. еще один отряд литовских людей численностью 300 человек прошел на Липенский Котлован. 20 августа 1611 г. 150 казаков и черкас — вероятно, из войск В. И. Бутурлина, разбежавшихся из Новгорода, снова посетили поместье Давыдова. Позднее с тремя сотнями человек прошел воевода Бегичев, простоявший в его поместье неделю. На Крещение 1612 г. К нему в поместье пришло 100 казаков и черкас из войска, разгромленного Горном и Вышеславцевым. Причиной своего разорения Михаил Давыдов считал его окраинное положение, на границе Новгородского уезда с Новоторжским, Тверским и Осташковским³⁰⁷. Именно в Торжок, Тверь и Осташков после ухода войск Горна к Старой Руссе весной 1612 г. стали отъезжать новгородцы; вероятно, не в силу политических убеждений, а намереваясь получить хотя бы минимальную защиту от проходивших войск.

Среди районов Новгородской земли выделяется ее Северо-Запад — Водская пятина, вплоть до 1617 г. ни разу не занимавшаяся москвичами (не считая отдельных казацких рейдов под Ладогоу и Орешек). Именно дворяне Водской пятины наиболее стабильно служили новгородскому правительству (при этом в 1615 г. в присягнувшем царю Михаилу Романову Пскове находилось 89 детей боярских Водской пятины³⁰⁸).

³⁰⁷ Челобитная боярам и воеводам Бежецкой пятины Михалки Алексеева сына Давыдова о полном разорении его поместья с просьбой не брать кормов // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 192–193.

³⁰⁸ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 331.

В работах 2002 и 2006 гг. Е. И. Кобзарева утверждает, что Бежецкая пятина не входила в зону, подконтрольную новгородскому правительству 1611–1617 гг.³⁰⁹ Но именно в Бежецкой пятине располагался Черенский острожек, по поводу которого велись споры с ярославским ополчением в 1612 г. Контроль над этой частью Новгородской земли был утерян, видимо, только в 1613 г., после событий в Устреке, а последнее дозорное описание Устрецких дворцовых волостей было организовано новгородским правительством 25 марта 1613 г.³¹⁰, позже, чем роспись новгородского войска, рассматриваемая Е. И. Кобзаревой. Устреку не удалось бы удерживать без занятия Бежецкой пятины, в частности без гарнизона в Черенском острожке.

Вместе с тем роль Бежецкой пятины действительно особенная; не случайно в состав первого Ярославского посольства в Новгород входил и представитель Бежецкой пятины — И. Д. Нарбеков. Надо полагать, что после ухода из восточных районов войск Эверта Горна и Никиты Вышеславцева, там вскоре должны были появиться эмиссары ярославского ополчения. Думается, что в 1612–1613 гг. шла интенсивная борьба за эти земли, до осени 1613 г. имевшая переменный успех. Так было сказано в Росписи дворцовых сел 1614/15 г. об Устрецких волостях Бежецкой пятины: «а по 119 год по Яковлеву приказу Пунтусова, как пришел в Новгород, ведали те Устрецкие волости и всякие доходы збирали в четверти на Москве, а во 121 году посылал Яков Пунтусов в те волости дозорщиков, и после дозору с тех волостей окладных доходов в Новегороде не плачивали, а ныне те волости ведают московские люди...»³¹¹ Следует согласиться с мне-

³⁰⁹ Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации города (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивные и музейные исследования. М., 2002. С. 110 (Труды ГИМ. Вып. 133).

³¹⁰ Дозорная книга Устрецкой, Кострецкой, Видимирской, Глининецкой волостей Бежецкой пятины Мосей Ивановича Поскочина, Ивана Алексеевича Измайлова и подьячего Якова Лукина. 1613. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:68 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф 350). С. 7–240.

³¹¹ Роспись государевым новгородским дворцовым селам, что в тех селах живущих вытей и в которых селах сколько пашут десятинные пашни и сколько с которого села в нынешнем в 123 году взято денежных доходов и иных податей платят. 1614/15 // RA, NOA. Serie 2:56. Л. 19 об.

нием О. А. Курбатова о том, что дворяне Бежецкой пятины присоединялись к войску кн. С. В. Прозоровского по мере его продвижения к Тихвину³¹².

Обонежская пятина оказалась под контролем московского правительства только после успеха войск кн. С. В. Прозоровского под Тихвином летом—осенью 1613 г. После этого новгородское правительство перестало контролировать практически всю территорию восточнее Волхова. Губные старосты Обонежской пятины, ранее подчинявшиеся Новгороду и Ладоге, стали выполнять указания кн. С. В. Прозоровского³¹³. Лишь изредка отдельные отряды зажинщиков выбирались из острожков Поволховья для сбора хлеба в брошенных пустошах на правом берегу³¹⁴.

---

³¹² Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г... С. 12.

³¹³ Память воеводы кн. С. В. Прозоровского в Обонежскую пятину Исаю Глотову о челобитье игумена Александрo-Свирского монастыря. 1613. 7.11 // СПБII. Кол. 153. Оп. 1. Д. 47.

³¹⁴ Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка. 1615, сер. августа // RA, NOA. Serie 2:52.

Приложение 1

1616 августа 18 — Роспись головы Семена Дунилова о предполагаемом месте съезда московских и шведских послов.

По государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии указу и по приказу послов околничего князя Данила Ивановича Мезетцкого да Олексея Ивановича Зузина да дьяков Миколая Новокшенова да Добрыни Семенова голова Семен Олександрович Дунилов да дворяня, которые с ним были в сотне дозирали мест, где съезжатца им, государевым послам, со свейскими послы и где свейским послом з государевыми послы, и где стоять аглинскому послу князю Ивану Ульянову, и какова меж тех мест дорога, и что видели, о том написали всю роспись против наказу подлинно.

От Тихвины дорогою под Покровским монастырем река вброд и стебенки потонули, надобен плот, да от Тифины в пяти верстех грязь черная пять сажен, надобен мост, а от тое грязи болото в четырех верстах, болота десять сажен, надобен мост, а от болота отъехав з гоны, да с той дороги свернуть на иную дорогу вправо, а по той дороге засеки, как можн из луку перестрелить, на на засеке лес вален в один ряд и большое дерево в невеликое бревно. А те болота, переехав в полверсты, река Шомушка, поперег десять сажен, вброд по череву, впуски и взвозы круты, надобен мост, а от реки до Тифина монастыря вотчины до деревни Ущемушки полверсты, а под деревнею Ущемушкой река Ущемушка пяти сажен, вброд по колению, а по скаске дворян и тутошних жилцов, которые живут в деревне Ущемушке, что через те обе реки весною лошади не проходят, и всего от Тихвины до деревни Ущемушки 10 верст. А опричь тех рек и грязей дорога суха и глатка. А от деревни Ущемушки до Овина ручья 5 верст, а на пяти верстех 7 грязей, пять по пяти сажен, а шестая

сажен з двенадцать, ныне суха, а в дожди живут грязны, и мосты на них были да гнили, надобны мосты или гати новые, а ныне мочно без мостов и без грязи ехати, а седмая грязь десять | л. 220 | сажен, грязна, ехати без мосту нелзе.

А на Овине ручью река Тифина, а место ровно, толко поставити острог середь поля, и острог иметца. На реке на Тифине на Тихоновском усадище Дубровского, а на усадище две житницы, а до острогу из лесу из самопала или из лука не дострелит. А по скаске дворян, что около того ручья леса большие, в ширину верст на пять, а инде на десять и болши. А пустошей блиско нет. Да на Овине ж ручью за рекою Тифиною по левой стороне деревенка словет на Овине ж ручью Семеновская Карсакова, а место мало, острогу быть нелзе и конского корму нет. Да за Овиным ручьем с поля на поле пустош Третьяка Репьева, такова же, какова Тихоновская Дубровского.

А как доехали до места, где стоять государевым и аглинскому и свейским послом по первой мере, и тому роспись опроче, а дорога меж место подлинно писана же.

Место, где стояти государевым послом по первой мере: Ильинской погост на реке на Сяси, а реку Сясю под погостом идти вброд мочно, а в дожди или в весне вброд идти не мочно, а хором нет, место невелико, вдоль и поперек по четверти версты, а селище среди пустошей, и толко поставет острог на селище, ино по воду ходить половина того поля, гоны з двои и болши на реку Сясю, потому что Сяся идет под лесом, а опричь Сяси воды инде взяти негде. А из лесу до острогу ис пищали и из лука опричь пушки не дострелят. А толко острог поставить к реке ближе, ино лес будет блиско. А по скаске дворян, что около Ильинского погоста пустошей з десять болших и конского корму много, и далняя 2 версты, а иные в версте и в полуверсте. А от Тифины Ильинское 20 верст, а от Овина ручью 5 верст, а на пяти верстах от Овина ручья на первой версте в розных местех [о]врагов, ныне сухи, а з дождей или в осень будет грязно, да три грязи мокрых, грязь в пять сажен, а две сажен в пять же, всего десять сажен, надобен мост. | л. 221 |

Место, где стоять аглинскому князю Ивану Ульянову по первой мере: Весь на реке на Сяси, а на ней два двory порознь, двор Иванов, а за тем двором двор Пинаев Бужаниновых^а, вдоль на полверсты, а поперег полуверсты менши, конского корму много, а около Веси три пустоши болших, конского корму много же.

Место, где стоять свейским послом по первой мере: деревня Лука Селиванова за рекою Сясю, по смете из заречья вдоль и в ширину гоны з двои или немного болши, от Веси верста, дорога особная в левую сторону.

А буде свейские послы тут стояти не похотят, ино друго место, Пинаево же поместье Бужанского деревня Валя, река Сясь ныне вброд, а как воды живут, и броду нет, место тесно, в длину и в ширину полуверсты нет, а толко острог поставить на селище, ино из-за реки Сяси из лесу пищаль достанет, а к ней пустоши вперед о дороге на полторы версты, корм конской средней, от Веси 3 версты, дорога суха, да на той дороге речка Валя, 6 сажен, тячет по камению, вброд лошади поколе понет, спуск и въезд круты. А от деревни Вали до Ондреева села Востинского до Перекилу четыре версты, а прямая дорога от Веси до Перекила 7 верст, суха и глатка.

Место, где стоять государевым послам по другой мере: Ондреево поместье Востинского селцо Перекала, двор помещиков Ондрея Востинского и крестьянские, поле велико и корму конского добре много, а река Сясь николе в полуверсте. И толко острог поставить на реке на Сяси на лугу ино с левую сторону лесу на болоте, з гоны [ ]^б блиско острогу будет, | л. 222 | и тот лес одним часом высекут, а в селе острогу поставить нелзе, потому воды нет, лише родничек невелик. А по [ска]ске дворян, около Переколу в полуверсте и в версте и в дву и в трех и в четырех верстах пустошей з десять, кормы. А от Переколу до Горки 2 версты, дорога суха и глатка, а на дву верстах грязь шти сажен, надобен мост.

Место, где стоять аглинскому послу князю Ивану Ульянову по другой мере: Ефимово поместье Телепнева деревня Горка на Сяси, а река от Горки в гоних, и меж Горки и реки колодезь ключевой рубленной, хором изба одна, а по скаске дворян, что около деревни Горки в версте и в дву пустошей много и конского корму на них много же.

Место, где стояти свейским послом по другой мере: по левую сторону Горки с поля на поле за рекою Сясю з гоны и болши, а от Горки с невеликую с полверсты Васильево поместье Белеутова селцо Васкиничи, хоромы боярские болшие и двory крестьянские, лес добре блиско, а около Васкинич блиско есть пустошей с пять, а от Васкинич до Воскресенского 3 версты, а на трех верстах ручей Белой, сажен с шесть, по камению течет, вброд по колено нет, да ручей Ушаковской, пятнадцать сажен, ныне вода, а как розобьют, будет

грязь, надобен^в мост, да два ручейка топки, один сажень с пятью, надобегать, а другой сажень с тремя, надобен мост, да грязь болотная, сажень с пятью, намостен мост, да солотни сажень с пятнадцатью, мостят мост, два ручья, один две сажени, а другой сажень с тремя, мосты мостят.

А буде свейские послы в Васкиничах стояти не по |л. 223| хотят, ино свейским послом стояти в другом месте, в Воскресенском погосте, от Тифины едучи по левой стороне реки Сясь, да с правой стороны поперег впала в реку Сясь река Кусюга, в ширину сажень с шестью, вброд по колено, течет по камению, а на устье меж Сяси и Кусюги места высокие, и толко поставят острог на дороге по реке [К]усюге от устья за горы, и от Тифины с приезде поле велико, а от Ладоги через реку лес близко, токо из доброй пищали, а из лука из лесу до острога не дострелят. А по скаске дворян, что около Воскресенского в две версты пустошей с шестью и конского корму много, а от Воскресенского да Степанова и до Васильева поместья Оклячевых дорога суха.

Место, где стоять государевым послам по третьей мере: Воскресенской погост, а подлинно писан, где стояти было свейским послам по другой мере выше сего.

Место, где стояти аглинскому послу князю Ивану Ульянову по третьей мере: Степаново да Васильево поместье Оклячевых деревня Остров, два двора боярских, хоромы большие и люткие, река Кусюга изшед поле под лесом с полверсты на правой стороне от деревни с полверсты, а в деревне колодезь рубленой в ширину полсажени, а в глубину три сажени, да в версте пустоши с тремя, конского корму много, а от Острова до Порожка 2 версты, а на двух верстах две грязи, одна 10 сажень, а другая пять сажень, мостят мосты.

Место, где стоять свейским послом по третьей мере: деревня Порожек за рекою Сясю, а в деревне один овин, в длину и в ширину менши полуверсты, а будет свейские послы на Порожке стоять не похотят, |л. 224| ино по сей стороне реки Сяси деревня Шейкино, с Порожком на одном поле, а поле велико, в длину близко версты, а поперег мало не столко же, а в деревне изба да сушило, да на том же поле деревенка Погостище, а на Порожке и на Шейкине и на Погостище конского корму и около Порожка, и Шейкина, и Погостища пустошей нет, а от Порожка и от Шейкина до Прокшинца верста, а на версте два вражка добре круты, лошадми возу идти отнюдь нельзя, перевозят на себе, а реку Сясю меж Порожка и Шейкина ныне перебредет, а в дождь или в весне броду не [ез]живать.

Место, где стоять государевым послом по самой конечной неволе: Васильево поместье Оклячева деревня Прокшинец на реке на Сяси, сеяна рожь, а конского корму и около пустошей нет, а около нее с поля на поле три деревни, имена им писаны в чертеже, а острог поставить мочно, до острогу из лесу ис пищали и из лука не дострелет, а в околных деревнях конского корму нет, а пустошей около нет же, а от Прокшинца до Столбова две версты, а на две верстах пять вражков глубоки и круты, воза вести на лошадях нельзя, а вести на себе, а грязей во всяком по пяти сажень, каменисто, надобет мосты.

Место, где стояти аглинскому послу князю Ивану Ульянову по самой конечной неволе: деревня Столбова на реке на Сяси, сеян хлеб, а конского корму на поле около пустошей нет, двор строенье изба велика и клеть хороша, и лес далеко [...] |л. 225| таковы же, каковы меж Прокшинца и Столбова, а в них грязи потому же, мосты надобет таковы же.

Место, где стояти свейским послом по самой конечной мере: Ефимово поместье Телепнева деревня Юхор на реке на Сяси, ныне вброд, а в дожди или [в] весне перебрести нелзе, а у ней по полю конского корму и около пустошей нет, а острог толко поставить в деревне, ино из-за реки до острогу ис пищали и из лука дострелят, а толко острог поставят среди поля, ино ис того же лесу воды не дадут, а oprичь реки воды нет.

А от Юхори^а до Ладоги осталось 30 верст.

Да меж тех же место по всей дороге в разных местах залому в великое бревно и в кол и в жердь дерев с 30 да по дороге же розчищем порозняжку меленного сажень на 30 ж, всего залому подымать и порознягу розчищать 60 сажень. |л. 226|

А слух доходит от выходцов, что немецкие люди на тех на всех местах отнюдь некоторыми мерами стояти не хотят, а хотят стояти у Рождества Христова на погосте, а от Юхори до Рождества 20 верст, места пустые и грязи великие, ^{е1}а и з запасы пройти нелзе^{е2}. А с Тихвины ^{е1}большую^{е2} дорогу^{е3} будет до Рождества 60 верст, а свейским послом от Ладоги идти пятнадцать верст, все сухо, а рекою Сясею от озера 10 верст.

РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 219–226.

^а — испр. из: Бужанских; ^б — в ркп замазан 1 знак; ^в — в ркп дадобен; ^г — в ркп утеряна строка; ^д — в ркп Юхоти. ^{е1} ... ^{е2} — в ркп приписано сверху.

Приложение 2

1619 сентября 21 — Расписка гдовского земского дьячка Демиды Иванова о получении жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г. за себя, житничного целовальника Гаврилы Поздякова и сторожа Дьячьей избы Дениса Микитина.

Лета 7128 сентября в 21 день память земскому дьячку Демиду Иванову. Взял из государевой из королевской житницы государева королевского жалованья месячного хлеба прошлого 126-го февраля с 1 числа да 127 году по месяцам в пятнатцать месяцев 15 бочек хлеба, да житничному целовальнику Гаврилы Поздякову 15 бочек хлеба, да дьячьей избы сторожу Деванису Микитину пол-8 бочки хлеба. И всего бочек с 37 полбочкою.

Да в том и хлебе и отпись, а отписался земской дьячек Демидко Иванов.

Подлинник. Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA. Baltiska fogderäkenskaper. F. 416. (Гдов). Л. 42 об., 42.

Приложение 3

1619 февраля 16 — Расписка 9 гдовских пушкарей, палача и кузнеца в получении хлебного жалованья за период с 1 февраля 1618 г. по 31 мая 1619 г.

127-го году февраля 16^а а числа гдовские пушкари Иванко Петров с товарищи девят человек да с ними ж полач да кузнец взяли у Скривер у Петра Ирикова^б государева королевского жалованья февраля с 1 числа 126-го году да 127-го году по май месяц в пятнатцать месяцев хлеба восемьдесят две бочки с полубочкою, да в том ему и память.

А память писал Дмитриевской дьячок Савка Ануфреев.

На обороте: К сей памяти Дмитриевской поп Перфирей Павлов сын в детей своих духовных место руку приложил.

Ни же : тот же текст на шведском языке.

Подлинник. Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 416. (Гдов). Л. 44 об., 44.

^а — арабские цифры; ^б — приписано сверху.

Приложение 4

1619 января 11 — Расписка гдовского посадского человека Острата Яковлева Колтыри в получении коровы, ранее конфискованной у него в качестве компенсации за погибших королевских телят.

Лета 7127-го генваря в 11 день Память гдовскому посацкому человеку Острату Яковлеву сыну Колтыри. В прошлом, во 125-м, году взял у меня гдовской воевода Ефим Андреевич Фанколин на королевской двор корову за то что королевских двое телят в стаде изгибло. И по моему челобитью и по сыску королевского величества великий боярин и ратной воевода Карл Карлусович пожаловал, велел мне корову отдати. И по его боярскому приказу Гдовской воевода каптен Симан Ланг ту мою корову отдал, и меня, Острата, корова дошла. Да в той корове я, Острат, и отпись дал.

А отпись писал площадной дьячок Самсонко Васильев.

На обороте: тот же текст на шведском языке.

Подлинник. Pader Ericksons Refenitar jor. 1618 // RA, Baltiska fogderäkenskaper. F. 416. (Гдов). Л. 51, 51 об.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Очень сложно писать об истории Новгорода эпохи Смуты, особенно теперь, в начале XXI в., когда историография работ по Смутному времени насчитывает тысячи единиц как в отечественной, так и в зарубежной традиции. Однако думаю, что описать новгородское общество начала XVII в. без обзора основных этапов политической истории Северо-Запада в это время невозможно. При этом коснуться придется не только истории собственно Новгорода, но и Новгородской земли, которая в Смутное время не представляла собой монолитного единства.

В годы Смуты, возможно впервые в российской истории, особенно значима оказалась личная нравственная позиция жителя Московского государства. Стало чрезвычайно важно, насколько тот способен сделать выбор, а не слепо следовать обстоятельствам. При отсутствии сильной центральной власти, расшатанности общественных устоев, когда традиции, воспитание не подсказывают логику поступков, наступает время собственной ответственности за действия, что является признаком определенной зрелости общества. Известно, что Смута была первым в отечественной истории испытанием общества альтернативами. В этом состояла проблема для традиционного московского сознания: ранее, до Смуты, выбора не было.

Те участники Смуты, кто в 1604–1605 гг. поддерживал Первого Самозванца, позднее принимал участие в движении Болотникова, а к 1608 г. оказался в Тушине, — фигуры легкомысленные. Смута (как ранее опричнина) вдруг открыла для них невиданные перспективы личной карьеры. Но в годы опричнины такой возможностью воспользовались прежде всего представители московских родов. В Смутное время открывались неслыханные ранее пути для карьерного роста провинциала. Достаточно вспомнить думный чин бывшего «торгового мужика» Федора Андропова или почти всеобщее написание имен самых захудалых дворян «с вичем» (т. е. с от-

чеством), встречавшееся в делопроизводстве Новгородской земли в те годы, равно как и появление личных печатей даже у старост дворцовых сел.

Старая система московской власти (впрочем, «старой» она может называться лишь с точки зрения тех, кому к 1605 г. было за 40) вела к тому, что постоянно росло количество людей с огромными амбициями (так как все они — родственники «больших боярских родов»), но совершенно лишенных возможности их реализовать. Захудание, а не успешная карьера — вот важнейшая тенденция «классического» развития московского общества. Дети боярские, помещики (не дворяне, т. е. не служащие при Государеве дворе) целых территорий, таких как Новгородская земля, были долгое время отстранены от возможностей карьерного роста. Именно неустойчивость центральной власти, Смута, давали им возможность подняться и проявить себя, достичь карьерных вершин.

По мнению И. О. Тюменцева, к концу 1608 г. Новгород оказался в осаде, фактически отрезанным от пригородов, где местные служилые люди по прибору признали власть Тушинского вора. Новгородское же правительство не контролировало ничего за пределами городских стен. Это привело к анархии, прекращению правильного управления и, вследствие этого, остановке поступления в город доходов из пятин и пригородов. Именно в этих обстоятельствах произошло бегство кн. М. В. Скопина-Шуйского из города и последующее убийство М. И. Татищева. По наблюдениям Ю. М. Эскина, младший брат последнего, Юрий, в 1622 г. местничавший с С. В. Головиным, обвинил того в убийстве Михаила Татищева: «по ево наносу зять ево, боярин князь Михайло Васильевич Скопин Шуйской, убил за ним, Семеном, вместе у себя на дворе без вины и без государева... указу брата моего роднова окольниковца, Михайла Игнатъевича Татищева, а нанес ему Семен за те же случаи, мстя ему недружбою». По Эскину, виновность Головина сомнительна — он находился в Выборге¹. Однако приверженность его Скопину-Шуйскому, явно одобрявшему расправу над М. И. Татищевым, вероятно и сделала Головина объектом обвинений.

18 января 1609 г. правительство царя Василия Шуйского, контролировавшее менее половины уездов Московского государства,

¹ Эскин Ю. М. Смута и местничество // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 67.

заключило договор с представителями шведского короля Карла IX о военной помощи в обмен на уплату содержания наемному корпусу и город Корелу с уездом. Совместное войско шведов, возглавляемых генералом Деллагарди, и новгородцев, возглавляемых кн. М. В. Скопиным-Шуйским, освободило от осады Москву и Троице-Сергиев монастырь. Вскоре после вступления в Москву Скопин-Шуйский скончался при таинственных обстоятельствах, после чего московскую армию, двинувшуюся вместе с корпусом Деллагарди походом на польского короля Сигизмунда III Вазу, осаждавшего Смоленск, возглавил боярин князь Дмитрий Шуйский. 10 июня 1610 г. гетман Станислав Жолкевский наголову разгромил Шуйского, после чего Деллагарди отошел на север и двинулся к метрополии, а Жолкевский подошел к стенам Москвы. В Москве произошел переворот; Василий Шуйский был свергнут, а московские бояре, по согласованию с Жолкевским, избрали царем принца Владислава Вазу, сына Сигизмунда III, и отправили посольство под Смоленск. Однако польский гарнизон вошел в Кремль, и боярское правительство было отстранено от власти, а послов арестовали в королевском лагере.

В королевском лагере под Смоленском побывали многие видные новгородские служилые люди. После Смуты большинство из них оказались на важных воеводских постах. В небольшой работе И. С. Беляева был рассмотрен вопрос о земельных пожалованиях Смутного времени. Он впервые справедливо заметил, что многие из таких дач, в частности дачи Сигизмунда III под Смоленском, носили декларативный характер. В ряде случаев пожалованные волости просто не существовали². Среди пожалованных Сигизмундом много лиц — активных участников политической жизни Новгорода зимы 1610—1611 гг., времени, когда город присягнул Владиславу. Отметим двоих из таких фигурантов — Романа Неелова и Андрея Палицына. Первому было пожаловано «в Обонежской пятине в Рождественском стану на Сясьском устье селцо Рядок, а в нем по обе стороны реки пашни 20 четвертей...»³. Оказавшись в Новгороде вместе с Иваном Салтыковым, Роман Неелов получил в поместье не только это селцо (правильное название начала XVII века — рядок на Сяси, позднее,

² Беляев И. С. По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56.

³ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поме-

в XVIII веке село Сясьские Рядки), но и соседний Михайловский погост на Ладожском пороге (пополам с казачьим атаманом Тимофеем Шаровым)⁴. Андрею Палицыну, получившему от Сигизмунда чин стряпчего, было пожаловано «в Новгородском уезде в Деревской пятине селцо Тысво и две деревни к тому же селцу...»⁵. Особенность этой дачи в том, что село Тисва, расположенное невдалеке от реки Пола, было родным местом Андрея Палицына и на момент пожалования принадлежало его брату Семену Палицыну. Вскоре после июльского переворота в Новгороде, в ноябре 1611 г. личностью и помещьем Андрея Палицына заинтересовались новгородские власти, видимо, в связи с челобитной пусторжевца Петра Федорова Лихарева и Ивана Негодяева об отделе им поместья Палицына. В наказе подьячему Постнику Кувшинову, посланному обыскивать о поместье Палицына в Влажинском погосте, содержалось требование выяснить, где он живет, в поместье или в Москве, кто его помещьем владеет, сколько живота, платья, коров и лошадей, хлеба молочного и не молочного в поместье. По словам старожилов, «тот Ондрей в Лажинах в своем поместьи не жывал, а нынеча жывет у Троицы в Сергиеве монастыри под Москвою». Хлеб из его поместья брат его Семен Палицын к этому времени сvez в Новгород⁶.

В Новгороде в это время царила растерянность. Гонсевский, заняв Москву, отправил И. М. Салтыкова в Новгород приводить к присяге царю Владиславу. И. М. Салтыков был назначен королем Сигизмундом главой Стрелецкого приказа, но Гонсевский отправил его в Новгород до получения королевской грамоты⁷. «Летопись о многих мятежах» сообщает, что инициатором отправления в Новгород И. М. Салтыкова и кн. Г. К. Волконского был отец первого,

стья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610—1612 // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. № 229. С. 347.

⁴ Дело по челобитной жителей Сясьского рядка о неправке с них денег по их бедности. 1612. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 318–321.

⁵ Жалованные и другие грамоты... № 538. С. 380.

⁶ Обыск подьячего Постника Кувшинова о поместье Андрея Федорова Палицына во Влажинском погосте Деревской пятинны. 1611. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1025–1029 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

⁷ Рукопись Жолкевского // Львовская летопись. Русские летописи Т. 4. Рязань, 1999. С. 597.

М. Г. Салтыков⁸. Однако существует документ, противоречащий такому утверждению. В письме М. Г. Салтыкова Льву Сапеге, отправленном осенью 1610 г., содержится следующий призыв: «Да смилуйся надо мною, Лев Иванович, вели сына моево Ивана из Новгорода к Москве отпусти для того, что мало могу, приходит старость, а жена ко мне приехала конечно больна, и наши б кости было кому приходит, а я тебе, государю своему, челом бью»⁹. Интересно, что боярыня Ульяна Салтыкова также оказалась в Новгороде в 1610 г., вторично после 1605 г.

До прибытия Салтыкова документы, происходящие из Новгородской приказной избы, писались от имени царя Василия Шуйского, притом что в Новгороде были осведомлены о состоявшемся в Москве перевороте. Город в это время возглавляют боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, кн. В. Т. Долгорукий, Р. А. Вельяминов и М. Б. Боборыкин¹⁰. 10 октября 1610 г. Салтыков с группой дворян из Москвы (среди них новгородец Матвей Муравьев и Яков Дашков, участники похода 1609 г. кн. М. В. Скопина-Шуйского).

После присяги Новгорода Владиславу Сигизмундовичу в конце лета — осенью 1610 г. шведский экспедиционный корпус, не получивший достаточного жалованья от московского правительства, занял Ладогу и Корелу. Деллагарди в это время находился в Выборге. 30 октября 1610 г. к нему были отправлены посланные к Карлу IX еще Шуйским Смирной Отрепьев и подьячий Пятой Григорьев, будущий новгородский дворцовый дьяк¹¹. Еще в Выборге Деллагарди получил известие, что жители Москвы, Новгорода и Орешка присягнули Владиславу. Противостояние Новгорода, признавшего власть Владислава, и действовавших на Северо-Западе шведских войск, не были острым. Нельзя сказать, что Деллагарди не связывался с прави-

⁸ Летопись о многих мятежах и разорении Московского царства от внутренних и внешних неприятелей. М., 1788. С. 195.

⁹ Конец письма боярина М. Г. Салтыкова к Л. Сапеге. 1610, осень // Смутное время Московского государства. Вып. 6. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 г. М., 1912. С. 253–254.

¹⁰ В июле 1610 г. Ратман Вельяминов местничал в Новгороде с кн. В. Т. Долгоруким (Эскин Ю. М. Смута и местничество... С. 117).

¹¹ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия. Падение кандидатуры Карла Филиппа на Московский престол и воцарение Михаила Федоровича. Юрьев, 1918 // СПбИИ. Ф. 276. Оп. 2. Д. 90. С. 7.

тельством Ивана Салтыкова в Новгороде. 25 октября 1610 г. он обратился к нему с посланием¹².

1610/11 год, столь богатый политическими переменами в Новгороде, сохранил обильную приходно-расходную документацию государственного новгородского винного погреба. В архиве Новгородской приказной избы хранится примечательный столбец документов, относящийся к 7119 (1610/11 г.)¹³. Сам по себе хронологический период показателен: между 1 сентября 1610 г. и 31 августа 1611 г. произошли важнейшие события в истории Северо-Запада — от прихода в Новгород Ивана Салтыкова до установления и упрочения там правительства Якова Деллагарди — кн. Ивана Одоевского. Столбец насчитывает 222 сстава, ныне расклеен. Большая часть столбца (сст. 1–208) является сборником памятей от новгородского правительства о выдаче вина. Памяти сгруппированы в хронологическом порядке. На сставах 209–212 и 222 — случайно попавший отрывок из Дела по челобитной о поместье Петра Игнатъева сына Оболянинова, относящегося к марту 1614 г.¹⁴ Наконец, сставы с 213 по 221 — набор челобитных новгородских служилых людей сперва государю Владиславу Жигимонтовичу, а позже — Московского и Новгородского государства боярам о выдаче вина. Другой документ, позволяющий реконструировать хронологию событий этого периода, — приходно-расходная книга новгородского винного погреба за 1610/11 г., которая начала составляться после конфискации вина у Ивана Салтыкова 28 марта 1611 г. и была закончена 31 августа 1611 г.¹⁵ Книга хранится в I серии коллекции, не имеет скрепы по листам. Она содержит записи о выдаче вина, а также о поступлении вина в результате упомянутой конфискации.

Впервые оба этих источника были использованы для реконструкции политических событий 1610/11 г. в исследовании П. В. Седова. Ученого интересовали обстоятельства переговоров, предшествовавших взятию Новгорода шведами 16 июля 1611 г. В этой связи он привлек данные обоих источников для иллюстрации хода переговоров¹⁶.

¹² Кордт В. А. Из семейного архива графов Деллагарди. Юрьев, 1894. С. 11.

¹³ RA, NOA. Serie 2:124 (далее в сносках — Сборник памятей).

¹⁴ Начало дела в столбце 123.

¹⁵ Приходно-расходные книги государева винного погреба. 1611. 28.03–31.08 // RA, NOA. Serie 1:60.

¹⁶ Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Вып. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.

Однако 1610/11 год был одним из самых бурных в политической истории Новгорода; перемены в городе не ограничивались созданием новгородско-шведского политического альянса. Определим важнейшие события этого года:

1) приход в Новгород Ивана Салтыкова и присяга новгородцев царю Владиславу Жигимонтовичу;

2) арест и казнь Ивана Салтыкова. Приход в Новгород представителей подмосковного ополчения;

3) переговоры с Яковом Делагарди и занятие Новгорода шведами.

Все эти перемены сопровождались появлением в Новгороде представителей политической элиты, не связанных службой с городом.

Большинство пришедших в Новгород с И. М. Салтыковым было связано с Тушинским лагерем. Московское общество, совершившее переворот 10 июля 1610 г. и заключившее договор с Жолкевским, было организовано на началах широкого компромисса между бывшими членами Государева двора, в годы гражданской войны оказавшимися по разные стороны, но сохранившими, несмотря на это, тесные связи друг с другом. Однако именно бывшие члены тушинского двора были наиболее активной группой среди сторонников Владислава, возможно в связи с большей молодостью и отсутствием стереотипов, скывавших прежних верных сторонников Василия Шуйского. Вспомним, что сам Иван Михайлович Салтыков был наиболее последовательным сторонником воцарения в Московском государстве не Владислава, а собственно польского короля Сигизмунда III Вазы.

Первые дачи из винного погреба, которые фиксируют имеющиеся у нас источники, адресованы двум виднейшим деятелям, пришедшим из Москвы, — князю Г. К. Волконскому (26 сентября) и И. М. Салтыкову (27 сентября). Это несколько противоречит сообщению самого Салтыкова о том, что он пришел под Новгород только 4 октября¹⁷. Интересно, что еще 15 октября 1610 г. в Новгороде (во всяком

¹⁷ Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей во Псков, Ивангород,

случае, в Шелонской пятине, в двух днях езды от города) считали легитимной властью еще царя Василия Шуйского, а город возглавляли воеводы кн. Иван Никитич Большой Одоевский и Ратман Андреевич Вельяминов¹⁸.

В своем ноябрьском сообщении Сигизмунду III Салтыков упоминает также, что прислал в Новгород вперед себя двух дворян — Якова Дашкова и Матвея Муравьева. Если последний был новгородским помещиком в четвертом поколении¹⁹, то первый, так же как и другие пришедшие с Салтыковым деятели, был в Новгороде чужим²⁰. 22 октября 1610 г. из новгородского винного погреба ему было выдано 2 ведра вина²¹. Через месяц, 23 ноября «для литовские посылки»

Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610. 17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452–463.

¹⁸ Отдел губным старостой Федором Вельяминовым Богдану Жданову сыну Блеклому поместья вдовы Анны, жены Дмитрия Сертякина в Дремацком погосте Шелонской пятины. 1610. 15.10 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 139–141 (копия без пагинации: СПБИА, м/ф. 293).

¹⁹ Подробнее о Муравьевых в Новгороде: Селин А. А. Григорий Никитич Муравьев: Кто создавал условия непрерывной жизни // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2003. С. 125–135.

²⁰ Яков Авксентьевич Дашков известен как сын боярский, служивший по Серпейску с 1606/07 г. с окладом в 550 четвертей (Боярский список 1606–1607 гг. с указаниями об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 150). Впрочем, Яков Дашков уже бывал в Новгороде: в 1608–1609 г. он был среди дворян московских, прибывших в Новгород к кн. М. В. Скопиным Шуйским (Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850). С 1613 г. он служит Михаилу Федоровичу на воеводских постах в Троице-Сергиеве монастыре, позднее — в Белгороде. Иван Михайлович Салтыков уже бывал в Новгородской земле: в августе 1605 г., после прихода к власти в Москве Лжедмитрия I, он вместе с матерью выехал в Ивангород, где воеводу кн. Г. П. Ромодановского сменил его отец, боярин М. Г. Салтыков. На службу молодой Салтыков ехал вместе с матерью, Ульяной Ивановной, которая встретится нам ниже (Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. // Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 132–134).

²¹ Сохранилась и челобитная Якова Дашкова, в которой он просил этого вина займы, «доколе свое вино искурю» (Сборник памяти. Л. 214).

он получил еще ведро вина вместе с подьячим Василием Бехтеевым. 18 декабря полведра вина получила его жена София, «для болезни», видимо, оставленная мужем в Новгороде. Еще ведро вина Яков Дашков получил, вернувшись в Новгород 31 января 1611 г.

Неоспоримо первое место среди приехавших с Салтыковым в Новгород сторонников Владислава занимает Петр Третьяков — виднейшая фигура Тушинского лагеря, думный дьяк Второго самозванца, возглавлявший тушинский Посольский приказ. После свержения Василия Шуйского 28 августа 1610 г. он ушел из Калуги от Лжедмитрия II и принес присягу королевичу Владиславу. Приехав в Москву, он был лишен думного чина и вместе с И. М. Салтыковым отправлен в Новгород приводить новгородцев к присяге, а в ноябре 1610 г. вместе с Салтыковым уведомлял Сигизмунда о присяге Новгорода Владиславу. По предположению Д. В. Лисейцева, Петр Третьяков продолжал быть новгородским дьяком до переворота в марте 1611 г., после чего отправился в подмосковное ополчение, где 20 августа 1611 г. упоминается в качестве думного дьяка Поместного приказа²².

Рассматриваемый нами источник позволяет несколько подробнее говорить о деятельности Петра Третьякова в Новгороде осенью — зимой 1610/1611 г. 7 ноября 1610 г. к нему было послано пять ведер вина из новгородского винного погреба²³. Через два месяца, 7 января 1611 г., он женился на Варваре, вдове помещика Деревской пятины Федора Клементьева (об этой свадьбе пойдет разговор в 6 главе)²⁴. В этот день дьяку Петру Третьякову на свадьбу было дано 10 «ведер вина горячего для того что у него в здешнем городе поместья и вотчины нет»²⁵. Память на получение вина, в отличие от других документов сборника, была скреплена личной печатью Ивана Салтыкова. Через пять дней после свадьбы дьяк был отправлен в поход, в войска, осаждавшие Ладогу²⁶, где заперся от-

²² Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 113.

²³ Сборник памяти. Л. 24.

²⁴ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева сына Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матфеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 — янв. 1612 // RA, NOA. Serie 2:321.

²⁵ Сборник памяти. Л. 55.

²⁶ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31—71.

ряд Пьера Делавилля. Перед походом дьяк Третьяков получил еще 10 ведер вина²⁷, через шесть дней, 18 января, — еще 10 ведер вина²⁸. После этого о деятельности дьяка Петра Третьякова в Новгороде нам ничего не известно.

Видимо, там под Ладогой, в сочельник 7119 г., Петр Третьяков подписал такую память²⁹:

Лета 7119-го декабря в 24 день. По государеву цареву и великого князя Владислава Жигимонтовичя всеа Русии указу бояром и воеводам князю Ивану Микитичю Одоевскому да князю Володимеру Тимофеевичю Долгорукому с товарищи. Велети им прислати к боярину Ивану Михайловичю Салтыкову про ратных людеи семь ведр вина в приимочное ведро.

^a— А послати то вино под Ладогу татарам. Диак Петр Третьяков ^a

^b— Отпусти и быть в готовых судах ^b.

^{a-a} — написано другим почерком, ^{b-b} — написано третьим почерком

Вместе с Иваном Салтыковым в Новгороде оказалась и его мать, боярыня Ульяна Ивановна Салтыкова. Именно на ее двор шли самые большие поставки вина из государева погреба, не связанные с военными нуждами (ведро вина 1 октября, два ведра вина 16 октября, два ведра вина 22 октября, два ведра вина 30 октября, по два ведра вина 8 и 9 ноября)³⁰.

Уже в январе 1611 года в Москве знали о поражении Салтыковым войск шведского короля под Ладогой 15 января³¹. 19 же января Ивану Салтыкову было выдано «в полки под Ладогу для ратных людей 100 ведр вина». Видимо, вскоре после этого он с победой вернулся в Новгород.

²⁷ Сборник памяти. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 69.

²⁹ Сборник памяти. Л. 48.

³⁰ Сборник памяти. Л. 3, 11, 19, 22, 25, 26.

³¹ Отписка московской Боярской думы польскому королю Сигизмунду и сыну его Владиславу о поражении воеводами Салтыковым и кн. Волконским шведских ратных людей под Ладогой. 1611, янв. // АИ. Т. 2. 1841. № 316. С. 373—374.

К 22 февраля в Новгороде появляется еще один крупный отряд казаков, пришедший из Москвы, явно с «тушинским» прошлым. 22 февраля ведро горячего вина было выдано «атаманом, которые пришли в Великий Новгород с Москвы, а были с паном Микулаем Юрогою, Богдану Березину да Семену Зарутцкому да Ивану Зворыкину да Максиму Панилову да есаулу Томилу Кайдашеву». Казаки их станиц в тот же день получили три ведра вина.

8–10 марта винная раздача была устроена во всех стрелецких сотнях и казачьих станицах.

Таблица 1. Вино, полученное Иваном Салтыковым из новгородского винного погреба в сентябре 1610 г. — феврале 1611 г.

Дата	Количество, ведро	Цели
27 сентября	2	
8 октября	2	
16 октября	10	«про ратных людей»
17 октября	5	«для ратных людей»
27 октября	10	«для ратных людей»
17 ноября	6 ^а	
17 ноября	20	«на государев обиход»
18 ноября	6	
23 ноября	3	«для астраханских стрельцов, которые посланы на государеву службу в Порхов»
Между 10 и 13 декабря	20	
24 декабря	30	«про ратных людей астраханских стрельцов и казаков и на иные стрелцы для праздника Рождества Христова»
24 декабря	7	«под Ладогу татаром»
8 января	30	
12 января	10	
19 января	100	«в полки для ратных людей под Ладогу»
28 января	14	«в полки для ратных людей»
2 февраля	50	«для ратных людей»
21 февраля	10	«для ратных людей»
25 февраля	20	«для ратных людей»

^а — также 15 ведер пива и шесть четвертей солода ячменного; ^б — также три ведра вина «двоеново».

Источники: Сборник памятей о выдаче вина // RA, NOA, serie 2:124.

События февраля — марта 1611 г. в Новгороде имеют довольно темный характер. К 12 марта Иван Салтыков и Корнил Чоглоков были объявлены изменниками, посажены в тюрьму³², и вскоре первый был казнен, а второй, видимо, остался под стражей и отбыл из города вместе с представителями Первого ополчения незадолго до взятия Новгорода шведами³³. Примерно в те же дни, когда шведский гарнизон капитулировал в Ладоге, а в Новгороде произошел переворот, Делагарди двинулся вглубь Новгородской земли, миновал Орешек и занял Лопский погост (Loppis)³⁴, откуда письменно обратился к кн. И. Н. Большому Одоевскому³⁵. Затем, простояв несколько недель в Солецком погосте³⁶, шведский генерал 28 мая 1611 г. двинулся на Новгород.

В то же время последние выдачи вина Ивану Салтыкову, по моим данным, относятся к 21 и 25 февраля. Отмечу, что в эти дни Салтыков находился, по всей видимости, в войсках — обе дачи (соответственно 10 и 20 ведер вина) были предоставлены Ивану Салтыкову «для ратных людей».

28 марта 1611 г. приказчик новгородского винного погреба Григорий Афанасьев с целовальниками «взяли на государев на винной погреб у Воина Новокщенова да у дияка у Третьяка Копнина опального вина», ранее конфискованного у Ивана Салтыкова — 63 двенадцатикружечных ведра вина и 10 пудов без четверти пушного меда. Конфискованный алкоголь пошел в раздачу³⁷.

Фигуры Новокщенова и Копнина как приставов при конфискованном у Ивана Салтыкова имуществе знаменательны — это первый пример их совместной службы. 12 марта 1611 г. из Новго-

³² Отписка новгородцев о единодушном намерении их стоять за православную веру, о заключении в тюрьму Ивана Салтыкова и других изменников, о посылке ратных людей на помощь Прокопию Ляпунову и о поражении литовских людей, приходивших в Новгородскую область. 1611, марта после 12 // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 183. С. 313–314.

³³ Во всяком случае, в июне 1612 г. Корнил Чоглоков продолжал оставаться в подмосковном ополчении и был посланником кн. Д. Т. Трубецкого в Ярославль (Замятин Г. А. Из истории борьбы... С. 56).

³⁴ Ныне п. Путилово Кировского района Ленинградской области.

³⁵ Замятин Г. А. Из истории борьбы... С. 11–12.

³⁶ На левом берегу Волхова, напротив современного г. Кириши Ленинградской области.

³⁷ Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 3–4.

рода назначается военная экспедиция под Старую Руссу во главе с Леонтием Вельяминовым, закончившаяся очищением Руссы от «воровских людей» к началу апреля. Сборник памяти содержит недвусмысленные записи о снабжении вином участников похода: 11 апреля пять ведер вина получил Леонтий Вельяминов «для старорусские посылки», а 17 апреля по кружке вина «для старорусские службы» получают пять казачьих атаманов, также вино выдается дворянам, детям боярским, новокрещеным татарам и монастырским служкам, «которые были против полских людей с воеводою с Леонтьем Андреевичем Вельяминовым под Старою Руссою». После взятия Руссы тамошнюю администрацию возглавили воевода Воин Афанасьевич Новокшенов и дьяк Третьяк Копнин, прослужившие там до августа—сентября 1611 г.³⁸

Второй воевода Новгорода, кн. Иван Никитич Большой Одоевский, поддержал переворот, направленный против Салтыкова (а возможно, был среди его организаторов), и стал главой Новгородского правительства. Сменилось и приказное управление. Дьяками стали лица новгородского происхождения — Семен Лутохин, Андрей Лысцов, позднее — Томило Сергеев³⁹. Первый происходил из софийских детей боярских, двое других — из новгородских подьячих⁴⁰. Уже 5 мая 1611 г. Андрей Лысцов, впервые названный дьяком, подписывал память о даче вина братьям Никите и Семену Калитиным⁴¹.

Примечательно, что о точном времени ареста и казни И. М. Салтыкова неизвестно. Почти до конца февраля 1611 г. он еще упоми-

³⁸ Роспись, сколько следует со Старой Руссы посада и уезда денежных доходов на 1611/12 год по сравнению с 1610/11 г. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:362. Л. 1—10.

³⁹ 20 декабря 1610 г. новгородский подьячий (еще не дьяк) Томило Сергеев был послан к Москве «для государева дела», получив на дорогу полведра вина.

⁴⁰ В 1604 г. подьячий Андрей Лысцов исполнял мелкую службу — устраивал Заечевский ям под Новгородом (Челобитная охотников Заечевского яма на бывшего их окольного П. Ф. Басманова, проезжавшего в Новгород, и на других обидчиков. 1604, марта после 24 // СПБИИ, кол. 276, оп. 1, д. 27. Л. 58—61). Вскоре после переворота он бил боярам челом о вине, указывая, что «от неметцкие государи пустоты болень я нутреную болезнью» (Сборник памяти. Л. 218).

⁴¹ Сборник памяти. Л. 142.

нается среди тех, кто управляет Новгородом. Сохранился польский перевод его письма в королевский лагерь под Смоленск, написанного 8 февраля 1611 г.⁴² Первые известия о свержении Салтыкова относятся к началу марта 1611 г., а отмена пожалований, произведенных в Новгороде от имени царя Владислава осенью—зимой 1610—1611 гг., датируется 15 апреля 1611 г., когда по приговору воеводы Одоевского, отправленному в Дворцовый приказ дьяку Семену Лутохину, все дворцовые земли, розданные по дачам королевича Владислава, было указано вернуть во Дворец⁴³.

В архиве Новгородской приказной избы от богатого событиями 1610/11 г. уцелели не только описанные выше документы. Сохранились, к примеру, даточные книги Деревской пятины за тот же год⁴⁴. Начало книги утрачено, даты, когда были выданы те или иные поместные грамоты, отсутствуют. Первые из сохранившихся записей о дачах — Семену Никифорову Матюшкину, Степану Кузьмину Мельницкому и новокрещену Евстрату Мустофину имеют отсылки к некоему «служивому списку», который привез из Москвы боярин и воевода Иван Михайлович Салтыков⁴⁵, а царь Василий Шуйский именуется бывшим царем, хотя грамоты его признаются легитимными. Запись о даче новокрещену Мустофину интересна также тем, что она содержит указание на прежнюю службу Евстрата Мустофина Тушинскому вору. По грамоте царя Василия Шуйского поместье Мустофина было отписано на государя и в 1609/10 г. передано Петру Семеновичу Лутохину, сыну софийского сына боярского Семена

⁴² Copia listu od Saltykowa z Ladogi de data Februarÿ 8 dnia // RA, Skoklöster Samlingen. № E 8596. С. 12—15. Благодарю Михала Страшевича за указание на этот документ.

⁴³ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 40—41.

⁴⁴ Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38.

⁴⁵ Там же. С. 1—8. После убийства Ивана Салтыкова верстальный список, составленный при Салтыковской администрации в Новгороде, сохранялся у князя Никифора Яковлевича (Кудеярова сына) Мещерского (Дело о поместье Кузьмы Хвостова в Келтушском погосте Водской пятины. 1612, июль — 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:18; Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:65).

Лутохина, вскоре ставшего новгородским дворцовым дьяком. Осенью 1610 г. Евстрат Мустофин оказался в Новгороде и по приговору Ивана Салтыкова возвратил себе поместье⁴⁶.

Списки всех поместных дач, сделанных по наказу Ивана Салтыкова, в рукописи перечеркнуты (впрочем, они занимают лишь первые 9 страниц). На с. 9 новый заголовок: «Деревские пятины дачи при боярине и воеводе при князе Иване Никитиче Большом Одоевском да при дьяках 119-го году». В остальной части книги дачи выписываются от имени кн. И. Н. Большого Одоевского, Одоевского с дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым⁴⁷, Одоевского с боярином князем Владимиром Тимофеевичем Долгоруковым (в отсутствие Салтыкова в Новгороде)⁴⁸ и Одоевского с чашником В. И. Бутурлиным⁴⁹.

Арест и убийство в Новгороде Ивана Салтыкова не повлекло за собой немедленного союза с Подмосковным ополчением; вплоть до апреля 1611 г. документы из новгородских приказов выдавались именем царя Владислава Жигимонтовича и бояр Ивана Никитича Большого Одоевского и Владимира Тимофеевича Долгорукова.

Дальнейшие политические события 1610/11 г. связаны с начавшимися под Новгородом новгородско-шведскими переговорами, закончившимися провалом и имевшими результатом штурм Новгорода войсками Якова Делагарди 16 июля 1611 г. и установлением в Новгороде новой власти во главе с Яковом Делагарди и боярином кн. И. Н. Большим Одоевским.

Имеющиеся в Сборнике памятней сведения говорят о том, что переговоры новгородцев со шведами начались заметно ранее прибытия в город представителей подмосковного ополчения. Ведро вина, предназначенное «немецким людям», было отпущено с Михаилом Борисовичем Боборыкиным из новгородского винного погреба уже 23 марта 1611 г. В тот же день три ведра вина было выдано «для немецкие посылки» Гаврилу Бекетову.

Личности обоих новгородцев, с помощью которых были начаты отношения с Делагарди, примечательны. Михаил Борисович Бобо-

⁴⁶ Даточные книги Деревской пятины... С. 7–8.

⁴⁷ Там же. С. 76–77.

⁴⁸ Там же. С. 56–57, 69–70.

⁴⁹ Там же. С. 70–71, 83–84.

рыкин служил третьим воеводой Новгорода в 1605/06 г.⁵⁰ В 1608 г. он вместе с Иваном Судаковым и Андреем Бунаковым, а также смоленскими дворянами провожал из Москвы к польской границе Александра Гонсевского и других польских послов⁵¹. В 1609–1610 гг. Боборыкин в составе войск М. В. Скопина-Шуйского участвовал в походах к Александровой слободе, Троице, в снятии осады с Москвы. В критический момент при с. Клушино М. Б. Боборыкин вместе с думным дворянином Гаврилом Пушкиным был послан кн. Дмитрием Шуйским уговаривать «немцев» не уходить от московского войска. И «Михайла тут немцы в полон взяли, а Гаврила Пушкин ушел»⁵².

Полонный опыт имел и Гаврило Савинов сын Бекетов. В десятне Водской пятины 1605 г. его скитания описываются следующим образом: «В Иванегороде в толмачах для Свейскаго языку, а в московском списке и в десятне 112 году к поместному и к денежному верстанью не написан: Гаврило Савинов сын Бекетов, и во 114 году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Свеи 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без верстанья за полон и за службу в Вотской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иванегороде на время для толмачества свейскаго языку, а поместным де окладом не верстан, и государь бы его пожаловал, велел его поверстать поместным верстаньем, кому он в Вотской пятине в версту отечеством и службою. А денежное де государево жалованье оброк емлет из чети, и прежнюю свою ввозную поместную грамоту клал, а в грамоте прежний его оклад написан 400 чети. И боярин и воеводы Михайло Глебович Салтыков да Василий Иванович Белеутов да дьяк Михайло Огарков Гаврила Бекетова поместьем поверстали по его поместью с детьми

⁵⁰ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 84.

⁵¹ Это от них бежали к Тушинскому Вору Марина Мнишек с отцом (Из родословной росписи, представленной в Герольдмейстерскую контору камергером А. Дивовым и гвардии капитаном Н. Дивовым, с известием о службе их предка В. И. Дивова, в том числе и об участии его в боях с восставшими в 1606–1607 гг. под Смоленском, Вязьмой, Можайском, Москвой, Калугой и Тулой. 1789 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 359–360).

⁵² Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 208.

боярскими Вотския пятины. А окладчики про него сказали, что пригодится ему быть в 550 чети»⁵³.

Миссия Боборыкина и Бекетова, по всей вероятности, была ответом на письма Делгарди к князю Одоевскому из Лопского погоста, написанные в марте 1611 г.⁵⁴

Одновременно с началом переговоров были предприняты меры по усилению обороны города. 29 марта ведро вина было выдано атаману Семену Заруцкому и 50 казакам его станицы, стоявшим на карауле у Петровских ворот, «за то что они у тех ворот стоят, днюют и ночуют».

В апреле взаимоотношения со шведами активизировались. 11 числа «для немецкие посылки» было отпущено из государева погреба 28 чведер вина. Получали вино Потап Нарбеков⁵⁵, уже упоминавшийся Гаврило Бекетов и подьячий Василий Бехтеев, которому на следующий день, 12 апреля было также выдано для немецких людей «три пуда меду, буде им кислово не дано». Тогда же ведро вина получил толмач Тимофей Хахин.

В эти дни Сборник упоминает и небезызвестного дьяка Ивана Тимофеева. 21 апреля он был с ратными людьми послан к Москве, получив на дорогу пять ведер вина⁵⁶. Судьба этой миссии неизвестна, во всяком случае осенью 1611 г. Тимофеев находился в Новгороде.

Следующий этап политической истории Новгорода, как правило, связывают с прибывшими в Новгород представителями Подмоховского ополчения и прежде всего с чашником Василием Ивановичем Бутурлиным. Однако кроме него крупными представителями московских таборов, появившимися в Новгороде после переворота, были бывшие тушинцы князь Семен Григорьевич Звенигородский и дьяк Денис Софонов.

⁵³ Десятня Водския пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 472.

⁵⁴ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 12.

⁵⁵ Помещик Бежецкой пятины. Служил письменным головой дворян Бежецкой пятины, посланным в 1608 г. из Москвы против Лисовского под Иосифо-Волоколамский монастырь с думным дворянином и воеводой Гаврилом Григорьевичем Пушкиным (*Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 48).

⁵⁶ Сборник памяти. Л. 124.

Вместе с ними в Новгород приехали дворяне московские: князя Юрий Звенигородский и Семен Хованский, Данило Замыцкий, Федор Пушкин и Борис Поливанов, а также некоторые другие москвичи, 6 мая они получили по два ведра вина.

Князь Семен Григорьевич Звенигородский служил боярином и дворецким у Лжедмитрия II. Интересно, что служба кн. С. Г. Звенигородского была связана с Новгородом и в более раннее время. В 1600 и 1607 гг. он служил воеводой в Копорье, одном из новгородских пригородов⁵⁷. 6 мая 1611 г. он оказывается в Новгороде⁵⁸. Между 11 и 13 мая 1611 г. К нему и к думному дьяку Д. И. Софонову было послано три ведра вина, 28 мая им же было отослано два ведра вина (вероятно, на переговоры, на которые Софонов и кн. Звенигородский поехали с подьячими Тимофеем Внуковым и Исаком Кудриным). 9 июня (опять одновременно с Софоновым) получил три ведра вина, 6 июля — еще три ведра вина.

⁵⁷ Князь С. Г. Звенигородский известен как выборный дворянин по Дорогобужу в 1577 г. (Боярский список 1577 г. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 191—202) и в 1588—1589 гг., когда был назначен в посольство в Грузию (Боярский список 1588—1589 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора... С. 203—248); позднее, в 1598—1599 гг. (Боярский список 1598—1599 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора... С. 250—258) и в 1606—1607 гг. — дворянин московский, написан на службе в Чернигове (Боярский список 1606—1607 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора... С. 291—302). В 1600 г. служил воеводой в Копорье, вместе с «Матвеем Степановичем» (Дело о трех беглых латышах. 1600, апрель // *Дела Тайного приказа.* Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 267—269), также в 1607 г. (Письмо к воеводе Копорскому князю Семену Григорьевичу Звенигородскому, от шведского фельдмаршала и Выборгского ландсгевдинга Акселя Рининга просительное, о свободном пропуске шведских войск, по обещанию российских послов, чрез Российскую область, для учинения полякам отпору в нападении на Лифляндию, и о даче оным войскам за наличный платеж съестных припасов // Реестр грамотам шведского двора // ДРВ. 1782. Ч. 2. № 19. С. 57). В тушинском лагере — боярин и дворецкий (*Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 540). В боярской книге 1627 г. — дворянин московский (Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 67).

⁵⁸ Сборник памяти. Л. 141, 149.

Еще один деятель Тушинского лагеря, оказавшийся в Новгороде в конце весны 1611 г. — печатник и думный дьяк Второго самозванца Денис Игнатьевич Софонов, потомственный московский приказной⁵⁹. В Сборнике он именуется не думным дьяком, а думным дворянином. В середине мая Д. И. Софонов несколько раз получал вино вместе с кн. С. Г. Звенигородским, а 28 мая отправился на переговоры с Деллагарди. Оба они покинули Новгород за 10 дней до штурма, 6 июля 1611 г., видимо незадолго до заключения перемирия⁶⁰.

Прибывший в город в апреле чашник и воевода В. И. Бутурлин впервые упоминается как получатель вина 9 мая 1611 г.⁶¹ С этого времени ему регулярно выдают вино почти до самого новгородского штурма. В июне 1611 г. в Новгород прибывают еще два деятеля Подмосковного ополчения.

Первый из них — дьяк Афиноген Голенищев, известный тем, что еще в 1605 г. вместе с Василием Ивановичем Бутурлиным раздавал деньги под Кромами⁶², позднее, в 1610/11 г., был назначен земским дьяком в Ярославль⁶³. 2 июня 1611 г. получил из новгородского винного погреба пять ведер вина⁶⁴, а за день до взятия Новгорода шведами, 15 июля 1611 г. подписал память о выдаче двух кружек вина стрелцкому сотнику Ивану Паршину⁶⁵. По словам Ивана Плещеева (в октябре 1611 г.), просившего у правительства Владислава поместья

⁵⁹ Печатник и думный дьяк Разрядного приказа у Лжедмитрия с октября 1608 по июнь 1609 г., с 21.10.1611 г. по 25.07.1612 г. думный дьяк и печатник в ополчении Трубецкого и Заруцкого, в конце февраля 1613 г. — дьяк в Москве, в 1619 г. дьяк Владимирского судного приказа. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 484–486).

⁶⁰ *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами... С. 119.

⁶¹ Сборник памяти. Л. 146.

⁶² Опись архива Разрядного приказа XVII в. / Подг., вст. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 48.

⁶³ Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 85.

⁶⁴ Сборник памяти. Л. 158; вар.: 2 июля (Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 18).

⁶⁵ Память погребному приказчику Григорию Афанасьеву да целовальнику Ивану Федотову с товарищи выдать сотнику стрелцкому Ивану Паршину две кружки вина за приписью дьяка Афиногена Голенищева. 1611. 15.07 // RA, NOA. Serie 2:119. Л. 3.

Афиногена Голенищева в Ярославском уезде, тот «умер в воровских таборах»⁶⁶. На самом деле Афиноген Голенищев был убит при взятии Новгорода шведами⁶⁷.

Другим представителем ополчения был князь Петр Иванович Пронский. Единственная запись о выдаче ему ведра вина относится к 21 июня 1611 г.⁶⁸ Вероятно, он покинул Новгород вместе с кн. С. Г. Звенигородским и дьяком Д. И. Софоновым, однако в Новгороде осталась его жена Авдотья. Повесть о Земском соборе 1613 г. упоминает боярина Петра Пронского как восьмого из кандидатов на царский престол⁶⁹. Примечательно, что его жена жила в Новгороде и во время Земского собора, уехав в Москву с гонцом Воином Богучаровым 14 марта 1613 г.⁷⁰, уже после избрания на московский престол Михаила Романова.

28 мая 1611 г. Деллагарди двинулся из Сольцов на Новгород (в Сольцах, вероятно, простоял с начала зимы 1611 г.)⁷¹. К Новгороду он подошел 2 июня 1611 г. и встал в Хутынском монастыре.

Активные переговоры начались только 6 июня 1611 г. В этот день к чашнику и воеводе В. И. Бутурлину в Спасский Хутынский монастырь, где велись переговоры, было отправлено 20 ведер вина, столько же — на следующий день. Особая порция вина была отпущена в конце месяца, 27 июня — десять ведер вина «в приемошное ведро, а вино бы было доброе, чтобы неметцким людем въ почесть было».

Именно в конце июня — начале июля 1611 г., в дни накануне «новгородского взятия», наиболее интенсивно выдавалось вино из государственных запасов. 1 июля было выдано пять ведер вина казакам и по кружке вина есаулам приказа атамана Тимофея Шарова, а также ведро вина сотне дворян Водской пятины, возглавляемых

⁶⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 120.

⁶⁷ [*Шокарев С.*] Указатель имен // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 493.

⁶⁸ Сборник памяти. Л. 189.

⁶⁹ Повесть о Земском соборе 1613 года // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 457.

⁷⁰ Приходно-расходные книги государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 547, 549–550.

⁷¹ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 16.

Никитой Вышеславцовым. Тогда же 10 ведер вина было отпущено вновь в Хутынский монастырь чашнику и воеводе В. И. Бутурлину, «для болшого неметцкого съезду, а взяти вина доброго», а также ведро вина посланному туда же князю Ивану Афанасьевичу Мещерскому. 4 июля пять ведер вина с подьячим Немиром Ручкиным было отправлено лично Якову Деллагарди и десять ведер вина для шведских дворян-участников переговоров «дияку Монше Мартынову» (секретарю М. М. Пальму). Еще два ведра вина было предназначено толмачам. На следующий день, 5 июля, в Хутынский монастырь отправили еще три ведра вина.

Интересна запись от 6 июля. Получателями вина в этот день явились боярин кн. С. Г. Звенигородский и думный дьяк Денис Софонов. В Сборнике не отмечены обстоятельства получения ими вина, но это последние упоминания об этих представителях подмосковного ополчения в источнике. Вероятно, вскоре после 6 июля они вместе с московскими дворянами отбыли из Новгорода под Москву.

Последняя запись о посылке шести ведер вина чашнику В. И. Бутурлину, но уже не для переговоров, а «про ратных людей», относится к 9 июля, т. е. на следующий день после заключения перемирия с Деллагарди.

Обстоятельства взятия Новгорода подробно рассмотрены в двух статьях П. В. Седова. Ученый выяснил, что рассказ об этих событиях, содержащийся в Новгородской третьей летописи, использует «Повесть о взятии Московском и о пленении земли Руские от царя Тохтамыша», и он не может считаться достоверным⁷². По мнению Седова, город в июле 1611 г. совершенно не был подготовлен к обороне. За три недели до штурма 27 июня стороны обменялись заложниками. Еще во время переговоров, 8 июля, дьяк Голенищев позволил себе открыто угрожать шведам. В тот же день новгородцы напали на шведов, прикрываясь дымом подожженных ими предместий. Через 4 дня, 12 июля новгородцы вновь осуществили серьезную вылазку против войск Деллагарди. 16 июля Софийская сторона Великого Новгорода была взята штурмом. Через день, 17 июля, шведы заняли и торго-

⁷² Седов П. В. Интриги смутного времени, или Как холоп Шваль предал новгородцев // ВИЖ, 1996. № 2. С. 84–89.

вую сторону. В. И. Бутурлин и Л. А. Вельяминов, разграбив торговые ряды, ушли из города вместе с казаками. По мнению Н. П. Лыжина, эти действия Бутурлина вызвали под Москвой одобрение главы ополчения, П. Ляпунова⁷³. Василий Гаютин, Тимофей Шаров и Афиноген Голенищев погибли при штурме Новгорода. П. В. Седову удалось выявить другие имена защитников, павших на улицах города: Афанасий Бутенев⁷⁴, Тимофей Бундов, Степан Кузминский, Михаил Нармацкий, Русин Данилов сын Хомутов, Шестой Палицын. Кн. Михаил Иванович Мещерский и есаул Степан Неустроев были тяжело ранены. Ученый обнаружил записи в синодиках Входеоерусалимской церкви Новгорода, свидетельствующие о том, что павшие при штурме Новгорода в июле 1611 г. поминались в этом храме на протяжении трех столетий⁷⁵.

Государев винный погреб продолжал выдавать вино по памятям и после штурма. Так был дан заголовок новому разделу в приходно-расходной книге государева винного погреба: «Да старого ж вина⁷⁶ в росходе июля с 17 числа»⁷⁷. Первые недели получателями вина являются только представители новой шведской администрации: Деллагарди, М. М. Пальм, Ганс Бойе (Анц Бой), Эверт Горн (Ивер Гор) и другие. Только 16 августа два ведра вина из казенных запасов получил представитель русской администрации, упоминавшийся выше дьяк Андрей Лысцов⁷⁸. Аналогичная документация по более поздним годам в архиве Новгородской приказной избы не сохранилась.

25 июля 1611 г. новгородцы во главе с митрополитом Исидором и кн. И. Н. Большим Одоевским заключили с Деллагарди договор, по которому один из шведских принцев должен был стать царем «Новгородского и Московского государства». Почти одновременно под Москвой был убит один из вождей ополчения Прокопий Ляпунов.

⁷³ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 4.

⁷⁴ По П. В. Седову неверно: «Батенев»

⁷⁵ Седов П. В. Интриги смутного времени... С. 89, прим. 22.

⁷⁶ «Новым» вином именовалось вино, конфискованное 28 марта 1611 г. на дворе Ивана Салтыкова, расход которого в книге отмечался отдельной статьей.

⁷⁷ Приходно-расходные книги государева винного погреба... С. 21.

⁷⁸ Там же. С. 31.

Вскоре ополчение во главе с кн. Д. Т. Трубецким признало царем Псковского вора — т. н. Лжедмитрия III. Делагарди, заняв Новгород, на свой страх и риск принимает решение продолжать навязывать кандидатуру одного из принцев в качестве кандидата на престол. В этом смысле типологически близки действия Жолкевского под Москвой на переговорах с боярами в августе 1610 г. и Делагарди на переговорах с Бутурлиным, позднее с новгородцами. Дальность расстояний и необходимость оперативно принимать решения толкали обоих военачальников на самостоятельные действия, граничащие с авантюрой. Как пишет И. О. Тюменцев, в конце лета 1610 г., «когда Сапега с войском подошел к столице, где уже стояли войска Жолкевского, последний явно блефовал, стремясь спровадить первого из-под Москвы, когда предлагал Лжедмитрию II на выбор Самбор или Гродно, если тот уйдет из-под Москвы»⁷⁹. В аналогичном положении оказался и Делагарди.

Осенью 1611 г. умер шведский король Карл IX, и старший из принцев, Густав Адольф, становится королем. Незадолго до того, 27 августа, из Новгорода в Швецию отправился вяземский сын боярский Иван Якушкин. В ноябре, уже после смерти Карла IX, Якушкин прибыл в Нючепинг, в начале 1612 г. он был дважды принят Густавом Адольфом и в начале февраля отпущен из Стокгольма⁸⁰.

25 декабря 1611 г., вслед за Якушкиным, в Стокгольм отправилось новгородское посольство с просьбой о присылке королевича на Московское царство. История этой миссии была подробно рассмотрена в монографии Г. А. Замятина⁸¹. Среди участников посольства юрьевского архимандрита Никандра, отправленного в конце декабря 1611 г. в Новгород, лучше всего изучена биография торговых людей Иголкиных. Современный комментатор «Истории» Юхана Видекина И. П. Кулакова привела подробный анализ их биографий⁸². Она связала Степана и Ивана Иголкиных с родом псковских купцов

⁷⁹ Тюменцев И. О. Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607—начало 1610 года // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 270—283.

⁸⁰ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 36—37.

⁸¹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа...

⁸² Кулакова И. П. Комментарии // Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 600.

Иголкиных, потомков жившего в XV в. псковского купца Игнатия Иголкина. Участники посольства Степан и Иван Иголкины были сыновьями псковского купца Юрия Иголкина и принадлежали к верхушке псковского купечества. Степан Иголкин был новгородским таможенным головой в 1592 г. По предположению исследовательницы, Иголкины могли быть среди бежавших из Пскова «лучших людей» в 1608 г. Однако это не так. Юрий Иголкин обосновался в Новгороде уже в начале XVII в. В 1602 г. с его двора была взята «колымажка» для эскорта датского принца Ганса, следовавшего в Москву⁸³. Жена С. Иголкина Устинья осталась в Новгороде и испытывала денежные затруднения. В 1612 г. ей по указу Делагарди из судебных пошлин было выдано 30 рублей денег⁸⁴.

Поздней осенью 1611 г. объединенное новгородско-шведское войско под руководством Никиты Вышеславцева (сына боярского Водской пятины, оборонявшего в 1609 г. Ярославль от тушинцев) и Эверта Горна выступило на восток Новгородской земли. Поход был призван восстановить власть Новгорода над пятинами, прежде всего Деревской и Бежецкой. Ключевым пунктом этого похода стал район Липенского Котлована и Устрецкий острожек. Однако по пути к ним шедшие по Московской дороге новгородцы и шведы столкнулись на Коломенском погосте, где также стоял особый острожек, с казаками во главе с кн. Василием Агишевичем Тюменским⁸⁵.

⁸³ Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власьеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602. 4.08 // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16.

⁸⁴ Книги сбора судной пошлины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122. С. 115.

⁸⁵ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Пронки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 31. Князь Василий Агишевич Тюменский еще в июле 1578 г., будучи вторым воеводой Большого полка, местничал с первым воеводой Передового полка В. Ф. Шереметевым (*Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 65. № 254). 31 декабря 1581 г. в зимнем походе на свейских немцев служил воеводой в полку левой руки (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 324). После 5 апреля 1583 г., с ним, первым воеводой Большого полка и Передового полка, местничал первый воевода Передового полка и полка левой руки П. Я. Салтыков (*Эскин Ю. М.* Местничество... С. 77. № 375). 1 августа 1585 г. с ним, первым воеводой Передового полка, и его братом Романом, первым воеводой Сторожевого полка, снова местничал второй воевода Большого полка П. Я. Салтыков (Там же. С. 83. № 428). После 15 апреля 1589 г.

В начале 1612 г. Второе ополчение оказывается в Ярославле. Оттуда оно отправляет посольство к Делагарди в Новгород для обсуждения кандидатуры шведского принца на московский престол.

В это время в Новгороде стабилизируется правительство. Видимо, новгородцы чувствовали трагизм и двойственность ситуации: при формальном соправительстве большая часть доходов передавалась гражданскими властями властям военным, т. е. шведскому корпусу. Роль кн. Ивана Никитича Большого Одоевского, видимо, была номинальной. Решения принимались М. М. Пальмом⁸⁶, чья виза на документах была приравнена к визам новгородских дьяков.

Г. А. Замятин, изучая вопрос о реальности кандидатуры шведского принца на Московский престол, особое внимание уделил обмену посольствами между Новгородом и Ярославским ополчением. В апреле 1612 г. из Ярославля в Новгород выехало посольство дворянина С. Л. Татищева, прибывшее 12 мая и пробывшее в городе неделю (состав посланных перечислен в Приложении 2 к настоящей главе). Татищев уже был участником посольств Смутного времени: в сентябре 1610 г. он был послан в лагерь короля Сигизмунда III под Смоленск⁸⁷. Сохранилось известие о дарах ярославскому посольству: у посадского Ивана Пепельникова было взято на 24 рубля 22 алтына камки «на ярославских послов в дары»⁸⁸, еще 125 аршин

с ним, вторым воеводой Большого полка, успешно местничал кн. В. К. Черкасский, первый воевода полка Левой руки (Там же. С. 94. № 530). 7 марта 1591 г., будучи первым воеводой Сторожевого полка, успешно местничал с кн. Б. К. Черкасским, первым воеводой Большого полка (Там же. С. 99. № 588). 1 мая 1595 г., будучи вторым воеводой Передового полка, успешно местничал с кн. В. И. Буйносовым, вторым воеводой Большого полка (Там же. С. 110. № 701). 29 апреля 1596 г., будучи вторым воеводой полка Левой руки, безуспешно местничал с боярином Ф. Н. Романовым, вторым воеводой полка Правой руки (Там же. С. 111. № 716). Видимо, к 1611 г. он был достаточно пожилым человеком.

⁸⁶ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 2.

⁸⁷ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

⁸⁸ Книги сбора судной пошлины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:122.

без четверти камки было взято на 100 рублей 10 денег у посадского Филиппа Шапочника⁸⁹.

Степан Татищев прибыл в Новгород вместе с сыном Федором. Интересно, что когда его сыну и другому посланному, Ивану Чебышеву, были выданы дополнительные кормовые деньги, то их из Дворцовой избы принес Алексей Григорьев сын Татищев⁹⁰, псковский помещик и дальний родственник дмитровских Татищевых, из которых происходил посланник из Ярославля.

Путь ярославского посольства из Новгорода был непрост. 17 мая, за два дня до отправления послов из Новгорода, на восток были посланы Семен Корсаков, Друган Масленицкий и подьячий Третьяк Посадников готовить корма по станам до Белозерского рубежа. «А на котором стану какова корму будет, и (имярек) о том отписать к посольским приставам, а что кормов останетца, и те кормы отдавати назад волостным людем, а лишних кормов не збирати»⁹¹. Однако дорога не была безопасной. 27 мая 1612 г. часть посольства возвратилась с полдороги в Новгород из боязни «литовских людей», перекрывших дороги⁹². Они оставались в Новгороде до 6 июня⁹³. Замятин, не знакомый с архивом Новгородской приказной избы, недоумевал: почему задержалось ответное новгородское посольство в Ярославль. Видимо, причина такой задержки заключалась именно в опасных дорогах к востоку от Новгорода.

⁸⁹ Сборник памяти от шведской канцелярии в Новгородскую таможенную избу. Русск. и шв. языки. 1613 (?) // RA, NOA. Serie 2:137–А. Л. 15.

⁹⁰ Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

⁹¹ Память Семену Корсакову, Другану Масленицкому и подьячему Тренке Посадникову ехать Дубецкой дорогой до Белозерского рубежа, расспрашивать, куда лучше ехать в Ярославль послу Степану Лазаревичу Татищеву, и собирать корм на послов. 1612, мая 17 // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 33–34.

⁹² Память Пятому Григорьеву от Андрея Лысцова с указанием размеров содержания дворян, воротившихся с дороги от С. Л. Татищева «для литовских людей». 1612. 27.05 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 472.

⁹³ Память от Семена Лутохина Пятому Григорьеву дать из государевы казны полтора рубля ярославским дворянам на дорогу. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 475.

Все же впечатление от увиденного в Новгороде ярославским посольством было исключительно позитивное. Переговоры шли конструктивно, ярославские посланные отмечали, что православным церквям в Новгороде «никакого насилия не чинится» (этот вопрос будет чрезвычайно интересовать Москву на всех переговорах 1615–1617 гг.). 8 июня 1612 г. из Новгорода в Ярославль выехало ответное посольство вяжицкого игумена Геннадия, стольника кн. Ф. Т. Черного Оболенского и Смирного Отрепьева, прибывшее в Ярославль 24 июня. Посольство сообщило руководству ополчения лишь о присяге новгородцев Карлу Филиппу, там же ожидали большего — уже составленного договора с королевичем. Тяжелое впечатление на руководство ополчения произвело также то, что тот до сих пор не побывал в Новгороде и не принял православие. 26 июля в Новгород отправилось новое посольство из Ярославля во главе с Перфирием Секириным, вместе с которым были отпущены новгородцы⁹⁴. Они прибыли в Новгород в августе. 13 августа по Бельской дороге был отправлен подьячий Михаил Кудрявцев навстречу посольствам — игумена Геннадия «да московского государства от бояр и воевод и по избранью всех чинов от столника и воеводы от князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи посланника Перфирия Ивановича Секерина с товарищи»⁹⁵. Секирин пробыл в Новгороде до 30 сентября⁹⁶. По мнению Замятина, долгое нахождение ополчения в Ярославле было связано именно с ожиданием известий из Новгорода⁹⁷. В конце лета ополчение выступило, наконец, к Москве. Отразив подошедшее вспомогательное войско гетмана Ходкевича, объединившись после долгих препирательств с Первым ополчением кн. Д. Т. Трубецкого, Второе ополчение вытесняет из Кремля поляков. Казаки Трубецкого берут почти полную власть над Москвой, а сам Трубецкой считает-

⁹⁴ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 51–65.

⁹⁵ Грамота бояр и воевод подьячему Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.

⁹⁶ Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69. Л. 32.

⁹⁷ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 51–67.

ся наиболее вероятным кандидатом на Московский престол. Однако под давлением казаков и вышедших из Кремля бояр 21 февраля 1613 г. на Московское царство избирается Михаил Романов. К лету 1613 г. его признает большая часть северо-восточных и южных уездов Московского государства.

Г. А. Замятин подробно рассмотрел переписку между руководителями Второго ополчения и Новгородом, показав, что первые вполне искренне желали избрания на престол одного из шведских принцев. В этом же ключе и вся риторика переписки между ополчением и новгородским правительством, продолжавшейся почти до самого избрания Михаила Федоровича. Последовавшие за этим избранием месяцы были временем утверждения на Московском престоле нового царя. В совсем небесспорной монографии Л. Е. Морозовой⁹⁸ достаточно подробно рассмотрен процесс замещения ополченческого руководства в Москве доверенными лицами юного царя. Именно московское правительство, окончательно сформировавшееся к июлю 1613 г., стало по-новому выстраивать отношения с новгородцами.

В 1612 г. Новгород выступает как сторона переговоров во взаимоотношениях с соседями — Псковом, Каргополом, Белозерском, Устюжной. События в Новгороде, успешный на первых порах контакт между новгородцами и шведами имели важнейшее значение для жизни других территорий русского Северо-Запада. Взаимоотношения Новгорода с этими территориями заслуживают отдельного рассмотрения.

Существует два взгляда на поведение новгородцев в 1613–1617 гг. Один сформулирован еще в 1620–1630-х гг. окружением патриарха Филарета Романова и нашел свое выражение в «Новом летописце». Согласно ему, новгородцы, принуждаемые насилием шведов, сперва целовали крест шведскому принцу Карлу Филиппу, а затем при первой возможности стали переходить на сторону Москвы. Вплоть до сегодняшнего дня многие ученые выступают с близких позиций, хотя наиболее отчетливо такой взгляд высказывался в 1940–1950-х гг. В. Лилеевым. Другой взгляд сформулирован в начале XX в. доцентом Упсальского университета Х. Альмквистом и поддержан Г. А. Замятиным. Их мнение заключалось в том, что новгородцы, равно как и

⁹⁸ Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005.

многие руководители ополчений, в частности кн. Д. М. Пожарский, всерьез полагали, что для Московского государства наибольшим благом будет избрать на трон «государева сына» — одного из шведских принцев; после избрания Михаила Федоровича на престол в Новгороде долгое время его считали очередным «казацким царем»⁹⁹; только лишь неуспех переговоров новгородцев с ополчениями, равно как и с Густавом Адольфом, привел к провалу кандидатуры Карла Филиппа. Анализ новых обнаруженных мною документов приводит к несколько неожиданным выводам.

Видимо, самого по себе известия об избрании в Москве на царство Михаила Федоровича было недостаточно для того, чтобы новгородцы в массовом порядке стали «переезжать» на московскую сторону. Необходим был более серьезный импульс. Полагаю, что таким импульсом должны были служить распространяемые из Москвы грамоты.

В грамотах, вестовых отписках, расспросных речах, составленных в 1615 г. и позднее, новгородцы сообщали, что, узнав о царском избрании, они выказали ликование всем городом. Иного отношения после посольства Киприана в Москву они высказать и не могли: в то время уже было решено, что в ближайшие месяцы Новгород должен вернуться под власть московских царей. В то же время давно установлено, что первые сведения о событиях в Москве в январе — феврале 1613 г. у новгородцев, ранее присягнувших Карлу Филиппу, никакого восторга не вызвали. Риторика сообщения Богдана Дубровского о взятии Кремля ополчением, доставленного из Москвы 18 января 1613 г.,¹⁰⁰ чрезвычайно напоминает риторику Повести о Земском соборе. В обоих документах подлинными властителями Москвы именуются каза-

⁹⁹ Я не могу согласиться с О. А. Курбатовым, утверждающим, что Делагарди намеренно ввел в заблуждение новгородцев, представив им Михаила Федоровича очередным казачьим царем (*Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 19*). Думаю, сознательная дезинформация новгородцев весной 1613 г. не входила в планы шведского руководства.

¹⁰⁰ В расспросе перед боярами Б. Дубровский сообщил о взятии Кремля казаками и вознаграждении за взятие лучших и старших казаков сокровищами, о которых мечтали еще тушинцы: «...военачальники разделили между ними всеми доспехи, ружья, сабли и прочие вещи, а также найденные в Кремле деньги, так что каждый казак получит деньгами и ценными вещами по восемь рублей» (Арсеньевские шведские бумаги / Подг. М. В. Муравьев // Сб. НОЛД. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 16–18).

ки. По мнению Г. М. Коваленко, после того, как польский гарнизон взял под контроль боярское правительство, «вся земля» отвернулась от боярского правительства¹⁰¹. Однако в монографии Л. Е. Морозовой¹⁰² высказано суждение о том, что окончательных решений ополчение и его лидеры не принимали. Высланные в свои поместья бояре вскоре оказались в Москве и вплоть до апреля 1613 г. принимали основные решения. Лишь позднее власть оказалась в руках Михаила Федоровича и его приближенных. Число репрессированных после взятия Москвы «коллорабационистов» было крайне невелико, а их именной состав указывает на то, что вопрос об ответственности бояр позднее мог ставиться только в ходе местнических споров. Документы как «московского», так и «новгородского» происхождения крайне тенденциозны. Сложно определить, в каких случаях фигуранты тогдашней политической жизни (а ими в условиях гражданской войны были практически все социально активные жители Северо-Запада) были искренни в своем стремлении служить царю Михаилу Федоровичу или королевичу «Карлусу Филиппу Карлусовичу» — когда их поступками руководил страх, когда — стремление заслужить прощение за прежние проступки, а когда — стремление к «правде».

Еще один аспект проблемы восприятия в Новгороде Михаила Романова государем заключается в том, что изначально идея единства Московского государства определяется как господствующее настроение во всех частях и областях русских земель, которые к 1617–1619 гг. вновь были объединены вокруг Москвы. С точки зрения современников, видимо, все было не столь очевидно. Позиция новгородского гостя Степана Иголкина, высказанная в Выборге — об «историческом единстве» Новгорода и Москвы, вряд ли разделялась всеми новгородцами в 1612–1613, да и в 1614 г. То же самое, как известно, не может быть сказано и о позиции казанских властей в 1613 г.¹⁰³ Не-

¹⁰¹ *Kovalenko G. Troubled years. The background of the Occupation // Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005.*

¹⁰² *Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 178–179.*

¹⁰³ Подробнее: *Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства и социально-политическая борьба в Казани начала XVII в. // Лукичев М. П. Боярские книги XVII в. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 189–197.*

сомненно, вопрос о религиозной принадлежности государя и подданных был для людей XVII в. гораздо более важен, чем вопрос о политическом единстве (выше, в 3 главе, я писал об упреках ивангородцев новгородским дворянам в отступлении от православия и уклонении в «люторову веру»). Неслучайно и в XVII в. развитие этой идеи пошло в направлении тождества религиозной принадлежности и подданства¹⁰⁴.

Решение о встрече в Выборге было принято Густавом Адольфом в декабре 1612 г. 18 декабря он послал в Новгород Федора Боборыкина¹⁰⁵ с предписанием к началу 1613 г. собраться в Выборге уполномо-

¹⁰⁴ Страхова О. Б. Несколько замечаний по поводу обращения в православие в XVII веке // *Palaeoslavica*. Т. 7. 1999. С. 343–350.

¹⁰⁵ Г. А. Замятин сомневался, может быть, речь шла о М. Б. Боборыкине, участнике посольства юрьевского архимандрита Никандра 1611 г.. Однако тот, вероятно, к этому времени скончался в Стокгольме. Более его имя в источниках не встречается. Федор Васильев сын Боборыкин был его дальним родственником. Имя его встречается в источниках, начиная с 1591/92 г., когда с ним и с его братом Тимофеем о беглых крестьянах Андрея Бачманова судился брат того Стахей (Книги переписные судным, и разбойным, и татиным делам, и запискам, и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и с управных дел и холопным книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПБ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 288). Он назван среди помещиков Волокодержковского погоста в 1593/94 г. (Список с дозорных книг Бежецкой пятины дозору Воина Завалишина. 1593/94 г. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 731. Л. 29), 1606/07 г. (Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Бежецкой пятины Белозерской половины сбора губных старост Ивана Висленева да Льва Володимерова. 1606/07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 237) и в марте 1612 г. (Дозорные книги погостов Прокофьевского и Богородицкого на Белой, Покровского, Иванского и Никольского на Волоке Держкове и Петровского и Борисоглебского Боровицкого Белозерской половины Бежецкой пятины обыска Григория Полуэктовича Аничкова и Степана Артемьевича Лаптева. 1612, марта // RA, NOA. Serie 1:66. С. 36). Ф. В. Боборыкин записал за себя холопа в Белозерской половине Бежецкой пятины вместе с братом Тимофеем в 1593/94 и в 1594/95 г. и один в 1602/03 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 361). По верстанию 1605/06 г. Ф. В. Боборыкин — городской сын боярский, со старым (1603/04 г.) окладом в 300 четвертей, новым в 550 четвертей. Он получал старого жалованья с городом 7 рублей, нового 12 рублей (Десятия Деревской пятины верстания кн. М. П. Катыева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 68). По списку Ивана Салтыкова конца 1610 г. Ф. В. Боборыкин имел

моченным не только от Новгорода, но и от всего Московского государства¹⁰⁶. Однако было уже поздно. В Москву в это время уже съезжались выборные от «Всей земли». При этом Боборыкин отправился в Москву и, по некоторым сведениям, был там хорошо принят казаками, находился в Москве во время избирательного собора и позже был задержан¹⁰⁷. В июле 1613 г. Карл Филипп прибыл в Выборг, сопровождаемый новгородцами-участниками посольства архимандрита Никандра, еще в конце 1611 г. отправившимися в Стокгольм. Однако, ожидая встретить там посланных от всего Московского государства, он увидел в Выборге только новгородцев.

оклад 650 четвертей. К этому времени он владел 350 четвертями поместья в Деревской и Бежецкой пятинах. (Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 52–53). К 20 декабря 1611 г. Боборыкин был определен к отправке в Швецию и получил грамоту, освобождающую от платежей его поместье в Григорьевой половине Морозова Деревской пятины (Отписка губного старосты Деревской пятины половины Григория Морозова Андрея Обуткова новгородским боярам и воеводам Якову Пунтосовичу Делгарду и князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому о сборе на ратных людей денег и шуб с погостов и волостей Деревской пятины. 1611. 20.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 161. С. 281–283). Его приказчик в конце января или феврале (?) 1612 г. отказался платить что-либо, «сказывая у себя грамоты» (Челобитная (отписка) губного старосты Андрея Обуткова боярам и воеводам с отчетом о сборе шуб, денег и кормов с Григорьевой половины Морозова и просьбой уточнить некоторые особенности платежей. 1612, после января // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 176–179). Сын Федора, Роман, был включен в список находящихся в Новгороде пленных, составленный в Москве в апреле 1615 г. По словам шведских уполномоченных, «послан деи отец его был в посланных к Москве да не бывал, и нам бы деи и отца взять, не токмо что сына отдать» (Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 212–213). В. Г. Гейман не смог идентифицировать Федора Боборыкина с кем-то из новгородских дворян, предположительно связав его с известным по Бархатной книге Федором Федоровичем Боборыкиным, сыном Федора Борисовича Боборыкина, убитым «от самозванца под Москвой» и племянником Михаила Борисовича Боборыкина ([Гейман В. Г.]. Комментарий // *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 604). Однако в Бархатной книге «от самозванцов под Москвою» убит не Федор Борисович, а Федор Афанасьевич Боборыкин, действительно имевший младшего сына Федора («Бархатная книга», изданная Н. И. Новиковым. М., 1787. С. 120).

¹⁰⁶ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 26.

¹⁰⁷ Там же. С. 90.

Г. А. Замятин первым рассмотрел состав посольства хутынского архимандрита Киприана в Выборг. Не будучи знаком с источниками, происходящими из архива Новгородской приказной избы, Замятин все же справедливо предположил, что посланные были авторитетными людьми в новгородском обществе¹⁰⁸. Интересен факт общения новгородских дворян — участников посольства в Стокгольм, с оказавшимся в Швеции одним из детей боярских, посланных за границу для обучения Борисом Годуновым. Во второй половине июля 1613 г. трое из посланных, дворянин московский Федор Бутурлин и новгородцы Лука Баранов и Гордей Судаков, обратились с письмом к находившемуся в Стокгольме Игнатию Андреевичу Кучину. В письме (Приложение 3 к настоящей главе) сообщается о прибытии всех троих новгородцев в Выборг из Стокгольма вместе с королевичем. Оно содержит просьбу выполнить некое поручение Бутурлина в Стокгольме. Это письмо — единственное свидетельство о контактах И. А. Кучина с новгородцами после установления в Новгороде правительства Делагарди — Одоевского. Его письма к семье исследованы и опубликованы С. В. Зверевым¹⁰⁹, а биография — Д. В. Лисейцевым¹¹⁰.

Разочарованный, после недолгих переговоров шведский принц 17 октября 1613 г. уехал в Швецию. Еще в мае начинается столкновение шведов и москвичей под Тихвинским монастырем, закончившееся поражением шведов.

С конца 1613 г. в Новгородской земле наступает ожесточение, все новые уезды целуют крест Михаилу Федоровичу. В сентябре 1613 г. из Выборга в Новгород были отпущены оставшиеся в живых участники посольства архимандрита Никандра, однако по дороге они были перехвачены в д. Суйда псковскими казаками и отправлены в Москву. 11 марта 1614 г. участники миссии архимандрита Киприана в Выборг послали челобитную от себя Делагарди с просьбой отпустить их в Новгород, но только 15 августа 1614 г. они вернулись домой¹¹¹.

При этом летом 1613 г., несмотря на поражения под Тихвином и Гдовом, в Новгороде и в уезде всерьез готовились к встрече Карла

¹⁰⁸ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 95.

¹⁰⁹ Зверев С. В. Новые материалы о русских студентах в Любеке в начале XVII в. // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 260—269.

¹¹⁰ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху смуты. М., 2003. С. 369.

¹¹¹ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 118.

Филиппа. По станам на дороге ставили провизию, которую заготавливали в огромных объемах. Так, в Ладогe 24—30 июля 1613 г. было собрано 144 яловицы и 215 баранов из Заонежья.

Таблица 2. Количество мелкого рогатого скота, собранного в Ладогe 24—30 июля 1613 г. для королевича Карла Филиппа

Погост	Яловицы	Бараны
Оштинский стан, Воскресенский Важенский погост	59	59
Оштинский стан, Рождественский Пиркиничский погост	10	10
Водлозерский стан, Никольский Андомский погост	—	75
Ильинский погост в Винацах	28	28
Дмитриевский погост в Сотцких	2	2
Никольский погост в Шуе	31	29
Рождественский Остречинский погост	14	12
Итого	144	215

Источники: Отписка ладожского воеводы В. Ф. Бутурлина Якову Делагарди и боярину кн. И. Н. Большому Одоевскому о количестве скота, пригнанного из погостов в Ладогу с 24 по 30 июля для королевича Карла Филиппа и для шведов. 1612, июля после 30 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 524.

Подготовку к визиту Карла Филиппа можно сравнить с беспрецедентными по интенсивности правительственными мероприятиями накануне приезда в Московское государство датского принца Иоганна в 1602 г.¹¹²

Поражение шведских войск под Тихвином в 1613 г. привлекает внимание исследователей с начала XX в. И. П. Мордвинов оценивал события 1613—1614 гг. под Тихвином как этап гражданской войны¹¹³. В середине столетия о событиях в Тихвине писала К. Н. Сербина¹¹⁴, впервые подробно рассмотревшая последовательность боевых действий. Недавно из печати вышла работа Ю. М. Эскина, в которой

¹¹² Об этом в моей работе: Селин А. А. Ивангородская дорога. СПб., 1996.

¹¹³ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999.

¹¹⁴ Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951. С. 39-43.

представлен уникальный источник по истории осады Тихвинского монастыря, составленный, видимо, со слов одного из важнейших инициаторов перехода Тихвина на сторону Москвы Андрея Григорьевича Трусова¹¹⁵. Новый взгляд на события под Тихвином 1613–1614 гг. содержится в недавно вышедшей в свет монографии московского историка Олега Курбатова¹¹⁶, которую я не раз упоминал и которую нет смысла здесь пересказывать¹¹⁷, и в нескольких предшествовавших ей публикациях¹¹⁸. Согласно Курбатову, направленные к Пскову девять станиц казаков, оказавшихся летом 1613 г. в Бежецком Верху, к которым первоначально был прислан дворянин Владимир Аничков, а затем — молодой воевода кн. С. В. Прозоровский, фактически саботировали указание пробиваться к Пскову, стремясь пройти в неразграбленные части Новгородской земли. Известие о наличии в Бежецком Верху московского войска и побудило А. Г. Трусова к перевороту в Тихвине, после чего казаки вынудили воеводу С. В. Прозоровского идти к Тихвину монастырю, а не ко Пскову, чего требовал наказ из Москвы. Исследование О. А. Курбатова сегодня может считаться лучшим, где развернуто представлена расстановка политических сил в районе Тихвина в середине 1613 года. Впрочем, в некоторых оценках ученого заметно использование непроверенных данных других исследователей, в том числе Е. И. Кобзаревой, что влечет за собой серьезные просчеты в оценке исторических событий. Совершенно несправедливо мнение о том, что шведы, находясь у власти в Новгороде, щедро жаловали своих сторонников (видимо, в ущерб противникам). Все поместные пожалования 1611–1616 гг. производились, так сказать, в текущем порядке. Основанием для пожалований были поместные оклады служилых людей, а не благоволение к тем или иным лицам администрации. Московский ис-

¹¹⁵ Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 300–307.

¹¹⁶ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

¹¹⁷ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

¹¹⁸ Преимущественно в Интернете. Ср., напр.: Курбатов О. А. Тихвинские «осадные сидельцы» 1613 года/ Первая победа царя Михаила Федоровича // Седмица. Ру 2004. (<http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=423&did=15368>; перепечатано также: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=318460>).

следователь вслед за Кобзаревой употребляет ничего не значащий термин «судья по сбору пошлин» применительно к В. И. Трусову¹¹⁹. Точно так же он повторяет достаточно спорный тезис Ю. М. Эскина о старинной службе Трусовых боярам Захарьиным (что, по мнению О. А. Курбатова, было одной из счастливых для Московского государства страниц, так как назначение шведами в тихвинские воеводы именно А. Г. Трусова привело к переходу новгородских служилых людей гарнизона на сторону Москвы).

Число новгородцев, «отъехавших» на московскую сторону после перехода гарнизона крепости на сторону Москвы и соединения его с отрядом кн. С. В. Прозоровского, видимо, составляет несколько сотен, однако далеко не все «тихвинские осадные сидельцы», упомянутые в десятке 1615 г., именно отъехали на московскую сторону. По убедительному замечанию О. А. Курбатова, большинство дворян и детей боярских Бежецкой (добавлю — видимо, и Обонежской) пятины оказались в войске кн. Прозоровского просто по пути движения к монастырю¹²⁰. Целые же территории востока Новгородской земли, удаленные от городов и острожков, как прежде привечали источник стабилизации — войско кн. М. В. Скопина-Шуйского, затем отряды Эверта Горна и Н. В. Вышеславцева, так весной 1613 г. вливались в войска кн. С. В. Прозоровского. Там же, где были острожки, посланное из Москвы войско встречало упорное сопротивление. Зубчанин Алексей Брянцов, вышедший из новгородского плена 12 октября 1615 г., рассказывал о своем пленении следующим образом: «послан де он был ис под Москвы с князем Васильем Тюменским в Рогачево под литовских людей тому ныне четвертой год, а из Рогачева де им велено итти во Псков по вора по Матюшку. И пот Котлованом де их немецкие люди розгромили, и его де взяли в Великий Новгород в полон, а в Великом де Новегороде и по ся места был все за приставом у Монши Мартынова»¹²¹.

Вопрос о том, что именно происходило весной 1613 г. в тихвинском гарнизоне, сложен и противоречив. О. А. Курбатов несколько

¹¹⁹ Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение... С. 27.

¹²⁰ Там же. С. 12.

¹²¹ Расспросные речи вышедших из Новгорода Юрия Третьякова Копнина с человеком и зубчанина Алексея Брянцева. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 305–311.

преувеличивает значение осторожного предположения Ю. М. Эскина о службе предков А. Г. Трусова Романовым-Юрьевым¹²², на какие прямые указания источников отсутствуют. По мнению Курбатова, назначение Трусова в Тихвин — одно из роковых обстоятельств, предопределивших «первую победу царя Михаила Федоровича». Но не все оказывается столь просто, если обратиться к биографии Андрея Григорьевича сына Трусова.

У Григория Трусова, новгородского дворцового дьяка в 1600 г. и дьяка приказа Большого дворца в 1600/01 г.¹²³, был, видимо брат, Григорий Меньшой. Известны их дети Андрей Григорьев сын Большого и Андрей Григорьев сын Меньшого Трусовы. Оба они упомянуты в десятне Водской пятины 1605 г., оба с окладом в 600 четвертей; впрочем, второй служил также окладчиком Водской пятины¹²⁴. Сложность заключается в том, что в источниках 1611–1617 гг. нет упоминаний об Андрее Григорьевиче сыне Трусове с указанием — «Большого» или «Меньшого», последним таким упоминанием является именно замечание десятни. Это имеет большое значение, так как может служить указанием на то, что к 1611 г. один из них скончался, и в Новгороде было очевидно, что речь идет только о единственном оставшемся в живых А. Г. Трусове, в прошлом Большого или Меньшого. Источник, составленный в июне 1612 г., упоминает «опальную рожь Андрея Трусова»¹²⁵, которую предполагалось выдать жене кн. Ф. Т. Черного Оболенского, отправившегося с посольством в Ярославль. Кто из двух Андреев Трусовых мог быть назван «опальным», неясно. При этом именно в эти месяцы А. Г. Трусов назначается шведской администрацией в Тихвин. 1 ноября 1612 г. тихвинский воевода А. Г. Трусов получил указание из Новгорода собирать соль с торговых людей Тихвинского посада и послать ее в Черенский острог к ротмистру Францу Стрюйсу. Это указание А. Г. Трусов исполнил, послав 10 пу-

¹²² Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посв. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 303.

¹²³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 527; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 17.

¹²⁴ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 468, 470.

¹²⁵ Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланого в Ярославль кн. Ф. Т. Черного Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 81.

дов соли на Черенск с Горчаком Ханыковым и написав, что может выслать при необходимости еще соли¹²⁶. Однако есть упоминания о присутствии Андрея Трусова в Новгороде и после событий 25 мая 1613 г., последнее из которых датируется 10 марта 1614 г.¹²⁷ Вполне вероятно, что вскоре после событий под Тихвинским монастырем

¹²⁶ Отписка Андрея Трусова об исполнении поручения по сбору соли на Тихвинском посаде. 1612. после 1.11 // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 27

¹²⁷ 14 июля 1613 г. Андрей Трусов поручился в Новгороде по Леонтию Андрееву Щепалове о его службе площадным подьячим (Поручная новгородцев по площадному подьячем Ларионе Андрееву Щепалове в государеву казну. 1613. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:201. Л. 20), а 5 сентября 1613 г. — по Кузьме Яковлеву сыне Колокольцеве (Поручная запись новгородских детей боярских по Кузьме Яковлеву сыну Колокольцеву. 1613. 5.09 // RA, NOA. Serie 2:255). 28 октября 1613 г. А. Г. Трусов получил по приказу бояр и воевод 6 четвертей овса (Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 20). 6 декабря 1613 г. Андрей Григорьев сын Трусов бил челом боярам и воеводам о поместье Насона Пушкина и Варвары, вдовы Андрея Пушкина. В челобитной указал, что приехал из Пскова на государево имя, а его старое поместье отдано переводчику Бажену Иванову, «а мне в то место нигде не выдано ни одное четверти, а которые, государь, приехали к тебе, государю, со мною вместе, и после меня, и тех ты, государь, пожаловал старыми их поместьи и новыми». В той же челобитной он указал себе оклад в 800 четвертей. По выписке, действительно, по даче 1612/13 г. его оклад составлял 800 четвертей (выписка была сделана из прежней челобитной Андрея Трусова, в которой тот бил челом о поместье Изотика Неелова). Получил искомые поместья 19 января 1614 г. (Дело по челобитной о поместье Насона Пушкина. 1610. 15.05–1614. 21.01 // RA, NOA. Serie 2:237). 17 января 1614 г. поручился по кн. Ефиме Мышецком о неотъезде того из Новгорода (Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18–19). 19 января 1614 г. получил отдельную грамоту на поместье Юрия Пушкина, позже переданное его сыну Насону Пушкину (206 ч. В Водской пятине и 250 ч. В Шелонской пятине), Это поместье было пожаловано Трусову вместо старого поместья, конфискованного и переданного переводчику Бажену Иванову (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 42) и 10 февраля 1614 г. отделено (Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // RA, NOA. Serie 2:311). 19 января 1614 г. А. Г. Трусов поручился по Михаилу Афанасьеву Клементьеву (Поручная запись по Михаилу Фуникову Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 72). 10 марта 1614 г. искал на Никите Боркове 6 рублей с четью за камчатый кафтан (Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 84).

А. Г. Трусов вернулся в Новгород и отъехал на московскую сторону вновь во время событий под Бронницами летом 1614 г. Включение его жены Ульяны в список, составленный для обмена пленными в Посольском приказе, вполне может относиться ко времени после лета 1614 г.¹²⁸ Отмечу, что его имени не упоминает и десятина тихвинских сидельцев 1615 г. (как, впрочем, и никого из Трусовых).

Игумен Тихвинского Большого монастыря Иосиф в августе 1613 г. был доставлен в Новгород и там допрошен властями 30 августа 1613 г.: не поддерживали ли его в упорном сопротивлении шведам новгородцы? Игумен отвечал отрицательно, указывая, что лишь по собственному желанию и по желанию Пожарского он укрепился в Тихвине и защищался против шведов¹²⁹.

Есть информация и об участии новгородских татар и новокрещенов в боевом противостоянии под Тихвином. 17 сентября 1613 г. из новгородских дворцовых житниц был выдан хлеб 21 жене, матери или сестре новгородских татар и новокрещенов, находившихся на государственной службе под Тихвинским монастырем¹³⁰.

Осенью 1613 г., после поражения под Тихвином и получения новгородцами грамоты, отправленной из Выборга Карлом Филиппом, в которой тот высказывал желание, чтобы к новгородскому посольству присоединились посланные от других областей Московского государства, было снаряжено новгородское посольство в Москву во главе с игуменом Отенского монастыря Дионисием. В него были включены также дворяне Воин Новокшенов, Петр Лутохин, Иван Секирин¹³¹ и Елизарий Корсаков¹³². 17 сентября 1613 г. это посольство задержал в Торжке воевода

¹²⁸ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе. 1615, мая // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами. 1615. 14.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

¹²⁹ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 111.

¹³⁰ Расходные книги государственной хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10.

¹³¹ Видимо, Иван Шея Григорьевич Секирин, ладожский воевода в 1612–1613 гг.

¹³² Г. А. Замятин писал, что ему неизвестна судьба этого посольства, имея в виду, что неясно, что случилось с его участниками после задержания в Торжке. Ни один из участников посольства не упоминается в документах Новгородской приказной избы после осени 1613 г., хотя они не числятся и в изменниках. Поместье Воина Новокшенова, находившееся в Дмитриевском Городенском и Пердольском погостах Водской пятины, числилось за ним и в августе 1615 г.

кн. М. В. Белосельский, заявивший, несомненно следуя инструкциям из Москвы, что правительство Михаила Федоровича не намерено вступать в переговоры со шведами через новгородцев¹³³. Вскоре после этого началось движение на Новгород войска кн. Д. Т. Трубецкого.

Поход боярина кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород был хорошо идеологически подготовлен. Еще в октябре 1613 г. боярин отправил в Новгород послание к новгородцам, копия которого сохранилась в шведских архивах. В листе объявлялось о цели похода: «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу идем мы на его государеву службу на очищение его царские отчины Великого Новгорода и новгородских пригородов от немецких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и с яицкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом». Новгородцы призывались, «помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от немецких людей» отстать и присягнуть царю Михаилу Федоровичу. Взамен им обещалось полное прощение и освобождение от насилий со стороны казаков и всегодвигающегося к Новгороду войска¹³⁴. Однако на этом

(Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie1:6. С. 64, 74). Его жена Арина в апреле 1615 г. была челом боярам и воеводам о посылке грамоты в Ивнинский острог к Ивану Захарьевичу Баранову об управе на ослушных крестьян. Ее дело было разрешено положительно (Дело по челобитью Арины, жены Воина Новокшенова на своих крестьян. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:30). Д. В. Лисейцев высказал смелое предположение о том, что схожим образом в Москве оказался в 1614 г. и дьяк Иван Грамотин — он был послан из Польши для переговоров (по предложению гетмана С. Жолкевского), остался в Москве, был задержан на подворье Соловецкого монастыря и вскоре восстановлен на службе (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 98–99).

¹³³ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир... С. 10–11. *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 100.

¹³⁴ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // RA. Militaria: 1287: 13.

этапе карьеры удача Трубецкому не сопутствовала, видимо, в силу разнородности его армии. Первые успехи московское войско одержало зимой: ему удалось закрепиться на восток от Ильмена, в двух острожках — Рамышевском и Новоселицком. Среди оборонявших Рамышевский острог от подошедших войск из Старой Руссы было много дворян Деревской пятины, вероятно откликнувшихся на призыв Трубецкого. Некоторые из них — Сила Ивков, Осип Аничков, Захарий Дирин — позднее снова попали в плен и уже в 1615 г. были выменены московской стороной (см. ниже, с. 469). Однако военной победы войску Трубецкого достичь не удалось.

Показательна судьба новгородца Угрима Лупандина. Он перешел на сторону Москвы еще под Тихвином, ранее июля 1613 г.¹³⁵ После победы под Тихвином он, как один из отличившихся, был послан в Москву с сеунчем, получив за службу и сеунч сорок кунц в 8 рублей, 8 аршин камки по 26 алтын 4 деньги и ковш стоимостью 2 рубля 2 алтына¹³⁶, а позднее — прибавку к четвертному денежному окладу¹³⁷. 21 февраля 1614 г. Угрим Лупандин приехал в Тихвин (вероятно, из Москвы) и тут же был послан на Пашу для того, чтобы возглавить находившихся там казаков — тихвинских осадных сидельцев, которых надо было вести на соединение с войском кн. Д. Т. Трубецкого. На Паше Лупандин почти никого не застал, так как казаки ушли оттуда в Заонежские погосты¹³⁸. Лишь небольшую часть «шарпальных казаков» он смог увести к Бронницам. Из Бронниц ему с казаками было поручено поставить острожек на левом берегу Мсты у д. Новоселицы, в чем Лупандин и преуспел. Однако вскоре в острожке было получено известие о движении туда войск С. Коброна. «А как, государь, нам ведомо учинилося про Самойла Кобриня с немецкими

¹³⁵ Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 4–7

¹³⁶ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 129; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 21.

¹³⁷ Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 93.

¹³⁸ Отписка воевод Федор Плещеева и Василия Неплюева об отсылке ими по государеву указу на Пашу к тихвинским сидельцам, атаманам и казакам в головы Угрима Лупандина. 1614, апреля // АМГ. 1890. Т. 1. С. 106.

людми, что однолично будет под мой острожек, и казаки, государь, сведав про то, хотели бежати врознь, а острог покинуть. И я, государь, казаков уговорил и с ними в остроге сидел пять недель и помирал голодною смертью... А как, государь, пошел з Броннице твой государев боярин князь Дмитрией Тимофеевич с товарищи, а я, холоп твой, от немецких людей в острошке осажен накрепко, пройти было не можно. И не потерпя, государь, я, холоп твой, голоду с казаки здался немецким людем. И многих, государь, казаки немецкие люди побили, а и наши братье побивали. А меня, государь, холопа твоего Угримка, отнял от смерти Самойло Кобрин и свел с собою в Ругодив, а хотел сослати в свою землю»¹³⁹. Позднее У. Лупандин целовал крест Густаву Адольфу, но перешел на сторону Москвы в Дедерине, вместе с Яковом Боборькиным.

В июне — июле С. Коброн нанес два поражения русским на Мсте, ряд московских укреплений у Руссы был прорван, Рамышевский острожек на Ловати оставлен. К 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было отбито от Новгорода¹⁴⁰.

Еще до отхода Трубецкого от Бронниц, 14 июня 1614 г. на его сторону перешла большая группа новгородцев во главе с кн. Ф. Т. Черным Оболенским. В это же время с согласия Деллагарди в контакт с московскими воеводами вошли новгородцы — Яков Боборькин и кн. Никифор Мещерский, однако безуспешно. Они обратились к московским представителям с просьбой допустить новгородцев к переговорам с Москвой.

Чрезвычайно любопытен документ, исходивший от псковского воеводы Федора Леонтиевича Бутурлина к нарвскому коменданту с предложением установить договорные отношения между Московским государством и Швецией. Документ составлен через полгода после неудачной попытки кн. Д. Т. Трубецкого овладеть Новгородом и

¹³⁹ Челобитная Угрима Лупандина царю Михаилу Федоровичу с рассказом о своей службе и с просьбой не отнимать поместья. 1615, ноября до 13 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 246. По мнению В. Н. Козлякова (вслед за Новым летописцем), Новоселицкий острожек сдался «за крестным целованьем», но немцы всех побили (Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 76–77).

¹⁴⁰ Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Февр. С. 325–349; Сент. С. 185–213.

примерно за полгода до осады Пскова Густавом Адольфом, 15 октября 1614 г.¹⁴¹. Документ, исполненный миролюбия, извещает нарвского коменданта о том, что царь Михаил Федорович «венчался царским венцом и диадемою по древнему своему царском чину и достоянью», после чего послал об этом известительные грамоты в разные «христианские государства». Бутурлин объясняет и то, почему такая грамота не была послана в Швецию: там умер король Карл IX, и в Москве не было известно, почему, на каком основании новым королем стал Густав Адольф: «как после государя вашего Свейского Карлуса короля нынешней государь ваш учинился на Свейском королевстве, и коруновался ль на Свейское королевство или нет». В грамоте провозглашается добрая воля московского государя, который «по своему царскому милостивому нраву, не хотя видети во всех христианских государствах кроворозлития, а хотя видети во всех великих христианских государствах мир и покой и тишину, и чтоб всем великим крестьянским государем меж себя учинясь в любви и в совете стояти против бесермен» прислал Бутурлину свое повеление первым сообщить в города Шведского королевства о том, что в Москве на царский престол избран Михаил Романов. В заключение Бутурлин высказывает стремление Москвы к обмену посольствами со Стокгольмом о заключении договора двух государств.

Именно в эти месяцы в Новгороде был поднят вопрос о присяге Густаву Адольфу, вызвавший резкое отторжение у новгородцев. Участник посольства архимандрита Киприана в Выборг Яков Боборыкин сообщал о недоразумении — прибывший к посольству посадский Томило Пристальцов сообщал, что «с ним, с Томилом, прислано от Исидора мирополита и от боярина от князя Ивана Одоевского и от ноугородцов ото всяких людей, чтоб послы королю крест целовали, и послы, которые с архимаритом Киприяном дворяне и всякие люди тех Томиловых речей не слышали, и королю креста не целовали». На это митрополит Исидор и кн. Одоевский отвечали Боборыкину, что они Томилу не приказывали ничего подобного. Боборыкин сказал об этом Деллагарди. Деллагарди отвечал, «что он про то целованье

¹⁴¹ Лист псковского воеводы Федора Леонтиевича Бутурлина к ругодивскому державцу с предложением установить дипломатические отношения между Московским государством и Швецией. Список. 1614. 15.10 // RA, Militaria, М—1287:2.

то перво от него и слышит»¹⁴². Проблема присяги или неprisяги Густаву Адольфу волновала новгородцев все последующие месяцы. Со сменившим Деллагарди Эвертом Горном новгородцам удалось договориться об отсрочке до Пасхи. После этого было принято решение послать в Москву новую миссию.

15 января 1615 г. в Москву прибыло посольство хутынского архимандрита Киприана. В него входили также дворяне Яков Боборыкин и Матвей Муравьев¹⁴³, имевшие официальное обращение о мире, продиктованное Эвертом Горном¹⁴⁴, и тайную челобитную от новгородцев. Посольство было встречено холодно, новгородцы при встрече открыто были объявлены изменниками. На упреки они отвечали, что выступают совместно со шведами лишь потому, что терпят насилие от них: «А та их мысль по чему им ведати, а только б они у немецких людей были не в неволе, и были б им в силу, и оне б давно и сами сех немецких людей побили, а то им немецкие люди не в силу»¹⁴⁵. 12 февраля, после встречи посольства боярами, их особо расспрашивал пристав Михаил Рчанин. Архимандрит Киприан, Яков Боборыкин и Матвей Муравьев говорили ему: «как они вчера были у государевых великих бояр на казенном дворе, и в те поры бояр было много, а они уж от Московского государства отбыли давно, лет уж с шесть, на Москве не бывали и иных бояр не узнали, а чаяли, что тут есть з бояры и не думные люди»¹⁴⁶, поэтому они и не передали боярам тайную челобитную, опасаясь за оставшихся в Новгороде.

¹⁴² РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 10—11.

¹⁴³ В сохранившемся выборном списке о посольстве среди тех, кого новгородцы «выбрали ехать от всего Ноугородцкого государства для великого Божья и земского дела з грамотою к Москве», упомянут также дьяк Семен Лутохин, по каким-то причинам в посольстве не участвовавший (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01—15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. л. 112).

¹⁴⁴ «А отпустил их Ивер Горн, и грамота писана в Розряде... А отпуская их Ивер Горн, и грамоты он сам в Розряде и чернил те грамоты Ивер Горн. А на отпуске им ныне Ивер Горн говорил, что ему Эверт Горну от государя ево от Свейского короля дана полная мочь» на переговоры (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 91).

¹⁴⁵ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 106.

¹⁴⁶ Там же. Л. 116—117.

14 февраля 1615 г. в Аптекарской палате новгородцев тайно принимали боярин Б. М. Салтыков и думный дьяк Петр Третьяков. На приеме архимандрит Киприан сообщил о грамотах от псковских воевод в Новгород, пришедших вскоре после возвращения его из посольства в Выборг, в которых было написано «государево имя». «Икак де новгородцы слышали, что в грамотах писано государево имя, и оне де все сняли шапки и государьскому имени обрадовались, да и досталь королю о крестном целовании отказали, а только бде не те псковские грамоты в ту пору прилучились, и многих деи новгородцких торговых людей Иверт Горн и Монша Мартынов на королево имя х крестному целованью привели, обещая им от короля льготу и денги и золотые»¹⁴⁷. Секретная просьба новгородских посланных была о тайной грамоте от государя ко всем новгородцам, в которой бы содержались своего рода гарантии царской милости. Салтыков и Третьяков отговаривали послов: «Ныне такую грамоту государю послати страшно», «жалая о них же, о митрополите и о боярине и о всяких новгородцких людех, что сведав про тое государеву грамоту в Новгороде немцы и досталь»¹⁴⁸ над новгородцами «разоренья и смертного посеченья не учинили», на что Киприан с товарищами утверждали, что они смогут доставить ее в Новгород тайным образом, так как до Старой Руссы обыскивать их некому, «а старорушане всем городом в совете со всем с Ноугородцким государством, и им в Старой Руссе мочно что хотят, то оставить»¹⁴⁹.

Особое место в посольстве занимала фигура Якова Михайловича Боборыкина. Биографический очерк о нем, содержащийся в монографии Г. А. Замятина, был написан на основании его челобитной о вознаграждении, поданной уже в 1622 г.¹⁵⁰ Примечательно, однако, и поведение его во время посольских приемов в январе — апреле 1615 г. Так, на вопрос, на каких условиях шведы будут мириться, архимандрит Киприан ответил, что слышал, как Делагарди говорил с «немецкими людьми», что шведы готовы отдать царю Новгород, Порхов, Старую Руссу, Ладогу. Боборыкин повторил то же, прибавив, что за перечисленные города шведы «стоять не будут», «а постояив и Орешек отдадут». Они могут отдать также Ям и Копорье, а

¹⁴⁷ Там же. Л. 149.

¹⁴⁸ Там же. Л. 174—176.

¹⁴⁹ Там же. Л. 179.

¹⁵⁰ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа... С. 122—127.

собираются торговаться лишь об Ивангороде и о Гдове. Боборыкин же был уверен, что можно надеяться даже на восстановление границы по Тязвинскому миру. «А то он, Яков, подлинно ведает, что болши всего им говорить о денгах за свои убытки, ещо они считают царя Васильевы недодачи тритцать тысяч рублей». Те же платежи, которые шведы взяли с Новгорода и пригородов в 1611—1615 гг., они считают своими, т. е. не идущими в зачет долга. «И то де имлучилось многижда с немцы в спор говорить»¹⁵¹. Боборыкин добавил также, что перед отъездом Эверт Горн обещал в случае успеха переговоров в Москве пожаловать его имением в тех городах, которые «король у государя отстоит». Если же мир будет заключен на условиях Тязвина и шведам придется уйти за Нарову, то Боборыкин получит имение в Лифляндии. «И он де Яков ему говорил, что он де королю служить никоим не хочет, а хочет служить Московскому государю». «То де Яков чае, что хотят они государю все города отдать», иначе не зашла бы речь об условиях Тязвинского мира и об имении в Лифляндии¹⁵².

Обращает на себя внимание избыток слов, запротоколированных писцами вслед за речью Я. Боборыкина, эмоционально насыщенной и полной подробностей. Это явно не ответы на вопросы, а поток живой речи. Так, без всякой связи с основной темой бесед, Боборыкин вдруг сообщает Третьякову, что, проезжая через Осташков, они обратили внимание, что «Осташков — место украинное, от немецких людей страх. А они де видели, что ратных людей мало да воевода»¹⁵³ молод, ни в чем его не слушают»¹⁵⁴. Когда же Боборыкина спросили о лазутчиках, посланных под Москву и в другие города, то он разразился гневной тирадой: «и что болши тово лазутчества, что Василей Бутурлин, как стоял на Бронницах боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубетцкой да околничей князь Данило Мезецкой да Василей Бутурлин, и Василей в Новгород с Яковом Пунтусовым о всяких делех про Московское государство ссылался, и Яков им всем про то вслух говорил»¹⁵⁵ (именно эта тирада стала впоследствии причиной часто встречающегося в историографии обвинения чашника В. И. Бутурлина в измене).

¹⁵¹ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 153—155.

¹⁵² Там же. Л. 155—156.

¹⁵³ Борис Иванович Кокорев.

¹⁵⁴ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 165.

¹⁵⁵ Там же. Л. 171а—172.

22 февраля 1615 г. Боборыкин и Муравьев втайне от архимандрита Киприана и посадских людей присягнули царю Михаилу Федоровичу в Мастерской палате. На предыдущей встрече Боборыкин дал совет дьяку Третьякову: лучше бы их слишком быстро не отпускали назад в Новгород, чтобы «немцы» не подумали, что москвичи торопятся заключить мир¹⁵⁶. Это было разумно: в Новгороде уже волновались об их отсутствии, о чем Эверт Горн написал в Москву¹⁵⁷. Однако 15 апреля 1615 г. посольство было отпущено в Новгород, а Якову Боборыкину еще предстояло сыграть важную роль в ходе московско-шведского противостояния.

Посольство архимандрита Киприана — один из самых важных этапов на пути замирения Московского государства и Швеции. Ожесточение предшествующего года было снято и путь к переговорам открыт.

В конце апреля 1615 г. в Новгород вернулись все участники посольства. Новгородец Федор Баишев сообщал позднее, что после их возвращения «собрали всех русских и неметских людей к лобному месту и сказали им про государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси к себе и ко всем новгородским русским людям великую милость, и русские де власти и всяких чинов люди слыша к себе про великую государеву милость, почали быти радостны, и немецкие деи люди, видя что русские люди государевой милости обрадовались, почали думать и удумали де всех русских людей привести ко кресту на королевское имя. И как де почали русским людям немецкие люди про то говорити, чтоб они целовали крест королю, и русские всяких чинов люди в том им отказали, королю деи нам креста не целовати, а и королевичю¹⁵⁸: де мы крест целовали на том, что чтобы король королевича которово ни будь дати на Московское государство и государю креститися было ему в нашу христианскую в греческую веру». Шведские власти, поддержанные, вероятно, частью новгородцев, обратились к архимандриту Киприану с просьбой убедить-таки нов-

¹⁵⁶ Там же. Л. 191–193.

¹⁵⁷ Отношение шведского генерал-фельдмаршала Эверта Горна в боярскую думу на имя князя Федора Мстиславского в Москву. 1615. 21.03 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 5. С. 22–28.

¹⁵⁸ Это единственное известное мне сообщение о публичном отказе новгородцев от присяги Карлу Филиппу.

городцев присягнуть Густаву Адольфу. Однако Киприан «из кельи не пошел» и отказался благословить новгородцев на такое крестоцелование. Князя Мещерского и Киприана Горн за это посадил под домашний арест, а князя Ивана Кропоткина¹⁵⁹, Якова Боборыкина и Матвея Муравьева послал в Швецию¹⁶⁰.

Согласно идеологическим памятникам более позднего времени и некоторым документам, синхронным этим событиям (таким, как челобитная дьяка Пятого Григорьева царю Михаилу Федоровичу)¹⁶¹, в новгородцах в это время царило «единачество», характерное для умонастроений и в других городах во время Смуты¹⁶². Все они якобы стремились для виду сохранять верность прежней присяге Карлу Филиппу, в душе же надеясь на скорое возвращение под власть Москвы. Однако даже сопоставление двух синхронных событиям и очень субъективных сообщений в Москву от дьяка Пятого Григорьева и старорусского подьячего Григория Сулешова, показывает, что такого «единачества» среди новгородцев не было. Князь Никифор Мещерский, отказавшийся прикладывать руку к верительной грамоте, где он был записан «королевским дворянином», мотивировал свой отказ: «мы де королевичевы, а не королевские». Это свидетельствует о том, что безоговорочной поддержки у Михаила Федоровича в Новгороде не было, а возможно — и о раздумьях и сомнениях у части новгородской элиты в те годы, а не о всеобщем страдании под насилием шведов или всеобщем прагматизме (хотя, видимо, и то и другое в новгородской жизни того времени присутствовало), так Пятой Григорьев

¹⁵⁹ Воевода Орешка в 1612 г.

¹⁶⁰ Расспросные речи новгородца Федора Баишева о новостях в Новгороде и в немецком стане. 1615.16.05 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 201.

¹⁶¹ Отписка С. Коробьина с товарищами царю Михаилу Федоровичу о состоявшемся размене пленными с приложением вестей из Новгорода, сообщенных Григорием Сулешовым, челобитной дьяка Пятого Григорьева и с сообщением, что осташковский воевода Б. И. Кокорев не выделил подвод посланному к Москве Дмитрию Коробьину. 1615, мая после 24 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 263–268.

¹⁶² Ср.: *Кулакова И. П.* Социально-политическая терминология и эволюция взаимоотношений власти и сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв.* Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 254–272; *Флоря Б. Н.* О приговоре Первого ополчения // *ИЗ.* Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

обвинял Петра Хомутова и иных дворян и детей боярских в том, что те «не истерпели» насилия и целовали крест королю.

Рассмотрим, сколько же человек действительно могло целовать крест Густаву Адольфу. Общих списков присягнувших в нашем распоряжении нет; количество крестоцеловальных записей исчерпывается единицами. Следует, вероятно, обратиться к данным челобитных: если они адресованы Густаву Адольфу, следовательно, лицо, от имени которого они написаны, также «не истерпело» мучений и согласилось обращаться к шведскому королю как к своему государю.

По словам старшего сына дьяка Третьяка Копнина Юрия, бежавшего из Новгорода осенью 1615 г., среди присягнувших Густаву Адольфу были Никита Калитин, Мурат Пересветов, Семен Муравьев, «ездовой подьячей» Гришка Собакин, «ездовой подьячей» Василей Чеботаев¹⁶³, Угрим Лупандин, Ивашко Шваль, «а иным имен не упомнит. А Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел к королю подо Псков, а с ним в полку тотарова всего 25 человек». Среди инициаторов «всякого зла» в Новгороде Ю. Т. Копнин назвал также гостя Богдана Шорина и Володьку Устинова¹⁶⁴. В росписи шведских пленных, содержащихся в Москве, упоминалось также, что кроме шведов «еще на Москве полонен толмач Лука Боранов, которой в Новгороде ему королю крестным целованием укрепился и того бы выдали»¹⁶⁵. В январе 1617 г. новгородскому правительству была подана челобитная Г. С. Оболянинова, содержащая титул короля Густава Адольфа: «Велеможному и высокороженному князю и государю государю Густаву Адольфу Карлусовичю, Свейскому, Готцкому, Венденскому, избранному королю и вотчинному князю и великому князю Финские земли, арцуху Естерские и Веземерлянские земли бьет челом холоп твой Гриша Степанов сын Оболнянинов»¹⁶⁶; следовательно, среди присягнувших был и этот служилый человек. Присягу королю приносили не только служилые люди, но и дворцовые

¹⁶³ На самом деле, псковский сын боярский.

¹⁶⁴ Расспросные речи Юрья Третьякова Копнина в Москве. 1615. 23.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 312–316.

¹⁶⁵ Перевод росписи шведских пленных, переданной Яковом Делагарди послан кн. Д. И. Мезецкому с товарищами. 1616, февраля // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 24–27.

¹⁶⁶ Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, января // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 115.

крестьяне. Сохранился документ, в котором священники и крестьяне Карачуницкого, Болчинского и Ясенского погоста именуют себя «государевыми королевскими дворцовыми крестьянами»¹⁶⁷.

Лица, не давшие присяги Густаву Адольфу, подверглись чрезвычайному обложению (источники, повествующие о конкретных размерах обложения, рассмотрены в главе 1). Лазутчик Данилко Ржева, вернувшись из Новгорода, рассказывал в московском посольском стане на Песках о том, что «русским людем от немецких людеи теснота великая и правежи немерные, побивают на правежах в денгах до смерти. А сказывал де ему посацкой человек Кирилко Бекин, что на нем емлют на всякой день по девяти рублев, а с ыных де емлют также, смотря по животом. А то перво де на новгородцах на Иване Харламове да на Юрье Иголкине да на Истоме Демидове с товарищи на двунатцати человекех правят 1700 рублев»¹⁶⁸.

Н. П. Лыжин сравнил пребывавшего в Новгороде Якова Делагарди с Наполеоном в Москве. Эта характеристика подходит, вероятно, более всего для периода накануне Дедеринских переговоров, когда после нескольких лет сотрудничества обнаружилось явное неприятие значительной частью новгородцев шведской власти¹⁶⁹. 18 августа 1615 г. Делагарди вернулся в Новгород после неудачи Густава Адольфа под Псковом. Король поручил ему возглавить переговоры с московскими посланными между Осташковом и Старой Руссой. По словам сотрудника английского посла Джона Мерика «Павла Томасова», Делагарди не был доволен личностями послов: «не хочет с князем Данилом¹⁷⁰ и говорити, да и съезду с ним не будет» и просил вместо кн. Мезецкого назначить кого-то из бояр — Ф. И. Шереметева или кн. И. С. Куракина¹⁷¹. С кн. Мезецким Делагарди сталкивался дважды:

¹⁶⁷ Доношение священников, старост и волостных людей новгородских погостов к графу Якову Делагарди. 1617, март // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 10. С. 37–40.

¹⁶⁸ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

¹⁶⁹ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 4.

¹⁷⁰ Окольный кн. Даниил Иванович Мезецкий.

¹⁷¹ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 73–74.

тот участвовал в Клушинской битве в 1610 г., а в 1614 г. был воеводой в войске кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами.

Томасов поделился и своеобразным взглядом части новгородцев на результат посольства Киприана. Они говорили, что, приехав в Новгород и не посоветовавшись с новгородцами, Киприан, Боборыкин и Муравьев показали Горну тайную грамоту, присланную новгородцам из Москвы, а «архимарит Ивет Горну сказывал, будто Московским государством владеют казаки и в боярех рознь, а в Москве Боборыкин сказал велику неправду, что он Яков все радеет Московскому государству, и от Ивет Горна навел на них на Якова и Матвея великую ненависть и гнев, и им Ивет Горн не поверил. И в те же поры Ивет Горн учал говорити митрополиту и боярину князь Ивану Одоевскому и всех чинов людям Новгородского государства, чтоб они целовали крест свейскому королю». Именно после этого Боборыкин и был арестован. Киприан же сообщал новгородцам, будто он без Боборыкина и Муравьева у государя и государыни¹⁷² был трижды, «и сказывал за собою тайные приказы». Думаю, что хутынский архимандрит в рассказе новгородцам о посольстве сильно преувеличил свою действительную роль. Во всяком случае, материалы Посольского приказа не сохранили информации о тайных встречах Киприана с кем-то из важных персон в Москве. Томасов сообщил о еще одном ярком эпизоде: после ареста, «...как де Якову и Матвею привели подводы и хотели садитца на лошади, ажно де пришли к ним от Ивет Горна толмачи Бажен Иванов да Олфер Северов и говорили им, что прислал их к ним Ивет Горн, а велел им сказать, что де князь Микифор Мещерской королю крест целует и иных русских людей на то хочет приводить, и Ивет Горн де князя Микифора за то в Выбор не посылает, а будет де только и они королю крест поцелуют, ино их в Выбор не пошлют. И они де Яков и Матвей в том им отказали ж, что им королю креста не целовати, а князь Микифор как захочет, так и делает»¹⁷³. Деллагарди взял арестованных с собой в Нарву, где Густав Адольф угрожал им ссылкой в Швецию. По просьбе молодого кн. И. И. Одоевского английский посол Джон Мерик ходатайствовал за них перед королем. По слухам, сообщенным П. Томасовым, кн. Н. Мещерский присягнул королю Густаву Адольфу и убедил присягнуть также многих новгородцев, сказав, что присяга — гарантия

¹⁷² Видимо, Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича.

¹⁷³ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70–85.

от ссылки в Швецию (известно, что слух этот оказался ложным). Посадских же людей уговорил присягнуть шведскому королю гость Богдан Шорин. О нем английский посол специально передавал в Москву: «ворует де в Новгороде вязмитин Богдашко Шорин, вмещает во всяких людей воровские слова, будто де казаки, которые на службе з боярином со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским все отъехали к Лисовскому и московских людей казаки многих побили, да иные де непригожие воровские слова для Смуты в всяких людей вмещает»¹⁷⁴. Богдан Шорин был родственником Григория Шорина, привлеченного после взятия Москвы по обвинению в сотрудничестве с польским гарнизоном в связи с делом Федора Андронина¹⁷⁵. Слухи об этом достигли и Новгорода. Лазучик московских послов Данило Ржева сообщал: «Да сказывал де ему Онофреев человек Дьяконова Якушка Глухой, что ходила к Москве лазучки жонка, а чья и как ее зовут, того не сказал, и та де жонка с Москвы пришла к Богдану Шорину и вести ему росказывала, да она же де сказывала, что брату ево Григорью на Москве худо»¹⁷⁶. Все сообщенное Томасовым создает впечатление очень сильного сомнения среди новгородцев, отсутствия ясности перспективы.

Когда Джон Мерик вслед за Деллагарди двинулся к месту переговоров из Новгорода, с ним поехал новгородец Андрей Бачманов. В октябре 1615 г. он сумел пробраться в стан московских послов и сообщить им, что Яков Боборыкин и Угрим Лупандин, которых Деллагарди взял с собой на переговоры, с ним «приказывали, чтоб нам, холопом твоим, к ним приказывати всяких вестей проведывати, а что де государь оне проведает, и оне де к нам, холопом твоим, отпишут. А написали де, государь, было оне грамотку, и хотели ему Ондрею зашити в кафтан, и поразмысля де государь, грамотку не послали, любо де станут на заставах обыскивати, и грамотку найдут, и они де от немец погинут»¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70–85.

¹⁷⁵ Дело о побеге Федора Андронина с двора князя Федора Ивановича Волконского из-под стражи. 1613. 24.03–16.05 // Смутное время Московского государства. Вып. 3. Акты времени междоусобия. М., 1915. С. 61–80.

¹⁷⁶ Расспросные речи лазучика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

¹⁷⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что исчезнувший гонец Федор Булганин приехал к ним, и о новых вестях из Новгорода. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 345–348.

Дедеринские переговоры октября 1615 — февраля 1616 гг. — важный этап в замирении Швеции и Московского государства. Им предшествовала миссия С. Г. Коробьина и П. А. Обернибесова по обмену пленными со шведской стороной, состоявшаяся примерно в том же месте несколькими месяцами ранее. Об этом речь пойдет в отдельном разделе главы.

Стороны очень ответственно и с опаской отнеслись к подготовке переговоров в «деревне Андрея Палицына» Дедерине. Оба посольских стана, московский и шведский, были укреплены. В селе Романове, где стояли шведы, переводчик Эрик Андерс для постройки острога пригнал из Старой Руссы 50 человек «подымных людей». До строительства острога Деллагарди и Мерик, выехав из Новгорода, остановились на Взваде, на южном берегу Ильменя.

Одновременно шла борьба за Псков, куда были стянуты все шведские силы. Подробно осада Пскова Густавом Адольфом в 1615 г. была рассмотрена в специальной книжке В. А. Бочкарева, изданной к трехсотлетию событий, в годы Первой мировой войны, за полтора года до занятия Пскова германской армией. Автор чрезвычайно справедливо отметил особую роль Гдовской крепости в стратегических и тактических планах шведского короля¹⁷⁸. Позднее к изучению осады Пскова обращались эстонский ученый Х. Сепп¹⁷⁹, Г. А. Замятин и сравнительно недавно А. Н. Кирпичников, обобщивший все известные на сегодняшний день графические источники по этому важному событию Смутного времени¹⁸⁰. В работе А. Н. Кирпичникова дана справедливо высокая оценка исследованию Г. А. Замятина, который для изучения истории осады Пскова 1615 и 1616 гг. привлек материалы архива Посольского приказа. Во время осады 1615 г. состоялся последний призыв новгородских воинских людей под знамена шведского короля. Подьячий Федор Витовтов сообщал о пропагандистских ухищрениях шведской администрации во время противостояния под Псковом. «А ныне из Новагорода хотят подо Псков послати неволею дияка Семена Лут-

¹⁷⁸ Бочкарев В. А. Шведско-русские отношения в Смутное время и осада Пскова в 1615 г. Псков, 1916.

¹⁷⁹ Sepp H. Stephan Báthory ja Gustav Adolfs Pihva-vastased operatsioonid. Tartu, 1937.

¹⁸⁰ Кирпичников А. Н. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и Новая Россия. Сб. науч. статей к 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 424–450.

хина да выбрав с ним дворян для того чтоб им говорити псковичем, чтоб они королевской подъем подняли и убытки его, и король ис подо Пскова отойдет»¹⁸¹. Лутухин действительно участвовал в походе, но о такой его миссии к псковичам мне ничего не известно. Витовтов говорил также и о намеренном распускании слухов теми новгородцами, которые сотрудничают со шведской администрацией: «А в Новгороде которые враги русские люди изо многих чинов люди, прелстяся к немецким державцом, в народ во все лето донныне вмещают, что буттося под Смоленском король с королевичем и со всею Полшею, и московских людей по Смоленском побили и идет к Москве и хотят де на Московское государство литовского королевича, для того и с Свийским королем хотят миритца вскоре, чтоб помирясь с свийским с литовским управливатца. И им деи доколе zde миритца, а король с королевичем и на Москве будет, и наворотцы б и иных городов люди, которые под Свейскою державою узнав московского государя безсилна, на тот мир не прелщались. Да и многие неподобные речи про государя в народ вмещают»¹⁸². Полагаю, что среди недоброжелателей имелись в виду подьячий Григорий Собакин и Богдан Шорин Вязмитин, действительно плотно сотрудничавшие со шведами. Но и они в свое время били челом московскому правительству с просьбой простить им такое сотрудничество. А так просил о помиловании сам подьячий Витовтов: «Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой Фетька Витофтов. Милосердый государь, царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, покрой мою страдничью вину. Царь государь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии, смилуйся, пожалуй!»¹⁸³

Московские послы в Дедерине опасались не только провокаций со стороны шведов. Большая опасность была также от отрядов Лисовского. Стоявший в Ржеве боярин Ф. И. Шереметев писал кн. Д. И. Мезецкому, что «октября де, государь, в 10 день, в вечерню, пришли подо Ржеву изгоном безвестно по Вяземской дороге с московской стороны Лисовской, а с ним де литовские многие люди и твои, государь, изменники русские воры, а вестовщиков, государь, из городов не пропустили. И пришед, деи, государь, стада отогнали и

¹⁸¹ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 158–162.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

посады де пожгли во многих местех, и стали де против города на горелых местех. А выходцы де государь, которые от них ис полков утекают, им сказывают, что им, перелезчи Волгу, над городом Ржевою промышлять приступом и всякими промысла, чтоб город взять, а ис подо Ржевы де, государь, итти под Осташков». Послы «по тем вестем из Осташкова на Полоново не пошли, до коих мест Лисовской отойдет прочь, и в Осташкове, государь, осаду укрепили з досталными людьми». В Осташкове осталось 200 стрельцов да 200 дворян, а 300 человек стрельцов для «острожного дела» и 100 человек дворян с запасом были отправлены к Полонову, где находился московский стан¹⁸⁴.

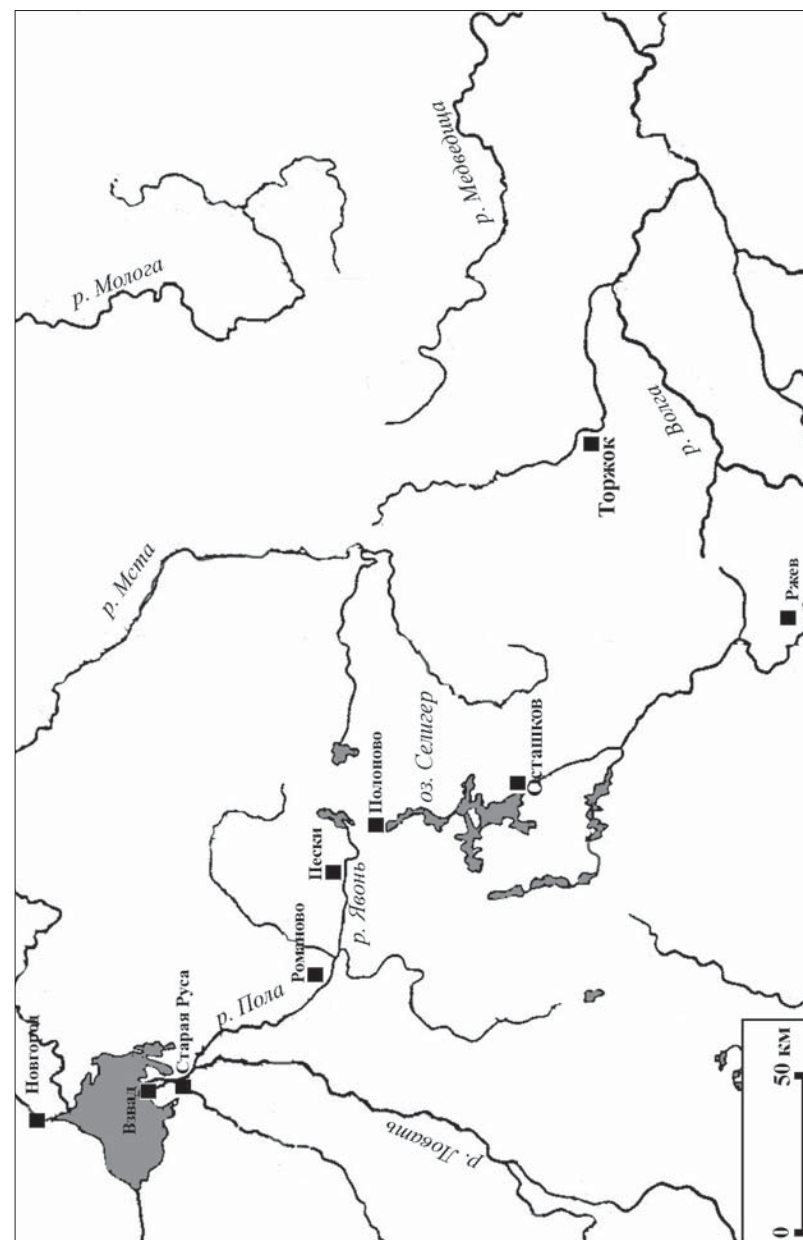
Позднее небольшие отряды Лисовского видели верстах в 50 от Осташкова. Однако, несмотря на опасения, 20 октября послы выступили из Осташкова к Полонову, оставив в Осташкове стрелецкого сотника с сотней стрельцов и «укрепя осаду». От Осташкова до Полонова 40 верст нужно было идти водою, от Полонова до Песков 30 верст («и то, государь, нужной ход, ныне телегами с великою нужею пройти нелзе»), шведам же от села Романова, где они временно остановились, до места переговоров в Селищах идти было верст 30¹⁸⁵. По дороге кн. Д. И. Мезецкого с товарищами ждала очередная неприятность. Они проехали озером верст 7–8, «и озеро, государь, замерзло, и мы, холопы твои, воротитца мыслили, и пробовали лед и просекали топорами с великою нужею да прибились к Спасу к Сосницам, от Полонова за десять верст». После этого они двинулись на Полоновский стан по суше, «дорога уска, худя и груда великая»¹⁸⁶.

Опасения провокации перед началом переговоров возникали и позже, во время Столбовских переговоров, а также и после установления мира. Когда в 1636 г. предполагалось обменяться перебежчиками с обеих сторон границы, московские власти придали серьезное значение слуху о том, что перебежчиков будут сопровождать 500 человек

¹⁸⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о ходе подготовки к посольскому съезду. 1615, октября после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 322–330.

¹⁸⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что они выступили из Осташкова к Полонову. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 338–344.

¹⁸⁶ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о новых затруднениях по пути к Полонову из Осташкова. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 373–376.

Карта 8. Район Деснянских переговоров 1615–1616 гг.

ратных людей. Из Посольского приказа московскому уполномоченному Десятому Мельницкому дали память, в которой его успокаивали и указывали стоять на границе и меняться перебежчиками «безстрашно и небоязненно от свейских дворян». В крайнем случае ему обещали подмогу из Новгорода¹⁸⁷.

Переговоры, приведшие к заключению перемирия, были очередным успехом московской стороны. Посланные уверились в поддержке московской власти новгородцами, постоянно принимая в своем стане тайно приходящих к ним новгородцев, которые, впрочем, рассказывали друг о друге противоречивые вещи. Так, старорусский подьячий Григорий Сулешев, сначала передававший послам известия, а потом перешедший на их сторону окончательно, сообщал: «А во всем деи государю служит и прямит подьячей Григорей Собакин, ево де Григорья Сулешева из Новагорода отпускал, и все деи ему про Новгород и про Псков рассказывает он. И вперед деи Григорей Сабакин каких вестей сведает, и он деи хочет с теми вестями из Новагорода отпустить к государю дворян Федора Неклюдова да Семена Боборыкина. А с Яковом де Боборыкиным Григорей Собакин в совете и о государеве деле радеют заодин...»¹⁸⁸ На заключительном этапе переговоров в московский стан выехали самые видные сторонники царя Михаила Романова в Новгороде — Яков Боборыкин и Угрим Лупандин. Стороны договорились о перемирии на лето и о начале следующих переговоров между Тихвином и Ладогой.

Интенсивные переговоры со Швецией сопровождались тайным контактом московских посланных с новгородцами. В посольские станы в Песках и Тихвине приходили перебежчики, лазутчики, там допрашивали пленных. Материалы этих допросов отложились в столбцах ф. 96 РГАДА. Кроме того, в посольские станы отсылалась информация, поступававшая в Посольский приказ из других источников в том случае, если в Москве считали необходимым информировать своих

¹⁸⁷ Память Десятому Семеновичу Мельницкому с товарищами о том, что со шведской стороны на размене перебежчиков будет 500 человек ратных людей с указанием бесстрашно стоять на размене и информировании новгородских властей обо всем происходящем на границе. 1636. 29.03 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 592.

¹⁸⁸ Расспросные речи перед послами Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

Карта 9. Район Столбовских переговоров 1616–1617 гг.

посланных. В свою очередь, и посланные были обязаны сообщать в Приказ все вести, полученные в посольском стане, а также отправлять в Москву носителей информации; в наиболее важных случаях в Посольском приказе осуществлялся повторный допрос, часто дававший значительно больше сведений, чем те, которые ведущие первый допрос послы и воеводы считали нужным включать в свои отписки.

После возвращения с переговоров в Дедерине позиция Делагарди по отношению к Новгороду резко меняется. Теперь его интересуют только деньги. По словам перешедшего на сторону Москвы толмача Арна Бука, на Новгород были наложены непомерные платежи уже в начале февраля 1616 г.: «А в Новгороде ныне положено на достальных людей в тягло весь город в два рубли. А з дву денег емлют по пятнатцат рублев, а положил де толмач Ирик Ондреев»¹⁸⁹. Это обозначает, что 1/200 часть платежа соответствовала 15 рублям.

¹⁸⁹ Расспросные речи толмача Арна Бука перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 8.02 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 3. Л. 244–250.

Мотив непомерных платежей, наложенных на город, постоянно встречается в расспросных речах. Подьячий Третьяк Никитин на допросе в Тихвине 3 июня 1616 г. сообщил раскладку платежей, предписанную неким «уложением» от 20 марта 1616 г. и напоминающую ту, что содержится в Росписях сбора кормовых денег из архива Новгородской приказной избы (ср. с. 82-83).

Таблица 3. Роспись денежных платежей каждые 10 дней с Новгорода по известиям от подьячего Третьяка Никитина по «уложению» от 20 марта 1616 г.

Плательщик	Сумма, руб.
митрополит, монастыри, попы, дьячки, пономари:	350
посадские люди	350
дворяне, дети боярские, рассыльщики, подьячие, кроме тех, кто целовал крест Густаву Адольфу	150
митрополичий приказной Иван Лутохин	15
митрополичий приказной Степан Спячий	15
судья Василий Зиновьев	10
гость Истома Демидов	25
гость Первой Прокофьев	(пропуск)
торговые люди, которые тягло не тянут:	
Тимоха Хахин	25
Богдан Шорин	15
Онуфрий Вязмитин	15
славковский дьячок Сенька	10
ИТОГО:	980 ¹

Источники: Расспросные речи подьячего Третьяка Никитина о новгородских вестях. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 45–50.

Доходили до Тихвина отрывочные сведения и о притеснениях жителей других городов. Копоряне в июне 1616 г. сообщали: «А в Копорье де руским людем от немецких людей теснота великая, на правеже стоят днем и ночью, побивают до смерти»¹⁹⁰. По сообщению игуме-

¹⁹⁰ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

на Деревяницкого монастыря Иосифа, Делагарди специально распустил из Новгорода шведских солдат грабить окрестные погосты¹⁹¹. Однако после ухода Делагарди из Новгорода на посольство в Ладугу, а затем — в Столбово притеснения только увеличились. По словам новгородских посадских людей, допрошенных в Тихвине 22 декабря 1616 г., после его отъезда переводчик Эрик Андерс и помогавший ему посадский Томило Пристальцов увеличили платежи, взимаемые с посада, «да на посадских же людех емлют солдатом шубы и рубахи и вское платье, курты и сапоги и чулки и рукавицы и побивает на правежах [...] подьячей Григорей Собакин»¹⁹².

Особое место в истории Новгорода этого времени занимают личности митрополита Исидора и хутынского архимандрита Киприана. Хутынский служка Куземка Яковлев сообщал 28 июля 1616 г. в Тихвине: «А в Нове де городе соборная церковь Софья Премудрость Божия по ся места цело, и пенье де всегды. А Яков де Пунтусов к соборной церкви грабежем заговаривает часто, и тое де церкви пасут митрополит Исидор да архимарит Киприан»¹⁹³. В этой фразе имена двух выдающихся духовных руководителей Новгорода объединены не случайно.

Митрополит Исидор

Роль митрополита Исидора на протяжении всех лет существования новгородского правительства 1611–1617 гг. вероятно менялась¹⁹⁴. Этому деятелю новгородской жизни начала XVII в. посвящены обстоятельные биографические очерки Я. Г. Солодкина и Е. В. Крушельницкой. Последняя исследовательница показала личность Исидора как выдающегося книжника, чей келейный сборник сыграл заметную

¹⁹¹ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с сообщением о новых выходах из Новгорода. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 159–160.

¹⁹² Расспросные речи новгородских выходцев перед тихвинскими воеводами В. Ф. Неплюевым и И. Х. Харламовым. 1616. 22.12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 126–127.

¹⁹³ Расспросные речи хутынского служки Куземки Яковлева, послылавшегося в Новгород перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами на Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 325–331.

¹⁹⁴ Деятельность митрополита Исидора в начале Смуты рассмотрена в монографии В. И. Ульяновского, анализ которой приведен в главе 2.

роль в дальнейшей рукописной традиции¹⁹⁵. В статье Л. Е. Морозовой о Смуте в Новгороде Исидору приписывается «план создания отдельного Новгородского государства во главе со шведским принцем Карлом Филиппом», которое, по мнению исследовательницы, фактически существовало с июля 1611 г. по 27 февраля 1617 г. С такой позицией, конечно же, согласиться невозможно¹⁹⁶. Участник переговоров со шведами и выработки договора 25 июля 1611 г., Исидор в первые годы новгородского правительства находится в тени от дел.

Мы располагаем любопытным документом, связанным с новгородским митрополитом и тем отношением, которое он был вынужден высказывать к враждующим сторонам русского общества. Этот документ касается борьбы новгородцев с белозерцами, сторонниками московского царя Михаила Федоровича, за Тихвин монастырь. Традиционно в романовской и большевистской историографии господствовала точка зрения о правоте московской стороны, хотя еще И. П. Мордвинов обращал внимание на то, что в столкновениях под Тихвином с обеих сторон принимали участие русские люди¹⁹⁷. И вот как вынужден был высказаться митрополит Исидор: «идти им <ратным людям> на богоотступников на полских и на литовских и на русских воровских людей, на тех, которые полские и литовские и русские воровские люди в Обонежской пятине монастырь Пречистые Богородицы Тихвинские и иные монастыри выграбили, и у чудотворного образа пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад обобрали, и монастыри разорили и посад Тихвинской выжгли и Тихвинского игумена Иосифа и старцов и слуг и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поимали, и ныне воюют и разоряют многие места до основанья, а то розных денег с митрополита и с монастыри взято»¹⁹⁸. Этот текст,

¹⁹⁵ Крушельницкая Е. В. Келейный сборник новгородского митрополита Исидора Соловецкой библиотеки № 860/970: Опыт изучения одной энциклопедической компиляции конца XVI века // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей РНБ. СПб., 2006. С. 379–398.

¹⁹⁶ Морозова Л. Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

¹⁹⁷ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 20–21.

¹⁹⁸ Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1:136. С. 767–768.

по всей вероятности, записан еще до начала основных боевых действий под Тихвином, однако направленность его именно против «героических защитников» Тихвина монастыря, которых в Новгороде называли «польскими и русскими воровскими людьми». Переход большой группы новгородских служилых людей на сторону Москвы весной – летом 1613 г. под Тихвином в 1612–1613 гг. воспринимался в Новгороде как измена. Вот такая характеристика дана тамошним событиям в челобитной о поместье Анцы (Ганса) Брякилева, шведа, испомещенного в 1612 г. в Обонежской пятине: «Было, государь, за мною, холопом твоим твое государево жалование поместейцо в Обонежской пятине в Воскресенском погосте меж Тихвины и Ладоги на Сяси. И как, государь, на Тихвине тебе, государю, изменили, и то, государь, поместейцо мое от воровских и литовских людей разорено...»¹⁹⁹

В 1613/14 г. произошло заметное событие в духовной жизни Новгорода. Шведские солдаты, стоявшие в Юрьеве монастыре, вскрыли гроб с телами св. кн. Мстислава и св. кн. Федора Ярославича, брата Александра Невского. Митрополит Исидор устроил торжественное перенесение мощей св. Федора: «сведав про се Исидор Новгородский митрополит и испросив у немецкого воеводы у Якова Пунтусова волю, да повелит ему взяти мощи их из Юрьева монастыря, и взял сам митрополит со всем освященным собором честные их мощи и привез к Софии и положил с надгробным пением честне в церкви предреченной рожества Пресвятей Богородицы на леве в Софийском пределе»²⁰⁰.

По мнению В. Г. Вовиной, в 1615 г. отношение московских властей к Исидору было жестким, в посланиях в Новгород и на переговорах в Москве его упрекали в слабости и непостоянстве, но позднее отношение к Исидору смягчилось, и в Новом летописце он изображен как страдательная фигура²⁰¹. По сообщениям выходцев из Новгорода, в июне 1616 г. на дворе митрополита стояли шведские солдаты, на конюшенном дворе митрополита — ротмистр,

¹⁹⁹ Дело по челобитью о поместье Анцы Брякилева. 1613, осень // RA, NOA. Serie 2:19

²⁰⁰ Никольский А. Описание Святой Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской области (до 1654 года) // ВАИ. Т. 14. 1901. С. 222–223.

²⁰¹ Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 384–385.

«а немцы у митрополита крыльца стоят днем и ночью стерегут митрополита и церкви Софеи Премудрости Божии, чтоб церковные казны не перехоронили, по иным церквам и монастырям колокола переписали»²⁰². Позднее митрополит был освобожден, но Делагарди приказал подготовить ему «на подъем» 6000 рублей сверх обычных платежей²⁰³. При этом сбор денег с новгородских церковей и монастырей в пользу шведской администрации также был оставлен за Софийским домом²⁰⁴.

Хутынский архимандрит Киприан

Киприан был одной из самых противоречивых фигур в Новгороде Смутного времени. Как и большинство настоятелей важнейших новгородских монастырей, он участвовал в посольствах, направляемых из Новгорода в Швецию, Москву и другие города. Однако ничего не известно о роли, которую в этих посольствах играли, к примеру, вяжицкий игумен Геннадий или даже юрьевский архимандрит Никандр. Позиция же Киприана во всех посольствах выглядит яркой и самостоятельной. Его неординарная личность как при жизни, так и после смерти удостоивалась самых противоречивых оценок: от резко отрицательных до панегиричных²⁰⁵.

²⁰² Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с сообщением о новых выходах из Новгорода. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 159–160.

²⁰³ Допросные речи Деревяницкого старца Иосифа и кн. Ф. А. Нарымова с товарищами в Посольском приказе. 1616, июня после 21 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 161–162.

²⁰⁴ Расспросные речи торопецкого крестьянина Пашки Аксенова перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 17.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 130–131.

²⁰⁵ Киприан позитивно характеризуется Новым летописцем, созданным в кругах, близких к патриарху Филарету, как моливший верных Михаилу Федоровичу новгородцев, «чтобы пострадали за истинную православную христианскую веру» (Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 391). Как справедливо отметила В. Г. Вовина, при этом в грамотах 1615 г., посланных в Новгород, Киприан, как и все новгородцы, обвиняется в измене (Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 385). На посту новгородского митрополита Киприан возбудил против себя

По возвращении из Москвы в апреле 1615 г. Киприан неоднократно подвергался допросам и арестам. В 1616 г. он был одним из самых аккуратных информаторов московских послов в Тихвине, несмотря на то недоверие, которое ему оказали в Москве его товарищи по посольству Яков Боборыкин и Матвей Муравьев²⁰⁶.

Как отмечалось выше, в Москве интересовались сохранностью софийской казны, но одновременно частым вопросом было сохранение «пения», т. е. службы в новгородских церквах. В 1808 г. митрополит Евгений (Болховитинов) опубликовал роспись новгородских церковей, существовавших в 1615 г.²⁰⁷ В многочисленных исследовани-

неприятель определенной части городской элиты, что выразилось в возбуждении против него дела о «неправдах и непригожих речах» (*Зерцалов А. Н. О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627–1633 гг.) // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. С. 1–36*). Подробный очерк, посвященный Киприану, написан Е. К. Ромодановской, отметившей масштаб личности архимандрита (позднее архиепископа Тобольского, митрополита Крутицкого и, наконец, Новгородского), продвигавшего культ новгородских святых и святынь в Сибири, инициатора сибирского летописания, создателя Чиновника Новгородского Софийского собора, возможного покровителя создания «Повести о Словене и Русе» (*Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2. СПб., 1993. С. 156–163*). В вышеупомянутом очерке В. Г. Вовиной отмечается также особая близость Киприана к Филарету и вместе с тем самовластность иерарха, велевшего, в частности, именовать себя «господином митрополитом» (Правящая элита... С. 389–390). Особое мнение о Киприане у Е. И. Кобзаревой, считающей, что Киприан — «человек достаточно трусливый, готовый во избежание неприятностей служить кому угодно» (*Кобзарева Е. И. Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 20*), позволяющей себе говорить о Киприане, вернувшемся летом 1615 г. из Москвы: «В очередной раз испугавшийся Киприан раскаялся в своих действиях» (Там же. С. 24).

²⁰⁶ 18 февраля 1615 г. в Москве Боборыкин и Муравьев просили принять от них крестоцелование Михаилу Федоровичу втайне от Киприана и посланных с ними в посольство посадских людей, «потому что они люди простые, приехав в Новгород, учнут всяким людем про то вмещати» (Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 189).

²⁰⁷ Роспись, сколько в Великом Новгороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околородных монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году после опустошения, произведенного в Новгороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса дела Гарди // *Митрополит Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.*

ях по исторической топографии Новгорода XIX — начала XXI в. эта роспись привлекалась в качестве важного источника по церковному строительству²⁰⁸. Подчас, опираясь на эту опись и на опубликованную В. Л. Яниным опись Новгорода 1617 г., ученые делают вывод о полном разорении новгородских церквей в годы шведского военного присутствия 1611–1617 гг. Впрочем, еще в трудах Г. А. Замятина было показано, что мотив разорения новгородских церквей встречается в посланиях из Москвы в Новгород как к новгородцам, так и к шведской администрации только с 1615 г., после посольства архимандрита Киприана. Зимой 1615 г. Киприан, Боборыкин и Муравьев говорили в Москве, что «монастыри и церкви в Новгороде и в уезде запущены все опричь дву монастырей Спаса Хутыня да Онтоньева монастыря, а те все 70 монастырей разорены стоят без пенья»²⁰⁹.

Однако в архиве Посольского приказа сохранился документ, существенно дополняющий перечни церквей, содержащиеся в описи новгородских церквей 1615 г., опубликованной митрополитом Евгением (Болховитиновым) и в описи Новгорода 1617 г.

22 августа 1615 г. в Тихвин от хутынского архимандрита Киприана, арестованного в тот момент секретарем М. М. Пальмом, вышел служка Осташка Буравцов. Он принес воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому два документа — роспись, сколько «немецкие люди» разорили храмов в Новгороде, Новгородском уезде и новгородских пригородах и пятинах, «да в книжке, государь, немецкой писано прутом медным расход», сколько в каком году «немецкие люди» собрали денег с новгородского посада и монастырей. 24 августа воеводы отправили Буравцова в Разряд, позднее, видимо, его с этими документами затребовал Посольский приказ²¹⁰.

²⁰⁸ Отмечу здесь только наиболее важные работы последних лет: *Сорокатый В. М.* Великокняжеские патрональные и памятные посвящения храмов Новгорода в начале московского периода его истории // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. Т. 2. СПб., 1997. С. 281–286; *Петров Д. А.* Проблемы исторической топографии Новгорода. М., 1999; *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 95–157.

²⁰⁹ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана... Л. 168.

²¹⁰ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Разряд. 1615. 24.08 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 7. Л. 1.

При внимательном ознакомлении с первым из документов, принесенным Буравцовым в Тихвин²¹¹, выясняется, что именно этот документ назван митрополитом Евгением в 1808 г. «Росписью, сколько в Великом Новгороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околородных монастырей, местных храмов и приделов, учиненной в 1615 году после опустошения, произведенного в Новгороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса дела Гарди»²¹². При этом митрополит Евгений публиковал документ с сокращениями (чего он, впрочем, не скрывал) и перестановками в тексте, казавшимися ему логичными. В публикации 1808 г. была представлена только та часть документа, которая в основном описывает церкви самого Новгорода и часть пригородных монастырей. Роспись же, привезенная Буравцовым в Тихвин, включала в себя также храмы и монастыри Поозерья, дворцовых сел по южному берегу Ильменя, погостов к востоку от Ильменя, храмов Половатья и Поволховья. Отдельной частью в роспись 1615 г. включены храмы Старой Руссы. Крайней точкой на западе является церковь в Славковичах, на юге — Богословская церковь в Нагове в Старорусском уезде, на востоке — Рождественский монастырь в Передках, близ Боровичей, на северо-востоке — Середокорытный монастырь, а на севере — Никольский монастырь в Гостинополье на Волхове. О храмах новгородских пригородов и Гдова сказано общая фраза: «которые в уездах новгородских и кроме Оришька и Ладоги и Ямы и Копорья и Иваницыгорода и Вьдова и Порхова и кроме Заониских погостов монастырей и храмов и по селам выставочных погостов что вызжено, и того не счесть»²¹³. Всего поименно в росписи дополнительно к публикации митрополита Евгения названо 44 пункта (в том числе, Старая Русса, в которой перечислено 26 храмов). Роспись не является описанием новгородских церквей, как часто называют ту часть документа, которая была опубликована митр. Евгением. В ней упоминается лишь посвящение главного и придельного престолов, а также каменный тот или иной

²¹¹ Роспись церквам и монастырям Новгорода и округи. 1615 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 7. Л. 6–13.

²¹² *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 81–88.

²¹³ Роспись церквам и монастырям... Л. 10 об., 11 об. Эта фраза, впрочем неточно, процитирована и в публикации митр. Евгения (*Митрополит Евгений (Болховитинов)*). Исторические разговоры... С. 88).

храм или деревянный. Вероятно, в основе документа лежала какая-то платежная роспись Новгородского Софийского дома.

Неясно, что побудило архимандрита Киприана отправить в Тихвин эти документы; практической значимости для тихвинских воевод, да и для московских властей они в 1615 г. явно не имели. Отпуск грамоты из Тихвина к Киприану, которая могла предшествовать посылке этих документов, должен был оказаться в делопроизводстве не Посольского, а Разрядного приказа, куда до 14 октября 1615 г. тихвинские воеводы отправляли все исходящие и поступавшие к ним документы, за что были удостоены жесткой отповеди из Посольского приказа²¹⁴.

С данным документом в первой половине XX в. знакомилась Г. А. Замятин²¹⁵ и В. А. Фигаровский. Последний, процитировавший часть росписи в своем исследовании о новгородском посольстве 1615 г., отметил, что в общем заключении Киприана о том, что «все те монастыри и храмы выжжены и разорены. Каменные... развезены на печи и домницы, а деревянные храмы развезены на дрова и в конюшни и в поварни» содержится значительное преувеличение²¹⁶.

Летом 1616 г. Киприану удалось отправить в Москву свою сестру (видимо, на ее дочери был женат И. П. Жеглов, заводила новгородского мятежа 1650 г.). Он и сам выказал намерение бежать из Новгорода, но эта попытка была пресечена властями, и Киприан был арестован²¹⁷. При аресте, «как пришли по него в монастырь Ирик Ондриев да Гришка Собакин, и у него де взяли в келье челобитную, писана от ноугоротцкого митрополита и от него и от всяких чинов людей, а в той де челобитной написаны Якова Пунтусова неправды». Незадолго до этого был разграблен и Хутынский монастырь: «А как деи

²¹⁴ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о том, что они не получали указания отправлять всех выходцев и все посольские известия в Посольский приказ, а не в Разряд. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 85–87.

²¹⁵ Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции...

²¹⁶ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 55.

²¹⁷ Расспросные речи посадского человека Фомки Игнатъева в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 254–257; Расспросные речи служки Хутынского монастыря Треньки Семенова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 136–138.

в Спаском монастыре платитца стало нечем, и Яков де взял у них в уплату с чудотворца Варламия раку серебряную, а ныне деи в уплату продали паникадило меденое, а купил деи его Богдашко Шорин, дал 50 рублей, а цена де тому паникадилу была триста рублей, а вперед деи Футьнским старцам платитца нечем»²¹⁸.

Челобитная, найденная у Киприана при аресте, была адресована Густаву Адольфу и содержала обвинения Делагарди в различных злоупотреблениях. Делагарди начал следствие. На следствии митрополит Исидор отказался от своей подписи на челобитной, хотя и был уличен своим дьяком Степаном Спячим. В то же время Киприан и дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев свои подписи признали. Киприан попал в тюрьму, откуда его выпустили по челобитной юного кн. Н. И. Одоевского, а дьяки были посажены под домашний арест²¹⁹.

После возвращения Новгорода под власть Москвы Киприан прожил долгую, богатую событиями жизнь. Он довольно критически относился к такой фигуре, как патриарх Филарет. В. Н. Козляков отмечает: «Даже знаменитый новгородский митрополит Киприан публично “прохаживался” по церковным познаниям “святейшего патриарха”»: “Прислана де ко мне от патриарха грамота, велено поститься неделю, и в той де грамоте наврано ко мне просто, что к которому игумену можно было написать; ко мне не так, складнее того; яз сам соборный и келейный чин знаю, старее всех, как поститься”. Киприан подвергал сомнению даже чин патриарха: “Какой де свят, коли де свят будет”»²²⁰.

Княгиня Агафья Одоевская

3 марта 1616 г. в Новгороде умер боярин кн. Иван Никитич Большой Одоевский, новгородский воевода с 1610 г. и номинальный глава правительств. Парадоксально, что о его собственной, сколько-нибудь

²¹⁸ Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

²¹⁹ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастыря перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

²²⁰ Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 312.

самостоятельной политической деятельности в годы новгородского правительства 1611–1617 гг. почти ничего не известно. Гораздо больше информации о его частной жизни. Женатый на Агафье Игнатьевне Татищевой, в бытность руководителем Новгородского государства, потерял двух сыновей — князей Ивана Ивановича и Василия Ивановича, похороненных в Антониеве монастыре²²¹. Живя, вероятно, в самом Кремле, он был прихожанином Князь-Владимирской церкви в Каменном городе²²².

После его смерти в Новгороде остались сыновья Иван (умер к осени 1616 г.) и Никита, дочь и вдова, княгиня Агафья, Одоевские. Княгиня имела родственников в Москве (Татищевых, в первую очередь — Ю. И. Татищева), которые ходатайствовали в Посольском приказе о помощи в возвращении княгини в Москву²²³. Дело шло медленно, однако об Агафье Одоевской расспрашивали всех выходцев из Новгорода. В июне 1616 г. княгиня Агафья жила в новгородском «посаде, на Футынском подворье на Торговой стороне, а переведена де из города стояти на Футынское подворье по ее челобитью. А поместья деи за нею мужа ее в Ноугородцком уезде по-прежнему, тем де она поместьем с сыном и с людьми и кормитца, а приставов за нею и за сыном ее немецких людей нет»²²⁴. Однако выезд за город княгине и ее детям, как и всем новгородцам, был запрещен. «А как деи князь Микита у Якова Пунтусова отпроситца в Онтоньев монастырь к родителем, и за ним де Яков посылает салдатов для обереганья»²²⁵.

²²¹ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

²²² Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 31.

²²³ В апреле 1616 г. думному дьяку П. Третьякову доложили, что о тех шведах, которые сидят в тюрьме на Москве, «бьют челом о размене боярина князь Ивановская жена Одоевского вдова княгиня Огафья з детми со князем Иваном да со князем Никитою, а ныне оне в полону у немецких людей в Новгороде» (Память думному дьяку Петру Третьякову о присылке в Посольский приказ пленных немецких людей и роспись пленных. 1616. 26.04 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 306–311).

²²⁴ Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

²²⁵ Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастыря перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

Сама княгиня лично пыталась отпроситься у Делагарди отпустить ее в Москву, но тот ответил отказом²²⁶.

Только к декабрю 1616 г. вдовая княгиня Одоевская выехала из Новгорода в Ладогу, откуда ей позволили ехать в Тихвин вместе с сыном князем Никитой и с конвоем из роты шведских солдат. Узнав об этом, кн. Д. И. Мезецкий велел охранявшему московский стан Столбовских переговоров Филиппу Арцыбашеву встретить княгиню с сотней стрельцов. Встретив, Арцыбашев препроводил княгиню с сыном к Тихвину, куда та приехала 15 декабря 1616 г. Княгиня передала послам разные известия от новгородцев (в основном содержавшие уверения в преданности царю Михаилу Федоровичу) и просьбу заплатить за них деньги, полагающиеся Якову Делагарди²²⁷. После расспросов послы отпустили княгиню в Москву, а проводить ее велели двоюродному брату дмитровцу Ивану Татищеву²²⁸.

Московская сторона на подготовке переговоров в Тихвине

С осени 1613 г. главной опорной базой Москвы на Северо-Западе становится Тихвинский монастырь. Несмотря на некоторые неудачи московских войск зимой 1613/14 г. (казаки, составлявшие значительную часть защитников Тихвина монастыря осенью 1613 г., зимой ушли на Пашу и Свирь, и было неясно, подчинятся ли они воеводам в будущем), именно в Тихвине и Устюжне собирались московские войска для противостояния Новгороду. После событий ноября 1613 г. Тихвин становится местом, куда из Новгорода приходят перебежчики. К августу 1615 г. здесь находится несколько сотен новгородских дворян и детей боярских.

²²⁶ Расспросные речи дьячка Никольского монастыря с Островка Ульянка Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 25.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 384–387.

²²⁷ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, май — декабрь (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 200–203.

²²⁸ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ, что Мерик отпросил у шведов княгиню Агафью, вдову кн. Ивана Большого Одоевского с сыном. 1616, декабря после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 158–166.

В отличие от сообщения с Псковом, с Тихвином Москва поддерживала более или менее стабильную связь. Однако не стоит представлять, что здесь у московской власти все шло удачно. Десятня тихвинских осадных сидельцев содержит глухое упоминание о коллективной челобитной детей боярских Бежецкой пятины об оставлении тяжелой тихвинской службы: «И били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси, а сказали: живут они на государеве службе на Тихвине бес съезду, и вперед на государеве службе быти хотят, а об отставке государю не били челом, а били де челом государю Бежецкие пятины дети боярские, которые не хотят быти на государеве службе на Тихвине, а их де Обонежские и иных пятин детей боярских писали в челобитную с собою за очи ложно»²²⁹.

После переговоров в Дедерине в январе 1616 г. шведские и московские посланные договорились о новой встрече между Тихвином и Ладогой. Но такое обозначение места для встречи было чрезвычайно неточным, и в июне 1616 г. из Тихвина был послан голова Семен Дунилов для выбора предполагаемого места встречи (именно тогда в качестве одного из таких мест была предложена деревня Столбово²³⁰).

Обе стороны переговоров остро нуждались в информации, которая поступала из следующих источников: сообщения из центра (для московских послов — из Посольского приказа) и сведения, собираемые непосредственно на месте. Здесь источниками были «вести», сообщаемые лазутчиками, перебежчиками и пленными. Лазутчиков рассылали обе стороны, но москвичи находись в заведомо выигрышном по отношению к шведам положении. Письма, посылавшиеся в Новгород из посольских станом, играли свою роль: новгородцы и жители пригородов были «распропагандированы» в пользу Михаила Федоровича и охотно сообщали вести, впрочем, подчас носившие совершенно мифический характер. Прибывшие в Тихвин в июле 1616 г. послы кн. Д. И. Мезецкий с товарищами, обеспокоенные известиями о возможных передвижениях шведских войск, распорядились всех приходящих в Тихвин непременно приводить к себе в съезжую избу, а также пере-

²²⁹ Десятня беспоместных тихвинских сидельцев. 1615 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 125. Л. 58.

²³⁰ Роспись головы Семена Дунилова о предполагаемом месте съезда. 1616. 18.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 219–226; см. тж. Приложение 1 к гл. 3 настоящей книги.

писать все дворы в остроге, настрого запретив жить в них без явки послам или воеводам, «и в нищих велели голове стрелецкой с сотники и с стрелцами беречь и розсматривать, чтоб лазутчики в нищем платье в острог не вошли и в монастырь не ходили и не жили»²³¹.

После появления послов в Тихвине и их первых непосредственных контактов со шведами у москвичей объявилось множество сторонников-ладожан, стремившихся заслужить себе прощение и «явно» показать свою верность царю Михайлу Федоровичу. Одним из информаторов стоявших в Тихвине монастыре кн. Д. И. Мезецкого с товарищами был строитель ладожского Ивановского монастыря с Малышевой горы Варсонофий²³². Летом 1616 г. он регулярно на свой страх и риск отправлял в Тихвин свежую информацию.

Первый контакт с москвичами Варсонофий начал в начале июля, сообщив в Тихвин, что у него имеются вести, предназначенные для московских послов. Варсонофий сообщил лазутчику Ларке Федотьеву о приходе в Ладугу крупного военного контингента из северных областей Финляндии во главе с Гансом Мунком²³³. Ранее же в Ладугу, по словам Варсонофия, пришел Выборгский наместник Арвид Теннисон с сотней человек. «А острошку у Арвея нет, стоит

²³¹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладугу крупного отряда немцев и об известиях от Выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. 1616, июля после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

²³² Варсонофий в качестве строителя Ивановского монастыря известен с 1612 г. (Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349)). Ранее, в 1608 г., монастырь возглавлял его вероятный предшественник игумен Дионисий (Обыскные книги житничного ключника Афанасия Лопухина и подьячего Юрия Юмина о числе посадских дворов на Ладожском посаде и рыбных ловлях ладожских посадских людей в Ладого и в погостах Ладожского уезда. 1608. 29.08–7.09 // Дело по челобитной ладожских посадских людей о невзимании с них оброчных денег за рыбные ловли за прошлые 116, 117, 118 и 119 годы. 1608. 12.05 — 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 142–155). Среди других упомянутых в документе монахов Ивановского монастыря старца Варсонофия нет.

²³³ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладугу крупного отряда немцев и об известиях от Выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. 1616, июля после 14 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

в шатрах без острошку, а в полку де у Арвея три пушки, уставлены на три стороны, по Тихвинской да по Орешковской дороге, а запасу всякого в Ладогу хлеба и коров и боранов и коз и питья всякого привозили из Немецкие земли добре много, а ссыпаны де всякие хлебные запасы в Ладоге в житницы, а питья ставили по погребом, а животны ныне не бьют, пасут на поле, а сена де на зиму припасают немецкие люди добре много, а говорят де немецкие люди, что в Ладогу немецкие прибыльные люди из Лопи ещо будут, а вскоре ль будут и сколко человек, того не ведает»²³⁴. Кроме того, по словам Варсонофия, в Невском устье стоит большой военный корабль, «с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцат пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»²³⁵. Примерно в то же время вышедший в Тихвин сын боярский Михаил Рындин общал на допросе, «что служат государю и прямят в Ладоге Иванна Предтечи строитель Варсунофей да посадцкой Клементьевской поп Иван да староста Ивашко Григорьев да посадцкой человек Михалко Казанцов»²³⁶.

16 августа 1616 г. строитель Варсонофий сообщил казаку, посланному Ч. Спешневым под Ладогу «для вестей», что шведы не признают казаков Спешнева государевыми «и называют немецкие люди тех казаков ворами, что де бутто те казаки твои государевых послов ни в чем не слушают, а поставили де государь острожек бутто самоволством»²³⁷.

18 августа того же года сам строитель Варсонофий отправляет в Тихвин «вестовую память» следующего содержания:

²³⁴ Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 16.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Расспросные речи сына боярского Михаила Рындина перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (все листы перепутаны). 1616, июля после 19 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 187–191, 182.

²³⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ с изложением расспросных речей казака, посылавшегося Ч. Спешневым под Ладогу (без конца). 1616, августа после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 1–10.

«Великаго государя царя и великаго князя [Михаила] Феодоровича всеа Русии самодержца [и мно]гих государств обладателя милости его царския в[...] послов околничему и суждалскому наместнику князю Данилу Ивановичю да дворянину и наместнику шацкому Олексею Ивановичю да диаком Миколая Микитичю да Добрыне Семеновичю Иван[овского] монастыря Малышевской Горы нишей чернец Варсонофьище молю и до лица земнаго челом бью. Да велели вы, наши государи, проводнику Нехорошему у нас, нищих, вестей спросити, и мы, нищие, лико ведаем, толико и пишем. Нынешнего, государи, 124-го году августа в 6 ден пришел из Новагорода кровопролица и человекоедец и крестопреступник Яков Пунтосов разслаблен, а с ним и Монша, а ратных конных рота, а ротмистр Лаврин²³⁸, а в роте пятьдесят человек, а салдатов сто семдесят, то у него и надежа. А о старых людех прежде сево писано. А подо Псково выблядок²³⁹ послал семсот от себя, а велел им поставить таборы на том месте, где сам король стоял и по милости Пресвятыя Троица и Пречистыя Богородица посылку встретили за Елизаровом мононастырем и топтали до Сыренца и многих языков поимали и немецкой острожек взяли, а в нем было полтора ста латышев, всех посекали. И тот выблядок со всеми людьми сам ходил [...] так же встретили и до Вдова топтали. И он, государи, и в Ругодив збежал. А те, государи, вести нам сказывал псковской казак, на деле ево взяли да привели в Ладогу, а впредь что же о том, кое объявится, и мы тотчас человека своего пошлем к вам. Да что, государи, по вашему велению, стоят на Сяси в острошки, и вы, государи, велите им стояти бережно, потому умышляют над ними немецкие люди, а говорят: то де воры стоят, а не по государеву указу. То, государи, наза наши вести. Государи, смилуйтесь, пожалуйста, которое от нас, нищих писмишко приходит, и то, государи, сохраните во своих селеутробных сокровищех. А писал нишей чернец Варсонофьище своею рукой. Августа в 18 ден.»²⁴⁰

²³⁸ Лоренц Вагнер.

²³⁹ Незаконнорожденный сын Карла IX Карл Карлсон Юлленгельм.

²⁴⁰ Вестовая память строителя Ивановского монастыря Варсонофия послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами. 1616. 18.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л.35.

После окончания Смуты имя строителя Варсонофия вновь встречается в источниках в связи с делом о тюремном содержании литовцев, плененных под Ладогой в 1619 г. Их поместили в Ивановский монастырь: «...и ныне, государь, те литовские люди посажены в тюрьму, а мы, нищие, из всего Ладожского присуду к тюрьмам наймем сторожей, а даем, государь, на месяц сторожем по 40 алтын, и нам, государь, от тех тюремных сторожей наймующи на порубежном на пустом городе великая шкота ставитца»²⁴¹. По сведениям Н. Е. Бранденбурга, в 1624 г. строитель Варсонофий еще продолжал возглавлять Ивановский монастырь, а к 1628 г. его сменил игумен Иона²⁴².

В канун Столбовских переговоров до послых, находившихся в Тихвине, дошло еще известие о документальном подлоге, который предполагают осуществить в Тихвине шведы. Все «доброжелатели» Москвы в Новгороде — дьяк Пятой Григорьев, кн. Н. Я. Мещерский и М. Ш. Муравьев сообщали послам о том, что новый руководитель шведской администрации Новгорода Сванте Баннер отправил в Ладугу к Деллагарди новгородские писцовые книги²⁴³. 22 декабря 1616 г. в Тихвин пришли новгородцы — посадский человек Петрушка Данилов и дьячок Солецкого погоста с Волхова Андриушка Никифоров. Они выполняли, в частности, поручение новгородского подьячего Данила Ракова, который просил их сообщить послам: «есть де в Новгороде писцовая книга Дмитрея Китаева, а как писана тому 123 лета. И в той де книге писан Новъгород и Ноугородцкой уезд и пригороды и которые волостки и погосты х которому городу приписаны. И с тех де книг выписал Анца Брякилев Лопских сем погостов, а смежни те погосты с Олонецким и Заонежскими погосты. А приписаны те погосты к Новугороду, и им бы те погосты приписать х Кореле или к Орешку. А доходу с тех погостов государю на год по 120 рублей, а угодыя в тех погостех звериная ловля. Да ис тех же книг выписал Старорусского уезду Сомерской погост, а хотят приписывать к Иваню городу или к Яме, для того, что де ныне на Москве

²⁴¹ Список с челобитной монастырей, дворян и детей боярских Ладожского присуда о переводе плененных литовцев из Ладогой в Новгород. 1621, янв. // СПбИИ. Ф. 109. Д. 563.

²⁴² Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 53, прим. 2.

²⁴³ Статейный список... Л. 214—215.

тех книг нет. И государевым де послом про то неведомо, что те погосты приписаны к Ноугородцкому уезду. И после де того как поехал из Новагорода воевода Свант в Ладугу, и он де книги взял с собою, и государевым де послом те книги ведомы были, чтоб на них о тех погостех слатца, что они приписаны к Новугороду»²⁴⁴. Послы, уже находясь в Столбове, уведомили о такой каверзе шведской стороны Посольский приказ. Приказ особенно заинтересовался судьбой Лопских погостов и провел расследование. «А в чертежу и в росписи, каковы чертеж и роспись присланы были к вам с Микитою Тырковым Лопских погостов не написано, а написано х Кореле семь погостов, а к Орешку по сю сторону Невы реки и за Невою восемь погостов... А сказывал вам Микита Тырков, что сказывал ему на Москве подьячий Иван Федоров, что есть Кореле и Корелскому межеванью в Посолской Верхней полате межевые книги.» Однако в Москве никаких межевых книг сыскано не было, а подьячий Федоров сказал, что никаких книг не видел и Тыркову ни про какие книги не говорил. Послам было отправлено указание опираться на то, что по Тявзинскому миру шведы вернули только те погосты Корельского уезда, которые есть, а ни о каких Лопских погостах речи не шло²⁴⁵.

К концу 1616 г. жителей в Новгороде почти не осталось. По словам пришедшего в Тихвин одним из последних юного новгородца Федора Жданова Оболянинова, «а русских людей в Новгороде всего детей боярских человек с 30 да посадских людей с 200, а с Покрова Святей Богородицы все хотели из Новагорода идти, потому что им от великих правезев прожить не мочно». Хлеб в Новгород привозят из Корелы и других шведских городов²⁴⁶.

²⁴⁴ Расспросные речи новгородских выходцев перед тихвинскими воеводами В. Ф. Неплюевым и И. Х. Харламовым. 1616. 22.12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 126—127.

²⁴⁵ Грамота из Посольского приказа послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами по их отписке о том, что немцы взяли в Новгороде писцовые книги. 1617. 3.01 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 12—21а. В начале XVI в. Лопские погосты были частью Водской пятины и, видимо, ее Корельского уезда. Однако уже после Ливонской войны они были сохранены за Московским государством и не переданы Швеции вместе с Корелой.

²⁴⁶ Расспросные речи в Посольском приказе новгородцев Водской пятины Федора Жданова сына Оболянинова с людьми. 1616. 7.10 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 87—89.

С декабря 1616 г. послы уже не столько призывают новгородцев уходить в Тихвин, сколько обращаются к оставшимся с призывом о терпении и с обещанием ожидающей их царской милости²⁴⁷. В ответ послы получили грамоту от новгородцев за подписью митрополита Исидора, написанную 18 декабря 1617 г. В ней содержались примечательные слова о молитве всех новгородцев о здравии государя, государева отца митрополита Филарета Никитича, государевой матери инокини Марфы Ивановны. Митрополит писал о своем увещании новгородцев, обнадеживании их грядущей царской милостью. Даже тем, кто «прямили немцам или по грехом крест целовали» Густаву Адольфу, он обещал от имени царя прощение, так «как было отпущено тем, кто прямил польским и литовским людям»²⁴⁸.

Кроме обращений ко всем новгородцам, послы адресовали свои призывы конкретным видным фигурам, в первую очередь — архимандриту Киприану. Борьба шла уже не за Новгород, который очевидно возвращался под власть Москвы, но за души новгородцев. В ноябре 1616 г. Делгарди послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина да Сенку Игумнова да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве». После этого в Новгород к архимандриту Киприану отправился служка Хутынского монастыря Куземка Яковлев. Ранее Б. Шорин уже обращался к послам с принесением своей вины, и послы решили переломить ситуацию в свою сторону. Они велели архимандриту Шорина «и иных людей, которые немецким людям прямиат» призвать к себе и тайно их уговаривать, чтобы они не служили шведам и не переманивали новгородцев на шведскую сторону. Кн. Д. И. Мезецкий писал в Москву: «И ты, государь, их пожалуешь, хотя буде чья вина, вину им отдашь, то ся делало от неволи, бояся от

²⁴⁷ Список с грамоты английского посла Джона Мерика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. 1616. 5.12 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 221–223.

²⁴⁸ Список с грамоты, присланной к послам из Великого Новгорода от митрополита Исидора и всех новгородцев, о том, что они надеются на государеву милость и многих собравшихся ехать в Швецию уговорили остаться на стороне Московского государя. 1616. 18.12 // РГАДА. Ф. 96, 1617. Д. 1. Л. 212–220.

немецких людей смертново убийства и грабежу, и то ныне все будет твоей царскою милостью покрыто и вперед не памятно». Киприан, по словам послов, в Новгороде уговаривал оставшихся людей «чтоб не ослабело х концу и не смутились, а были б надежны на твою царскую милость». Шведы же давали льготу тем, кто уходит на «немецкую половину». Те, кто «доброхотает свейскому королю», бояся от московской власти опалы и смерти, «и от боязни хотят ехать в Свєю». Архимандрит же и антоновский игумен Павел «тех людей розговаривают и емлют на свои души клятвою и дают в поруке Софею Премудрость Божию и ноугородцких чудотворцов, что им от тебя, государь, будет милость»²⁴⁹.

Целовал крест царю Михаилу Федоровичу даже Тимофей Хахин, житель Корелы, служивший в Новгороде переводчиком в 1611–1617 гг. и после Столбовского мира оставшийся под властью шведской короны. Когда в 1620-х между новгородским воеводой и корельским комендантом велась переписка о взаимной выдаче перебежчиков и других «обидях», комендант Корелы Г. Монсон адресовал новгородскому правительству упрек в невыплате долгов новгородцами Т. Хахину. На это назначенный в Новгород воеводой боярин кн. Д. И. Мезецкий, ведший в 1615–1617 гг. длительные переговоры со шведами в Дедерине и Столбове, упоминал в своей отписке на имя царя Михаила Федоровича: «А то, государь, писано про нево для тово, что тот Тимоха, целовав крест тебе, великому государю, с Тихвины збежал в их сторону изменою, да и ныне меж государств ссору делает и затевает ложные слова, чево и не бывало»²⁵⁰. Находившемуся в Тихвине в 1616–1617 гг. кн. Мезецкому должны были быть известны обстоятельства «измены» Хахина, хотя прямых указаний в источниках на нее я не нашел.

Надо сказать, что и по окончании переговоров, заключении мира и возвращения Новгорода под власть Москвы судьбы вчерашних присяжных подданных шведского короля не переставали интере-

²⁴⁹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладоги. 1616, декабря после 9 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 137–140.

²⁵⁰ Отписка новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого и дьяков Михаила Милославского и Добрыни Семенова о переписке с корельским державцем Генрихом Монсоном. 1623. 26.01 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 117.

совать шведскую сторону. Еще на переговорах в Столбове шведские послы беспокоились об освобождении плененных москвичами новгородцев и о восстановлении разлученных таким образом семей путем отдачи пленных шведам, если члены их семей присягнули шведскому королю. Москвичи же отвечали, что государь пленным вину простил, а выдать православных людей шведской стороне они не могут: «и им как то сделать: оставя свою веру и природное государство, ийти к государю вашему служить в Свею». О тех, кто якобы сослан в Сибирь, москвичи отвечали, что они посланы в Сибирь не в ссылку, а на службу, воеводами и головами²⁵¹. Особое место занимала личность Никиты Калитина, в 1620 г. включенного в состав шведского дворянства. По словам шведов, у него в бою с москвичами было взято в плен двое братьев. Русские переговорщики отвечали, что братья Калитины присягнули царю Михаилу Федоровичу и утверждают, что Никита Калитин просит их о помощи в освобождении из шведского «плена». Шведы были ошарашены таким утверждением. По их словам, такое было совершенно невозможно, а если же так, то русским людям ни в чем нельзя верить. Они предложили сделать очную ставку на границе, но, по словам москвичей, «таких государевых природных людей ставить непригоже». На этом спор был прекращен²⁵².

27 февраля 1617 г. был подписан мир, и послы из Столбова двинулись к Новгороду принимать его под царскую руку. На въезде их встречали митрополит Исидор с оставшимися немногочисленными новгородцами. Через две недели московская власть вошла в Ладогу и Порхов. Пропуск через границу (которой, впрочем, еще толком не существовало) без документов был запрещен. Так, кн. Д. И. Мезецкий писал губернатору Ингерманландии К. К. Юлленгельму: «Ныне в Новгороде учинили заповедь, чтоб немецких людей без отпускных не принимали, и в Тесове поставили на заставе голову Григорья Обольянинова с стрелцы, а не велели ваших неметцких людей в Новгород без отпускных пропускати, а велели отказывать»²⁵³.

²⁵¹ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 16.

²⁵² Там же. С. 18–19.

²⁵³ Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Поулленгельму. Новго-

Выход из Смуты не повлек за собой репрессий ни в Москве в 1612 г., ни в Новгороде в 1617 г. Патриарх Филарет в 1619 г. согласился с сохранением новгородцами поместий, полученных ими в центре государства²⁵⁴, однако пожалования при шведах в спорных случаях за новгородцами не утверждались.

Смута кончилась восстановлением гражданского мира. В результате воцарения Романовых властная элита объединила представителей старомосковской знати и тушинских выдвигенцев. Еще С. В. Бахрушин в 1924 году писал об обилии тушинцев, «вдруг всплывших» с приходом к власти Романовых, особенно после возвращения из польского плена патриарха Филарета²⁵⁵. С этим обстоятельством связано большое число полемических литературных трудов, которые дала Смута в России и для западной и для европейской политической мысли. Наиболее известны Новый летописец, «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Повести» князей М. П. Катыврева-Ростовского и И. А. Хворостинина, «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея. Но все эти работы — результат длительного литературного творчества — призваны обосновать ту или иную политическую платформу или найти оправдание тем или иным действиям личности или корпорации. Их объединяет то, что все они созданы значительно позже описанных в них событий. Представляется важным осветить, как в повседневной работе идеологов выражались те или иные политические приоритеты и образы, актуальные для риторики того или иного узла политических противоречий, выявить идеологические схемы, использовавшиеся для решения конкретных тактических проблем разных политических сил 1604–1617 гг. и диалога между ними в условиях гражданской войны «всех против всех». Кроме того, исследование литературных памятников Смутного времени — задача давно и успешно решаемая. Гораздо менее изучен вопрос о способах обоснования властью своих конкретных действий.

род, 1617. 23.05 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 13. С. 57–63.

²⁵⁴ *Козляков В. Н.* Михаил Федорович... С. 161.

²⁵⁵ *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Сб. «Века». Пг., 1924. С. 79–110.

Новгород и его соседи

Дезинтеграция Московского государства после середины лета 1610 г. создала такую политическую ситуацию, когда отдельные города вынуждены были строить особые отношения с соседями. Такие отношения носили сложный характер и серьезно менялись в ходе развития политической жизни и постепенного утверждения власти правительства Михаила Романова. Для Новгорода такими соседями прежде всего были Псков и Каргополь, в меньшей степени Торопец, Ржева Пустая и Осташков.

Псков

События Смутного времени в Пскове — одна из малоизученных страниц истории начала XVII века. Отечественная историография прежних лет преимущественно исследовала те социальные группы, которые участвовали в перевороте в пользу Тушинского вора. Согласно последним исследованиям И. О. Тюменцева, основной базой для сторонников Лжедмитрия II во Пскове были служилые люди по прибору, как, впрочем, и повсеместно²⁵⁶.

Противостояние Новгорода и Пскова в годы Смуты в последнее время становится объектом пристального внимания исследователей. Наиболее развернутые исследования событий, происходивших во Пскове, принадлежат В. А. Аракчееву. Ученому удалось создать новый взгляд на политические перемены в городе в 1608–1610 гг., в частности на взаимоотношения Пскова с Лжедмитрием III и с новгородцами. На мой взгляд, однако, В. А. Аракчеев слишком трагически воспринимает переход Новгорода в июле 1611 г. под управление совместной со шведами администрации, противопоставляя «стратегию» новгородцев «стратегии» псковичей, шведов в город не впусивших (однако некоторые время признававших «тушинскую» администрацию, а позднее принявших «вора Матюшку»)²⁵⁷.

²⁵⁶ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 198–202.

²⁵⁷ Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках. Общество и государство. СПб., 2003. С. 165–200; *Он же*. Псков и Новгород: две стратегии в хаосе Смуты // Чело. 2004. № 3. С. 25–32.

Специальную статью о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в 1611–1616 гг. опубликовала Е. И. Кобзарева. Исследовательница, напротив, не будучи знакома с новейшим взглядом на Смуту во Пскове, сформулированным В. А. Аракчеевым, описывает новгородско-псковское противостояние более осторожно, без однозначных трактовок. Интересно наблюдение Е. И. Кобзаревой о том, что весной — летом 1611 г. оба города апеллировали к Подмосковному ополчению. Важно также наблюдение о единичных отъездах псковичей в Новгород и о небольшом количестве псковичей, появившихся в Новгороде в 1611–1612 гг. (как, кстати, и дворян Обонежской и Бежецкой пятин)²⁵⁸.

Вспомним, как развивались события в 1608–1610 гг. После Пасхи 1608 г. из Москвы во Псков прибежали дети боярские во главе с Борисом Неведреевым и стрельцы со стрелецким головой Афанасием Огибаловым и сотником Матвеем Блаженковым, ранее взятые в плен Тушинским вором, целовавшие ему крест и распущенные по домам. Во Пскове Огибалова и Блаженкова посадили в тюрьму²⁵⁹.

Псков целовал крест Тушинскому вору летом 1609 г. Тогда же от Вора в город приехали воевода и тушинский боярин кн. Александр Жировой-Засекин, пан «православной веры» Андрей Троянов и дьяк Иван Леонтьевич Луговской, «доброй муж в разуме и в седицах». Почти в то же время, 19 августа 1609 г. происходит и первый конфликт псковичей с новгородцами, в котором с самого начала участвуют немецкие люди Эверта Горна.

19 августа 1609 г. под Псков пришли новгородские и псковские дети боярские, а также атаман Тимофей Шаров с казаками и шведские войска. Многие псковские дети боярские склонялись к этому войску, после чего начались репрессии против больших людей и бояр (пытали сына боярского «Прокофья Окунева; а брат Михаил, и прочих на пытках с Немцам бы подо Псковом и вси псковские дети боярские»), которые проводили кн. Александр Жировой-Засекин и Иван Луговской «и старосты псковские и посадские мелкие люди». Осенью того же года под Псков пришел кн. И. А. Мещерский «с немецкими и

²⁵⁸ Кобзарева Е. И. Противостояние Пскова и Новгорода в период Смуты // Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию летописного упоминания). Псков, 2003. С. 295–302.

²⁵⁹ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 268–274.

русскими людьми». Псковские летописи под тем же самым временем помещают известие о том, что «в то же время на Москве и в Торопце и в Новгороде при Салтыкове целовали крест королевичу литовскому Жигимонту», однако, как известно, присяга Салтыкову в Новгороде произошла только в ноябре следующего, 1610 г. Ранее, на Масленицу 1610 г., во Псков из новгородского Порхова дошла грамота о том, что «табары разорены, и иныя многие прелести и соблазны». Псковское дворянство после этого известия справедливо стало опасаться псковских стрельцов — самой надежной опоры Самозванца, — стоявших на Запсковье. Это вызвало внутригородской конфликт (горожане были склонны впустить стрельцов в город), в результате которого тушинский боярин Александр Жировой-Засекин, «и други с ним, и дети боярские и гости и владычни, Семен Порываев и прочии, всякое их многое собрание, 300 человек выехаша во Власьевские ворота на Великую реку, на Снетную горы и в Новгород, а иныя в Печоры, а многие по домом схоронились до времени». После этого псковичи переписали имущество тех, кто отъехал, за исключением оставшихся во Пскове и в Печорах²⁶⁰.

Именно с этими событиями, по всей вероятности, связано появление в Новгороде большого числа псковичей — детей боярских и подьячих. И гостя Семена Порываева мы находим на новгородской службе уже в сентябре 1611 г., когда в течение всего 7120 г. он с новгородским сыном боярским Иваном Григорьевичем Барановым служил при государеве кабаке на Торговой стороне²⁶¹.

Особое место в новгородско-псковских взаимоотношениях эпохи Смуты занимает история «Псковского вора» — Лжедмитрия III, появившегося в Ивангороде. Псковские летописи так писали об этом: 4 ноября 1611 г. «пришел сквозь Немец вор во Псков». Вор пробыл

²⁶⁰ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 274–275.

²⁶¹ Книги государева кабака на Торговой стороне Ивана Григорьева сына Боранова, Семена Порываева и кабацких голов Якова Григорьева сына Шолковника и Матфея Левонтьева с товарищами. 1611. 1–15.09 // RA, NOA. Serie 2:110. Л. 5–7; Книги государева кабака на Торговой стороне у Ивана Григорьева Боранова и Семена Порываева да у кабацких голов у Кирилы Федорова да у Василья Кузмина сына Мясника. 1611. 15.09 по 1.07. 1612 г. // RA, NOA. Serie 2:110. Л. 8–11, 16–19, 26–29, 30–33, 38–40, 44–48, 54–57, 58–61, 76–80, 87–89, 90–92, 100–102, 109–111.

во Пскове зиму, до конца мая 1612 года, когда 20-го числа «во Псков вора привели и в полату посадили». Однако, пожалуй, именно присяга псковичей этому новому самозванцу и скомпрометировала их в глазах новгородского правительства. В то же время нельзя не отметить, что среди служивших Лжедмитрию III и даже его приближенных были и многие известные новгородцы, в первую очередь Никита Зиновьев, оказавшийся в стане Вора еще под Ивангородом²⁶², Пятый Воронин, Дмитрий Чортов²⁶³, Иван Мунзорин²⁶⁴. Имен псковских дворян, «прямивших» Вору, нам доподлинно не известно, но, возможно, это обусловлено плохой сохранностью псковских архивов за Смутное время.

В противостоянии Новгорода и Пскова, наметившемся в 1611 г., важная роль принадлежит псковскому пригороду Гдову и Новгородскому пригороду Порхову — два этих центра являлись районом противоборства сторонников Тушинского лагеря и позднее Москвы и сторонников Василия Шуйского и еще позднее шведов. Периодические набеги псковичей на Порхов, военные действия шведов и новгородцев под Гдовом создали в бывшем новгородско-шведском пограничье ситуацию нестабильности и безвластия. Сложно представить себе, кто мог жить в эти годы в Карачуницком или Ясенском погосте Шелонской пятины, что творилось в районе Кобыльского городища!

Важнейший город в новгородско-псковском приграничье, Порхов, в годы Смуты выдержал как минимум три разорения. Вероятно, в 1607 г. Порхов разорили казаки («воровские люди») Тимохи Рогалева, позднее под Порхов приходили «воровские и литовские» люди с кн. В. А. Тюменским, угнавшие скотину порховских посадских людей. Когда город был отвоеван в 1611 г. новгородскими войсками во главе с кн. И. А. Мещерским, то посад вновь пережил разорение²⁶⁵.

²⁶² Выпись из судного дела между Федором Одинцовым и Никитой Зиновьевым. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:21. Л. 4 об., 5 об., 6, 6 об., 7.

²⁶³ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 — 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–А.

²⁶⁴ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова (продолжение) // RA, NOA. Serie 2:193–В. Л. 1–7.

²⁶⁵ Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148–150.

Летом 1613 г. к Порхову из Пскова пришел Артемий Лодыгин; после этого похода большинство порховских дворян во главе с порховским воеводой Иваном Крюковым отъехали в Псков. До августа 1615 г. Порхов пережил еще один приход казаков Игнатия Харламова²⁶⁶. В результате к 1615 г. полностью опустели погосты, лежавшие к югу от Порхова. Этим пользовались те дворяне, кто старался «избыть» службы и, прикрываясь неразберихой и безвластием в пограничных территориях, занимался разбоем. Интересно, что вскоре после похода шведов на Псков и осады города псковская администрация обратилась к порховскому шведскому воеводе Геннингу Гриссу с просьбой обуздать одного из таких разбойников: «Иван Косицкой по зиме збежал, и жил тайным образом в псковском пригороде на Опочке, а с Опочке сшел в Порховской уезд марта в 1 день, а ис Порховского уезда во Псков и во Псковские пригороды и в уезды не бывал. А ведомо нам подлинно есть Порховского же уезда с крестьян, что те воры Ивашко Косицкой с товарищи живут в Порховском уезде у вотца своего в Гавриловых деревнях Косицкого и ходя ворует, православных крестьян мучит и побивает и грабит»²⁶⁷.

Новгородское правительство было не в состоянии обеспечить охрану дорог из Псковской земли в Новгородскую. Однако еще в 1613 г. правительство Делагарди — Одоевского пыталось контролировать торговые взаимоотношения между Новгородом и Псковом. 13 января 1613 г. кн. В. И. Белосельский вместе с С. Ф. Тимашевым подал боярам и воеводам челобитную о незаконной торговле старорусских крестьян с псковскими торговыми людьми и мужиками. После этого они же проводили обыск по данному делу²⁶⁸.

²⁶⁶ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 3. Замечу, что как И. И. Крюков, так и И. Х. (Ж.) Харламов — помещики ближайшей порховской округи.

²⁶⁷ Отношение псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Гриссу. Псков, 1616, после 19.04 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 6. С. 28–30.

²⁶⁸ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13.01 — 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 1–70.

Рассмотрим судьбы псковичей, оказавшихся в Новгороде, и новгородцев, оказавшихся в Пскове. Надо заметить, что представители и тех и других смогли занять важное место в гражданском и военном управлении. Выявить всех псковичей, служивших в Новгороде в 1611–1617 гг., возможным не представляется. В некоторых случаях происхождение разных лиц устанавливается лишь по косвенным данным. Явно псковского происхождения Григорий Рокотов, получивший в 1612/13 г. поместье в Шелонской пятине, так как именно псковичи — дети боярские Степан Тимашев, Федор Неклюдов и Андрей Ногин, были среди переводчиков его долговых обязательств²⁶⁹.

Самый известный пскович на новгородской службе — **Андрей Тимофеевич Ногин**. Скорее всего, он попал в Новгород вместе с сыном Петром еще до массового выезда псковичей весной 1610 г. с кн. Александром Засекиным, так как уже в 1609/10 г. А. Т. Ногин служил, по всей видимости, приказчиком копорских дворцовых сел и по грамоте царя Василия Шуйского должен был отделить дворцовую деревню Черемниково Венедикту Хомутову²⁷⁰. В 1613/14 г. Андрей Ногин занял должность новгородского судьи (вместе с Михаилом Злобиным Аничковым²⁷¹), сменив на этом посту Третьяка Якушкина. В 1613–1614 гг. А. Т. Ногин часто привлекается к подписыванию поручных записей²⁷², в 1614 г. просит пожаловать изменничьим хлебом²⁷³, в 1613–1615 гг. выполняет разные земские службы (дозоры и обыски²⁷⁴), с окладом в 600 четвертей владеет поместьями в Дерев-

²⁶⁹ Книги записи поместных пошлин с трех пятин — Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35–36.

²⁷⁰ Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 76–82.

²⁷¹ Книги сбора судной пошлины. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 5.

²⁷² Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6; Поручная запись по Никите Матвееву сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

²⁷³ Память воеводе Григорию Степановичу Обольянинову об отдаче псковскому помещику Андрею Ногину половины ржи из усадьбы Петра Нелединского в Бутковском погосте Водской пятины. 1614. 25.10 // СПБИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 572.

²⁷⁴ Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10–1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2:101–В; Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02 — март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 14.

ской и Водской пятинах²⁷⁵. Ногин вместе с немногими новгородцами дождался возвращения московской власти в Новгород. После Смуты Андрей Тимофеевич Ногин оказывается вновь в Пскове. Он был погребен в Псково-Печорском монастыре под именем схимника Антония 21 июня 1632 г.²⁷⁶

Его сын, **Петр Андреевич Ногин**, вероятно, прибыл в Новгород вместе с отцом. По всей вероятности, в 1610 г. ему было около 30 лет (если считать, что он был поверстан в новики в 1596 г., как и полагалось, в 15-летнем возрасте)²⁷⁷. Ранее 1612 г. Петр Ногин служил дозорщиком Зарусской половины Шелонской пятины²⁷⁸. В феврале 1612 г. Петр Ногин находился в Порховском уезде при сборе кормов (его товарища, сына боярского Шелонской пятины Сергея Константинова, мы увидим после лета 1614 г. среди перешедших на сторону Пскова)²⁷⁹. В августе 1612 г., имея такой же, как и у отца, оклад в 600 четвертей, Петр Ногин является помещиком Шелонской и Деревской пятин²⁸⁰.

²⁷⁵ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 25; Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 36; Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 48, 51–52; Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. С. 49.

²⁷⁶ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты Псково-Печорского монастыря // НЭ. Т. 12. 1978. С. 63–184, № 45.

²⁷⁷ Лихачев Н. П. Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 200.

²⁷⁸ Обыкновенные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 148–150.

²⁷⁹ Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129; Грамота бояр и воевод в Порхов кн. Ивану Афанасьевичу Мещерскому с товарищи об оказании всяческой поддержки кормовым сборщикам Ногину и Константинову. 1612. 12.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 142–143; Челобитная порховских кормовых сборщиков Петра Ногина и Сергея Костянтинова о сборе кормов порховским ратным людям и роспись кормов с погостов. 1612. 29.02 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 8–12.

²⁸⁰ Обыкновенные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего

В 1613 г. Петр Ногин служил на земских должностях в Старой Руссе²⁸¹. Сохранился целый комплекс документов, посвященный тамошней деятельности Ногина. 20 августа он должен был сменить на посту сборщика («выдельщика») государева хлеба в старорусских погостах другого псковского выходца Степана Тимашева (о нем ниже)²⁸². Первоначально Петр Ногин, именуемый в документах «Петром Андреевичем», жалуется на отсутствие у него рассыльщиков, позднее вовсе сообщает о саботаже крестьян при сборе хлеба со времени, «как немецкие люди пришли в Старую Русу, и казаки из Русы побежали, и к нам околорусские крестьяне и выборные хлебные целовальники пося мест не бывали»²⁸³. Позднее, будучи не в силах собрать корма, он ссылается уже не на саботаж, а на присутствие в погостах Старорусского уезда, особенно в южных, воровских людей и казаков²⁸⁴.

Семена Шустова... С. 262; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг... Л. 26; Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 13.

²⁸¹ Грамота бояр и воевод в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому и подьячюму Федору Витовтову о том, что Петр Ногин подал роспись выдельного хлеба 14 декабря 1613 г. И о сборе доимочного хлеба. // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 52–53; Челобитная старорусского дьяка Федора Витовтова новгородским боярам и воеводам о степени исполнения старорусскими властями боярского указа о сборе и высылке в Новгород государева выдельного хлеба. 1613, декабрь // RA, NOA. Serie 2:28. Л. 57–59.

²⁸² Память Петру Андреевичу Ногину, посланному вместо Степана Тимашева для выдела хлеба на государя в Старорусском уезде. 1613. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 544.

²⁸³ Отписка Петра Ногина Якову Делгарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности свозить государев хлеб из уезда в Старую Русу вследствие отсутствия подвод, о неявке рассыльщиков, посланных из Руссы и об отказе кн. Шаховского дать новых или сыскивать прежних рассыльщиков. 1613, до 27.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. ч. 1. Карт. IV. Д. 550.

²⁸⁴ Отписка Петра Ногина Якову Делгарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности производить хлебный сбор в Старорусских погостах вследствие нападения на эти погосты воровских казаков. 1613, до 11.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 548; Отписка Петра Ногина Якову Делгарди и боярину кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о невозможности хлебного сбора в Старорусском уезде вследствие частых казацких наездов. 1613, до 14.09 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 549.

В январе 1614 г. Петр Ногин уже на военной службе — он был послан с князем Никифором Мещерским по Московской дороге для поимки языков (видимо, в связи с начавшимися боевыми действиями против Москвы)²⁸⁵. Зимой следующего, 1614/15 г., он собирал корма на немецких людей (прапора ротмистра Нильса Ашерсона) с Буржского погоста²⁸⁶. А летом 1615 г. Ногина перевели на Волхов, к Водосскому острожку. 9 ноября 1615 г. он вместе с «немецким приказчиком» Ларионом Андреевым и мужиками из Солецкого погоста пришел в Тихвин, к московским послам²⁸⁷. После Смуты Петр Ногин вернулся на службу в Псков. В годы Смоленской войны он служит в Пскове стрелецким головой и участвует в походе под Себеж в январе 1634 г.²⁸⁸ Скончался Петр Ногин в Пскове. Его жена Ульяния (в схиме Улита) — среди похороненных в Псково-Печорском монастыре (умерла 14 мая 1647 г.)²⁸⁹.

Еще один представитель этой семьи на службе в Новгороде 1611–1617 гг. — **Богдан Третьяков (Нефедьев, Муратов) Ногин**. О нем на новгородской службе известно с августа 1612 г., с этого времени подпись Богдана Ногина стоит под многими поручными записями²⁹⁰. Еще два

²⁸⁵ Расходные книги государевой хлебной казны при дьяке Пятом Григорьеве. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 29–30.

²⁸⁶ Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02 — март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 7.

²⁸⁷ Грамота из Посольского приказа послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами о посылке к ним расспросных речей новгородского выходца Петра Ногина и переводов с немецких грамот. 1615. 3.12 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 358–362.

²⁸⁸ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.: Л., 1955. С. 283.

²⁸⁹ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты... № 80.

²⁹⁰ Поручная запись по Федору Васильеву о бытии ему посылочных подьячих Поместной избы. 1612. 6.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 20; Поручная запись по Федору Прокофьеву о бытии в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613, февр. // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46; Поручная запись по Хрисанфу Иванову Грязному о бытии в государеве Поместной избе посылочным подьячим. 1613. 17.02 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 43; Поручная запись по Степану Кирилову сыну Псковитину о бытии в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48; Поручная запись по подьячему Дмитрию Афанасьеву сыну Маслову о бытии ему в Поместном приказе в посылочных подьячих. 1613. 14 (11?).03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 50–51; Челобитная Ивана Косицкого об отпуске из тюрьмы и взятии на поруки и поручная запись. 1613. 18.09 // RA, NOA. Serie 2:22. Л. 5–6.

упоминания о псковском помещике Богдане Ногине относятся к маю 1613 г., когда он через суд возвратил себе долг подьячего Родиона Бабина (в 3 рубля)²⁹¹ и к сентябрю того же года, когда он добился уплаты долга (в рубль) от сына боярского Никиты Боркова²⁹².

Другая псковская семья, члены которой оказались на службе новгородскому правительству, — Тимашевы.

Об **Александре Фомиче Тимашеве**, псковском помещике на новгородской службе, известно с августа 1612 г. Этот дворянин, обладая окладом в 650 четвертей, владел поместьями в Порховской округе²⁹³. В одном из дел Новгородской приказной избы сказано, что поместный оклад Александру Тимашеву был установлен «по его сказке» — т. е. по его собственным показаниям — в 1611/12 г.²⁹⁴ Как порховский помещик, он исполнял разные службы. Так, 13 февраля 1613 г. он был послан из Порхова в Новгород (куда приехал 15 февраля) с отпиской от воеводы кн. И. А. Мещерского²⁹⁵. В сентябре 1613 г. вместе со Степаном Тимашевым Александр обвинил порховских помещиков Мокея Скобельцына и Федора Воронова в измене — в отъезде в Псков во время прихода казаков²⁹⁶. В августе 1614 г. Александр Тимашев обвинил в измене (также с целью получения поместья) Ивана Негодяева, но не смог получить поместья, так как вынужден был уехать из Новгорода, не дождавшись решения дела²⁹⁷. В эти же годы имя Александра Тимашева

²⁹¹ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 92.

²⁹² Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 14.

²⁹³ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 390; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 6; Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова с. Дирина. 1614, авг. 1615 — март // RA, NOA. Serie 2:152; Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:125.

²⁹⁴ Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых детей Тимашева...

²⁹⁵ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 30–32.

²⁹⁶ Дело по челобитью о поместье Степана и Александра Фоминых д. Тимашева...

²⁹⁷ Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова сына Дирина. 1614, август–1615, март // RA, NOA. Serie 2:152.

фигурирует в мелких судебных делах²⁹⁸ и в поручных записях²⁹⁹. В августе 1615 г. поместье Александра Тимашева перешло к его брату Степану; видимо, Александр Тимашев к этому времени умер³⁰⁰.

Его брат, **Степан Фомин Тимашев** — сын боярский, псковский помещик, также оказался в Новгороде. 4 января 1611 г. «псковитину Степану Тимашеву» было дано «для раны» ведро вина из новгородского винного погреба³⁰¹. Около 7 февраля 1612 г. он служил вторым воеводой Порхова и вместе с первым воеводой кн. И. А. Мещерским писал в Новгород из Порхова о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. В их распоряжении, по отписке, почти не было также и кабацких доходов, а для «курения» нового вина отсутствовали средства. Посланные ими в уезд сборщики Федор Воронов и Петр Ногин писали воеводам, что им не удалось собрать корма и отсутствуют средства на жалованье стрельцам³⁰². В 1612–1614 гг. он владел различными поместьями в Шелонской³⁰³ и Водской пятинах³⁰⁴, имея оклад в 600 четвертей, подписывал поручные записи³⁰⁵.

Интересно, что именно пскович С. Ф. Тимашев 13 января 1613 г. вместе с кн. В. И. Белосельским подал боярам и воеводам челобитную

²⁹⁸ Книги судного двора. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 107.

²⁹⁹ Поручная запись по Никите Матвееву сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19.

³⁰⁰ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского... с. 35.

³⁰¹ Сборник памятей. Л. 54.

³⁰² Челобитная (отписка) кн. Ивана Мещерского и Степана Тимашева боярам и воеводам о том, что в Порхове недостаточно денежных и хлебных запасов, чтобы обеспечить ротмистра Карбеля и его людей. 1612. 7.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 129.

³⁰³ Обыкновенные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 262; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг... Л. 4; Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрея Коломского... С. 35.

³⁰⁴ Дозорные книги Водской пятины Корельской половины кн. Ивана Семеновича Путятин да подьячего Федора Прокофьева 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 33–36.

³⁰⁵ Поручная запись по Федору Прокофьеву о бытии в посылочных подьячих Поместного приказа. 1613, февраль // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 46.

о незаконной торговле старорусских крестьян с псковскими торговыми людьми и мужиками. После этого они же проводили обыск по этому делу³⁰⁶. Не вполне ясно, почему к началу 1613 г. Тимашев оказывается в Старой Руссе, где вплоть до конца августа 1613 г. он безуспешно пытается собирать корм с дворцовых старорусских погостов и уходит с поста выдельщика только по болезни³⁰⁷.

В марте — апреле 1614 г. Степан Тимашев был русским воеводой Зарецкого острога. 14 апреля ему была послана грамота с требованием привести к послушанию крестьян д. Смолковы Горы, оказывающих неповиновение своему новому помещику Б. И. Тыркову³⁰⁸. Но после 1617 г. Степан Тимашев остался на «государевой стороне». В 1618/19 г. он считался псковским помещиком, получающим из Устюжской четверти оклад в 23 рубля³⁰⁹.

Известен еще один Тимашев, **Андрей**. В августе 1612 г. он привез в Новгород отписку из Порхова³¹⁰, но в 1613 г. оказался уже на стороне противников новгородского правительства. 31 декабря 1613 г. из Пскова от воевод в Москву прибыл Андрей Тимашев с известием о том, что «подо Гдовом немецких многих людей побили и языки и знамена, и набаты поимали, а з достальными людьми Явер Горна отбили, а он, Ондрей, сидел во Гдове с воеводы и был в головах»³¹¹.

³⁰⁶ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева...

³⁰⁷ Отписка Пятого Григорьева Степану Фомичу Тимашеву, бывшему у хлебного выдела в Старой Руссе о возвращении его в Новгород по болезни и о назначении на его место Петра Ногина и передаче последнему наказа, росписи и ведомости по выделу хлеба на государя. 1613, ок. 20.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 543; Отписка Степана Тимашева новгородским боярам и воеводам Якову Делгарди и кн. Ивану Никитичу Большому Одоевскому о положении хлебного сбора в Старорусских погостах до приезда Петра Ногина, назначенного на место Тимашева. 1613, до 31.08 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 546.

³⁰⁸ Дело по челобитью Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март — апрель // RA, NOA. Serie 2:90.

³⁰⁹ Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 712.

³¹⁰ Челобитная приказчика дворцовых сел Богдана Помещикова о невозможности косить сено на государя по причине опустения сел и близости литовских людей. 1612, июль // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 545.

³¹¹ Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М.; Варшава, 1995. С. 22.

Псковские помещики **Семен** и его сын **Василий Гавриловы**, чьи владения, надо полагать, находились в непосредственной близости к Порхову³¹², в 1612–1613 гг. служили в Порхове кормовыми сборщиками³¹³. Осенью 1613 г. они вместе с другими порховскими детьми боярскими оказались в Пскове. Весной 1614 г. оба они упомянуты в псковской десятне³¹⁴.

В 1607 (?) г. псковский помещик **Федор Кожа Булгаков Неклюдов** выехал вместе с окольничим князем Александром Засекиным «из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород». Позднее, видимо в 1609 г., он участвовал в походе Эверта Горна на Псков и Порхов, «как был бой подо Псковом боярину князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому, и под Порховым с полскими и с литовскими людьми, с рускими воры». За это тогда же, при царе Василии Шуйском, ему было пожаловано 14 рублей в год из Костромской четверти³¹⁵.

В июне 1612 г. **Ф. Б. Неклюдов** — помещик Струпинского погоста Шелонской пятины³¹⁶. С 1613 г. и до апреля 1615 г. о нем упоминают многие документы архива Новгородской приказной избы: он поручается за разных дворян³¹⁷, участвует в сборе кормов для шведских солдат (в Медведском погосте, близ собственного поместья³¹⁸), судится за хлебные припасы³¹⁹. По всей видимости, Неклюдов про-

³¹² Дело о выделении С. И. Скрипицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2:50. Л. 9–10.

³¹³ Приходно-расходные книги сбора и выдачи кормов немецким людям. 1612/14 // RA, NOA. Serie 1:48. С. 7, 16, 19.

³¹⁴ Книга сыскная дворян и детей боярских разных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации)

³¹⁵ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 85.

³¹⁶ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 44.

³¹⁷ Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 35–36; Поручная запись по Никите Матвееве сыне Зиновьеве. 1614. 18.06 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 19; Дело по челобитью псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

³¹⁸ Дело о новом дозоре дворцовых сел, приписанных к Новгороду. 1615. 28.02–март // RA, NOA. Serie 2:63. Л. 9–10.

³¹⁹ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 37–38, 95.

должал оставаться в Новгороде до эвакуации шведского корпуса, и только в августе 1618 г. он восстановил свой оклад с учетом своих заслуг, в том числе и на службе против «псковских воров».

Гдовские помещики

Гдовские помещики — в большинстве своем лишь недолгое время служили новгородскому правительству. Специфическая роль Гдова как объекта почти непрерывных боевых действий в течение 1611–1619 гг. привела к тому, что гдовичи постоянно переходили с одной враждующей стороны на другую.

Одним из самых известных гдовских служилых людей эпохи Смуты может считаться **Парфений Иванов сын Елагин**, гдовский помещик (известен с 1585/87 г., Парфений Салтанаков сын Елагин)³²⁰, назначенный воеводой в Гдов после первого занятия его шведами зимой 1611/12 г. Пост воеводы он занимал, во всяком случае, до августа 1612 г.³²¹ В придачу к своему гдовскому поместью Парфений Елагин в 1611/12 г. получил часть дворцовых волостей в Карачуницком погосте³²². В 1612/13 г. его поместья были конфискованы — скорее всего, Парфений Елагин был среди тех, кто в 1613 г. изгнал шведов из Гдова. Его сын, **Степан Парфеньев**, 7 марта 1617 г. был поверстан на государственную службу в Пскове. Ему сразу же был назначен четвертной оклад в 14 рублей «за отца его и за брата его службу и за смерть»³²³. Видимо, тогда он был очень молодым человеком. С. П. Елагин скончался 10 марта 1668 г. монахом Псково-Печорского монастыря (в иночестве схимник Сергей). Он сделал яркую карьеру, прослужив, в частности,

³²⁰ Платежная книга Псковской земли по писцовой книге псковских пригородов Воронача, Выбора, Гдова, Дубкова, Изборска, Кобылья, Острова и их уездов писцов Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина. // Сб. МАМЮ. 1913. Т. 5. С. 240, 243, 245, 249.

³²¹ Грамота от бояр и воевод гдовскому воеводе Парфению Елагину о непиське в Лядский погост за кормами. 1612. 16.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 111.

³²² Выпись из отдельных и отписных книг разных детей боярских и подьячих в Старорусском уезде и Шелонской пятине. Без начала и конца. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:361. Л. 36–41; Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова... С. 197–200.

³²³ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг... С. 56.

на посту гдовского воеводы уже при царе Михаиле³²⁴, а в годы русско-шведской войны 1656–1657 гг. оборонял Лавуйский острог³²⁵.

Другие представители фамилии Елагиных в годы Смуты известны на обеих противоборствовавших сторонах. Так, **Крюк Иванов Елагин** еще 16 апреля 1613 г. судился с вдовой Федосьей, женой Леонтия Толмачева, выдвинув ей претензии на «своего живота на 30 рублей»³²⁶. Уже 10 октября этого же года его поместье было отдано И. Ф. Аминову³²⁷, гдовскому воеводе, подчинявшемуся новгородскому правительству. Другой Елагин, **Михайло Васильев**, служил в осаде в Гдове, видимо, вместе с Парфением Елагиным, а к 1612/13 г. оказался в Пскове³²⁸.

Другой сын боярский, **Афанасий Своитинов сын Бачин**, в середине марта 1615 г. «приволокся» в Новгород из Пскова, оставив жену и детей в Гдове. Ранее, в 1611/12 г. он был пожалован поместьем Ивана Черкасова, 150 четвертями в соседнем с Гдовским уездом Щепецком погосте. Его оклад тогда составлял 500 четвертей. Но в 1611/12 г. его поместье было отписано на государя, так как Бачин остался во Гдове, и отдано Григорию Обольянинову. В марте 1615 г. при разборе своего дела Бачин сказал, что в 1611/12 г. его поместье было дано Обольянинову, в то время, когда Бачин «сидел во Гдове в осаде... И как де Гдов во 120-м же году государю королевичю добил челом», Бачину вернули часть его поместья (ту, что не была отделена Обольянинову). «А как Гдов государю королевичю изменил, и тем Григорьевым поместьем Обольянинова, что ему дано Офонасья Бачина 190 четей, владели ко Гдову». В 1615 г. Афанасий Бачин вернул свое прежнее поместье, так как Обольянинов к этому времени получил поместье в Водской пятине, а поместье в Щепецком погосте забросил³²⁹.

³²⁴ Плешанова И. И. Каменные надгробные плиты... № 150.

³²⁵ Селин А. А. Городок на Лаве: Первые итоги новых исследований // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. 6 чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2002. С. 199–206.

³²⁶ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. С. 87.

³²⁷ Книги записи поместных пошлин с трех пятин... С. 27.

³²⁸ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 гг.. С. 107.

³²⁹ Дело по челобитной Шелонской пятины Афонасия Своитинова сына Бачина о поместье. 1615, 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34; Дело по челобитью о поместье Афонасия Своитинова сына Бачина. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:113.

Особая коллизия связана с взаимоотношениями помещиков Чиркиных. Они были среди владельцев сельца Вейно в Кушельской губе Гдовского уезда еще по писцовой книге 1585/87 г.³³⁰ Когда один из Чиркиных, Григорий Лытаев сын, был назначен воеводой в Корелу, Чиркины «поступились» этим поместьем в его пользу. Однако вскоре Григорий Чиркин умер, и в годы гражданской войны его поместье перешло к его сыну Ивану (до 1615 г.)³³¹ Это вызвало недовольство его двоюродного (?) дяди, **Тихона Чиркина**, к началу апреля 1615 г. вышедшего из Пскова «на королевичеву милость» и бывшего в апреле 1615 г. челом о том, что Иван на тот момент был «во Пскове в измене» и получившего поместье племянника³³².

Еще один гдовский помещик, **Сергей Воронцов**, в 1615 г. обратился к Густаву Адольфу с просьбой возместить убытки от постоя шведов во время похода короля под Псков. Интересно, что в своей челобитной Воронцов именует свое поместье дачей «...от твоей, господине, королевской милости», то есть, скорее всего, эта дача должна была произойти именно во время похода, так как Полянская губа, в которой оно находилось никогда не была под контролем новгородской администрации³³³.

К гдовским же помещикам относились братья Лука и Дмитрий Егнутьевы. После первого взятия Гдова немцами в 1611 г. они были пожалованы поместьями по особому указанию Эверта Горна. Но уже в сентябре 1613 г. В. Б. Назимов и Василий Чеботаев били челом о поместье Егнутьевых, утверждая, что те сдали псковичам Гдов и отъехали в Псков³³⁴. Гдовлянка, вдова Тимофея Перетрутова Авдотья с детьми Терентием и Гаврилом, получила от новгородских властей мужнино поместье в Гдовском уезде в 1612/13 г.³³⁵ Возможно, гдовским помещиком был также Богдан Малков, получивший тогда же 100 четвертей в Гдовском уезде³³⁶.

³³⁰ Платежная книга Псковской земли... С. 242.

³³¹ Книги записи поместных пошлин. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 93.

³³² Дело по челобитью псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

³³³ Челобитная Сергей Воронцова Густаву Адольфу о возмещении убытков. 1615 // RA, Militaria: 1287: 17.

³³⁴ Дело по челобитной о поместье Василия Назимова и Василия Чеботаева. 1613, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:223; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. ... Л. 9.

³³⁵ Там же. Л. 6.

³³⁶ Там же. Л. 12.

«Байоры» из псковичей

Особое место в истории Смуты на Северо-Западе и ее последствий занимает вопрос о русских служилых людях, после Столбовского мира 1617 г. присягнувших Густаву Адольфу и поступивших на шведскую службу. Среди них были как новгородцы, так и псковичи. Переход псковичей на шведскую службу был в значительной степени связан с походом короля Густава Адольфа под Псков в 1615–1616 гг., когда король лично посетил северные погосты Псковщины. Самый известный род, оставшийся в новой шведской провинции Ингерманландии, — род Аминевых, потомки которого живут и в наши дни — псковского происхождения. Множество его представителей известно нам по писцовой книге 1585/87 г. А в начале Смуты они оказываются на службе новгородского правительства, на руководящих должностях в Гдове, а позднее — в Ивангороде.

Исай Федоров Аминев. Впервые упомянут осенью 1613 г., когда он бил челом Эверту Горну о поместье Крюка Елагина в Гдовском уезде: «Королевского величества боярину и ратному воеводе Эверт Горну Карловичю бьет челом Исайко Федоров сын Аминев. Служу я, государь, осмой год без поместьяца, а как, государь, ты, великой боярин, взял Вдов, и с тех, государь, мест, я служил под Иваном городом, и бился, и в полон был взят и ограблен, а на ином бою, государь, под Иваном городом подо мною лошадь убили, а как, государь, Вдов воровские люди взяли, и я, государь, четыреже ходил подо Вдов с немецкими людьми и служил и бился, и от Поплера, государь, с Руи был в четырех посылках с немецкими людьми, и службенко, государь, мое видели немецкие люди с кем посылан бывал, а пожаловал, государь, ты мне, великой боярин, поместьяца в Кобыльском уезде за Вдовом шездесят верст сто чети, и то, государь, поместьяце завладели псковские воровские люди, с тех мест, как ты, государь, Вдов взял, не имывал с нево не одное денги, а служил з баткова поместьяца, а ныне, государь, и у батка поместьяце завладели воровские люди»³³⁷. Таким образом, Исай Аминев, склонивший в 1617 г. большинство ивангородцев остаться на своем посаде и не переходить на московскую сторону, начал свою службу новгородскому правительству еще после первого взятия Гдова «немцами» в конце 1611 г.

³³⁷ Дело по челобитной о поместье Исаея Федорова сына Аминева. 1613, октябрь // RA, NOA. Serie 2:99.

Не менее известным деятелем Смуты является отец Исаея, **Федор Григорьев Аминев**. В конце XVI в. он служил гдовским стрелецким сотником, а к 1601 г. был переведен в Ивангород³³⁸. В 1609 г. он был взят в плен шведами и провел некоторое время в тюрьме в Нарве, после чего поступил на шведскую службу³³⁹. С 1615 г. Федор Аминев служит дьяком в Гдове. Весной этого года ему приходится отделять поместья новым гдовским помещикам — Афанасию Бачину³⁴⁰ и Тихону Чиркину³⁴¹. В 1616 г., находясь на службе в Ивангороде, Федор Аминев писал в Новгород о разграблении мужиками-шарпальниками из Сумерской волости (территории, лежавшей близ линии фронта и в годы Смуты фактически не подчинявшейся никакой власти) судна английского посла Джона Мерика³⁴². Дочь Федора, Агафья Аминева уже при шведах вышла замуж за другого байора, Мурата Пересветова, родоначальника шведской дворянской фамилии Пересветовых-Муратов³⁴³.

Среди байоров псковского происхождения также и **Василий Семенович Чеботаев**. Этот гдовский сын боярский в 1613/14 г. имел оклад в 400 четвертей. Тогда же он был пожалован поместьем известных нам Луки и Дмитрия Егнущевых в Гдовском уезде³⁴⁴. Оставшись на шведской службе после Столбовского мира, Чеботаев владел землями

³³⁸ Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель — 1601, июль // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 270–308.

³³⁹ Лист ивангородского воеводы кн. Ивана Федоровича Хованского в Ругодив королевским послам стокгольмскому воеводе Микаэлю Олафсону и королевскому дворянину Гансу Нильсону о титулах царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) и о размене пленных. 1609. 9.10 // RA, Militaria, М—1287:4.

³⁴⁰ Дело по челобитной Шелонской пятины Афонасия Своитинова сына Бачина о поместье. 1615, 18.03 // RA, NOA. Serie 2:34.

³⁴¹ Дело по челобитной псковского выходца Тихона Семенова Чиркина. 1615, апрель // RA, NOA. Serie 2:225.

³⁴² Отписка Ф. Аминева новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на р. Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород. 1616, до 30.06 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. I. Д. 580.

³⁴³ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие байоры // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

³⁴⁴ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. ... Л. 9.

в Ямском и Копорском уездах по крайней мере до 1623 г.³⁴⁵, служил воеводой в Копорье³⁴⁶. Его потомки, как и потомки Аминевых, приняв в XVII в. лютеранство, под фамилией Опалевых долго служили шведским монархам³⁴⁷.

Еще несколько псковичей на новгородской службе упомянуто в поместных делах. В сентябре 1612 г. было возбуждено дело о поместье Филиппа Матвеева сына Арцыбашева, помещика Деревской пятины, имевшего личный конфликт с Эвертом Горном, отъехавшего с группой новгородских дворян в Псков, а после Смуты служившего дьяком в Новгороде. Среди претендентов на это поместье встречаем двух псковичей — Севастьяна Квашнина и Михаила Воинова Ордина Нащокина и одного пусторжевца, Емельяна Дмитриева Ротиславского. Их претензия на поместье Арцыбашева была подкреплена, как было принято, обвинением того в измене, а также приписыванием себе больших поместных окладов: псковичи указали себе по 650 четвертей, а пусторжевец целых 900. Бояре отказали всем троим соискателям, так как те сообщили о своих чрезмерно больших окладах. В тогдашних новгородских архивах не было ни псковских, ни пусторжевских верстальных списков и десятен для справки³⁴⁸. Севастьян Квашнин в 1612/13 г. все же приискал себе поместье в Гдовском уезде³⁴⁹, об остальных этих дворянах на новгородской службе слышно не было; надо полагать, что вскоре они оказались на московской стороне.

Видимо, вместе с другими дворянами и детьми боярскими в Новгород из Пскова бежала и «служилая мелкота» — новокрещенные татары (по имени нам известен один из них — Алабердей Карамышев,

³⁴⁵ Списки русских перебежчиков, на которых были заявлены претензии со стороны шведских властей. 1618–1623 // РИБ. Т. 38. (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 455–484.

³⁴⁶ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию...

³⁴⁷ Подробнее о происхождении и генеалогических связях Аминевых, Чеботаевых и других байоров см.: *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000.

³⁴⁸ Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Семена Матвеева Арцыбашева. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:65; Дело по челобитью Семена Матвеева Арцыбашева о поместье. 1612, сентябрь // RA, NOA. Serie 2:229. Л. 1–48.

³⁴⁹ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг.. Л. 12.

выехавший в октябре 1610 г в Новгород с 32 товарищами, татарами и казаками³⁵⁰), архиепископские дети боярские, подьячие, нашедшие, впрочем, себя на новом месте службы. Уникальным свидетельством массового появления таких псковичей в Новгороде является поручная запись по Терентию Васильеву сыну Воинову о службе в посылочных подьячих в новгородской Поместной избе³⁵¹. Среди поручителей Воинова — дети боярские псковского епископа Никита Степанов Симанской и Иван Прокопьев Москва, псковские подьячие Федор Никитин Голошапов и Перфирий Калинников Моревков, псковские рассыльщики Артемий Иванов Назаров, Михаил Дмитриев Порецкий, Иван Михайлов Бовыкин и Степан Вешняков сын Самарин, а также слуги Снеготорского монастыря Богдан Оксентиев и Иван Омелянов. Позднее сын боярский псковского епископа Иван Прокопьев Москва уже в 1613 г. участвует в поручительстве по другому псковскому подьячему, Степане Кирилове сыне Псковитине о бытии того в рассылочных подьячих Поместной избы³⁵². С 1611 г. Иван Москва служит в новгородском дворцовом ведомстве, исполняя службу приказчиком поочередно в новгородских дворцовых селах Тесово и Королево. Более всего известен полный тезка Ивана Москвы — Иван Прокофьев (Иван Прокофьев Псковитин), ставший местным подьячим Поместного приказа, и прослуживший в Новгороде до конца новгородско-шведского политического альянса³⁵³.

Новгородцы в Пскове

Первые новгородские дворяне попадают в Псков уже вместе с Лжедмитрием III. Наиболее трагична и неясна в этом случае судьба дьяка Михаила Милославского, захваченного Вором в Ивангороде и

³⁵⁰ Сборник памяти. Л. 9.

³⁵¹ Поручная запись по Терентии Васильеву сыне Воинове, посылочным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

³⁵² Поручная запись по Степане Кирилове сыне Псковитине о бытии в рассылочных подьячих Поместной избы. 1613. 2.03 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 48.

³⁵³ Поручная запись по Логине Перфирьеву о бытии в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11; Обыск Н. Я. Тыркова в с. Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 4.02 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 60–61; Отписные книги хлеба в Никольском Будковском погосте Водской пятины Григория Обольянинова и подьячего Ивана Прокофьева. 1616. 25.08 // RA, NOA. Serie 1: 56.

служившего Вору дьяком. Некоторое время его судьба не прослеживается, но уже с октября 1612 г. он был вторым псковским воеводой (в товарищах у кн. И. Ф. Хованского)³⁵⁴.

Уже с 1613 г. одним из направлений отъездов, измен новгородцев становится Псков. Важнейшими событиями, вызвавшими массовый отъезд новгородцев в Псков, является поход под Порхов псковичей во главе с Артемием Лодыгиным, произошедший летом (?) 1613 г. Тогда на сторону противника перешли почти все порховские дети боярские во главе со вторым воеводой Порхова Иваном Ивановичем Крюковым, назначенным туда только в конце февраля — начале марта 1613 г., ранее служившим на командных должностях в Тихвине³⁵⁵ (интересно, что их поменяли должностями с кн. И. А. Мещерским, который, соответственно, был переведен из Порхова в Тихвин³⁵⁶). Еще будучи порховским воеводой, Иван Крюков писал в Новгород о том, что им нечем кормить порховских стрельцов, так как ротмистр Карбел запечатал государевы житницы в Порхове своей печатью и давать грамотчикам и стрельцам не велел, аргументируя это тем, что этот запас, по его словам, предназначен немецким ратным людям для осадного времени³⁵⁷. Как писал вновь возвратившийся на службу в Порхов в 1614 г. князь Иван Мещерский, в бытность Крюкова в Порхове, «у Ивана, государи, у Крюкова после меня был розрят и писчим всяким делам было в остроге, а ключи, государи, городовые и казенные и житничные вси у Ивана у Крюкова поимал Карбел себе»³⁵⁸. В феврале 1614 г. прежний оклад Ивана Крюкова в 40 рублей из Владимирской четверти был увеличен на 5 рублей, а в апреле — «за Порховскую службу», т. е., вероятно, за сдачу Порхова, еще на 12 рублей. В деле отмечено, что Крюков взял деньги сам 28 апреля 1614 г., следовательно, в это время он находился в Москве³⁵⁹.

³⁵⁴ Псковская 3-я летопись. Окончание Архивского 2-го списка // ПЛ. Т. 2. М.; Л., 1955. С. 278.

³⁵⁵ Челобитная Семена Пустошкина о разведке местоположения литовских людей в Обонежской пятине. Без даты // РА, NOA. Serie 2:51. Л. 56–58.

³⁵⁶ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 41.

³⁵⁷ Дело о выделении С. И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба...

³⁵⁸ Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева... Л. 69–70.

³⁵⁹ Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. ... Ст. 105.

Однако Крюков был только виднейшим из порховских дворян, перешедших в 1613 г. на сторону Москвы. Кормленая книга Костромской четверти упоминает целый ряд новгородцев, в первую очередь дворян Шелонской пятины — участников боевых действий под Псковом в 1615–1616 гг., а приходно-расходные книги Владимирской четверти и Разряда существенно добавляют имена новгородцев, перешедших на московскую сторону в районе Пскова.

К 12 мая 1615 г. число перебежавших в Псков дворян Водской пятины достигло 89 человек (во главе с Федором Лугвеневым, Богданом Самариным, Петром Обольяниновым, Иваном Ожогиным и Василием Назимовым³⁶⁰), а Шелонской пятины — 55 человек (во главе с Андреем Нащокиным, Степаном Пустошкиным и Григорием Милославским), при том, что собственно псковских детей боярских в это время в городе служило всего 131 человек³⁶¹.

Таблица 4. Новгородцы и псковичи — ветераны боевых действий под Псковом 1615–1616 гг.

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
1. Федор Андреев Курицын	Шелонская пятина	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»
2. Давыд Федоров Курицын	Шелонская пятина	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
3. Борис Афанасьев Симанский	Шелонская пятина	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
4. Василий Никитин Левшин	Водская пятина	«Из чети при царе Василье 10 рублей»; «в 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»

³⁶⁰ 31 марта 22 выходцам из Водской пятины было пожаловано по 2 рубля человеку за выход — см. Таблица 4, тж.: Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 331.

³⁶¹ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. ... Стб. 340.

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
5. Степан Парфеньев Елагин	Псков	«В 125 г. за отца его и за брата ево службу и за смерть давать из чети вновь по 14 рублей»; «в 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
6. Максим Власьев Харламов	Шелонская пятина	«при царе Василье за Тулскую службу велено давать из чети вновь по 6 рублей»; «придано за Новгородскую службу и за осадное сиденье, как он был с боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским»; «придано за Порховскую службу, и за осадное сиденье и за рану»; «придано за Псковскую службу и за рану, как он был под Псковом с князем Иваном Мещерским»
7. Сергей Михайлов Костянтинов	Шелонская пятина	«При царе Василье оклад 12 рублей»; «20 августа 123 г. за Порховскую службу придано 2 рубли»
8. Федор Булгаков сын Неклюдов	Псков	«При царе Василье за выезд, как он выехал изо Пскова с околничим со князем Олександром Засекиным из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород и за Псковскую и за Порховскую службы, как был бой подо Псковом боярину князю Володимеру Тимофеевичу Долгорукому, и под Порховым с Полскими и с Литовскими людьми, с Рускими воры, велено давать из чети вновь по 14 рублей»
9. Артемий Хвостов	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 8 рублей, за прежние за Псковские службы придано 2 рубля»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
10. Михайло Васильев Елагин	Псков	«За Гдовское осадное сиденье и за Псковские службы 121 и 122 и 123 году велено придать к прежнему окладу 4 рубли»; «во Псковском списку 122 г. оклад царя Василья из чети 8 рублей»

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
11. Иван Кряков сын Косицкой	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 6 рублей»; «за Изборскую да за Псковскую службу 123 г., что служил до большого осаду придано 3 рубли»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
12. Богдан Григорьев сын Желнынской	Псков	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из чети вновь по 8 рублей»; «да за Гдовскую и за прежние Псковские службы, что служил до осаду, придано 3 рубли»
13. Игнатей Борисов сын [С]назин	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье денежной оклад из чети вновь 9 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
14. Иван Мягкой	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье написан ему денежной оклад 8 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
15. Никифор Олферьев Колычев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов придано ему к 8 рублем 3 рубли»; «а во 125 году старово ево окладу не сыскано. В 125 г. послан с Москвы с казной»
16. Афанасий Семенов Уской	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье денежной оклад из чети вновь 9 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
17. Богдан Васильев Еремеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
18. Захарий Матвеев Назимов	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
19. Лаврентий Иванов Пустошкин	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
20. Афанасий Блаженков	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
21. Степан Александров Пантелеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
22. Максим Андреев Парской	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
23. Иван Александров Пантелеев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
24. Никита Степанов Косицкий	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
25. Иван Семенов Неплюев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
26. Яков Андреев Неплюев	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 7 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
27. Воронец Бедринской	Псков	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено ему давати из чети вновь по 7 рублей»
28. Алексей Дмитриев Харламов	Шелонская пятина	«В 124 г. за Псковскую службу и за осадное сиденье велено ему давати из чети вновь по 7 рублей»

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
29. Егуп Степанов Плешков	Шелонская пятина	«В 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
30. Юрий Игнатъев Назимов	Шелонская пятина	«В 125 г. за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
31. Никифор Васильев Мягкого	Шелонская пятина	«За Псковскую службу и за осадное сиденье велено давать из четверти вновь по 6 рублей»; «в 125 г. придано за Псковскую службу, как стоял подо Псковом Карло Карлусов»
32. Иван Григорьев Пестриков	Деревская пятина	«В 129 г. за Псковские службы 123, 124 и 125 и за осадное сиденье и за раны написан ему денежной оклад из чети вновь 7 рублей»
33. Федор Иванов Самарин	Водская пятина	«Государева жалованья на нынешней на 122-й год за псковскую службу 2 рубли»
34. Иван Федоров Гурьев	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
35. Борис Темирев Неелов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
36. Матвей Темирев Неелов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
37. Гаврило Темирев Неелов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
38. Федор Михайлов Нелединский	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
39. Василий Михайлов Нелединский	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
40. Афанасий Семенов Хвостов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
41. Ждан Семенов Хвостов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
42. Семен Иванов Кошкаров	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
43. Богдан Васильев Левшин	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
44. Ахмат Дмитриев Желтухин	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
45. Василий Ефимов Колобов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
46. Василий Воронин	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
47. Григорий Назимов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
48. Ждан Языков	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
49. Фока Бурков (Борков?)	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
50. Степан Редров	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
51. Ждан Колачов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
52. Федор Петряшев	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
53. Акинф Муравьев	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
54. Меньшой Борков	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
55. Иван Трусов	Водская пятина	«31 марта 123 г. за выход из Новгорода во Псков 2 рубля»
56. Игнатий Жданов Харламов	Шелонская пятина	«123 г. Псковскому же сидельцу 15 рублей дано. Деньги взял сам, и с Москвы послан на службу во Псков за денежною казною»
57. Иван Никифоров Румянцов	Шелонская пятина	«Послан из Москвы во Псков»
58. Андрей Харламов	Шелонская пятина	«125 г. 20 февраля послан з государевыми грамоты во Псков»

Имя	Пятина или город	За что пожалован в четверть
59. Федор Парской	Шелонская пятина	«Станичник, в 125 г. послана полтина»
60. Богдан Парской	Шелонская пятина	«Станичник, в 125 г. послано полтора рубля»
61. Иван Иванов Большой Овцын	Шелонская пятина	«В 125 г. послан с Москвы с казной»
62. Андрей Володимеров Пушкин	Шелонская пятина	«В 125 г. послан с Москвы с казной»

Источники: Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894; Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 1–116; Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Ст. 275–508; Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Там же. С. 509–682.

Еще во время похода под Псков Густав Адольф очень рассчитывал на то, что часть тамошних служилых людей перейдет на его сторону: «предь сего во Пскове воровство ставилось, на то де король надеялся, пошел подо Псков». Якобы псковичи писали в Гдов, чтобы король шел подо Псков, а они сдадутся, «а быти б Пскову под королевскою державою, что и Колывань, а служилые и посадские люди про то письмо не ведают»³⁶².

Последний отъезд из Пскова на сторону новгородского правительства относится, видимо, к ранней весне 1616 г. В это время туда бежало 50 псковских казаков, которые сообщили Делагарди: «буде вскоре государевы люди с королем не помирятца, и изо Пскова де товарищей их 500 человек, радеют королю, и приказали с ними к Якову, толко придет подо Псков король или он Яков, и им бы учинили прежде весть, и оне займут все ворота и учнут их приходу дожидать, и тем станут промышлять, чтоб короля или ево Якова пустить во Псков. И ныне де их

³⁶² Расспросные речи переводчика Павла Томасова в Москве о делах в Новгороде. 1615, сентября после 8 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 70–85.

казаков Яков Пунтусов излюбив, подавал им лошадей и корма им на них и на лошадей дает доволные»³⁶³. В это время, после снятия осады Густавом Адольфом, сами псковичи оценивали состояние Пскова и псковского гарнизона достаточно критично. Допрошенный в Посольском приказе новгородец Шелонской пятины Матвей Блажонков жаловался: «А во Пскове купить хлеб четь ржи в 6 рублей, жита четь в 4 рубли, овса четь в 60 алтын, а покупают тот хлеб и привозят во Псков из Литовские земли, и от хлебные дорогови многие люди во Пскове помирают голодом, а иные посадцкие и всякие люди от хлебные дорогови розбрелись за рубез, и во Псковские пригороды да ныне бредут». Стоящие в Пскове псковские, новгородские и пусторжевские дворяне и дети боярские, выдержавшие осаду города королем Густавом Адольфом, по словам Блажонкова, были «все голодны». Старые и новоприборные стрельцы, свидетельствовал он, разбрелись от голода и неизвестно, сколько их осталось, конных и пеших казаков в Пскове насчитывалось 100 человек. По словам псковских посадских, также прибывших в Москву, «...покупать хлеб никуды не послано, потому что казаки на рубежи позадуровали». При этом шведские гарнизоны Гдова и Порхова поддерживали с псковичами видимость перемирия: «И изо Гдова да ис Порхова неметцкие державцы писали во Псков к гостем и ко всегородным старостам и к посадцким людем, чтоб изо Пскова ратные люди не ходили на Порховские и на Гдовские места, а ис Порхова и изо Гдове неметцкие люди не станут приходить на псковские места, и изо Пскова гости и всякие люди писали к ним, что псковские ратные люди на порховские и на гдовские места ходить не станут, а немцы б потому же не ходили. А меж себя псковичи с немцы никакова укрепления в той войне не учинили опричь ссылки, а всего немецких людей в Порхове и во Гдове по 100 человек»³⁶⁴.

Каргополь

В течение осени — зимы 1611/1612 гг. новгородское правительство попыталось поставить под контроль фактически утраченные сельские территории, приведя их к присяге королевичу Карлу Филиппу. Для

³⁶³ Расспросные речи немецких выходцев в Посольском приказе. 1616. 27.05 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 272–278.

³⁶⁴ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

этого в Заонежские погосты было послано новгородско-шведское войско во главе с Гансом Мунком, сыном боярским Богданом Лупандиным, переводчиком Гансом Бракилем и подьячим Федором Витовтовым. К тому моменту север Новгородской земли был занят каргопольцами во главе с воеводой Максимом Васильевичем Лихаревым. Возник конфликт, причина которого заключалась в путанице при установлении административных границ, возникшей еще в годы опричнины.

В годы правления Ивана IV активно проводилось преобразование территориального деления южных районов Новгородской земли, где в ходе опричной перекройки земель сильно изменились границы между Деревской пятиной, Ржевским, Новоторжским и Торопецким уездами, был образован новый Холмский уезд. Наиболее систематично информация об этом изложена в монографии В. Л. Янина³⁶⁵. На севере Новгородской земли изменения границ происходили в районах, выделявшихся в опричные/дворовые волости. В летописях того времени отчетливо зафиксирован один из опытов создания государственной опричной волости близ самого Новгорода, в дворцовом селе Хольни: «Да того же месяца в 24 (24 августа 1571 г. — А. С.), в неделю, в Новгороде кликали, которые люди кабальные и всякие и монастырские, чей кто ни буди, и они бы шли в государскую слободу на Хольню, и государь даст по пяти рублей, по человеку посмотря, а льготы на пять лет»³⁶⁶.

Одна из таких волостей была создана на границе Обонежской пятины и Каргопольского уезда из Водлозерского погоста пятины и Водлозерской волости уезда. В 1568/69 г. А. И. Плещеев и подьячий Ушак Никитин отмежевали от находившейся в те годы в земщине Обонежской пятины к опричному Каргополю Водлозерскую волость — часть Водлозерского погоста³⁶⁷. Характерно, что старостой Водлозерской волости тогда стал Микула Григорьев Тяполков (по наблюдениям Ю. С. Васильева, среди переведенных в Москву в конце XVI в. торговых людей-каргопольцев был и Никула Григорьев

³⁶⁵ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничная ситуация XIII–XV вв. М., 1998.

³⁶⁶ Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 174.

³⁶⁷ Садиков П. А. Московские приказы-«четверти» во времена опричнины (1565–1584) // ИЗ. Т. 10. 1941. С. 133–134.

Тяполков)³⁶⁸, происходивший из своеземцев Обонежской пятины, большинство которых к тому времени оказались на службе у новгородского архиепископа³⁶⁹.

После ликвидации деления страны на земщину и опричнину/двор неопределенность границы Обонежской пятины и Каргопольского уезда сохранялась. В начале XVII столетия, когда Новгород и Каргополь оказались подчинены разным политическим лагерям, эта неопределенность в Водлозерье привела к началу боевых действий.

Первое столкновение, впрочем невооруженное, относится к 1608/09 г., когда с помощью шведских войск Новгород был освобожден от осады, и была сделана первая попытка вернуть государственную власть на территории Новгородской земли. В Водлозерскую волость были посланы денежные сборщики Яков Отяев и подьячий Одинец Иванов, руководствовавшиеся тем, что в 1607/08 г. указом царя Василия Шуйского Водлозерская волость была приписана к дворцовым Заонежским погостам. Но «Водлозерские волости крестьяне им тех денег не дали, а сказали, что их волость велено ведать х Каргополю по прежнему»³⁷⁰. Сборщики вернулись в город ни с чем, позднее слабость центральной власти вплоть до конца 1611 г. не позволяла контролировать находившиеся вдалеке от Новгорода сельские районы.

Книги денежных доходов с Заонежских погостов, сохранившиеся в архиве Новгородской приказной избы тех лет, упоминают о столкновениях новгородцев с каргопольцами летом 1611 г.: «С Николского погоста с Пудоского тех денег не доправлено, потому что в том погосте стоял Максим Лихарев с воры, а как с Максимом учинился мир, и пошел Максим с своими людьми за рубеж, а немецкие люди да и русские до Свирь по договору отошли в Шалской погост, а для тех денег послали сына боярского Второво Скрыпова»³⁷¹. Следовательно, летом 1611 г. линией, разделившей военные силы Новгорода и Каргополя, стала река Свирь, но каргопольцы признали власть

³⁶⁸ [Васильев Ю. С.] Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги исследования. Л., 1978. С. 58.

³⁶⁹ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. С. 525.

³⁷⁰ Книги денежных доходов с Оштинского стана Заонежских погостов за 119 год и доимочных денег за 118 год. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:42. С. 77–78

³⁷¹ Там же. С. 61–62.

Новгорода над Заонежскими погостами. Впрочем, «после того каргополцы, заворовав, пришли опять в Пудоской погост и сына боярского Второво Скрыпова и наказ взяли...»³⁷². Причиной того, что летом 1611 г. с Водлозерского погоста деньги взяты не были, прямо называется близость этой сельской территории к Каргопольскому уезду: «Каргопольской рубеж к тому погосту подошел блиско, и погост захватили воры...»³⁷³.

В результате новгородско-ярославских переговоров летом 1612 г. было достигнуто соглашение о перемирии. После этого взаимными грамотами о непролитии крови примерно в те же дни обменялись присланные из Новгорода в Заонежские погосты воеводы и каргопольцы, поддерживавшие Ярославль. Так, каргопольцы писали «что отписали мы к вам о добром совете, чтоб меж людьми и вами розни не было и кровь крестьянская унялась и стояти б нам с вами вместе на общих наших врагов полских и литовских людей». Однако прения о том, к ведению Новгорода или Каргополя относится Водлозерская волость, не прекратились³⁷⁴.

В посланиях новгородцев к каргопольцам содержится увещевание противников и призыв к отказу от пролития «христианской крови»³⁷⁵. Риторика этих документов созвучна той, что содержится в посланиях патриарха Гермогена и в переписке между городами в годы подготовки ополчений — памятниках вполне синхронных.

Летом 1612 г. посланных прежде в Заонежские погосты Б. Лупандина и Г. Бракиля сменили Василий Федорович Неплюев и Василий Иванович Змеев. Неопределенное политическое положение в Заонежских погостах заставляло крестьян искать поддержки у обеих сто-

³⁷² Там же. С. 62.

³⁷³ Там же. С. 71.

³⁷⁴ Отписка новгородских бояр и воевод Якова Деллагарди и боярина кн. Ивана Никитича Большого Одоевского Ивану Зюзину и всем каргопольцам о том, что денежные сборы в Водлозерской волости производятся Анц Мунком по их воеводскому распоряжению ввиду того, что названная волость принадлежит Новгородскому уезду. 1612 (?). 10.07 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 533.

³⁷⁵ Лист шведского дворянина Ганса Мунка с товарищами к Максиму Васильевичу Лихареву и ратным людям и жителям Заонежских и Оштинских погостов с увещанием, чтобы они дали присягу в верности шведскому королевичу. 1611 // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 76. С. 110–111.

рон. Летом 1612 г. крестьяне удаленного Шунгского погоста просили у новгородских властей освободить их от излишних кормовых платежей, указывая, что им приходится давать корма и каргопольским отрядам, и шведско-новгородскому войску Ганса Мунка: «...а хлеба, государи, нам, сиротам вашим, привести не возможно, и взяти негде, потому что стало блиско Студеного моря, вызебают, и приезжают праветчики ис полков от вашего ратного воеводы Анц Мунка Михайловича с товарищи... Да мы же, государь, привезли кормовых денег на Олонец немецкому воеводе Анцу Мунку Михайловичу с выти по два рубли, и в тех, государи, денгах и корму отписи нам в том не дают, емлют глухо... Да преж, государи, сего к нам приезжал Максим Лихарев с ратными людьми и на нас, сиротах ваших, имал денги и кормы и всякие доходы безчетно, а что, государи, было хлеба, и то от ратных людей вытравлено...»³⁷⁶ Справедливости ради следует отметить, что в ходе гражданской войны новгородские власти зачитывали крестьянам платежи, уплаченные всем конфликтующим сторонам, в случае предъявления сельскими общинами документов.

10 июля 1612 г. Неплюев и Змеев получили указание из Новгорода урегулировать отношения с каргопольцами, с которыми снова вышел спор о принадлежности Водлозерской волости: «Писали вы к нам, что посылали вы в новоприписную в Водлозерскую волость, которая была отписана от Каргопольского уезда для данных денег праветчиков детей боярских Обиду Бухвостова и Богдана Скрыпова... И Водлозерские волости старосты и целовальники и все крестiane тех детей боярских из волости выслали и денег на себе править не дали, а сказали, что оне платят в Каргополь, да вы ж прислали отписку с Каргопольским стрелцом с Ондрюшком им по той отписки писали в Каргополь к приказным людям, и вы о том в Каргополь писали не единова и к вам ис Каргополя писал Алексей Зюзин и дворяне и дети боярские и посацкие и всякие люди буттоса вы с Каргополем задорчините и в Водлозерскую волость посылаете для денежных доходов понапрасну»³⁷⁷. Вероятно, вскоре Неплюев и Змеев оказались на сто-

³⁷⁶ Челобитная крестьян Никольского Шунгского погоста о том, чтобы им не платить хлебных кормов немецким ратным людям. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 1.

³⁷⁷ Грамота новгородских бояр и воевод Якова Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского дворянам и ратным воеводам Анц Мунку Михайловичу,

роне противников Новгорода: осенью 1613 г. они получили четвертной оклад в Москве из Владимирской четверти³⁷⁸.

Хотя летом 1612 г. была достигнута договоренность новгородских властей с руководством ярославского ополчения о прекращении военных действий и координации общих усилий по борьбе с поляками и литовцами, 30 июля 1612 г. в Андомский погост Обонежской пятины пришли кормовые сборщики из войска воеводы Алексея Зюзина, чей восьмитысячный отряд угрожал из Каргополя Ладоге и Новгороду. Появление этого отряда вблизи заонежских рубежей напугало посланных для кормового сбора в Заонежские погосты новгородцев Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова, которые остановились в укрепленном Александро-Свирском монастыре, не переходя Свири³⁷⁹. В августе 1612 г. Апрелев и Ханыков были отставлены от сбора кормов с Заонежских погостов и заменены Григорием Бешенцовым и подьячим Родионом Бабиным³⁸⁰. Вероятно, впрочем, что они в Новгород не вернулись. С осени 1613 г. Апрелев и Ханыков находились на службе московскому правительству³⁸¹.

Последняя попытка новгородского правительства удержать Заонежье относится к августу 1612 г., когда туда были посланы Яков Колокольцев и подьячий Пахом Бобровский³⁸². После перехода Москвы и Новгорода к открытому противостоянию вся борьба была сосредоточена южнее, в районе Тихвина монастыря. К 1613 г. за Свирью, близ Пудожского, Шальского и Андомского погостов, возникли укреп-

Василию Федоровичу Неплюеву да Василию Ивановичу Змееву об урегулировании отношений с Каргополем по поводу принадлежности Водлозерской волости. 1612, до 10.07 // RA, NOA. Serie 2:339. Л. 1–2.

³⁷⁸ Приходно-расходная книга Владимирской чети... Стб. 93

³⁷⁹ Челобитная Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова о сборе кормов про королевский обиход с погостов: Спасского Кижского, Никольского Шунгского, Петровского Челмужского, Егорьевского Толвуйского и на Кузаранде. 1612, июля после 30 // RA, NOA. Serie 1:51. С. 78–80.

³⁸⁰ Грамота новгородских бояр и воевод Григорию Васильеву сыну Бешенцову и подьячему Родиону Бабину о назначении их в Заонежские погосты вместо Демьяна Апрелева и Павла Ханыкова. 1612, августа // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 26–27.

³⁸¹ Приходно-расходная книга Владимирской чети... Стб. 96.

³⁸² Память бояр и воевод Якову Макарьевичу Колокольцову да подьячему Пахому (?) Бобровскому ехать в Заонежские погосты для сбора на корм немецким людям по 4 рубля с выти. 1612, августа // RA, NOA. Serie 2:339. Л. 16–18.

пленные острожки с казацкими гарнизонами, которые после осенних событий под Тихвином установили прочную связь с этой базой московской власти (подробнее в главе 3). В это время сил новгородских властей для боевых действий в Обонежье, а уже тем более в Каргополье, не хватает. Эти районы вплоть до 1615 г. оказываются занятыми казаками. По данным А. Л. Станиславского, в конце 1614 — начале 1615 г. в Каргопольском уезде находились станицы Василия Булатова, Александра Трусова, Герасима Обухова, Ивана Пестова, Ермолая Терентьева, Федора Ослоповского и Ермолая Поскочина (большинство атаманов, судя по фамилиям, происходили из новгородских детей боярских. — А. С.). В уезде погибло более 2000 крестьян³⁸³. Лишь в 1615 г. там устанавливается хрупкий гражданский мир.

Устюжна

Другим пунктом, где сосредотачивались сторонники Москвы на Северо-Западе, была Устюжна Железнопольская. В XIX в. был опубликован памятник местного летописания XVII в. под заголовком «Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия»³⁸⁴. Этот памятник был первоначально востребован в церковно-исторических исследованиях³⁸⁵. История Устюжны в годы Смуты с XIX столетия не привлекала внимания исследователей, хотя здесь, как и в Тихвине, находили убежище (и получали поместья) новгородцы, перешедшие на сторону Москвы. Попытка оценить те изменения, которые произошли в составе дворянства Устюженского уезда в годы, когда Тихвин являлся важнейшей базой московских войск в противостоянии с новгородско-шведским правительством, была сделана в одной из работ П. А. Колесникова³⁸⁶. Однако исследователь не смог справиться с поставленной задачей. Появление в Устюженском уезде дворян — родственников новгородских помещиков он связал с перемещением новгородцев «в центральных замосковных уездах,

³⁸³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 127.

³⁸⁴ Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия // Русский вестник. Т. 5. 1842. № 3. С. 338–355.

³⁸⁵ Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание г. Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897.

³⁸⁶ Колесников П. А. Дворянство Устюженского уезда // Устюжна. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. 1993. С. 42–61.

в том числе и в Устюжно-Железнопольском» после присоединения Новгорода к Москве в конце XV в. При этом источником для его построений являлась писцовая книга Устюжно-Железнопольского уезда 1628/30 г.

Устюжна Железнопольская, соседка Новгородской земли на дороге в Вологду и Ярославль, в 1607–1608 гг. дважды испытала атаки тушинцев: в декабре 1607 г. до Устюжны дошел отряд Иосифа Застолбского, часть войска полковника Кернозицкого, а в феврале 1608 г. под Устюжну пришел Микулай Косаковский. Оба приступа кончились для тушинцев неудачей³⁸⁷. Видимо, в 1609 г. войско Никиты Вышеславцева и Григория Бороздина шло на Вологду и Ярославль также через Устюжну³⁸⁸. О судьбе города в 1610–1611 гг. известно мало; вероятно, там первоначально признали Владислава Сигизмундовича. Во всяком случае, в 1611/12 г. устюжане настороженно отнеслись к новому новгородскому правительству. Осенью 1611 г. на Устюжну был послан сын боярский Бежецкой пятины Иван Савельев сын Страхов «от воевод з грамотою на Устижно Железополскую, чтоб государю королевичю крест целовали, сидел у них за приставом десят день». По дороге его ограбили «литовские люди»: «отгромила литва трое лошадей, службишко все поимали, а сам ушел на лес душей да телом...»³⁸⁹

В феврале 1612 г. произошло нападение устюжан на новгородцев. 4 февраля в Устрецком стане началась паника в связи со слухом о приходе в Боровичи крупного отряда «литовских людей и казаков», намеревающихся идти походом на Устреку. «И Устрецкого стану старосты и целовалники и все волостные люди все до единого человека от страха разбежались». Находившиеся в то время в Устреке дети боярские Григорий Негановский и Елизарий Корсаков, а также подьячий Богдан

³⁸⁷ Легенда об избавлении Устюжны от польского нашествия // Русский вестник. Т. 5. 1842. № 3. С. 338–355.

³⁸⁸ Отписка ратных голов Скорятина, Стафурова, Дербышева и Трусовых Ильмурзе Исупову и романовцам о том, что они идут с поморской ратью для приведения к покорности государю Ярославского и Пошехонского уездов, также и к ним, если не отстанут от самозванца. 1609. 9.02 // АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 150. С. 175–176; Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 108–115.

³⁸⁹ Челобитная сына боярского Бежецкой пятины И. С. Страхова о вспомоществовании. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 12.

Михайлов в страхе покинули Устреку. Негановский побежал спасаться в поместье матери на Волоке Держкове, а Корсаков с подьячим сперва на Липенский Котлован, а затем оттуда — в Тихвин. Однако все дороги на Тихвин были заняты «литовскими людьми». Им удалось подойти к Устюжне на расстояние в десять верст, «и свести про нас на Устюжни, и послали про нас с Устюжна Федора Нелединсково да Ратмана Черкасова да Василья Улыбышева с товарищи, и велели нас, связав, привести на Устюжно и мы, государь, уткли верхи на своих лошадех душою и телом, а сани да в санех платье и всякую рухлядь пометали, и пронялись Белозерскою дорогою на Суглецу, и иные дороги все заняли литовские люди, и я, государи, стал в Суглецы, а отпустил от себя в Великий Новгород подьячего Богдана Михайлова об указе». Все это произошло в достаточно сжатые сроки, так как 18 февраля Богдан Михайлов уже подал в Новгороде челобитную³⁹⁰.

После 1613 г. Устюжна быстро признает власть Михаила Романова. До взятия Тихвина этот город на Мологе не имеет большого значения. Когда осенью 1613 г. Тихвин становится важнейшей базой московских войск на Северо-Западе, Устюжна, через которую шла связь Тихвина с центром государства, вновь приобретает значение. Устюженские же дворцовые земли идут в поместную раздачу сидящим в Тихвине новгородцам.

Белозерск

Белозерск — еще один сосед Новгорода с востока, неоднократно разорявшийся тушинцами в 1607–1608 гг. Позиция белозерцев в 1610–1611 гг. неясна; однако с 1613 г. Белозерск быстро признает правительство Михаила Романова. Но отношение к событиям, происходившим в Новгороде в 1611–1613 гг., на Белоозере было явно неоднозначным. 11 апреля 1613 г. на Белоозере была получена грамота из Устюжны с вестями о передвижениях шведов. Ранее, 17 марта туда приехал строитель новгородской Арсеньевой пустыни Гаврило и старец Мисаил, отправленные в Белозерск митрополитом Исидором и дьяком Семеном Лутохиным с известием о том, что Делагарди рассылает по городам для сбора вестей «дворян и детей боярских, которых

³⁹⁰ Отписка Е. Корсакова Московского и Новгородского государства боярам и воеводам о бегстве своем сначала из Устрецкого стана на Котлован, а потому оттуда в Суглицы. 1612. Между 4 и 18.02 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 151–152.

к себе прикормил». Велено было также сообщить, что Эверт Горн начал поход под Псков, полковник Франц Стрюйс пошел в Заонежье и планирует дальнейшее движение на Устюжну и Белозерск³⁹¹.

В январе — феврале 1614 г. белозерский воевода Петр Иванович Чихачев и дьяк Шестак Копнин допрашивали прежнего воеводу Степана Чепчугова, на которого был подан донос о том, что тот в годы противостояния со шведами выказывал последним если не поддержку, то симпатию. По словам доносчиков, белозерцы поставили засеки около новгородского рубежа, воевода же Степан Чепчугов эти засеки отменил. Кроме того, воевода, по словам доносчиков, поставил светлицы, приготовив их для «немецких людей». Однако вызванные на суд свидетели показывали, что во всяком случае частично донос был ложным: «А светлиц в тою пору себе Степан не ставил, а велел миром на приказных людей двор поставить, где он жил, горницу, для того, что старые хоромы огнили, и та, государь, горница в приход литовских людей в струбех згорела на берегу. А меды Степан Чепчугов ставил или нет, при себе или про ково ставил, и того, господине, мы не ведаем, и чая ли на Белоозере приходу немецких людей или нет, и не чая ли Московскому государству быти по прежнему во благочестии встречу немцам почесть учинити хотел ли, того, господине, мы не ведаем и не слыхали ни от кого ничево». Впрочем, Чепчугов успел выказать и явную трусость: в момент прихода к Белозерскому посаду «литовских людей» он уехал под защиту стен Кириллова монастыря. Также Чепчугова в доносе обвиняли, что он арестовал и пытал белозерца приказного человека Михаила Светикова, которому жители Белозерска били челом через голову Чепчугова об установлении засек на новгородском рубеже, для того чтобы оберегать Белозерский уезд от «немцев»³⁹².

Что в этом деле ложного, а что истинного, сказать сложно. Однако характерно само обвинение воеводы в ожидании шведской власти.

³⁹¹ Грамота царя Михаила Федоровича Белозерскому воеводе С. Н. Чепчугову об обороне Белозерска от шведов. 1613. 11.04 // Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты... С. 391–393.

³⁹² Обыск на Белоозере про кабацкое вино, оставшееся в кабаке после того как в 119 году белозерцы отставили кабак и про поступки воеводы С. Н. Чепчугова в Смутное время. 1614. 29.01–18.02 // Смутное время Московского государства. Вып. 5. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. М., 1911. С. 138–153.

Видимо, известие об эмиссарах новгородского правительства в Устюжне и Заонежье дошли до Белозерска, и какие-то настроения в пользу шведов там вполне могли присутствовать.

В отличие от псковского дворянства, ни одного каргопольца, белозерца или устюжанина в Новгороде мне найти не удалось. Напротив, число новгородцев, «отъехавших» в эти города, равно как во Ржев, Осташков, Торжок, чрезвычайно велико. Их поименная роспись содержится в приложении 1 к главе 6.

Измены и плен

Измены

В политическом дискурсе новгородско-шведского альянса существенным было понятие об измене. Рассмотрю его подробнее. Понятие об измене широко входит в политический обиход Московского государства в середине XVI в. Как показал М. М. Кром, именно в это время возникает противоречие между принятым в предшествующее время понятием княжеского «отъезда» и формирующимся понятием о подданстве³⁹³. В политическом дискурсе опричной эпохи понятие об измене — одно из самых культивируемых в риторике Ивана Грозного. Но после почти полного отказа от политики репрессий в годы правления и царствования Бориса Федоровича Годунова обвинения в измене надолго исчезают и вновь в большом количестве появляются на страницах источников с началом Смуты, в первую очередь после прихода на Северскую Русь первого Лжедмитрия и начала гражданской войны в Московском государстве, и особенно в 1606–1607 гг., когда возникает проблема иностранного присутствия и одновременно двух постоянно сосуществующих лагерей (первоначально — Тушинского и Кремлевского). Появившись в официальной идеологии, термины «измена», «изменничий» и т. п. приходят и в язык московской деловой документации (в данном случае под «московской» я подразумеваю не документы, созданные в Москве, а документы, появившиеся в московской традиции делопроизводства, в том числе и составленные в Новгороде). Достаточно хорошо известно, что обвинения в

³⁹³ Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

измене содержатся в обширной полемической литературе Смутного времени (отметим здесь в первую очередь не раз издававшийся Временник Ивана Тимофеева, часто служащий основным источником для иллюстрации, а то и исследования новгородской повседневной жизни Смутного времени). С легкой руки С. Ф. Платонова мы знаем о «перелетах» — тех, кто служил то тушинцам, то Шуйскому, в зависимости от своих сиюминутных выгод³⁹⁴. О таких «перелетах» яркое представление дают и памятники деловой документации. Так, летом 1613 г. в Новгороде разбиралась челобитная князя Семена Афанасьевича Мещерского на своего двоюродного брата Богдана³⁹⁵, в которой тот описывает так его «приключения» в годы Смуты: «а сын, государи, князь Кудеяров, князь Богдан, был в измене у вора во Пскове, отъехал от нас из Орешка, изменил и крест поцеловал на Ивангород к вору, а преж, государи, тот князь Богдан изменил, с Москвы отъехал к вору в табары, и от вора отъехал к королю в Литву, и из Литвы к Москве, и нынеча, государи, тот князь Богдан приехал изо Пскова к вам, великим бояром в Новгород...»³⁹⁶

В недавней популярной статье Б. Н. Флоря попытался оценить понятие измены в 1610 г., указав, что в поддержку Владислава высказывались разные сословия русского общества, собравшиеся в Москве в 1610 г.³⁹⁷ Возможно, именно по этой причине бывшие сторонники Владислава не преследовались руководством ополчения.

Нестабильная и напряженная политическая ситуация в России начала XVII в. ставила историков XIX–XX вв. перед необходимостью оценивать события Смуты в рамках современной им политической конъюнктуры. В связи с этим определение «изменник» в историо-

³⁹⁴ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 5-е изд. М., 1995. С. 272.

³⁹⁵ Этот князь Семен Афанасьевич Мещерский был к тому же родным братом порховского воеводы кн. И. А. Мещерского. Их родство с кн. Б. М. Мещерским фиксируется Кормленной книгой Галицкой четверти 1604 г. — в ней упомянут получивший клад в 5 рублей кн. Булат князь Михайлов сын Мещерской, а «деньги взял брат его двоюродной, князь Иван князь Офонасьев сын» (Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. // Сухотин Л. М. Четвертички Смутного времени (1604–1617 гг.) (Смутное время Московского государства. 1604–1613. Вып. 9). М., 1912. С. 37).

³⁹⁶ Дело по челобитной о поместье кн. Кудеяра Мещерского, отписанного на государя. // RA, NOA. Serie 2:230. Л. 7.

³⁹⁷ Флоря Б. Н. Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 48–52.

графии применялось к деятелям той эпохи в зависимости от политических пристрастий историка (проромановская позиция историков XIX в., антигерманская в 1940-х гг. и т. д.³⁹⁸). Врядли возможно точно установить, кого в действительности в политической жизни Новгородской и Московской земель начала XVII в. считали изменниками. Я рассмотрю, как термины «измена» и «верность» употреблялись в деловой документации Новгорода 1611–1616 гг.

В 1611–1616 гг. наиболее часто в челобитных новгородских помещиков встречается фраза о том, что прежний помещик «отъехал во Псков» (вар.: «к Московским людям», «в Осташков»): «А Елизарей де <Самсонов сын> Пущин государю королевичю изменил, отъехал во Псков»³⁹⁹, Петр Нармацкий просил себе изменничье поместье Андрея Палицына «за то что он изменил, отъехал из Новагорода к Москве»⁴⁰⁰. «Измена» ставится «отъехавшим» в вину и дает право претендовать на поместье, изменничье земельное владение приравнивается к выморочному. В качестве же собственной заслуги обычно указывается верность (как противоположность измене) и неустроенность, так: «служу 15 лет безпоместно» и т. п. В то же время изменой назывался не только отъезд в Псков, к московским людям и т. п., но и просто из Новгорода к себе в поместье. «А у выписки Пятой Мусин сказал: князь Федор да князь Захарей князь Богдановы дети Кропоткина да Иван Иванов с. Коротнев да Роман Бабкин з государевы службы из Великого Новагорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»⁴⁰¹ Часто в качестве обоснования необходимости собственного испомещения челобитчики указывали на невозможность владения уже имеющимся поместьем в силу политических обстоятельств, т. е., строго говоря, по вине правительства: к примеру: «а в даче за мною сто четьи, и то

³⁹⁸ Достаточно привести пример оценки в русской историографии личности В. И. Бутурлина в событиях весны – лета 1611 года в Новгороде. Этот вопрос рассмотрен подробно П. В. Седовым. (Седов П. В. Захват Новгорода шведами в 1611 г... С. 126).

³⁹⁹ Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова сына Неелова. Не позднее 1612/13 // RA, NOA. Serie 2:130. Л. 3.

⁴⁰⁰ Дело об отписном хлебе по челобитью Семена Палицына и об отдаче поместья Андрея Палицына Петру Нармацкому. 1611, декабрь – 1612, март // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 29–37.

⁴⁰¹ Дело по челобитью о поместье Пятого Ратаева сына Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132. Л. 9.

ноне за воры, я им не владею»⁴⁰², «а поместья за мною холопом твоим в Обонежской пятине на Пчшеуже да на Сяси семдесят две чети с полосминою, а то, государь, мое поместьецо блиско Тихвины и разорено до основанья, и яз холоп твой им не владею с тех мест, как на Тихвине тебе, государю изменили»⁴⁰³.

Здесь рассмотрен наиболее простой вариант, когда челобитчик почти автоматически получает такое изменничье поместье, ибо ответчик (то есть изменник) находится вне досягаемости политической власти правительства. Однако большинство рассматриваемых казусов гораздо сложнее и включает в себя состязание сторон. В этом отношении характерен спор из-за усадища Иккуево в Ижерском погосте между сыном боярским Дмитрием Ивановым сыном Тырковым и вдовой Антония Чортова Маврой. Вдову поддерживал ее зять, муж дочери Мавры и Антония Натальи помещик Деревской пятины Артемий Пуляев (известный как один из членов новгородского посольства в Выборг для встречи принца Карла Филиппа, а после 1616 г. получивший чин жильца в Москве⁴⁰⁴). Характерно, что спор из-за поместья возник еще в 1611 г., когда Артемий только что женился на Наталье «и, женясь, о том их прожиточном поместье бил челом под Ладогою Ивану Салтыкову...»⁴⁰⁵ Свадьба произошла в великий мясоед 7119 года, т. е. после Рождества, значит, челобитная Ивану Салтыкову была подана, скорее всего, до весны 1611 г., когда

⁴⁰² Дело по челобитью о поместье Ивана Старкова сына Неелова... Л. 1.

⁴⁰³ Дело по челобитью о поместье Васки Чистого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 84.

⁴⁰⁴ В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу, написанной ранее 19.03.1616 г., А. Пуляев писал о своих подвигах дошведского периода: «Да мне же, холопу твоему, придано при царе Василье же Ивановиче в московскую осаду за мои службы и за руку, как меня ранили на бою в Духов день, восемь рублей» (Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.)... С. 225–226. Артемий Пуляев упомянут как служащий по Московскому списку также в 7135 и 7137 гг. ([Иванов П.]. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении МАМЮ. М., 1853. С. 343).

⁴⁰⁵ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04–1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138. Л. 12. Интересно, что они сговорились пожениться еще в 116 (1607/08) г., еще при жизни отца невесты, Антония Чортова, которого на «государеве службе на Москве не стало», вероятно, примерно в это время.

в Новгородской земле Салтыков и Плещеев были еще в силе. Однако Дмитрий Тырков оспаривал челобитную Мавры и ее зятя Пуляева следующим образом: во-первых, Наталья умерла в Ильин день (т. е. 20 июля) 1611 г., пробыв замужем 3—4 месяца, и ее муж Артемий Пуляев более не имеет прав на бывшее ее прожиточное поместье, а во-вторых, вдова Мавра, мать Натальи, ни в чем не нуждается, так как живет в Орешке. Замечу, однако, что Орешек в первой половине 1611 г. еще не был занят шведами и не подчинился администрации Новгорода⁴⁰⁶. Указание на то, что вдова живет в Орешке, было своеобразным доносом об измене. При этом Тырков уверяет руководителей Новгорода в своей верности и беззаветной службе: «а я, государи, пять лет живу з женишкою и с людишками, волочюся меж двор, а поместье, государи, мое пусто в Копорском уезде, а тем, государи, завладели воры Иваногородские и Копорские, а о Тесовском, государи, кругу мы били челом вам, государи, на пристани⁴⁰⁷, и вы, государи, отказали, не дали, а велели приискивати, а мне, государи, головы приклонити негде...»⁴⁰⁸ В то же время выясняется, что Мавра Чортова была челом в Новгород, находясь в стане политических противников новгородской администрации. Споря с Тырковым уже в 1613 г., Пуляев своеобразно апеллирует к принимавшему решение боярину Одоевскому: «а что Иван Салтыков дал мне грамоту о поместье, о том ведомо князю Ивану Большому Одоевскому, ...и грамота моя у подьячих утерялась»⁴⁰⁹. Дополнительным аргументом, приведенным Дмитрием Тырковым в свою пользу, было то, что он «выехал» на «государеву» (т. е. королевича Карла Филиппа) сторону

⁴⁰⁶ 1 апреля 1611 г. Деллагарди сообщал королю, что жители Нотебурга три недели назад вместе с другими северо-западными крепостями, за исключением Пскова, Ивангорода, Ямы, Копорья, отреклись от поляков и соединились друг с другом. Город принял администрацию из Новгорода только после мая 1612 г. (Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции... С. 14, 43).

⁴⁰⁷ Вероятно, «Тесовский круг» состоялся в конце мая 1611 г., когда Я. Деллагарди отвел свои войска от Новгорода. О местоположении Тесовской пристани я писал ранее (Селин А. А. Тесово и Тесовская волость: некоторые итоги изучения // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 119—124).

⁴⁰⁸ Дело по челобитью о поместье сына боярского Водской пятины Дмитрия Иванова сына Тыркова. 1611. 30.04—1613. 6.03 // RA, NOA. Serie 2:138. Л. 17—18.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 38.

из Пскова, из враждебного лагеря. Характерен и боярский приговор по этому делу: не давать это поместье никому из названных челобитчиков, фактически приравнять его к выморочным и дать беспоместному новику Даниле Скрипицыну⁴¹⁰.

Часто, получив изменничье поместье, сын боярский вскоре и сам оказывался в лагере изменников. В этом отношении характерно дело о поместье отъехавшего в Псков Василия Ефимьева сына Колобова, на которое в мае — июне 1615 г. претендовало трое детей боярских Водской пятины. При выяснении дела обнаружилось, что в 118 (1609/10) г. Василию Колобову в свою очередь было отделено «в Вотцкой пятине в Дягиленском погосте... изменничья поместья Линева...»⁴¹¹. Линева в то время мог быть изменником по отношению к царю Василию Шуйскому, т. е. тушинцем.

Практика взятия поручных записей о неотъезде из Новгорода не спасала новгородское правительство от потери людей. По Богдану Петрову сыну Тушину и его брату Федору 23 декабря 1613 г. В государеву казну поручилось более десяти детей боярских новгородцев⁴¹². 17 января 1614 г. он сам поручился по кн. Ефиму Мышецкому⁴¹³, 14 мая 1614 г. — по Федору Богданову Баишеву и по Дорофею Федорову сыну Бобошину⁴¹⁴. Однако уже к 10 августа 1614 г. Б. П. Тушин оказался на стороне Москвы, оставив в Новгороде жену Анастасию Афанасьевну (в девичестве Еремееву) и 10-летнего брата Федора.

⁴¹⁰ Интересно, что Данило Скрипицын получил это поместье приблизительно 6 марта 1613 г. В то же время, уже 13 ноября этого года во Владимирской чети была выдана память на придачу к денежному окладу сыну боярскому Водской пятины Даниле Алексееву сыну Скрипицыну к 5 рублям. Таким образом, весной он получил поместный оклад в Новгороде, а уже в конце осени получал деньги во Владимирской чети в Москве, т. е. изменил новгородскому правительству.

⁴¹¹ Дело по челобитью о поместье Федора Мисюрева Бестужева, Григорья Петрова Хомотова, Ивана и Михаила Александровых Сусловых. 1615, май — июнь // RA, NOA. Serie 2:113. Л. 1—10.

⁴¹² Поручная запись новгородских детей боярских по Богдану и Федору Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128.

⁴¹³ Поручная запись по кн. Ефиму Федорову Мышецкому о неотъезде его из Новгорода. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 18—19.

⁴¹⁴ Поручная запись новгородских детей боярских по Федору Богданову сыну Баишеву и Дорофею Федорову сыну Бобошину. 1614. 14.05 // RA, NOA. Serie 2:262.

Жена его 21 августа 1614 г. получила по челобитной 8 четвертей ржи из изменничьего хлеба⁴¹⁵.

Взаимные обвинения друг друга в измене новгородскими дворянами и детьми боярскими возникали в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в Новгороде — победы той или иной группировки. Так, в 1610–1611 гг. крупными фигурами среди сторонников царя Владислава являлись Иван Салтыков и Лев Плещеев. После установления в Новгороде администрации Делагарди — Одоевского оба этих деятеля (Салтыков к тому времени уже был казнен новгородцами) стали считаться изменниками. Это обстоятельство использовали в борьбе за поместья новгородские дети боярские, обвиняя друг друга в связи с ними.

Рассмотрим дело о выморочном поместье Ильи Плещеева, ведшееся в 1611–1613 гг. Уже упоминавшийся помещик Деревской пятины Пятый Ратаев сын Мусин бил челом о поместье Ильи Плещеева, утверждая, что в 1610 г. «завладел тем Ильинским поместьем Плещеева без дачи (т. е. без отдела государственным чиновником) сын его Артемей»⁴¹⁶, в то время как уже существовало решение об отделе этого поместья Пятому Ратаеву сыну Мусину, но «тот Артемей Плещеев приехал в Великий Новгород с Иваном с Салтыковым да со Лвом Плещеевым и его де ис того поместья выслали вон насилством, не бив челом бояром и без указу то поместье у нас отнял»⁴¹⁷. При этом попытки Пятого Мусина жаловаться тогдашней тушинской администрации ни к чему не привели: «И он де того Ортемья в том его насилстве о том своем поместье бил челом Ивану Салтыкову, и его де Максима»⁴¹⁸ Иван Салтыков бил и в тюрьму сажал, а тот деи Ортемей со Лвом Плещеевым в ымене и в воровстве с литовскими людьми, а мать его Елена⁴¹⁹ и брат де его Матвей в том поместье живут насил-

⁴¹⁵ Книга хлебной раздачи новгородским дворянам, детям боярским, вдовам и девкам хлеба из изменничьих поместий кн. Тимофея Андреевича Шаховского, Федора Ивановича Бестужева и губного старосты Андрея Неелова. 1614, августа 17 — ноября 30 // RA, NOA. Serie 1:11. С. 4

⁴¹⁶ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева. 1611, весна — 1613. 31.05 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 49.

⁴¹⁷ Там же. Л. 50.

⁴¹⁸ Максим, вероятно, — крестильное имя Пятого Мусина.

⁴¹⁹ Отдел поместья вдове Ильи Плещеева произошел 3 июня 1611 г. (Отдел неслуживым Тимофеем Зеленым прожиточного поместья вдове Ильи Плещеева Елене с дочерью Марьей в Ситенском погосте Деревской пятины,

ством»⁴²⁰. На самом деле, 31 мая 1610 г. по грамоте Василия Шуйского у вдовы Ильи Плещеева было отобрано прожиточное поместье и передано Максиму Первому сыну Мусину⁴²¹.

Митрополит Исидор в один из критических для Новгорода дней, 16 мая 1611 г., когда Салтыковы и их сторонники были уже признаны изменниками, когда светская администрация В. И. Бутурлина и кн. И. Н. Большого Одоевского уже велела «Ортемьеву мать Плещеева и сына ее Матвея Плещеева и их людей выслати вон со всем их животом и крестьяном их ни в чем слушати не велено»⁴²², вступился за упомянутую вдову Ильи Плещеева, Елену Матфееву дочь. Видимо, митрополит был последней надеждой вдовы Елены, в своей челобитной она отходит от привычного формуляра: «Била челом Московского государства бояром вдова Елена Ильинская жена Плещеева с своею дочерью с Марьею, как де мужа ее в животе не стало, и после деи мужа ее тем мужа ее поместьем пожаловал царь и великий князь Василей Иванович всея Руси, ее вдову з детми. И во 119 году на зиме из Великого Новагорода сын ее Ортемей послан к Москве, и про то де она не сведает, что сын ее на Москве жив или мертв, другой де ее сын Матвей Плещеев лежит от ран болен, ноги переломаны. И о том деи ее поместье бьет челом бояром Деревские пятины сын боярской (т. е. Пятой Мусин. — А. С.) по своему старому ложному челобитью...»⁴²³ 3 июня 1611 г. «что дано было во 118-м году по грамоте бывшего царя от великого князя Василья Ивановича всеа Руси по отделу губного Ондreja Обуткова Максиму Первому сыну

отобранного у нее ранее и переданного Максиму Первому Мусину. 1611. 3.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 373–379 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296). 1 января того года Плещеев был еще жив, в этот день ему было отделено поместье в Полоновском погосте (Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятины. 1611. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 659–663 (копия без пагинации. СПбИИ, м/ф 296).

⁴²⁰ Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева... Л. 50.

⁴²¹ Отдел губным старостой Андреем Обутковым Максиму Первому Мусину поместья Ильи Плещеева в Ситенском погосте Деревской пятины. 1610. 31.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 185–189 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

⁴²² Дело о поместье вдовы Елены Матфеевы дочери, жены Ильи Плещеева... Л. 52–53.

⁴²³ Там же. Л. 53–54.

Мусину прожиточное Ильинские жены Плещеева вдовы Олены з детми мужа ее Ильинского поместья Плещеева усадище да к усадищу пашни семдесят пять чети, и по указу и по грамоте Московского государства боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского да чашника и воеводы Василья Ивановича Бутурлина да дьяка Семена Лутохина и о выписи с книг за приписью дьяка Семена Лутохина то ей вдовы Оленино прожиточное поместье Тимофей Зеленой перед тем игуменом и перед священником и перед волостными людьми отделил в поместье ей вдове Олене Ильинской жене Плещеева з дочерью яе с Марьею селцо Горнечно на озере на Боровни...»⁴²⁴

Другой, более яркий пример. В конце 1612 г. в Деревской пятине возникло дело о поместье в связи с «изменой» известного в будущем новгородского дьяка Филиппа Арцыбашева. О поместье бил челом его брат, Семен Матвеев сын⁴²⁵: «служу, государи, я пятнатцать лет, а оклад мне поместной пятьсот четверти, а поместьеца, государи, за мной нет ни одной четверти, а живу, государи, я в Новгороде без съезду... [пожалуй, государь,] отца моего Матвеевым поместьем Арцыбашева, а брат, государи, которой служил в отца моего место нонече во Пскове...» — так мягко он сообщил об «отъезде» брата, по сути — «измене»⁴²⁶. На то же поместье претендовал другой сын боярский, новик Осип Дружинин сын Аничков, так описывавший отъезд Филиппа: «а тот, государь, Филипп отъехал во Псков с Ывашком с Севериным, остался, государь, отец ево стар и слеп да мать, а два брата, государь, большие верстаны надвои, и те не служат, живут дома, а третьей, государь, мал, не служит же...»⁴²⁷ Вскоре появились и еще претенденты, о которых следует сказать особо, — «беспоместные детишки боярские» псковский помещик Михалка Воинов сын Ордин Нашокин (дядя А. Л. Ордин Нашокина)

⁴²⁴ Отдел неслуживым Тимофеем Зелениным прожиточного поместья вдове Ильи Плещеева Елене с дочерью Марьей в Ситенском погосте Деревской пятины, отобранного у нее ранее и переданного Максиму Первого Мусину. 1611. 3.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 373–379 (копия без пагинации СПбИИ, м/ф 296).

⁴²⁵ И Семен Арцыбашев, и его отец Матвей, и его дядя Федор упоминаются в Кормленной книге Галицкой четверти еще в 1604 г. (Кормленная книга Галицкой четверти 7112 г. ... С. 17, 28).

⁴²⁶ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье. Сент. 1612 // RA, NOA. Serie 2:229. Л. 1.

⁴²⁷ Там же. Л. 2.

и пусторжевский помещик Омелянко Дмитриев сын Ротиславской⁴²⁸. Новгородскую администрацию было не так легко провести, «бояре и воеводы» приговорили отказать псковичу и пусторжевцу, «потому что оне в челобитьях своих написали оклады себе великие, по девятисот, а иному по семисот, по штисот четвертеи, а в Новгороде их окладов версталных списков нет...»⁴²⁹ Результатом же челобитий Аничкова и Арцыбашева был розыск, в ходе которого выяснилось, что «служил с его Матфеева поместья (Арцыбашева. — А. С.) сын его Филип, и сын его Филип своровал, отъехал во Псков, да и потому ж, как шол королевского величества ратной воевода Иверн Горн Карлусович с ратными людьми⁴³⁰, и тот Матфеев сын Филип своровал, Иверн Горна Карловича на двор стояти не пустил, и говорил непригожие слова, а Осип Оничков службы служит, а поместья за ним не было ни одной чети...» Однако, согласно приговору воевод, спорное поместье все же разделили между братом Филиппа Семеном и Осипом Аничковым⁴³¹.

Приведу пример подобного челобитья, исходящего из противоположного стана. 17 августа 1611 г., в период активности Первого ополчения, владимирский дворянин Григорий Орлов подал челобитную на имя короля Сигизмунда III и королевича Владислава, в которой претендовал на «изменниче поместье» князя Дмитрия Пожарского, «а князь Дмитрей вам, государем, изменил, отъехал с Москвы в воровские полки и с вашими, государевыми, людьми бился в те поры, как на Москве мужики изменили, и на бою в те поры ранен»⁴³². Как видим, те формулы, которые использовались в

⁴²⁸ В августе 1602 г. Е. Д. Ротиславский был среди пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. В то время его поместный оклад составлял 300 четвертей (Списки детей боярских, новокрещенных татар всех пятин, торопчан, холмичей, невлян, пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. 1602, авг. // СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38. Л. 12).

⁴²⁹ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье... Л. 13.

⁴³⁰ Скорее всего, имеются в виду боевые действия зимы 1611/12 г. в районе Устрецкого острожка.

⁴³¹ Дело по челобитью Семена Матвеева сына Арцыбашева о поместье... Л. 12.

⁴³² Челобитная польскому королю Сигизмунду III и сыну его великому государю королевичу Владиславу Сигизмундовичу от Григория Орлова: о пожаловании ему во владение поместья в Суздальском уезде сельца Нижнего

деловой практике Новгорода, характерны и для всего Московского государства.

Отношение в Москве к новгородским дворянам и детям боярским было настороженным. В пору открытого конфликта Москвы с Новгородом в 1614 г. стороны открыто объявили друг друга врагами. После отступления московской рати от Бронниц во второй половине лета 1614 г. в Разряде было заведено дело о сношениях Ратмана Вельяминова, воеводы в полку князя Трубецкого, князей Андрея и Григория Шаховских с дядей последних «новгородским изменником холмитином князем Андреем Константиновичем Шаховским»⁴³³, на всем протяжении следствия новгородцы назывались изменниками. Однако после 1617 г. всем оставшимся в Новгороде дворянам, детям боярским, священнослужителям и посадским людям было объявлено полное прощение и приказ продолжать государственную службу⁴³⁴.

Отношение к «изменам», «отъездам» в Новгороде в 1611–1616 гг. было спокойным и ровным. «Измена» входила в повседневную практику, «изменяли», по сути дела, все. При том, что в решении конкретных личных проблем новгородец апеллировал понятиями «измены» своего противника и, напротив, своей «верности», службы «без отъезду», в определенных обстоятельствах новгородский дворянин руководствовался личными приоритетами — случайная обида, низкий поместный оклад мог служить причиной отъезда в лагерь политических противников. Нестабильность политической ситуации, неясность положения — никто не знал, на чьей стороне «правда», — все это провоцировало к тому, что к таким «отъездам»,

Ландеха с деревнями, принадлежавшего кн. Дмитрию Пожарскому, за измену его против их, государей. Тут же и жалованная на поместье от имени бояр Орлову. 1611. 17.08 // СГГД. Ч. 2. 1819. № 267. С. 566–567.

⁴³³ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского посольства в Москву в 1615 г. // НИС. Вып. 2. Л., 1937. С. 57, прим. 3.

⁴³⁴ Грамота государя царя и великого князя в Новгород митрополиту Исидору и всем духовного и светского чина людям известительная: о заключении с шведским королем Густавом Адольфом мирного договора, по коему Новгород возвращен паки к Российской державе; о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам. 1617. 27.02 // СГГД. Ч. 3. 1822. № 34. С. 149–154.

являвшимся государственными преступлениями, общество и администрация относились довольно спокойно и специальных розысков об изменах не устраивали.

Очевидно, эти наблюдения можно толковать и шире. Вероятно, не лишено резона наблюдение О. Бакуса о неразработанности понятия «измены» в русской культуре вообще⁴³⁵. В статье, посвященной русским изменникам в войне 1812 г.⁴³⁶, А. И. Филюшкин указывает на общую мягкость правительственного отношения к служившим Наполеону русским подданным. Возможно, такая же мягкость, традиционная для Московского государства и связанная с тем, что измена не трактовалась как тяжкое преступление, была характерна и для недолгого существования новгородско-шведского политического альянса.

По мнению Дж. Х. Линда, Михаил Клементьев, Василий Чеботьев, особенно Мурат Пересветов, Никита Калитин и Федор Аминев остались на территории Ингерманландии после 1617 г., так как опасались преследования со стороны московских властей⁴³⁷. Возможно, эта мысль справедлива: хотя нам и неизвестно о каких-то репрессиях по отношению к сотрудничавшим со шведами новгородцам, именно эти люди могли опасаться такого преследования — перешедший к шведам под Тихвином ростовский сын боярский Мурат Пересветов, бежавший в стог сена из Пскова новгородец, потомок своеземцев Никита Калитин и склонявший целые города к переходу на сторону шведов бывший стрелецкий сотник Федор Аминев.

Представление о байорах как об изменниках сохранялось и в 1630-е годы. Так, Никита Яковлевич Тырков в 1631 г. служил заставным головой Тесовской заставы. 8 июня 1631 г. он не пропустил в Московское государство Павла Алабердеева и, руководствуясь указом новгородских воевод, запер Алабердеева с домочадцами, а также 38 крестьянами-перебежчиками во дворе Зверинского

⁴³⁵ *Bacus O. P.* Treason as a concept and defections from Moscow to Lithuania in the Sixteen Century // *Forschungen für östereuropäische Geschichte*. Bd. 15. 1970. На эту работу я обратил внимание после появления статьи М. М. Крома «Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский» (ОФР. Вып. 4. М., 2000).

⁴³⁶ *Филюшкин А.* От худости сердца. Измена в Отечественную войну 1812 года // *Родина*. 2000. № 8. С. 44–48.

⁴³⁷ *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре»... С. 63.

монастыря и 27 июня 1631 г. сдал их всех шведскому прапорщику Поликарпу Ибарпану. В своей отписке в Новгород Тырков именовал Алабердеева изменником, хотя тот уже более десяти лет был законным подданным шведской короны⁴³⁸.

Плен

Далеко не все «отъезды» новгородцев были добровольными. В конце июля 1614 г. Иван Большой Бестужев считался в Новгороде изменником, вместе с братом Дмитрием «отъехавшим» в московские полки. Впрочем, Ульяна и Акси́нья Назимовы в своей челобитной о закреплении за ними поместья уточняли, что Ивана Большого и Дмитрия свели с собой «шиши» во главе с кн. Федором Оболенским⁴³⁹. Однако определить действительное или мнимое насилие при взятии в плен удается редко.

Примерно в октябре 1614 г. подьячий Иван Сидоров бил челом Карлу Филиппу об освобождении на поруки из тюрьмы, куда был посажен за неудачную попытку бежать из Новгорода, «за то что с великие бедности хотел из Новагорода збрести, а которые, государь, иманы в Новгород в языцах, и те по твоей государевой милости многие освобождены на поруки ис темницы, а за меня, государь, бедного, побити челом тебе государь и твоим государевым бояром некому»⁴⁴⁰. 19 октября 1614 г. по нему, «московскому подьячему», была взята поручная запись о неотъезде из Новгорода⁴⁴¹.

Обмен пленными обсуждался воюющими Москвой и Новгородом и в месяцы наибольшего напряжения. В начале марта 1614 г. к воеводе Рамышевского острожка А. Ф. Палицыну обратился Лоренц Вагнер с предложением об обмене пленнх на тело убитого капитана Бакнера. Палицын по инстанции обратился к кн. Д. Т. Тру-

⁴³⁸ Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков. 1631 // АМГ. 1890. Т. 1. С. 330–332.

⁴³⁹ Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73.

⁴⁴⁰ Челобитная бывшего подьячего Ивана Сидорова об освобождении его из темницы на поруки // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 116.

⁴⁴¹ Поручная по подьячем Иване Сидорове о жительстве его в Новгороде и не съезде отсюда без боярского ведома. 1614. 19.10 // АЮБ. Т. 2. № 261. Ст. 814–815.

бецкому, тот запросил Москву. Из Москвы по государеву указу Вагнеру было предложено в обмен на тело Бакнера выдать «князь Петрова сына Пронского князя Михайла да Томилова сына Луговского, да Васильевых да Ефимовых детей Телепнева да детей боярских да атаманов и казаков». Позднее, 31 марта, новый воевода Рамышевского острога Федор Левашов сообщал, что сразу, как он принял должность, к нему приходили служилые люди и просили взять на обмен ранее добытых в языки детей боярских. Левашов списался с Вагнером и послал грамоту от Вагнера кн. Трубецкому, а тот переслал ее в Москву⁴⁴². В грамоте Вагнера, впрочем, содержится не только предложение выдать тело Бакнера, но и просьба похоронить убитых под острожком шведских солдат. Вагнер прибавляет, что мы-де шведы «побитых ваших ратных людей похороняем»⁴⁴³. Обмена пленными в тот момент, однако, не произошло.

В апреле 1615 г. началась подготовка к большой операции по обмену пленными между Полновским погостом и селом Романово на Поле. Эта операция была своего рода подготовкой к Дединским переговорам. Обе стороны предложили большие росписи пленнх, как находящихся у них, так и тех, которых бы хотелось получить⁴⁴⁴.

Стороны долго препирались, каких полоняников предполагалось получить, а каких нет, включать ли в число обмениваемых пленнх тех, что были захвачены под Псковом или нет. Росписи их не сходились, посланные их сверяли и высчитывали разницу⁴⁴⁵. Москов-

⁴⁴² Отписка боярина и воеводы кн. Д. Т. Трубецкого царю Михаилу Федоровичу из Бронниц о событиях под Бронницким острогом. 1614, между 31 марта и 15 апреля // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 49–50.

⁴⁴³ Грамота старорусского воеводы Лоренца Вагнера воеводе Рамышевского острога Федору Левашеву. 1614, между 27 и 31 марта // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

⁴⁴⁴ Список с росписи русских пленнх, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленнх, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

⁴⁴⁵ Роспись русских пленнх, чьи имена есть в шведском списке и отсутствуют в списке Посольского приказа // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 205–208; Роспись русских пленнх, оставленных в Новгороде для размена на взятых под Псковом шведов // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 209–211; Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 212–213.

ская сторона выражала серьезные претензии по церемонии переговоров, особенно резко выступая против участия в них переводчика Ганса Бракиля, откровенно выказывавшего неуважение к титулу московского государя. Москвичи писали в Посольский приказ: «А все государь, то воровство делает Анца Брякилев, единово слова не говаривал, что к доброму делу пристойт». Москвичи предлагали обменивать по принципу «всех на всех», однако шведы возражали и предлагали меняться «врознь»: человека на человека или двух, и сначала меняться «худыми» людьми, а после «добрыми». «А свалом де нам с вами всех на всех не оменивати». В наказе же московских представителей С. Г. Коробьина и П. А. Обернибесова было написано: «врознь с ними полоняниками розмениватца и договор чинити не велено». За лучших пленников — Никиту Остафьевича Пушкина и Фому Дурова шведы запросили денег, так как их Делгарди выкупил у запорожских казаков⁴⁴⁶. Позднее договорились все же о поименном обмене по шведскому сценарию⁴⁴⁷.

Во время переговоров возникали альтернативные предложения обменов. К Семену Коробьину обратился старорусский воевода кн. А. К. Шаховской. В ходе рейда шведы пленили ржевитина Александра Матвеева сына Голенищева. После этого, в 1614/15 г. на р. Полу приходили казаки атамана Балаша и в д. Онтипове взяли в плен человека ротмистра Лоренца Вагнера Ула. Шаховской просил обменять Ула на Голенищева. «Ныне Александр ротмистру Лаврентью Ивановичю бил челом, чтоб ево пожаловал, велел об нем к вам отписати, а Александр Голенищев ротмистру в том верился, что человека его тово немчина Ула за него Олександра отпустят»⁴⁴⁸. Голенищев переправил к послам из старорусской тюрьмы грамоту, адресованную своему дяде, С. С. Голенищеву:

⁴⁴⁶ Отписка С. Г. Коробьина с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров о размене пленными 11–12 мая 1615 г. 1615, мая после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 119–131.

⁴⁴⁷ Список, поданный С. Г. Коробьину шведскими уполномоченными 15 (14?) мая 1615 г. с предложениями, кого из пленных на кого обменивать // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 136–138.

⁴⁴⁸ Грамота старорусского воевода кн. А. К. Шаховского московским посланным С. Г. Коробьину с товарищами об обмене ржевитина А. М. Голенищева на Ула, человека Л. Вагнера. 1615, мая около 3 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 110.

«Государю моему дядюшке Степану Семеновичю Алеша Голенищев челом бьет. Буди государь здоров и на многие лета и со всеми нашими рожными и приятели. А пожалует государь, похочешь про меня просити, и я в полону в Старой Русе живот свой мучаю да ва[...]ют жив. Да писал обо мне князь Андрей Костянтинович Семену Гавриловичю Коробьину да Петру Агеевичю Обернибесову, что бутося я верился ротмистру Лаврентью, что одадут на меня человека ево Ула. И им бы то пожаловать, роз[с]удить, что князь Андрей писал, повеле тварить. А я надежа государя своего, царя и великого князя Михайла Федоровича всея Руси, и на его всещедрую милость, а тебе бы государю моему дядюшке пожаловать обо мне промышляти, как тебе Бог известит. А Семену Гавриловичю и Петру Огеевичю и Ивану Офонасьевичю о том бить челом, чтобы им то пожаловать, расудить. А я тебе, государю своему, многа челом бию до лица земнаго»⁴⁴⁹.

Переговоры об обмене затянулись. Пленники, находившиеся в шведском стане, сумели передать в московский стан грамоту следующего содержания:

«Государю Семену Гавриловичю, Петру Агеевичю, Ивану Офонасьевичю полоняники, которые сидим на Селище, Дмитрий Плещеев, Осип Оничков, Федор Исаков, Тугарин Полозов, Сила Ивков, Захарей Дирин челом бьют. Смилуйтесь государи, Семен Гаврилович, Петр Агеевич, Иван Офонасьевич, не дайте нам умереть голодною смертью, ужо пятой день травою питаемся, были болны, а ныне и досталного нет и сами припухли з голоду, год мучились, а ныне на достал. Смилуйтесь, не дайте нам умереть напрасною смертью, милость государя царя и великого князя Михайла Федоровича всея Руси слыша, а вам бы смиловатца, промыслити наши головами, и мы вам, государем своим, будем работати головою своею за ваше жалованье, а мы вам, государем своим, много со слезами челом бьем. А о чем будет у вас спор, и вы то после договаривайтесь, ныне не губите напрасной смертью»⁴⁵⁰

⁴⁴⁹ Грамота ржевитина А. М. Голенищева своему дяде С. С. Голенищеву об обмене его на человека Л. Вагнера Ула. 1615, мая около 3 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 112.

⁴⁵⁰ Грамота русских полоняников, стоящих на стану в Песках, к С. Г. Коробьину об их скорейшем освобождении. 1615, мая между 14 и 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 189.

Нескольких пленных у Делгарди отпросил находившийся там английский посол Джон Мерик. Придя к С. Г. Коробьину, они рассказывали истории своего пленения. Так рассказывал Иван Моклоков: в 1614 г. он был взят в плен в Новоселицком острожке под Новгородом вместе с упомянутым выше воеводой Федором Левашевым (ведшим в 1614 г. переговоры с Лоренцом Вагнером) «на Ильин день святого пророка». Моклокова посадили в тюрьму. 25 сентября 1615 г. «на Сергеев день с утра выпечаловал деи его у них аглинского короля посол». Из его соратников в тюрьме последними оставались ржевитин Иван Семенов сын Пушкин с пятью товарищами и старичанин Иван Романов сын Кознаков с тремя товарищами. «И Иван де с товарищи с Сергеева дни в ночи дверь розломали и с тюрьмы утекли, а в тюрьмы остался в сторожне ржевитин Офонасей Данилов сын Елчанинов, для того, что он болен». Моклоков поделился и очень личным переживанием — контактом со шведом, проявившим сочувствие к пленному: «яз де сам был в полону, а вы де не скорбите, а чаят де милости Божии и немецкие люди, хотят миритца вскоре, а стоят де крепко за три города, за Орешек, за Корелу да за Ивангород»⁴⁵¹.

Бежавшие из Новгорода пленные появились в московском стане около 7 октября 1615 г.⁴⁵² Они подробно рассказали о своих приключениях. «А в роспросе сказали: в прошлом во 122-м году на Ильин день Святого пророка взяли де их немецкие люди в полон с Федором Левашевым в Новоселицком острожке и привели де их в Новгород и посадили их в Новгороде в тюрьму каменую. И в нынешнем во 124-м году сентября в 24 день против 25 числа ночью, тюрьму они розломав, утекли ис тюрьмы к реки Волхову и реку переплыв шли к Осташкову Бронницкою дорогою»⁴⁵³.

Менее эмоциональна история другого освобожденного Мерином пленного, старичанина Макара Бехтеева. Он также был пле-

⁴⁵¹ Расспросные речи Ивана Софонова и Ивана Моклокова в Осташкове. 1615. 30.09 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 36–41.

⁴⁵² Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о том, что к ним из Новгорода вышли пленные дворяне. 1615, октября после 7 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 238.

⁴⁵³ Расспросные речи вышедших из Новгорода пленных ржевичей и старичан в Осташкове. 1615. 7.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 239–241.

нен в Новоселицком острожке. По дороге из Новгорода, в Старой Руссе, ему передал вестовой список о новостях из-под Пскова старорусский подьячий Федор Витовтов, каковой Бахтеев и привез к Коробьину⁴⁵⁴.

12 октября на стан к С. Г. Коробьину вышел сын дьяка Третьяка Копнина Юрий, рассказавший также свою историю. Его отец, Третьяк Копнин, при царе Василии Шуйском был назначен дьяком в Старую Руссу. В конце 1611 г. он был включен в состав посольства юрьевского архимандрита Никандра (характерно, что Юрий Копнин упирает на то, что посылал его в посольство «Яков Пунтусов»). После того как Копнин со всем посольством отправился из Выборга в Новгород, находившийся при отце Юрий был оставлен при Карле Филиппе «и был де он в немцах 30 недель». У Карла Филиппа его отпросил только следующий новгородский посол, хутынский архимандрит Киприан. Придя в Новгород, Копнин застал там мать с меньшими братьями. Не получив разрешения М. М. Пальма покинуть город, Ю. Т. Копнин бежал⁴⁵⁵.

По возвращении Новгорода под власть Москвы, а до того при переходе на сторону Москвы многие новгородские служилые люди оправдывали себя тем, что ранее были у немцев «в полону». Такой ход встречается в челобитной кн. И. С. Путятин. В 1617 г. он бил челом о даче его детям и внукам корма по 1 алтыну на человека в день. В челобитной указал, что выехал «ис полону» из Новгорода от немецких людей, оставив в Новгороде детей и внуков⁴⁵⁶. Кн. И. С. Путятин был одним из последних приехавших в Тихвин

⁴⁵⁴ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о выезде к ним полоняника Новоселицкого острожка Макария Иванова Бахтеева. 1615, сентября после 15 // РГАДА. Ф. 96, 1615, д. 9. Л. 149.

⁴⁵⁵ Расспросные речи вышедших из Новгорода Юрия Третьякова Копнина с человеком и зубчанина Алексея Брянцева. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 305–311.

⁴⁵⁶ Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича послам окольникову и наместнику суздальскому кн. Данилу Ивановичу Мезецкому, дворянину и наместнику шатцкому Алексею Ивановичу Зузину да дьякам Николаю Новокшенову и Добрыне Семенову о выдаче кормов из новгородских доходов детям и внукам кн. Ивана Семенова сына Путятин по его челобитью. 1617. 5.04 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 70 об.—71.

новгородских детей боярских⁴⁵⁷. Тот же мотив в челобитной Никиты Тыркова. В 1617 г. он прибыл в Москву в качестве выходца из шведского плена, после чего был назначен к службе в Посольский приказ «у чертежу и у распросу про рубеж». По его «сказке» была составлена роспись «государевым и немецким свейским городом и их уездом, в которых местех по рубежом государева земля с немецкою со свейскою землею сошлася»⁴⁵⁸.

Сложная политическая ситуация, в которой оказались новгородцы в 1611–1617 гг., требовала от них ответственных решений. Источники, составленные в противоборствующих лагерях, не позволяют в полной мере оценить, как в действительности новгородцы относились к политическим событиям, участниками которых они стали, насколько сознательным был их выбор в пользу Москвы или, реже, Швеции. Политическая риторика документов, употребление терминов «измена», «плен» далеко не всегда отражают действительно сознательный выбор служилых людей или насилие над ними.

⁴⁵⁷ Расспросные речи новгородского выходца князя Ивана Путятина перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616, октября // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 161–170; Отписка послон кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе в Тихвин новгородского посольского подьячего Постника Кувшинова и князя Ивана Путятина. 1616, октября после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 287–289.

⁴⁵⁸ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 2. М., 2003. С. 313.

Приложение 1

Хронологическая таблица событий Смутного времени, связанных с Новгородом^{459*}

1606

17 мая	Свержение Лжедмитрия I. Воцарение Василия Шуйского
Июль – август	Боевые действия войск Шуйского против Болотникова под г. Ельцом
2 декабря	Бой у с. Коломенское с болотниковцами
Конец декабря	Начало осады Калуги войсками Шуйского

1607

Начало февраля	Бой у церкви св. Николая на р. Вырке под Калугой с болотниковцами. Победа войск Шуйского
3 мая	Бой под с. Пчельня в Алексинском уезде. Разгром войск Шуйского
Май	Поход царя Василия Шуйского из Москвы к Серпухову
Конец мая	Начало похода войск Шуйского к Кашире
5 или 7 июня	Битва на р. Восме. Разгром болотниковцев
Июнь	Поход войска Шуйского к Алексину. Начало осады Тулы войском Василия Шуйского
12 июня	Битва на р. Вороней в 7 верстах к западу от Калуги. Появление в Стародубе Лжедмитрия II (Тушинского вора).
Август	Бой у Гремячего острожка под Тулой
Сентябрь	Бой войска царя Василия Шуйского у с. Каменка под Болховом с войсками Лжедмитрия II. Разгром войск Шуйского
18 октября	Взятие Шуйским Тулы. Пленение Болотникова

⁴⁵⁹ * Все даты приводятся по юлианскому календарю.

1608

Начало июня	Основание лагеря в Тушине под Москвой
25 июня	Бой на Ходынском поле
21 августа	Василий Шуйский пишет письмо шведскому корою Карлу IX с предложением заключить длительный мир и союз
23 сентября	Начало осады Троице-Сергиева монастыря Я. Сапегой

1609

12 февраля	Выборгский договор Московского государства и Швеции
14 апреля	Шведский корпус во главе с Яковом Делагарди прибывает в Новгород
10 мая	Начало похода кн. М. В. Скопина-Шуйского к Москве
август	Польский король Сигизмунд III переходит границу и осаждает Смоленск
9 октября	Вступление войска кн. М. В. Скопина-Шуйского в Александрову слободу
27 декабря	Бегство Лжедмитрия II в Калугу

1610

11 января	Разгром Яна Сапеги войском Якова Делагарди и кн. М. В. Скопина-Шуйского под Троицей
19 февраля	Отъезд тушинского воеводы кн. А. Жирового-Засекина из Пскова
февраль	Осада Яма полковником Линдведом Класоном
12 марта	Вступление кн. М. В. Скопина-Шуйского и Якова Делагарди в Москву
23 апреля	Смерть в Москве кн. М. В. Скопина-Шуйского
24 июня	Бой войска кн. Д. И. Шуйского с гетманом С. Жолкевским у с. Клушино
Начало июля	Попытка воеводы кн. В. Т. Долгорукова овладеть Псковом
17 июля	Свержение Василия Шуйского
15 августа	Отряд П. Делавилля взял Ладого
17 августа	На московский престол избран польский принц Владислав
4 октября	К Новгороду прибыл И. М. Салтыков
12 октября	Салтыков вошел в Новгород
10 или 11 декабря	Убийство Лжедмитрия II под Калугой
25 декабря	Г. Валуев взял Великие Луки

1611

7 или 8 февраля	И. М. Салтыков изгоняет отряд П. Делавилля из Ладого
Между 27 февраля и 10 марта	Переворот в Новгороде. Арест и казнь И. М. Салтыкова
2 марта	Корела капитулировала войскам Делагарди
10 марта	Попытка поляков овладеть Псково-Печорским монастырем. Начавшаяся осада длилась полтора месяца
23 марта	Ивангород принимает к себе Лжедмитрия III. Начало авантюры Псковского вора
Весна	Строительство шведами укреплений в устье Охты для блокады Орешка
28 мая	Делагарди выступил из Сольцов к Новгороду
1 или 3 июня	Король Сигизмунд III взял Смоленск
Начало июля	Делагарди подходит к Колмову монастырю под Новгородом
8 июля	Лжедмитрий III атакует Псков
12 июля	Попытка новгородского гарнизона отбить Делагарди от Новгорода
16 июля	Штурм Новгорода шведскими войсками. Взятие Софийской стороны
17 июля	Захват шведами Торговой стороны. Бегство В. И. Бутурлина и Л. А. Вельяминова на Бронницы
22 июля	Убийство Прокопия Ляпунова под Москвой
25 июля	Договор Делагарди с новгородцами
Август	Попытка Эверта Горна захватить Псков. Лжедмитрий III уходит в Гдов
3—4 сентября	Лисовский взял псковский пригород Красный
17 августа	Новгородцы пишут письмо Карлу IX, отдавая себя под его покровительство
12 сентября	Клаус Сланг захватывает Ладого вскоре после признания власти правительства Делагарди — Одоевского в Тихвине и Старой Руссе. Орешек не признает этого правительства
13 сентября	Молебны в новгородских церквях, благодарящие шведов за взятие Новгорода
30 сентября	Мятеж в Пскове. Псковичи зовут 300 казаков на подмогу
Октябрь	Эверт Горн пытается овладеть Гдовом, но комендант Нарвы Филипп Шединг отказывается прислать Горну артиллерию
30 октября	Скончался Карл IX
Ноябрь	Лжедмитрий III бежит в Ивангород, позднее идет к Пскову
4 декабря	Лжедмитрий III торжественно провозглашен царем
25 декабря	Посольство юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм для приглашения шведского принца. Новость о смерти Карла IX еще не достигла Новгорода

1612

Начало года	Представители Подмосковного ополчения прибывают в Псков и признают Лжедмитрия III царем. Он пытается бежать из Пскова, однако его ловят и арестовывают
10 января	Густав II Адольф подписывает ответ новгородским властям с сообщением о том, что он лично хотел бы быть правителем Новгорода и всех государств Московского царства
Январь — февраль	Казацкий полковник Алексей Михайлович подходит к Старой Руссе и ненадолго захватывает ее, в район Боровичей подходит группа казаков во главе с полковником Александром Наливайко, западные сельские районы Новгородской земли разорены Александром Лисовским
Конец февраля	Посольство архимандрита Никандра прибыло в Стокгольм
25 февраля	Эверт Горн разгромил атамана Наливайко под Боровичами
2 марта	Присяга Подмосковного ополчения Псковскому вору
18 марта	Эверт Горн наносит тяжелое поражение казацкому полковнику Алексею Михайловичу. После этого он посылает кормовых сборщиков на восток Новгородской земли в район Устреки
Начало апреля	Делагарди получает письмо короля, которое приводит его в отчаяние, так как нарушает его план пригласить на русский престол Карла Филиппа
Апрель	Орешек капитулирует перед шведским полковником Клаусом Слангом
Середина мая	Делагарди получает новое письмо от короля, где вроде бы не отрицается возможность приглашения на русский престол Карла Филиппа, и толкует его в пользу симпатичной для себя интерпретации. Новгородцы в восторге. Порхов и Торжок присоединяются к новгородцам
18 мая	Попытка Лжедмитрия III бежать из Пскова вместе с кн. И. Ф. Хованским. Через два дня он был арестован
12—19 мая	Посольство С. Л. Татищева в Новгороде
Весна	Эверт Горн, достигнув спокойствия на востоке, пытается занять крепости на западе. Яков Делагарди, помогая Горну подкреплениями, остается в Новгороде с очень небольшим отрядом
2 июня	Густав Адольф пишет Делагарди письмо, соглашаясь на кандидатуру Карла Филиппа
15 июня	Густав Адольф получает письмо Делагарди от 8 мая с сообщением о радости в Новгороде в связи с обещанием Карла Филиппа стать русским царем
16 июня	Копорье пало
24 июня	В Ярославль прибыло посольство кн. Ф. Т. Черного Оболенского

Конец июня	Ям пал
1 июля	Лжедмитрий III препровожден казаками из Пскова в Москву. Лисовский безуспешно пытается отбить его по дороге
3 июля	Делагарди пишет в Стокгольм о благоприятном приеме новгородского посольства в Ярославле
Июль	Гдов пал. Эверт Горн предпринимает еще одну безуспешную попытку взять Псков
26 июля	Из Ярославля в Новгород выступило посольство П. И. Секирина. Одновременно Ярославское ополчение выступает к Москве
Начало августа	Эверт Горн снял осаду Пскова
Около 23 августа	Делагарди пишет письмо в Стокгольм с объяснением своей политики. Начало осады Ивангорода
3 октября	Густав Адольф обращается с письмом к новгородцам. Он принимает выбор новгородцами Карла Филиппа в качестве государя и обещает, что тот прибудет в Выборг 28 февраля
26 октября	Нижегородское ополчение выбило поляков из Кремля
4 декабря	Ивангород сдался шведам

1613

Новый год	Горн вновь планирует поход на Псков
После 17 января	Делагарди посылает в Москву Федора Боборыкина с сообщением о скором прибытии Карла Филиппа в Выборг и приглашением москвичам также прибыть туда
Февраль	Ветреная погода не дает Карлу Филиппу пересечь Ботнический залив
21 февраля	Михаил Романов избран царем
18 марта	Делагарди пишет письмо королю с просьбой ускорить прибытие Карла Филиппа и увеличить количество войск в Новгородской земле в связи с окончанием войны с Данией
Начало года	Поляки активизируют военные действия. Делагарди вынужден послать войска под Порхов. Горну поручено очистить территории к юго-западу и югу от Ильменя. В связи с этой операцией вновь рождается идея захватить Псков. Горн отгоняет разезды поляков и движется от Старой Руссы через Коростынь к Порхову, которого достигает 5 апреля. Из Порхова он рассылает разезды с целью разведать возможность овладения Псковом
Начало апреля	Делагарди получает известия о воцарении Михаила Романова. Он принимает на службу казаков атамана Сидорки

29 апреля	Густав Адольф пишет письмо Делагарди с изложением трех вариантов развития событий в Московском царстве: 1) избрание на престол шведской династии; 2) в случае неудачи — достижение мира с условием получения компенсации военных расходов Швеции; 3) в случае отказа русских — продолжение войны. Король выражает несогласие на избрание Карла Филиппа великим князем Новгорода — он должен стать государем всего Московского царства
Середина мая	6000 русских пытаются укрепиться на востоке Новгородской земли. Чуть позже небольшой отряд появляется под Старой Руссой. Капитану Роберту Миру поручено отогнать русских от Устреки
25 мая	Переворот в Тихвине. Изгнание шведского гарнизона из Большого Тихвинского монастыря
8 июня	Карл Филипп и новгородское посольство юрьевского архимандрита Никандра выехали из Стокгольма в Выборг
24 июня	Кн. С. В. Прозоровский подошел к Тихвину на соединение с А. Г. Трусовым
9 июля	Карл Филипп прибыл в Выборг
27 июля	Посольство хутынского архимандрита Киприана в Выборг для встречи королевича
Август	Начало похода Эверта Горна на Тихвин
28 августа	Начало осады Гдова Юлием Генрихом, герцогом Саксонским
10 сентября	Переход части московского войска, в том числе Мурата Пересветова, на сторону шведов
13 сентября	Неудачный штурм шведами Большого Тихвинского монастыря
15 сентября	Отход шведов от Тихвина
22 сентября	Выезд посольства юрьевского архимандрита Никандра из Выборга в Новгород
1 октября	Пленение посольства юрьевского архимандрита Никандра псковскими казаками в Суйде
Ноябрь	Начало осады Ладоги москвичами

1614

Январь	Снятие осады Ладоги
17 января	Карл Филипп уехал из Выборга в Нючепинг
12–16 февраля	Осада шведами Изборска
Март	Кн. Д. Т. Трубецкой подошел к Бронницам
14 июня	Переход на сторону москвичей большой группы новгородских дворян под Бронницами
16 июня	Густав Адольф прибыл в Нарву

14 июля	Бой шведской армии с войском кн. Д. Т. Трубецкого под Бронницами. Поражение Трубецкого
20 июля	Взятие Самуилом Коброном Новоселицкого острожка
22 июля	В Архангельск прибыл Джон Мерик, посол английского короля Якова I
10 сентября	Густав Адольф взял Гдов
Начало октября	В Новгород прибыл Эверт Горн, сменивший Делагарди на посту правителя
14 декабря	Новгородцам предъявлено требование присягнуть Густаву Адольфу
15 декабря	Разгром атамана З. М. Заруцкого под Устюжной

1615

13 января	Выступление Эверта Горна под Порхов с 2000 солдат с дальнейшим движением под Псков
15 января	В Москву из Новгорода отправилось посольство хутынского архимандрита Киприана
22 февраля	Присяга Якова Боборыкина и Матвея Муравьева царю Михаилу Федоровичу
Апрель	Арест в Новгороде Якова Боборыкина и Матвея Муравьева по обвинению в пособничестве москвичам
30 июля	Бой под стенами Пскова. Эверт Горн смертельно ранен в голову
14 августа	Гибель под Псковом квартирмейстера Роберта Мира
11 сентября	Густав Адольф неудачно штурмует Псков. Отход шведов из-под Пскова
23 октября — 8 декабря	Дедеринские переговоры

1616

Февраль	Рейд московских лыжников из Тихвина под Ладогу и Корелу
2 февраля	Заключение перемирия между Московским и Шведским государствами с 22 февраля до 31 мая в д. Дедерине
3 декабря	Заключение предварительного договора между шведскими представителями и Джоном Мерином, английским посредником с московской стороны в Ладоге
31 декабря	Первая встреча русских и шведских послов в д. Столбово

1617

27 февраля	Столбовский мир
Лето	Присяга сельских жителей Новгородской земли царю Михаилу Федоровичу

Приложение 2

1612, май — *Роспись жильцам, дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева.*

Роспись жильцом и дворяном и детем боярским

Степан Лазоревич Татищев

От жильцов Иван Гаврилович Чириков

От смолнян Степан Михайлович Таруратина

От Казани и от Нижнево Новагорода и ото всех Низовских городов Степан Иванович Левашов, Назарей Григорьевич Соломонов, Казанской мурза Клевльян Гурьевич

От вязмич, и от дорогобужан, и ото ржевич, и от зубчан, и от можаич, // и волочан, и белян, и от старичан, и от кашинцов, и от тверич, и от новоторцов, и от угличан, и от дорогобужан. Василей Петрович Аверкиев, ржевитин Александр Граво[ро]нов

Бежецкой пятины. Иван Дмитриев сын Нарбеков

Ярославля Поволского, и от Костромы, и от Во//логды и ото всех поморских городов костромитин Семен Григорьевич Невлев да Иван Носов

От Резанской области, от Коломны и ото всех резанских городов резанец Никита Варфоломеевич Маслов, коломитин Степан Данилович Найнаров

Ото всех Украинных городов медынец Логин Дмитриевич Мелентеев.

От касимовских и от темниковских и от кадомских и от олаторских и от шатцких князей и мурз и тотар темниковский Розгилдей-мурза князь Брюшиевич Аникеев.

От ыноземцов от литвы и от немец и ото всех иноземцов, которые служат в Московском государстве старово выезду Григорей Иванович Пагачевской.

От посадцких людей ото всех городов ярославец посадцкой человек Иванко Скорняков.

На обороте л. 55: Кормовой 120-го году

RA, NOA. Serie 2:354. Л. 53–55.

^a *Исправлено из:* Татищев

Приложение 3

1613, июля после 12 — *Письмо Федора Бутурлина, Луки Баранова и Гордея Судакова Игнатию Андреевичу Кучину в Стокгольм*

Господину Игнатию Ондреевичю Федор Бутурлин челом бьет, Гордей Судаков, Лука Боранов. Пожалуй, Игнатей Ондреевич, пиши к нам о своем здоровье, как тебя Бог и у нас Бог миловал. А про нас похочешь ведать, и мы з государем с королевичем в Выборе, пришли июля в 12 день, живы до воли Божию. Да пожалуй, Игнатей Ондреевич, о чем яз тебе, Федор Бутурлин бил челом, и ты не забудь, отпиши ко мне подлинно в Выбор, ко мне или к Гордею Судакову, вели отдать что отпишешь, а мы тебе все челом бьем.

На обороте: Дати ся грамотка в Стеколне Игнатию Ондреевичю Кучину

RA, Militaria: 1287: 1.

ГЛАВА 5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ НОВГОРОДА НАЧАЛА XVII ВЕКА

Озаглавив книгу «Новгородское общество в эпоху Смуты» и даже указав во введении, что рассмотрению будут подвергнуты только социально активные группы, сделаю еще одну оговорку. Разумеется, не менее, а иногда более активными участниками новгородской жизни, чем служилые люди, были также гости и купцы, многие посадские люди, занимавшие городские должности (целовальников, пятиконецких старост), церковники. Это может считаться заведомым недостатком выносимого на суд читателя труда. В то же время, когда приходится говорить о представителях служилого сословия, в особенности — служилых людей по рождению, большая часть из них оказывается вне поля зрения. Неизвестен состав дворов многих людей, о которых я пишу. Несомненно, борясь за оклады и подавая челобитные о поместьях, они преследовали и интересы своих домочадцев. Так, во дворе дьяка Семена Лутохина в августе 1614 г. жило 40 человек¹, среди которых, видимо, его родственники, чьи имена исчезают из источников с началом Смуты. Сколько было таких «клиентов» во дворах других «сильных» в Новгороде людей, сказать сложно. Позднее многие из них окажутся на государственной службе после возвращения Новгорода под власть московских царей.

Для новгородского служилого человека начала XVII в. жизненно важным было поместное обеспечение, которое было гарантировано государством дворянам и детям боярским через систему поместных окладов. Приказные служащие были верстаны денежным жалованием. Но в Новгороде начала XVII в. можно наблюдать опыт замены годового денежного жалования подьячим поместьем в соотношении 1 рубль за 10 четвертей поместной земли. Для софийских детей боярских поместное обеспечение гарантировалось митрополичьими

¹ Челобитная дьяка Семена Лутохина о даче ему поместного или денежного жалования. 1614. 1.08 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 10, 7.

вотчинами. Однако при смене владыки софийские помещики должны были получать новую жалованную грамоту (откуда и составились сборники поместных грамот). Такие же грамоты владычные помещики должны были получить и после возвращения Новгорода в марте 1617 г. под власть Москвы, несмотря на то, что митрополит Исидор скончался только в 1619 г.

Состав новгородского служилого люда в XVI—XVII вв. был пестрым. При этом социальная мобильность новгородцев, особенно в рассматриваемую нами эпоху, была достаточно высокой. Престижность тех или иных способов службы колебалась в зависимости от политической ситуации. Е. И. Кобзарева обратила внимание на падение престижа дворянской службы по отношению к приказной в Новгороде 1612—1617 гг.² В недавней работе Т. А. Лаптева отметила, что в те же годы у тех, кто оказался на стороне Москвы, напротив, именно дворянская воинская служба оставалась более престижной, чем какая-то иная³. Известны также данные о стремлении многих представителей дворянства оказаться в составе приказной группировки. Так, в 1612 г. местным подьячим Судного приказа стал Тимофей Федорович Одинцов, сын Федора Афанасьевича Одинцова, назначавшегося в начале XVII века на посты острожного головы и воеводы⁴. Однако после возвращения Новгорода под власть Москвы многие новгородцы, подвизавшиеся в 1611—1617 гг. на подьяческой службе, вновь верстаются поместными и денежными окладами и возвращаются к службе военной⁵.

² Кобзарева Е. И. Новгородские служилые сословия в период шведской оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 11—13 ноября 1999 г. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 80—85.

³ Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстанье в дети боярские представителей других сословий) // ОИ. 2003. № 5. С. 81—96.

⁴ Такая тенденция набора подьячих из низших рангов дворян и детей боярских была прослежена Н. Н. Оглоблиным довольно подробно в центральных уездах Московского государства в середине — второй половине XVII в. (Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 219—227).

⁵ Григорий Постников сын Якимов в 1612—1616 гг. был рассыльщиком новгородского Поместного приказа. По верстанью 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 300 четвертей и 9 рублей с городом (Десятина денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками

Члены Государева двора и другие иногородние в Новгороде

Новгород эпохи Смуты, каким он предстает из материалов архива, не был закрытым городом. В разное время в нем волею судеб оказывались члены Государева двора (один из которых — боярин князь Иван Никитич Большой Одоевский, займет в начале 1611 г. роль фактического правителя города), думные люди дворов разных царей — Василия Шуйского, Лжедмитриев I, II и III, Владислава Сигизмундовича, казачьи атаманы и стрелецкие сотники, приходившие в Новгород с посланцами тех или иных правительств, городские дворяне из разных городов Московского государства. Среди людей, принятых на службу в Новгороде, переводчики Ганс Бракиль (Анца Брякилев), Бажен Иванов и Олфер Северов⁶, «нововыезжие» польские паны, поверстанные поместным окладом.

М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 68). Фаддей Федоров сын Змеев в 1612—1616 гг., как правило, выполнял службу пристава, по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстанный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Григорий Васильев сын Брянцов при шведах — рассыльщик Поместного приказа; по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстанный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Его брат Мокей, служивший в 1611—1613 гг. кормовым сборщиком, в 1621 г. — городской сын боярский с окладом в 650 четвертей и денежным окладом 19 рублей из четверти (Там же. Л. 19).

⁶ Происхождение Олфера Северова темное. Возможно, именно его, выходца-латыша Оллуйку Северова, 20 сентября 1600 г. подьячие новгородского Дворца Первой Карпов и Семейка Михайлов должны были устроить на пашне в дворцовых селах (Дело о водворении беглых, добровольно возвратившихся из-за рубежа. 1600, апрель — 1601, июль // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 270—308). Согласно исследованиям Д. В. Лисейцева, О. Северов родился в Немецкой слободе в Москве и уже в 1604 г. перевел для Посольского приказа грамоту короля Карла IX (*Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 2. С. 360*). Новгородцы, сообщая в Делерину послу Д. И. Мезецкому о событиях в Новгороде, так говорили о Северове: «Ино ведают немцы, что его праздник, да и тому Иверн Горн и Монша смеялись, что он сам толмача Олфера провожал, а он веть некрещеной был, все ведают, что на Москве он родился в Кукуе, а некрещен, а мать и братья его и none на

С каждым из вновь назначаемых воевод в город прибывали представители московского дворянства. Зафиксировано, что с приездом кн. М. В. Скопина-Шуйского в Новгороде оказались Яков Дашков, Иванис Ададунов и Федор Чулков⁷. Осенью 1610 г., при новой смене власти вместе с Иваном Салтыковым в Новгород прибыли опять Яков Дашков и Матвей Муравьев (последний был новгородцем, сидевшим в Москве в осаде от Тушинского вора⁸. С февраля — марта 1611 гг. шел интенсивный приток в Новгород представителей подмосковного ополчения⁹.

При этом наблюдается известная особенность: многие из отправляющихся в Новгород с тем или иным воеводой выборных и московских дворян были и ранее связаны службой с Новгордом.

Вместе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским в Новгороде оказался И. Н. Ржевский, трагически погибший летом 1611 г. в подмосковных казацких таборах. В 1609 г. он был послан в Ладугу встречать вспомогательное шведское войско¹⁰. Однако еще в 1601/02 г. Ржев-

Москве, да и сам он про него говаривал со мною, что он некрещен, али будет того забыл» (Посольство кн. Д. И. Мезецкого с товарищами. Часть 2. 1615, сентябрь // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 9. Л. 220).

⁷ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850.

⁸ Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей в Псков, Ивангород, Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610. 17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452—463.

⁹ Последнее обстоятельство рассмотрено мною в специальной статье: *Селин А. А. Политическая жизнь и Государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. 2005. Vol. 13. Nr. 1. P. 149—157.*

¹⁰ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 2.

ский был в Новгороде с ответственной миссией хлебной раздачи (в годы голода!)¹¹. Возможно, по Новгороду служили его родственники: в 1586 г. известен Матвей Никитин сын Ржевский, сын боярский Шелонской пятины¹².

Иван Михайлович Салтыков в 1610 г. оказался в Новгороде далеко не впервые. Пятью годами ранее он выехал к отцу, служившему в Ивангороде воеводой и проводившему осенью этого года верстание детей боярских Шелонской и Водской пятин¹³. Тремя годами ранее М. Г. Салтыков встречал в Ивангороде датского королевича Ганса, в 1607/08 г. служил на воеводстве в Орешке. Надо предполагать, что Салтыков имел какие-то знакомства и связи на Северо-Западе, полученные в более раннее время.

То же, видимо, можно сказать и о кн. С. Г. Звенигородском, тушинском боярине и дворецком, оказавшемся в Новгороде весной 1611 г. в качестве одного из представителей Подмосковного ополчения. При Борисе Годунове с февраля 1599 г. он служил первым воеводой в Копорье¹⁴, продолжал служить там же и в 1600/01 гг.¹⁵, был сменен 25 января 1601 г.¹⁶, но в 1607 г. был вновь назначен воеводой в Копорье¹⁷.

¹¹ В составе Киевского списка Разрядной книги 1564–1604 гг. (НБУВ. Ф. 1. № 5579. Инв. № 19504), под 7110 г.: «Того году послан в Ывангород хлеба роздовать Олексей Фомин Третьяков да Иван Микифорович Чепчюгов. А в Новгород послан Иван Микитин Ржевской да дьяк Нечай Федоров. А во Псков послан Тимофей Лазорев да дьяк Иван Палицын» (Цит. по: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII века. М., 2005. С. 334–335).

¹² Платежная книга 1586 г. погостов Зарусской половины Шелонской пятины // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1908. Т. 2. Ч. 2. С. 522–523.

¹³ Из умолотных книг Полянской волости 1605 г. // *Греков Б. Д.* Монастырское хозяйство XVI – XVII вв. Л., 1924. С. 132–134.

¹⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 78

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 102; Дело о трех беглых латышах. 1600, апрель // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4). Л., 1926. Стб. 267–269.

¹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 112; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 2. Ч. 1–2. С. 185

¹⁷ Письмо к воеводе Копорскому князю Семену Григорьевичу Звенигородскому, от шведского фельдмаршала и Выборгского ландсгевдинга Акселя Рининга просительное, о свободном пропуске шведских войск, по обещанию

Часть представителей московского дворянства, оказавшись в Новгороде, в дальнейшем там и оставалась, занимая видные посты в структуре управления. Таков Третьяк (Семен) Семенов сын Якушкин. В 1588/89 гг. он — выборный дворянин по Вязьме с окладом в 500 четвертей¹⁸. В 1590/91 гг., в годы русско-шведской войны он служит стрелецким сотником в Ивангороде¹⁹. Через десять лет, в 1602–1603 гг., мы вновь находим Третьяка Якушкина среди выборных по Вязьме, но уже с окладом в 750 четвертей (в Новгороде того времени столь высоких окладов не было). Тогда Якушкин назначается на ответственную службу в Путивль²⁰ (а годом ранее он служит воеводой в другом южном городе, Валуйках)²¹. Однако, когда в Новгород воеводой был послан кн. М. В. Скопин-Шуйский, мы вновь находим там Т. С. Якушкина. На распродаже имущества убитого М. И. Татищева он купил «полог полотнян пошовной, каймы шиты шолком черным, ветчан»²². Не покинул Якушкин Новгород и в ходе бурных политических коллизий 1610–1611 гг. В городе в это время оказалась и его семья. В марте 1612 г. Третьяк Якушкин бил челом новгородскому правительству о пожаловании ему денег на погребение умершей 19 марта жены. В челобитной он указал на свою бедность: «нит ни хлеба, ни соли и нит единые денги, а яз, государи, человек заезжий, и не пожалованной, безпоместной». В это время младший Якушкин, Иван Третьяков сын, был послан в Швецию²³. По возвращении сына, 1 марта 1613 г., Третьяк Якуш-

российских послов, чрез Российскую область, для учинения полякам отпору в нападении на Лифляндию, и о даче оным войскам за наличный платеж съестных припасов // Реестр грамотам шведского двора // ДРВ. 1782. Ч. 2. № 19. С. 57.

¹⁸ Боярский список 1588–1589 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 203–248

¹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 456.

²⁰ Боярский список 1602–1603 гг. // *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 258–291.

²¹ Разрядная книга 1550–1636 г. М., 1975. Т. 2. Ч. 1–2. С. 193.

²² Описание и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 7.

²³ Челобитная Третьяка Якушкина о даче ему денег на погребение и на помин жены. 1612, марта после 19 // RA, NOA. Serie 2:288. Л. 9.

кин купил дом «на Михайлове улице, меж дворов Семена Лутохина и Александро-Свирского монастыря», близ двора Спасского Старорусского монастыря²⁴, а в 1613/14 г. он был назначен новгородским судьей²⁵. Более позднее, относящееся к 13 сентября 1614 г., известие о Якушкине сообщает о краже у него судна — соймы, зимовавшей под его поместной пустошью неподалеку от устья Шелони²⁶. По всей видимости, Якушкин относился к верхам новгородского общества в последние годы режима Делагарди — Одоевского. Между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. в числе наиболее зажиточных новгородцев, отказавшихся от присяги Густаву Адольфу (среди которых были дьяк Семен Лутохин, митрополичий приказной Степан Спячий и другие), Якушкин уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 50 рублей²⁷.

Возможно, большое число астраханских детей боярских и стрельцов в Новгороде 1610–1611 гг. связано с событиями более раннего времени. Астраханские стрельцы осенью 1591 г., в связи с развернувшимися боевыми действиями со Швецией, в частности — с попыткой занять Нарву, вместе с головой Иваном Кашкаровым оказались в Новгороде²⁸. В 1591/92 г. астраханский стрелец Михалко Михайлов зарезал попа церкви Михаила Архангела из Земляного города Ивана²⁹. В 1610–1611 гг. в Новгороде находились 16 астраханских детей боярских и стрелецких сотников. Они участвовали в осаде Ладоги зимой 1610/11 г. Но ни один из астраханцев не упоминается после 16 июля

²⁴ Купчая на дом. 1613. 1.03 // АЮБ. Т. 2. № 148. VIII. Ст. 390–391.

²⁵ Книги сбора судной пошлины 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 5.

²⁶ Челобитная Третьяка Якушкина королевичу Карлу Филиппу о том, что зимовавшее у него под пустошью судно — сойму украли крестьяне дворцового села Голина. 1614. 13.09 // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 8.

²⁷ Респись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

²⁸ Указная грамота царя Федора Ивановича в Новгород стрелецкому голове Ивану Азарьевичу Кашкарову о выступлении со стрельцами в Торжок, раздаче стрельцам денежного жалования и пребывании в Торжке до снятия застав от морового поветрия. 1593. 15.02 // Акты Юшкова. № 257.

²⁹ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и с управных дел и холопным книгам, которые дела были в Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 281–281 об.

1611 г. Видимо, все они ушли на восток, к Торжку и далее к Москве вместе с В. И. Бутурлиным и Л. А. Вельяминовым.

Сведения о людях эпохи Смуты крайне противоречивы. О многих участниках событий того времени исследователи пишут очень вольно. Пример тому судьба дьяка Афиногена Голенищева.

В указателе С. Б. Веселовского о дьяке Афиногене Голенищеве, находившемся в Новгороде накануне событий 4 (?) июля 1611 г., говорится, что тот «умер в воровских таборех». Веселовский здесь ссылается на слова Ивана Плещеева, просившего в октябре 1611 г. у правительства королевича Владислава поместья покойного дьяка в Ярославском уезде³⁰. Однако совершенно определенно известно, что Голенищев погиб при взятии Новгорода шведами и ни в каких «воровских таборах» не участвовал, получив пять ведер вина из Новгородского винного погреба 2 июня 1611 г.³¹

Другим примером может служить фигура Василия Бутурлина. Исследователи часто путают трех Василиев Бутурлиных. Самый важный — чашник Василий Бутурлин, верный сторонник Шуйского, в феврале 1611 г. посланный от Подмосковного ополчения в Новгород и возглавивший переговоры с Делагарди, но в итоге их проваливший. После штурма Новгорода шведами Бутурлин ушел из города, ограбив торговые ряды и позднее, вместе с Леонтием Вельяминовым, разорив часть восточных областей Новгородской земли. В те же годы действовал Василий Федорович Бутурлин Клепик, заслуженный новгородский сын боярский, участник боевых действий под Ладогой в начале 1611 г. на стороне Ивана Салтыкова³², а в ноябре того же 1611 г. штурмовавший Ладогу вместе со шведским полковником Клаусом Слангом³³. После взятия Ладоги надолго занял пост русского воеводы этого города. Однако их обоих часто путают с Василием Васильевичем Бутурлиным, юношей, взятым шведами в плен в 1614 г., после очередного падения Гдова, вывезенном в Швецию, поступившим

³⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 120.

³¹ Сборник памятей о выдаче вина // RA, NOA, serie 2:124. Л. 158.

³² *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 105–106.

³³ Дело по двум челобитным крестьян Ладожского порога о количестве оброков с Михайловского погоста на Ладожском пороге, взимаемых в Дворцовый приказ // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 31–71.

там на службу и достигшим чина ротмистра³⁴. Эту же ошибку, путая чашника Василия Ивановича Бутурлина с Бутурлиным-гдовичем, делает новейший комментатор к запискам Н. Мархоцкого Е. Кукина, утверждающая, что В. Бутурлин «в 1613 был направлен с войском к Новгороду, попал в плен к шведам при взятии Гдова. Поступил на службу в шведское войско, с 1649 г. подполковник»³⁵. Несомненно, эти сведения относятся к юному В. В. Бутурлину. В публицистической и поэтому лишенной научного смысла статье В. Лилеева, вышедшей в 1940 г., Василий Бутурлин (чашник) однозначно именуется изменником³⁶. В работе П. В. Седова, в которой исследуется захват шведами Новгорода, такая точка зрения корректируется: ученый справедливо отмечает, что В. И. Бутурлин умер в 1614 г., при отступлении войска кн. Д. Т. Трубецкого от Бронниц³⁷, но в то же время он утверждает, что на сторону шведов перешел В. Ф. Бутурлин. Неясно, имеет ли П. В. Седов в виду службу Новгородскому государству В. Ф. Клепка Бутурлина или он вновь путает его с юным В. В. Бутурлиным, так как из всех трех упомянутых нами Бутурлиных, на службе шведским королям после 1617 г. оказался только юный Василий Васильевич Бутурлин³⁸, а Клепка Бутурлин служил шведам только в том смысле, что осенью 1611 г. участвовал вместе с другими новгородцами в осаде Ладоги, а после занятия этой крепости исполнял в 1612 г. должность ее русского воеводы. Замечание же П. В. Седова о том, что все источники

³⁴ *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 18–19. Дж. Линд считает юного В. В. Бутурлина представителем одной из знатных ветвей рода, так как он находился под прямой протекцией короля. Это маловероятно: в Гдове находились лишь помещики Гдовского уезда и соседних погостов Шелонской пятины. В начале XX в. комментатор документов из семейного архива графов Делагарди архивариус Юрьевского университета Г. Саблер предположил, что юный В. В. Бутурлин — сын чашника В. И. Бутурлина, что неверно (*Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. С. 54, прим. 29).

³⁵ *Мархоцкий Н.* История Московской войны / Пер., ввод. ст., комм. Е. Кукиной. М., 2000. С. 141–142.

³⁶ *Лилеев В.* Шведская интервенция начала XVII века // ИЖ. 1940. № 1. С. 108.

³⁷ *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. Т. 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 116–127.

³⁸ *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре»... С. 18–19.

новгородского происхождения именуют В. И. Бутурлина изменником, неудивительно: для правительства Одоевского — Делагарди разграбивший новгородские торговые ряды и разоривший район Устрецких волостей В. И. Бутурлин несомненно представлялся политическим противником (что, собственно, признает и П. В. Седов).

Еще один московский дворянин, оставшийся в Новгороде после 16 июля 1611 г., — Федор Васильевич Бутурлин. Когда в городе установилось правительство кн. И. Н. Большого Одоевского и генерала Я. Делагарди, к октябрю 1611 г. Ф. В. Бутурлин получил поместье в Карачуницком погосте Шелонской пятины, выделенное из дворцовых сел³⁹. 25 декабря 1611 г. он подписал приговор об отправке в Стокгольм посольства Юрьевского архимандрита Никандра с предложением престола одному из шведских принцев⁴⁰ и сам в составе дворян посольства (другими дворянами были новгородцы Полуэкт Матвеевич Колычев и Михаил Борисович Боборыкин), с дьяком Третьяком Копниным и гостями Степаном Иголкиным и Иваном Харламовым отправился к Карлу IX⁴¹. Чин московского дворянина, вероятно, придавал посольству архимандрита Никандра больший авторитет. Как и другие участники посольства, он был на обратном пути захвачен казаками и 4 апреля 1614 г. доставлен в Москву⁴². Его же новгородское поместье было пожаловано кн. Ивану Афанасьевичу Мещерскому⁴³.

³⁹ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 33; Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 189–190.

⁴⁰ Приговор новгородского митрополита Исидора, воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения Российского престола одному из шведских принцев. 1611. 25.12 // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 162. С. 283–285.

⁴¹ *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 21.

⁴² Перечень посольства юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм, захваченного по дороге обратно и отправленного в Москву. 1614. 4.04 // РГАДА. Ф. 96, 1614. Д. 4. Л. 4–5.

⁴³ Дозорная книга Зарусской половины Шелонской пятины дозора Никиты Федоровича Шелепина и подьячего Андрей Коломского. 1615. 30.08 // RA, NOA. Serie 1:1. С. 43.

Новгородцы — дворяне и дети боярские

Новгородские дети боярские представляли собой довольно разнородную группу. Общеизвестно, что правительство само проводило довольно сложную стратификацию дворянских корпораций. В основе ее лежало установление поместного и денежного оклада. С начала XX в. обсуждается проблема соотношения городских детей боярских и четвертчиков. Еще Л. М. Сухотин писал: «Я полагаю, что преимущество четвертного жалования перед жалованием с городом состояло главным образом в том, что оклады четвертного жалования увеличивались по мере службы четвертчиков, между тем как оклады получавших деньги с городом были ограничены предельным 14-рублевым окладом»⁴⁴. Позднее проблема соотношения между городскими детьми боярскими, получавшими денежное жалование из четверти и «с городом», рассматривалась в работах А. Л. Станиславского и А. П. Павлова. По мнению К. Ю. Ерусалимского, поддержавшего мнение Андре Береловича, «выплаты денежных жалований московским и провинциальным дворянам и выводы Андре Береловича позволяют по-новому, хотя и в развитие наблюдений Р. О. Крамми, представить русскую финансовую систему XVII в.: назначение денежной “подмоги”, как и борьба за оклады, было в первую очередь фактом престижа, а не благосостояния. За сами выплаты служилым людям приходилось бороться по пять лет и часто более; естественно, многие дворяне сталкивались в повседневности с штрафами и долгами. Обособление от простонародья и от других знатных родов также происходит обычно по более или менее явным схемам»⁴⁵. Однако в Новгороде после 1611 г. не известно ни об одной денежной раздаче детям боярским. Ни в одном деле не сделано выписки о денежном окладе челобитчика. Все производившиеся раздачи того времени — хлебные. Они никак не соотносились с размерами окладов. Вероятно, этот уровень стратификации дворянства в годы Смуты здесь временно потерял свою актуальность.

⁴⁴ Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. XV.

⁴⁵ Ерусалимский К. Ю. Долгий XVII век в России: антропологическая перспектива // Русский журнал. 2003 (www.russ.ru/krug/20030520_erus.html).

Однако размеры поместных окладов новгородцев начала XVII в. действительно могли считаться фактом престижа, тем более что они крайне редко реализовывались в поместных дачах. Сам принцип поместного обеспечения, лежавший в основе службы детей боярских, на поддержание которого были направлены невероятные усилия бюрократии, видимо, стоит рассматривать не как эффективно функционирующую систему, направленную на баланс сил в организации содержания войска, но скорее как своего рода мину под государством. Мне близко мнение Р. Хелли о том, что реформирование войска Иваном III и образование сословия помещиков было минутной уступкой великого князя военной касте⁴⁶, которая давала о себе знать вплоть до XX в. В то же время именно такая уступка уже в XVI в. сформировала ту этику служилого человека, о которой писали в последнее время В. Н. Козляков, О. Е. Кошелева, И. Л. Андреев, М. По⁴⁷. При этом крайне неверное представление о новгородских служилых людях содержится в работах Е. И. Кобзаревой. По ее мнению, в Смутное время они исповедовали принцип: «служу тем, кто может обеспечить поместным жалованием... если условия не удовлетворяют — мщу вчерашнему государю»⁴⁸. Новгородские дворяне не были наемниками. Их связь с городом, с поместьем, с семьей была гораздо сильнее. Каждый отъезд — это мучительное решение для новгородца.

⁴⁶ Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.

⁴⁷ Кошелева О. Е., Морозов Б. Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 226–230; Андреев И. Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 13–20; Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М. Некоторые итоги компьютерной обработки источников по истории Боярской Думы XVII в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 223–226; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Автореферат диссертации на соиск. учен. степени доктора истор. наук. СПб., 1999.

⁴⁸ Кобзарева Е. И. Новгородское дворянство на службе у шведов в период оккупации Новгорода (1611–1615 гг.) // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 116.

Смутное время раскидало новгородцев по разным фронтам гражданской войны. Новгородец Бежецкой пятины Иван Афанасьевич Плещеев в начале сентября 1611 г. подал в Москве челобитную на имя царя Владислава о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского, скончавшегося в 1610/11 г. в Новгороде⁴⁹. Вскоре он бил челом о поместье в Ярославском уезде. В челобитной И. А. Плещеев указал, что был арестован в Новгороде после того, как его брат Лев (известный кравчий Владислава Лев Афанасьевич Плещеев) отправился в посольство под Смоленск, и находился в тюрьме вплоть до присяги новгородцев царю Владиславу Сигизмундовичу. Вскоре после этого И. А. Плещеев уехал в Москву и сидел в осаде вместе с войсками Гонсевского⁵⁰.

Иной пример перипетий службы дает судьба сына боярского Шелонской пятины Докучая Власьева сына Харламова. Он рядом со своими братьями Иваном и Максимом исправно служил в Новгороде в 1611–1613 гг. Еще 5 июля 1613 г. он привез в Новгород деньги из Порхова⁵¹. Однако вскоре он оказывается на стороне Москвы (видимо, вместе с другими порховичами во главе с Иваном Крюковым осенью 1613 г. бежит во Псков). 28 февраля 1614 г. ему было поручено провожать плененное на дороге из Стокгольма в Новгород посольство архимандрита Никандра из Пскова к Москве. 4 апреля 1614 г. Докучай Харламов вместе с посольством приехал в Москву⁵². Однако уже в октябре 1614 г. он снова находится на службе в Порхове, вместе со Степаном Пустошкиным отписывая хлеб из поместий детей боярских, «отъехавших» из Порхова к Москве, видимо, одновременно с самим Докучаем⁵³.

⁴⁹ [Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского в Бежецкой пятине. 1611, сентября 6–25] // Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 92–93.

⁵⁰ Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье в Ярославском уезде // Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 93–95.

⁵¹ Приходно-расходные книги за приписью дьяка Андрея Лысцова. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:104. С. 81–82.

⁵² Роспись имущества участников посольства архимандрита Никандра, доставленных в Москву. 1614, около 4.04 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

⁵³ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

В некоторых деревнях доживали свой век участники Ливонской войны, причем ее первого этапа. Таким был Илья Филиппов сын Корсаков. В годы перемирия с Речью Посполитой 1570–1572 гг. он владел поместьем в присоединенном к Московскому государству Нещердском уезде. После оставления Нещерды И. Ф. Корсаков получил в сентябре 1572 г. поместье в Лядском погосте Шелонской пятины⁵⁴, а 7 августа 1576 г. получил поместье в Никольском Пшегужском погосте Обонежской пятины⁵⁵, затем в других погостах Обонежья. Илья Корсаков продолжал жить в своих обонежских деревнях и в марте 1612 г.⁵⁶

Пример службы неграмотного, но умудренного ратным опытом воина дает судьба Степана Андреева сына Пустошкина. Он известен среди помещиков Щепецкого погоста в 1571 г., получив поместье незадолго до этого описания пятины⁵⁷. В 1611/12 г. его поместный оклад составлял 550 четвертей⁵⁸. 25 декабря 1611 г., явно для военных целей, С. А. Пустошкин купил гнедого мерина⁵⁹. 30 июля 1612 г. он бил челом о пожаловании за службу и полученные раны. В челобитной писал, что в столкновении с псковскими ворами у деревни Требехи он командовал немецкими и русскими людьми, ходившими на псковичей из Порхова, «и воров розгромил, а иных побил, и языки послали к вам, великим боярам, в Великой Новгород». После этого

⁵⁴ Ввозная грамота Илье Филиппову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без конца) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.; Роспись поместьям нещердцев Корсаковых. 1572. 10.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 33–38 об.

⁵⁵ Отдел сыном боярским Иваном Степановым сыном Борановым Илье Филиппову сыну Корсакову поместья, бывшего за Григорием и Игнатием Колычовыми в Никольском Пшегужском погосте. 1576. 7.08 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 35–38 об.

⁵⁶ Книги дозорные Никольского погоста с Ояти Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 21.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 55–63 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 313); Дозорные книги Михайловского Гедевского погоста Ивана Никифоровича Коковцова и подьячего Остафия Симанова. 1612. 25.03 // RA, NOA. Serie 1:95. С. 121–138 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 313).

⁵⁷ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 458.

⁵⁸ Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:86. С. 18.

⁵⁹ Книги конской покупки. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:141. С. 105.

псковичи осадили Порхов, и Степан Пустошкин командовал «немецкими» и русскими людьми, вышедшими за город «и с ними бился за государя королевича до смерти и меня на том деле ранили ис пищали по правой ноге выше колена...»⁶⁰ В конце 1612 г. Пустошкин, оправившись от ран, командовал сотней в отряде Самуила Коброна, оставленном Эвертом Горном под Гдовом⁶¹. После этого пожилого воина (ему было не менее 55–56 лет) перебрасывают на восток. Осенью — зимой 1612/13 г. Пустошкин был послан на разведку, следить за передвижениями «литовских и воровских людей» под Тихвином. Так он докладывал в Новгород о своих действиях: «...велено, государи, мне по вашему боярскому указу идти к Сомою за литовскими людьми и проведывать, куда литовские люди пошле и где стоят, и я, государи, из Грузинские волости з деревни Хотетова шол за летовскими людьми до Оскои, и с Оскои шол сорок верст к Сомою в Никольской погост на Пшевужу до князя Ивана усадища Кропоткина до Хотец...» Узнав, что литовцы повернули с большой дороги от Воскресенского Липенского погоста, не доходя Тихвина, С. А. Пустошкин отправил Афанасия Лутовинова с этим известием в Тихвин к ротмистру Францу Струку, Эрику Берку и Ивану Крюкову⁶². В марте 1613 г. сын боярский Шелонской пятины Степан Пустошкин был оставлен в Новгороде, а не послан в Старую Руссу, где собирался отряд кн. Ф. Т. Черного Оболенского⁶³.

В 1614 г. служба С. А. Пустошкина была связана с Порховом. Он не присоединился к большой группе порховских детей боярских во главе с воеводой И. И. Крюковым, которые попытались сдать город псковичам, а после неудачи в начале осени 1613 г. бежали в Псков. Еще в октябре 1614 г. С. А. Пустошкин вместе с Докучаем Харламовым отписывал хлеб из поместий детей боярских — товарищей И. Крюкова в Порховском уезде⁶⁴. Но уже 12 мая 1615 г. Пустошкин находился в

⁶⁰ Челобитная С. А. Пустошкина о деньгах за раны, полученные в сражении. 1612. 30.07 // RA, NOA. Serie 2:286. Л. 2.

⁶¹ Дело по челобитью Федора Семенова сына Харламова о поместье. 1612. 16.01–1613. 13.01 // RA, NOA. Serie 2:80.

⁶² Челобитная Степана Пустошкина о разведке местоположения литовских людей в Обонежской пятине. Без даты // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 56–58.

⁶³ Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170–В. Л. 10.

⁶⁴ Отписные книги изменничьего хлеба в Порховском уезде Степана Андреевича Пустошкина и Докучая Харламова. 1614, октябрь // RA, NOA. Serie 1:57.

Москве. В тот день он получил в Разряде деньги для раздачи новгородцам Шелонской пятины, находившимся в Пскове. Именно из этой записи следует, что С. А. Пустошкин был неграмотен: за него расписались его товарищи Григорий Милославский и Андрей Нашокин⁶⁵. 30 июня 1617 г. Пустошкин вновь повез деньги из Москвы для раздачи новгородцам, находившимся в Пскове⁶⁶. 4 июля 1621 г. служил окладчиком при денежной раздаче новгородцам Шелонской пятины. По верстанию 4 июля 1621 г. Пустошкин — дворовый сын боярский с окладом в 800 четвертей и с четвертным окладом в 31 рубль⁶⁷. Он продолжал служить окладчиком Шелонской пятины и в 1624/25 г.⁶⁸ Последнее служебное назначение 75-летнего С. А. Пустошкина относится к 29 мая 1630 г. Тогда он был назначен головой на Сомерскую заставу, располагавшуюся сравнительно недалеко от его поместья⁶⁹.

После Смуты, около 1619/20 г., Пустошкин вернул себе разоренное войной поместье в Прибужском и Шепецком погостах⁷⁰. В начале 1620-х гг. он бил челом государю о розыске своих людей, ушедших за рубеж в Гдовский уезд, находившийся тогда еще под контролем шведской администрации. Крестьянин Пустошкина бежал еще 14 мая 1617 г. из д. Скородно в Прибужском погосте в Гдов. В 1619/20 г. он подговорил его «старинного человека», и тот ограбил Пустошкина, взяв «ларчик, а в нем ожерелье жемчужное женское, пугвицы серебряные да трой серги да шесть перстней да трой фережи женские зен-

⁶⁵ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1. (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 340.

⁶⁶ Приходно-расходная книга Разряда 125 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 (РИБ. Т. 28). СПб., 1912. Стб. 650.

⁶⁷ Десятина денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 6 об., 7 об.

⁶⁸ Десятина денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 14.

⁶⁹ Память Степану Андреевичу Пустошкину от новгородских воевод стоять на заставе в Сумерской волости. 1630. 29.05 // СРБИИ. Кол. 109. Д. 543; Роспись казаков и стрельцов, посылаемых на заставы. Без даты // СРБИИ. Кол. 109. Д. 544.

⁷⁰ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожних земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800. Л. 677, 723.

динные холодные да две косы». К моменту подачи челобитной они оба жили во Гдове⁷¹. Еще один крестьянин Пустошкина с характерным прозвищем Черкас бежал от него в Гдов около 1619 г., уведя с собой двух лошадей и большое количество хлеба⁷².

Некоторые дворяне и дети боярские поступали на службу, даже военную, в чрезвычайно юном возрасте. Сын боярский Водской пятины Семен Григорьев сын Ожогин по ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. был в возрасте 11 лет⁷³. Однако через два года он участвовал в борьбе против Болотникова под Ельцом, по дороге откуда он и скончался в январе 1607 г.⁷⁴

Если С. Г. Ожогин в 13-летнем возрасте участвовал в подавлении «воровского движения», то другой мальчик, также сын боярский Водской пятины Федор Андреев сын Бровцын, в 14 лет оказался «в воровстве». Он рано потерял отца. 9 марта 1599 г., будучи меньше года от роду, Ф. А. Бровцын вместе с матерью вдовой Марьей и сестрой Стефанидой получил часть отцовского поместья в Дудоровском и Корбосельском погостах⁷⁵, к северу и югу от Невы. Согласно ивангородскому верстанию 27 сентября 1605 г. он был в возрасте семи

⁷¹ Челобитная Шелонской пятины Степана Андреева сына Пустошкина царю Михаилу Федоровичу о розыске его людей, бежавших в Гдовский уезд и роспись бежавших крестьян. Начало 1620-х // СПБИАИ. Кол. 109. Д. 72.

⁷² Роспись живота Степана Пустошкина, снесенного за рубеж его крестьянином. После 1619 // СПБИАИ. Кол. 109. Д. 75.

⁷³ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 496.

⁷⁴ Обыск неслуживого Афанасия Ачкасова в Ильинском Тигодском погосте о поместье Семена Григорьева сына Ожогина в Тигодском и Ярвосоельском погостах и отдел этого поместья Василию Никитину сыну Хвостову и Лутьяну Захарьеву сыну Баранову. 1607. 20.01 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 65–70. Возможное сомнение в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице, снимается при рассмотрении десятни Водской пятины 1605 г.: там только один-единственный сын боярский с таким именем, отчеством и фамилией.

⁷⁵ Отдел губным старостой Борисом Вельяшевым прожиточного поместья Марье, вдове Андрея Бровцына, с сыном Федором и дочерью Стефанидой, в Дудоровском и Воздвиженском Корбосельском погостах из поместья ее мужа, а другой части поместья Андрея Бровцына (в Рождественском погосте на Паше и в Никольском Ижерском погосте) — Ивану Романову Бровцыну. 1599. 9.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 83–93 об.

лет и продолжал жить в отцовском поместье⁷⁶. В мае 1611 г. Ф. А. Бровцын вместе с Иваном Петровым сыном и Дмитрием Игнатьевым сыном Чортовыми был взят в своем поместье в плен Пятым Ворониным и Никитой Зиновьевым и увезен в Ивангород к Вору⁷⁷. 27 марта 1612 г. был лишен своего поместья в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах за то, что был «в воровстве в Иванегороде» (оно отошло Ивану Кузминскому и Михаилу Клементьеву). В том же году получил прожиточное поместье Елены, вдовы Ивана Воронина (140 четвертей), но вступить во владение поместьем не успел — оно было передано Тихону Воронину, а Бровцын остался без поместья. Последнее упоминание о Ф. А. Бровцыне относится к 13 марта 1613 г., когда он спорил с Игнатием Носакиным о даче в пожить прожиточного поместья его двоюродной сестры Марии, жены Ивана Большого Кишкина⁷⁸. Видимо, вскоре Ф. А. Бровцын скончался.

При этом начатая в раннем возрасте служба могла дать хороший стартовый задел для дальнейшей карьеры. Особенно это становится справедливым в Смутное время. Известный впоследствии «русский интеллигент» Андрей Федорович Палицын по верстанию 1605/06 г. был неслуживым новиком⁷⁹. Уже через пять лет, не достигнув 20-летнего возраста, он представлял Шелонскую пятину в посольстве к королю под Смоленск в сентябре 1610 г.⁸⁰ Дальнейшая карьера — достижение воеводских должностей и служба по московскому списку — была ему обеспечена.

⁷⁶ Десятня Водской пятины 1605 года... С. 498.

⁷⁷ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08–1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193–A.

⁷⁸ Дело по челобитной о поместье вдовы Марьи, жены Ивана Кишкина. 1612, март (без конца) // RA, NOA. Serie 2:185; Отдел Данилом Ласунским поместья Федора Бровцына в Спасском Городенском и Воздвиженском Корбосельском погостах Водской пятины Михаилу Клементьеву и Ивану Кузминскому пополам. 1612. 27.03 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 209–212.

⁷⁹ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катыврева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладына и Е. Телепнева. Список. 1605/06 // ОР РНБ. Эрм., 341. Ч. 1. Л. 299

⁸⁰ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава, на московский престол. 1610, сентября // Акты Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 318–319.

Далеко не только военная служба составляла основное занятие новгородских детей боярских. Значительная их часть в рассматриваемый период привлекалась к сбору кормов, молочению, к дозорам пятин и уездов. После массовых отъездов второй половины 1613 — начала 1614 г. и появления большого числа изменничьих, брошенных поместий возникла необходимость сбора с них хлеба. Этим занималось Дворцовое ведомство, широко привлекавшее местных детей боярских к жатве и молотье хлеба, шедшего в дворцовые житницы. Сохранилась приходная книга Бельского острожка, фиксирующая привоз детьми боярскими в острожек хлеба в течение января — марта 1612 года⁸¹. В ней упомянуто 33 сына боярских и двое подьячих, которые в течение трех месяцев свозили на Белую хлеб в основном из прилегавших деревень Будковского погоста, но иногда доезжали до сравнительно отдаленных Косицкого и Сабельского погостов. Практически каждую неделю дети боярские, руководимые острожным головой Григорием Обольяниновым, который, кстати, присваивал часть привозимого хлеба⁸², занимались организацией сельскохозяйственного труда со сложным измерением и учетом.

Взаимоотношения среди детей боярских, назначенных к сеянию, сбору и молочению хлеба, не всегда складывались успешно, и новгородское правительство вынуждено было их как-то разрешать.

Один из видных и наиболее порядочных новгородских деятелей Г. Н. Муравьев писал в Новгород уже в начале 1612 г. о нравах своего подчиненного: «...и посылал в село в Тесово к зборщику к Ондрею к Боркову с товарищи дворян и детей Тимофея Вильяшова с товарищи о немецких кормех, говорити, чтоб ко мне из села ис Тесова и с погостев корм присылали для немецких людей. И Ондрей Борков с товарищи дворяном отказал, я де прислан из Новагорода, а не от Григория, и Григорьева указу не слушаю, и корму никакова ко мне по 30 число (декабря 1611 г. — А. С.) не присылывал, и стоя в государеве в селе в Тесове пьет и бражничает, а корму ко мне не присылывает и старосту и крестьян держит

⁸¹ Книги приходные Бельского острожка. 1612, январь — март // RA, NOA. Serie 1:36.

⁸² Так, из привезенных 7 марта Михаилом Нееловым 15 четвертей жита Григорий Обольянинов взял 3 четверти жита к себе на двор (Книги приходные Бельского острожка... С. 18).

у себя»⁸³. Сам Муравьев был поставлен в довольно сложные условия, так как именно ему приходилось общаться с солдатами: «...а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят с кручиною и о том: корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам денги, да корму добыти негде и купити zde ни у кого, с торгом из Новагорода нету никого, а в Новгород нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять денег да помереть над денгами голодом...»⁸⁴ Почти то же самое писал в Новгород уже через два месяца сменивший Г. Н. Муравьева Ф. М. Муравьев: «...велено мне быти на заставе в Тесове на Григорьево место Муравьева з дворяны и з детми боярскими и с неметцкими ратными людми, и здесья, государь, осталось немец Анц Боева полку сорок человек да Степан Барбелса шесть, и те, государь, неметцкие люди Анцы Боева полку, приходя ко мне, просят корму недоплатного на другой месяц... А кормовые зборщики Федор Одинцов⁸⁵ стоит в Тесове, нигде в погостех не бывал и кормов не збирает...»⁸⁶ Толмачей в Тесове использовали «немецкие торговые люди», порой насильно захватывая с собой знающих немецкий язык⁸⁷. Остается только гадать, как такая яркая речь могла звучать по-немецки (или по-шведски?). Упомянутому Андрею Боркову пришлось столкнуться с таким толмачом в дальнейшем: «толмач Тимоха», по наущению сына боярского Степана Лаптева, не дал Боркову собирать корма в д. Заполье, что

⁸³ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. Начало 1612 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 64–66.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ В 1595/96 г. в Новгороде слушалось дело о отравлении собаками Федора Одинцова крестьян его поместной деревни Савлова (Копии переписные делам Новгородского судного приказа. 1600–1602 // СПБИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 835. 4^о. Л. 12).

⁸⁶ Челобитная Федора Максимовича Муравьева о том, что не удается собрать корма на немецких людей, стоящих на заставе в Тесове. 1612. 17.03 // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 41–42.

⁸⁷ Челобитная подьячего Ивана Армячникова. 1613. 17.07 // Дело по письму кн. Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковичами. 1613. 13.01 — 1615, январь // RA, NOA. Serie 2:20. Л. 67.

вынудило Г. Н. Муравьева еще раз написать в Новгород, что «немецким людям корму в привозе ни денег в собранье ниотколе нету же, и немецким людям корму дати нечего»⁸⁸.

В октябре 1614 г. кн. Гаврилу Гагарину было велено явиться в Новгород в связи с его отказом служить вместе с Семеном Муравьевым, отвечавшим тогда за обмолот ржи с изменничьих поместий Будковского погоста⁸⁹.

В 1611–1617 гг. служба в городских воеводах, острожных головах, приказчиках дворцовых волостей, губных старостах все больше и больше определялась хозяйственной нагрузкой. Назначавшиеся туда дети боярские входили в непосредственное соприкосновение с процессом сбора, учета и распределения кормов, строительства инженерных сооружений, сбора пососных людей, расчета урожая, посева озимых и яровых культур на государственных (дворцовых) землях для государственных же нужд. Все должностные лица несли личную материальную ответственность за выполняемые работы. Известные многочисленные случаи преследований и взысканий, которым подвергались дети боярские, связаны либо с их некомпетентностью, либо с злоупотреблениями. Как правило, в товарищи к сыну боярскому назначался подьячий для ведения дел. Это была давняя московская традиция управления. Еще Сигизмунд Герберштейн писал об управлении городами в Московии, что в них назначается воевода, абсолютно некомпетентный в делах, и секретарь (дьяк), который реально и осуществляет управление. Во всяком случае, на уровне управления небольшими территориями в Новгородской земле начала XVII в. такое утверждение справедливо.

Среди губных старост новгородских пятин конца XVI — начала XVII в. самой яркой фигурой был Паук Косицкий. Его имя упомяну-

⁸⁸ Челобитная Григория Муравьева Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому на крестьян с. Тесова, отказавшихся давать деньги на немецкие корма. 1612, январь — февраль // РГИА. Ф. 834. Оп. 5. Д. 9.

⁸⁹ Отписка новгородских воевод Якова Деллагарди и кн. Ивана Никитича Большого Одоевского Григорию Степановичу Обольянинову о посылке к Семену Муравьеву половины детей боярских, имеющих у него на службе, и росписи государева хлеба и о присылке в Новгород князя Гаврилы Гагарина, не желающего служить с Муравьевым. 1614. 3.10 // СРБИИ. Кол. 124. Оп. 1, карт. IV. Д. 569.

то в опубликованном Д. Н. Альшицем «Списке опричников» 1573 г. (дворовый сын боярский с окладом в 20 рублей)⁹⁰. Судьба его в конце царствования Ивана IV мне не известна, однако с середины 1590-х гг. имя Паука Косицкого упоминается в источниках. В 1594 г. с его поместья в Опоцком погосте служил его племянник Г. В. Косицкий, не явившийся на государеву службу в Ивангород: «В Опотцком погосте отписано на государя царя и великого князя у нетчика у Гаврилы Володимерова сына Коситцкого все его поместье, а в выписных книгах... И за Гаврилом то поместье не написано, а написано то поместье в писцовых книгах за Пауком за Косицким, а государеву службу служил тот Гаврило Косицкой в дяди своего в Пауково место Косицкого с того с дядина поместья...»⁹¹ Поместье у Паука Косицкого было отписано, при этом «ввозные грамоты и писцовые выписи Паук Косицкой не сказал, а сказывал, что де ввозную сожгли литовские люди»⁹². Однако через два года Паук Косицкий служит уже в губных старостах Залесской половины Шелонской пятины, в товарищах с Федором Вельяминовым⁹³. 1 сентября 1596 г. он описывал находившийся неподалеку от его поместья Ильинский Опоцкий монастырь⁹⁴. Продолжал Паук Косицкий свою службу в губных старостах также в 1597/98⁹⁵ и 1601/02 гг.⁹⁶, видимо, до декабря 1612 г., когда был сменен Симоном Блажонковым и Гаврилом Мякининым. Незадолго до смещения всю

⁹⁰ Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949.

⁹¹ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора. Д. 16947) // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СРБИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 116.

⁹² Там же. С. 117–118.

⁹³ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 142 об.

⁹⁴ Опись Ильинского в Опоцком погосте монастыря. 1596. 1.09 // Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI–XVII вв. / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СРБИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 175–178.

⁹⁵ Дело по челобитью рассыльщика Андрея Черкасова о поместье // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 7.

⁹⁶ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева... Л. 153 об.

деловую документацию у него отняли «воровские люди»⁹⁷, таким образом он вторично лишился важнейших документов.

Примером того, насколько сложна была служба сына боярского без подьячих, служат мытарства Г. Н. Муравьева на головстве Тесовской заставы в 1611–1612 гг. Особенно тяжело было Муравьеву зимой 1612 г. В январе он бил челом в Новгород, что назначенный к нему в помощь дворцовый подьячий Улан Собакин не может по болезни исполнять свои обязанности и все делопроизводство остановилось⁹⁸. А через месяц, в первой половине февраля 1612 г. Муравьев повторно бьет челом в Новгород о том, что собрать корма для стоящих в Тесове солдат Ганса Бойе он не может, так как назначенный к нему в помощь подьячий Богдан Березский бежал от него со всеми документами⁹⁹.

Однако иногда и помощь подьячего не помогала. После прекращения боевых действий в Тесовской округе к августу 1614 г. новгородское правительство начало восстановление хозяйства в дворцовой Тесовской волости. Для организации сельскохозяйственных работ были назначены сын боярский Никита Тырков и подьячий Иван Прокофьев. В наказе им было написано: «велено нам в твоём государеве дворцовом селе в Тесове и в присельях на твоей государеве десятинной пашни и на пустых участках рожь и яровой всякой хлеб жати и молотити и ко 123-му году паренина на рожь поднять десять десятин и рожь посеять, а рожь и всякой яровой хлеб обмолотя, прислати в Великий Новгород в государевы житницы с старосты и с целовальники и с волостными людьми летним путем». Приехав в Тесово 8 августа, Тырков и Прокофьев собрали разбежавшихся по лесам крестьян, «которые остались от воровских и от немецких людей войны живы» и уже через три дня заставили их работать на государевой десятинной пашне. От жатвы и молотбы крестьяне не уклонились, но на принуждение распашать находившиеся под паром лучшие десять десятин дворцовых земель от-

⁹⁷ Отписка Новгородского государства боярам и воеводам графу Якову Делагарди и боярину князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому Шелонской пятины губных старост Симона Блажонкова и Гаврила Мякинина о земских распорядках. 1612, декабрь // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 176. С. 308–309.

⁹⁸ Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают...

⁹⁹ Отписка боярам и воеводам Григория Муравьева о невозможности собирать корма и о побеге от него подьячего Богдана Березского со всеми документами. 1612, февраль // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 149.

вечали жестким отказом, отговариваясь своим разорением, а также тем, что «земля, государь, на твоих государевых десятинах утравила гораздо, а пора, государь, до нашего приезда давно минула, а как твой государев боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович стоял в Тесове, и мы, холопы твои, ево о той твоей государеве десятинной пашни докладывали, что орати поздно, да и не на чом». Всего, по словам крестьян, у них оставалось 10 лошадей, да и те, «которые, государь, у нас клячи собраны, и мы на тех клячах, выбирая на лутчих десятинах, учнем паренину орати, сколько будет мочно поднять, а до сех, государь, местех, паренина и впервые орати не почата». Распрошенные крестьяне соседних погостов также убеждали Тыркова и Прокофьева, что если в это время (в середине августа) начать пахать «паренину», то к новому году хлеб уродиться не может. В то же время крестьяне предложили им посеять рожь на месте только что сжатой: «толка деи ныне рожь жвав и на тех деи ржыщах чяят ржи лутчи». И сын боярский, и подьячий оказались в недоумении и запросили особый указ из Новгорода о своих дальнейших действиях — следовать советам крестьян или все же вспахать паренину по наказу¹⁰⁰.

Но распространена была и некомпетентность детей боярских в поручаемых им учетных, канцелярских и сельскохозяйственных службах. Григорий Оболянинов после четырех месяцев руководства Тесовским острожком, им же построенном на новом месте, 4 декабря 1614 г. был снят с воеводства и заменен князем Гаврилом Нарымовым¹⁰¹. Оболянинов был переведен служить в Ивнинский острог и вскоре заключен там под стражу по обвинению в хищении хлеба, конфискованного в изменничьих поместьях. Он бил челом боярам и воеводам о повторном розыске, причем обвинял в злоупотреблениях при хлебных конфискациях бежавшего в Псков подьячего Ждана Малеванова, который, воспользовавшись слабой грамотностью Оболянинова, сплутовал в книгах и отъехал в Псков¹⁰².

¹⁰⁰ Челобитная Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева о том, на каких десятинах села Тесова сеять рожь на 123 год и указ по ней. 1614. 19.08 // RA, NOA. Serie 2:284. Л. 3, 3 об.

¹⁰¹ Кормовые книги Тесовского острожка при воеводе кн. Гавриле Нарымове. 1614, декабрь — 1615, февраль // RA, NOA. Serie 1:87.

¹⁰² Дело по челобитной Г. Оболянинова об обыске государева хлеба в изменничьих поместьях Б. Ододурова и Б. Малышева. 1615 (?) // RA, NOA. Serie 2:32.

Другие новгородские дети боярские, напротив, вполне успешно справлялись с сельскохозяйственной работой. Сыну боярскому Шелонской пятины Сергею Михайлову сыну Костину (Константинову) в конце января 1612 г. было поручено принимать немецкие корма в Порхове, против его желания, хотя, по словам второго воеводы Порхова Ф. О. Воронова, «приход и росход немецким кормовым збором ему, Сергею, ведом»¹⁰³. Костин собирал корма в Порхов с окрестных поговостов вплоть до своего перехода на сторону Москвы осенью 1613 г.

Разбирающимся в тонкостях учета новгородским служилым людям гражданская служба позволяла присваивать огромные суммы денег. Так, осенью 1614 г. на приписках была поймана комиссия управляющих дворцовым селом Голиным во главе с сыном боярским Деревской пятины С. В. Боборыкиным. В конце сентября 1614 г. Семен Боборыкин, вместе с подьячим В. Заденским и Лучанином Еремеевым, был обвинен в разворовывании государева хлеба в с. Голине, причем «Семен Боборыкин с товарищи ездили дозировать, и с ними де ездили староста и целовалник и волостные люди и я, дьячок, с ними же был. Да с теми людьми в деревнях крестьян спрашивали по именом, хто на какове участке живет, да писали на столбцы, да с тех столбцов писали в книги, а книги деи он писал трои, одни в Дворец, а другое себе, а третьи в волость, а черные деи книги чернены немного, где как перечет не сойдетца, а ино тут и почернетца». По приговору новгородских властей (нач. октября 1614 г.?) с Семена Боборыкина, Лучанина Еремеева и Василия Заденского было велено за списывание крестьянских сбавочных участков «за то их воровство... взяти сто пятьдесят рублев...»¹⁰⁴

Среди гражданских служб новгородских детей боярских важное место занимали отделы поместий. Отдельщиками назначались «неслуживые» дети боярские, либо престарелые, либо чрезвычайно молодые, иногда своеземцы. Одним из самых юных отдельщиков

¹⁰³ Челобитная (отписка) боярам и воеводам и дьякам Федора Воронова о сложностях в организации кормовых сборов немецким ратным людям в Порховском уезде. 1612, января после 25 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 26–28.

¹⁰⁴ Дело по челобитной попа Ильи Васильева (Голинского погоста) на подьячего Василия Заденского и приказчика Лучанина Еремеева о том, что они не велели ему быть у дозора, а потом заставили приложить руку к составленным ими дозорным и умотным книгам. 1614. 28.09 // RA, NOA. Serie 2:76.

был сын боярский Деревской пятины Первой Дорофеев сын Микулин. По верстанию 1605/06 г. он обозначен как недоросль семи лет, в службу не поспевший и живущий в поместье в 100 четвертей с двумя сестрами¹⁰⁵. Однако уже 25 ноября 1611 г. П. Д. Микулин как неслуживый сын боярский отделил поместье Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины¹⁰⁶. Ему было лет 13. Можно предположить, что роль сына боярского в таких случаях была чисто представительская, а фактическую работу осуществляли заинтересованные в отделе лица руками взятых в понятие сельских священников и дьячков. Часто отделы поместий производились губными старостами; известен факт отдела поместья городовым приказчиком¹⁰⁷. Как и в случае с сельскохозяйственными работами, для отдела поместий сыну боярскому нужен был компромисс с сельскими жителями. Служба, связанная с применением насилия, была наиболее сложна. Отсутствие специального аппарата принуждения и личная ответственность за исполнение поручения приводили детей боярских попросту в тупик. Губной староста Деревской пятины Андрей Михайлович Обутков 16 июня 1610 г. не смог выполнить данного ему поручения об отделе нескольких поместий в Усть-Воломском, Холовском, Ситенском и Черенчевицком погостах. Единственный священник округи, «Усть-Воломского погоста черной поп Пахнутей», сбежал. Окрестные крестьяне «прогонов на себя править не дали и губного Ондreja били и прогонов не дали»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Десятня Деревской пятины верстания кн. М. П. Катыева-Ростовского, И. Н. Салтыкова и дьяков В. Оладина и Е. Телепнева... Л. 334.

¹⁰⁶ Отдел неслуживым Первым Микулиным поместья Аггею Корсакову в Оксоцком погосте Деревской пятины. 1611. 25.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1291–1294 (копия без пагинации СПбИИ, м/ф 296).

¹⁰⁷ Описан мной в работе: Селин А. А. Из истории Ладожского уезда в Смутное время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтением. СПб., 1998. С. 126–129.

¹⁰⁸ Отдел губным старостой Андреем Обутковым вдове Домне, жене Ивана Никитина Трофимова с дочерью девкой Ульяной прожиточного поместья в Усть-Воломском и Холовском погостах Деревской пятины, а части поместья Ивана Трофимова в Ситенском и Черенчевицком погостах — Федору Васильеву Боборыкину. 1610. 16.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 169–175 (копия без пагинации в: СПбИИ, м/ф 294).

Сходные ситуации встречаются и в более ранних документах, но в годы Смуты поражает бессилие должностных лиц, не способных исполнить сравнительно несложную работу.

Неявка на службу

Неявка на службу, «нетство» — характерная черта московского служилого общества, которое, разумеется, не представляло собой благолепной картины всеобщего истового и честного служения, которую пытаются писать некоторые современные историки и публицисты. В годы Смуты и всеобщей борьбы за поместные дачи обвинения соперников в нетстве и дезертирстве — едва ли не самые частые. Однако многим обвиненным удавалось оправдаться.

По челобитной неизвестного лица в ноябре 1609 г. был произведен обыск о поместье Богдана Васильева сына Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте Деревской пятины¹⁰⁹. В самом наказе обыщику губному старосте Андрею Обуткову содержалось обвинение: «...нетчик Богдан где нынеча и сколько у него крестьян...». По словам волостных крестьян, «Богдан Васильев сын Курицын з государевы службы домой приезжал после Семеня дни в нынешнем во 118-м году и дома жил три недели и хлеб свои молотил ржаной и яровой и продавал, и на государеву службу в полки поехал, а теперь его дома нет. А лошади у него Богдана двое в его усадище, меринко рыже да кобыленцо голубо, а коров две коровы да восемь овец да боран, а иног, господине, живота нет никакова». Обмолотив и продав весь хлеб, Б. В. Волков-Курицын поехал на службу. Поместье у него было конфисковано. Но 28 апреля 1610 г. Б. В. Волков-Курицын получил от царя Василия оправдательную грамоту по своей челобитной. В челобитной он объяснял свой отъезд из полков кн. М. В. Скопина-Шуйского: «а для бедности и разоренья ис Калязина монастыря ездил к себе в поместье, приехал на нашу службу в Олександрову слободу и жил на нашей службе всю зиму бес съезду, а поместье его в Деревской пятине все пусто разорено от литовских людей и от воровских». Между тем «в Водской пятине поместье его лучшее живущее»

¹⁰⁹ Сыск губным старостой Деревской пятины Андреем Обутковым про нетчика Богдана Васильева Волкова-Курицына в Спасском Боровицком погосте. 1609. 5.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 13–19 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 294).

М. В. Скопин-Шуйский отдал Феокисту Муравьеву. «А в воровских деи полкех он Богдан нигде не бывал, и как деи посылан был боярин и воеводы князь Иван Семенович Куракин да Семен Васильевич Головин под Дмитров, и он деи Богдан под Дмитровым нам служил, и у острогу в приступе был». По приговору новгородского воеводы кн. А. Б. Куракина с товарищами поместье было ему возвращено в июне 1610 г., однако при Иване Салтыкове в 1610/11 г. часть его была вновь взята «за нети» и отдана Никите Вышеславцову¹¹⁰.

Сходным образом, 3 мая 1611 г. Пятой Ратаев сын Мусин в своей челобитной назвал Романа Григорьева Бабкина, на чье поместье он претендовал, нетчиком, утверждая, что тот с другими детьми боярскими «з государевы службы из Великого Новгорода збежали к себе в поместье, и ныне живут по домам, а на государеву службу в Новгород не идут...»¹¹¹

Однако на материалах архива Новгородской приказной избы можно реконструировать лишь один «нетный» список, составленный в 1611–1617 гг. В делах архива сохранились «Книги денег, взятых на дворянах Деревской пятины за псковские нети по переводным записям» 25 декабря 1612 г. со скрепою дьяка Семена Лутохина¹¹². Видимо, деньги были собраны с детей боярских Деревской пятины, не явившихся летом 1612 г. в войско Н. В. Вышеславцева, вместе с Эвертом Горном безуспешно осаждавшее Псков (реконструкция нетного списка помещена мной в Приложении 1 к настоящей главе). Всего среди нетчиков упомянуто 48 человек. Многие из них позднее продолжали служить новгородскому правительству.

Погоня за поместьями

Новгородец — служилый человек или приказной бюрократ был одновременно и городским и сельским жителем. Сложно, практически невозможно определить, сколько времени новгородцы проводили

¹¹⁰ Дело о поместье Богдана Волкова-Курицына и его детей. 1609. 13.10 — 1612. 28.11 // RA, NOA. Serie 2:212. Л. 1–21, 25–34, 39–47, 35–38.

¹¹¹ Дело по челобитной о поместье Пятого Ратаева с. Мусина. 1611. 3.05 // RA, NOA. Serie 2:132.

¹¹² Книги записи денег, взятых по переводным записям с помещиков Деревской пятины за псковские нети. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

в городе, а сколько в поместье, зачастую почти пустом, где на небольшой господской пашне работали его домочадцы. Соседство с такими же помещиками создавало сложные жизненные коллизии: часто находившиеся в имущественном споре дворяне в бою должны были выступать плечом к плечу, подчас одновременно находя свой конец где-нибудь под Болховом или Изборском. Однако и в это время служилый человек не забывал о своей поместной даче.

Как пишет Р. Хелли, смысл жизни служилого человека заключался в борьбе за землю (желательно населенную), это его поглощало целиком. Большие номинальные оклады поддерживали это стремление. Если бы правительство попыталось выполнить все свои обязательства по окладам, потребовалось бы в два раза больше земли, чем наличествовало¹¹³. Любая возможность утвердить за собой хоть 50 добавочных четвертей приводила к серьезным усилиям, подчас сопряженным со значительным риском. Е. Ю. Люткина подробно рассмотрела накал борьбы за семейное поместье в среде патриарших дворян XVII в. Каждый раз при переходе поместья от родственника к родственнику нужно было брать грамоту у владыки. Это приводило к жестким противоречиям между сводными братьями и сестрами, между дядьями и племянниками¹¹⁴. Материалы Новгородского Софийского дома дают очень схожую картину. Б. Д. Греков в свое время рассмотрел пример такой борьбы в связи с судьбой владений владычного сына боярского Матвея Федорова сына Левского. После него осталась молодая вдова Стефанида с сыном Семеном и двумя девками. На ней скоро женился другой софийский сын боярский Несмеян Ржевской, но скоро тоже умер, оставив сыновей Андрея и Ивана¹¹⁵. 8 апреля 1609 г. поместье, перешедшее от М. Ф. Ржевского к Н. Ржевскому, было записано за их детьми и вдовой Стефанидой¹¹⁶.

¹¹³ *Hellie R.* Why did the Muscovite elite not rebel? // *Russian History / Histoire Russe*. Vol. 25. № 1–2 (Festschrift for A. A. Zimin). 1998. P. 155–162.

¹¹⁴ *Люткина Е. Ю.* Государство, церковь и формирование статуса патриарших дворян и детей боярских в XVII веке // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. Ч. 1. М., 1994. С. 293–305.*

¹¹⁵ *Греков Б. Д.* Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914. С. 492–494.

¹¹⁶ Память новгородского митрополита Исидора софийским детям боярским Семену Левскому, Андрею и Ивану Ржевским с матерью и сестрами. 1609. 8.04 // *АИ. Т. 2. СПб., 1842. № 191. С. 221–222.*

В одном из дел Новгородской приказной избы содержится копия грамоты, выданной в Москве в горячую эпоху весны — лета 1605 г. Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева было предварительно завершено 21 февраля 1613 г. Согласно приговору бояр и воевод, детям боярским Лугвеневым было велено отделить поместье их покойной двоюродной сестры Настасьи в Дудоровском погосте (сама Настасья умерла в Орешке в 1611/12 г. при осаде его шведами). 23 февраля губному старосте Ивану Пушкину была выдана грамота о даче братьям Федору и Лобану поместья их сестры¹¹⁷. Это поместье было частью разделенного в 1609/10 г. поместья их умершего дяди, Ивана Лугвенева (100 четвертей которого было дано на прожиток вдове Ивана Марье и ее дочерям Татьяне и Настасье). По всей вероятности, из всех участников раздела к 1613 г. в живых остались только братья Федор и Лобан. В 1612 г. оба они значатся среди помещиков Никольского Будковского погоста. В ноябре 1612 г. именно крестьяне Лобана Лугвенева были наиболее дисциплинированными в округе и оказались среди немногих заплативших корма в Тесовский острожек¹¹⁸.

К делу приложена грамота от царицы-вдовы Бориса Годунова Марии Григорьевны и царя Федора Борисовича новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому и дьяку Нелюбу Суколепову о даче Лобану Лугвенеvu в пожить (т. е. до своей смерти в пожизненное владение) поместья его тещи, Лукерьи, вдовы Ивана Новокшенова, в 50 четвертей (*рис. 1*). В грамоте пересказывается челобитная Л. И. Лугвенева, из которой следует, что он показал себе оклад в 350 четвертей и 233, 75 четвертей наличного поместья, и «ему с того поместья наша служба служить и теща своя вдова Лукерья до ее живота кормити». Интересно, что в Новгород эту грамоту привез 18 мая 1605 г. сам Лобан Лугвенеv (вероятно, он сам ездил в Москву хлопотать по своему делу). Как показывают дальнейшие документы дела, в 1605 г. тещино поместье отделено Лобану не было.

Но отделом 21 февраля 1613 г. дело не кончилось. Уже 27 февраля Л. И. Лугвенеv подал боярам и воеводам новую челобитную. В ней

¹¹⁷ Дело по челобитью о поместье Лобана и Федора Ивановых детей Лугвенева. 1613, февраль // *РА, NOA. Serie 2:129. Л. 13.*

¹¹⁸ Челобитная Воина Новокшенова и Андрея Трусова с погостов Водской и Шелонской пятин. 1612, после 11.11 // *РА, NOA. Serie 2:51. Л. 28.*

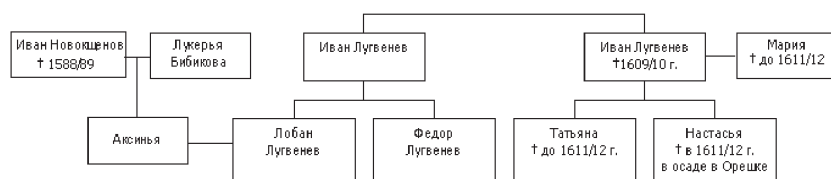

Рис. 1. Схема родственных отношений
Лугвенева с Новокшеновыми и Бибикиными

он показал себе оклад уже в 600 четвертей и ссылался на то, что теща, Л. Новокшенова, дает ему свое поместье «в пожить» «по московской здашной грамоте» и по своему челобитью (за Л. Новокшенову на обороте челобитной подписался ее племянник Иван Никифоров Бибикив). Челобитной был дан ход, и подьячий поместного приказа Афонька Лебедев выписал из отдельных книг 97 (1588/89) года, что по смерти мужа Лукерье Новокшеновой с дочерью Аксиньей (будущей женой Лобана) было дано на прожиток 100 четвертей из поместья Ивана Новокшенова (сельцо Заболотье в Хрепельском погосте), а остаток отделен «нововыезжим татарам» Акназару Елмомотеву и Еболде Елумиеву. Именно из этого поместья в 105 (1596/97) г. Лобану Лугвенева было уже дано прожиточное поместье Аксиньи, дочери Ивана Новокшенова (видимо, в приданое). Интересно, что именно этим годом (точнее, 29 июня 1597 г.) датирована полученная Л. И. Лугвенева кабальная грамота¹¹⁹.

7 марта 1613 г. новгородское правительство вынесло положительное решение по челобитной Лобана Лугвенева и дало грамоту к губному старосте Сильвестру Зиновьеву о проведении очной ставки между Л. И. Лугвенева и его тещей Л. Новокшеновой, и если выяснится, что та действительно согласна передать свое поместье в пожить Лобану Лугвенева, то отделить Лобану просимые им 50 четвертей.

Скорее всего в том же 1613 г. Лобан Лугвенева отъехал из Новгорода в Псков. 29 июня 1614 г. из изменничьих поместий Будковского погоста воеводой Г. С. Оболяниновым и губным старостой Михаилом

¹¹⁹ Кабалы, поданные Лобаном Ивановым сыном Лугвенева. 1598. 7.01 // Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 181—182. Стб. 65.

Нееловым описывали рожь, сеянную в поместьях изменников — детей боярских, отъехавших в Псков. Среди этих детей боярских названы Лобан и Федор Лугвенева¹²⁰.

10 ноября 1614 г. русским воеводой Тесовского острожка была выдана память человеку Филона Михайловича Аничкова на семена с поместья Лобана Лугвенева¹²¹. Сделано это было по памяти из Поместного приказа от августа 1614 г.¹²² Тогда же Ф. М. Аничкову были пожалованы 217 четвертей из поместья Лобана Лугвенева (за исключением той части, которая находилась в Корбосельском и Дудоровском погостах, «потому что те погосты удалили, и отделяти ехать нелзе было»¹²³). Тогда же 202 четверти из поместья Лобана Лугвенева получил дьяк Пятой Григорьев. Оба они получили поместье Л. Лугвенева не непосредственно, а после других помещиков, кн. Ф. Т. Черного Оболенского и Курапа Мякинина, перешедших на московскую сторону 14 июня 1614 г. под Бронницами¹²⁴.

В 1613/14 г. на службе в Новгороде оставался только один представитель рода Лугвенева — Федор Володимиров. В том же году он получил значительную часть поместий своих родственников: 68 четвертей из поместья Ф. И. Лугвенева в Дудоровском погосте, 40 четвертей поместья Второго Лугвенева и 22 четверти прожиточного поместья вдовы Михаила Лугвенева Пелагеи¹²⁵.

¹²⁰ Обыскная книга о ржи, сеянной в изменничьих поместьях в Бутковском погосте Водской пятины. 1614. 29.06 // RA, NOA. Serie 2:270. Л. 3, 7.

¹²¹ Память человеку Филона Михайловича Аничкова Григорью Ларионову о получении семян из поместья Лобана Лугвенева. 1614. 10.11 // RA, NOA. Serie 2:298.

¹²² Память Г. С. Оболянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Аничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA. Serie 2:148. Л. 13.

¹²³ Это тот редкий случай, когда отдельщик признавал, что не выезжал на место поместного отдела. Часто отдельщик писал, что отделил все поместье согласно полученной им отдельной грамоте, хотя сам на место не выезжал (Дело о пожаловании в поместье Семену Федорову сыну Муравьеву поместных деревень Степана Муравьева, Филона и Ивана Аничковых и Ивана Борисова сына Секерина Стаи, Батецко и Торковичи. 1615. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:216. Л. 9—10).

¹²⁴ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21—22.

¹²⁵ Там же. Л. 30.

Иногда борьба служилых людей за пустое поместье достигала чрезвычайного накала. Характерно дело о поместье Дмитрия Чортова, за которое спорили десять других служилых людей.

6 августа 1611 г. Григорий Оболянинов бил челом боярам о пожаловании его поместной деревней Дмитрия Чортова Слудицей, указав, что «поместья у меня подо Вдовом за воры, а пустошей у меня под Новым городом 50 чети, и туто нет ни едины души крестьянские, а я, государь, на службе и по сю пору как воровская смута учинилась бессездно, и в осаде с боярином со князем Михаилом Васильевичем Шуйским седил, и нонея в Великом Новгороде что было моего прожитка лошадей и коров и платишка и служулюю рухлядь поимали немецкие люди». Дмитрия Чортова Оболянинов обвинял в том, что тот отъехал к Вору в Ивангород. Решения тогда принято не было, но уже 2 сентября 1611 г. о поместье Дмитрия Чортова бил челом Дмитрий Самсонович Пушин. 5 сентября свои претензии на поместье Дмитрия Чортова заявил Федор Иванович Мунзорин, указавший, что он служит без поместья 10 лет, а Дмитрий «в прошлом во 119-м году из Орешка збежал к вору на Ивангород». 5 же сентября о поместье Дм. Чортова бил челом кн. Данило Степанович Елецкий, подчеркнувший свою длительную службу без поместья и также указавший на то, что Дмитрий Чортов «в прошлом во 119 году из Орешка збежал к вору на Ивангород». Интересно, что челобитная Федора Мунзорина почти дословно совпадает с челобитной его отца, Ивана Мунзорина, поданной на следующий день, 6 сентября. Тогда же, 6 сентября, в челобитной о поместье Дмитрия Чортова, поданной Афанасием Хвостовым, впервые появляется информация о том, что тот «в воровстве умер». О смерти Чортова не знали подавшие 6 сентября челобитную Иван Суслов и Тимофей Вельяшев (последний писал, что Дмитрий «в измене и по сю пору на Иванегороде у вора»). 7 сентября Григорий Оболянинов вторично бил челом об этом поместье, указав, что Чортов «отъехал к вором, и того его Дмитрея подо Псковым убили в воровстве, а детей у него и жены не осталось». В тот же день высказал претензии на поместье Чортова Андрей Жданов сын Милославский, утверждавший, что его поместьем в Копорском уезде «владеют иванегородские и ямгородские и копорские воры четвертой год, а я, государи, по ся мест скитаюся с женишком в Великом Новгороде меж двор». Кроме того, 7 сентября Тихон Мартьянов и Богдан Забелин написали, что «Дмитрей, государи, ныне в измене, служит

вору, а ныне ранен насмерть за воры», на основании чего также просил о деревне Слудицы. О смертельном ранении знал и сын Богдана Забелина Крик, тоже 7 сентября высказавший претензии на его поместье. Новгородские власти запросили информацию о Дмитрие Чортове. В делах Новгородской приказной избы нашлась отписка кн. Михаила Мышецкого, присланная из Орешка, вероятно, еще до захвата Новгорода шведами, 13 мая 1611 г. «были в Орешке дворяне и дети боярские Дмитрей Игнатъев сын Чортов с товарищи пять человек, и те де дети боярские из Орешка поехали в свои деревни, а Микита Супонев, приехав в Орешок, сказал ему князю Михайлу, что де те дети боярские из Ыжерского погоста поехали к вору в Ываньгород». 20 сентября 1611 г. поместье Дмитрия Чортова было разделено между отцом и сыном Мунзориными и Григорием Оболяниновым. Но дело на этом не закончилось. Через восемь месяцев в Новгороде объявился сам Дмитрий Чортов и 15 июля 1612 г. подал челобитную боярам, в которой писал: «Был, государи, я на службе в Орешке, и из Орешка просился в деревнишка для хлеба, и о те поры, государи, ходила от вора с Ыванягорода повытка в Ыжерской погост, и меня взяли и привели к вору в Ывангород, и вор меня дал на поруки на крепкие, что мне в Новгород не отехати и после, государи, меня то мое поместьицо роздано в роздачу Ивану Мунзорину с сыном да Григорью Оболянинову». Правоту его слов подтвердили как «ореховские сидельцы», так и собственно захвативший Д. Чортова в поместье Пятой Воронин, также в это время вернувшийся на службу в Новгород. Оспорил слова Чортова, причем довольно эмоционально, только Иван Мунзорин: «а Дмитрей, государи, изменил, отъехал из Орешка к вору на Ивангород з братом своим с Ыаном Чортовым, и Ивана, государи, брата его, под Псковым убили, а его Дмитрея ранили, а у вора, государи, Дмитрей был временник и стольник, и вор, государи, ему Дмитрею и поместья дал из Копорских из дворцовых сел, и как, государи, во Пскове вора изымали, и ему Дмитрею детца было негде для того, что его Дмитрея, псковичи хотели изымав послати с вором вместе так же, как и иных воровских изменников. И прибежал, государи, в Новгород и бьет челом о старом своем поместье, что вы нам пожаловали ложно, а сказал, что будто его взяли воровские люди, и про их, государи, измену и воровской отъезд писали из Орешка в Новгород к боярину и воеводе ко князю Ивану Никитичу к Большому Одоевскому воевода князь Михаило Мышецкой, что

Дмитрей з братом своим с Ъваном и с товарищи отъехали к вору, а у Дмитрея, государи, поместье отца его пятсот деветнатцат чети, вси за мачехою да за меншою братьею, а братья, государи, не служивали, да и ныне не служат, а жыл, государи, тот Дмитрей у мачехи своей с меншою своею братьею вместе, а не в розделе, и к вору, государи, поехал от братьи своих, а то, государи, поместье, что вы нам пожаловали, было не отца Дмитриева, поместья Онтонья Чортова, а за сынишком, государи, за моим опрично того изменничья поместья нет ни заgonу... А Дмитрею, государи, служыт можно с отца своего поместья и мачеха своя и братью кормити... И ту отписку, что из Орешка писал воевода князь Михайла Мышецкой про их измену велите перед собою положить и про его воровской отъезд сыскати». Из челобитной Мунзорина видно, что Дмитрия Чортова ранее перепутали с его братом Иваном Чортовым, действительно убитым под Псковом. 18 декабря 1612 г. бояре присудили все жи спорное поместье — деревню Слудицы — вернуть Дмитрию Чортову¹²⁶.

Разделение Водской пятины в 1617 г. на ту часть, которая осталась в составе Московского государства, и часть, отошедшую к Швеции, создало новые коллизии. В XVI в. в Лопском и Теребужском погостах, лежавших после 1617 г. по разные стороны государственной границы, укрепились два клана служилых людей — князя Мышецкие и Овцыны. Владения представителей обоих родов находились и в том и в другом погостах. Однако после Смуты все переменялось. Ни один из князей Мышецких и Овцыных не стал «байором», все они остались на службе Московского государства, таким образом, их поместья располагались на самой границе. В течение XVII в. во взаимных претензиях ингерманландской и новгородской администраций встречаются имена как князей Мышецких, так и детей боярских Овцыных. 20 марта 1662 г. Василий Овцын бил челом на зарубежных крестьян, укравших у него восемь лошадей¹²⁷. Шведская администрация адресовала в Новгород претензии своих подданных, что князя Савелий и Матвей Мышецкие (последний — вместе с двумя сыновьями) на десяти

¹²⁶ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова. 1611. 6.08 — 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2:193—A.

¹²⁷ Списки с листов, каковы посланы в Ругодив к генералу и в иные города к державцам и их неметцких листов, каковы присыланы в Великой Новгород ис порубежных городов о всяких порубежных делех. 1660—1664 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 59—59 об.

лошадях вывезли из Лопского погоста несколько сотен возов сена¹²⁸. После русско-шведской войны 1650-х гг. местные помещики уже не боялись селить крестьян неподалеку от границы, и вскоре Теребужский и соседний с ним Успенский Городенский погосты наводнились перебежчиками. Крестьян, выходящих из-за рубежа, принимал и голова Лавуйского острога Фома Неплюев, и кн. Савелий Федорович Мышецкий, и названный в шведских источниках «байором» Василий Кондратьевич Овцын¹²⁹. Последний в 1686 г. был головой Лавуйского острожка. 10 июня этого года к острожку с отрядом в 50 человек «с пицалми, и с топорики, и з бердаши» из соседней Путиловской мызы (из Лопского погоста в шведской Ингерманландии) пришел некий приказчик Якушка выручать пойманного за конокрадство и заключенного в Лавуйском острожке «латыша Ирика Пентивартиева». Пришедший отряд разгромил острожек, избил гарнизонных стрельцов, окрестных крестьян и разграбил житницы с хлебом. Сам приказчик Якушка «жену его, Васильеву, хотел заколоть в лицо шпагою до смерти и заставного стрелца Сеньку Шишкина бил смертным боем, да князь Дмитриева крестьянина Мышецкого Федуку Миронова он де, прикащик, сек шпагою и по голове пицальным стволом бил»¹³⁰. Такое крупное столкновение не привело к вооруженному конфликту, но было предьявлено в качестве одной из ежегодных претензий московского правительства шведам. Надо думать, что воспоминания об утраченных их предками поместьях по другую сторону границы будоражили чувства помещиков Теребужского погоста, что, помимо меркантильного интереса, и вызывало такую их активность в пограничье. И в конце 1610-х — начале 1620-х гг. их отцы, выросшие в

¹²⁸ Там же. Л. 167—167 об.

¹²⁹ Kort förteckningh oppå Bönderna aff Sahl. Mengdens Jordans godz i Loppis pogost och nu innehafwer Artollerie Öfuersten Willb. Jakob Stahl ähro finnandes Rät när öfuer Grentzen en som effter nembl. 1672. 29.10 // Saloheimo V. Käkisalmeen läänistä ja Inkerinmaalta reptuurin aikana 1656—58 paenneet ja poisviedyt Joensuu, 1995. P. 66—67. (University of Joensuu. Studies in History. Nr. 11).

¹³⁰ Обидные дела, которые учинили великие государи его царского величества подданным с стороны его королевского величества Свейской от подданных после последнего Московского подтверждения с прошлого со 192 году (Samling av ryska befolkningens vid svensk-ryska gränser klagomål angående oförrätter av olika slag, som tillfogades dem från svensk sida. Denka samling användes vid dåtidens svensk-ryska förhandlingar och bör därför placeras vid sidam av motsvarande förhandlingsprotocoll) 1697/98 // RA, Muscovitica: 112. Л. 6 об.—7 об.

деревнях Лопского погоста, взирали на зарубежную сторону с чувством серьезной утраты.

В архиве графов Деллагарди, хранящемся в Тартуском университете, находится челобитная Ф. Г. Аминова, очень точно передающая отношение новгородского служилого человека (пусть к тому времени и присягнувшего шведскому королю) к своей поместной даче, к заведенному на ней хозяйству. Аминев жалуется Деллагарди, что тот велел отписать на себя его поместье в Дудоровском погосте Ореховского уезда. Аминев пишет: «...а вины, государь, своей перед тобою, государем, некоторые не ведаю, только поминаюче твое жалованье к себе, за твое государьское многолетнее здоровье Бога молим, да попомни, государь Яков Пунтосович, милостивое свое слово ко мне, как ты, государь, дал». В случае же, если на него поступил донос, Аминев просит дать «милостивый сыск». Помещик обещает, что если с его поместья требуются люди для службы в Орешек — то он тут же готов их поставить, если же люди не нужны — просит обложить его оброчными платежами по смете. Далее Ф. Г. Аминев яркими красками описывает ценность для него поместной дачи: «...тебе, государю, дано от Бога разумети свыша, какова человеку земля помесная; болно не вели отнят, четвертой, государь, год с тово Дудоровсково поместья не имывал плами ни з одное дани, хлеба ни одново зерна: все то давал тем же бобылем в подмогу да скоплял на бедных, да денег дал рублев з дватцат им же на лошади, да ужо, государь, и к нынешнему лету хлеба им дано на емена и на семена, а иные прошают милости, государь, у тебя»¹³¹.

В Новгороде начала XVII в. ценились пригородные поместья, особенно в последние годы перед Столбовским миром, когда выезд из города был ограничен шведской военной администрацией, да, впрочем, и небезопасен. Хорошо известен опубликованный еще в первой половине XIX в. документ, призывавший новгородцев в феврале 1611 г., вскоре после отстранения от власти Ивана Салтыкова, ехать «в осаду в Великий Новгород», чтобы они «у себя в поместьях по домам не жили, чтоб под ними неметцкие люди никакого дурна

¹³¹ Прошение шведского дворянина Федора Григорьевича Аминова к графу Якову Деллагарди. Без даты. // Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 14. С. 63–64.

не учинили»¹³². В последние годы деятельности новгородского правительства эти поместья выступали в роли своего рода подсобных хозяйств, позволявших семьям детей боярских выжить в ситуации голода. Осенью 1616 г. княгиня Татьяна, жена головы Тесовского острожка кн. Г. И. Нарымова отправилась за город для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а также для осмотра посаженного там хлеба. Для ее пропуска кн. Нарымов бил челом новгородскому правительству и вынужден был искать поручителей в лице Григория Негановского и Гаврила Воронина¹³³.

Службы новгородцев после 1617 г.

Оказавшись в московском лагере, новгородские дети боярские сохраняли свою корпоративность. Возможно, это было связано с особенностями учета служилых людей в Московском государстве. Так, в осажденном Пскове в 1615 г. отдельно учитывались новгородские дети боярские Шелонской и Водской пятин, за много месяцев до этого утратившие свою связь с поместьями в пятинах. Иногда такая корпоративность зависела от обстоятельств перехода на московскую сторону. Так, в 1617 г. из Москвы к Николе Угрешскому были посланы те дети боярские Водской пятины, которые вышли на Тихвин 20 октября 1615 г.

По окончании Смуты среди московских чинов встречается довольно много новгородцев. Так, по наблюдениям А. П. Павлова, с приездом патриарха Филарета в 1619 г. в думные дьяки пожалован новгородец по происхождению Томило Иудич Луговской, но после 19 июня 1622 г. отставлен из этого чина в московские дворяне. После смерти Филарета, 21 декабря 1635 г. Т. И. Луговской пожалован в думные дворяне, а 25 февраля 1638 г. постригся и скоро умер¹³⁴. Чином думного дьяка в 1626 г. был пожалован новгородец Ефим

¹³² Память посланному в Водскую пятину о посылке дворян и детей боярских в Новгород и другие места для безопасности от немецких людей. 1611, февр. // ААЭ. Т. 2. № 172. С. 294–295.

¹³³ Челобитная кн. Гаврила Нарымова и Михаила Неелова о пропуске их жен для уборки капусты, посаженной у Спаса на Нередице, а князя Гаврила для осмотра посаженного там же хлеба через Славенские ворота. 1616 (?) // РА, NOA. Serie 2:42. Л. 21.

¹³⁴ Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 314, 317.

Григорьевич Телепнев, но в 1630 г. отставлен и подвергнут опале¹³⁵. 22 октября 1648 г. В думные дворяне пожалован новгородец Бежецкой пятины Богдан Федорович Нарбеков¹³⁶. Незадолго до 21 сентября 1635 г. в стряпчие с ключом был пожалован новгородец Деревской пятины И. М. Аничков, а 13 июня 1646 г. он был произведен из постельничих в думные дворяне¹³⁷. Ю. М. Эскин обратил внимание на то, как хорошо И. М. Аничков был знаком с документами начала XVII столетия. В местническом споре 1643 г. он ссылался, скорее всего, на десятню Деревской пятины 1603/04 г.: «А отец ево служил прежним государем, и в списке был с Деревские пятины другой человек, а стоял выше князей Ростовских, Оболенских, Крапоткиных, Вадбольских... И тех де списков и ныне книга 112 году за дьячей приписью цела»¹³⁸.

Всего, по подсчетам А. П. Павлова, в 1613–1626 гг. 23 новгородца были пожалованы в московские дворяне (больше пожалованных было только среди смолян)¹³⁹. Интересна судьба новгородца жильца Ивана Андреевича Трусова, бывшего челом о своей бедности: «за мной поместья и вотчины нет, живу у дяди роднова Ивана Григорьева сына Трусова, он меня поит и кормит и на службу сподобляет»¹⁴⁰. Надо думать, что И. А. Трусов — сын защитника Тихвинского монастыря А. Г. Трусова, который, действительно, приходился братом И. Г. Трусову. Однако то, что Иван Трусов, не обладая высокими чинами, в 1643 г. жил в Москве, да еще и оказывал помощь племяннику, — поистине удивительно¹⁴¹.

¹³⁵ Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 315.

¹³⁶ Правящая элита... С. 319. 1 сентября 1649 г. боярину кн. И. Н. Хованскому, думному дворянину Богдану Федоровичу Нарбекову и дьякам И. Патрекееву и А. Хватову было велено дать «государева жалованья в стола место свейскому резиденту Карлу Померинику» (Из русских актов, касающихся пребывания в Москве шведского резидента Карла Поммеринга. 1648–1651 // Якубов К. Россия и Швеция в XVII в. СПб., 1897. С. 388–406).

¹³⁷ Там же. С. 317, 319.

¹³⁸ Эскин Ю. М. Смута и местничество // АРИ. Вып. 3. М., 1993. С. 63–124. С. 77.

¹³⁹ Правящая элита... С. 331.

¹⁴⁰ Там же. С. 342.

¹⁴¹ И. Г. Трусов к этому времени должен был быть очень пожилым человеком. Он начал службу не позднее 1582 г., когда свидетельствовал кабальную сделку

Еще один пример долгой и успешной карьеры показал дворянин Бежецкой пятины Афанасий Самуйлов сын Нарбеков. Его имя появляется на страницах источников 11 июля и 29 октября 1613 г., когда он упомянут среди живущих во дворе Настасьи Нарбековой, в то время как его отец Самуил бежал на московскую сторону. В допросе 11 июля 1613 г. Афанасий Нарбеков показал, что его отец перед отъездом сказал, что едет в Хутынский монастырь в гости к архимандриту Киприану¹⁴². 20 ноября 1613 г. по нему была взята поручная запись¹⁴³. Юному Нарбекову удалось пережить Смуту. В апреле 1615 г. он был включен в московский список для размена пленных (надо думать, по инициативе своего отца). По словам шведских уполномоченных, к этому времени «в городе (Новгороде. — А. С.) и в иных городех их нет и не бывали»¹⁴⁴. Так или иначе, юноша выжил и после Смуты сделал успешную карьеру в Москве. Афанасий Самуйлов Нарбеков упомянут как судья Галицкой четверти 21 сентября 1654 г., 31 марта и 29 ноября 1655 г.¹⁴⁵ и как казначей с 5 апреля 1663 г. по июль 1676 г.¹⁴⁶ Замечу, что казначеем прежде него (до 1661 г.) служил другой новгородец, Богдан Дубровский, чья судьба описана мной в отдельном очерке.

кн. М. А. Мещерского (Кабалы, поданные кн. Матвеем Афонасьевым сыном Мещерским. 1598. 3.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 124–144. Стб. 44–50), следовательно, родился не позднее 1568 г.

¹⁴² Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3; Допросные речи новгородцев об отъезде дворян Нарбековых. 1613. 29.10 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 4–5.

¹⁴³ Поручная запись по Федосье, жене Богдана Лупандина, Анне Матвеевой, матери Угрима Лупандина, Настасьи Ивановой, матери Парфения Нарбекова, Авдотье, жене Парфения Нарбекова, Афанасии Самойлове сыне Нарбекова, Григории Парфеньеве сыне Нарбекова, Степане Андрееве сыне Нарбекова, Степаниде Максимовой дочери Нарбекова, Прасковье и Федоре Парфеньевых дочерях Нарбекова о неотъезде их из Новгорода. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 17–18.

¹⁴⁴ Перечень полоняников, упомянутых в списке, полученном из Посольского приказа, но в Новгороде не найденных // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 3. Л. 212–213.

¹⁴⁵ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 41.

¹⁴⁶ Там же. С. 71–72.

Служилая мелкота

Большинство новгородских служилых людей не имело шансов достигнуть высоких чинов. Кроме нескольких сотен детей боярских в состав служилого сословия в Новгороде начала XVII в. входили крещеные и некрещеные татары, своеземцы, дети боярские новгородского владыки. Не случайно новейший исследователь Смуты И. О. Тюменцев утверждает, что именно служилая мелкота была важнейшей социальной базой самозванцев. Не располагая прочными связями в городе, представители этих категорий служилого люда чаще меняли политический лагерь гражданской войны. Не случайно большинство способных к службе новгородских новокрещеных в 1609 г. поддержало тушинские отряды, подошедшие к Новгороду, а в 1616 г. присягнуло королю Густаву Адольфу.

В Новгороде начала XVII в. представители низших чинов служилого люда заметно повысили свой статус. Шведской администрации было довольно сложно разобраться в тонкостях московской терминологии. Известно, что «дети боярские» часто именовались «боярами». Старорусский рассыльщик Петр Корповский, отправленный в первых числах мая 1615 г. из Старой Руссы в Дедерино вместе со шведом Гансом фон Ретелем («Анцей Фанретелом») для «укрепления» с московскими посланными Семеном Коробьиним с товарищами, был назван «сыном боярским добрым»¹⁴⁷.

Своеземцы

Выделение своеземцев из всего состава новгородских вотчинников небоярского происхождения периода новгородской независимости достаточно условно. Известно, что члены одной и той же семьи после конфискаций Ивана III могли частью сохранить владения, а частью лишиться их. Таким образом, нет различия между мелкими вотчинниками, утратившими свои вотчины и их сохранившими.

¹⁴⁷ Грамота капитана С. Аппельмана и Г. Бракилева об их прибытии на съезд для размена перебежчиками. 1615. 3.05 // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 3. Л. 107–109.

Вряде случаев боярщины, владельцы которых имели сходные прозвища и о которых почти наверняка можно говорить как о состоявших друг с другом в родстве, располагались в непосредственной близости друг от друга. Это указывает на то, что в прошлом такие группы владений составляли цельную волость, принадлежавшую «родоначальнику» всех более поздних владельцев. Такие волости иногда образуют значительные территории, и, что чрезвычайно важно, их владельцы не соотносятся с каким-либо известным по другим письменным источникам боярским родом, т. е. со всей уверенностью можно отнести их к житейным людям. Таковы Слuzовы, Победицкие, Сарские, Троицкие. Обращение к материалам о владельцах эпохи новгородской независимости в Водской и Шелонской пятинах также дает немало примеров соответствия топонимов фамильным прозвищам владельцев. Эти прозвища, данные по главному (и, возможно, наиболее раннему по времени возникновению) селению волости, к концу XV в. принимают, по всей видимости, родовой характер. В течение XVI в. значительная часть своеземческих родов разрослась, следствием чего было дальнейшее измельчание их владений¹⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что картина, которую удается реконструировать на основании самых ранних сохранившихся писцовых книг рубежа XV–XVI вв. — это определенный итог, результат мобилизации этих владений. Наверняка многие из них к моменту конфискаций подверглись наследственному разделу, куплям, обмену и т. п. Причем, вероятно, эта мобилизация проходила одновременно с дальнейшей колонизацией земель. На это в первую очередь указывает компактность расположения владений землевладельцев-родственников и, с другой стороны, их явная неравноценность в рамках владений одной фамилии. В результате перехода владений из рук в руки своеземцы Облуцкие¹⁴⁹ стали помещиками Копорского уезда¹⁵⁰, а Ровдицкие, компактно

¹⁴⁸ Преимущество своеземческих фамилий в XVI в. была подмечена Н. В. Мятлевым (Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 450 (далее — Десятня 1605)).

¹⁴⁹ Прозвище Облуцких несомненно соотносится с названием Облуцкого погоста Шелонской пятины — ныне в Порховском районе Псковской области.

¹⁵⁰ Десятня 1605. С. 495; Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 31

проживавшие на границе Лядского и Бельского погоста Шелонской пятины, оказались землевладельцами Дворецкого погоста¹⁵¹.

Обращает на себя внимание один район Шелонской пятины (ныне это пограничье Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области). Его особенностью является необычная для Полужья и Поплюсья удаленность поселений друг от друга. Ко времени описания рубежа XV/XVI вв. практически все население этого района составляли своеземцы. Большинство этих своеземцев принадлежало к низшей категории — они платили подможные деньги земцам дальней службы¹⁵².

Важнейшим источником, впервые фиксирующим фамильные прозвища своеземцев этих погостов, является писцовая книга Залесской половины Шелонской пятины Яныша Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова, составленная около 1571 г. и опубликованная в 1905 г.¹⁵³

Вердужские

Фамильное прозвище своеземцев Вердужских связано с д. Вердуга, в Доложской трети Бельского погоста, неподалеку от Сяберского монастыря¹⁵⁴. Единственный раз своеземцы Вердужские упомянуты в 1571 г. Это Истома и Федор Есипов Вердужские, чьи деревни к тому времени стояли пустыми¹⁵⁵. В более поздних описаниях 1582 и 1628/29 гг. упомянуты только порозжие земли этих землевладельцев¹⁵⁶. Заметим, что во всех случаях они также самой деревней Вердугой не владеют.

¹⁵¹ Т.е. переместились примерно на 70 км на восток, с территории современного Плюсского района Псковской области на территорию Порхова (ср. д. Ровдицы, Плюсский район, д. Дворец, Порховский район).

¹⁵² Что особенно примечательно, почти все своеземческие фамильные прозвища, связанные с населенными местами этого района, сохраняются в источниках вплоть до середины XVIII в.

¹⁵³ Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилки Кистечкова. 1571 (без начала) // НПК. Т. 5. СПб., 1905 (далее в сносках ПК 1571). Стб. 538–541 и далее.

¹⁵⁴ Ныне д. Сяберо в Лужском районе Ленинградской области.

¹⁵⁵ ПК 1571. Стб. 537.

¹⁵⁶ Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорозжих земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и

Вешенские

Этот род получил фамильное прозвище по д. Вешень. До 1572 г. эта деревня была «за Ивашком, Юшком, Худячком, Федком, Миткой Лукиными», позднее отдана переведенным из Нещердского уезда помещикам И. Т. Оникееву и В. С. Лаптеву¹⁵⁷. В течение Смутного времени и в первые годы царствования Романовых никакой информации о Вешенских не фиксируется ни в писцовых книгах, ни в десятиных. Но в переписной книге Шелонской пятины 1678 г. фигурирует землевладелец Бельского погоста Лука Вешенский¹⁵⁸. В марте 1691 г. упомянут его сын, Кирилл Лукин Вешенский¹⁵⁹, а в переписной книге 1706/07 г. — внук, Кондратий Кириллов Вешенский¹⁶⁰. В течение этого времени Вешенские владеют не д. Вешень, а близлежащим усадьим Сабицы с деревнями. Напрашивается мысль о том, что фамильное прозвище Вешенские сохранили с XVI в., временно утратив владения в годы Смуты, но вновь получив поместные оклады в середине XVII столетия.

Дворецкие

Дворецкие — самый разветвленный род среди своеземцев Лядско-Бельского пограничья. Фамильное прозвище они получили по д. Дворец, неподалеку от центра Лядского погоста. В середине XVI в.

В. Андреева. 1628–1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800 (далее в сносках ДК 1628/29). Л. 436 об.; Подлинная писцовая книга поместных, монастырских и церковных земель Шелонской пятины письма писца Л. Аксакова. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 957 (далее в сносках ПК 1582). Л. 1045 об.

¹⁵⁷ Ввозная грамота Ивану Тимофееву сыну Оникееву и Василию Суморокову сыну Лаптеву на земецкие поместья в Лядском погосте Шелонской пятины. 1572. 29.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 202 об.—204.

¹⁵⁸ Подлинная переписная книга поместных и вотчинных сел и деревень, дворов и людей Шелонской пятины Залесской половины стольника Степана Оничкова и подьячего Антипа Федорова. 1678 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8570 (далее — ПК 1678). Л. 236, 343.

¹⁵⁹ Записная книга крепостных актов по Шелонской пятине. 1671–1701 // СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 357. F⁰. Л. 156.

¹⁶⁰ Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 225.

этой деревней владели земцы Микифорко Терентиев и его сын Иванко¹⁶¹.

В писцовой книге 1571 г. четко указано родовое гнездо Дворецких — д. Дворицы в Лядском погосте, — прежде находившееся в вотчине деда земцев, упомянутых в этой книге, Якова Никифорова, а в описываемое время разделенное между внуками: Андреем и Селянином Григорьевыми, Ездоком и Федором Васильевыми, Звягой, Шарапом, Шатуном, Харлантеем и Шестаком Степановыми детьми Дворецкого¹⁶², из которых Шарап Дворецкий владел также поместьем в соседнем Дмитриевском Бельском погосте¹⁶³. Один из детей Якова Никифорова, Василий, дожил, впрочем, до 1600 г., получив 2 сентября этого года поместье в Быстреевском погосте¹⁶⁴. В 1571 г. никто из Дворецких не нес самостоятельной службы. Все они платили подможные деньги соседу, земцу «большой службы» Федору Должинскому¹⁶⁵. Шарап Дворецкий оставался помещиком этих погостов и в 1582 г. (правда, уже без братьев)¹⁶⁶. В 1594 г. ему было поручено отделить поместье Зверю Корсакову¹⁶⁷, а в 1596/97 г. Шарап пахал пустошь Витонез в том же погосте¹⁶⁸. В Смутное время о Шарапе Дворецком не было слышно ничего, его пустое поместье в Бельском погосте упомянуто в дозорной книге 1628/29 г.¹⁶⁹

В 1571 г. впервые упомянут Нечай и его брат Семен Александровы дети Дворецкие, помещики Бельского погоста¹⁷⁰. Нечай («с бра-

¹⁶¹ Ввозная грамота Илье Филипову сыну Корсакову на поместье в Лядском погосте. 1572, сент. (без конца) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 21–22, 27 об.

¹⁶² ПК 1571. Стб. 563.

¹⁶³ Там же. Стб. 546.

¹⁶⁴ Отдел неслуживым Первым Пажинским поместья Василия Боброва в Быстреевском погосте Шелонской пятины Василию Яковлеву сыну Дворецкому и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 2.09 // РГАДА, ф. 1209, д. 16662, л. 12–13 об.

¹⁶⁵ Там же. Стб. 563. Фамильное прозвище Должинского связано с д. Должицы, ныне в Плюсском районе Псковской области.

¹⁶⁶ ПК 1582. Л. 1054 об.—1055.

¹⁶⁷ Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... С. 126.

¹⁶⁸ Дело по челобитной Зверя Корсакова о том, что его поместные пустоши дозорщики признают оброчными и взыскивают за них оброк. 1596. 21.09–14.10 // Дела Тайного приказа. Т. 4. (РИБ. Т. 38). Л., 1926. № 4. Стб. 18–29.

¹⁶⁹ ДК 1628/29. Л. 438 об.

¹⁷⁰ ПК 1571. Стб. 546–547.

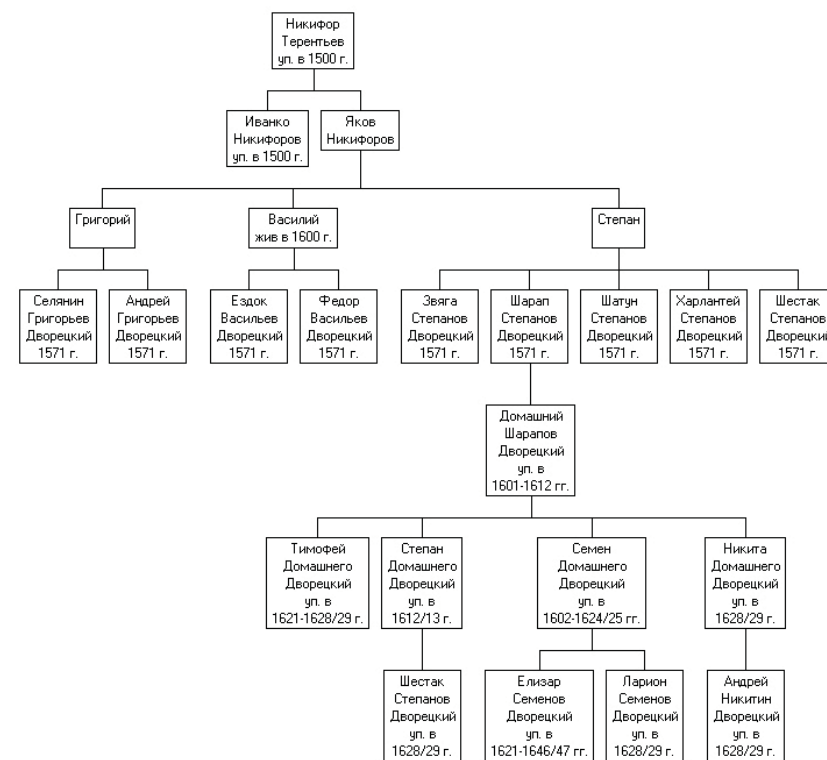

Рис. 2. Род своеземцев Дворецких в XVI — начале XVII в.

тней») сохранил свое поместье и в 1582 г.¹⁷¹, равно как и в 1628/29 г., когда был упомянут также его сын Неклюд¹⁷². Семен Александров (Олисов) Дворецкий 12 мая 1600 г. получил еще и поместье в Быстреевском погосте¹⁷³.

Ни в десятнях, ни в других источниках эпохи Смуты эта ветвь Дворецких не упоминается.

¹⁷¹ ПК 1582. Л. 1057 об.

¹⁷² ДК 1628/29. Л. 439.

¹⁷³ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстреевском погосте Шелонской пятины и отписка оставшейся части поместья на государя. 1600. 12.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 3–5 об.

Кроме Нечая с братьями известно еще несколько Дворецких конца XVI в., которых не удастся соотнести с генеалогической схемой (рис. 2). Так, до 1592/93 г. пустошью в Косицком погосте владел Сидор Дворецкий¹⁷⁴, в 1596 г. среди верстанных новиков известен Афанасий Яковлев Дворецкий¹⁷⁵.

Хорошо известен сын Шарапа Дворецкого, Домашний Шарапов Дворецкий. В 1601/02 г. он, а также его сын Семен, записали за себя холопов в Новгороде¹⁷⁶. В конце августа 1612 г. он отделил Дмитрию Федорову Курицыну поместье в Щепецком, Прибужском и Лядском погостах, скрепив отдельные книги своей рукой (следовательно, был грамотен)¹⁷⁷.

Земельные владения Василия Дворецкого в Лосицком погосте по отделу 1612/13 года были розданы в поместья Степану Домашнего Дворецкому и Ивану Андрееву Толбугину¹⁷⁸. Неслуживым новиком с окладом в 100 четвертей и 4 рубля денег был записан в 1621 и 1624/25 г. брат Степана Дворецкого, Семен¹⁷⁹. В 1628/29 г. он назван владельцем деревни Житковичи и трех пустошей в Бельском погосте¹⁸⁰ и сельца Заполье в

¹⁷⁴ Дело по челобитным Василия Бутурлина и кн. Тимофея Шаховского о поместье А. Обухова. 1614, март // RA, NOA. Serie 2:98.

¹⁷⁵ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. П. Лихачевым // ИРГО. 1909. № 3. С. 199.

¹⁷⁶ Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 368.

¹⁷⁷ Отдел Домашним Дворецким поместья Дмитрию Федорову сыну Курицыну изменничьего поместья Дмитрия Константинова сына Скобельцына в Щепецком погосте Шелонской пятины. 1612. 23.08 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 587–591.

¹⁷⁸ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:139. Л. 13, 14.

¹⁷⁹ Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131 (далее Десятня 1621). Л. 81 об.; Десятня денежной раздачи служилым и неслужилым новикам Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской пятин дьяком Федором Апраксиным. 1624/25 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 136. Л. 15. Полагаю, Семен Домашнего Дворецкий был младшим братом Степана. Последний, видимо, к 1601/02 г. уже жил отдельно от отца, а Домашний Дворецкий записал за себя холопа вместе с жившим с ним сыном Семеном, который должен был родиться незадолго до 1601/02 г., так как к 1621 г. имел минимальный новичный оклад.

¹⁸⁰ ДК 1628/29. Л. 415 об.—416.

Лядском погосте¹⁸¹. Еще один их брат, Тимофей Домашнего Дворецкий в 1621 г. был записан земцем с большим окладом в 450 четвертей и 14 рублей с городом¹⁸². В 1628/29 г. он владелец пустошей Вешень и Озереве в Лядском погосте¹⁸³. В десятне денежной раздачи 1621 г. упоминается Елизар Семенов Дворецкий с окладом в 150 четвертей и 6 рублей с городом (вероятно, сын Семена Домашнего Дворецкого)¹⁸⁴. В 1624/25 г. он отделял поместье одному из помещиков Быстреевского погоста¹⁸⁵, а в 1628/29 г. сам назван помещиком этого погоста (владел половиной деревни Зовка)¹⁸⁶. В 1646 г. у него уже было поместье в Лосицком погосте, где он жил и сам в д. Шербова Гора на речке Дряжне¹⁸⁷.

Самым большим поместьем в Лядском погосте владел Никита Домашнего Дворецкий — собственно сельцом Дворицы и девятью с половиной пустошами (из них две — Дворец Другой и Вешень)¹⁸⁸. Интересно, что при этом в десятнях он не упоминается и, следовательно в 1620-х гг. службы не служил. Тремя пустошами в Лядском погосте владели также земцы Шестак Степанов и Андрюша Никитин Дворецкие¹⁸⁹, и тремя пустошами в Лосицком погосте — Ларион Семенов Дворецкий¹⁹⁰.

Генеалогическая связь Дворецких середины XVII — начала XVIII вв. с более ранними Дворецкими мною не прослежена. В 1646 г. деревни Дворец и Вешень находились во владении Дмитрия Иванова сына Дворецкого. Неясно, кем он приходился Никите Домашнего Дворецкому. В соседнем сельце Заполье жил брат Дмитрия, Семен Дворецкий¹⁹¹. В 1678 г. в Шелонской пятине известно четыре помещика Дворецких — Григорий Абрамов сын (жил в усадище Винкина Гора в

¹⁸¹ ДК 1628/29. Л. 473.

¹⁸² Десятня 1621. Л. 79 об.

¹⁸³ ДК 1628/29. Л. 473 об.

¹⁸⁴ Десятня 1621. Л. 81.

¹⁸⁵ ДК 1628/29. Л. 224.

¹⁸⁶ ДК 1628/29. Л. 234.

¹⁸⁷ Переписная книга Зарусской и Залесской половин Шелонской пятины переписи Степана Глебова. 1646/47 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 310 (далее — ПК 1646). Л. 521 об.—522.

¹⁸⁸ ДК 1628/29. Л. 471 об.—472 об.

¹⁸⁹ ДК 1628/29. Л. 481—481 об.

¹⁹⁰ ДК 1628/29. Л. 600, 600 об.

¹⁹¹ ПК 1646. Л. 398—399.

Лосицком погосте), Алексей Дмитриев сын, живший в усадище Дворицы¹⁹², не названный по имени сын Тимофея Дворецкого, живший в д. Заозерье¹⁹³, и Тимофей Семенов сын, живший в Бельском погосте¹⁹⁴. В 1693/94 г. Иван Семенов Дворецкий поменялся с будущим новгородским комендантом Иваном Юрьевичем Татищевым задворным человеком¹⁹⁵. В переписной книге Шелонской пятины 1706 г. упомянуты помещики Алексей Дмитриев (помещик Лядского погоста) и Козьма Семенов (живший в усадище Дворицы и владевший д. Житковичи) Дворецкие¹⁹⁶.

Шестаковы-Дубровицкие

Особое место среди своеземцев пограничья Лядского и Бельского погостов занимают Шестаковы. В 1683 г. один из Шестаковых, Григорий Васильев, подал челобитную на Ивана Юрьевича Татищева, который утверждал, что Шестаков — его крестьянин. Шестаков неплохо ориентировался в документах и показал, что записанные в писцовых книгах Яныша Муравьева 1571 г. земцы Офонос Парфеев и Первуша Шестаков, населявшие вместе с другими восемью своеземцами деревню Дубровици Бельского погоста, — его родня¹⁹⁷. В конце XVI в., по словам Г. В. Шестакова, жило три брата, Первой, Перха и Друган-Никита, дети Осипа Шестакова. У Перхи было три сына, старший Офонос, упомянутый в писцовой книге Яныша Муравьева, Тимофей-Козел, служивший и умерший в псковских конных казаках, и отец Григория Шестакова, Василий. Все старшие Шестаковы, по челобитной, погибли «в немецкое разорение», кроме Никиты-Другана, а также Тимофея и Василия Шестаковых. Василий был самым младшим и рос в Сяберском монастыре, Тимофей, как было сказано, служил в казаках, а дядя их Друган, по выражению Г. В. Шестакова, в то время был «в гульбе». Василий Шестаков,

¹⁹² Очевидно, сын Дмитрия Иванова Дворецкого — помещика 1646 г.

¹⁹³ ПК 1678. Л. 179, 203, 233.

¹⁹⁴ Там же. Л. 332.

¹⁹⁵ Меновные записи разных лиц о промене крестьянами с И. Ю. Татищевым. 1673. 4.01—1693. 16.10 // РГИА. Ф. 878. Оп. 2. Д. 39.

¹⁹⁶ Переписная книга помещичьих, вотчинных и монастырских крестьян, церковнослужителей Шелонской пятины Новгородского уезда переписи Дм. Тим. Аничкова. 1706/07. Подлинник // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8575. Л. 197 об., 224 об., 219 об., 225.

¹⁹⁷ ПК 1571. Стб. 545.

уйдя из монастыря, пошел в добровольные бобыли к боярину кн. Ивану Федоровичу Хованскому, куда, придя из «гульбы», подселился и Друган-Никита (он вскоре ослеп). Это поместье находилось в районе села Боброво Лядского погоста и было выделено боярину в бытность того псковским воеводой из дворцовых волостей Шелонской пятины. После смерти кн. И. Ф. Хованского, когда его вдове Марье выделяли прожиточное поместье¹⁹⁸, за ней был записан Друган Осипов Шестаков и малой Васька (Василий) Друганов Шестаков. По точному выражению Г. В. Шестакова, отчество Василия Шестакова было не «Друганов», а «Перхин», хотя и «отец их, Васка того дядю своего Другана имал себе вместо отца». Надо сказать, что в переписной книге 1646 г. описана вотчина княгини Марьи Афанасьевны Хованской; однако среди ее крестьян ни Д. О. Шестакова, ни В. Д. Шестакова мне найти не удалось¹⁹⁹. После смерти княгини Марьи Василий Шестаков и родившийся к тому времени Григорий жили добровольно, без порядной записи, в крестьянах за Иваном Алексеевым Татищевым, после смерти которого они были отделены племяннику того, Ивану Юрьевичу Татищеву, который и пытался насильно взять с них порядные записи, «и он де, земец Гришка з братьею, не хотя у него, Ивана, жить в порабощении, учили о том бити челом великому государю, и он де, Иван Татищев, сведал их челобитье, учал их бить и в железа ковать и всячески изгонять и истыжать, и он де Гришка з братьею не стерпя ево изгоненья, бьет челом великому государю, по родству земцы, против прежних родичей своих». 14 июля 1683 г. воевода П. В. Шереметев решил дело в пользу земцев «Гришки да Пентюшки да Тимошки да Петрушки Васкиных детей Шестаковых»²⁰⁰.

Обращение к писцовой книге Яныша Муравьева 1571 г. дает дополнительную информацию о роде Шестаковых. Среди земцев Лядского погоста Шестаковы совершенно определенно именуются Дубровицкими (по названию деревни Дубровици, где они жили). Кро-

¹⁹⁸ Это произошло в 1625/26 г. (ДК 1628/29. Л. 454).

¹⁹⁹ ПК 1646. Л. 483 об.—485.

²⁰⁰ Расспросные речи земца Григория Васильева сына Шестакова, которого И. Ю. Татищев насильно записывает в крестьяне. 1683 // Селин А. А. Генеалогические и историко-географические заметки о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексева. М.; СПб., 2006. С. 331—332.

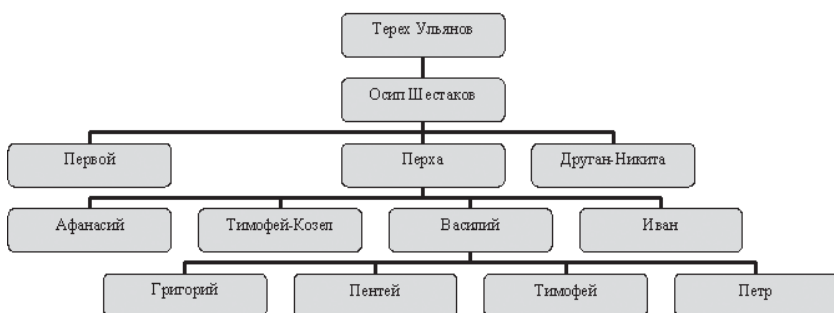

Рис. 3. Род своеземцев Шестаковых-Дубровицких

ме того, назван их дед, Терех Ульянов. При этом Афанасий Перхин Дубровицкий и его брат Иван, не известный Г. В. Шестакову, с поместья в Лядском погосте служили службу самостоятельно, а с других земель вместе со своими родичами платили подмогу «земцу большие службы» Тимохе Укретцкому²⁰¹.

Житковские (Житковы)

Фамильное прозвище Житковских связано с д. Житковичи на севере Лядского погоста²⁰².

Впервые Житковские упомянуты в 1571 и 1572²⁰³ гг. Тимофей Иванов и Третьяк Наумов Житковские тогда владели деревнями Житковичи, Сварец и пустошью Вешняя (Вешень)²⁰⁴. Прежние владельцы этих деревень, упомянутые в писцовой книге 1571 г., Максим Степанов и его братанич Иванко Гридин — по всей вероятности, предки Тимофея и Третьяка, — прозвища Житковских не носили.

В 1599/1600 г. земцу Лаврентию Степанову Житковскому (Житкову) была отделена часть поместья Афанасия Андреева Еремеева в Лосицком погосте. При царе Василии Шуйском он бил челом о намеренном неправильном отделе ему в 1606/07 г. части поместья

²⁰¹ ПК 1571. Стб. 563.

²⁰² Ныне д. Большие и Малые Житковичи Плюсского района Псковской области.

²⁰³ Ввозная грамота Ивану Черницыну сыну Корсакову на поместье в Бельском погосте Шелонской пятины. 1572, сентябрь (без окончания) // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16931. Л. 38–39 об.

²⁰⁴ ПК 1571. Стб. 540, 541.

Петра Скобельцына в Лосицком погосте (10 четвертей на пустоши Гостичеве) Янышем Опалевым, который лучшую долю выделил вдове Петра Скобельцына с детьми: «да тод же, государь, Яныш, нарвояси, отписал еси у меня половину закусу на Дряжне рекою... да на Широкой... да на Лютой рекою...»²⁰⁵. 12 мая 1600 г. поместье Мира Тыртова в Быстреевском погосте получил также брат Лаврентия, Пантелей²⁰⁶. После 1617 г. Житковские сходят со сцены, а деревня Житковичи, давшая им фамильное прозвище, переходит во владение Ровдицких.

Ровдицкие

Фамильное прозвище этим своеземцам дано по названию д. Ровдицы. Впервые оно встречается в писцовой книге 1571 г., где упомянуто пять братьев — Третьяк, Томило, Ждан, Богдан и Поздык, дети Нечая Александра Ровдицкого и владельцы 12 деревень на периферии Бельского погоста (деревни Ровдицы среди них не было)²⁰⁷. Их брат Неклюд Нечаев и, вероятно, двоюродные братья, Данило и Иван Семеновы, Иван Докукин, а также Ждан и Нехороший Максимовы Ровдицкие владели пустой деревней Ровдицы. Писцовая книга Я. Муравьева особо отмечает, что единственным служащим земцем с этого поместья был Данило Ровдицкий (служивший в Новгороде в Поместной избе, вероятно рассыльщиком), остальные же земцы платили подможные деньги в государеву казну²⁰⁸. В феврале 1573 г. упомянут выборный целовальник Залесской половины Шелонской пятины Томило Ровдицкий²⁰⁹. Полагаю, что он, равно как и выступавший в декабре 1586 г. одним из поручителей по недельщику Шелонской пятины Томило Степанов Ровдицкий²¹⁰, — это известный по писцовой книге 1571 г.

²⁰⁵ Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентий Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

²⁰⁶ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова...

²⁰⁷ ПК 1571. Стб. 543–545.

²⁰⁸ ПК 1571. Стб. 546.

²⁰⁹ Обыскная книга Ивангородского окологородья. 1573. 25.02 // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 336–340.

²¹⁰ Поручная запись по недельшике. 1586, дек. // Из архива Л. Н. Целепи // Сборник НОЛД. Вып. 5. 1911. С. 6–7.

Томило Нечаев сын. Писцовая книга 1582 г. лишь повторяет имена Третьяка и Нечая Ровдицких с братьями и указывает на пустоту их поместий²¹¹. Вновь Ровдицкие встречены мной в дозорных книгах Дремяцкого погоста 1595 г. В начале 1590-х поместье здесь получил земец Истома Ровдицкий, а в 1591/92 г. — уже многократно упомянутый Томило Ровдицкий²¹².

Несколько Ровдицких жило в далеких от Бельского погоста частях Новгородской земли. Петр Михайлов Ровдицкий, согласно десятне 1598/99 г., служил земцем Водской пятины с окладом в 200 четвертей и к 1603/04 г. скончался²¹³ (вероятно, в 1599/1600 г., когда 100 четвертей его поместья в сельце Остров Хрепельского погоста отошло Дмитрию Досадину)²¹⁴. Еще двое Ровдицких, Данило (возможно, известный по писцовой книге 1571 г. Данило Иванов сын)²¹⁵ и Михаил упомянуты в качестве помещиков Дворецкого погоста на Шелони в начале XVII столетия. Последний, Михаил, в октябре 1611 г. жил в крестьянском дворе в своей деревне Выбити²¹⁶.

Среди помещиков Шелонской пятины, живших сразу после Смуты, известен один Ровдицкий, Иван Мартьянов (Воинов) сын, получивший с двумя сестрами-девками прожиточное отцовское поместье в Лядском и Бельском погостах в 1617/18 г.²¹⁷ Видимо он не достиг даже новичного возраста к 1624 г., так как не упомянут в десятне денежной раздачи. Иван Ровдицкий сохранил поместье в Бельском погосте и в 1646/47 г.²¹⁸ Позднее Ровдицкие мне не известны.

²¹¹ ПК 1582. Л. 1052–1054 об., 1056 об.

²¹² Дозорные книги порожних земель Дремяцкого погоста Шелонской пятины дозора подьячего Суботы Никифорова. 1595. 20.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 973. Л. 121, 122.

²¹³ Десятня 1605. С. 508.

²¹⁴ Дело по челобитью сына боярского Водской пятины Васки Григорьева с. Есипова о поместье. 1613, до 18.03 // RA, NOA. Serie 2:220.

²¹⁵ Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

²¹⁶ Отдел губным старостой Борисом Мякиным Семену Павлову сыну Бровцыну поместья вдовы Григория Харламова в Дворецком погосте Шелонской пятины. 1610. 28.04 // RA, NOA, Serie 1:41. С. 68–71; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:70. С. 129.

²¹⁷ ДК 1628/29. Л. 413 об., Л. 465.

²¹⁸ ПК 1646. Л. 445 об.

Пажинские

Фамильное прозвище Пажинских происходит от д. Пажино Бельского погоста, располагавшейся на границе современных Лужского и Плюсского районов соответственно Ленинградской и Псковской областей. Впервые это прозвище встречается у своеземцев в 1571 г. В писцовой книге Я. Муравьева упомянуты Неклюд, Ждан, Дмитрий и Савелий Андреевы, Осталец, Федор и Григорий Константиновы, Третьяк Мартемьянов и Первой Васильев Пажинские²¹⁹. Все они жили в деревне Пажино и владели совместно еще тремя деревнями (одна из них пустая).

Первой Васильев Пажинский известен и по более поздним источникам: в 1599/1600 г. как неслуживый сын боярский Шелонской пятины он отделил в Лосицком погосте поместье А. А. Еремеева своеземцу Л. С. Житкову²²⁰, а 12 мая 1600 г. — поместье в Быстревском погосте его брату Пантелею²²¹.

Довольно подробно известна история службы его младшего современника, Ивана Васильева Пажинского. На верстании 1605/06 г. ему был назначен оклад в 150 четвертей и 6 рублей денег с городом. 5 июля 1612 г. он отделил поместье вдове Полуэкта Кольчева Матрене в Бельском погосте Шелонской пятины²²². При разборе 2 мая 1619 г. ему был подтвержден оклад, положенный по десятне 1605/06 г.²²³, а 4 июля 1621 г. по какой-то причине денежный оклад

²¹⁹ ПК 1571. Стб. 541.

²²⁰ Дело по челобитной Шелонской пятины Лаврентия Степанова сына Житкова о неправильном отделе поместья. 1607–1610 // RA, NOA. Serie 2:95.

²²¹ Отдел неслуживым Первым Пажинским Пантелею Степанову сыну Житкого и Семену Олисову Дворецкому поместья Мира Гамова Тыртова в Быстревском погосте...

²²² Отдел неслуживым Иваном Пажинским вдове Матрене, жене Полуэкта Кольчева, с детьми поместья в Дмитриевском Бельском погосте Шелонской пятины. 1612. 5.07 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1302–1305 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 296).

²²³ Сыскная десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Шелонской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в походах на восставших в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Тулу и Каширу. 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 282.

был уменьшен до 5 рублей²²⁴. По дозорной книге 1628/29 г. он владел поместьем в Бельском погосте (пустошь Горнечно у кладбища)²²⁵, а также недавно пожалованным ему поместьем земца Гриши Анофриева в Лядском погосте (пустошь Пожарища и еще три пустоши)²²⁶. Возможно, его сын, Никифор Иванов Пажинский, согласно той же писцовой книге, владел третью д. Житковичи²²⁷.

В десятне 1621 г. упомянут другой служилый земец Никифор Петров Пажинский, с таким же окладом в 150 четвертей и 5 рублей денег с городом²²⁸. Дозорная книга 1628/29 г. знает его как помещика Бельского погоста (близ погостского центра)²²⁹, а также упоминает как помещицу его мать Акулину и младшего брата Степана, живших в д. Пажино на реке Черной и владевших еще тремя пустошами²³⁰. Никифор Петров Пажинский был помещиком Бельского погоста в 1646 г., как и его дети Сидор и Антип (последний — в Лядском погосте)²³¹. В это время известны также братья Томило и Степан Петровы Пажинские, в чьем владении была деревня Пажино (Пажа), давшая фамильное прозвище этому роду²³².

В переписных книгах 1646 и 1678 гг. упомянут потомок Ивана Васильева Пажинского Максим Федоров, живший в усадище Горнечно, а также владевший поместьем в Лядском погосте²³³. Последний известный нам Пажинский — это отставленный от службы около 1698 г. сын боярский Шелонской пятины Гаврила Степанов сын Пажинской²³⁴.

Представители этих шести своеземческих фамилий населяли болотистые районы пограничья Лядского и Бельского погостов Шелонской пятины. Создается впечатление, что большое число своеземческих семей, видимо родственных между собой, заселивших практически

²²⁴ Десятня 1621. Л. 57.

²²⁵ ДК 1628/29. Л. 412 об.

²²⁶ Там же. Л. 470 об.—471.

²²⁷ Там же. Л. 417.

²²⁸ Десятня 1621. Л. 70 об.

²²⁹ ДК 1628/29. Л. 414.

²³⁰ Там же. Л. 414 об.—415.

²³¹ ПК 1646. Л. 446, 478.

²³² ПК 1646. Л. 445.

²³³ Там же. Л. 444 об.; ПК 1678. Л. 234 об.—235, 338.

²³⁴ Обыкновенные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // СПБ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 324. Л. 5 об.

монополюсь пустошные земли водораздела Луги и Плюсы, представляя собой группу колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно разработавших незаселенные пространства и получивших их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками. Вероятно, потребности правильного составления разрядной документации в XVI в., а также тенденция к нивелировке различий внутри служилого сословия привели к тому, что за своеземческими родами укрепляются фамильные прозвища, которые давались по тем деревням, которые были родовыми гнездами этих родов. Дальнейшая мобилизация поместий, особенно проявившаяся после конфискаций поместий у земцев-нетчиков в начале 1590-х гг., привела к потере многими своеземческими родами этих гнезд (карта 10).

В годы Смуты большинство своеземцев Шелонской пятины исчезает из поля зрения источников (за исключением самого разветвленного рода Дворецких). Типичные судьбы представителей этой социальной группы продемонстрированы на примере Дубровицких-Шестаковых — «гульба», верстанье в конные казаки. После Смутного времени своеземцы Лядского и Бельского погостов постепенно возвращаются в ряды служилого сословия и верстаются поместьями, начиная с минимальных окладов. К концу XVII в. они в целом растворяются в рядах мелкопоместного новгородского дворянства, сохранив тем не менее тягу к своим родовым вотчинам.

Судьбы своеземцев Водской пятины, чьи имена известны по документам Смутного времени, имели свою специфику. Несколько своеземческих фамилий еще на рубеже XV—XVI вв. имели владения в болотистых верховьях рек Рыденка (левый приток Оредежа) и Тосна, на границе Климентовского Тесовского, Никольского Ижерского и Никольского Будковского погостов. В начале XVI в. самым представительным из своеземческих родов этого района был род Кречатниковых, к концу столетия исчезнувший. Кроме того, с 1500 г. известны своеземцы Сочевичины и Буйносовы, жившие с Кречатниковыми чересполосно и, по всей видимости, находившиеся с ними в родстве²³⁵. Последние достаточно часто встречаются в Новгороде эпохи Смуты.

²³⁵ Подробнее о Кречатниковых: Селин А. А. К исторической географии Водской пятины // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 304—315; Селин А. А. Судьбы новгородских своеземцев в XVI—XVII вв.: Заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 316—338.

Согласно писцовой книге 1500 г., владения Игната Митрофанова Буйносова (жившего на погосте Будково)²³⁶, Андрея Матфеева Соचेвицына и Филиппа Фомина Сверчина-Кречатникова (живших в д. Сверчино)²³⁷ на Тосне располагались в тесном соседстве. Представляется, что здесь можно говорить о неких совместных усилиях этих семей по колонизации незаселенного пространства к северу от основных владений. Отметим также примыкающие к ним деревни своеземцев другого смежного Тигодского погоста, где в течение XVI в. прослеживается род своеземцев Котельниковых, также живущих на явно недавно заселенных территориях, поодаль от крупных вотчин и погостских центров²³⁸. Если в 1500 г. известно семеро представителей семейства Буйносовых²³⁹, то на рубеже XVI–XVII вв. упомянуто уже девять членов этой фамилии, причем все они сохраняли принадлежность к служилому сословию. В конце XVI в. некоторые из них были поверстаны новыми поместьями в других районах пятины. Так, братья Яков и Богдан Федоровы дети Буйносовы получили поместья в Коломенском и Петровском погостах на Волхове²⁴⁰, по соседству с другими своеземцами, Дымскими. Богдан Буйносов умер в 1611/12 г. 29 августа 1612 г. его поместье в Пе-

²³⁶ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 2 // ВОИДР. Т. 11–12. 1850 (далее — ВОИДР). С. 430–431.

²³⁷ Писцовая книга Водской пятины письма и меры Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 1 // НПК. Т. 3. СПб., 1868 (далее — НПК. Т. 3). Ст. 75–76; ВОИДР. С. 431.

²³⁸ НПК. Т. 3. Ст. 408–411; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков... Л. 166.

²³⁹ Гридя и Васко Есиповы дети, Федор да Степан Михайловы дети, Игнат да Васко Митрофановы дети и Офанаско Кузмин сын (НПК. Т. 3. Ст. 96, 100–101, 300, 353, 354, 356; ВОИДР. С. 430–431).

²⁴⁰ Отдел губным старостой Корельской половины Водской пятины Третьяком Савиным поместий земцев Васюка Невежина и Офони и Поздыка Самсоновых, что было за Степаном Вышеславцовым Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьеву и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Коломенском погосте на Волхове. 1585. 9.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 110а–111; Отдел губным старостой Третьяком Савиным земецкого поместья Михалки Кипреянова да Степанка Тимофеева Дмитрию Нечаеву сыну Лаврентьева и Богдану и Якову Федоровым детям Буйносова в Петровском погосте на Волхове. 1585. 13.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 115 об.–116.

тровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины было отделено его вдове Марье²⁴¹. Его сын Васька, известный по десятне 1598/99 г., к 1605 г. поступил в холопы к Никите Вельяминову²⁴². Другой сын Б. Ф. Буйносова, Иван, в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, но 27 сентября 1605 г. в Ивангороде был верстан на 100 четвертей²⁴³. 29 августа 1612 г. он получил поместье своего брата (двоюродного?) Ивана Захарова Буйносова²⁴⁴. В последний раз И. Б. Буйносов упоминается 11 июля 1615 г., когда он поручился по Ждане Володимерове о службе того в рассыльщиках Поместного приказа²⁴⁵. В десятне 1605 г. упомянут еще один сын Богдана Буйносова, Роман. Где он находился во время Смуты неясно. В ходе разбора Водской пятины, осуществленного 2 мая 1619 г., ему был подтвержден его прежний оклад. Ни о каких придачах Р. Б. Буйносову десятня 1619 г. не сообщает; вероятно, он в эти годы от службы уклонялся²⁴⁶. Упомянутый Иван Захаров Буйносов в 1603/04 г. на смотре был признан к службе не годным, а 27 сентября 1605 г. верстан на 100 четвертей, как и его родственник И. Б. Буйносов²⁴⁷. К 1609/10 г. он переходит на приказную службу,

²⁴¹ Отдел неслуживым Кузьмой Лыным поместья Богдана Буйносова в Петровском погосте на Волхове и в Лусском погосте Водской пятины его вдове Марье и отписка оставшейся части поместья на государя. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 371–373.

²⁴² Десятня 1605. С. 503.

²⁴³ Там же. С. 489.

²⁴⁴ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 20; Отдел неслуживым Кузьмой Лыным поместья Ивана Захарьева сына Буйносова в Петровском погосте на Волхове Водской пятины Ивану Богданову сыну Буйносову. 1612. 29.08 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 363–367.

²⁴⁵ Поручная запись по Ждану Володимерову о бытии ему в рассыльщиках Поместного приказа. 1615. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:348 — В. Л. 8.

²⁴⁶ Сыская десятня о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских Водской пятины Новгородского уезда с упоминанием о придачах к их окладам за участие в боях с восставшими под Москвой в 1606 г. и в походах в том же году под Елец и в 1607 г. под Алексин, Серпухов, Каширу, Тулу, Кропивну и Болхов 1619. 2.05 // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. С. 278.

²⁴⁷ Десятня 1605. С. 489.

первоначально — в недельщики Судной избы²⁴⁸, а потом — в рассылочные подьячие²⁴⁹.

Еще один представитель этой семьи, Макар Федоров Буйносов, возможно, младший брат Якова и Богдана Буйносовых — 20 октября 1615 г. в составе большой группы детей боярских Водской пятины вышел из Тесова к Тихвину²⁵⁰, а в 1617 г. бил челом вместе с Иваном Колобовым об увеличении денежного жалования²⁵¹.

По источникам известна также вдова некоего Остафия Буйносова Фетинья. 17 ноября 1613 г. с ней судился Степан Теглев, обвиняя ее в утрате «посыльной рухляди» на 15 рублей²⁵². Возможно, к фамилии новгородцев земцев Буйносовых относился также и Иван Буйносов, казак станицы Ивана Микулина, привезший 15 апреля 1614 г. в Посольский приказ отписку из Бронниц²⁵³.

Другая группа своеземцев Водской пятины была связана с городами Копорьем и Ямом. В отличие от Новгорода, эти города признали Тушинского вора, а позднее — Псковского вора. Так, дети боярские Водской пятины описывали судьбу двух копорских земцев, Филимона Заболоцкого и Тимофея Шавкалова: они «...служили копорскую осадную службу, и как Копорье заворовало, и оне заворовали ж с нашими изменники, и их неметцкие люди в прошлом во 117-м году побили на выласке»²⁵⁴. Примечательно, что представители рода Шавкаловых при Борисе Годунове также служили в Копорье: Степан Кон-

²⁴⁸ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.

²⁴⁹ Поручная запись по Терентии Васильеве сыне Воинове, посылочным подьячим Поместной избы. 1610. 21.07 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 4.

²⁵⁰ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о выходе к ним детей боярских Водской пятины. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96, 1615. Д. 11. Л. 88–90.

²⁵¹ *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI — начала XVII веков. Кн. 2. М., 1994. С. 50.

²⁵² Книги сбора судной пошлыны 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:5. С. 39.

²⁵³ Отписка боярина и воеводы кн. Дм. Т. Трубецкого царю Михаилу Федоровичу из Бронниц о событиях под Бронницким острогом. 1614, между 31 марта и 15 апреля // РГАДА. Ф. 96, 1614. Д. 1. Л. 49–50.

²⁵⁴ Дело о поместье Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина (без начала) // RA, NOA. Serie 2:142; Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводам кн. А. П. Куракину, М. Б. Боборыкину и дяку Ивану

стантинов сын Шавкалов назван копорским городовым приказчиком в июне 1599 г.²⁵⁵ После Смуты они оказались на московской стороне — с октября 1631 г. по август 1633 г. Никифор Федоров Шавкалов служил губным старостой Полужской половины Водской пятины²⁵⁶. Имя этого копорского земца, впрочем, встречается в источниках с конца 1590-х годов²⁵⁷. В 1609 г. Н. Ф. Шавкалов служил в Новгороде рассылочным подьячим²⁵⁸. К 1612 г. он обзавелся поместьем в Климентовском Тесовском погосте, поселившись в д. Лазарево. Видимо, наличие поместья в той части Водской пятины, которая после Столбовского мира осталась за Москвой, и обусловило «политический» выбор Н. Ф. Шавкалова.²⁵⁹

Фамильное прозвище своеземцев Ласунских связано с деревнями Ласуни и Поддубье Ласуни в Каргальском погосте Водской пятины, в которых в 1500 г., согласно писцовой книге Дм. Китаева, проживало пять человек своеземцев²⁶⁰. Староста Тесовской дворцовой волости в 1620 г. Даниил Ласунский²⁶¹, без сомнения, то же лицо, что и Данил Юрьев Ласунский — земец Водской пятины с окладом в 200 четвертей, упомянутый в десятне 1605 г.²⁶² В 1612/13 г. он получил поместье

Тимофееву по челобитной дворян Водской пятины Василия Матвеева Зиновьева и Афанасия Степанова Пущина об отделе им поместья. 1610. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:355. Л. 87–88.

²⁵⁵ Отдел копорским городовым приказчиком Степаном Шавкаловым Данилу Ласунскому переложных земель во Вздылицком погосте. 1599. 27.06 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 166–167.

²⁵⁶ *Панях В. М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // ВИД. Т. 11. Л., 1979. С. 89–100.

²⁵⁷ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 276 об.; Десятня 1605. С. 483.

²⁵⁸ Челобитная несслуживого сына боярского Шелонской пятины Григория Постникова Якимова о службе в рассылочных подьячих и поручная запись по нему. 1609. 28.02 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 1–2.

²⁵⁹ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельничского, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 19.

²⁶⁰ НПК. Т. 3. Ст. 547.

²⁶¹ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

²⁶² Десятня 1605. С. 483; там же упомянут его родственник Андрюшка Падоркин Ласунский — с. 489.

в Кипенском погосте Водской пятины (причем часть поместья — из бывшего поместья земца (ореховского?) Тимофея Плавковского)²⁶³ и, вероятно, «малую треть» в Климентовском Тесовском погосте²⁶⁴. В 1615 г. он владел частью деревни Дорошково во Вздылицком погосте (одним из его совладельцев был земец Иван Большой Ласунский, двумя другими — земцы Самсон и Анкудин Облущкие²⁶⁵), а после Смуты, к 1620 г., покинул Копорье и перешел на московскую сторону, на территорию Новгородского уезда. В 1620 г. он назван старостой села Тесова без указания социальной принадлежности²⁶⁶, а в 1629 г. записан среди других помещиков — дворян и детей боярских²⁶⁷. Позднее, в XVII—XIX вв. известны помещики Ласунские, владевшие землями в районе Тесова²⁶⁸. Род Ласунских представляет

²⁶³ Отдел Водской пятины сыном боярским Григорием Ручилицким поместья Андрея Желтухина в Кипенском и Вздылицком погостах Водской пятины Данилу Ласунскому. 1612. 5.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 518—523.

²⁶⁴ Поручная запись крестьян Климентовского Тесовского погоста по пошному человеку Ивану Зиновьеву, данная Никите Матвеевичу Зиновьеву и губному старосте Михаилу Неелову. 1613. 14.09 // RA, NOA. Serie 2:189. Л. 1.

²⁶⁵ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. Л. 152—154.

²⁶⁶ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Воцкой пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 749.

²⁶⁷ Выпись из писцовых книг письма и меры Федора Маврина да подьячего Андрея Коломского 1629 г. за приписью дьяка Филиппа Арцыбашева // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 244.

²⁶⁸ В 1623 г. упоминается Андрей Ласунский, сын боярский Водской пятины (Челобитная Воцкие пятины сына боярского А. Ласунского о беглых, ограбивших его. 1623 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 120). 18 июля 1650 г. под Псковом был убит новгородец Савватий Ласунский (*Окулич-Казарин Н. Ф.* Старинные синодики. Синодик Псковского Троицкого собора // Труды ПАО. Вып. 6. Псков, 1910. С. 67). В 1771 г. подпоручик Емельян Иванов сын Ласунский владел землей в Быстреевском погосте Шелонской пятины (Купчая на землю отставного подпоручика Емельяна Иванова сына Ласунского в Новгородском уезде в Быстреевском погосте, проданную отставному капитану Петру Алексею сыну Шаблыкину за 20 рублей. 1771. 10.01 // СПбИИ. Кол. 154. Оп. 2. Д. 666). Секунд-майор Ласунский в 1844 г. был одним из совладельцев пустоши Моглогостье в районе Тесовского погоста, капитан Ласунский в том же году владел пустошью Залешье в соседнем Лусском погосте (Уменьшенный

собой наглядный пример того, как потомки новгородских землевладельцев в течение XVI—XVII столетий успешно инкорпорируются в дворянскую среду.

Новгородские своеземцы, составляя особую группу служилого люда, уже к началу Смуты начали терять свою идентичность, частью сливаясь с городскими детьми боярскими, частью с приказной средой и служилыми людьми по прибору. Особой была судьба ямогородских земцев, присягнувших Густаву Адольфу и ставших жителями шведской Ингерманландии (Приложение 6 к главе 4). Сходной была участь и некоторых ореховских земцев. Служба их после Столбовского мира была примерно той же, какую исполняли их отцы и деды в XVI в. — посыльная и проч. Интересно, что в русских документах этого времени они продолжают именоваться своеземцами. Так, в документах новгородского Посольского стола земцем именуется привезший 1 января 1623 г. в Новгород лист от коменданта Орешка (Нотебурга) Тихонко Никитин²⁶⁹.

Новокрещены и татары

Новокрещены и татары в Новгороде представляли собой особую группу служилых людей, с трудом смешивавшуюся с другими служилыми корпорациями. В какой-то мере, разумеется, это было связано с религиозными и языковыми особенностями этой группы, в какой-то мере, вероятно, с их компактным поселением в волостях Новгородской земли. Особенно крупные локальные группы новгородских татар и новокрещенов образовались в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины. Так, удомельские новокрещены были летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ганса, собраны в городе для рассылочной службы²⁷⁰. Как представляется, к началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. По-

план Ведомства Новгородской удельной конторы лесных дач Новгородского удельного имения Новгородского уезда, состоящих в Тесовском приказе с показанием предположения о назначении оных заказных рощ и отделений на годовые лесосеки. 1844 // РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 482).

²⁶⁹ Перевод с листа, присланного в Новгород от Орешковского воеводы Нильса Ансона. 1622. 26.12 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 104.

²⁷⁰ Отписка царю Борису Федоровичу от новгородского воеводы кн. В. И. Буйносова-Ростовского и дьяка Второго Поздеева с извещением о вы-

лагаю, что это также связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Так, верстание татар и новокрещеных всех пяти новых окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятне²⁷¹. В связи с этим парадоксальным кажется подход Е. И. Кобзаревой, утверждающей, что в процессе противостояния между Новгородом и Москвой «решался вопрос, на чьей стороне будут служить татары», поселенные в Бежецкой пятине, и тут же рядом приводящей примеры набегов романовских татар на шведские войска под Тихвином и в Обонежской пятине²⁷².

Примером корпоративного единства новгородских татар и новокрещеных может служить история записи новокрещеном Денисом Евгостеевым за себя холопов. 6 января 1616 г. он записал за себя холопов, среди которых одного послужильца — Ивана Курлакова, затем — новокрещена Василия Бабаева и новокрещена Ивана Танаева (у последнего тот жил в бобылях)²⁷³.

При Борисе Федоровиче Годунове около 1598/99 г. действительно какая-то группа новокрещеных была помещена в Деревской пятине. В то время между татарами Семеном Багридовым, Павлом Тарбердеевым и Иваном Обреимовым было разделено поместье Докучая Небарова в Ручьевском погосте²⁷⁴. В Полоновском погосте получил

боре по государеву указу из всех пяти новгородских детей боярских по четыре человека с пятины и новокрещеных татар. 1602, августа после 9 // СПбИИ. Кол. 183. Карт. I. Д. 18.

²⁷¹ Десятня новгородских новокрещеных Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятины. 1605/06 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Е. И. Кобзарева, зная эту десятню, но, видимо, незнакомая с ее текстом, утверждает, что «новые переселения татар были осуществлены в 1606 г.» (*Кобзарева Е. И.* Новгород между Стокгольмом и Москвой (1613–1617 гг.) // ОИ. 2006. № 5. С. 22).

²⁷² *Кобзарева Е. И.* Новгород между Стокгольмом и Москвой... С. 22

²⁷³ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 72–73.

²⁷⁴ Отдел неслуживым Мосеем Небаровым Ивану Мещерскому поместья в Ручьевском и Тухольском погостах Деревской пятины. 1610. 14.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 211–218 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294); Дело по челобитью Павла Тарбердеева, Ивана Осанова и Семена Григорьева сына Бахтина о поместье Давыда Курицына. 1613, сент. // RA, NOA. Serie 2:126; Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пишальных и присудных денег Деревской пятины сбора губных старост Тимофея Шамшева и Андрея Обуткова 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 181.

поместье знатный татарин, шурин ургенчского царевича, Ондогул-мурза Маметев²⁷⁵.

Однако новгородцами в начале XVII в. татары и новокрещеные воспринимались как инородная группа. Татары, владевшие поместьями, нередко обвинялись в излишнем насилии. По словам крестьян Ручьевского погоста, «из-за тотарина из-за Иева Сарбышева да из-за его детей из-за Исаея да Онтоня Сарбышевых детей и от них насильства крестьяни за Павла за Федорова сына Клементьева прибрели душою да телом сами»²⁷⁶. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что в «насильстве» часто обвинялись и новгородцы нетатары.

В Новгороде начала XVII в. находились не только татары и новокрещеные — потомки испомещенных при Иване IV и Борисе Годунове казанцев и астраханцев, но и оказавшиеся здесь служилые люди других городов. Таковы кормовые²⁷⁷ татары Василий Кангильдеев и Никита Максутов. Летом 1614 г. они били челом о поместьях Софонтия Оклячиева и Ивана Дементьева, только что отъехавших на московскую сторону: «... А нас, государь, холопей твоих, посылают на службу в Порхов... А жены и детишка наши остаютца, есть и пить нечего». В записных книгах 1606/07 г. их оклад был записан следующим образом: «новокрещеным, которые сидели в Твери в тюрьме за Васильем Хангилдеевым с товарищи велено за человеком по двести четей учинити, и в которой пятине кто приищет»²⁷⁸. У прибывших из Твери всего за несколько лет до взятия Новгорода шведами новокрещеных, действительно, в Новгороде были жены (возможно, и дети). Известна жена Никиты Максутова Мария²⁷⁹ и жена Василия

²⁷⁵ Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым поместья Ивану Федорову Плещееву в Полоновском и Молвятицком погостах Деревской пятины. 1611. 11.01 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 659–663 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

²⁷⁶ Обыск губным старостой Деревской пятины Андреем Обутковым в Локотском погосте Деревской пятины, вывел ли Федор Клементьев крестьян из бывшего поместья Иева Сарбышева в Локотском погосте. 1610. 14.05 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 113–115 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 294).

²⁷⁷ Т. е. не имеющие поместья и поучающие лишь корм или кормовые деньги.

²⁷⁸ Дело по челобитной о поместье кормовых татар Никиты Максутова и Василия Хангилдеева. 1614, лето // RA, NOA. Serie 2:25.

²⁷⁹ 21 июня 1613 г. она искала на посадском человеке Трешке Хлебнике 1 рубль за серьги (Книги судного двора 121 г. // RA, NOA. Serie 1:64. С. 101).

Кангильдеева Хавронья²⁸⁰. Интересно, что если их мужья выступали совместно, то жены не просто ссорились, но и дрались друг с другом. Никита Максудов 22 сентября 1614 г. обвинял жену Василия Хангелдеева Хавронью в избиении и «изроне» своей жены и требовал с нее возмещения ущерба на 12 рублей, а та встречно за своё избиение требовала с Н. Максудова 18 рублей²⁸¹.

По окончании Дедеринских переговоров, в 1616 г. шведские власти усилили давление на новгородцев, принуждая их присягнуть Густаву Адольфу. По словам одного из выходцев на посольский стан в Тихвин, в Новгороде в то время стояли «правежи великие, от этих правейей новгородске новокрещены целовали крест, а татарове шертовали 13-го ноября» королю, «а приневолил их целовать крест, угрожая твой государев изменник Тимоха Хахин»²⁸². Вышедшему в московский стан вместе с княгиней Агафьей Одоевской попу Федору «...приказывали... новокрещены Иван Муралеев да Иван Тонаев с товарищи дватцать шесть человек, которые целовали свейскому королю крест, а татарове шертовали неволею, что де после того целованья целовали они новокрещены крест, а тотаровя верились по своей вере, что им служитьи и во всем прямити царскому величеству, свейского де короля в подданстве быти не хотят»²⁸³. Позднее новгородские татары разделились: часть из них отъехала на московскую сторону, как Иван Танаев и его товарищ Гаврило Охкобяков, а часть осталась на службе шведскому королю. Танаев и Охкобяков уже летом 1617 г. били челом о вспомоществовании, утверждая, что перед передачей Новгорода Москве они «...покиня в Новгороде жон своих и дети и со всеми животы и после де их неметцкие люди жон их и дети мучили на пытках огнем жгли животы их все поимали и хотели

²⁸⁰ 17 сентября 1613 г. ей в числе других 21 жен, сестер и матерей служилых татар и новокрещенов был выдан государев хлеб, так как ее муж находился на государственной службе под Тихвином (Расходные книги государственной хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10).

²⁸¹ Книги сбора судной пошлины. 1614/15 // RA, NOA. Serie 1:4. Л. 9–10.

²⁸² Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ, что Джон Мерик отпросил у шведов княгиню Агафью, вдову кн. Ивана Большого Одоевского с сыном. 1616, декабря после 15 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 10. Л. 158–166.

²⁸³ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, мая — декабря (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6. Л. 205.

жон их и дети и свесть съ собою в свою Немецкую землю на поруганье». В Новгороде их выкупили Водской пятины дворянин Григорий Никитин Муравьев, дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, а также торговый человек Богдан Шорин²⁸⁴.

Упомянутый Иван Муралеев, назначенный на службу в Копорье, как и значительная часть новгородских татар и новокрещенов, остался в Ингерманландии. Писцовые книги Ижорской земли 1618–1623 гг. называют д. Лапин Конец владением группы татар (Tartarne), д. Забродье — владением троих татар²⁸⁵.

Судьба одного из новгородских новокрещенов после Столбовского мира была рассмотрена О. А. Курбатовым. В военно-инженерный полк А. Грановского, выступавший в поход против Речи Посполитой в 1654 г., набирались земляные рабочие — «пиунеры». Им подыскивались младшие командиры — сотники. Среди последних оказался новгородский новокрещен Кузьма Иванов сын Исупов. «Его отец, потомок крещеного татарина, поселенного в Новгороде при Иване Грозном, был уведен в Швецию после Столбовского мира 1617 г. и умер на чужбине»²⁸⁶. Говорившего по-русски мальчика взяли в тол-

²⁸⁴ Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича в Новгородскую четверть боярину князю Григорию Петровичу Ромодановскому и дьякам Алексею Витовтову и Павлу Матюшкину о выдаче новокрещенам Ивану Танаеву и Гавриле Охкобякову по их челобитью половины выкупа за их жен из немецкого плена. 1617. 3.07 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.—70.

²⁸⁵ Jordebocker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. СПб., 1859. С. 107, 108.

²⁸⁶ Иван Исупов, новокрещеный татарин, как упомянутые Кангильдеев и Максудов, попавший в Новгород из Твери. В июле 1614 г. он подал вместе с Иваном Девлетевым челобитную, в которой они просили 90 четвертей Ивана и Дмитрия Бестужевых. По выписке оклад в 200 четвертей ему был установлен в апреле 1607 г. «Апреля в 4 день привез государеву грамоту тверской рассыльщик Нехорошко Лавров за приписью дьяка Тимофея Витовтова: велено за новокрещены, которые сидят в Твери в тюрьме, за Иваном Исуповым с товарищи учинить оклады по 200 чети человеку» (Дело о разделе помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и кн. Ивана Одоевского. 1615, апреля // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 69–73). В июне 1612 г. он находился на службе в Порхове (Приходные книги порховским немецким кормам сбору Петра Ногина, Сергея Константинова и приказчика Порховских дворцовых сел Богдана Помещикова. 1611, декабря — 1612, января // RA, NOA. Serie 1:71. С. 229–237), а в 1613 г. был послан под Тихвин (Расходные книги государственной хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10). К 1615 г.

мачи при шведском после, и в 7142 (1633/34) г. он оказался в Москве». В Москве Кузьма, вероятно сбежав, бил челом о службе, но в Посольском приказе его не стали и слушать, не желая осложнять отношений с Швецией в разгар Смоленской войны. «...и помнючи я, грешны, свою православную крестьянскую веру и святое крещение, — писал Исупов в челобитной, — отстал от тово посла на Москве и съехал по обещанию своему в Соловецкий монастырь.» На Соловках он устроился в гарнизон пушкарем, а в 1654 г. пришел в Москву. Здесь о нем узнал полковник Грановский. В дальнейшем даточных людей — «пиунеров» было велено подчинить воеводам у наряда²⁸⁷, в сотниках они более не нуждались, и Исупов был переведен в профосы²⁸⁸.

Софийские (владычные) дети боярские

Особой группой новгородского служилого люда являются митрополичьи дети боярские. Участвуя наравне с другими дворянами и детьми боярскими в политических событиях Смутного времени, они в массе своей мало бывали в Новгороде, находясь по большей части в своих

он получил поместье в Керестской волости Грузинского погоста (Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. С. 8, 2–28, 29) и назначен на службу в Водосский острожек на Волхове. 7–9 августа 1615 г. Иван Исупов ходил с П. А. Ногиным и Василием Ушаковым в Ильинский Тигодский погост из Водосского острожка и был послан ими назад в острожек с известием о походе казаков к Сольцам, намеревающихся переправиться в Сольцах через Волхов (Челобитная Петра Ногина о сборе кормов на немецких людей в округе Водосского острожка. 1615, середина августа // RA, NOA. Serie 2:52). В сентябре 1615 г. он поручился за освобождаемого из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева (Челобитная татарина Павла Таребердеева о вызволении из темницы кадомского татарина Байбака Кудашева и дело по ней. 1615, сент. // RA, NOA. Serie 2:41. Л. 2–3). В конце июля 1616 г. он несколько раз возил отписки в дворцовый Коростынский погост из Новгорода и обратно (Дело о сборе вишен на государев обиход с Коростынских садов. 1616. 18.07 — 30.07 // RA, NOA. Serie 2: 40. Л. 21–24, 26–27). Его жена и, видимо, мать Кузьмы, Лукерья, упомянута в 1613 г. (Расходные книги государевой хлебной казны. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:46. С. 9–10).

²⁸⁷ Т. е. артиллерийским командирам.

²⁸⁸ Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иностранцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.

поместьях, расположенных компактно на северо-востоке Новгородской земли, в районе рек Свири, Паши и Ояти. На всем протяжении новгородской истории группа софийских служителей была довольно многочисленной. Так, в 1725 г. в Новгородском архиерейском доме помимо духовных персон служило около 1233 соборян, приказных, стряпчих, комиссаров и дворян²⁸⁹. О компактном проживании этих людей в пределах рек Ояти и Паши писал в своем краеведческом очерке И. П. Мордвинов²⁹⁰. Их потомки, кстати, продолжали компактно проживать в Винницкой и Шимозерской волостях Лодейнопольского уезда до 1930-х гг.²⁹¹ Не случайно в документах эпохи Смуты упомянуто относительно малое количество этих людей. Основным источником по истории этой группы служилого люда являются поместные грамоты новгородских владык, включенные в один из сборников Коллекции актов книг Новгородского Софийского дома²⁹². Именно эти документы легли почти столетие назад в основу монографии Б. Д. Грекова, в которой происхождению и судьбам этой группы новгородцев уделено заметное внимание²⁹³. Греков отмечал, что софийские дети боярские очень отличались по материальному уровню. «Рядом с крупным капиталистом Жегловым или Балавенским встретим сына Прокофьева Колымаева, по нужде идущего за плугом»²⁹⁴.

Фамилия Жеглова не случайно упомянута Б. Д. Грековым в этом отрывке. Известный лидер новгородского мятежа Иван Прокофьев сын Жеглов в 1627 г. жил во дворе гостя Истома Демидова, женившись на племяннице знаменитого митрополита Киприана, бывшего

²⁸⁹ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. С. 122.

²⁹⁰ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. 2-е изд. Тихвин; СПб., 1999. С. 15.

²⁹¹ Ср.: «Внутри района, занимаемого вепсами, встречаются русские деревни. Крестьяне таких деревень являются обедневшими потомками русских мелкопоместных приюятских дворян-помещиков... На 1910 г. вепсы Винницкой и Шимозерской волостей являлись бывшими государственными крестьянами, а вепсы Шапшинской волости бывшими помещичьими крестьянами» (Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930. С. 167).

²⁹² СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74.

²⁹³ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914.

²⁹⁴ Там же. С. 482.

в начале XVII в. архимандритом Хутынского монастыря. Этот двор находился на Лубянице в Лукинской трети: палата каменная, под ней «два погреба каменные ж, а у той полаты и у погребов двои двери железные, а третьи двери деревянные, у полаты два окна с затворы з железными». 20 июля 1648 г. у него под залог своей вотчины в Деревской пятине занял 230 рублей Андрей Михайлов сын Милославский. В первой половине XVII в. И. П. Жеглов взял из Софийской казны ссуду в 300 рублей, и вообще «Софейские казенные деньги по кабалам и бескабально имал себе». В 1651 г. его двор перешел в Софийский дом, а в 1668 г. его купил софийский дьяк Степан Балавенской²⁹⁵. Вновь об исключительном положении рода Жегловых в Софийском доме ученый пишет, говоря о редкости получения вдовами и детьми софийских детей боярских прожиточных поместий после смерти или гибели мужей и отцов. Единственный такой пример, найденный Б. Д. Грековым, также связан с этим родом. Жена Григория Жеглова вдова Фетинья и дочь девка Лукерья получают после смерти Г. Жеглова его поместье на прожиток²⁹⁶.

Ученый специально рассмотрел порядок набора на службу софийских детей боярских, выяснив, что, как и у государевых служилых людей, в основе службы были верстание окладом и поместная дача, а условием софийского верстания — «повсеместность и всеобщность». По окладам софийские дети боярские делились на три статьи²⁹⁷. Б. Д. Греков привел и пример такого верстания, происшедшего при отправке в Новгород нового митрополита Варлаама в 1591 г. При назначении царь указал ему перебрать софийских детей боярских и слуг²⁹⁸. Как и у государевых служилых людей, оклад и дача владычного помещика друг другу не соответствовали. По Грекову, обычно софийский сын боярский начинал службу с 2 обеж (20 четвертей), высший оклад мог доходить до 15–20 обеж (соответственно, 150–200 четвертей)²⁹⁹.

Кроме службы Софийскому дому, владычные дети боярские участвовали и в государевых военных походах. Б. Д. Греков перечислил известные случаи участия софийцев в боевых действиях: в 1573 г. они

²⁹⁵ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. Часть 1. СПб., 1914. С. 480–481.

²⁹⁶ Там же. С. 506.

²⁹⁷ Там же. С. 483–485.

²⁹⁸ Там же. С. 476–477.

²⁹⁹ Там же. С. 494–496.

воевали под Коловерью в «Немецкой земле», в 1575 г. снова воевали в Ливонии, служили «под Сиверами» в 1607 и 1608 гг., уже после Смуги — под Смоленском в 1633 и 1634 гг. В и в 1664 г. в «Польской земле»³⁰⁰. Как и государевы помещики, софийские карались за нерадение и «нетство». В 1603 г. вновь принятый на софийскую службу Исак Кузьмин сын Болотов при испомещении обязался не обращаться к царю Борису Федоровичу о своем старом поместье. Позднее он стал «бездельно жить»: «запустил» свое поместье, довел своих крестьян до бегства насилием и поборами и в конце концов был изгнан с софийской службы³⁰¹.

И. А. Чернякова в монографии, посвященной истории Карелии в XVII в., специально остановилась на отдельной группе сельского населения, которая может быть отнесена как к московскому служилому сословию, так и к старинной местной знати еще эпохи новгородской независимости. Речь идет о своеземцах, по мнению И. А. Черняковой, потомков «пяти родов корельских детей» и их современников — около половины пашни в этой части Корельского уезда числилось за «своеземцами»³⁰². Именно И. А. Чернякова впервые указала на то, что часть этих своеземцев позднее стала служилыми людьми Новгородского Софийского дома³⁰³.

Негосударевым служилым людям посвящено несколько работ Е. Ю. Люткиной. Основным предметом ее исследований являются светские слуги московской митрополичьей, позднее патриаршей кафедры. Как и в случае с новгородскими софийскими детьми боярскими, среди патриарших дворян обнаруживается наследственность фамилий. Генеалогический анализ показывает, что большая часть известных патриарших дворян XVII в. — потомки митрополичьих дворян предшествующего столетия. Эта социальная группа, как и новгородские владычные помещики, несла государеву службу, но отдельными отрядами. Кроме военной службы патриаршим дворянам поручались дозоры, обыски, землеустройство³⁰⁴.

³⁰⁰ Там же. С. 498.

³⁰¹ Там же. С. 528.

³⁰² Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 15–16.

³⁰³ Там же. С. 82.

³⁰⁴ Люткина Е. Ю. Государство, церковь...; Она же. Генеалогический состав митрополичьих светских слуг. Историография проблемы и ее дальнейшее

«Нетство» среди владычных детей боярских особенно заметно проявилось на начальном этапе Смутного времени. 27 сентября 1609 г. у Остафия Андреева Пустошкина было отобрано поместье за то, что он «на государеву службу не поехал и впредь государевы службы служить не хочет». 21 ноября поместье было ему возвращено, так как он снова вернулся на службу³⁰⁵. В 1607 г. ранее других софийских детей боярских «в Сиверы», на борьбу с болотниковцами, был послан Субота Захарьев Бухвостов. Но он отказался ехать в столь дальний поход, заявив, что стар и службы служить не может³⁰⁶.

Однако и среди софийских служилых людей были видные в Новгороде 1611–1617 гг. деятели. Наиболее заметен Степан Спячий, митрополичий дьяк в 1607–1616 гг., довольно часто упоминаемый в источниках как поручитель по другим служилым людям, исполнитель поручений митрополита, оброчник пригородного рыболовецкого угодья. 27 июля 1613 г. он в числе прочих подписал приговор о посылке в Выборг посольства с приглашением Карла Филиппа в Новгород³⁰⁷, а между 7 ноября 1615 г. и 30 мая 1616 г. уплатил в Новгородскую казну чрезвычайный платеж в 100 рублей³⁰⁸. Последнее обстоятельство указывает не только на «экономические» возможности дьяка Спячего, но и на то, что он оказался среди неприсягнувших Густаву Адольфу новгородцев.

В этом же ряду находится Василий Леонтьевич Зиновьев. Он был братом (видимо, младшим) Сильвестра Зиновьева, губного старосты Полужской половины Водской пятины в начале XVII в. (см. Приложение 2.3 к настоящей главе). В октябре 1586 г. он служит недельщиком, видимо в Водской пятине³⁰⁹. В 1611 г. В. Л. Зиновьев назван

изучение // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 83–85.

³⁰⁵ Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии... С. 499.

³⁰⁶ Там же. С. 499–500.

³⁰⁷ Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы кн. И. Н. Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613. 27.07 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 5–8.

³⁰⁸ Роспись денежных доходов с Новгородского посада // RA, NOA. Serie 2:357.

³⁰⁹ Поручная запись по недельшике Водской пятины Иване Меншого сыне Косицком. 1586. 15.10 // Из архива Л. Н. Целепи // Сборник НОЛД. Вып. 5. 1911. С. 9–10.

вкладчиком Троице-Сергиева монастыря, получившим вместо своего вклада «четыре обжи белые нетяглые земли» в монастырской вотчине близ Новгорода, в Сытинском погосте³¹⁰. С установлением в Новгороде администрации кн. Одоевского — Я. Делагарди вотчина Троице-Сергиева монастыря была приписана к Новгородскому дворцу. После этого В. Л. Зиновьев оказывается на приказной службе у митрополита Исидора. Уже 14 сентября 1611 г. он получил от митрополита грамоту на поместье в Пиркиничском и Никольском Городищском погостах³¹¹. Зиновьев, так же как и Степан Спячий, не присягнул Густаву Адольфу, но и не отъехал на сторону Москвы. В сентябре 1616 г. он уже не находился на софийской службе, но назван новгородским судьей³¹². В другом источнике он назван новгородским городовым приказчиком 1616/17 г.³¹³

Приказная бюрократия

С первых шагов московской власти в Новгороде в новоприсоединенном городе появились элементы центрального управления — избы и лица, это управление реализовывавшие, — московские дьяки и подьячие. В конце XV — начале XVI в. приказные назначались из Москвы и никак не были связаны с Новгородом³¹⁴, со временем в приказной прослойке стали появляться местные уроженцы. Перво-

³¹⁰ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:64. Лист, вложенный между с. 2 и 3.

³¹¹ Отметка о выдаче Исидором, митрополитом Великого Новгорода и Великих Лук, жалованной грамоты своему сыну боярскому приказному Василью Левонтьеву сыну Зиновьеву на поместье в Пиркинском и Никольском Городищском погостах Обонежской пятины. 1611. 14.09 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 74. Л. 143 об.

³¹² Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентябрь после 17 — 11.10 // RA, NOA. Serie 2: 165. Л. 13–14.

³¹³ Список новгородских губных старост, казацких и стрелецких голов и сотников, городских приказчиков, рассыльщиков и недельщиков XVI–XVII вв. // Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 347–367.

³¹⁴ Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков за службу в Новгороде в XVI веке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 85–90.

начально, скорее всего, это были родственники испомещенных на новгородских землях московских «переведенцев». Однако дьяка Андрея Васильева сына Буйносова, известного под 1566 г.³¹⁵, мы можем связать уже с местными уроженцами — своеземцами Буйносовыми, о которых говорилось выше. Одновременно с центральным управлением в Новгороде строилось управление духовными вотчинами. Та стройная система владычного двора, которая блестяще исследована в классической монографии Б. Д. Грекова, в основном сложилась не в домосковский период, а именно в XVI столетии, во многом копируя современные им институты Московского государства³¹⁶. Приказные и дети боярские Новгородского Софийского дома как служилые люди, обеспеченные владыкой земельными пожалованиями, появились в Новгороде едва ли к середине XVI столетия, когда мы впервые встречаем эти категории людей как компактную группу.

В течение XVI в. многочисленный новгородский служилый люд прошел развитие вместе со всем городом, участвуя во всех политических событиях и неурядицах. Социальная мобильность этих людей была достаточно велика. Не раз, как и повсеместно в Московском государстве XVI в., мы встречаем перетекание людей из одной социальной группы в другую. Особенно это заметно на переломе новгородской истории, в 1611–1617 гг. В это время служба в приказах становится более престижной и доходной, нежели обычная (воинская) служба служилого человека. Вероятно, именно в связи с этим большое число новгородских дворян просит зачислить их в рассылочные подьячие (самые низы бюрократии)³¹⁷.

Персональный состав Новгородской администрации рассматриваемого периода насчитывает более 250 человек. Разумеется, не все

³¹⁵ Грамота новгородских дьяков Андрея Васильева сына Буйносова и Леонтия Ананьина Вяжицкого монастыря игумену Арсению с братьями об отдаче половины обжи в вопчей деревне Горке в додачу за половину обжи по Ивангородской дороге, взятой на государя. 1566. 27.03. Список XVIII в. // СПБ. Кол. 174. Оп. 1. Д. 275.

³¹⁶ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии...

³¹⁷ Поручная запись по неслуживому сыне боярском Иване Гаврилове сыне Толмачеве о бытии ему в Поместной избе в рассылочных подьячих. 1612. 20.01 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 7; Челобитная неслужилого сына боярского Докучая Степанова сына Мартьянова о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместной избы. 1610. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 62; Челобитная Первого Иванова сына Шибалева о принятии на

они служили в городе одновременно. Огромное большинство этих людей — люди в приказах случайные, сумевшие попасть на службу в поисках источников для существования. Нам еще предстоит ответить на вопрос о том, каковы были реальные механизмы занятия должности рассыльщика или посылочного подьячего, откуда открывался путь к дальнейшей карьере. Внешне все обстояло просто: подавалась челобитная, которая вскоре удовлетворялась. Однако мне не известны отвергнутые челобитные, что позволяет предположить скрытый, не отраженный в источниках механизм занятия приказных должностей.

Состав новгородского дьяческого корпуса Смутного времени довольно четко подразделяется на тех, кто оказался в городе по назначению из Москвы, и тех, чье происхождение связано с Новгородом. В то же время многие дьяки, служившие в столице, также имели новгородское происхождение. Важнейшее место здесь занимает Ефим Телепнев, помещик Обонежской пятины, служивший в Новгороде в 1606–1607 гг. (и враждовавший с Иваном Тимофеевым), позднее перебравшийся в Москву, но оставивший в Новгороде четверых сыновей и брата, известных по документам из архива Новгородской приказной избы. Известный думный дьяк Томило Луговской также начинал карьеру в новгородских подьячих, и в 1602/03 г. он был записан среди помещиков Шелонской пятины³¹⁸. Таким образом, нельзя согласиться с Н. Н. Оглоблиным, утверждавшим, что «провинция не

службу в рассылочные подьячие Поместной избы 1612/13 (?) // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 64, мн. др. Выражаю свою глубокую признательность Лайле Нордквист за указанные мне документы.

³¹⁸ Дело по челобитью о поместье Григория Якимова. 1614, август // RA, NOA. Serie 2:145. Л. 1–4. 29 мая 1602 г. новгородский городской приказчик Неждан Луговской (отец Томила) был послан в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение, по результатам определить, кого отправлять в Ивангород (Наказ городовому приказчику, посланному в Котельницкую слободу переписать охотников и определить их семейное и имущественное положение. 1602. 29.05 // Дела Тайного приказа. Т. 2 (РИБ. Т. 22). СПб., 1908. Стб. 437–441). Через 13 лет, в 1615 г., когда в Москве, где Томило Луговской служил дьяком Разрядного приказа, обсуждался вопрос о размене пленными с занявшими Новгород шведами, предполагалось выменять в частности оставшегося в Новгороде сына Томила Луговского (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... Т. 1. С. 78).

производила дьяков, в провинциальных земских избах служили подьячие и дьячки»³¹⁹.

Примерно до 1603 г. все (или почти все) новгородские дьяки назначались непосредственно из Москвы. С началом Смуты наблюдается обратная тенденция: среди дьяков Новгорода множество местных уроженцев (Григорий Трусов, Корнил Иевлев, Ефим Телепнев³²⁰, Семен Лутохин, Андрей Лысцов, Томило Сергеев), в то же время в Москве чина думного дьячества достигают новгородцы по происхождению (Ефим и Василий Телепневы, Томило Луговской). Связано это, как мне представляется, с теми карьерными возможностями, какие открыла перед провинциальными служилыми людьми Смута (не будем забывать, что и другие новгородские дьяки того времени, к примеру — Третьяк Копнин, происходили из провинциальных дворян), и с дезинтеграцией Московского государства в Смуту.

Все новгородские дьяки в рассматриваемую эпоху — яркие и оригинальные фигуры. Самый известный из них, Иван Тимофеев, автор «Временника», уже не служил собственно дьяческую службу, хотя и оставался в городе весь срок существования новгородско-шведского политического альянса. Еще Андерс Шёберг³²¹ и Л. В. Черепнин³²² писали о его двух врагах, обвинявших дьяка в утайке казенных драгоценностей. Выдающийся стилист, яркая фигура эпохи Смуты, Иван Тимофеев в годы альянса не входил в новгородское правительство (за-

³¹⁹ *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 122–125.

³²⁰ Полагаю, что Ефим Телепнев шел на вершину карьеры вслед за своим братом Василием, который, несомненно, также имел новгородское происхождение. Так, 27 марта 1595 г. он записал за себя холопа в Новгороде вместе с братом Ефимием (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. Ст. 92–94). О карьере Василия Телепнева см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ... С. 75 и далее. При этом в конце XVI в. положение рода Телепневых в Новгороде было незавидным; они начинали службу с самого низа приказной иерархии: так, в 1586/87 г. упомянут рассыльщик Иван Телепнев (Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 232–232 об.).

³²¹ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and his Two still Unidentified enemies in Novgorod // Scando-Slavica. Vol. 26. 1980. P. 105–113.

³²² *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 7. 1961. С. 464–465.

нимая ключевые должности раньше, при воеводе кн. Андрее Куракине), хотя и выполнял какую-то приказную службу вплоть до 1617 г.³²³ Среди реально действовавших представителей верхов бюрократии Новгорода той поры следует назвать довольно быстро перешедшего на московскую службу дьяка Третьяка (Мелентия) Копнина и Томила Сергеева — участников посольства к Карлу IX, всеильного дьяка Пятого Григорьева, с конца 1612 г. возглавлявшего Дворцовое ведомство, и Семена Лутохина, второе лицо в приказной администрации Новгорода, первоначально (в 1611–1612 гг.) ведавшего Дворцом, а позднее переведенного ведасть Разряд и Поместный приказ.

Неожиданный взгляд на дело Ивана Тимофеева 1611 и 1615 гг. продемонстрировал Д. А. Рыбаков, знакомый с материалами архива Новгородской приказной избы. Ученый подробно рассмотрел историю обнаружения и исследования памятника, наметил те биографические черты дьяка Тимофеева, которые вроде бы указывают на его авторство «Временника» (служба под началом кн. И. М. Воротынского). Рыбаков поставил вопрос о том, является ли памятник законченным произведением или лишь черновыми набросками, которые автор впоследствии предполагал переработать³²⁴. Примечательно, что ученый остановился на личности обнаружившего документ дьяка

³²³ Еще в 1613 г. Тимофеев так описывал своё бедственное положение в челобитной о выдаче хлеба из казны: «Ныне ничем не пожалован, без приказу волочюсь я пять лет,.. а к твоему государеву приказному делу, к счету, волочюсь сядь день рано и поздно пеш» (Челобитная дьяка Ивана Тимофеева о пожаловании ему ржи из изменничьей ржи Богдана Помещикова. 1614, между 24 июля и 31 августа // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 13).

³²⁴ *Рыбаков Д. А.* «Временник» Ивана Тимофеева — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 60–65. В популярной статье, также посвященной личности дьяка Тимофеева, Рыбаков допускает явную модернизацию языка, употребляя такие термины, как «бухгалтер», «компромат», при этом автор не владеет терминологией источников XVII в. Так, дьяка Пятого Григорьева он именует «Пятункой», видимо, не понимая, что так о себе дьяк писал в третьем лице в челобитных на государево имя и именовать его так в тексте статьи несколько странно. Дьяк Тимофеев, по Рыбакову, выглядит человеком с «недужинными адвокатскими способностями», лучшим специалистом приказного дела, чем П. Григорьев, что не соответствует действительности (*Рыбаков Д.* «За бочешную рыбу». Судебная эпопея дьяка Тимофеева // Родина. 2006. № 6. С. 41–44).

Тимофея Кудрявцева. Предполагаю, что этот Тимофей Кудрявцев — то же лицо, что и подьячий Тимофей Афиногенов сын Кудрявцев, служивший в Новгороде в 1611–1615 гг. и несомненно знакомый со знаменитым дьяком³²⁵.

Новгородские подьячие представляли собой достаточно открытую социальную группу. Впрочем, уже в начале XVII в. обнаруживается тенденция к возникновению подьяческих кланов. Среди одновременно служивших в новгородских приказах известны отец с двумя сыновьями (Петр-Башмак Кондратьев, Третьяк Башмаков и Казарин Башмаков³²⁶), три брата (Иван, Василий и Постник Ананьины дети Заденского), Хамантовы, происходившие из семьи мелких вотчинников и постепенно внедрявшие в приказную среду своих представителей³²⁷, целая семья Лазаревых (Петр Лазарев, Константин и Фока Петровы Лазаревы, Иван Лазарев, Ларион Лазарев).

Рассыльщики и посылочные подьячие — это огромная армия мелких служилых людей, кормившаяся от дел. В делах Новгородского оккупационного архива мы встречаем множество челобитных о пожаловании в рассыльщики в Поместную или Дворцовую избы, причем челобитные сопровождаются ссылками на обнищание челобитчика, невозможность прокормиться. Более того, в челобитной бедного сына боярского Юрия Лутовинина содержатся указания на его героическую службу: «был я, холоп твой государев здесь в Великом Навегараде в асаде, а галава был Микиты Вышеславцев, а радител мои братея теперече тебе государю служит, а брата, государь, у меня

³²⁵ Поручная запись по Логину Перфирьеву о бытии ему в рассылочных подьячих Поместной избы. 1611. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 11; Розыск Никиты Калитина о потопленном учане с дровами, плененных русских и немецких приставах и ограбленных казаках. 1614, август — сентябрь // RA, NOA. Serie 2:122. Л. 1–2; Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 1615. 12.01 // RA, NOA. Serie 2:47. Л. 39.

³²⁶ В сентябре 1669 г. думный дьяк Дементий Башмаков, разозлившись на иверских старцев, очень эмоционально обвинял их в подаче ложной челобитной. В гневной речи дьяка промелькнули слова: «а я сам новгородец» (*Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 27). Полагаю, думный дьяк Башмаков происходил из новгородских подьячих Башмаковых, потомков Петра-Башмака Кондратьева.

³²⁷ Подробнее: Селин А. А. Ладога при Московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2006. С. 22–23.

убили на твоей государеве службе под Колугою, а плямяника у мняи убили под Русою...»³²⁸ Эти аргументы приводились для большей убедительности челобитной. Единовременное число рассыльщиков в новгородских приказах установить не удастся; о некоторых рассыльщиках есть только единичные упоминания.

Замечу, что в системе расходов новгородских приказов денежное (или, соответственно, хлебное и поместное) жалованье рассыльщикам не предполагалось. Вероятно, возможности кормиться «от дел» были в то время чрезвычайно высоки, почему даже должность рассыльщика была столь притягательна.

Служба в рассыльщиках давала возможность дальнейшего карьерного продвижения. Среди новгородских подьячих в 1621 г. (таблица 5) есть те, кто в начале 1610-х гг. служил рассыльщиком своего приказа (Дружина Харитонов, Богдан Березский).

В Новгороде в годы совместной шведско-новгородской администрации приказная прослойка начинает играть большую роль, несравненно большую, нежели в предшествующее время. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, уже с 1611 г. начинает именоваться с «вичем», т. е. с полным отчеством, значительно большее число людей, чем в предыдущие годы или даже в то же время, но в других областях Московского государства. Во-вторых, приблизительно с 1612 г. подьячие «против денежного жалованья» получают поместные оклады наравне с дворянами и детьми боярскими, причем рубль денежного жалования приравнивается к 10 четвертям поместного оклада³²⁹. Это

³²⁸ Челобитная неслуживого Бежецкой пятины Юрия Лутовинова царю Василию Шуйскому о службе в Поместной избе рассыльщиком // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 9.

³²⁹ «По государеву указу против денежного жалованья Василию против 22 рублей 220 чети, а Лариону против 15 рублей 150 чети» (Дело по челобитью о поместье подьячих Васки Частого и Лариона Лазарева. До 1614. 9.09 // RA, NOA. Serie 2:186. Л. 83–89). Замена денежного оклада подьячих поместным воспринималась как временная мера, ср.: «Того ж числа (4 ноября 1613 г. — А. С.) дана отдельная грамота подьячему Семену Шустову на Романово поместье Солецкого... как учнут давати государеву денежное жалованье, и те пошлинные деньги зачесть в оклад...» (Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35).

Об обеспечении дьяков и подьячих в более раннее время см.: Орлова Е. О. Поместное обеспечение дьяков... Есть, Впрочем, сведения о том, что

много: прожиточное поместье вдовы сына боярского составляло 50–100 четвертей, а годовой оклад земского дьячка (они, разумеется поместного жалования не получали) — 7 рублей³³⁰, оклады же новгородских подьячих средней руки составляли от 80 до 250 четвертей.

Служащие новгородских приказов в 1611–1617 гг., как правило, начали свою карьеру ранее, в начале XVII в. или в конце XVI. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде после июля 1611 г., привела к декларации новгородской самоидентичности, отличности Новгорода от основной территории Московской державы. В то же время принципы делопроизводства, употреблявшиеся в новгородских приказах 1611–1617 гг., были абсолютно идентичны московским. Ничего специфически новгородского здесь не наблюдается.

Новгородские приказы

Приказное управление городом и пятнами, сложившееся в годы деятельности новгородского правительства, продолжало те традиции, которые были заложены в XVI в. Но статус новгородских учреждений в этот период повышается: приказные избы все чаще именуется приказами. Однако еще Хагар Сундберг заметила, что верховное руководство русской администрацией — приказами — осуществлялось шведскими властями во главе с М. М. Пальмом³³¹.

Исследование принципов управления Русским государством проведено в серии статей и монографии Н. Ф. Демидовой³³². Во многом

и в конце XVI в. подьячие жаловались поместьями. В 1596 г. отставленный подьячий Ждан Алабухин был лишен своего поместья в Усть-Волмском погосте Деревской пятины, размер которого составлял 50 четвертей. Не думаю, что это было единственным жалованием подьячего, скорее, поместный оклад был дополнительным по отношению к денежному (Грамота на поместье Саввину монастырю, бывшее за подьячим Жданом Алабухиным. 1596. 15.06. // Краткая летопись о монастыре преп. Саввы. 3-е изд. СПб., 1849. С. 25–27).

³³⁰ Книги приходно-расходные государевым всяким денежным доходам при воеводе Никите Васильевиче Вышеславцеве. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:90. С. 16.

³³¹ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. С. 2.

³³² *Демидова Н. Ф.* Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // ИЗ. 1972. Т. 90; *Она же.* Государственный аппарат

ее труды восходят к поискам истоков формирования отдельных групп приказных управленцев и других категорий московских делопроизводителей в конце XIX — начале XX в.³³³ Исследовательница в первую очередь рассматривала общие принципы управления страной, состав московской бюрократии, истоки ее формирования и изменение в социальном статусе. В недавнем прошлом эти же проблемы нашли свое отражение в диссертационном исследовании Н. Г. Юркина, смело ставящего ранее не затронутые вопросы особого социального статуса этой бюрократии. Впрочем, это исследование представляется во многом спорным³³⁴.

Значительное число дел архива Новгородской приказной избы относится к делам о поместьях. Политический кризис начала XVII в. сопровождался и финансовой нестабильностью. Несмотря на широко известные данные о чеканке в Новгороде монеты, реальная стоимость денег была сравнительно невелика. Известны эпизоды, когда солдаты отказывались от денежного вознаграждения, предпочитая деньгам реальные ценности, в первую очередь — хлеб³³⁵. Поэтому мобилизация поместного фонда в Новгороде при правительстве Деллагарди — Одоевского была чрезвычайно интенсивной³³⁶.

России в XVII в. // ИЗ. 1982. Т. 108; *Она же.* Приказная бюрократия в России XVI–XVII вв. М., 1983.

³³³ *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 118–150; 219–241; *Лихачев Н. П.* Площадные подьячие XVI столетия // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 139–143.

³³⁴ *Юркин Н. Г.* Приказные управленцы XVI–XVII вв.: Уровень образования и морально-нравственные черты. Автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Иваново, 2002.

³³⁵ «...а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят с кручиною и о том: корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам денги, да корму добыти негде и купити zde ни у кого, с торгом из Новагорода нету никого, а в Новгород нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять денег да помереть над денгами голодом...» (Челобитная Григория Никитича Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. 1612, нач. // RA, NOA. Serie 2:75. Л. 64–66).

³³⁶ Подробнее: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5–13.

При наделении поместьями соискателей были задействованы силы нескольких учреждений. Поместный приказ владел информацией о наличном поместном фонде и практически осуществлял наделение поместьями — отделял помещику искомое поместье. Разряд обладал информацией о правомочности соискателя претендовать на тот или иной объем поместной дачи — его поместном окладе и присутствии/отсутствии в нетном списке.

Наличная информация в Новгороде, сосредоточенная в данных приказах, имела свои особенности. Сложная политическая ситуация создала обстоятельства, когда дьяки имели возможность пользоваться только теми книгами и верстальными списками, которые к июлю 1611 г. оказались в Новгороде³³⁷. Это не мешало приказам успешно работать. В 1612 г. оба приказа возглавил дьяк Семен Лутохин, и в представлении многих новгородских бюрократов (во всяком случае соискателей приказных должностей) Поместный приказ и Разряд представляли собой единое целое.

Приказ Большого прихода сосредоточил в себе сбор всех недворцовых доходов (и, соответственно, расходов) в Новгороде. В течение всего периода новгородско-шведского политического альянса роль приказа Большого прихода неуклонно снижалась. В 1612 г. приказ возглавлял дьяк Андрей Лысцов. В то время в стандартном формуляре документов, исходивших от Новгородского правительства, первыми фигурировали имена «бояр и воевод» Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского, а также дьяков Семена Михайловича (Лутохина) и Андрея Константиновича (Лысцова). Однако с начала 1613 г. число таких документов ничтожно, а после смерти Андрея Лысцова (примерно апрель — май 1613 г.) имена дьяков из формуляра пропадают. А основные доходы Новгорода концентрируются в Дворцовом ведомстве, под управлением дьяка Пятого Григорьева.

Новгородский Судный приказ (не дворцовый) также переживал в начале XVII в. не лучшие времена. В XVI столетии исполнение су-

³³⁷ Подробнее: Селин А. А. Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003. Приложение 3; *Он же*. Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда кон. XVI — нач. XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2001—2002. Псков, 2003. С. 143—150.

дебных обязанностей в значительной степени лежало на детях боярских — недельщиках³³⁸. Однако чрезвычайные обстоятельства Смуты в 1609 г. препоручили исполнение службы приставов низшим подьячим, прежде всего — посылочным и рассыльщикам. Когда после снятия осады с Новгорода в 1609 г. предполагалось возобновить существовавшую до Смуты систему, новгородские подьячие воспротивились этому и били челом Василию Шуйскому: «Служим твои посылочные и городовые службы днем и ночью и, в осаде сидючи, были мы приставлены у ворот и у башен и к тебе государю к Москве и по городом з грамоты проезжали сквоз воровские полки и в полон иманы и всякую нужу терпели и острог, государь, с своих дворишков ставили, а твоим, государь, жалованьем денежным и хлебным не пожалованы...»³³⁹ В годы осады новгородское правительство (формально кн. М. В. Скопин-Шуйский, а реально, видимо, дьяки Телепнев и Тимофеев) позволило подьячим и рассыльщикам «в Судной избе дела делати». Челобитная новгородских подьячих была удовлетворена, и число недельщиков из детей боярских и земцев с этого времени ничтожно. От деятельности Судного приказа сохранилось четыре книги. По всей вероятности, судебные дела велись регулярно на протяжении всего существования политического образования.

Как и в Поместном приказе и Разряде, исходная, так сказать, конституциональная, документация Судного приказа в Новгороде в это время была принципиально неполной. И в 1616 г. новгородская администрация, где роль дьяков — опытных бюрократов к тому времени резко снизилась (с начала 1616 г. Семен Лутохин и Пятой Григорьев были практически отстранены от дел из-за отказа присягнуть Густаву Адольфу, а приписи на большинстве документов этого времени принадлежат подьячему Григорию Собакину),

³³⁸ Подробнее: Алексеев Ю. Г. Статьи о недельщиках. Реформа центрального судебно-политического аппарата при Иване III // Вестник СПбГУ. Сер. 2 (история, язык, литературоведение). 1999. Вып. 1. С. 3—14; Стрельников С. В. К изучению юридической терминологии в средневековой Руси X—XVII вв. («правда», «праветчик», «недельщик») // ОФР. Вып. 8. М., 2004. С. 58—74.

³³⁹ Челобитная новгородских рассыльщиков и подьячих царю Василию Шуйскому о пожаловании их быть у государевых судных дел. 1609/10 // RA, NOA. Serie 2:335. Л. 8.

вынуждена была обратиться к практике обычного права — иными словами, выносить судебное решение на основании мнения наиболее уважаемых новгородцев — князя Ивана Афанасьевича Мещерского, Григория и Матвея Муравьевых, Никиты Вышеславцова и Андрея Ногина³⁴⁰.

Совсем небольшим ведомством в эти годы являлся Новгородский ямской приказ, где служил лишь один подьячий, Постник Раков, ведавший всеми новгородскими ямскими делами. Надо сказать, однако, что ямское устройство в Новгородской земле в эти годы не отличается тот размах, какой оно носило в царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова, несмотря на необходимость качественных дорог в годы непрерывных военных действий. Среди таких мероприятий можно отметить лишь лихорадочные усилия новгородского правительства по обустройству Ивангородской дороги летом 1613 г.³⁴¹, видимо в связи с подготовкой к предполагаемому приезду Карла Филиппа в Новгород.

³⁴⁰ Их привлекли для решения дела о конокрадстве в качестве экспертов в местном законодательстве для ответа на вопрос: «как у них у ково человек побежит, а сведет с собою лошади и иной какой живот снесет, взяв у ково у стороннево человека, и те лошади или иной какой живот те люди, у ково человек збежит, тем сторонним людям за своих беглых холопей платят и, и что у них тому земской указ». Ответ заключался, однако, в том, что «у них таких дел в Новгороде не бывало». Позднее, будучи спрошены повторно, дворяне вынесли вердикт: Семен Лутохин, Иван Шваль и конюх Радей виноваты только в побеге человека. Кроме того, особое определение было вынесено в адрес Ивана Шваля: «велено ему, Ивану Швалю, стоять на ставе и Новгорода острегать ото всяково дурна, и он тово не уберег, что Семенов человек Лутохина Поташко за город прокрался и ево человек Харка с ево заставы побежал». Так как побежали они вместе, то Лутохин также был виноват в том, что не объявил о побеге своего человека воеводам. Конюх Радей виноват в том, что он, собственно, нанимался лошадей беречь и не уберег, и дал сбежать другим конюхам. Дворяне советовали воеводам: на Ивана Шваля и на Радея наложить компенсацию за лошадей, Швалю потерю лошади не компенсировать, а на Семена Лутохина возложить минимальную компенсацию. Истцов же допросить накрепко о цене лошадей и эту цену им заплатить (Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сент. после 17 — 11.10 // RA, NOA, serie 2:165).

³⁴¹ Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:34. С. 471—520.

Таблица 1. Новгородские недворцовые приказы к 1 сентября 1612 г.

Разрядный приказ	Поместные дела Водской, Шелонской и Деревской пятин	Поместные дела Бежецкой и Обонежской пятин	Судный приказ	Ямской приказ
Подьячий Василий Частой с товарищи	Подьячий Ждан Молеванов Подьячий Афанасий Бражников Подьячий Третьяк Башмаков	Подьячий Дмитрий Игнатъев Подьячий Иван Емецкий	Подьячий Семен Собакин Подьячий Тимофей Одинцов	Подьячий Постник Раков

Источники: Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140); Запись о выдаче подьячим четверти жалованья // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 53.

Табл. 1а. Персональный состав и жалованье подьячих Новгородского разряда в 1613/14 г.

Подьячие	Оклад, руб.
Василий Частой	22
Иван Заденский	13
Третьяк Никитин	6
Иван Крестьянинов	6
Казарин Башмаков	4
Тимофей Одинцов	4
Андрей Коломский	3
Семен Шустов	1,5
Данило Раков	1,35

Источник: Запись о даче жалованья подьячим. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2:172. Л. 90.

Из сравнения вышеприведенных таблиц видно, что многие подьячие остались на службе и по возвращении Новгорода под власть Москвы. Некоторые из них сменили ведомство; так, Афанасий Бражников перешел из Поместного приказа в Судный. Подьячий Данило Раков — самый низкооплачиваемый подьячий Разряда в 1613/14 г., спустя несколько лет назван первым среди подьячих Большого прихода. Младший подьячий Поместного приказа в 1621 г. Первой Томилов — это сын Томила Сергеева, старорусского дьяка в 1611/12 г. Разрядный подьячий Родион Юрьев после службы в Новгороде был переведен в Москву в Посольский приказ, где позже служил подьячим также его сын, Е. Р. Юрьев³⁴². Но в новгородском Разряде он продолжал служить еще в 1631 г., когда 18 марта 1631 г. скрепил разборную десятню новгородских атаманов и казаков³⁴³.

Особым учреждением в управлении Новгорода в рассматриваемый период являлся Новгородский дворец (или Новгородский дворцовый приказ). Должность дьяка — управляющего Дворцовым приказом была ключевой. Именно во Дворец обращались главы новгородского правительства при необходимости получения чрезвычайных доходов. В течение рассматриваемого периода Новгородский дворец поочередно возглавляли дьяки Семен Лутохин, Третьяк Копнин и Пятой Григорьев. Именно в годы деятельности последнего Новгородский дворцовый приказ достигает своих максимальных успехов. Доходы с недворцовых волостей и иные в 1612–1616 гг. резко снижаются, а постоянная нехватка средств вынуждает власти постоянно обращаться во Дворец за средствами. В ведение Дворца в эти годы входят доходы с оброчных сенокосов, пашней, рыбных ловель, дровяных рубок. Огромные территории находятся под управлением Дворца, где, в отличие от земель с поместным хозяйством, продолжают жить и хозяйствовать крестьяне. Парадоксальная ситуация сложилась, к примеру, в районе Тесовской волости: на многие версты в поместных деревнях вдоль Рыденки, Тесовой, озер Пристанского и Тесовского нельзя было найти ни одного крестьянина, целые деревни были заселены дворянскими

³⁴² *Беляков А. В.* Подьячие Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей. М., 2001. С. 214.

³⁴³ Разборная десятня новгородских атаманов и казаков разбора боярина и воеводы кн. Ю. Я. Сулешева и кн. С. Н. Гагарина. 1631 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 297. Л. 109 об.

Табл. 2. Новгородские недворцовые приказы в 1620/21 – 1621/22 гг.

Дьяки										Оклады, руб.	
Михаил Милославский										150	
Добрыня Семенов										130	
Разрядный приказ		Большой Приход		Поместный приказ		Судный приказ		Ямской приказ			
Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.	Имя	Оклад, руб.
Родион Юрьев	25	Данило Раков	25	Третьяк Башмаков	20	Семен Шустов	15	Иван Пахомов	15	Иван Пахомов	17
Первой Андреев	22	Константин Петров	20	Дмитрий Игнатьев	15	Гуляй Заливнев	15	Дружина Харитонов	15	Дружина Харитонов	8
Григорий Федосеев	17	Иван Лазорев	20	Иван Панфилов	5	Афанасий Бражников	12				
Василий Ногавицын	12	Ананья Нечаев	10	Первой Томилов	5						
Иван Карпов	3										

Источники: Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Опись Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 176–239.

Таблица 3. Новгородский дворцовый приказ к 1 сентября 1611 г.

Глава приказа — дьяк Семен Лутохин		
Подьячие Денежного дела	Подьячие Хлебного дела	Подьячие Судного дела
Старые подьячие	Старые подьячие	
Первой Карпов	Сидор Коптев	Никифор Коптев
Остафий Савин	Андрей Белого	Иван Кононов
Молодые подьячие	Молодые подьячие	Василий Заденский
Дмитрий Елисеев	Ждан Иванов	
Первой Андреев	Иван Великосельский	
Михайло Константинов	Андрей Коломский	
Матвей Помещиков		

Источник: Имена Дворцового приказу подьячим и молодым. Ранее 1611. 6.09 // RA, NOA. Serie 2:351. Л. 1 об.

Таблица 4. Новгородский дворцовый приказ в 1612–1613 гг.

Глава приказа — дьяк Пятой Григорьев				Оклад 50 р.	
Подьячие Денежного дела		Подьячие Хлебного дела		Подьячие Судного дела	
Старые подьячие	Оклад, руб.	Старые подьячие	Оклад, руб.		
Никифор Коптев	25	Сидор Коптев	23	Имя	Оклад, руб.
Первой Карпов	23	Андрей Белого	20	Яков Лукин ³⁴⁴	15
Иван Кононов	12			Василий Заденский	11
Молодые подьячие	Оклад, руб.	Молодые подьячие	Оклад, руб.		
Дмитрий Елисеев	8	Иван Великосельский	9		
Михайло Константинов	6	Игнат Васильев	3		
Гриша Федосеев	3	Семен Яковлев	2		

Источники: Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 34. Л. 429–435; Роспись прихода и расхода государевых оброчных доходов за 1610/11, 1611/12, 1612/13 гг. // RA, NOA. Serie 2:69.

³⁴⁴ В 1612 г. у судных дел не служил, находился в посольствах в Швецию, позднее — в Ярославль.

семьями. В то же время рядом находилась огромная Тесовская волость, где жили десятки дворцовых крестьян.

Дворец представляется более сложно структурированным учреждением, нежели остальные новгородские приказы. Показательно, что новгородский Житный двор, на всем протяжении существования политического образования 1611–1617 гг. тесно взаимодействовавший с Новгородским дворцовым приказом, не был включен в структуру Новгородского дворца при правительстве Делагарди — Одоевского, но после 1617 г. оказался его составной частью (замечу, кстати, что там продолжал служить и подьячий Суббота Никифоров) (ср. таблицы 3–5).

Таблица 5. Новгородский дворцовый приказ в 1620/21 г.

Денежного дохода и расхода подьячие	Оклад, руб.	Хлебного стола подьячие	Оклад, руб.	Житного двора подьячие	Оклад, руб.
Иван Кононов	20	Иван Прокофьев	20	Суббота Никифоров	20
Богдан Березский	15	Андрей Коломский	15	Денис Деревецкий	12
Писчик Яков Власьев	2	Иван Великосельский	12		
		Юрий Собакин ³⁴⁵	12		

Источник: Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Описание Новгорода 1617 г. Ч. 2. М., 1984. С. 240–301.

Особое место в системе управления Новгородского дворца в годы Смуты (вероятно, и ранее) занимал приказной аппарат Старой Руссы. Если в других новгородских пригородах подьячие назначались из Новгорода, как бы во временные командировки, то в Старой Руссе существовал самостоятельный приказной аппарат, обеспеченный за счет старорусских доходов. Причина этого, как мне кажется, кроется в особом месте Руссы в системе обеспечения

³⁴⁵ Видимо, представитель разветвленной фамилии подьячих Собакиных, служивших в Новгороде в конце XVI — начале XVII в.

Новгорода средствами. Старорусская соль и доходы дворцовых старорусских погостов требовали, вероятно, достаточно оперативного управления. Еще в 1597/98 г. штат старорусской бюрократии был расширен до 12 человек. А с 1610 г. второе лицо в управлении Старой Руссой (после воеводы) — дьяк, а не подьячий. Упоминается и старорусский Разряд или Разрядная изба. 11 старорусских погостов и сам город Русса — особый район, управлявшийся с большим или меньшим успехом непосредственно Новгородским дворцом, начиная с зимы 1611/12 г.

Таблица 6. Жалованье приказным Старой Руссы в 1610–1612 гг.

Старорусские приказные		Оклад	
Имя	Должность	Денежный, руб.	Поместный, четверть
Григорий Нечаев	Подьячий	10	50 ³⁴⁶
Федот Кожарин	Подьячий	8	20
Михаил	Подьячий	8	20
Андрей Бадаков	Подьячий	8	20
Ждан Рябинин	Подьячий	8	50
Алексей Мосорин	Подьячий	8	50
Петр Корпов (Корповский)	Рассыльщик ³⁴⁷	—	10
Григорий Порецкий	Рассыльщик	—	10
Василий Григорьев сын Мартемьянов	Рассыльщик	—	10
Михайло Лизунов	Рассыльщик	—	10
Андреян Федоров	Рассыльщик	—	10

Источники: Роспись старорусских подьячих и рассыльщиков с указанием денежного и поместного оклада. 1612, март – апрель // RA, NOA. Serie 2:358. Л. 41–43.

В течение существования альянса осуществлялись попытки проконтролировать деятельность новгородских приказов. 17 августа 1613 г. свою ревизию Дворцового и Поместного приказа начал дьяк Иван Тимофеев, знаменитый автор «Временника». Ему в помощни-

³⁴⁶ С 1612 г. — 15 рублей, 150 четвертей.

³⁴⁷ По указу царя Федора Ивановича 1597/98 г. в Старой Руссе было велено устроить шесть рассыльщиков.

ки был определен подьячий Никифор Коптев, наиболее заслуженный подьячий Дворцового приказ (ср. табл. 3–4). «Счет» дьяка Ивана Тимофеева продолжался по крайней мере до сентября 1614 г., когда он лишился своего помощника, — Никифор Коптев, находясь в своей поместной деревне, попал в плен к псковским «шишам» (а возможно, добровольно перешел на сторону Москвы)³⁴⁸. Думаю, что именно ревизия Тимофеева приобрела ему недоброжелателя в лице дьяка Пятого Григорьева, о чем еще несколько десятилетий назад писали А. Шёберг³⁴⁹ и Л. В. Черепнин³⁵⁰ (и сам дьяк так думал)³⁵¹. Заметим, кстати, что в полемике с дьяком Григорьевым дьяк Тимофеев показал себя гораздо более слабым бюрократом, а свои просчеты был вынужден оправдывать «простотой». Как тут не усомниться в его авторстве «Временника»!

Пример вызова на службу безместного дьяка Ивана Тимофеева показывает, что в какой-то момент (видимо, к 1613/14 г.) новгородское правительство столкнулось с острым дефицитом приказных управленцев. Известен случай, когда на приказную службу вызывались и ушедшие от дел новгородские подьячие. Таков Ждан Алабухин. Его карьера закончилась еще в 1596 г., однако в конце сентября 1613 г. он был вызван в Поместный приказ и справил дело по челобитной о поместье Семена Гулидова³⁵².

Имена новгородцев

Вопрос об именах, которые носили (и, соответственно, которые давали) в разные исторические эпохи, часто интригует исследователей. Как и многая другая «лукавая» информация, она легко поддается количественному подсчету, но не анализу. Приведу несколько примеров наблюдений в данной области, не намереваясь исчерпать всей историографии.

³⁴⁸ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2:55.

³⁴⁹ *Sjöberg A.* Ivan Timofeev and is Two still Unidentified enemies...

³⁵⁰ *Черепнин Л. В.* Материалы по истории русской культуры...

³⁵¹ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева...

³⁵² Дело по челобитной о поместье Семена Копосова сына Гулидова. 1612, сент. // RA, NOA. Serie 2:114.

В конце XIX в. публикация массовых письменных источников эпохи Московского царства подтолкнула русских филологов к первым таким размышлениям. Особое внимание ученых приковали к себе в те годы некалендарные имена, в обилии встречающиеся в документах XV–XVII вв. Результатом этих исследований стал классический труд Н. М. Тупикова³⁵³.

Тогда же на страницах журналов развернулась плодотворная дискуссия о характере имен. Первой работой, в которой проблема некалендарных имен в писцовых книгах была специально рассмотрена, может считаться статья Н. Чечулина в журнале «Библиограф»³⁵⁴. Специфика источника — писцовые книги, в которых поименно названы представители всех социальных групп, — позволила Чечулину прийти к широким обобщениям. Одно из важнейших заключается в том, что в отношении именования между сословиями не было резких разграничений. По его наблюдениям, «даже священники носили такие имена. Иногда было три имени: прозвище и два крещеных имени — одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким. Это делалось по верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами и вообще иногда легко сглазить человека»³⁵⁵. Всего ученый выявил более 700 некалендарных имен, упоминаемых в писцовых книгах³⁵⁶. Н. Чечулин отмечал также редкость имени Николай. Среди просмотренных им 50 000 имен имя Николай (в форме Микула) встретилось менее ста раз. Чечулин отмечал также большую редкость женских «некрещеных» имен. В ряде случаев ученый делал экскурсы в этимологию имен, им встреченных.

Автор «Этнографического обозрения», подписавшийся «Н. Х.» (Николай Харузин?) высказал мысль о том, что некалендарное имя не являлось прозвищем. Он усматривал аналогии между существова-

³⁵³ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. Т. 6. СПб., 1903.

³⁵⁴ Чечулин Н. Личные имена в писцовых книгах XVI в., не встречающиеся в православных святцах // Библиограф. 1890. Год 6. № 7–8.

³⁵⁵ Здесь в издании приведено примечание Н. И. Костомарова: «Это сведение, как кажется, нигде не напечатанное, открыто Н. В. Калачовым, сообщившим его мне» (Чечулин Н. Личные имена в писцовых книгах... С. 74).

³⁵⁶ Исследователь пользовался изданными Н. В. Калачовым в двух томах «Писцовыми книгами Московского государства XVI в.».

нием русских некалендарных имен в XVI–XVII вв. и двуименностью у древних христианских народов, а также у осетин и русинов в XIX в. Статья была написана на основе десяти XVII в., опубликованных В. Н. Сторожевым³⁵⁷, таким образом, в ней был проведен анализ имен представителей служилого сословия (всего более 300 имен, включая отчества)³⁵⁸. Вслед статье Н. Х. было по данной проблеме опубликовано две работы А. Балова, одна из них — в том же номере «Этнографического обозрения». Данные, собранные Н. Х. из десяти, Балов дополнил именами из «Синодика опальных» Ивана Грозного и «Собрания государственных грамот и договоров». По мнению ученого, значительное количество известных некалендарных имен давалось ребенку при рождении, в зависимости от обстоятельств рождения, от особенностей ребенка (третий ребенок — Третьяк, и т. п.). Балов предположил также, что такие имена могли даваться и непросвещенными священниками³⁵⁹.

Более обстоятельная работа А. Балова была опубликована через несколько лет в «Живой старине». Основная мысль ученого заключалась в следующем: в науке сложилось мнение, что лишь князья до XV в. сохраняли вторые имена. Согласно ученому, православие, обрядность распространялись не от низших классов общества к высшим, а наоборот. Следовательно, в не княжеской среде противодействие церкви использованию нехристианских имен не должно было быть сильным. Современная А. Балову этнография фиксировала подобную двуименность у лопарей, вотяков, закавказских народов. Ученый привел оригинальный список русских некалендарных имен из опубликованных к тому времени источников XVI в., в ряде случаев снабдив их этимологиями и подыскав позднейшие производные. Так, по мнению А. Балова, имя Казарин восходит к этнониму «Хазар», «Хазарин». Наблюдения А. Балова показали также, как ничтожно мало число женских некалендарных имен³⁶⁰, что заметил уже Н. Чечулин.

³⁵⁷ Сторожев В. Н. Десятни XVI в. // Описание документов и бумаг Мамю. Т. 8. М., 1891.

³⁵⁸ Н. Х. К вопросу о древнерусских «некалендарных» именах // ЭО. 1893. № 1. С. 122–128.

³⁵⁹ Балов А., Н. Я. К вопросу о древнерусских некалендарных именах // ЭО. 1893. № 1. С. 152–157.

³⁶⁰ Балов А. О древнерусских «некалендарных» именах в XVI–XVII вв. // ЖС. 1901. № 3/4. С. 105–115.

Европейская историография также исследует проблему именования³⁶¹. Однако католическая и протестантская традиция дачи имен сильно отличается от православной, допуская большое число имен у одного человека. Одна из недавних работ принадлежит перу Х. Клапиш-Цубер и посвящена детским именам в позднесредневековой Италии. По наблюдениям ученой, еще в 1370 г. дети, как правило, носили одно имя. Но в конце XIV в. многое изменилось (в особенности в Сиене и Флоренции). Имена в это время дают именно как посвящение ребенка тому или иному святому. Многое в выборе имени зависело от приходских священников. В Пизе, Лукке, Болонье имя ребенка должно было соответствовать святому, чья память праздновалась в день внесения младенца в церковь. «Второе имя ребенка проносилось перед церковным престолом, во время ритуала крещения человеком, который нес милицажденного к баптистерию — часто это была акушерка, кормилица или ее муж». Во Флоренции дело обстояло иначе. Здесь в выборе имен гораздо бóльшая роль принадлежала священнику. Отдельно исследователь рассматривает «очень политического святого» — Ромула (тоскан. *Romolo*, fem.: *Romola*). Между 1467 и 1472 гг. во Флоренции так было названо 10% детей. Между 1472 и 1482 г. — от 10 до 20%, с 1482 г. — так именовалм 25–50% детей. За период 1502–1511 гг. имя Ромоло/Ромола получили 87% мальчиков, 80% девочек, а в 1530–1533 гг. так называли всех мальчиков Флоренции. Народная тосканская легенда XIV–XV вв. гласила, что св. Ромул, первый епископ Fiesole (пригород Флоренции), проповедовал Евангелие в этих краях в конце I в. н. э. Отсюда и такая его необычайная популярность на рубеже XV–XVI вв.³⁶²

Русская традиция именования рассмотрена в известной книге Р. Хелли о холопстве в Московском государстве³⁶³. Анализу были подвергнуты как мужские, так и женские имена одной социальной группы — холопов, в сравнении с именами лиц, упомянутых Дворовой тетрадью середины XVI в.

³⁶¹ Настоящая книга была уже закончена, когда мне довелось познакомиться с обстоятельной монографией С. Вильсона о социальной и культурной истории личных имен в Западной Европе (*Wilson S. The means of names. A social and cultural history of personal names in Western Europe.* L., N.Y., 2004).

³⁶² *Klapish-Zuber Ch. Children's First Names in Italy during the Late Middle Ages // The Medieval History Journal. Vol. 2. Nr. 1. 1999. P. 37–54.*

³⁶³ *Hellie R. Slavery in Russia.* Chicago; L., 1982. С. 397–398.

В работе М. С. Черкасовой была исследована антропонимия монашества Троице-Сергиева монастыря XIV–XVII вв.³⁶⁴ Из 1108 монахов 13 человек жили в XIV в., 200 имен относится к XV в., 402 — к XVI в. и 503 — к XVII. М. С. Черкасова насчитала 208 монашеских имен. В исследовании подтверждается общеизвестное мнение о том, что, как правило, при пострижении монахи сохраняли первую букву мирского имени, впрочем, известны и исключения. Имена троицких монахов часто писались с фамильными прозвищами и отчествами. В материалах архива Новгородской приказной избы мне встретился только один монах с фамильным прозвищем — старец Хутынского монастыря Андроник Шишмарев, собиравший зимой 1611/12 г. деньги с монастырских вотчин в Деревской пятине³⁶⁵.

Из работ последних лет упомяну еще большую статью К. Мюллера, специально посвященную женским именам и основанную на анализе поминальника 1734–1773 гг. из Московского Новодевичьего монастыря³⁶⁶. Всего в поминальнике названо 334 монахини с указанием дня и месяца их смерти. На 334 умерших пришлось 164 различных имени (анализу подвергались имена, дававшиеся при принятии великой схимы). Девять раз упоминается Александра, семь раз — Евпраксия, семь раз — Елисафета, шесть раз — Ираида, шесть раз — Ксенофонта, по пять: Алимпиада, Евдокия, Иулиана, Маргарита, Назарета, Таисия. К. Мюллера смутило, что Ольга в качестве схимонашеского прозвания упоминается лишь трижды, несмотря на то, что это первая русская святая. Интересно замечание исследователя, что доля достоверно календарных имен составила всего около 55%. Остальные — преимущественно искусственные образования³⁶⁷, также три ветхозаветных имени, для которых иссле-

³⁶⁴ *Черкасова М. С. К изучению антропонимии русского средневековья (на материалах Троице-Сергиева монастыря XV–XVII вв.) // Ферапонтовский сборник. Вып. 5. М.; Ферапонтово, 1999. С. 31–41.*

³⁶⁵ Роспись разных казенных сборов доимочных и взятых по итогам за 1608/09, 1609/10 и 1610/11 г. и предшествующие годы на 1611/12 год за приписью дьяка Андрея Лысцова (без начала) // RA, NOA. Serie 2:350 (serie 1:140). Л. 749.

³⁶⁶ *Мюллер К. Sanctimonialia nominalia. Фрагмент русской исторической ономастики // Palaeoslavica. Т. 3. 1995. P. 163–175.*

³⁶⁷ Приводимые Мюллером примеры: Авдиана, Авксентия, Анемподиста, Досифеа, Евагрия, Евлогия, Евтихия, Ираклия, Иринарха, Калистратия, Ксенофонта, Македония, Мартиниана, Мефодия, Никандра, Пагкратия, Памфилия, Парфения, Трифилия, Филарета, Христофора и др.

дователь не смог установить календарный день: Деввора, Есфирь и Рахиль³⁶⁸. Несколько имен вообще не поддались поиску происхождения³⁶⁹. Почти отсутствуют в поминальнике имена славянские: Ольга (3), Вера (2), Надежда (3), Любовь (1).

Занимательная статистика распространения мужских и женских имен в Смоленской губернии в 1918 г. приведена в работе И. В. Даниловой³⁷⁰. По ее наблюдениям, среди мужских имен наибольшее распространение имели в 1918 г. Иван (встречено 486 раз), Николай (366), Михаил (302), Александр (194), среди женских — Анна (449 раз), Мария (431), Екатерина (207), Анастасия (204).

В исследовании А. Б. Каменского о повседневной жизни г. Бежецка XVIII в. также приведена статистика распространения имен среди бежецкого купечества. Ученый отметил небольшое число женских имен, использовавшихся бежечанами в XVIII в. Их всего 40, что ниже, чем в среднем по России³⁷¹.

Новгородская традиция именования исследовалась еще в 1950-х гг. А. Бэклунд³⁷². Источниковая база ученого была небольшой: исследовался лишь домосковский период новгородской истории. Таким образом, основным источником послужила публикация грамот Великого Новгорода и Пскова³⁷³, кроме того, летописи и берестяные грамоты. Интересно наблюдение Бэклунд о том, что из 176 лиц с именем Иван 150 встречены именно в грамотах, а не в летописях. Ученый отметил также редкость таких имен, как Андрей и Ферапонт (по одному).

³⁶⁸ Редактор журнала А. Б. Страхов привел свои замечания на эту сентенцию К. Миллера: Эсфирь и Рахиль поминаются в Неделю св. праотец; женские же имена, образованные от мужских — широко встречаются у Мельникова-Печерского, в берестяных грамотах, в приписках писцов.

³⁶⁹ Мавстридия, Илинарха, Малофрофия, Мелхина, Назарета, Феоклиста, Трпелагия.

³⁷⁰ Данилова И. В. Анализ именника Смоленского края в 1918 г. // Славяне. Письменность и культура. Мат. науч. конф. Смоленск, 2002. С. 181–186.

³⁷¹ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 80–82.

³⁷² Baeklund A. Personal names in Medieval Velikij Novgorod. Stockholm, 1959 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de Philologie Slave. 9).

³⁷³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Таблица 7. Наиболее употребительные имена в Новгороде XIV–XV вв. (по А. Бэклунд)

Имя	Встречаемость	
	в именах	в отчествах
Иван	146	65
Василий	79	49
Григорей	72	30
Федор	71	37
Семен	57	27
Яков	51	17
Степан	49	18
Михайло	35	17
Юрий	32	18
Есиф	31	14
Дмитрей	26	11
Ондрей	26	21
Матфей	25	12
Павел	25	9
Олексей	23	12
Сидор	21	9
Кузьма	20	11
Максим	20	12
Игнатей	18	9
Микита	18	3
Олександр	17	10

Источник: Baeklund A. Personal names in Medieval Velikij Novgorod (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de Philologie Slave. 9). Stockholm, 1959. С. 88.

Имена новгородцев, упомянутых в документах архива Новгородской приказной избы специально подвергались рассмотрению дважды: в отдельном параграфе исследования Хагар Сундберг о новгородских кабальных книгах³⁷⁴ и в защищенной в 2006 г. в Геттингене докторской диссертации Клаудии Нитшке³⁷⁵.

³⁷⁴ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 189–195.

³⁷⁵ Nitschke C. Die Novgoroder Namenlandschaft zu Beginn des 17. Jahrhunderts. München, 2006 (Slavistische Beiträge. 448).

В работе Х. Сундберг анализ ономастикона кабальных книг не был центральной задачей, однако она дала обстоятельный обзор этого материала. По подсчетам Х. Сундберг, в кабальных книгах упомянуто более 400 человек. При анализе именованности, исследовательница в основном использовала наблюдения А.А. Мирославской над сходным видом источников – новгородскими кабальными книгам рубежа XVI–XVII вв. Х. Сундберг привела и некоторую статистику.

В исследовании Нитшке обнаруживает себя отличное знакомство ученого с русской ономастической историографией и неплохое знание истории Новгорода XVI–XVII вв. К. Нитшке подробно рассмотрела дискуссию о том, что считать именем, а что не считать применительно к русской традиции XV–XVII вв. справедливо, на мой взгляд, присоединилась к мнению А. А. Зализняка: и в XVII столетии некалендарные имена – такие же полноправные, как и календарные³⁷⁶. Исследовательница стремится анализировать весь объем имен, встречающийся в документах архива. Ей, как она считает, удалось выявить 2401 женщину, которые носили 60 имен и 2341 мужчину, носившего, соответственно 285 имен,³⁷⁷ из которых 82 некалендарных и 169 календарных. Возникает однако сомнение в том, что в приведенной К. Нитшке статистике все так точно: думаю, что без специального исследования биографий всех людей невозможно утверждать, что в данных подсчетах одно и то же лицо не упомянуто дважды-трижды. В именованном указателе делается попытка социального ранжирования имен. По мнению канадской славистки Клаудии Радунцель, исследование К. Нитшке дает софиологический фон к материалам архива Новгородской приказной избы³⁷⁸; видимо в этом суждении проявилось знакомство К. Радунцель лишь с филологической литературой, посвященной новгородскому обществу начала XVII в.

На основании анализа материалов архива Новгородской приказной избы, а также иных источников о новгородском обществе начала XVII в., обзорные таблицы которых я дал в специальной главе, мне удалось составить таблицы встречаемости мужских и женских имен в Новгороде

³⁷⁶ Там же. С. 86–88.

³⁷⁷ Там же. С. 178–179.

³⁷⁸ Radünzel C. Рец.: Claudia Nitschke Die Novgoroder Namenlandschaft zu Beginn des 17. Jahrhunderts. München, 2006 (Slavistische Beiträge. 448). // Canadian Slavonic Papers. Vol. 49. 2007. № 1/2. P. 155–156.

Таблица 8. Мужские имена служилых людей Новгорода начала XVII в.

Мужские имена	количество
Иван	544
Федор	231
Василий	189
Андрей	153
Григорий	152
Богдан	136
Семен, Симон	133
Михаил	124
Степан	120
Петр, Петеля	111
Никита	103
Афанасий, Фуник	71
Тимофей	65
Дмитрий	53
Борис	51
Никифор	51
Алексей	49
Гаврило	49
Матвей	46
Данило	38
Игнат, Игнатий	38
Ждан	37
Максим	36
Третьяк	36
Юрий	36
Яков	36
Осип	29
Илья	27
Роман	27
Томило	26
Первой	25
Александр	24
Павел	24
Леонтий	23
Пятой	22
Артемий	21

Мужские имена	количество
Захар, Захарий	21
Кузьма	20
Постник	20
Друг, Друган, Другиня, Дружина	19
Ефим, Ефимий	18
Прокофий, Проня	17
Сергей	17
Давыд	15
Тихон	15
Шестак, Шестой	15
Антон ³⁷⁹ , Антоний	14
Воин	14
Казарин	14
Константин	14
Яким	14
Второй	13
Моисей	13
Терентий	13
Астафий, Остафий	12
Кирилл	12
Владимир	11
Ларион	11
Лука	11
Савва, Сава	11
Фаддей, Фотей	11
Герасим	10
Родион	10
Истома	9
Лев	9
Пимен	9
Семой	9

Мужские имена	количество
Дементий	8
Еремей, Рюма	8
Крик, Крюк, Кряк	8
Макар, Макарий	8
Нечай	8
Олфер, Олферий	8
Парфен, Парфений	8
Проход	8
Сила	8
Филипп	8
Аггей (Агей, Агиш)	7
Аксен, Аксентий	7
Дей (Авдей)	7
Карп	7
Клементий, Клим	7
Лаврентий	7
Маньшой, Меньшик	7
Миколай, Микула	7
Мокей	7
Смирной	7
Стахай	7
Федот	7
Архип	6
Булат	6
Гость	6
Денис	6

³⁷⁹ Девять Антонов и пять Антониев

Мужские имена	количество
Докука, Докучай	6
Ермола, Ермолай	6
Замятня	6
Исай	6
Кондрат, Кондратий	6
Мирон	6
Наум	6
Неудача	6
Тихомир	6
Девятый	5
Дорофей	5
Емельян	5
Изот, Изотик	5
Исак	5
Мина	5
Михей	5
Назар, Назарий	5
Никон	5
Сидор	5
Сотник	5
Вешняк	4
Влас	4
Гордей	4
Гурий	4
Елизарий	4
Злоба	4
Корнил, Корнилий	4
Лазарь	4
Малентий	4
Нехороший	4
Осан	4
Осталец	4
Перфирий, Перфур	4
Ратман	4
Самсон	4
Самуил	4
Субота	4
Трофим	4
Фрол	4

Мужские имена	количество
Харитон	4
Абросим	3
Андреян	3
Аникий	3
Бражник	3
Будай	3
Горчак	3
Егуп	3
Ерофей	3
Лобан	3
Лукьян	3
Мартемьян	3
Мартын	3
Меркурий	3
Мурза	3
Неведом	3
Невер	3
Неждан	3
Нелюб	3
Несмеян	3
Патрикей	3
Русин	3
Салтан	3
Тугарин	3
Улан	3
Фирс	3
Фома	3
Шарап	3
Абрам, Авраам	2
Анисим	2
Арист	2
Бессон	2
Вельямин	2
Венедикт	2
Вьялица	2
Глеб	2
Грязной	2
Евтихий	2
Ездок	2
Елисей	2
Зворыка	2
Калина,	2
Калинник	2
Кирьян	2
Конан	2

Мужские имена	количество
Крестьянин	2
Курака	2
Любим	2
Ляпун	2
Малюта	2
Марк	2
Митрофан	2
Насон	2
Некарь	2
Неустрой	2
Нефед	2
Образец	2
Осьмой	2
Отуч	2
Парамон	2
Пинай	2
Полуэкт	2
Поспел	2
Потап	2
Ратай	2
Рахман,	2
Рахманин	2
Савелий	2
Салман	2
Севастьян	2
Северга	2
Селиван,	2
Селифон	2
Семейка	2
Сильвестр	2
Скурат	2
Спиридон	2
Сувор	2
Темир	2
Товарищ	2
Трифон	2
Ушак	2
Федосей	2
Феоктист	2
Фока	2
Хотен	2
Четвертый	2
Шершик,	2
Ширш	2

Мужские имена	количество
Абакум	1
Акинф	1
Алабыш	1
Алтын	1
Анкудин	1
Ахмет	1
Бажен	1
Басенок	1
Берсень	1
Бурнаш	1
Бухарин	1
Бык	1
Варшута	1
Васьян	1
Верига	1
Внук	1
Воронец	1
Гам	1
Демид	1
Демьян	1
Десятый	1
Домашний	1
Евдоким	1
Евсей	1
Евстрат	1
Емин	1
Ефрем	1
Залешенин	1
Засоря	1
Зиновий	1
Измаил	1
Исуп	1
Иуда	1
Ишута	1
Каллистрат	1
Киприан	1
Кирик	1
Китай	1
Кобяк	1
Корей	1
Кошей	1
Крисанф	1
Кудеяр	1
Курап	1
Кушник	1

Мужские имена	количество
Логин	1
Лучанин	1
Маккавей	1
Мамлей	1
Манон	1
Миная	1
Миногоа	1
Молчан	1
Мурат	1
Мясоед	1
Нагай	1
Надежда	1
Небогатой	1
Невежа	1
Неклюд	1
Немир	1
Непогодий	1
Непьятай	1
Нерык	1
Нестер	1
Неугас	1
Новосел	1
Овсей	1
Одинец	1
Олфим	1
Омена	1
Орефа	1
Павлин	1
Падора	1
Пантелей	1
Папа	1
Папалит	1
Паук	1
Пахом	1
Панкратий	1
Пересвет	1
Поликарп	1
Поступа	1
Пров	1
Провотарх	1
Псковитин	1
Путал (Путило)	1
Путята	1
Радил	1

Мужские имена	количество
Роспута	1
Савлук	1
Санбар	1
Сапун	1
Светлый	1
Своитин	1
Северин	1
Серый	1
Синий	1
Соловец	1
Софонтий	1
Софрон	1
Сулмень	1
Суморок	1
Сурьянин	1
Суторма	1
Счастной	1
Сысой	1
Тарасий	1
Таскай	1
Тороп	1
Тудей	1
Увар	1
Угрим	1
Услоум	1
Устин	1
Федул	1
Филат	1
Филимон	1
Филон	1
Харлам	1
Хрипун	1
Худяк	1
Черемисин	1
Черкас	1
Чуваш	1
Шаблыка	1
Шаврук	1
Шеметай	1
Шишка	1
Шум	1
Шумил	1
Юмран	1
Юс	1
Яныш	1

1605—1617 гг. В статистику не были включены имена новокрещеных татар (однако имена их матерей, жен и дочерей, в том случае, если они не были татарскими, включены в перечень женских имен), а также не-новгородцев, оказавшихся в городе в результате политических событий Смутного времени. Полученные данные сведены в таблицы 8 и 9.

Таблица 9. Имена жен, матерей и дочерей служилых людей Новгорода начала XVII в.

Женские имена	количество	Женские имена	количество
Мария	96	Федора	9
Анна	58	Василиса, Василиста	8
Авдотья ²	55	Фетинья	8
Аксинья	27 ³	Евфимия	7
Арина, Ирина	26	Феврония, Хавронья	7
Анастасия	25	Анисья, Анусья	6
Татьяна	25	Наталья	6
Ульяна, Ульяния, Улита	23	Евфросинья	4
Степанида, Стефанида	21	Соломонида	4
Пелагея	21	Фекла	3
Прасковья	21	Мавра	3
Агафья	17	Ненила	3
Аграфена	17	София	3
Варвара	16	Христина, Кристина	3
Марфа	16	Досада, Досанона	2
Екатерина	15	Марина	2
Матрена	15	Устинья	2
Домна	14	Любава	1
Федосья	13	Докука	1
Акилина, Акулина	13	Александра	1
Алена, Елена	12	Зеновия	1
Лукерья	12	Милага	1
Дарья	10	Феона	1

Я не разделял календарные и некалендарные имена новгородцев. Всего в статистику включено 4063 мужских имени и 654 женских. Мужских имен у новгородцев начала XVII в. я насчитал 351, женских — 46 (что больше,

³⁸⁰ В одном случае вариант: Авденья

³⁸¹ В одном случае вариант: Оксана, в другом — Опсенья

чем в Бежецке XVIII в.). Среди мужских календарных имен численно преобладает, как обычно, Иван (544 имен), среди некалендарных — Богдан (136 имен) и далее, с большим отрывом — Ждан (37 лиц). Среди женских имен, как и следовало ожидать, лидирует Мария (96 имен). Некалендарное женское имя — одно (Докука); возможно, некалендарным является также имя Феона.

Приложение

1612, июня (?) — Нетный список дворян и детей боярских Деревской пятины, не явившихся на службу под Псков.

Сотник Иванов сын Веревкин	Наум Максимов сын Иездинов
Анисим Измайлов	Русин Григорьев сын Мусин
Лукьян Постников сын Матюшкин	Гаврило Григорьев сын Мусин
Ларион Федоров сын Иездинов	Семен Григорьев сын Иездинов
Замятня Федоров сын Трофимов	Василий Воинов Завалишин
Иван Романов сын Зиновьев	Сергей Базин
Селивестр Бараков	Насон Ростопчин
Иван Михайлов сын Перхуров	Григорий Иванов сын Чириков
Безсон Федоров сын Трофимов	Никифор Васильев сын Неплюев
Иван Григорьев сын Языков	Иван Иванов сын Коротнев
Василий Ильин сын Бутенев	Борис Григорьев сын Языков
Гаврило Семенский	Исак Корсаков
Степан Васильев сын Мусин	Смирной Корсаков
Александр Михайлов сын Перхуров	Павел Яковлев сын Ростопчин
Семен Дмитриев сын Аничков	Осан Андреев сын Хвостов
Никита Никифоров сын Бовыкин	Софонтий Васильев сын Оклячеев
Петр Осипов сын Аничков	Мелентий Тарасов сын Вараксин
Третьяк Иванов сын Перхуров	Василий Шестого сын Корсаков
Григорий Мисюрев сын Непейцын	Леонтий Иванов сын Кропотов
Алексей Григорьев сын Ерохов	Максим Васильев сын Косаковский
Томило Тугаринов сын Мусин	Прокофий Васильев сын Косаковский
Иван Тугаринов сын Мусин	Прокофий Иездинов
Тимофей Яковлев сын Ростопчин	Василий Аничков
Влас Яковлев сын Ростопчин	
Артемий Иванов сын Кутузов	

Реконструировано по: Книги записи денег, взятых по переводным записям с помещиков Деревской пятины за псковские нети. 1612. 25.12 // RA, NOA. Serie 1:102. С. 107–112.

ГЛАВА 6. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НОВГОРОДЦЕВ В 1611–1617 ГОДАХ

Исследование повседневной жизни — одно из модных в последние несколько десятилетий направлений историографии. Обилие источников по истории жизни «простого человека», появившихся в конце XVI в., возможность реконструировать биографии отдельных людей создают иллюзию возможности приблизиться к пониманию этики человека прошлого, реконструкции его социального портрета, ценностей и приоритетов. Эпоха Смуты начала XVII в. — «кризисное» состояние новгородцев; как полагает современная антропологическая мысль, именно кризисные эпохи наиболее подходят для исследования повседневной жизни, являясь своего рода «моментом истины» для людей прошлого.

Разумеется, такое знание с трудом поддается верификации. Применяемый в таких случаях микроисторический метод, одно из наиболее перспективных направлений в современной мировой историографии, по-видимому, был вызван кризисом послевоенной европейской исторической мысли. Этот подход тем не менее находит все новых и новых сторонников и пока, вероятно, является достаточно продуктивным при разработке конкретных исторических вопросов. В данной главе я попытаюсь осветить основные, как кажется, аспекты жизни некоторых наиболее активных слоев новгородского общества — служилых людей в широком смысле — дворян и подьячих.

Состояние источников таково, что многое мы вынуждены объяснять социально-экономическими причинами. Только некоторые акты да полемика между политическими партиями вскрывают неэкономические мотивы людей. Количество нижеследующих тем можно было бы увеличить, но не все они в достаточной степени обеспечены источниками.

Новгородцы и шведы

Постоянное, фактически, с конца 1608 г. присутствие шведов не только во властной структуре, но и в каждодневной жизни простого новгородца требовало и новых стратегий поведения. Новгородцы и шведы строили личные контакты; вырабатывались определенные стереотипы восприятия чужого.

Проблема взаимоотношений новгородцев и шведов в 1609–1617 гг. довольно сложна. Представляется, что на микроуровне, на уровне личных контактов, она не сводилась к антагонизму. Известно, что большая часть конфликтных ситуаций, зафиксированных источниками, была связана с малозначительными хозяйственными и бытовыми столкновениями, где актуальным было не противопоставление «швед — нешвед», а скорее «порядок — беспорядок». Как показал С. П. Орленко, в историографии утвердилось мнение о религиозной неприязни русского населения к иноверцам. Однако такое мнение скорее сформулировано отечественными политиками — идеологами эпох, отличавшихся ксенофобией и обскурантизмом. Для XVII в. это, в первую очередь, времена патриархов Филарета и Никона¹. В повседневной русской жизни раннего Нового времени особенного неприятия иностранцев не наблюдается. Еще в 1629 г. «немцы» в Новгороде жаловались на то, что их дразнят «шалапушниками и куриными татями». При этом никто не бранил немцев еретиками; в XVII в. преградой к общению служили не религиозные убеждения, а политика московских церковных иерархов.

Типичные обвинения, предъявлявшиеся шведам в годы московско-шведского противостояния, заключались в разорении церквей и «великих правей». Они появились в полемических посланиях только не ранее апреля 1615 г., когда шведская администрация, следуя предварительным договоренностям с новгородцами, после Пасхи (в 1615 г. — 9 апреля) начала приводить жителей города к присяге королю Густаву Адольфу. Несогласные присягать облагались чрезвычай-

¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 69–81.

ными поборами. Обвинения шведов также появляются с 1615 г. Ни одного конкретного известия о намеренном грабеже церкви шведской администрацией ранее вывода войск в феврале — марте 1617 г. мной не зафиксировано.

Взаимоотношения шведов и русских даже в дни наиболее острых конфликтов были окрашены в самые яркие тона. Характерно общение ротмистра Лоренца Вагнера с головой Рамышевского острожка Федором Левашевым в марте 1614 г. Сам повод общения — обмен русских пленными на тело убитого шведского капитана Бакнера — был, так сказать, рыцарским. Примечательно, что Вагнер сравнивал Левашева с прежним головой Рамышевского острога А. Ф. Палицыным: «И яз, узнав, что ты прямые р[атные] природы человек и ратное тебе дело заве[домо?...] о ратных людех не замешкав, а не так как глу[пый] Ондрей Палицын»².

Особую роль в общении шведов и новгородцев играли переводчики. Бажен Иванов, австрийский подданный, знавший французский язык, вывезенный дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым³ в Московское государство, в августе 1609 г. оказался в войсках Деллагарди. Туда он попал, видимо, из Новгорода, так как «после Офонася (Власьева. — А. С.) жил он у Михаила у Татищева»⁴, растерзанного новгородцами осенью 1608 г. В августе 1609 г. Б. Иванова назначили в переводчики Посольского приказа, одновременно отправив к Деллагарди уже официально, «для того, что у них толмачей францовских нет опроче его». Его жене, оставшейся тогда в Москве, был назначен корм⁵. Дьяки Посольского приказа обратили внимание на сближение Б. Иванова со шведами. По их замечанию,

² Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. 1614, марта после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51–51а об.

³ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 66.

⁴ Приезд и отпуск шведских ротмистров Якова Декарбеля, Индрика Душанфееса и Анца Франсбека, присланных к царю Василию от Деллагарди для испрошения шведским войскам денег и отдачи в силу договоров Г. Корелы. 1609, авг. // Смутное время Московского государства. Вып. 2. Акты времени царя Василия Шуйского (1606, 19 мая — 1610, 17 июля) / Под ред. А. М. Гневушева // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. № 117–119.

⁵ Грамота царя Василия Шуйского кн. М. В. Скопину Шуйскому о том, что толмач Бажен Иванов принят на службу в Посольский приказ и о том, чтобы не отпустить его в Швецию. 1609. 22.08 // РГАДА. Ф. 96. 1609. Д. 2. Л. 95–96.

«немцы... того толмача называют своим», «а он де с ними и в постные дни мясо ест». Посланным в войско Деллагарди дворянам было велено «того беречь, чтобы тот толмач Бажен с немцы в свою землю не уехал»⁶. Видимо, Бажен Иванов весной 1610 г. действительно остался в Москве. Но в феврале 1611 г. он уже был в Новгороде⁷, приехав туда скорее всего с Иваном Салтыковым. При правительстве Одоевского — Деллагарди Б. Иванов жил в Новгороде, получив поместье в Водской пятине⁸, а после Столбовского мира остался в Ингерманландии⁹. Его жена, Еска, была племянницей тушинского дьяка Дениса Софонова¹⁰.

Другой переводчик, Ганс Бракиль, товарищ Б. Иванова, также оказался в Новгороде уже в 1608 г.¹¹ По данным Д. В. Лисейцева, Бракиль был уроженцем Немецкой слободы в Москве, родственником переводчика А. Арпова, по протекции которого попал на службу толмачом в Посольский приказ (при царе Василии Шуйском, не позднее 1609 г.). По отзыву современников, до своего назначения был «самый последней худой убогой человек, и знать его было некому, кормился питушкой, корчму держал, всем про то ведомо». Бракиль был прикомандирован к корпусу Я. Деллагарди, после чего поступил на шведскую службу. По отзывам новгородцев, в Швеции были невысокого мнения о достоинствах Брякилева: «а которые ты грамоты перево-

⁶ Грамота царя Василия Шуйского кн. М. В. Скопину Шуйскому о том, что толмач Бажен Иванов принят на службу в Посольский приказ и о том, чтобы не отпустить его в Швецию. 1609. 22.08 // РГАДА. Ф. 96. 1609. Д. 2.

⁷ 23 февраля 1611 г. он получил из Новгородского винного погреба «марта с 1 апреля по 1» ведро вина (Сборник памятней на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2: 124. Л. 92). 17 марта 1611 г. получил за срок с 19 февраля по 1 марта 4 кружки вина (Там же. Л. 107).

⁸ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1: 16. С. 83, 125.

⁹ Память Ивану Денисьевичу (?) в Гдов от новгородского воеводы кн. Г. П. Ромодановского и дьяков М. Милославского о помощи в розыске перебежчика, бежавшего от преводчика Бажена Иванова. 1621–1624 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 817.

¹⁰ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2: 24.

¹¹ Он записал за себя холопа в Новгороде в 1608/09 г. (Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов. М.; Л., 1938. С. 362).

дишь, да посылают х королю, и переводчики там прямые за то тебя лают»¹². Уже в 1611 г. город Бракиль получил поместный оклад¹³. Он сыграл особую роль в ходе переговоров об обмене пленными летом 1615 г. Несмотря на острый конфликт и неприязненное отношение к переводчику Гансу Бракилю, московский посланный для переговоров об обмене пленными С. Г. Коробьин предпринимал усилия, чтобы склонить того на службу царю Михаилу Федоровичу. Он пытался связаться с находившимся в Новгороде кн. Н. Я. Мещерским — «доброхотом» царя Михаила, для того, чтобы тот всячески склонял «Анцу Брякилева» немецких людей отставить, «и тебе великому государю службу свою показал»¹⁴.

За несколько лет совместной службы между шведскими и новгородскими бюрократами установились тесные деловые отношения. В 1615 г. подьячий Григорий Собакин, заслуживший доверие шведов после устранения от дел не присягнувших Густаву Адольфу дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева, почел за благо войти в контакт с Москвой через старорусского подьячего Григория Сулешева. Собакин был в коротких отношениях с Эриком Андерсоном («Ириком Ондреевым»), переводчиком, служившим в шведской администрации Новгорода и замещавшим М. М. Пальма в 1615–1616 гг. По словам Сулешева, «...свейской толмач Ирик Ондреев Григорью Собакину друг, и ничево от него не таит. И Григорей Собакин сказывает Ириковы речи, на ково надеетца, а иных и русских людей блюдетца, чтоб ему от немецких людей вперед не огласитца. А проводывая всякие вести писать государю с ведомым человеком, кому можно верить»¹⁵. Характерен такой диалог между двумя этими людьми: «...говорил деи ему (Григорию Собакину. — А. С.) Ирик толмач: по грехом деи король подо Псков притти испоздал, пришел

¹² Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 2. М., 2003. С. 374.

¹³ Даточные книги Шелонской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1: 86. С. 19–20.

¹⁴ Отписка Семена Коробьина с товарищами о ходе переговоров с немцами о размене пленными и о выполнении ими указаний из Посольского приказа. 1615, мая не ранее 6 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 80–83.

¹⁵ Расспросные речи перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

под осень, а толко б деи пришел рано, с весны, и он бы де мног добра учинил, и надо Псковом бы де мог промыслить. И Григорей де ему Собакин молвил: а ныне де для чего надо Псковом промысел не учинитца? И он де ему молвил: есть де дело, да не сказал. И Григорей деи ему молвил, нечто деи салдаты зимы терпеть не умеют, и он деи ему молвил: то деи на нас и лихо»¹⁶.

Длительные взаимоотношения между двумя бюрократическими традициями вызвали к жизни и процессы смешения культур делопроизводства. В коллекции документов Новгородской приказной избы я обнаружил три, составленных на русском языке, где употреблен счет лет от Рождества Христова.

1 января 1612 г. Парфений Максимович Нарбеков получил указание лично от Деллагарди ехать в дворцовые волости Устрецкого стана за хлебом, насыпанным в житницы¹⁷. Дата в этом документе поставлена от Рождества Христова. 3 июня 1612 г. была послана грамота от бояр и воевод Степану Теглеву с указанием дать 15 четвертей ржи оставшимся в Новгороде жене и сыну кн. Ф. Т. Черного Оболенского, отправленного с посольством в Ярославль, с датой: «Писан в Великом Новгороде лета от Рожества Христова 1612 июня в 3 день»¹⁸. 18 июня 1612 г. в Ладогу из Новгорода была послана грамота с указанием не брать корма с поместий Нагорной половины Обонежской пятины с датой: «Писана в Великом Новгороде лета от Рожества Христова 1612-го июня в 18 день» (на оборотах двух последних грамот было помечено: «Кормовой 120-го году»)¹⁹. Возможно, обе грамоты были составлены одним и тем же подьячим, «принявшим» европейскую систему летосчисления.

¹⁶ Расспросные речи перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

¹⁷ Наказ Якова Деллагарди Парфению Максимовичу Нарбекову ехать в дворцовые волости Устрецкого стана за хлебом, насыпанным в житницы. 1612. 1.01 // RA, NOA. Serie 2: 366. Л. 1.

¹⁸ Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланного в Ярославль кн. Ф. Т. Черного Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2: 356. Л. 81.

¹⁹ Челобитная боярам и воеводам детей боярских Обонежской пятины Нагорной половины о невзятии с них кормов в Ладогу, так как они приписаны кормом в Новгород, и грамота по ней ладожским воеводам 1612, июня // RA, NOA. Serie 2: 356. Л. 86–87.

Шведская военная администрация стремилась не обострять отношения с новгородцами. Очень многое зависело от личности офицера, командовавшего войсками. Так, 20 ноября 1612 г. Деллагарди лично распорядился вернуть лошадей, отнятых рейтарами поручика Якова Тубала у крестьян с. Тесова²⁰. При этом шведский комендант Ладоги Ганс Рекинберг, напротив, прославился своей жестокостью по отношению к местным жителям²¹.

В том же селе Тесове в октябре 1614 г. местная выборная администрация вместе со шведскими солдатами вызвала равное раздражение волостных людей своими бесчинствами. 20 октября староста Тит Романов вместе с детьми Иваном и Евтропием и «немецким» приставом Христофором «с саблями и с ослопы да с ножи» пришел на съезжий двор, где находился подьячий Иван Прокофьев, публично оскорбил его «всякою неподобною лаею». Пьяные Тит Романов с сыновьями и со шведом избили И. Прокофьева ослопами, отодрали за волосы, угрожали зарезать и вдобавок отняли «пояс шолковый с мощной и денги два рубля и опояску с ножи». Причиной такого нападения были ранее неоднократно высказанные Прокофьевым Романову обвинения в беспутной жизни его дочери Дуньки, сожительствовавшей с вышеупомянутым шведом. Тесовские крестьяне отбили подьячего Прокофьева у нападавших и позднее свидетельствовали в его пользу, «не хотя волости всей безголовья»²².

Слухи

Задача настоящего раздела — не определить, что происходило в Новгороде в 1611–1617 гг., а показать, что и о чем говорили новгородцы.

В монографии, посвященной повседневной жизни средневекового Пскова, В. А. Аракчеев коснулся проблемы передачи информации в русском городе XVI–XVII вв.: «Новости приходили по разным каналам, отчасти официальным: на рыночной площади подьячие зачитывали

²⁰ Письма Я. Деллагарди к разным лицам. 1613 // РГАДА. Ф. 96. 1613. Д. 3. Л. 4–6 об.

²¹ Подробнее: Селин А. А. Ладога при московских царях. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб.; Старая Ладога, 2006. С. 55–56.

²² Обыск Н. Я. Тыркова в с. Тесове по челобитью подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 4.02 // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 60–61.

царские указы. Но чаще источником информации был любой приезжий человек; сказанное им передавалось из уст в уста, обрастая порой фантастическими подробностями»²³. Ученый справедливо сравнивает восприятие новостей жителями городов Московского царства с тем, как это происходило во Франции при «Старом порядке». По описанию Люсьена Февра, замкнутые и удаленные друг от друга группы людей жадно впитывали новости, приносимые «бродячими элементами», а почти постоянное голодное состояние приводило к экзальтированному восприятию этих новостей, обраставших разнообразными, подчас фантастическими подробностями. Нечто подобное происходило и на Северо-Западе Московского государства в начале XVII в. Огромные пространства пустых деревень, редкое население, то и дело скрывающееся в лесу от воинских отрядов, рыскающих в поисках фуража и пропитания и, кроме того, ожидание скорого окончания Смуты, вызывало повышенный интерес к распространяемым новостям.

В годы гражданской войны люди группами и поодиночке передвигались по безлюдным местам, опасаясь каждого встречного. Редкой удачей было встретить знакомых, чаще попадались доброжелатели, дававшие временный приют и сообщавшие слухи. Так, повезло вышедшим в Тихвин из Копорья посадским людям, которых пустили к себе жить на две недели рыболовы из Калища²⁴. Сведения, случайно поступавшие в посольские станы, в ставки воевод, в Посольский приказ в Москве и в военную администрацию Новгорода, создавали некий общий информационный фон.

Распросные речи лазутчиков, посылавшихся всеми сторонами конфликта для получения информации, пленных и перебежчиков полны самыми разнообразными слухами. Их содержание интересовало и такие инстанции, как Посольский приказ. В указы послов и воевод были включены требования собирать информацию по интересовавшим Приказ темам. Значительная часть этой информации принималась на веру и использовалась позднее на переговорах. Послы и воеводы пользовались, вероятно, неким «опросником», который дополняли по мере изменения политической ситуации, равно как и узнавая новые обстоятельства и события, случившиеся на враждебной стороне.

²³ Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 214.

²⁴ Район совр. г. Сосновый Бор Ленинградской области.

Путь лазутчиков подчас был тернист, но им помогали личные связи и знание местности. В октябре 1615 г. московский лазутчик Данилко Ржева, посланный «для вестей», так описывал свой путь из Осташкова. Он покинул Осташков 27 сентября, добрался в тот же день до Никольского погоста на Горбу. Оттуда на четвертый день к вечеру он добрался до Руссы, где нашел приют у своего старого знакомого Ефима Кузьмина Сапожника. Ржева сказал своему хозяину, что пришел из Гдовщины, т. е. указал совершенно противоположную московскому лагерю сторону. В Руссе Ржева смог связаться с подьячим Федором Витовтовым, передавшим с ним вестовую грамоту для послов и челобитную с просьбой простить ему службу шведам. Пробыв в Руссе два дня, лазутчик отправился в Новгород через Спасский монастырь на Взваде, откуда на судне через Ильмень добрался до города. В ночь на вторник, 3 октября Ржева пришел к Ануфрию Дьяконову, вяземскому купцу, жившему в Новгороде. Тот устроил ему еще одну встречу с другим вяземским купцом, Севастьяном Вошеницыным, продававшим сапоги и солдатские куртки в королевском лагере под Псковом. От них лазутчик получил информацию о расположении отдельных отрядов королевских войск на 28 сентября, т. е. практически на тот момент, когда он вышел из Осташкова. Кроме того, еще одну вестовую память он получил от Ануфрия Дьяконова²⁵. 5 октября Дьяконов проводил его за три версты за город, и Ржева благополучно вернулся в Осташков²⁶.

Ниже рассмотрим наиболее типичные слухи, циркулировавшие в новгородском обществе начала XVII в.

Церкви и софийская казна

Важное место при расспросах выходцев, пленных и лазутчиков в московских станах занимал вопрос о расхищении/нерасхищении церковных ценностей шведами. Наверное, сам вопрос попал в «опросник» в результате сообщения архимандрита Киприана в

²⁵ Вестовая грамота к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами из Новгорода от Онуфрия Дьяконова. 1615. 5.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 303–304.

²⁶ Распросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Руссу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

Москве весной 1615 г. о том, что «монастыри и церкви в Новгороде и в уезде запутаны все опричь дву монастырей Спаса Хутыня да Онтоньева монастыря, а те все 70 монастырей разорены стоят без пенья»²⁷. Начиная с переговоров С. Г. Коробьина об обмене пленными летом 1615 г., среди задававшихся по наказу вопросов неизменно присутствовал вопрос о церкви св. Софии. Как правило, до конца лета 1616 г. ответ респондентов был примерно следующего содержания: все церкви разорены, но вот София стоит и «пение» в ней сохраняется. При этом в апреле 1616 г. старец Деревяницкого монастыря Иосиф ответил на допросе тихвинским воеводам, что шведские военные власти опасаются, как бы новгородские духовные лица не перепрыгали казну Св. Софии, в связи с чем они приставили к митрополиту Исидору караул²⁸.

Только в октябре 1616 г. специально посланный в Тихвин архимандритом Киприаном хутынский служка Куземка Яковлев сообщил о болезни митрополита Исидора и о том, что «толмач Ирик Андреев да Гришка Собакин приходили в Софею Премудрость Божию и многую казну и поставленье пограбили, а досталь хотят из Софеи Премудрости Божии и из ыных церквей Божиих грабити»²⁹.

Однако летом 1616 г. в посольский стан в Тихвине вышло два новгородских посадских человека — **кожевника** (здесь и ниже выделено мной. — А. С.). Они на подобный вопрос отвечали, что, да, все церкви разорены, но Св. София и **церковь св. мученика Дмитрия в Кожевниках** стоят по-прежнему. Профессиональная принадлежность респондентов определила, вероятно, и их информированность о службе в церкви св. Дмитрия. После этого некоторое время стандартный вопрос следователей о «пении» в Св. Софии был переформулирован в вопрос о «пении» в Св. Софии и в церкви св. Дмитрия в Кожевниках, разумеется, вне зависимости от профессии допрашиваемого.

²⁷ Приезд в Москву посольства архимандрита Киприана с товарищами. 1615. 15.01–15.04 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 2. Л. 168.

²⁸ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с изложением речей новгородского выходца старца Иосифа из Деревяницкого монастыря. 1616, апреля после 22 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 5. Л. 108.

²⁹ Статейный список переговоров послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. 1616, май — декабрь (без начала) // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 6.

Данный пример очень хорошо иллюстрирует, насколько случайна была информация и насколько наивно, с точки зрения современного исследователя, осуществлять поиск достоверных исторических событий, опираясь на эти сведения. В большей степени расспросные речи фиксируют те слухи, который носились в Новгороде в описываемое время (этому посвящена особая глава второй части). В то же время Посольский приказ придавал чрезвычайное значение поступавшей от перебежчиков и лазутчиков информации; в особых случаях столбцы Посольского приказа сохранили материалы повторных допросов уже в Москве.

Еще один курьез, иллюстрирующий всю серьезность дьяков Посольского приказа при обращении с такого рода сведениями, касается информации о смерти Сигизмунда III, полученной от «литовского выходца» новгородца Ивана Толмачева³⁰, который об этом «подлинно» слышал от многих литовских торговых людей. Информация о смерти Сигизмунда была включена в грамоту послам, которые, по мысли дьяков Посольского приказа, должны были ею владеть при переговорах со шведскими послами.

Численность шведских войск в разных городах

Военные действия делали особо ценной информацию о численности гарнизонов и полевых армий. Накануне похода кн. Д. Т. Трубецкого на Новгород 1613–1614 гг. к новгородской военной власти были приведены несколько человек, побывавших в стане у Исаака Сунбулова, командовавшего одним из направляющихся к Новгороду московских отрядов. Они были подробно допрошены о численности надвигающегося войска. Трое — Никифор Неплюев (вероятно, новгородец), ельчанин Ивашко и астраханец Аникейко Васильев показали одинаковую численность авангарда: 500 казаков у Сунбулова и дети боярские из семи городов и некоторое количество казаков у Трубецкого³¹.

³⁰ Интересно, что еще в 1614 г. Иван Толмачев служил приставом при сопровождаемых в тюрьму выходцев из Сунбуловского стана в Новгород (Допросные речи побывавших в стану у Сунбулова // RA, NOA. Serie 2: 167).

³¹ Допросные речи побывавших в стану у Сунбулова // RA, NOA. Serie 2: 167.

После начала переговоров в Дедерине осенью 1615 г. московская сторона также стала получать непрерывную информацию о шведских гарнизонах и перемещениях военных отрядов. Видимо, по большей части такая информация была достоверной: как правило, в близких по времени составления расспросных речах назывались приблизительно одни и те же цифры. Особняком стоят известия, сообщенные в Москве запорожским казаком, перешедшим из войск Густава Адольфа на сторону московских войск под Псковом. Он называл совершенно умопомрачительное число войск в городах Северо-Запада: 700 человек в Гдове, по 500 человек в Копорье и Ивангороде; вместе с тем утверждая, что с королем в Або находится также 700 человек³².

Старорусский подьячий Федор Витовтов в сентябре 1615 г. имел доступ к информации, поступавшей к шведам от лазутчиков, разосланных в города Московского государства. Он нашел возможность сообщать московским властям о вестях, приносимых лазутчиками в Старую Руссу. Так, в Осташкове говорили о движении атамана Баловня под Москвой: «А слышел де он (лазутчик. — А. С.) в Осташкове в розговорех ото многих людей, что стоят под Москвою казаков тысяч здесять, а просят у государя пяти человек больших, а кого просят, того не ведают. А приходят на государя и на бояр с великим голдованием, бутто бояре и дьяки государева жалованья сполна казаком не дают, что государь велит дати, и они то дают в полы или треть убавят, а просят у государя Сиверских городов за жалованье. А да(дут) жалованье, того часу идти иным к Новугороду с послы, а иным подо Псков»³³.

Ожидание боярина Федора Шереметева

Среди героев слухов, гулявших в Новгороде (и в Пскове) в 1615–1616 гг., был боярин Федор Иванович Шереметев. Именно его ожидали как чаемого освободителя от иноземцев. 5 октября 1615 г. новгородский посадский Ануфрий Дьяконов извещал вестовой отпиской московских послов на Дедеринских переговорах о том,

³² Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

³³ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 9. Л. 158–162.

что известно Деллагарди о передвижениях московских войск. Он с некоторым злорадством сообщал: «Да тово Пундосов не ведает про государева боярина про князя Федора Ивановича Шереметева, что идет он подо Псков, да про то же государи у нас в Великом Новгороде и слуху нет»³⁴. Характерно, что посадский человек уважительно именовал Шереметева княжеским титулом, которого тот никогда не носил. Старорусский подьячий Григорий Сулешов сообщал также о слухах про Шереметева, циркулировавших в королевской армии под Псковом: «А как де у короля весть учинилась, что отпущен с Москвы боярин Федор Иванович Шереметев, и идет деи ко Пскову со многими ратными людьми, и король де подо Псковом стоял великим страхованьем, а толко б де Федор с людьми пошел ко Пскову, и король бы деи от Пскова отошел»³⁵. 20 октября вышедшие в Тихвин дети боярские Водской пятины говорили о разгроме Шереметевым королевских войск под Псковом как о свершившемся факте: «свейской король стоит подо Псковом, а немецких людей с ним сначала пришло 6000. И во Пскове де от немецких людей теснота была великая, стояли по Великой реки зделали через Великую реку мост на городнях, а идти им было ко Пскову на приступ. И пришел де ко Пскову на выручку государев боярин и воевода Федор Иванович Шереметев с ратными людьми и короля подо Псковом побил и Псков от немецких людей выручил, и король де сам ото Пскова отшол»³⁶.

Вообще личности короля Густава Адольфа, его местопребыванию в расспросах, равно как и в слухах, уделялось непомерно большое внимание. Совершенно невероятен слух, происходивший от подьячего Григория Собакина и переданный через Якова Боборыкина московским послам в Дедерине, о тайном приезде Густава Адольфа в Новгород: «...говорил Григорью Собакину Анц Бой, которому приказан Новгород в тайне, что писал к нему король: “пришел де он ныне в Копорью, а

³⁴ Вестовая грамота к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами из Новгорода от Онуфрия Дьяконова. 1615. 5.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 303–304.

³⁵ Расспросные речи перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева. 1615. 16.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 355–366.

³⁶ Расспросные речи в Тихвине выходцев — детей боярских из Водской пятины. 1615. 20.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 91–92.

хочет быти в Новгород тотчас, а будет де в Новгород приезд его ночью, а людей де с ним будет немного, а быть де ему в Новгороде дни с четыре или с пять”, а кормов де, государь, по дороге для славы готовить не велел, и ему де Григорью примечать в Новгороде»³⁷.

Псковские события

Важным наполнением сюжетов слухов явились события под Псковом осенью 1615 — начала 1616 г., связанные с личным участием Густава Адольфа в боевых действиях. Этот вопрос чрезвычайно волновал московскую сторону. Старорусский подьячий Федор Витовтов в сентябре 1615 г. сообщал кн. Д. И. Мезецкому, что замысел короля Густава Адольфа заключался не во взятии Пскова, но в принуждении московской стороны к миру: «А умышление деи у короля и подо Псков пошел для того хотя деи мир будет с Московьским государством, и я деи помирюся, стоя у Пскова, да и для псковского утеснения помиритца вскоре. И будет мир наш так же, как и преж сего царь Иван Васильевич помирился с королем полским, а полский король помирился, стоя у Пскова»³⁸. Характерна информированность подьячего о событиях тридцатилетней давности. Тот же Витовтов, будучи арестован по обвинению в сотрудничестве с Москвой, нашел случай сообщить московскому лазутчику Данилке Ржеве о диспозиции королевских войск под Псковом: «...в Новгороде он будучи слышал от гонцов, которые от короля ис подо Пскова пригоняют, в Великий Новгород, что король стоит подо Псковом у Печерской мельницы против Петровских ворот, а Самойло де Кобрин стоит у Снетогорской мельницы, а князь Иван де Мещерской стоит на Снетной горе з детьми боярскими, а татаровя деи и черкасы стоят на Запсковье, а людей де с королем подо Псковом 12 тысячи, и будет деи з государевыми послы учнет делатца добре, и он деи ис подо Пскова поидет проч вскоре»³⁹. Расстановка войск дана подьячим очень подробно, хотя

³⁷ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об известиях о походе Густава Адольфа под Псков. 1615, между 18 и 26 декабря // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 28–29.

³⁸ Вестовой список Ф. Витовтова из Старой Руссы в Москву. 1615, сентября около 9 // РГАДА. Ф. 96. 1615. д. 9. Л. 158–162.

³⁹ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Руссу и в Новгород. 1615. 12.10 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302.

численность королевских войск явно преувеличена (даже вышеупомянутый склонный к фантазиям запорожец определял численность осаждавших Псков шведов в семь тысяч⁴⁰).

По мнению новгородских дворян, Эверт Горн во время рокового для него похода под Псков рассчитывал на измену: «Как де Ивер Горн пошел подо Псков, а хотели де мужики псковские государю изменить десеть человек, и то было Ивер Горну притит подо Псков, а им было под стену подкатить зелье, и Ивер де Горн подо Псков не поспел, а мужики де зелье под стену подкатили и стену розорвало, и тех де мужиков во Пскове переималм и тое стену опять заделали»⁴¹.

А в октябре 1615 г. новгородские посадские люди так толковали о причинах похода короля под Псков: «А привел де короля подо Псков иванегороцкой пушкарь, имени ему не упомнит. А наперед деи тово тот пушкарь сидел от неметцких людей на Тихвине, и как де государевы люди Тихвину взяли, и ево де тут же взяли, а ныне де у немец подо Псковом объявился и опять неведомо почему»⁴².

Делагарди

Еще одним героем слухов, ходивших в Новгороде, был многолетний глава шведской военной администрации Яков Делагарди. Старорусский подьячий Григорий Сулешев так повествовал о предполагаемом посредничестве нидерландских дипломатов на русско-шведских переговорах: «А быть де ему с послы в королевскую сторону, доброхотая Якову Пунтосову, потому что де Яков Пунтусов бывал у Маврициуса князя в салдатех, а из салдат деи взял ево к себе и жил у него в комнате. И как де Яков Пунтусов при царе Василье был на Москве и пришед в Свею, что привез с собою царя Васильево жалованье, многое узорочье послал к нему голанскому Маврициусу князю. А как де Яков взял Великий Новгород, и он де Яков из Новагорода к голанскому Маврициусу князю послал многую ж казну, и за то де ему друг великой галанской де князь тово посланника своего послал для

⁴⁰ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

⁴¹ Приезд (возвращение) в Москву Якова Епанчина из Новгорода // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 1. л. 3–4.

⁴² Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы...

вспоможенья Якову Пунтусову, чтоб Якову устоять в свою сторону государевых городов»⁴³. В последние недели жизни в Новгороде перед отъездом в Ладогу на переговоры Делагарди заболел. Его болезнь однозначно трактовалась новгородцами как Божье наказание за совершенные преступления. «И многие де новгородские люди говорят, что де Яков перед своим походом просился у митрополита в соборную церковь в Софею Премудрость Божию смотрити церковные казны, и митрополит де ему отказал, и он де самовольством пошел в предел соборной церкви в темницу к Ивану архиепископу, и как де он дошел до гроба» (далее утрачен низ листа, разобрать можно только слово «расслабился»)⁴⁴. По другой версии, Делагарди извлек из Божьего наказания урок: «И как деи государь немецкие люди в церковь для окладов и для церковной казны вошли, и Якова де Пунтусова ударило о землю и росслабило у него руки и ноги, и Яков в Новгороде и в иных твоих государевых городех, которые ныне за немцы и по ся места церкви Божии грабити и разорять не велит»⁴⁵.

Пожар в Ивангороде после Троицына дни 1616 г.

В мае 1616 г. в Ивангороде произошел пожар. Слух об этом дошел до Тихвина уже 13 июня 1616 г. и вызвал особый интерес воевод. Вопрос о том, как и при каких обстоятельствах город сгорел, стал одним из важнейших при допросах лазутчиков, выходцев и пленных в июне – августе 1616 г. Мне известно одиннадцать версий описания этого события.

Копоряне, появившиеся в Тихвине 13 июня 1616 г., первыми рассказали на допросе: «А Иван де город после Троицына дни выгорел весь, а загорелся де от бани, и в то де пожарное время немецкие люди почали грабить торговых людей дворы и лавки, и торговые люди грабить давать не почали, и немецкие люди русских людей

⁴³ Расспросные речи перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами старорусского подьячего Григория Сулешева...

⁴⁴ Отписка послон кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ с изложением расспросных речей казака, посылавшегося Ч. Спешневым под Ладогу (без конца). 1616, августа после 16 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 1–10.

⁴⁵ Там же.

побили многих»⁴⁶. Казалось бы, здесь описывается простая бытовая история: грабежи на пожарах причиняли не меньшее бедствие, чем огонь, что неоднократно описывали отечественные источники XVII–XVIII вв.

Несколько иным было описание событий в Ивангороде хутыньским служкой Тренькой Семеновым: «Да слухом де он слышал, что в Ъванегороду у неметцких людей была с рускими людьми драка, и в ту де пору Ивангород выгорел весь. А от кого задор учинился и чьи люди коих побили и коим обычаем город загорелся, того сказал не ведает»⁴⁷. Здесь уже именно столкновение «немцев» с ивангородцами ставится в прямую связь с пожаром, пожалуй, даже обозначается как причина последнего.

Тесовские крестьяне через два дня, 15 июня, сообщали в Тихвине: «Да слухом де они слышали от ивангородских посадских людей, которые приходят из Ъванягорода в Тесово от бедности, что в Ъванегороде посад выгорел весь, а в городе дворы целы, а загорелось де на посаде у посадцкого человека от мылны, и в то пожарное время неметцкие люди почали грабить у посадских людей дворы и лавки, и русские люди грабить себя не дали, и с неметцкими людьми поставили были драку. И пришед де русских людей с неметцкими рознять полковник Кобрин и дратца им не дал, а на драке убийство было кому или нет, того сказали не ведают». Здесь подтверждается первая версия: баня как причина пожара, и появляется новое действующее лицо: полковник Самуил Кобрин, примиривший ивангородцев с «немцами»⁴⁸.

На следующий день, 16 июня, перед послами говорил новгородский посадский Фомка Игнатъев: «Да слухом де он слышел, что после Троицына дни в Ъванегороде неметцкие люди для грабежу зажгли и почали было грабить посадских людей дворы и лавки, и ива-

⁴⁶ Расспросные речи новгородцев, вышедших из Копорья в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 13.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 133–135.

⁴⁷ Расспросные речи служки Хутыньского монастыря Треньки Семенова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 136–138.

⁴⁸ Расспросные речи тесовских людей в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 15.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 252–253.

негородские де русские люди грабить себя не дали и с ними дрались». В этом рассказе вновь всплывает мотив грабежа как причины пожара и столкновения между ивангородцами и «немцами». Однако тот же Фомка Игнатъев сообщал и другую версию, которую в Петров пост привез в Новгород переводчик Ганс Бракиль («Анца Брякилев»): «сказывал деи в Новегороде многим людем, что де Ивангород загорелся собою от таможенной избы, а грабежу от неметцких людей и драки неметцким людем с рускими людми не бывало»⁴⁹. Возможно, в глазах Ф. Игнатъева, Бракиль — приспешник шведов, намеренно смягчивший остроту конфликта, произошедшего в городе.

В те же дни в Москве были допрошены приехавшие из Пскова сын боярский новгородец Матвей Блажонков и несколько псковских посадских людей. По их словам, примерно 25 мая в Псков вышли трое ивангородских стрельцов и пушкарь. Они сообщили псковским воеводам, что С. Коброн приказал своим солдатам зажечь баню, а когда ее стали тушить русские ивангородцы, то по приказу Коброна его люди бросились «русских людей грабить и побивать и острог весь выжечь». После этого все русские ивангородцы разбежались из города, «а в Ыванегороде остались одни неметцкие люди, а Самойло Кобрин стал на Нерове реке от Ыванягорода семь верст, а долго ль Самойлу Кобрину тут стоять или куды идти, про то не ведомо»⁵⁰.

Через несколько дней, 19 июня, в Тихвине перед послами представили софийский певчий дьяк Самуйло Евтихийев и федоровский дьячок Ивашко Михайлов, также вышедшие из Новгорода. По их словам, «После Троицына дни в Ыванегороде посад выгорел, а зажгли немецкие люди для грабежу и почали было грабить торговых людей лавки и дворы и русские люди грабить им себя не дали, и меж их де была драка, и немецкие люди русских людей посекали»⁵¹. Таким образом, их версия во всем совпадала с тем, что сообщал посадский Игнатъев; в ней более

⁴⁹ Расспросные речи посадского человека Фомки Игнатъева в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 16.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 254–257.

⁵⁰ Расспросные речи Матвея Блажонкова и псковских посадских людей в Разряде. 1616. 17.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 89–106.

⁵¹ Расспросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами. 1616. 19.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 274–278.

остро встает мотив сопротивления ивангородцев «немцам». Однако они приводят в допросе не только свою версию происшедшего, но и сообщение «изменника» Богдана Шорина: «А заговев де в Петров пост, приехал из Ыванягорода государев изменник Богдашко Шорин и сказывал в Новегороде всяким людем, что де в Ыванегороде посад загорелся собою, а грабежу де в Ыванегороде и драки неметцким людем с рускими людми не бывало». Как заметно, сведения, сообщенные якобы Шориным, совпадают со «смягчающей» версией событий Бракиля, изложенной ранее Фомкой Игнатъевым.

Как ни странно, наиболее пространное описание происшедших в Ивангороде событий дали послам 22 июня 1616 г. старцы Антониева и Юрьева монастырей: «Да сказывали деи им ивангородцы посадские люди, которые приезжают из Ыванягорода в Великий Новгород, а хто именем ивангородцов, тово не ведают, был деи в Иванегороде французской воевода Самойла Кобрин, а с ним деи немецких людей человек с 300, а служит деи свейскому королю из найму. И Самойло де Кобрин с немцы просил у ивангородских людей в корм денег займом и угрозом 500 рублей, и ивангородцы посадские люди с посаду дали 50 рублей, а боли того им в денгах отказали. И на Троецкой де вечерне Самойло Кобрин в Ыване де городе велел посад зажечь и посадских людей грабить, дворы и лавки, и посадские люди грабить себя не дали. И меж деи неметцких людей с рускими людми была сеча великая на обе стороны. И немецкие де люди посады выжегши весь, и награвив посадских животов, из Ыванягорода вышли и стали от Иванагорода в десяти верстах, да и ныне стоят тут же. И Яков деи Пунтусов к ним посылал, чтоб они в Великий Новгород шли, а идти де им с ним на послованье. И Самойло де Кобрин с немцы Якову отказал, что они идти с ним на послованье не хотят, чтоб де им Яков заплатил и старые заслуженные гроши. И он деи им писал, чтоб они шли на посолство, а как де Яков Пунтусов у государевых послов за города денги возмет, и он де им гроши заслуженные заплатит. И Самойло де Кобрин и по ся места с неметцкими людми в Новгород не бывал...»⁵² Таким образом, старцы новгородских монастырей напрямую обвиняли алчного до денег

⁵² Расспросные речи старцев Антониева и Юрьева монастырей перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 22.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 369–374.

французского полковника Коброна в ивангородском пожаре и грабеже ивангородцев. Старцы подчеркивали, что Коброн фактически выступил против Делгарди и самовольно ограбил важнейший новгородский пригород.

Еще одна версия ивангородского пожара содержится в допросных речах тихвинского стрельца Ларки Володимерова, посланного в лазутчики под Орешек. «И в Ъване де городе загорелось было у посадцкого человека мыльня, и тое де было мыльню затушили. И неметцкие люди в ту пору для грабежу на посаде нароком зажгли и почали грабить торговых людей лавки и дворы. И ивангородцы де посадцкие люди грабит себя не дали и поставили с ними бой. И на том деи бою на обе стороны сеча была великая. А от того де пожару посад выгорел весь, а после де тово пожару ивангородцкие посадцкие люди вышли все во Псков. А которые де досталные остались в Ъванегороде, и тех деи неметцкие люди, переграбив, сослали з женами и з детми в Свею в полон»⁵³. Снова в качестве источника пожара называется пожар в бане у посадского человека, а грабежи немцев описываются как заурядные грабежи на пожарах, характерные для городской культуры раннего Нового времени. При этом лазутчик сообщал фантастические сведения о выходе ивангородцев в Псков и ссылке оставшихся в Швецию вместе с семьями.

Уже в июле 1616 г. о событиях в Ивангороде был опрошен вышедший в Тихвин ямогородец Федосейко Григорьев: «А Иван де город выжжен весь, а от ково вызжен, и многая де молва, что от немец, а иные говорят, что грехом загорелось от русских людей, а посадцкие люди многие после пожару побрели врознь в иные города, в Ругодив и во Псков, а иные живут тут по ямом и в Ругодиве»⁵⁴. Он, хоть и живший неподалеку от Ивангорода, не мог толком назвать причины пожара и его обстоятельств, констатируя только общее запустение города.

⁵³ Расспросные речи тихвинского стрельца Ларки Володимерова, вернувшегося из-под Орешка, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 24.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 379–383.

⁵⁴ Расспросные речи ямогородского посадского человека Федосейка-Первушка Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 8.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 12–13.

Последние сведения о событиях в Ивангороде уже в августе сообщили тихвинские стрельцы, ходившие в лазутчиках до самого Ивангорода. К этому времени, вероятно, обстоятельства троницкого пожара уже забылись. Источники тихвинских лазутчиков сообщали им лишь о политике шведского правительства по отношению к сожженному городу: «А в Ъванегороде руским людем от немецких людей тесноты и насилства никакова нет, потому как де в Ъванегороде летом посад выгорел, и ивангородцкие посадцкие люди послали свейскому королю челобитную, и король де для их разоренья дал лготы на три годы, а в лготные годы нынешних податей имать не велел»⁵⁵.

Надо сказать, что информация о пожаре в Ивангороде была далеко не самой важной для хода переговоров. В то же время упорство на допросах лазутчиков, перебежчиков и пленных по этому вопросу поражает. Исполнительность московских послов в Тихвине указывает на достаточную налаженность бюрократических процедур в Посольском приказе — несомненно, самом влиятельном и профессиональном учреждении тогдашнего Московского государства. Однако критика источников информации в начале XVII в. была минимальной. Таким образом, нельзя согласиться с мнением Д. В. Лисейцева и Н. М. Рогожина о «хорошей информированности» приказа о состоянии дел в окрестных государствах в начале царствования Михаила Романова; можно говорить скорее об избытке информации в приказе, далеко не всегда подвергавшейся анализу и использовавшейся эффективно⁵⁶.

После Столбовского мира внимание Посольского приказа к событиям на Северо-Западе несколько ослабло. Однако шведская администрация Ингерманландии получала сведения о происходящем за рубежом от русских байоров и крестьян-перебежчиков примерно таким же образом, каким ранее новгородцы информировали послов, ведших переговоры со шведами. И. Ф. Аминев в феврале 1619 г. сообщал генерал-губернатору Ингерманландии К. К. Юлленгельму о

⁵⁵ Расспросные речи тихвинских стрельцов, пришедших из-под Ивангорода, перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине (без конца). 1616. 12.08 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 520, 519, 521.

⁵⁶ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 48–49. По мнению Д. В. Лисейцева, случаи предоставления недостоверной информации в Посольский приказ были весьма редкими, притом, что ему известно о случае неверной информации относительно смерти Сигизмунда.

мнимых событиях под Тихвином, основываясь на сообщениях крестьян, бежавших в занятый еще шведами Гдов из соседних погостов: «был де у них из Новагорода в Шепецком погосте сотник стрелецкой Григорей Обольняинов, приехал женитца, и февраля де в 20 день, в ночи приехал к нему из Новагорода от отца от ево человек с вестью, а сказал, пришли де на Тихвину черкасы и Тихвину взяли и стали на Тихвине, а черкасов де сем тысяч, а про то де в Новгороде слух есть, что хотят идти на Сомерскую волость и на Гдовские места»⁵⁷.

Последний по времени слух, имеющий непосредственное отношение к событиям Смуты, но записанный много позже, связан с Муратом Пересветовым. В апреле 1636 г. на Осиновой Горке происходила очередная встреча московских и шведских посланных для обмена перебежчиками. Шведскую сторону представлял байор Мурат Пересветов. По окончании переговоров, он, будучи пьяным, говорил подьячему Богдану Воломскому: «...жаль де мне Росийского государства и Новагорода и своего поместья, что стало блиско дороги, и от немецких от ратных людей проходу будет пусто». Испугавшийся подьячий решил расспросить его подробнее. Мурат Пересветов сказал, что шведы готовят большую армию, «...а у свейских де у думных бояр на раде приговорено: буде де з государевы стороны по росписем перебежчиков отдадут всех, и на государеву сторону потому ж всех отдати, а будет з государевы стороны перебежчиков не отдадут или отдадут, а не всех, и тем людем, которые стоят в Ливонской земли, идти подо Псков да под Ладогу, да в Новгородские места, а дорога лежит мимо его поместья»⁵⁸.

Распространение идей

Идеологическая борьба за новгородцев в 1613–1615 гг. была безоговорочно выиграна московскими боярами. Они действовали гораздо более эффективно, чем Горн и даже Деллагарди. Позиция лучших из

⁵⁷ Донесение шведского дворянина Исая Федоровича Аминева к фельдмаршалу барону Карлу Полленгиельму. 1619, февраля после 19 // *Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди* // УЗ Юрьевского университета. 1896. Документ № 15. С. 65–66.

⁵⁸ Расспросные речи подьячего Богдана Воломского о переговорах на Осиновой Горке. 1636. 7.04 // СПБ. Кол. 109. Д. 613.

шведов в 1613–1616 гг. — значительно слабее, чем в 1610 и 1611 гг. Традицию «борьбы за души новгородцев» между Москвой и Новгородом можно проследить со времен Ливонской войны, когда, начиная с 1570 г., к русским воеводам городов Прибалтики и Северо-Запада рассылаются грамоты с обличением преступлений Ивана IV и предложением перейти на шведскую службу⁵⁹.

Тема терпимости и нетерпимости во взаимоотношениях двух религий была сформулирована еще королем Юханом III, симпатизировавшим католичеству. Но и в 1610 г. убедительность «шведско-шуйской» аргументации для новгородцев не была очевидна. Не случайно в чемодане тушинского дьяка Дениса Сафонова лежали послания Курбского⁶⁰. Проблема распространения информации создала большинство коллизий «новгородского» эпизода Смуты. Важнейшая информация распространялась чрезвычайно медленно, все время опаздывала.

В ходе идеологической борьбы в начале XVII в. шведы успешно использовали миф о страшной испанской и католической экспансии. Так, в письме короля Карла, отправленном «ко всем чинам города Москвы, а также Новгорода», говорилось, что «поляки, подстрекаемые и поддерживаемые папой, испанцами и иезуитами, всеми силами добиваются гибели Московии; говорилось, что с этой целью недавно испанский король решил отправить несколько тысяч человек в гавань св. Николая»⁶¹. Известие о том, что якобы Испания предполагает вмешаться в московские дела, видимо, льстила и полякам. Во всяком случае, во время переговоров с московскими послами польские послы для того, чтобы нарисовать образ гигантской умопомрачительной денежной суммы, сравнили ее с «годовым доходом Испанского флота»⁶².

По сообщению Видекинда, правительство Шуйского специально распространяло слух о том, что Сигизмунд «пришел в Московию

⁵⁹ Подробнее: Селин А. А. Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006.

⁶⁰ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2:246.

⁶¹ *Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны...* С. 160.

⁶² Поход его королевского величества в Москву 1609 года // РИБ. Т. 1. СПб. 1872. С. 509.

для искоренения веры, что это — враг храмов, разрушитель обрядов, грабитель монастырей»⁶³.

Современные публицисты часто продолжают эксплуатировать миф о шведах-завоевателях, стремившихся в начале XVII в. поработить Россию. Однако если обратиться к посланиям Карла IX в Московское государство с призывом сохранять верность Шуйскому⁶⁴, то можно обнаружить, что идеология, содержащаяся в призыве сопротивляться Литве и Польше, гораздо ближе современным урапатриотам. Так писали в королевской канцелярии: «Вы уже много выразумели, коим обычаем как ести были литва и поляки, как вас оманули страдником Дмитрием, а который назывался блаженные памяти царевым Ивановым сыном Васильевича, и што вы отстали от царя (сверху: князя) Василья Ивановича, которой прироченной государь прямой русин, и пристали к страднику. Да и сами вы того не ведали, хто он таков был, отчево Литва и Полша осилили в Руской державе и взяли многие города и церкви Божии разоряли и грабили и монастыри, и животы имали, да и многие города сожоны ваши, да и сведены ваши жены и дети соромочены и побиты, где ково застали и погублены». Это не просто послание союзника политического, но скорее — единомышленника. В нем содержится прямое обвинение Литвы и Польши в стремлении истребить православие, более резкое, чем у Авраамия Палицына и даже у не запятнавшего себя связями с Литвой Ивана Тимофеева. Такие приемы идеологической борьбы Иероним Граля удачно описал как конспирологические усилия пропаганды, начиная с посланий Василя Шуйского. Сначала идет поиск иезуитского или испанского следа; в рамках той же конспирологии Тушинскому вору были подброшены еврейские книги. Ученый отметил, что московские эмигранты в Речи Посполитой — Салтыковы и Трубецкие, — заклеянные в Москве как изменники веры, сделали все для сохранения православия на Северщине, Черниговщине, Смоленщине⁶⁵.

⁶³ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 93.

⁶⁴ Лист Карла IX к патриархам, митрополитам, игуменам, воеводам, боярам и дьякам и всяким людям с призывом сохранять верность своему царю Василию Шуйскому. 1609, августа // RA, Militaria: 1287: 11.

⁶⁵ Граля И. Код Речи Посполитой // Родина. 2005. № 11. С. 45–49.

Все эти усилия пресом давили в начале XVII века как на москвича, так и на провинциала. Но не стоит вслед за Е. И. Кобзаревой считать новгородцев 1611–1617 гг. совершенно не разбирающимися в ситуации, механически подчиняющимися приказам воевод, которые переходят / не переходят на сторону шведов. Все это очень поверхностно. Новгородцев всерьез волновала проблема отъезда — не случайны сильные эмоции, связанные с этим, хорошо заметные на примере дела Нарбековых⁶⁶.

Что должен был чувствовать воевода Никита Вышеславцев, который в течение нескольких месяцев 1610–1611 гг. вынужденно, вместе с городом, менял союзников на противников, и наоборот? После начала движения Скопина к Троице он с другой частью новгородцев идет походом через Вологду на Ярославль, занимает его и обороняет от тушинцев. В марте 1611 г. он командовал сотней дворян Водской пятины и получил на 108 человек своей сотни из Новгородского винного погреба три ведра, шесть стоп и шесть четвертей вина за поход на Старую Руссу, в котором его сотня была в составе войска Леонтия Вельяминова⁶⁷. В июне 1611 года Вышеславцев стоял в Новгороде, вместе с другими новгородцами ожидая, чем кончится противостояние с осадившим город войском Делагарди. 25 июня 1611 г. он получил еще три ведра вина⁶⁸, 1 июля на свою сотню еще ведро вина⁶⁹. Это происходило непосредственно перед захватом Делагарди Новгорода и, соответственно, бегством из города посланцев Первого ополчения Л. А. Вельяминова и В. И. Бутурлина. Уже 30 ноября 1611 г. Н. В. Вышеславцев с новгородскими войсками стоял на Московской дороге под Коломенским острожком, где имел столкновения с «воровскими людьми», одним из военачальников которых был кн. В. А. Тюменский⁷⁰. В конце 1611 г. он был послан с

⁶⁶ Селин А. А. Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5–13.

⁶⁷ Сборник памяти на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2: 124. Л. 109.

⁶⁸ Там же. Л. 194; Приходно-расходные книги Государева винного погреба. 1611. 28.03 – 1611, август // RA, NOA. Serie 1: 60. С. 8.

⁶⁹ Сборник памяти... Л. 202; Приходно-расходные книги... С. 17.

⁷⁰ Челобитная боярам и воеводам Деревской пятины Проньки Васильева сына Косаковского о лошади и деньгах за свою службу. 1611. 4.12 // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 31.

ратными людьми через Боровичи на Устрецкий стан. Приход этого войска в Боровичи вынудил отойти к Устрецкому стану татар и казаков Василия Бутурлина и Леонтия Вельяминова. Позднее, придя в Устрецкий стан, Вышеславцев приводил к крестному целованию крестьян Устрецкой и Видимирской волостей. Это заняло десять дней. Из Устрецкого стана он пошел на Липенский Котлован, куда пришел в начале января 1612 г.⁷¹ Под Котлованом и под Рождественским монастырем в Передках войска Вышеславцева имели столкновения с «воровскими людьми». Ранее 20 марта 1612 г. он был застигнут в Устрецком остроге «литовскими людьми» и потерпел от них поражение⁷². В августе 1612 г. Вышеславцев идет походом на Псков, снова вместе с Эвертом Горном⁷³. В июле 1613 г. он был назначен в состав посольства хутынского архимандрита Киприана, посланного для встречи Карла Филиппа в Выборг⁷⁴. После возвращения Новгорода под власть Москвы, в 1618–1620 гг. Вышеславцев служил при размежевании новой русско-шведской границы, а закончил службу после 1627 г. в чине дворянина московского.

Сложные политические коллизии Смутного времени, в которых оказался обыватель того времени, дали новый смысл понятиям, или, если угодно, концептам, сформировавшимся в политической риторике Московского государства в XVI в. На наш взгляд, одним из таких центральных концептов оказалась «измена».

Общеизвестно, что в риторике эпохи Ивана Грозного представление об измене — одно из центральных как для царя-публициста, так и для деловой документации. Собственно, именно в это время

⁷¹ Челобитная боярам и воеводам от крестьян Устрецкой и Видимирской волостей о сбавке с них требуемых денег с перечислением своих несчастий. 1612 // RA, NOA. Serie 2: 73. Л. 69–71

⁷² Челобитная боярам и воеводам подьячего Семена Собакина о пожаловании за службу. 1612. 20.03 // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 76.

⁷³ Челобитная Никиты Вышеславцова боярам и воеводам о том, с каких погостов ему брать корм, находясь с ратными людьми в Лядском погосте на Игомеле. 1612, августа после 14 // RA, NOA. Serie 2: 356. Л. 93.

⁷⁴ Приговор новгородских митрополита Исидора, воеводы кн. И. Н. Одоевского и земских чинов об отпуске в Выборг уполномоченных для предложения шведскому принцу Карлу Филиппу новгородского престола. 1613. 27.07 // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 5–8; *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 95.

представление об измене постепенно, но неуклонно заменяет представление о боярской вольности и праве на отъезд⁷⁵. Однако один смысл это понятие имело в годы существования пусть и расшатанного, но единого Московского государства при Грозном и его ближайших наследниках, и совершенно другой смысл приобрело в годы полного распада государства в 1608–1616 гг. Ниже я предлагаю рассмотреть следующие вопросы:

1) что, собственно, побуждало новгородцев (соответственно, псковичей, владимирцев и проч.) к изменам, т. е. к переходу во враждебный лагерь гражданской войны;

2) какие основные риторические приемы использовались при таком побуждении участниками противостояния;

3) каков был эффект от данных риторических приемов.

В фонде Новгородской приказной избы 1611–1617 гг. нам удалось выявить комплекс документов, являющихся продуктом идеологической работы в новгородских приказах. Это указы и послания новгородского правительства к местной власти с указанием о том, как именно обосновывать реализацию тех или иных мероприятий правительства, носящих, прямо скажем, непопулярный характер. Рассмотрим несколько таких документов (по моим подсчетам, их было издано более двух десятков примерно одинакового содержания).

1) 9 февраля 1612 года. Наказ воеводе Матвею Большому Семеновичу Львову, стоявшему на стане в Югостицах: боярин и воевода кн. И. Н. Большой Одоевский и дьяки Лутохин и Лысцов ему писали, «а велели с ратными людьми идти с Югостиц к Старой Русе... на врагов на литовских людей и промышляти вместе за один, сколько милосердый Бог помочи даст» (пересказ этого наказа содержится в поданной через несколько дней челобитной Львова)⁷⁶.

2) 14 февраля 1612 г. в Тесово к воеводе Григорию Никитичу Муравьеву была послана грамота с общим одобрением его действий и

⁷⁵ Ср. *Кром М. М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // ОФР. Вып. 4. М., 2000. С. 98–115.

⁷⁶ Челобитная (отписка) Матвея Большого Львова боярам и воеводам с просьбой разрешить идти из Югостиц в Старую Русу не через Пшагу, а через Новгород и отправить дворян, не явившихся к Львову и живущих в Новгороде собирать корма в новоприписных погостах. 1612. 9.02 (?) // RA, NOA. Serie 2: 73. Л. 139–140.

рекомендациями по дальнейшему управлению острогом: «а ныне нам поведали, что ты хочешь отъехать в Новгород, и ты бы Новгород счас не приехал, а был бы в Тесове, с ратными людьми, стоял в Тесове. И збирал кормы немецким ратным людям, а ис Тесова не ходил, а корм собрав, отдал немецким ратным людям, а крестьяном бы говорил, чтоб они из домов своих не бегали, кормы б давали, и воровских и литовских людей не боялись, которые воры литовские были под Русою, и те побежали на Московскую дорогу, а за ними пошел королевского величества воевода Иверт Горн с немецкими ратными людьми, и по дворян бы, которые у тебя в списке написаны, посылал, а велел им быти с тобою на стан в Тесове»⁷⁷.

3) 14 же февраля 1612 г. был составлен типовой наказ, отправлявшийся во все дальние уголки Новгородской земли к кормовым сборщикам, губным старостам и другим приказным людям. Прочитую такой наказ, данный кн. И. Н. Большим Одоевским и дьяками в Старую Руссу воеводе кн. А. К. Шаховскому: «и всяким людям говорили, чтоб оне немецким людем корм давали не скорбя, ведомо им дее, что неметцкие люди против врагов литовских людей за них стоят и головы свои кладут нещадно, толко б немецкие люди за них против литовских людей не стояли, и литовские б люди их и до сущих младенцев по своему злосердому умыслу побили и животы б их поймали»⁷⁸.

4) Менее развернутый наказ был дан в тот же день детям боярским, посланным вдоль трассы будущих передвижений войска Эверта Горна на восток Новгородской земли, по Дубецкой и Бельской дорогам: они должны были собирать корма, а собрав, держать его наготове для шведских войск. Окрестным крестьянам они должны были говорить, чтобы те не боялись, так как «немецкие люди ... идут против недругов стояти за них и головы свои класти»⁷⁹.

⁷⁷ Грамота бояр и воевод в Тесово Григорию Никитичу Муравьеву о том, чтобы он оставался на заставе в Тесове и не уезжал в Новгород, о сборе кормов для шведских войск и о распространении известия о победах «немецких людей» под Старой Русой. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2: 73. Л. 148.

⁷⁸ Грамота кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков С. Лутохина и А. Лыцова в Старую Русу воеводе А. К. Шаховскому о сборе кормов на немецких людей с кого только возможно. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2: 73. Л. 144.

⁷⁹ Грамота новгородских бояр и воевод Акинфу Муравьеву, Василию Левшину и подьячему Михайлу Бобровскому ехать в Деревскую и Обонежскую пятину около Бельской дороги и собирать корма на немецких людей Эверта Горна, которые пойдут по этой дороге. 1612. 14.02 // RA, NOA. Serie 2: 73. Л. 145–147.

Общее ощущение, возникающее при чтении этих документов, — это чувство беспомощности, которое проявляют собственно адресанты наказов. Они предстают своего рода страдательной массой, которая не в силах самостоятельно защищать свои интересы⁸⁰. Представляется, что именно это обстоятельство подчеркивается в наказах: самоотверженность немецких людей, их готовность «положить свои головы нещадно» имплицитно противопоставляется крестьянскому бездействию и как бы свойству крестьянина избегать обязательных платежей денег и кормов.

Вышеприведенные документы появились в феврале 1612 г. — за год до избрания Романовых на престол, за три месяца до начала переговоров с Ярославлем. Документы эти могут быть сравнены с посланиями патриарха Гермогена, с перепиской между городами в годы подготовки ополчений, которым они вполне синхронны. Однако цитированные документы носят иной характер. Это указы и наказные памяти — документы императивные, обращенные к населению.

К маю — июню 1612 г. относятся еще два документа этого рода, содержащие более развернутые идеологические установки:

⁸⁰ Видимо, так было не везде. К примеру, Мартин Бер следующим образом описывает отношение крестьянского населения к тушинцам в северо-восточных уездах и Поморье: «В феврале, марте и апреле месяцах (1609 г. — А. С.), вспыхнул бунт в северо-восточных пределах России: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич изменили Димитрию; со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли Немцев и Поляков с неимоверною злобою. Беда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, от рук ея каждого честного воина! Причиною мятежа была наглость панибратов: эти пришельцы, недовольные усердием народа, охотно дававшего им все нужное для продовольствия, грабили без милосердия бедных Русских, как будто неприятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали их в землю; но и это не помогало. Весть о прибыли Скопина и Понтуса-Делагарди наконец ободрила притесняемых; народ вооружился и отступил Полякам: иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в проруби, с такими словами: "Полно вам, глаголи, жрать наших коров и телят! Ступайте в Волгу ловить нашу рыбу"» (Мартин Бер. Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 2. СПб. 1859. С. 104). Сложно предположить, что немецкий пастор говорит здесь о служилых людях по прибору и прочей служилой мелкоте. В Новгородской земле, впрочем, таким районом, куда практически не входили ни шведы, ни москвичи, была Сумерская волость.

5) 19 мая 1612 г. (в последний день переговоров между прибывшим из Ярославля Степаном Татищевым и новгородским правительством) по Псковской и Ореховской дорогам были посланы кормовые сборщики, получившие следующий наказ: «А то волостным людям говорить, чтоб они из домов своих не бегали и пашен в нынешнее время не метали, кормы давали, чем немецким ратным людям сытым быть для своего покою и пашенново времяни, а неметцкие ратные люди идут на врагов для крестьянского ж покою, чтоб православным крестьяном быти в тишине и в покое»⁸¹.

6) 5 июня 1612 г., когда в Новгороде со дня на день ожидали прибытия шведского принца Карла Филиппа, в Заонежские погосты была отправлена грамота к воеводам Василию Федоровичу Неплюеву и Василью Ивановичу Змееву о сборе дополнительных кормов по случаю приезда королевича в Новгород, содержащая, в частности, следующие слова: «А то б волостным людям говорили, чтоб они ныне о том не поскорбили, дали с выти по яловицы да по борани х королевскому приезду с великою радостью, а как королевич Карла Филип Карлович будет в Новгороде, и их пожалует, велет им во всяких податех полготит, а ныне во Пскове вора, которой назывался царевичем Дмитрием псковичи связали, а связав повезли к Москве, а исо Пскова в Новгород на королевское имя дворяне и дети боярские и всякие люди отъезжают и будут в Новгород многие из Пскова»⁸² (речь идет о свержении и аресте Лжедмитрия III в Пскове 20 мая 1612 г.).

Известно, что в результате новгородско-ярославских переговоров летом 1612 г. было достигнуто соглашение о перемирии, после чего взаимными грамотами о непролитии крови примерно в те же дни обменялись присланные из Новгорода в Заонежские погосты воеводы и каргопольцы, поддерживавшие Ярославль. Так, каргопольцы писали, «что отписали мы к вам о добром совете, чтоб меж людьми и вами роз-

⁸¹ Память Андрею Волнину и подьячему Остафию Симанову ехать по Псковской дороге до Мшаги и собирать и ставить по станам корм на немецких ратных людей. 1612. 19.05 // RA, NOA. Serie 2: 354. Л. 35–37.

⁸² Грамота от бояр и воевод в Заонежские погосты Василию Федоровичу Неплюеву и Василию Ивановичу Змееву о сборе дополнительных кормов по случаю приезда в Новгород королевича. 1612. 5.06 // RA, NOA. Serie 2: 354. Л. 47–49.

ни не было и кров крестьянская унялась и стояти б нам с вами вместе на общих наших врагов полских и литовских людей»⁸³.

Первый период новгородско-шведского альянса характеризуется регулярным управлением, установленным после 3–4 лет анархии. Политику в июле 1611 — июне 1612 г. определяли боярин кн. И. Н. Большой Одоевский, митрополит Исидор, дьяки Андрей Лысцов и Семен Лутохин. Все эти люди, кроме Одоевского, были новгородцами по рождению. Именно об этих лицах (кроме умершего к 1615 г. Лысцова) допрошенные в 1615 г. в Москве новгородцы Я. М. Боборыкин и М. Ш. Муравьев говорят как о радетелях Михаила Федоровича. Надо полагать, что именно первые правители альянса — Одоевский, Исидор, Лутохин, Лысцов — делали ставку на столь неординарное для отечественной политической и делопроизводственной практики действие: обращение с воззваниями и разъяснениями к плательщикам денег и кормов — крестьянскому населению, «страдательному элементу» Смуты, лишенному социальной активности. Своеобразие политической ситуации, присутствие иностранных войск требовало, по мысли новгородского руководства, своего обоснования для снижения социальной напряженности.

После событий под Тихвином и Бронницами 1613–1614 гг. внутри новгородского общества наступает ожесточение. 30 августа 1613 г. шведы учинили в Новгороде допрос тихвинскому игумену: не подерживали ли его в упорном сопротивлении шведам новгородцы? Игумен отвечал отрицательно, указывая, что он укрепился в Тихвине и защищался против шведов по своей инициативе и по желанию кн. Д. М. Пожарского⁸⁴. В 1613 г. Андрей Лысцов умер, а яркую фигуру Семена Лутохина оттесняет на второй план дьяк Пятой Григорьев.

1615 г. оказался переломным. С этого времени государства уже только делят земли — наступает время взаимных обвинений, огульных и лживых. Например, такое обвинение занявших Новгород шведов

⁸³ Отписка новгородских бояр и воевод Ивану Зюзину и всем каргопольцам о том, что денежные сборы в Водлозерской волости производятся Гансом Мунком по их распоряжению ввиду того, что названная волость принадлежит Новгородскому уезду. 1612 (?). 10.07 // СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. IV. Д. 533.

⁸⁴ Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 111.

содержится в грамоте царя Михаила Федоровича к французскому королю в мае 1615 года: «И оплоша разговоры и ссылками, Новгород за ссылкою и крестным целованием взял, и многую крестьянскую кровь полили, и монастыри и церкви Божии разорили, больши семьдесят одних монастырей опричь мирских церквей, а мирских церквей больши 1500 без Божия пеня учинили. И образы многих святых оксквернили, и дворы всяких людей пожгли... И ныне в Новгороде и во всех наших городех, митрополита Исидора и боярина и воеводу князя Ивана Одоевского держит в неволе, и Новгородское государство и ноугородцкие пригороды и уезды разоряют и пустошают»⁸⁵. Однако тремя годами раньше, в 1612 г., после возвращения в Ярославль посольства Степана Татищева, отзыв о «немцах» в Новгороде был вполне благоприятным, а известия о пленении шведами князя Одоевского и митрополита Исидора нельзя оценить иначе, как намеренное введение в заблуждение адресата послания.

Шведы отвечали почти теми же словами. Именно в правление Густава Адольфа появляется такое отношение к москвитам: «Московиты... — те же турки» — так говорится в шведских геральдических легендах начала XVII в.⁸⁶

С середины 1614 г., особенно после летнего столкновения новгородцев с войсками кн. Д. Т. Трубецкого, приказную власть в Новгороде получают деятели другого поколения — дьяк Пятой Григорьев, подьячий Григорий Собакин. По времени это почти совпадает с заменой Деллагарди Эвертом Горном. На местах внутренняя политика сводится к выкачиванию платежей и кормов. Именно такая политика, равно как и признание новой династии Псковом, Торжком, Осташковом, Каргополом, привели к прекращению равноправного диалога, столь конструктивного в 1612 г. Однако попытка вести такой диалог с населением в первые годы существования альянса должна быть отмечена.

Осенью 1613 г., после окончательного утверждения в Москве Романовых, началось приготовление к походу на Новгород. Наиболее

⁸⁵ Грамота царя Михаила Федоровича к французскому королю от мая 1615 г. // *Берх В.* История Михаила Федоровича. СПб., 1832. Ч. 2. Приложение 15. С. 116–159.

⁸⁶ *Юсим М. А.* Рец.: Лейф Тенгстрем. «Московиты... — те же турки»: русские атрибуты в шведской геральдике от Густава Вазы до Столбовского мира. Ювяскюля, 1997. Т. 1–2 // *Средние века.* Т. 61. 2000. С. 385–388.

известные события того времени связаны с Тихвинским монастырем и т. н. «национальным и / или религиозным подвигом», совершенным в этой части Новгородской земли в ноябре 1613 г. Как показал в своем недавнем исследовании О. А. Курбатов, события под Тихвином носили случайный характер и, собственно, начались с похода нескольких казачьих станиц, посланных московским правительством в Псков, в малоразоренные области Новгородчины, где казаки и столкнулись с шведским гарнизоном, «выбитым» из Большого Тихвина монастыря Андреем Трусковым. В главе 4 мне приходилось упоминать о том, как события под Тихвином оценивались в Новгороде, в частности — главой новгородской церкви митрополитом Исидором⁸⁷.

Однако роль основной ударной силы, которая должна была выбить шведов из Новгорода, предназначалась не шедшим «самовольством» под Тихвин казакам, а армии боярина и воеводы, недавнего кандидата на престол князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, посланного под Новгород по Московской дороге. Официально московские власти уведомили новгородское правительство Деллагарди — Одоевского об избрании на царство Михаила Романова только в октябре 1613 г. Грамоты были отправлены из находившегося в походе войска кн. Д. Т. Трубецкого как к Якову Деллагарди⁸⁸, так и к новгородским дворянам «и всяким людям»⁸⁹. Интересно, что в грамоте к Деллагарди Трубецкой не скрывает прежних сношений Подмосквовного ополче-

⁸⁷ «...из Новгорода идти им на богоотступников на полских и на литовских и на русских воровских людей, на тех, которые полские и литовские и русские воровские люди в Обонежской пятине монастырь Пречистые Богородицы Тихвинские и иные монастыри выграбили, и у чудотворного образа пречистые Богородицы и у иных у многих образов оклад обобрали, и монастыри разорили и посад Тихвинской выжгли и Тихвинского игумена Иосифа и старцов и слуг и иных многих людей неповинных с монастыри предали, а иных в полон поимали, и ныне воуют т разоряют многие места до основанья, а то розных денег с митрополита и с монастыри взято» (Приходно-расходные книги государевых дворцовых сел за 1603/04–1611/12 гг. // RA, NOA. Serie 1: 136. С. 767–768).

⁸⁸ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого Якову Деллагарди, извещающий об избрании на Московский престол царя Михаила Федоровича и о походе Трубецкого на Новгород. Список. 1613. 18.10 // RA. Militaria: 1287: 14.

⁸⁹ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающий о его походе на Новгород. Список. 1613, октябрь (?) // RA. Militaria: 1287: 13.

ния с генералом, однако упрекает шведского генерала в лицемерии и в недостаточном усердии в борьбе против поляков.

Если в 1612 г. посольство Степана Татищева доносило в Ярославль о «мирном сосуществовании» в Новгороде шведов-лютеран и православных, то в грамоте Трубецкого уже содержится упрек шведам в гонениях на православную церковь: «оплоша оманом взял и казну царскую всякую, что было в Новгороде и запасы всякие и наряд поимали, и митрополита и боярина и воеводу, и дворян, и приказных людей, и гостей и всяких служилых и жилецких людей переграбили, а многих побили и кровь крестьянскую невинно пролили, и церкви Божии и монастыри разорили и осквернили, и образы обдирали, всякое зло дела, чего слышети не годитца». Надо сказать, что в более поздних документах такой упрек будет повторяться практически без изменений, как в посланиях, адресованных в Новгород, так и в грамотах, направленных за границу.

Однако грамота Трубецкого к Делагарди сохраняет возможность для совместных действий шведов и москвичей против Польши и Литвы: «А стояти б нам и вам всем на общих наших недрузей, на польских и литовских людей вместе заодно». Идея такого союза проговаривалась в посланиях Карла IX к Василию Шуйскому; сам союз был заключен в Выборге в начале 1609 г., ему же — что важно — следовали Подмосковное и Нижегородское ополчения в 1611–1612 гг. К идее такого союза дипломатия обеих стран придет после заключения Столбовского мира в 1617 г.

Однако в послании, направленном Трубецким к новгородцам практически одновременно с грамотой к Делагарди, содержится прямой призыв к оказанию военной помощи как путем поставок продовольствия, так и путем сообщения военной информации и прямого перехода на сторону Москвы: «И вы б помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Русии и ему, государю, служили и прямили и добра во всем хотели и с его государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст, и смотря по тамошнему делу в Нове б есте городе про всякие вести проводывали, много ль

ныне в Новгороде (с) Яковом Пунтосовым неметцких и всяких воинских людей, и что его Яковлево умышление»⁹⁰.

Со времени публикации первых документов эпохи Смуты в начале XIX в. известно, что в эпистолярном наследии Смутного времени взаимные упреки в еретичестве, богоотступничестве и проч. были распространенным полемическим ходом. В Новгородских и Псковских землях на разных этапах гражданской войны начала XVII в. активными участниками политического противостояния были сторонники как шведской, так и польской ориентации; однако, разумеется, открытого (да и какого-то иного) отхода от православия ни одна из сторон не демонстрировала. Равным образом в посланиях зарубежных (соответственно, лютеранских и католических) политических игроков распространены обращения к православному духовенству Северо-Запада. В особенности это, разумеется, касается шведской стороны. Еще в августе 1609 г., в недели первых успехов совместного шведского и новгородского воинства на Верхней Волге, Карл IX обращается к духовенству тех уездов, которые присягнули Тушинскому вору с призывом сохранять присягу своему царю Василию Шуйскому⁹¹, и уговаривает беречься от польского короля и от помощников — от папы римского и короля «шпанского».

Важно подчеркнуть, что в посланиях кн. Д. Т. Трубецкого, обращенных к Делагарди и к новгородцам, в составе воинства, идущего с ним к Новгороду, так сказать, «особой строкой» выделены мусульмане.

Еще в грамоте из Ярославля к Делагарди, составленной в апреле 1612 г., состав ополчения перечислен следующим образом: «Дмитрей Пожарской с товарищи и чашники и стольники и дворяне большие и стряпчие и приказные люди и жильцы и дворяне из городов и дети боярские и головы стрелецкие и казачье и сотники и гости и торговые люди и стрельцы и казаки и Понизовских городов царства Казанского и иных всех городов князи и мурзы, и татарове, и Литва,

⁹⁰ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающий о его походе на Новгород. Список. 1613, октябрь (?) // RA. Militaria: 1287: 13.

⁹¹ Лист Карла IX к патриархам, митрополитам, игуменам, воеводам, боярам и дьякам и всяким людям с призывом сохранять верность своему царю Василию Шуйскому...

и немцы, которые служат в Московском государстве, и всех чинов всякие люди»⁹².

Гораздо более воинственно звучит перечень идущей на Делаярди армии кн. Д. Т. Трубецкого: «А будет ты из Новагорода не пойдеш, и мы, сприся у Бога милости, идем к Новугороду со многими великого государя нашего царьского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств и с Казанскою и с Астраханскою и иных Понизовными города с князи и с мурзы, и с татары, и з донскими и с волскими, и терскими, и яицкими, и сибирскими атаманы, и с казаки, и с стрельцы со многим огненным боем и многих Поморских городов с ратными людьми, и мордва, и черемиса»⁹³.

Примерно тот же перечень войска приведен и в послании Трубецкого новгородцам: «государя нашего царьского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных Понизовых городов с князи и с мурзы, и с татары, и з донскими, и с волскими, и с яицкими, и с сибирскими с атаманы и с казаки, и с стрельцы со многим огненным боем и многих Поморских городов с ратными людьми, и мордва, и черемиса, и з большим огненным нарядом»⁹⁴.

Рассмотрим, как могли отразиться эти послания на настроениях новгородцев. Сразу отмечу, что цитированные выше документы — это списки с московских грамот, снятые в Новгородской приказной избе для правительства Делаярди — Одоевского (и составившие впоследствии один картон фонда Militaria). Таким образом, конкретно очертить круг читателей этих грамот достаточно сложно.

Мне удалось выявить имена 413 новгородцев, отъехавших из Новгорода («в московские полки», в Осташков, в Псков и т. д.) в течение ноября 1611 г. — октября 1616 г. Нет сомнения, что этих людей было значительно больше; также нами в данном случае учтены лишь главы домов: многие новгородцы, как указывают источники, отъезжали с семьей и иными домочадцами; некоторые, напротив, покидали

⁹² Грамота кн. Дмитрия Пожарского из Ярославля в Новгород Якову Делаярди о посылке к нему посольства С. Л. Татищева. Список. 1612, апрель // RA. Militaria: 1287: 8.

⁹³ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого Якову Делаярди...

⁹⁴ Лист воеводы кн. Д. Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям...

семью в Новгороде. Однако удастся проследить примерную динамику их отъезда.

Из 413 человек к январю 1613 г. на сторону политических противников Новгорода перешло всего 55 человек. Весна 1613 г. — время, когда на Московском престоле утверждался Михаил Романов, а воеводы Пожарский и Трубецкой постепенно теряли власть, — принесла с собой отъезд еще примерно пяти-шести человек. Летом 1613 г. произошли существенные изменения. Гдов признал власть псковских воевод и «отложился» от Новгорода. Известны имена еще 15 новгородских дворян, отъехавших в это время (но далеко не все они связаны с Гдовом, в частности шестеро из них — это дворяне Нарбековы и их родственники, бежавшие непосредственно из Новгорода⁹⁵). В августе 1613 г. стоявшие гарнизоном в Порхове новгородцы приняли решение передать город московским властям, попытались обезоружить шведский гарнизон, но, потерпев неудачу, бежали в Псков, прибавив к списку отъехавших еще 13 человек (их, несомненно было больше).

Но наступает поздняя осень, а потом и зима 1613/14 г. — время, когда, вероятно, уже все новгородцы знали, что в Москве избран царем Михаил Федорович. Количество новгородцев, бежавших из города и маленьких гарнизонов, а также из своих поместий, увеличилось сразу на 35 человек. Еще 17 человек уехали весной, а летом 1614 г. отъезды приняли повальный характер: к 7 сентября 1614 г. уехавших новгородцев уже 160 (к 19 января их 85, т. е. за полгода их уехало почти столько же, сколько за предыдущие два с половиной), за оставшийся период прибавилось еще 45–46 человек.

Выше я упоминал о мусульманской составляющей московского войска. Забавным парадоксом является то, что среди оставшихся на стороне правительства Делаярди — Одоевского число татар и новокрещенов было заметным: именно татар мы встречаем и отдельным воинским соединением в сражениях под Тихвинским монастырем осенью 1613 г., и среди челобитчиков о поместьях «изменников» — новгородских дворян, отъехавших к Бронницам и Рамышевскому острогу летом 1614 г.

Интересен один из последних по времени документов, попавших в Новгород уже в апреле 1615 г., по окончании посольства в

⁹⁵ Селин А. А. Об «изменах» в Новгороде...

Москву архимандрита Киприана. Эта грамота адресована оставшимся в Новгороде жителям Освященным собором в Москве. Она содержит упрек в умалении чина Михаила Федоровича, которому новгородцы били челом, отправляя Киприана в Москву, — не назывании его «всеа Руси», притом что «в(с)е великие государи царский и король шпанский и вси крестьянские государи и короли и наивышший папа рымский и мусульманские великие государи, шах персицкой и салтан турской и иные мусульманские государи все описуют его царское именованье царем всеа Руси и самодержцем по его царскому достоянию». Новгородцы били челом царю Михаилу Федоровичу о начале переговоров, «как будто вы во многое времена о всяком добром деле о отечестве своем и о единовестве попечение имели и нам бы, господине отцы неотступно поминати и о том докучати великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси самодержцу». Однако в Москве такой доброй воли новгородцев уже не восприняли; все, на что им полагалось надеяться, следуя грамоте Освященного собора, — только на милость царя Михаила Федоровича: «государь, по своему царскому милостивому нраву рать посылая по христиан нашем верою не хотя видети в своей царской искони вечной прародительской отчине Новгородцком государстве святых Божиих церквей и честных великих обителей досталь от германского зброду разорения, чудотворных образов и мошей святых в обругании и вас, богомольцов своих и все(х) православных крестьян в конечном разореньи и опасеньи и в нестерпимых ваших бедах и в гонении еси в немилостивом мучительстве и чтоб наша истинная православная христианская вера греческого закона его царским попечением и осмотрием и доброопасных содержательством во всех его великих государствах сияла яко под небесем пресветлое солнце по-прежнему».

Выше я упоминал, что участники миссии — дворяне Яков Боборыкин и Матвей Муравьев — вступили в тайные переговоры с московскими боярами (при посредстве бывшего тушинского дьяка Петра Третьякова, с которым они должны были быть знакомы еще по деятельности того в Новгороде в месяцы правления Ивана Салтыкова) и были даже приведены к присяге царю Михаилу Федоровичу. Вернувшись в Новгород, оба дворянина были арестованы, а Яков Бобо-

рыкин⁹⁶ чудом избежал казни. Однако московское правительство, видимо, призадумалось. С конца 1616 г. из Тихвина в Новгород посылаются грамоты к новгородцам с убеждением потерпеть оставшееся до долгожданного мира время с уверениями в благорасположении к ним царя Михаила Федоровича. В марте 1617 г., когда в Новгород въехал назначенный из Москвы воевода кн. И. А. Хованский, он имел на руках грамоту царя Михаила Федоровича к митрополиту Исидору и всем новгородцам «о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам», в которой содержались слова о том, что «...мы, великий Государь, хотим вас всех жаловати нашим царским жалованьем против Вашей службы, и вы б все были на нашу царскую милость и жалованье надежны»⁹⁷. Таким образом, московские власти возвращались в Новгород на основе широкого

⁹⁶ Судьба Якова Боборыкина подробно рассмотрена в книге Г. А. Замятина — *Замятин Г. А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913. С. 134–140. Однако он не знал о его жизни на московской службе по окончании Смуты. Мне известно вот что: в декабре 1617 г. Я. М. Боборыкин служил воеводой в Старой Руссе вместе с дьяком Ильей Дубровским (Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу Хованскому и Мирону Андреевичу Вельяминову да дьякам Андрею Варееву и Третьяку Копнину о покупке хлеба для ратных людей, о причислении Сумерского погоста и Старополя в ведение Старорусского воеводы и о большем радении о земских и государевых делах. 1617. 4.12. Список // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–9). Позднее он оказался в Москве, где служил судьей Поместного приказа с 14 ноября 1621 г. по декабрь 1628 г., при боярине кн. А. В. Сицком (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 121). В боярской книге 1627 г. Я. М. Боборыкин — дворянин московский (Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1986. С. 70). По сведениям С. Шокарева, он скончался в 1631 г. ([*Шокарев С.*] Указатель имен // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 479).

⁹⁷ Грамота государя царя и великого князя в Новгород митрополиту Исидору и всем духовного и светского чина людям известительная: о заключении с шведским королем Густавом Адольфом мирного договора, по коему Новгород возвращен паки к Российской державе; о принесении по сему случаю благодарственного Господу Богу молебствия и о приведении жителей к присяге на верность государю с дарованием милостивого прощения всем тем, кто от страха или неволею усердствовал шведам. 1617. 27.02 // СГГД. Ч. 3. 1822. № 34. С. 149–154.

компромисса: все службы новгородцев при шведах им засчитывались, а их пребывание под шведской властью объявлялось «немецким пленом». Думается, такая политика компромисса была связана с тем, что Филарет еще не вернулся из польского плена. С лета 1619 г. политика московских властей резко меняется в направлении ксенофобии и обскурантизма.

Жизнь и смерть

В годы Смуты, как и во время любой войны, ценность человеческой жизни резко падает. Но несмотря на общее ожесточение в Новгороде, несомненно присутствовавшее во все годы Смутного времени и никуда не исчезнувшее при шведской администрации, мне известно лишь об одной публичной казни в Новгороде в годы новгородско-шведского альянса. Казнен был пятиконецкий староста Андрей Ременников. Он стал своего рода «козлом отпущения» за всех новгородцев, так или иначе вступивших в контакт с Москвой во время Дедеринских переговоров. Среди вступивших в контакт были не только открыто перешедшие на сторону Москвы У. Лупандин, Я. Боборыкин, Ф. Витовтов, но и многие из тех, кто сохранил высокое положение в Новгороде вплоть до февраля 1617 г., такие как подьячий Григорий Собакин или кн. И. А. Мещерский. Однако лишь староста Ременников был казнен в середине июля 1616 г.: «а Новгородского пятиконецкого старосту Андрея Ременникова казнили тому недели с две, отсекли де голову, а тело покинули, а голову взакинули на кол, за то: как были государевы послы на Песках с свейскими послы на съезде, и он тогда государю служил и к государевым послом на Пески (ездил)»⁹⁸.

Приговоренный в 1616 г. к казни за пропуск беглецов за Славенские ворота Федор Бестужев был прощен Делагарди и отдан на поруки. В апреле 1616 г. вместе с Игнатием Скобельцыным Федор Бестужев стоял на заставе в Славенских воротах. Согласно поданному на Бестужева извету, утром 27 апреля они нелегально пропустили

⁹⁸ Расспросные речи лазутчика новгородца Родки-Нехорошки Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 297–299, 303, 300, 301, 304, 302, 305, 306 (листы перепутаны).

через ворота около десяти новгородских посадских. Находившийся при воротах целовальник Иван Иванов поначалу воспротивился этому, но Бестужев и Скобельцын отвечали ему: «это не твоя наша (ноша?)». Вместе с новгородскими служилыми людьми на заставе у ворот стояли шведские солдаты и татары, что не помешало бегству посадских людей из города. На очной ставке с целовальником, проведенной перед дьяками Семеном Лутохиным и Пятым Григорьевым, судьей Василием Трусовым и подьячим Григорием Собакиным, Федор Бестужев на обвинения отвечал, что никого из пропущенных новгородцев не знает. Целовальник же И. Иванов показал, что за три дня до событий к воротам приходил никитский поп Никита и обратился к нему: «мочно ли проехать за город, а с Федором де у меня слово было, возми де ты себе на колачи... И показал мне в пясти денег много». Целовальник ему отказал, на что Бестужев стал браниться: «ты попа пропустить не хочешь, а он мне отец духовный». Спрошенный в связи с показаниями И. Иванова Ф. Бестужев отвечал, что ранее посылал целовальника осматривать судно, тот его не послушал, тогда Бестужев его ударил, в результате чего между ними возникла неприязнь. При допросе попа Никиты выяснилось, что Федор Бестужев ему не духовный сын, зато племянница Федора, которая замужем за Никитой Калитиным, — действительно духовная дочь попа. Допрошенные по этому делу посадские люди показали, что Ф. Бестужев пропустил десятерых человек во время обедни в Св. Софии, Бестужев же показал, что в обедню он был в Земской избе, а не на карауле. Вместе с Бестужевым и Скобельцыным на карауле находился также подьячий Третьяк Посадников. Он, видя, что Бестужев незаконно пропускает посадских, указал ему на это. Ф. Бестужев ему ответил: «ты мне, детина, указываешь!» Допрошенный 29 апреля, он обвинил Посадникова в том, что тот взял «скупу» с проехавших в полтора рубля. 29 мая переводчик Эрик Андерс зачитал запутавшемуся в своих показаниях Бестужеву обвинение и приговор: «приговорил воевода Яков Пунтосович Делагард казнить тебя за твою вину смертной казнью». 1 мая Делагарди «положил милость: велел казнить не смертной, а торговой казнью Федора Бестужева. Бит кнутом, посажен в тюрьму до указа»⁹⁹.

⁹⁹ Дело о пропуске сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славенских воротах заставы. 1616, апрель — май // ДАИ. Т. 2. СПб., 1846. С. 77–78.

В последние недели шведской администрации город опустел. Однако готовившиеся к уходу «немцы» продолжали педантично взимать платежи. Эскалация насилия не прекращалась. В вестовой грамоте, переданной в Тихвин через английского переводчика «Юрья Родионова», содержалось лапидарное сообщение: «Декабря 17 день на правежи убили Левку да Матюшу да Петрушу»¹⁰⁰.

Смертность в тюрьмах, гибель людей от болезней и голода были гораздо более массовым явлением того времени, нежели казни. Ропись шведских пленных, содержащихся в Тихвинской тюрьме с 1613/14 г., показывает, что большая часть пленников умирала. Ропись даже завершается словами: «А кто не послан к Москве, все померли»¹⁰¹. Сходная картина наблюдалась и в Смоленской тюрьме времен осады города Сигизмундом 1609–1610 гг.¹⁰²

Смерть — спутник человека во все эпохи, как в военные, так и в мирные. Новгородские документы начала XVII в. показывают такой пример смирения пожилого человека перед своим возрастом. Среди бежавших из Пскова в Новгород детей боярских был пожилой Семен Ишуков сын Матюшкин, еще в 1585/87 гг. служивший стрелецким сотником в Пскове или Изборске и владевший поместьями в Изборском и Дубковском уездах¹⁰³. Вскоре по прибытии в Новгород, в конце 1611 г., он бил челом Делагарди и Одоевскому с просьбой о даче денег на пострижение в монахи: «Служил я, государи, всякие службы бывшим государям царям пятьдесят лет, а нынеча, государи, я обнищал, животишка мой вес во Пскове и поместье, а я волочусь в Новгороде другой год, стар и болен конечен, а

¹⁰⁰ Список с грамоты английского посла Джона Мерика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. 1616. 5.12 // РГАДА. Ф. 96. 1617. Д. 1. Л. 221–223.

¹⁰¹ Ропись пленным, содержащимся на Тихвине. 1616, мая // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 34–40.

¹⁰² Мальцев В. П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609–1610 гг. // ИА. 1960. № 5. С. 129–139.

¹⁰³ Платежная книга Псковской земли по писцовой книге псковских пригородов Воронача, Выбора, Гдова, Дубкова, Изборска, Кобылья, Острова и их уездов писцов Г. И. Мешанинова-Морозова и И. В. Дровнина. // Сб. МАМЮ. 1913. Т. 5. С. 312, 357, 358.

Схема 1. Родственные связи Ивана Борисовича Секирина

призрители меня бедного некому». Бояре дали ему на пострижение и похороны рубль¹⁰⁴.

Близкие люди пеклись о правильных и своевременных похоронах умершего. Уже после Смуты у одного из помещиков Водской пятины, Ивана Борисовича Секирина, в разгар паники по поводу известий о моровом поветрии за рубежом, 21 декабря 1629 г., на пятом году жизни умер сын Савва от «огневой болезни». В связи с известиями о моровом поветрии за рубежом Иван Секирин бил челом царю Михаилу Федоровичу о разрешении отвезти тело сына в Новгород и похоронить его в Антониевом монастыре, добавляя, что «в том мо-

¹⁰⁴ Челобитная боярам и воеводам псковского помещика Семейки Матюшкина о даче денег на пострижение в монахи. 1611, конец // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 19.

настыре у меня лежит и отец и дядя и жена и дети¹⁰⁵». О других детях И. Б. Секирина мне не известно, но на схеме постараюсь показать других родственников служилого человека.

В том же Антониеве монастыре в начале XVII в. были похоронены убитый новгородцами М. И. Татищев, дети боярина кн. И. Н. Большого Одоевского Василий и Иван¹⁰⁶, а в 1616 г., вероятно, и сам боярин до того момента, как его прах был перевезен в Москву

Семья и брак

Одна из важных проблем, встававших во время Смуты, — это потеря родственных и семейных связей, подчас сознательная, подчас произошедшая в силу обстоятельств. Во взаимоотношениях между противоборствующими сторонами важное место занимал вопрос о судьбах находящихся в противоположном лагере жен и детей. Примеров такого разделения семей новгородские материалы дают множество.

Вскоре после 21 июня 1611 г. из Новгорода отъехал кн. П. И. Пронский. Вскоре он оказался в подмосковных таборах. Однако в Новгороде осталась его жена, княгиня Авдотья, и малолетний сын Михаил. 14 марта 1613 г., через полтора года после отъезда мужа, который в то время служил холмогорским воеводой, княгиня Авдотья получила в Новгородском дворце три рубля на отъезд в Москву с гонцом Воином Богучаровым¹⁰⁷. Ее сын, юный князь Михаил Петрович, тем не менее остался в Новгороде. Следов его присутствия в городе материалы Новгородского оккупационного архива не содержат; однако он числился одним из самых важных пленных, удерживаемых в Новгороде¹⁰⁸. В марте 1614 г. воевода Рамышевского острога Андрей Федорович Палицын, следуя указаниям из Москвы, требовал в обмен на тело шведского капитана Бакнера «князь Петрова сына Пронского князя Михайла да Томилова сына Луговского да Васильевых

¹⁰⁵ Челобитная царю Михаилу Федоровичу сына боярского Ивана Борисовича Секирина о разрешении ему похоронить умершего сына в Антониевом монастыре. 1629. 21.12 // СПБИИ. Кол. 109. Д. 476.

¹⁰⁶ Мятлев Н. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева // ЛИРО. 1905. Вып. 1. С. 3 (2-я паг.).

¹⁰⁷ Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 34. С. 549–550.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 49–50.

да Ефимовых детей Телепнева да детей боярских да атаманов и казак»¹⁰⁹. Указаний на детей Василия Телепнева мне в новгородских документах не встретилось; дети же Е. Г. Телепнева Иван, Михаил, дочери Анна и Александра известны из источников¹¹⁰.

На распродаже имущества казненного М. И. Татищева на торги были выставлены «постеля, зголовье, 3 подушки, наволоки на всех белые, цена пол-2 рубля, и бил челом о той постеле князю Михайлу Васильевичу Яков Микитин сын Вышеславцов: сказал, што та постеля была у Михайла отца ево Микиты, а Михайло был ему Якушки дядюшка, и та ему постеля по приказу боярина князя Михайла Васильевича отдана». Яков Вышеславцев — это сын виднейшего новгородского военачальника эпохи Смуты Никиты Васильевича Вышеславцева. Впоследствии о Якове Вышеславцеве известно, что в июле 1617 г. он приводил к присяге царю Михаилу Федоровичу жителей сельских районов Новгородской земли¹¹¹.

В 1608 г. младший Вышеславцев добился отдачи ему сабли из имущества Татищева¹¹², а также меринка, «голуб 7 лет... отдан по сыску Якушку Микитину сыну Вышеславцову без денег потому: бил челом

¹⁰⁹ Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными...

¹¹⁰ Челобитная боярам и воеводам детей Ефима Телепнева Ивашки да Михалки о том, что с их поместных деревень в Воскресенском погосте на Сяси берут кормов столько, сколько по дозорным книгам значится с поместья их отца, Ефима Телепнева, после смерти которого им дано только две деревни, а остальные пожалованы в поместье Гансу Бракилю. 1612 // RA, NOA. Serie 2: 355. Л. 67; Выпись из росписи русских полоняников, оставленных шведами в Новгороде для обмена на пленных, взятых псковичами. 1615, мая // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 209–211. По мнению Д. В. Лицейцева, В. Г. Телепнев происходит от князей Телепневых-Оболенских, чем обусловлена быстрая карьера его в Посольском приказе (упомянут как подьячий в 1604 г., посольский дьяк с июня 1606 г., посольский думный дьяк с 1609 г.). В своей книге Лицейцев упоминает о службе Е. Г. Телепнева в новгородских дьяках, но не касается первых ступеней его карьеры в новгородских подьячих (*Лицейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты*. М., 2003. С. 77–79).

¹¹¹ Сын Якова Федор служил при царе Алексее Михайловиче ясельничим. Несколько эпизодов его биографии описаны в монографии П. В. Седова (*Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века*. СПб., 2006. С. 187, 189, 272).

¹¹² Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // ВОИДР. Кн. 8. 1850. С. 8.

о том меринке Якушко князю Михайлу Васильевичу, а сказал, что та лошадь ево Якушкова, приехал на той клячи из деревни перед Михайловой смертью незадолго, и жил у Михайла, а Михайло по матери был ему дядя»¹¹³.

Сестра убитого М. И. Татищева Агафья была замужем за боярином кн. И. Н. Большим Одоевским, который с 1608 г. находился в Новгороде. Весной 1611 г., после свержения Салтыкова он возглавил городскую администрацию. Тогда же было возбуждено дело о двух образах, оставшихся в Новгороде после убийства Татищева¹¹⁴. По делу, в частности, привлекался один из правителей Новгорода боярин кн. И. Н. Большой Одоевский¹¹⁵. Во время допроса кн. Одоевский недвусмысленно именуется шурином убитого М. И. Татищева, получившего искомые образы «по московской грамоте»¹¹⁶. В новгородских кабальных книгах 10 марта 1616 г. упомянуто о записи за себя холопов «боярина и воеводы князя Ивана Никитича Большого Одоевского жены у княгине Огафье Игнатьевны»¹¹⁷.

¹¹³ Там же. С. 30. О том, что Никифор Васильевич Вышеславцев — тесть И. П. Татищева, писал еще Ю. В. Татищев, обратив внимание на упоминание в Помяннике Московского Успенского собора среди рода Татищевых Никифора и Евдокии — тестя и тещи думного дворянина И. П. Татищева (*Татищев Ю. В.* Татищевы и Писемские // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 70–79).

¹¹⁴ Черепнин Л. В. Новые документы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // ИА. 1960. № 4.

¹¹⁵ Дело по изветной челобитной дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева. 1615, март // RA, NOA. Serie 2: 55.

¹¹⁶ Полагаю, что инициатором сыска об этих образах, предпринятого в апреле 1611 г., был именно кн. Большой Одоевский, пришедший к власти в Новгороде и являвшийся законным наследником убитого в Новгороде. Труд С. С. Татищева, посвященный родословию Татищевых, знает только братьев Еремея (ум. 1594 г.), Михаила (ум. 1608 г.), Юрия (ум. 1628 г.), Григория (ум. 1620 г.) и Владимира (Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. СПб., 1900). У них была сестра, вышедшая замуж за кн. И. Н. Большого Одоевского. Не случайно, видимо, могила М. И. Татищева в Новгородском Антониевом монастыре располагалась близ могил малолетних князей Василия (ум. 1612 г.) и Ивана (ум. 1616 г.) Ивановичей Одоевских — его племянников (*Мятлев Н. В.* Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева...).

¹¹⁷ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. S. 88. Видимо, именно около 10 марта 1616 г. кн. И. Н. Большой Одоевский скончался.

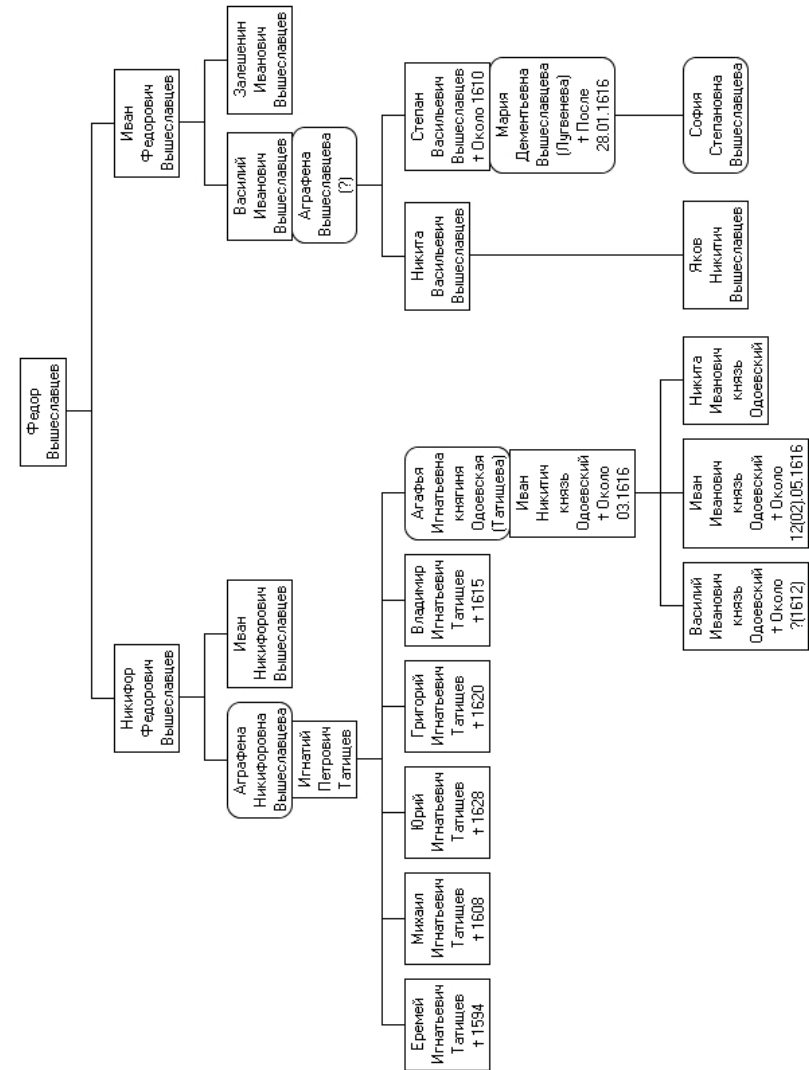

Схема 2. Родственные связи князей Одоевских с Татищевыми и Вышеславцевыми.

В 1616 г. тело кн. И. Н. Одоевского было перевезено в Москву, о чем сообщал Джон Мерик¹¹⁸. После Столбовского мира живыми в Москву вернулись только его вдова Агафья и сын Никита.

Существуют примеры того, как перешедшие на сторону противника служилые люди стремились установить связи с оставленными ими родственниками и облегчить их судьбу. Об этом свидетельствует включение в список пленных, содержащихся в Новгороде, жен и детей, оставленных отъехавшими на Московскую сторону. Оказавшийся в Москве старорусский подьячий Григорий Нечаев жаловался на арест своей жены в Новгороде английскому послу Джону Мериду.

Тот ходатайствовал за жену Нечаева перед Делагарди: «Да сказывал, господине, zde мне на Москве подьячей Григорей Нечаев, что жена ево сидела за приставом дватцат недел, а взяв из-за пристава посадили в тюрьму, а и ныне сидит в тюрьме. А мать ев и сестра и доч волочатца по двором, помирают голодной смертью. А которые, господине, бежали к государю наперед сего и после дворяне и подьячие, и их матерем и женам и детем никоторо де таково зла и худа не было»¹¹⁹. Характерны эмоции Парфения Нарбекова, проявленные во время тайного отъезда из Новгорода. Он, прощаясь со своим сыном Григорием в 1613 г., заплакал и сказал: «Меня простите, а вас Бог. А ведаю яз и сам, что вам быти всем в тюрьме»¹²⁰. Большинство жен и детей, оставленных в городе, не сидели в тюрьмах; однако судьба их, оказавшихся без средств к существованию, была трагичной.

Взрослым мужчинам было легче. Вместе с Нечаевым об оставленных в Новгороде отце и племяннике бил челом в Посольский приказ пскович Петр Андреев сын Ногин, 9 ноября 1615 г. перешедший на московскую сторону под Тихвином¹²¹. Отец Ногина, Андрей Ти-

¹¹⁸ Перевод письма Джона Мерика Якову Делагарди. 1616, апреля // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 216–218.

¹¹⁹ Перевод письма Джона Мерика Якову Делагарди. 1616, апреля // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 216–218.

¹²⁰ Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазарева. 1613. 11.07 // RA, NOA. Serie 2:245. Л. 1–3.

¹²¹ Память думному дьяку Петру Третьякову о присылке в Посольский приказ пленнх немецких людей и роспись пленнх. 1616. 26.04 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 4. Л. 306–311.

мофеевич Ногин, однако, в 1616 г. находился не за приставом, а на свободе, и был одним из тех наиболее авторитетных новгородцев, к кому Сванте Баннер и Ганс Бойе обратились за советом по запутанному судебному делу в сентябре 1616 г.¹²²

Есть примеры воссоединения семей уже в процессе противостояния Новгорода и Москвы. Так, начиная с осени/зимы 1613 г. в Тихвине находится Игнатий Носакин. Его сын, Осип Носакин, служил в это время в Новгороде и выехал в Тихвин с группой дворян Водской пятины только 20 октября 1615 г. Вместе с ним вышел к Тихвину и Федор Павлов сын Гурьев, чей отец, Павел Афанасьев сын Гурьев, находился в Пскове с лета 1615 г.¹²³

Чаще всего оказавшиеся в Москве новгородцы упоминают об оставленных в городе женах. В первую очередь к размену предполагались жены самых видных лиц, причем не только в ходе больших переговоров, но и в ходе локальных перемирий. В 1614 г., к примеру, воевода Рамышевского острога А. Ф. Палицын предложил ротмистру Лоренцу Вагнеру обменять жену Смирного Отрепьева на двух шведов, «на Кашпира Рентебахера да на Анс-Индрика Флемина»¹²⁴. Однако у каждого были свои близкие. Яков Боборыкин, чье положение в 1614–1616 гг. менялось неоднократно, беспокоился о своих трех сестрах и тогда, когда колебался, переходить или не переходить на сторону Москвы, и тогда, когда уже оказался в московском лагере. Он, в частности, еще в конце октября 1616 г. волновался, что хлеб, посеянный им в Новгороде (имелось в виду, в пригородном поместье), был отдан не его сестрам, а Григорию Негановскому. Джон Мерик попытался ходатайствовать за сестер Боборыкиных перед Делагарди. Тот же считал, что когда Я. М. Боборыкин перешел в московский стан в Дедерине, то предал его лично, так как в 1615 г. Делагарди принял особенное участие в судьбе Боборыкина и спас его от казни. Делагарди отвечал Мериду, «что Яковлевы сестры Боборыкина за его Яковлеву из-

¹²² Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сентября после 17 — 11.10 // RA, NOA. Serie 2: 165.

¹²³ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского о выходе к ним детей боярских Водской пятины. 1615, октября после 20 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 11. Л. 88–90.

¹²⁴ Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными...

мену и потому достойны, что их в Свею ссылатъ и всякие де злые слова говорил»¹²⁵.

В годы Смуты, когда вдовство становится частым и распространенным явлением, повторные браки превращаются скорее в правило. Разумеется, такие явления можно зафиксировать и раньше. Так, 5 июля 1580 г. Богдан Иванов Скобельцын женился на княжне Домне, дочери кн. Матвея Мещерского¹²⁶. Однако в 1615 г. его вдову звали Татьяна; следует предположить, что это вторая жена¹²⁷. Е. И. Кобзарева проводит прямую линию между скоростью заключения браков и стремлением новгородских служилых людей приискать себе поместье. Думаю, такой вывод довольно поспешный. Далеко не все известные альянсы эпохи Смуты следует объяснять так рационалистически.

Количество браков Никиты Калитина сложно подсчитать. После гибели под Ельцом в 1606 г. сына боярского Григория Чуркина Калитин женился на его вдове¹²⁸. В 1616 г. он был женат на племяннице уже упоминавшегося Федора Бестужева (впрочем, вдова Чуркина вполне могла быть его племянницей)¹²⁹. Будучи ингерманландским байором, Калитин женился на дочери Исаея Аминева¹³⁰.

Источники сохранили сведения о браке еще одного известного новгородца начала XVII в., дьяка Андрея Константиновича Лысцова. Он происходил из новгородских подьячих и занял свое место в цен-

¹²⁵ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о выходе в Тихвин новгородского посыльного подьячего Постника Кувшинова и князя Ивана Путятина. 1616, октября после 12 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 9. Л. 287–289.

¹²⁶ Кабалы, поданные Богданом Ивановым сыном Скобельцыным. 1598. 15.01 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 313–324. Стб. 112–117.

¹²⁷ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

¹²⁸ Списки русских перебежчиков, на которых были заявлены претензии со стороны шведских властей. 1618–1623 // РИБ. Т. 38 (Дела Тайного приказа. Т. 4) Л., 1926. Стб. 455–484.

¹²⁹ Дело о пропуске сыном боярским Федором Бестужевым посадских людей из Новгорода мимо поставленной в Славенских воротах заставы...

¹³⁰ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие байоры // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.

тральном аппарате только летом 1611 г. Лысцов был женат на Марии, дочери сына боярского Ивана Кузьминского. 12 апреля 1613 г. (за несколько недель до смерти) получил часть поместья Романа Неелова в Солецком и Петровском погостах. Вместо него на отделе присутствовал его тесть, Иван Кузьминский, чье поместье находилось неподалеку. Не женился ли дьяк по соседству?¹³¹

Интересно, что представления о благонаравии совершенно не принимались во внимание при отделе поместий, хотя спорные с точки зрения нравственности ситуации несомненно возникали, в особенности в связи с массовой гибелью мужчин — служилых людей. Так, 22 мая 1611 г. в Молвятицком погосте Деревской пятины было отделено прожиточное поместье осиротевшим дочерям Игнатия Палицына Настасье и Фетинье. Возможно, за сестрами должен был приглядывать их дядя, Гаврило Палицын, но и он не дожил до момента отдела поместья своим племянникам. Девкам было отделено усадище Трубниково (Ярохово тож), в котором они жили, и еще соседняя пустошь. Однако среди жителей усадища был показан еще и бобыль Михалко Иванов¹³². Сложно сказать, какие отношения развились в усадище позднее между его жителями. Столь же сомнительная ситуация выявилась при отделе прожиточного поместья вдове Василия Литвинова Марии в Туренском погосте. Она получила в усадище Зехново «дворишко, где жил Василей». После отдела там поселилась сама вдова с детьми, «да с ними живет беспашенной бобыль Шешко Силин»¹³³.

Некоторые родственные и брачные связи новгородцев фиксируются только по позднейшим расспросным речам. Сохранивший верность присяге Густаву Адольфу новгородский новокрещен Иван

¹³¹ Отдел подьячим Семеном Михайловым поместий дьяку Андрею Лысцову и Михаилу Аничкову из поместья Романа Неелова в Солецком и Петровском погостах Водской пятины. 1613. 12.04 // RA, NOA. Serie 1: 69. С. 355–368.

¹³² Отдел губным старостой Игнатем Дюкиным прожиточного поместья дочерям Игнатия Палицына Настасье и Фетинье из поместья их отца в Молвятицком погосте Деревской пятины и части этого же поместья Гаврилу Палицыну. 1611. 22.05 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 753–757 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 296).

¹³³ Отдел губным старостой Андреем Обутковым прожиточного поместья Марье, вдове Василия Литвинова с детьми в Туренском, Пиросском погосте Деревской пятины. 1611. 5.01 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 383–387 (копия без пагинации: СПБНИИ, м/ф 296).

Муралеев остался после Столбовского мира в Копорье. Туда он вывез своего пасынка, Аникия Алексеева Харламова. Уже в Ингерманландии Иван Муралеев женил его на своей полонянке, дочери галичанина Федора Нелидова¹³⁴. Только в августе 1622 г. Харламов бежал вместе с женой и сыном из поместья отчима, бывшего в то время в походе с королем Густавом Адольфом, пришел в Новгород, где дал на себя поручную запись о неотъезде назад в Швецию¹³⁵.

Одна история, в которую оказались завязаны несколько новгородских семей, наложилась на бурные события Смутного времени и даже нашла отражение в материалах Посольского приказа.

Одна из крупных семей детей боярских Деревской пятины конца XVI — начала XVII в. — Мусины (позднее они восстановят в фамильном прозвище свое родство с Пушкиными и будут именоваться Мусиными-Пушкиными). Я насчитал 39 представителей этого рода, фигурирующих в документах конца XVI — начала XVII в. У одного из Мусиных, Андрея Михайловича, было пятеро детей: Иван (о котором нет известий после 1607 г.), Сергей, ушедший в 1608/09 г. в казаки в стоявшее под Новгородом войско Кернозицкого¹³⁶, Федор, о котором известно только, что он скончался между 1 сентября и 1 декабря 1611 г., Богдан и Варвара. Варвара не позднее 1604 г. вышла замуж за Федора Семеновича Клементьева, от которого родила двоих детей — Павла и Ульяну. В сентябре 1607 г. Федор Клементьев погиб под Болховом.

Осенью 1610 г. в Новгороде сменился политический режим. Туда прибыл Иван Михайлович Салтыков, заставивший новгородцев присягнуть царю Владиславу. В это время Богдан Мусин, не нашедший себе отдельного поместья, служил службу с поместья, оставшегося за сестрой Варварой. В ноябре 1610 г. его посылают в Москву с грамотами; надо думать, он выполнял какое-то поручение нового правительства¹³⁷.

¹³⁴ Видимо, родственнице Смирного Отрепьева.

¹³⁵ Расспросные речи выхода из-за шведского рубежа сына боярского Аникия Алексеева сына Харламова. 1622. 8.09 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 115.

¹³⁶ Обыск губного старосты Андрея Обуткова о поместье Андрея Михайлова Мусина в Локоцком погосте Деревской пятины. 1611. 1.12 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 1065–1070 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

¹³⁷ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева Мусина, Богдана Первого Мусина, Семена Матвеева Арцыбашева. 1610. 15.11 — январь 1612 // RA, NOA. Serie 2: 321.

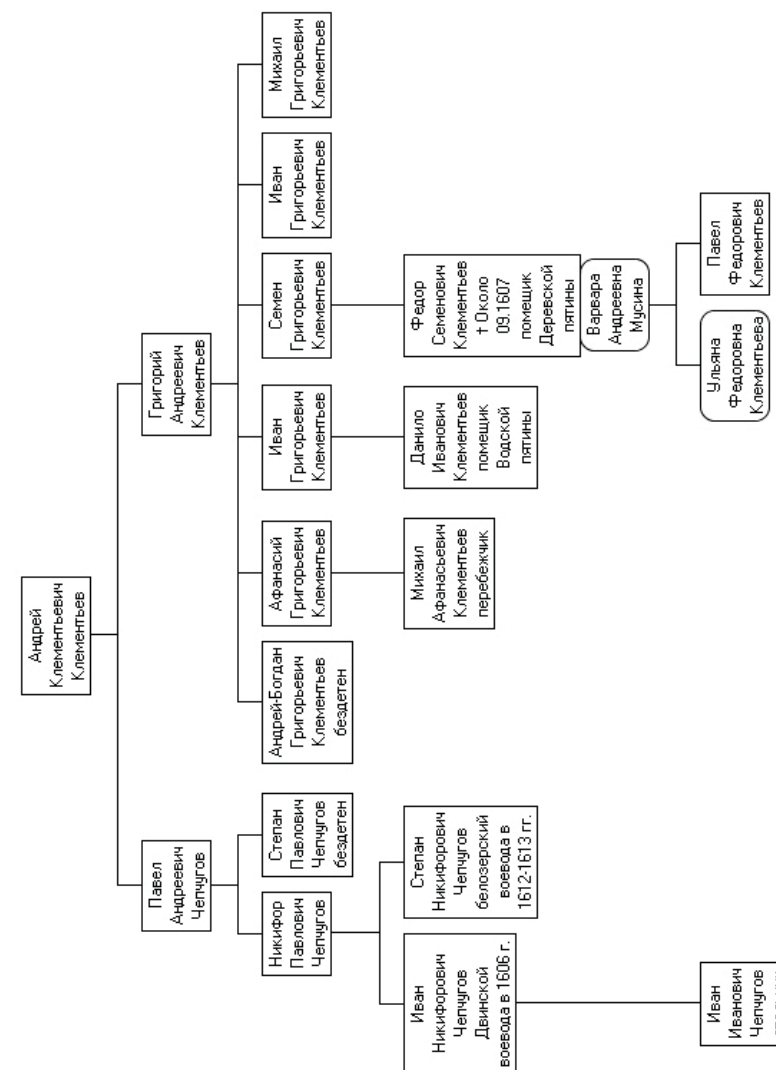

Схема 3. Родство Клементьевых и Челчуговых

Вскоре после его отъезда появился претендент на поместье Варвары — ее двоюродный брат Богдан Первого Мусин, подавший челобитную новгородскому правительству. В челобитной Б. П. Мусин указал себе оклад в 300 четвертей и срок своей службы без поместья — 10 лет. Он сообщал, что сын Федора Клементьева мал и службы не служит, а дочь Ульяна — четырех лет. Рассмотрев его дело, 9 декабря 1610 г. Салтыков отказал челобитчику¹³⁸. При этом поместье за Павлом Клементьевым, равно как и за его дядей Богданом Андреевым сыном Мусиным, оформлено не было. Во встречной челобитной Павла (разумеется, за пятилетнего ребенка ее оформляла мать), было указано, что грамота на поместье в тот момент, осенью — зимой 1610 г., хранилась в Москве, у его дяди, стольника Ивана Ивановича Чепчугова. Родство Чепчуговых и Клементьевых не самое дальнее. Оно может быть представлено следующей схемой (схема 3)¹³⁹

Таким образом, стольник Иван Иванович Чепчугов приходился Павлу Клементьеву не дядей, а четвероюродным братом. Его отец, Иван Никифорович Чепчугов, появился на Северо-Западе в 1601/02 г. с ответственной миссией: он был послан Борисом Годуновым в Новгород для раздачи хлеба служилым людям, в товарищах у Алексея Фомича Третьякова¹⁴⁰, а в 1606 г. служил воеводой на Двине.

¹³⁸ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева Мусина, Богдана Первого Мусина, Семена Матвеева Арцыбашева. 1610. 15.11 — январь 1612 // RA, NOA. Serie 2: 321.

¹³⁹ В публикации «Тысячной книги», предпринятой Н. В. Мятлевым и Н. П. Лихачевым, городской сын боярский 2-й статьи Локотского погоста Деревской пятины Семейка Григорьев Клементьев и псковский городской сын боярский 2-й статьи из Опочки Степанко Чепчугов сын Клементьев связываются с лицами, упомянутыми в родословце кн. А. Б. Лобанова-Ростовского: «А Клементья Лукича сын Ондрей, и у Ондрея дети Павел, от него пошли Чепчуговы да Григорей Клементьевы, от него пошли Клементьевы, а у Павла Чепчугова дети Микифор да Степан бездетен... А у Григорья Ондреевича Клементьева 6 сынов: Ондрей, прозвище Богдан, бездетен, да Офонасей Фуник да Иван да Семейка да Иван Шапка Меньшого да Михайло... а у Семейки сын Федор, убит под Болховым» (*Мятлев Н. В., Лихачев Н. П.* Тысячная книга 7059 г. // ЛИРО. Год 7. Вып. 1—2. М., 1911. С. 134. № 410 и 411).

¹⁴⁰ В составе Киевского списка Разрядной книги 1564—1604 гг. (НБУВ. Ф. I. № 5579. Инв. № 19504), под 7110 г.: «Т. Г. послан в Ъвангород хлеба роздовать Олексей Фомин Третьяков да Иван Микифорович Чепчугов. А в Новгород послан Иван Микитин Ржевской да дьяк Нечай Федоров. А во Псков послан

Впрочем, в 1610 г. грамота из Москвы в Новгород доставлена не была: «...с Москвы за воровской смутою и для Московского осаду прислати в Великий Новгород не с ким»¹⁴¹. Стольник И. И. Чепчугов вновь оказался в Новгороде в 1614 г. 17 июня 1614 г. во время боев под Бронницами он был взят в плен и доставлен в Новгород вместе с московским дворянином Никитой Остафьевичем Пушкиным и дворянином романовцем Фокой Дуровым¹⁴², лишь в 1615 г. он вернулся в Москву.

Осенью 1610 г. вместе с Иваном Михайловичем Салтыковым в Новгород приехал бывший тушинский думный дьяк Петр Алексеевич Третьяков¹⁴³. Был он к этому времени, вероятно, вдовцом и в начале января 1611 г. женился на вдове Федора Семеновича Клементьева Варваре Андреевне. 7 января он бил челом о выдаче ему для свадьбы 10 «ведер вина горячего для того, что у него в здешнем городе поместья и вотчины нет»¹⁴⁴. Свадьба, надо думать, происходила в Новгороде, а через несколько дней, 12 января Третьяков уже получил новое вино — «для похода»: он шел в войско к Салтыкову, осаждавшему Ладогу¹⁴⁵. Примерно через месяц власть Салтыкова в Новгороде была низвергнута, сам он казнен, а дьяк Петр Третьяков, каким-то образом смог из города уйти. 20 августа 1611 г. он уже служил думным дьяком

Тимофей Лазорев да дьяк Иван Палицын» (*Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 334—335).

¹⁴¹ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева Мусина, Богдана Первого Мусина, Семена Матвеева Арцыбашева...

¹⁴² Арсеньевские шведские бумаги / Подг. М. В. Муравьев // Сб. НОЛД. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 29—33; Интересно одно обстоятельство из биографии И. И. Чепчугова: 17 сентября 1613 г. с ним успешно местничал боярин кн. Д. М. Пожарский (*Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 138. № 991).

¹⁴³ Д. В. Лисейцев выдвинул предположение о том, что дьяк П. А. Третьяков — сын Алексея Фомича Третьякова и родственник Ховриных-Головиных, поступивший на службу в Посольский приказ после опалы на Головиных и благодаря своему происхождению быстро сделавший карьеру (*Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты... С. 110).

¹⁴⁴ Сборник памяти на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2: 124. Л. 55.

¹⁴⁵ Там же. Л. 63.

Поместного приказа в Подмосковном ополчении¹⁴⁶, в то время как в Новгородской земле установилась новая власть.

Уже 3 октября 1611 г. Богдан Первого Мусин вторично бьет челом о поместье своей двоюродной сестры, отмечая в челобитной, что служит без поместья уже 17 лет (за год до этого — 10 лет!), а сын Федора, шестилетний Павел Клементьев, из своего поместья бежал. Бояре приговорили отложить решение до Николина дня осеннего (т. е. до 6 декабря). Но уже 31 октября Б. П. Мусин повторил свою челобитную, указав, что Павел Клементьев уехал из поместья в Торжок в тот момент, «как учили государю королевичу целовати» (видимо, речь идет о присяге новгородцев шведскому принцу, имя которого, впрочем, тогда еще не было известно). 18 ноября 1611 г. новгородские бояре приговорили пожаловать Б. П. Мусину 80 четвертей искомого поместья¹⁴⁷. Неясно, уехал шестилетний Павел Клементьев в Торжок один или вместе с матерью и сестрой; его следы с этого времени теряются; скорее всего, судьба мальчика была трагичной. А о его матери Варваре, точнее, о ее первом и втором браках, вспомнили уже после возвращения Новгорода под власть московских царей.

Как хорошо известно, большую роль в Дедеринских переговорах играл Яков Михайлович Боборыкин, информируя послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами о намерениях шведских посланных, в частности доверявшего ему Якова Деллагарди. В течение нескольких месяцев переговоров на сторону Москвы перешло несколько десятков новгородцев и шведских солдат; 22 января 1616 г. вынужден был оставить шведский лагерь и Яков Боборыкин. Через день, 22 февраля 1616 г. из московского лагеря в шведский неожиданно отъезжает новгородец Водской пятины Михаил Афанасьев сын Клементьев¹⁴⁸. Как он оказался в составе посольства кн. Д. И. Мезецкого? 19 января 1614 г. новгородское правительство отпустило его в поместье, расположенное в с. Скворицы Дягиленского погоста¹⁴⁹, взяв предвари-

¹⁴⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII веков. М., 1975. С. 522–523.

¹⁴⁷ Дело по челобитным о поместьях Деревской пятины Пятого Ратаева Мусина, Богдана Первого сына Мусина, Семена Матвеева сына Арцыбашева. 1610. 15.11 — янв. 1612 // RA, NOA. Serie 2: 321.

¹⁴⁸ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 372–373.

¹⁴⁹ Неподалеку от совр. г. Гатчина.

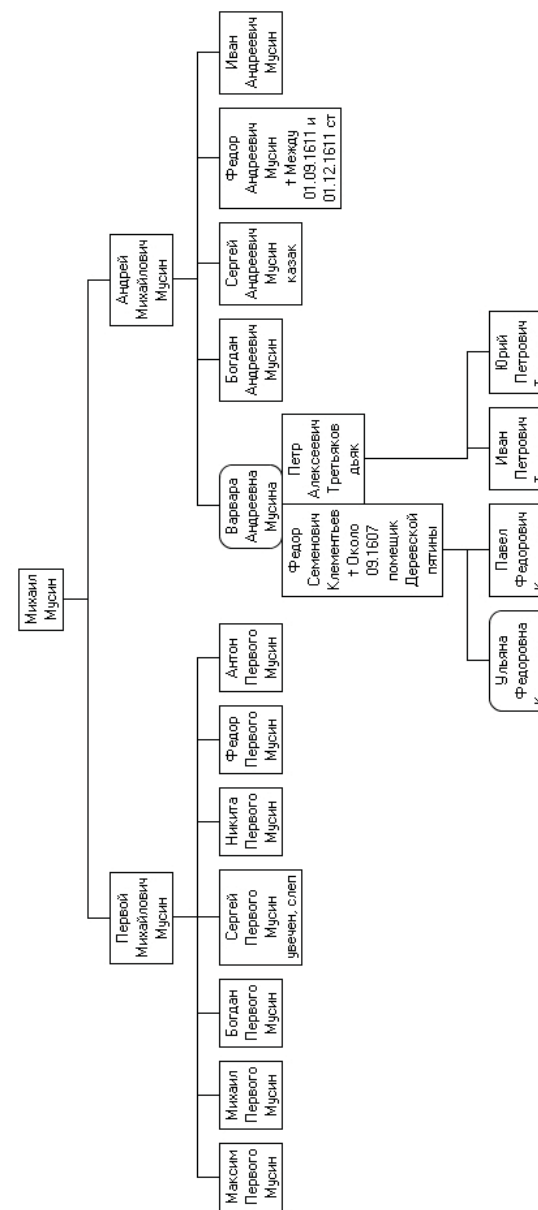

Схема 4. Родство Мусиных-Пушкиных и Клементьевых с дьяком Петром Третьяковым.

тельно поручную запись по нему¹⁵⁰. Не участвовавший в боевых действиях, М. А. Клементьев перешел на сторону Москвы. Летом 1615 г. он был включен в состав посольства кн. Д. И. Мезецкого. Об отъезде Клементьева в шведский лагерь московские послы писали удрученно, причем их челобитная направлялась в Посольский приказ, фактическим главой которого в то время был думный дьяк Петр Третьяков, отчим П. Ф. Клементьева, который приходился М. А. Клементьеву двоюродным племянником. Мезецкий сокрушался: «изменил тебе, государю, новгородец Михайло Клементьев, отъехал ис станов к свейским послом, и выхотцы, государь, которые выходят от свейских послов, сказывают, что тот Михайло объявился у свейских послов в станех и про вести, де, государь, Яков Пунтусов ево роспрашивал наодине»¹⁵¹. Материалы допроса Клементьева отразились в шведских архивах; русский перевод сообщения Клементьева Делагарди, в котором описывалось состояние Московского государства (Клементьев, в частности, упоминает о склонности Михаила Федоровича к содомии) опубликован Г. М. Коваленко¹⁵². Позднее М. Клементьев остался в Ингерманландии, получив поместье в Замошском погосте в Бегуницах¹⁵³.

Однако свойство Михаила Клементьева с дьяком Петром Третьяковым было известно новгородцам. Дьяк скончался между 16 мая и 13 июня 1618 г.¹⁵⁴ Вскоре Посольский приказ возглавил Иван Тарасевич Грамотин. Ему-то и подал челобитную Яков Боборыкин, считавший, что его заслуги по приведению Новгорода под власть московских царей не оценены по заслугам. По словам Боборыкина, Петр Третьяков по ненависти «во благополучное время государю не доложил» о его службе, стремясь приписать себе заслуги Боборыкина. Тут-то Боборыкин и вспомнил, что во время Дедеринских перегово-

¹⁵⁰ Поручная запись по Михаилу Фуникову Клементьеву. 1614. 19.01 // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 72.

¹⁵¹ Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об измене новгородца Михаила Клементьева. 1616, января после 23 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 1. Л. 371.

¹⁵² Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева (Русское государство после Смуты глазами новгородского дворянина) // НИС. Вып. 4 (14). СПб., 1992. С. 128–131.

¹⁵³ Jordeböcker öfver Ingermanland. Писцовые книги Ижорской земли. Т. 1. СПб., 1859. С. 82.

¹⁵⁴ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты... С. 118.

ров «ис посольства де отъехал от государевых послов к Якову Пунтусову Михалко Клементьев, а был он свой по жене дьяку Петру Третьякову и жил де у него, а ево де тот Михалко у государевых послов, как он к ним приезжал ночью тайно, видывал... И отъездом де того Михалка Клементьева в посольстве многое нарушение учинилось»¹⁵⁵. Примечательно, что Боборыкин не только пользуется тем, что дьяк Петр Третьяков более не принимает решений в Посольском приказе, но и знает о его свойстве с предателем Клементьевым. Варвара Третьякова пережила мужа; видимо, благодаря ее покровительству М. Клементьев нашел приют в доме посольского дьяка. Когда она оказалась в Москве, неясно; возможно, еще в мае 1611 г. она покинула Новгород, бросив там (или в Торжке?) шестилетнего сына, возможно, воссоединилась с ним позже. 13 июня 1618 г. она была челом государю. В 1618 г. Варвара Третьякова и ее дети Иван и Юрий наследовали вотчину дьяка в Арзамасском уезде¹⁵⁶.

Вдовство

Бурные события Смуты не остановили естественного течения жизни, но придали ему больший трагизм. Непрерывные боевые действия и низкий уровень безопасности, особенно вне городских стен, приводили к гибели новгородцев, в первую очередь мужчин, и, следовательно, к появлению большого числа вдов и сирот. В силу этих трагических обстоятельств 1611–1617 годы — период, когда число женских имен, упомянутых в источниках, несравнимо возрастает. Можно говорить о вдовстве как квинтэссенции социального портрета Смутного времени. Вопрос о судьбах женщин в Новгороде начала XVII в. был недавно поставлен в статье Э. Лёфstrand¹⁵⁷.

Среди женщин Новгорода выделяются оказавшиеся вместе с мужьями и сыновьями знатные москвички. Вместе с Иваном Салтыко-

¹⁵⁵ Дело по челобитью новгородского дворянина Якова Боборыкина о даче ему жалованья за службы Московскому государству. 1616–1623 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 12. Л. 1–12.

¹⁵⁶ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты... С. 118.

¹⁵⁷ Лёфstrand Э. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1. С. 69–74.

вым в город прибыла его мать Ульяна (позднее источники о ней не упоминают; вероятно, судьба ее после казни сына была трагичной). Жена Якова Дашкова София скорее всего покинула город вместе с мужем, весной 1611 г. Княгиня Агафья Одоевская сумела пережить в городе гибель брата, М. И. Татищева, и смерть мужа, боярина кн. И. Н. Одоевского, и двух сыновей, князей Василия и Ивана, после чего в декабре 1616 г. оказалась в Тихвине. Княгиня Авдотья Пронская, прожившая в одиночестве год в Новгороде, скорее всего там и скончалась, хотя и получила разрешение выехать из города в марте 1613 г.¹⁵⁸

Понятие «вдовы» в новгородской деловой письменности XVI–XVII вв. включало не только жен, чьи мужья умерли или погибли, но и тех, чьи мужья находились в плену или на стороне политических противников. Первые примеры этому можно встретить в документах времен Ливонской войны. Так, в 1580 г. вдовами названы Аксинья, жена Торопа Арцыбашева, несмотря на то, что ее муж был не убит, а взят в плен «в Кеское взять»¹⁵⁹, и Авдотья, жена Елизария Неклюдова сына Качалова, которого также «на государеве службе в Кеси взяли в полон»¹⁶⁰. Более того, женщина, чей муж оказывался на противоположной стороне, в Новгороде начала XVII в. могла претендовать на прожиточное поместье и даже его получить. Так, жена Игнатия Носакина Федосья в 1613/14 г. получила с сыновьями Осипом и Дмитрием 199 четвертей на прожиток из мужнина поместья¹⁶¹.

Но вдовство большинства жен новгородского дворянства было действительно «горьким». Упомянутая выше вдова Василия Литвинова Мария осталась после смерти мужа с четырьмя малолетними

¹⁵⁸ Приходно-расходные книги Государева дворца. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 34. С. 549–550.

¹⁵⁹ Обыск подьячими Собиной Ярлыковым и Иваном Бухвостовым в Спасском Шиженском погосте о количестве вдов, сирот, недорослей и неслужилых, а также о порозжих поместьях в погосте. 1580. 6.10 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 378 об.–388.

¹⁶⁰ Обыск подьячими Собиной Ярлыковым и Иваном Бухвостовым в Никольском погосте в Пелушах о количестве вдов, сирот, недорослей и неслужилых, а также о порозжих поместьях в погосте. 1580. 31.10 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16933. Л. 442–453 об.

¹⁶¹ Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Делгарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2: 79. Л. 33.

сыновьями и дочерью¹⁶². 20 марта 1613 г. Аксинья, вдова Ратая Никифорова Крекшина, получила 192 четверти из поместья мужа вместе с детьми: сыновьями Андреем, Федором, Захарием, дочерьми девками Авдотьей Большой, Авдотьей Меньшой, Акулиной и Ириной¹⁶³. Сколько из этих детей пережило Смуту, сказать сложно.

Гибель на войне мужей, отцов и братьев создавала своего рода демографический перекос. Некоторые усадьбы становились вдовьями. Так, в 1612 г. в усадище Березка в Порховском окологородье жили вдова Богдана Косицкого Варвара, ее невестка Аксинья, вдова Максима Богданова Косицкого, с дочерьми Марией и Федосьей¹⁶⁴, а также вдова Андрея Косицкого Домна (недавно похоронившая дочь)¹⁶⁵. Другое такое «вдовье» усадище располагалось в соседнем Любынском погосте Шелонской пятины, где бок о бок жили вдова Василия Тыртова Лукерья, вдова Мирона (Мира) Тыртова Анна и невестка последней вдова Семена Миронова сына Тыртова Софья¹⁶⁶. Известен случай, когда в одном с тремя вдовами усадище Липне (Мошино тож) в Деменском погосте Деревской

¹⁶² Отдел губным старостой Андреем Обутковым прожиточного поместья Марье, вдове Василия Литвинова с детьми в Туренском, Пиросском погосте Деревской пятины. 1611. 5.01 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 383–387 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

¹⁶³ Даточные книги (без начала) Водской пятины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 37. С. 5–6; Отдел губным старостой Михаилом Нееловым поместья Ратая Крекшина в Климентовском, Спасском и Лусском погостах Водской пятины его детям Андреяну, Федору и Захару Крекшиным с матерью и 4 сестрами. 1613. 20.03 // RA, NOA. Serie 1: 69. С. 637–639.

¹⁶⁴ Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Иваном Ивановым Селивановым Степану Иванову Култашеву части поместья Максима Косицкого в Порховском окологородье. 1611. 19.07 // RA, NOA. Serie 1: 41. С. 235–242 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Петра Андреева сына Ногина и подьячего Никиты Молчанова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1: 70. С. 12–13).

¹⁶⁵ Обыскные книги Зарусской половины Шелонской пятины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Александра Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1: 28. С. 160; Дозорные книги Зарусской половины Шелонской пятины... С. 14.

¹⁶⁶ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2: 139. Л. 7.

пятины получил поместье служилый человек, Дружина Семенов сын Аничков¹⁶⁷.

Часто в источниках путаются имена жен служилых людей. Так, вдова Ивана Разладина в даточных книгах 1611/12 г. названа Федосьей (владелица прожиточного поместья, где она жила вместе с бабкой Авдотьей, матерью Марфой, братом Иваном и сестрой Марьей)¹⁶⁸. В челобитной своей бабки Марфы от 6 января 1612 г. она же названа Софьей¹⁶⁹, а в росписи поместных дач 1611–1613 гг. — Аксиньей¹⁷⁰. Возможно, такая путаница была связана с малолетством вдовы. Вероятно, по той же причине дочь Никона Бутурлина, оставленная в Новгороде отцом, отъехавшим на московскую сторону, и жившая вместе со своей матерью Стефанидой и братом Василием, в росписях на обмен русских пленных 1615 г. была названа Аграфеной¹⁷¹, а в поименной росписи, составленной при самом обмене, была названа Офросиньей¹⁷².

¹⁶⁷ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным Дружине Семенову Аничкову поместья Ивана Ряснищина в Деменском погосте Деревской пятины. 1612. 10.06 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1171–1174 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296).

¹⁶⁸ Даточные книги Деревской пятины. 1611/12 // RA, NOA. Serie 1:20. С. 45–46.

¹⁶⁹ Дело по челобитной о поместье Ивана Большого и Ивана Меншого Даниловых детей Розладина Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 2:15.

¹⁷⁰ Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Деревской пятины в 1610/11, 1611/12, 1613/14 гг. // RA, NOA. Serie 2:88. Л. 11.

¹⁷¹ Список с росписи русских пленных, составленной в Посольском приказе // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101–106; Роспись русских пленных, составленная шведами // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 132–135.

¹⁷² Поименная роспись обмененных русских пленных. 1615, мая после 22 // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 252–257. Мне известны еще три случая такой путаницы имен: вдова Луки Корсакова в дачных книгах 1610/11 г. один раз названа Варварой, другой — Прасковьей (Даточные книги Деревской пятины. 1610/11 // RA, NOA. Serie 1:38. С. 39, 80–81). Жена Пятого (Ивана) Воронина в росписи поместий 1611/12 г. названа Еленой (Роспись поместных дач Водской пятины, данных по приговору Я. Деллагарди и кн. И. Н. Большого Одоевского. 1611/12 // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 19), а в дозорной книге 1612 г. — Агафьей (Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1:39. С. 148 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 349). Жена Бориса Огарева в судебном деле 1598/99 г. названа Агафьей (Книги переписные судебным и разбойным и татиным делам и запискам и книгам приходным пошлинным деньгам с судебных и с управных дел и холопьям книгам, которые дела были в

Уникален случай отказа пожилой вдовы от полагавшегося ей поместья. Неслуживый сын боярский Богдан Воломский был послан отделять часть мужнина поместья вдове Анне, жене Степана Харламова. Приехав на место, отдельщик «вдову Анну наехал в поместье болну конечно, и она за собою государева жалованья на прожиток отперла и поместья за собою писати не велела»¹⁷³.

Взаимоотношения поколений

В Новгороде начала XVII в. жило несколько поколений служилых людей. Многие из них успели повоевать на заключительном этапе Ливонской войны, вернулись с нее и в качестве «новых помещиков немецких городов» получили новые новгородские поместья, как правило, из пустопорожных земель. Пожалования, произведенные после вывода московских войск из Прибалтики в 1582 г., осуществлялись за счет пустых выморочных поместных и дворцовых земель. Из состава последних в Водской и Шелонской пятинах в раздачу пошли Бельская волость (вар. назв. «посопная волость Василия Онаньина») в Будковском погосте и Прибужская волость¹⁷⁴ в новгородско-гдовском

Судном приказе при разных воеводах и владыках. 1584–1605 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 308), а в двух позднейших поместных делах — Татьяной (Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54; Дело по челобитной Семена Муравьева о даче ему из порозжих земель в Городенском погосте Водской пятины п. Латовец. 1615. 24.06 // RA, NOA. Serie 2:317. Л. 24–25).

¹⁷³ Отдел неслуживым Богданом Воломским Ивану Васильеву сыну Мусину поместья Степана Харламова в Ручьевском погосте Деревской пятины и отписка части этого поместья на государя. 1611. 31.03 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 299–304.

¹⁷⁴ Ср.: «Лета 7094-го июля в день, по Государеве Цареве и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте, и по наказу и по росписи за приписми Государевых дьяков Савы Фролова да Семейки Емельянова, Роман Остафьевич Долгоруков да подьячие: Богдан Седляков да Максак Семенов, в Шелонской пятине в Государеве в кормленной в Прибужской волости, что была приписана к Старой Русе, отделили в поместье детям боярским Вотцкие пятины, которые испомещены в треть окладов в Вотцкой пятине, против Копорских и Ямских поместей, в государевых дворцовых волостях: в Хрепелской и в Белской в Васильевской волости Онаньина» (Отдельные книги земель в Прибужской

порубежье. Решение о пожаловании поместий принимались не в Новгороде, а в Москве; при этом, по всей вероятности, вместе с земельными пожалованиями «новые помещики немецких городов» получали и некоторые иммунитетные привилегии.

Характерна судьба новгородца Михаила Григорьевя Мустофина, видимо, крещеного татарина¹⁷⁵, разделившего 28 июля 1585 г. поместья в Бельской и Прибужской волостях с братьями Владимиром, Игнатием и Ефимом Молчановыми детьми Колобовыми¹⁷⁶. Уже через полтора месяца после отдела Михаил Мустофин вместе с другими дворянами и детьми боярскими Бельской волости и Хрепельского погоста (часть которого также пошла в раздачу помещикам «немецких городов») отказался дать подводы к устройству Дремяцкого яма: «у нас государева жаловальная грамота, что де нам своих поместьев никаких государевых податей ни подвод не велено давати... А учнете де вы к нам о посольских подводах вперед ездити, и нам вас бити и граби(ти)»¹⁷⁷. Думаю, что ссылка на государеву грамоту, данную по словам Мустофина с товарищами, не была пустой — вероятно, московское правительство стремилось всячески компенсировать убытки помещикам. Весной 1600 г. было заподозрено, что губной староста Сильвестр Зиновьев межевал поместные и дворцовые земли в

волости отдела Романа Остафьевича Долгорукова, подьячих Богдана Седякова и Максака Семенова. 1585/86 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 968. Л. 571). К сожалению, сведения о Прибужской волости/погосте до XVII в. отрывочны. Первое сохранившееся писцовое описание этой территории относится к 1628/29 г. (Список с дозорной книги поместных, вотчинных и пустопорожных земель Шелонской пятины Залесской половины письма и дозора В. Волконского и В. Андреева. 1628—1629 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 800).

¹⁷⁵ Во всяком случае, его вероятный родственник, новгородец Деревской пятины Евстрат Мустофин в 1605/06 г. именовался новокрещеном и даже служил окладчиком при верстании новгородских новокрещенов и служилых татар (Десятина новгородских новокрещенов Водской, Деревской, Шелонской и Бежецкой пятин. 1605/06 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 3, 11 об.).

¹⁷⁶ Отдел губными старостами Водской пятины Полужской половины Василием Пыжовым и Семеном Ожогиным поместья Петра Неелова Володимеру и Ефимью Молчановым детям Колобова и Михайлу Григорьеву сыну Мустофина в Никольском Будковском погосте в волостях Белой и Васильевской Онаньина. 1585. 28.07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 153—153 об.

¹⁷⁷ Отписка с Дремяцкого стана подводных сборщиков Алекина и Копылова. 1585. 26.10 // Дела Тайного приказа. Т. 2 (РИБ. Т. 22). СПб., 1908. Стб. 199—201.

д. Пантелеевичи, норовя Михайлу Мустофину. Был назначен обыск губного старосты соседней Шелонской пятины Федора Вельяминова. По обыску выяснилось, что, действительно, во время раздела произошла ошибка, так как пожалование было осуществлено вскоре после окончания Ливонской войны. Тогда же Мустофин и его товарищ Иван Серков и поставили свои дворы близ дворцовых земель; до этого же их земли давно лежали пустыми. Более того, крестьяне через 15 лет после отдачи части бывших дворцовых земель в поместья уже не точно помнили межи¹⁷⁸.

Видимо, эти люди сильно отличались от тех, кто начал службу после смерти Ивана Грозного, равно как и от тех, кто верстался на службу в 1605 г. и сразу же окунулся в события гражданской войны. Ценность комплекса десятен 1605—1606 гг. заключается помимо всего в том, что она, фиксируя людей, вновь поверстанных на службу только при Лжедмитрии I, резко выделяет поколение тех, кто не знал сравнительно стабильной мирной жизни в 20-летие правления Бориса Федоровича Годунова. Это их отцы и старшие братья. Существенно важен в формировании облика новгородского служилого человека и его боевой (а следовательно, и нравственный) опыт. В нашем случае этот опыт особенный: это прежде всего участие в первом этапе гражданской войны — в борьбе с Первым Самозванцем и с Болотниковым.

Взаимоотношения между отцами и сыновьями в среде служилого сословия были далеки от беспрекословного подчинения родительской власти, как иногда пытаются изобразить московскую традицию. В 1600/01 г. Григорий Бестужев судился со своим сыном Федором «о насильстве и кабальном человеке»¹⁷⁹.

Смута раскидала поколения служилых людей по разным сторонам фронта. Псковский сын боярский Фома Андреев сын Тимашев весной 1614 г. был одним из самых заслуженных в городе. Он имел чин дворового сына боярского, со старым окладом (по верстанию 1605/06 г.) в 600 четвертей и 12 рублями из четверти¹⁸⁰. В это время его

¹⁷⁸ Обыск губного старосты Шелонской пятины Федора Вельяминова и подьячего Одинца Иванова в Будковском погосте о меже между дворцовыми обжами в д. Пантелеевичи и помещичьими землями в той же деревне. 1600. 3.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 266—270.

¹⁷⁹ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 328 об.

¹⁸⁰ Книга сыская дворян и детей боярских розных городов // ОР РНБ. Эрм. 394 (без пагинации).

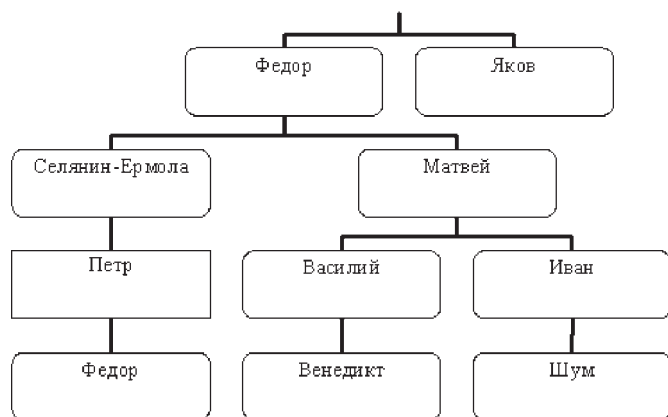

Схема 5. Хомутовы в конце XVI — начале XVII в.

дети, Александр и Степан, служили в соседнем (и враждебном) Новгороде. Юный Петр Игнатьев Чортов в 1612 г. жил вместе с мачехой Марией в пожалованном им осенью 1612 г. прожиточном поместье. Ему было семь лет¹⁸¹. И спустя три года, в 1615 г., мальчик с мачехой продолжал жить в своем усадьбе Линникала¹⁸². А его сводные старшие братья — Дмитрий, Григорий и Гаврило оказались в Тихвине, находясь, видимо, в составе гарнизона в мае 1613 г.

Подчас, однако, родственные связи заставляли принимать решение о выборе политического лагеря. Бегство детей боярских Бежецкой пятины Нарбековых из Новгорода в июле 1613 г. было бы не понятно, если не принять в расчет то, что большинство служилых людей Бежецкой пятины весной 1613 г. поддержало восстание в Тихвине. Кроме того, двоюродный (?) брат Парфения Нарбекова, Иван Дмитриев Нарбеков, был единственным новгородцем среди участников ярославского посольства С. Л. Татищева в Новгород в мае 1612 г.¹⁸³

¹⁸¹ Дело о спорном поместье Д. И. Чортова (продолжение) // RA, NOA. Serie 2: 193–В. Л. 1–7; Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 37. С. 54–55.

¹⁸² Отдельные книги поместья литвину Христофору Канарскому в Никольском Ижерском погосте Водской пятины. 1615. 22.03 // RA, NOA. Serie 1: 76.

¹⁸³ Роспись жильцам и дворянам и детям боярским — участникам посольства С. Л. Татищева. 1612, май // RA, NOA. Serie 2: 354. Л. 53–55 (Приложение 2 к главе 4 настоящей книги).

Разделил родственников и Столбовский мир. Многие байоры оставили за границей родственников. Происходивший из своеземцев Никита Калитин был разлучен с братьями и матерью. Петр Ермолич Хомутов, присягнувший Густаву Адольфу, среди прочих новгородских дворян, в феврале 1617 г. находился на службе в Копорье, но после подписания мира выехал в Новгород. Не то его двоюродный племянник Шум Хомутов, оставшийся в Ингерманландии.

Взаимоотношения соседей

Рассматривая судебные дела новгородцев начала XVII в., можно заметить, что самые частые враги (точнее — оппоненты в суде) — это ближайшие соседи. Они спорили друг с другом в мирное время и во время передышек между боевыми действиями, но в целом их судьбы во время гражданской войны были более чем похожи. Полагаю, в один день от литовских людей погибли кн. Федор Богданович Кропоткин со своим сыном и его постоянный оппонент Неугас Базаров, где-нибудь в районе Пиросского погоста. Та же участь постигла Осипа Пуляева и его соседей и извечных врагов князя Михаила Кропоткина с сыном Иваном.

Большинство конфликтных ситуаций относится к взаимоотношениям соседей по поместью. В 1601/02 г. с Федором Дмитриевым сыном Скобельцыным судился о вывозе крестьян Богдан Волков-Курицын¹⁸⁴, его сосед по поместью и совладелец села Желомно с Никольской церковью¹⁸⁵, прихожанами и вкладчиками которой должны были быть они оба. Сын боярский Бежецкой пятины Андрей Иванов Елизаров в 1598/99 г. судился с Андреем Козляниновым о свозной ржи с пустоши Огафоновской¹⁸⁶. Их поместья также располагались в непосредственной близости друг от друга¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 206 об.

¹⁸⁵ Отписка губным старостой Андреем Обутковым поместья Б. Волкова Курицына нетчика в Спасском Боровицком и Курском погостах Деревской пятины на государя 1609. 5.11 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 21–29 (копия: СПбИИ, м/ф 294, без пагинации).

¹⁸⁶ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 68.

¹⁸⁷ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Бежецкой пятины Белозерской половины сбора губных старост Ивана Висленева да Льва Володимерова. 1606/07 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 240 об.

В 1603/04 г. сын боярский Обонежской пятины Иван Васильев Базлов бил челом на губного старосту Афонасия Баранова и его товарищей, обвиняя их в «удавленной голове и в сносном животе» и о церковной краже в Воскресенском Лученском погосте. Кроме того он подал челобитную на Ивана Забелина с товарищами о грабеже и «иных во многих кражах и в одиначной памяти и во всяком воровстве и в пустых порозжих землях и в приговорных деньгах и в убийстве Иванова человека Забелина...»¹⁸⁸. Дело не было вершено. К июлю 1607 г. Базлов получил часть поместья Ивана Степанова Забелина в Воскресенском погосте в Лучанех¹⁸⁹.

Упомянувшийся Иван Борисов Секирин, сосед вдовы княгини Арины Мещерской по поместью, потерял в 1612/13 г. спорные с ней 95 четвертей ее мужа, кн. Василия Михайловича Мещерского. Они по приговору бояр и воевод были переданы вдове и ее детям князьям Петру и Федору.¹⁹⁰ Отношения с княгиней от этого не улучшились. 26 февраля 1613 г. князь Булат Мещерский подал за свою родственницу княгиню Арину челобитную, в которой обвинял его в «бое и лае» вдовы, а также в ущербе в 12 коробей овса и 3 коробей жита. Иван Секирин встречно искал на своей соседке-вдове ущерб в 14 четвертей овса, 4 четвертей жита, 25 алтын за капусту и рыжики, обвиняя также ее в бое своего человека Томилки¹⁹¹.

Еще один пример такой вражды — противостояние Романа Томилова Солецкого и подьячего Семена Шустова. Первоначально, в феврале 1613 г. у них вышел спор из-за двух четвертей ржи¹⁹². Но уже к ноябрю 1613 г. подьячий Шустов овладел всем поместьем Р. Солецкого в Скнятинском погосте¹⁹³.

Вот пример вражды соседей в Водской пятине. В 1599/1600 г. Б. Скобельцын судился с Антонием Чортовым о бое и грабеже. Дело

¹⁸⁸ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 374 об.— 375.

¹⁸⁹ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны Нагорной половины Обонежской пятины сбора губных старост Бориса Унковского и Афанасия Яковлева сына Баранова. 1607, июля // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16662. Л. 151.

¹⁹⁰ Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 53.

¹⁹¹ Книги сбора судной пошлины. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 64. С. 66.

¹⁹² Там же. С. 62.

¹⁹³ Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1:44. С. 35.

было не вершено и отсрочено при недельщике Леве Якимове. Вскоре Скобельцын вновь судился с Чортовым о краденых лошадях при недельщике Михайле Колачеве¹⁹⁴, затем Скобельцын судился по третьей записи с братом Антония, Федором Чортовым, о 50 рублях при том же недельщике¹⁹⁵. В 1602/03 г. Богдана Скобельцына в своем бесчестье обвинял уже Федор Чортов¹⁹⁶; Скобельцын же судился с ним о своих беглых людях¹⁹⁷. В тот же год, обвиняя его в свозе крестьянской ржи, с ним судился третий брат, Игнатий Чортов¹⁹⁸. А 20 января 1613 г. Богдан Скобельцын вместе с Григорием Ивановым Чортовым подал челобитную об обмене поместьями в Ижерском погосте¹⁹⁹.

Очень часто соседи то мирились, то ссорились. Ульяна, вдова Андрея Масленицкого 6 января 1613 г. била челом на Михаила Андреева Обуткова в том, что «мужа, государи, моего в животе не стало четвертой год, а после мужа осталася ео мать да я, горкая вдова з детишками сама третья... А меня, сироту саму-четверту, тот Михаила гонит ис поместьица вон... пожалуйста меня, сироту саму-четверту, ис того мужа моего поместьица для углишка на прожиток...» В январе 1613 г. она жила в поместье со свекровью Матреной и детьми Елисеем и Катериной²⁰⁰. А до этого, в октябре 1612 г. они с Михаилом разделили поместье ее мужа Андрея в Оксоцком погосте²⁰¹.

Бывали и другие жизненные истории, когда прежняя вражда переходила в близость и даже в родство. Иван Третьяков Кузьминский в 1587/88 г. судился с Борисом Секириным в бое и грабеже 13 рублей

¹⁹⁴ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 316 об., 317.

¹⁹⁵ Там же. Л. 317.

¹⁹⁶ Там же. Л. 357.

¹⁹⁷ Там же. Л. 361 об.—362.

¹⁹⁸ Там же. Л. 362—362 об.

¹⁹⁹ Дело по челобитной о прожиточном поместье вдовы Пелагеи, жены Ивана Еремеева сына Чортова. 1613, янв. // RA, NOA. Serie 2:319; Даточные книги Водской пятины (без начала). 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:37. С. 82—84.

²⁰⁰ Дело по челобитной о поместье Деревской пятины Михаила Андреева Обуткова. 1612, октябрь — 1613, январь // RA, NOA. Serie 2:9.

²⁰¹ Отдел неслуживым Третьяком Огалиным прожиточного поместья Ульяне, вдове Андрея Масленицкого и ее сыну Елисею из части поместья мужа в Оксоцком погосте Деревской пятины и поместья Осипа Масленицкого — Михаилу Андрееву Обуткову. 1612, октябрь // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1203—1207 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 296).

без четверти²⁰². А 1 марта 1588 г. он женился на Аксинье Никифоровой Секириной, сестре Федора и Афанасия Никифоровых Секириных²⁰³.

Тимофей Захарьев Кулюбакин вместе с братом Богданом в конце 1602 г. бил челом на своих соседей Ушаковых, Рудака Юрьева сына, Герасима Немирова сына, Илью Рудакова сына, а также на Афанасия, Остальца и Федора Ушаковых, обвиняя тех в убийстве своего двоюродного брата Ивана Васильева сына Бирюева, совершенном 2 декабря 1602 г. После этот сын Тимофея Кулюбакина Прохор подал челобитную губным старостам Гаврилу Теглеву и Ивану Саламыкову на стане в Боровичах за свою двоюродную тетку вдову Ивана Бирюева Соломонида, обвиняя убийц. Позднее Герасим Ушаков встречно бил челом на Ушаковых, обвиняя их в том, что они укрывают разбойников и разрешают тем прятать у себя во дворе «разбойную рухлядь», после чего Прохор Кулюбакин насильно был вынужден подписать мировую с Ушаковыми. В челобитной братья Кулюбакины просили о большом повальном обыске в Бежецкой и Обонежской пятинах «опроче Рудаковых и Гарасимовых роду и племяни и друзей и заговору»²⁰⁴.

Однако в годы Смуты возможны были и другие, не враждебные отношения между соседями. Помещик Егорьевского Теребужского погоста в 1612 г. Аггей Уваров в 1612 г. жил в поместье у Романа Кушелева, так как его усадище Иванково выгорело²⁰⁵.

Некоторые соседи становились сущим бедствием для окружающих. Историю одного такого «бедствия» можно рассмотреть на примере свадьбы, происшедшей в 1610 г. в Водской пятине.

В фонде Общества любителей древней письменности (ОЛДП) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится документ, повествующий о событии, произошедшем в Новгородской земле в последние месяцы царствования Василия Шуйского.

²⁰² Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 248.

²⁰³ Кабалы, поданные Степаном, Иваном и Михайлом Третьяковыми детьми Кузьминского. 1597. 25.12 // Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // РИБ. Т. 17. СПб., 1898. № 36–46. Стб. 13–16.

²⁰⁴ Челобитная Тимофея и Богдана Захарьиных детей Кулибакиных царю Борису Федоровичу об убийстве и разбое. 1602 // СпбИИ. Кол. 238. Оп. 2. Д. 90/1.

²⁰⁵ Дозорная книга Корельской половины Водской пятины. 1612 // RA, NOA. Serie 1: 39. С. 106 (копия без пагинации: СпбИИ, м/ф. 349).

Документ описан дважды — в описи древнерусских грамот, составленной В. Г. Гейманом²⁰⁶, и в каталоге древнерусских грамот, составленном Г. П. Ениным²⁰⁷.

Это челобитная сына боярского Водской пятины (из-за сильных повреждений документа его полное имя установить не удалось)²⁰⁸, в которой содержится жалоба на его соседа, ограбившего свадебный поезд холопа челобитчика и увезшего невесту к себе во двор. Нам известен нападавший: Увар Григорьев сын Борков, впервые упомянутый среди новиков, поверстанных в 1596 г. минимальным окладом в 150 четвертей²⁰⁹. В 1605 г. Увар Борков был на верстании в Ивангороде вместе с другими детьми боярскими Водской пятины. Его новый поместный оклад составлял 250 четей²¹⁰, и примерно в то же время он был «пущен в недели», т. е. обременен службой в качестве служебного пристава²¹¹.

Его поместное владение — деревня Еванково — находилось примерно в 50 верстах к северо-западу от Новгорода, на южном берегу оз. Хвойно в Будковском погосте Водской пятины²¹². Первым из Борковых поместье в соседнем Климентовском погосте получил дед Увара

²⁰⁶ Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (1269–1612 гг.) / Сост. В. Г. Гейман // Краткий отчет о новых поступлениях за 1939–1946 гг. Л., 1951. Вып. 1. № 239.

²⁰⁷ Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вып. 1 и 2. (1269–1612 гг.) / Сост. Г. П. Енин. СПб., 1992. № 569.

²⁰⁸ Опул.: Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.

²⁰⁹ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1909. № 3. С. 192.

²¹⁰ Десятня Водской пятины 1605 года / Подг. Н. В. Мятлевым // ИРГО. 1911. № 4. С. 481.

²¹¹ ОР РНБ, ОЛДП, Ф 125, сст. 1. Приношу глубокую благодарность С. В. Стрельникову за указание на этот источник.

²¹² Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1: 16. С. 85. Эта деревня находилась на южном берегу оз. Хвойно, между современными деревнями Хабалинка и Павшино Лужского района Ленинградской области.

Боркова, Афанасий Дмитриев Борков, при раздаче дворцовой Тесовской волости в поместья в 1541/42 г.²¹³ Его сын, Григорий Афанасьев сын Борков — помещик Водской пятины в 1582 г.²¹⁴ В 1584 г. он разделил с Григорием Нееловым и его братьями с. Белое и д. Иванково (Еванково)²¹⁵. Григорий Борков скончался между 1599 и 1605 гг.²¹⁶

В 1609 г. Увар Борков участвовал в походе армии кн. М. В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди на Торжок, Калязин, Александрову слободу. Из слободы Увар сбежал, не пожелав далее находиться в действующей армии, где он состоял в отряде С. В. Головина, шурина кн. М. В. Скопина-Шуйского и участника похода из Новгорода к Торжку в 1609 г. Осенью того же года Головин возглавил поход на Переяславль-Залесский, Дмитров и к Троице. Вероятно, частью этого похода была осада «Ботова острожка Тятвичи», упомянутого в документе, который, по нашим наблюдениям, находился на Троицкой или Стромьинской дороге, там, где действовал Скопин в конце 1609 — начале 1610 г.²¹⁷ Увар Борков дезертировал в четверг на Филиппов пост. В 1609 г. это могли быть 16, 23, 30 ноября и 7, 14, 21 декабря. Видимо, наиболее подходящим должно быть 7 декабря, так как, по сведениям, сообщаемым в дневнике Яна Петра Сапеги, именно 24, 29 и 30 ноября по новому стилю (т. е. 4, 9 и 10 декабря по юлианскому календарю) происходили столкновения в районе Ботова между

²¹³ Выпись из платежных книг Водской пятины Остафия Вышеславцева. 1550/51 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 781. Л. 26.

²¹⁴ Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА, ф.1209. Д. 958. Л. 1 об.

²¹⁵ Раздел 6 августа 1584 г. крестьян по челобитью Григория Кренева и Григория Боркова в Бутковском погосте в волостях Бельской и Онаньинской Водской пятины // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 509–510.

²¹⁶ Десятня Водской пятины... С. 507.

²¹⁷ Имеется в виду поход части войск кн. М. В. Скопина-Шуйского осенью 1609 года на Дмитров и к Троице (*Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2–3. С. 17). Ботов острожек, возможно, соотносится с д. Ботова, известной по списку насленных мест Владимирской губернии (д. Ботова, Александровского уезда, 1 стана, в 27 верстах от Александрова, по левую сторону Троицкого торгового тракта, рядом — погост Стоговский (Список населенных мест Владимирской губернии. СПб., 1862. № 558. С. 23)).

войсками Семена Головина и паном Захорским²¹⁸. О событиях под Ботовом есть сведения и в русских источниках. В Кормленной книге Костромской четверти упоминается ржевитин сын боярский Иван Рахманинов сын Нашекин, который, в отличие от Увара Боркова, остался на службе и участвовал в походе кн. М. В. Скопина-Шуйского на Торжок, Тверь, Ботов и Троицу, за что и получил к окладу прибавку в 5 рублей²¹⁹. Увар же Борков в конце 1609 г. уехал из полков к себе в поместье, в Будковский погост Водской пятины.

Описываемые челобитной события разыгрались в четверг пятой недели великого мясоеда. В 1610 г. этот день приходился на 25 января²²⁰. Холоп челобитчика, Иван Дылдин (возможно, отцом Ивана Дылдина был упомянутый в отписной книге 1573 г. крестьянин д. Березно дворцовой Тесовской волости Дылда Воронцов²²¹), женился на девке Акулине. Венчались молодые в церкви св. Климента папы Римского на Тесовском погосте. Климентовский погост в Тесове известен с 1500 г.²²² Церковь в XVI в. была деревянной и клетской²²³. Она не была разорена в 1581 г., когда боевые действия Ливонской войны охватили Тесовскую округу, продолжала существовать и на рубеже XVI–XVII вв.²²⁴ Обряд венчания должен был производить

²¹⁸ *Dziennik Janaa Piotra Sapiehi (1608–1611) // Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* Lwow, 1901. S. 248–249.

²¹⁹ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. / Публ. А. Н. Зерцалова // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 67–68.

²²⁰ В недавней работе Е. Куксиной (*Мархоцкий Н.* История Московской войны / Пер., введ. ст., комм. Е. Куксиной. М., 2000) указывается, что Пасха 1610 г. приходилась на 1(10) апреля (с. 138). Это неверно. Пасха этого года была неделей позже, 8(18) апреля (ср.: *Романова А. А.* Хронология // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 551).

²²¹ Отписная и межевая книга подьячего И. Петрова да рассыльщика Семенова на с. Тесово с деревнями. 1573. 3.11 (*Селин А. А.* Источники по истории сельского расселения XVI в.: Тесовская волость // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000).

²²² Писцовая книга Водской пятины письма Дм. Китаева и Н. Моклокова. 1500. Часть 1 // НПК. Т. 3. СПб., 1868. Ст. 67.

²²³ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 174 об.—175.

²²⁴ Отписная и межевая книга подьячего И. Петрова да рассыльщика Семенова.; Книга записей Софийской пошрины. 7085 г. // ОР РНБ. Соф. 1548. Л. 212–212 об.; Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пя-

священник Богдан Клементьев. Климентовский погост располагался на холме, в низовьях реки Тесовой на правом берегу, невдалеке от впадения ее в оз. Тесовское, в 200 м к западу от современной д. Заполье Лужского района.

С большой динамикой описано само нападение. Увар с товарищами напал на молодых на выезде из церкви. Нападавшие были «с каплючным делом»²²⁵, т. е. пьяные. Закричав «по-литовски»: «хапай-хапай, рубай-рубай»²²⁶ (что, вероятно, свидетельствует о боевом опыте Увара), они набросились на свадебный поезд, избили до полусмерти жениха, сорвали с невесты свадебный убор, который главарь нападавших, Увар, надел на себя.

Увар забрал к себе и саму Акулину, продержав ее у себя в усадьбе²²⁷ два месяца с небольшим, до Пасхи (в 1610 г. — 8 апреля).

Борков отпустил невесту только после того, как его самого поймал «выбойщик»²²⁸ Матвей Никитич Ржевский (помещик Зарусской половины Шелонской пятины в 1586 г.²²⁹). Этим и заканчиваются известия о беспутном молодом человеке, по всей видимости, погибшим вскоре после 1612 г.

Уже через год с небольшим после описываемых событий Новгород был занят шведами, а в 800 метрах от церкви, где происходило венчание, был поставлен острог, в котором стоял гарнизоном отряд

тины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584... Л. 174 об—175; Межевая 20 июля 1585 г. поместья детей боярских Ивана Корина с товарищами Климецкого погоста в Тесове Вотской пятины // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 469—470; Отписная книга поместий у земцев-нетчиков. 1594 (вотч. контора. Д. 16947) // *Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв.* / Под общ. ред. А. А. Новосельского и А. И. Яковлева. М., 1928 // СПБИИ. Кол. 276. Оп. 1. Д. 92. С. 162.

²²⁵ По всей вероятности, с выпивкой. Ср.: *капильник* — лавочник, трактирщик (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 63).

²²⁶ Ср. боевой клич финской конницы в XVII в.: «Hakka räälle!» (*Курбатов О. А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 23).

²²⁷ Видимо, в своей поместной деревне Еванково.

²²⁸ «Выбойщиком», «выбуйщиком» называлось лицо, ведавшее отправкой на военную службу (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 180).

²²⁹ Платежная книга 1586 г. погостов Зарусской половины Шелонской пятины // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 522—523.

шведских солдат. Интересно, что одним из первых сборщиков кормов для этих солдат был назначен дядя Увара, Андрей Афанасьевич Борков, также, по жалобам современников, отличавшийся невоздержанностью²³⁰.

Другие представители этого рода также встречаются в годы Смуты в ближайшем соседстве от Тесовского погоста: Яков Богданов и Иван Меншик Данилов Борковы упомянуты почти во всех дозорах 1612—1615 гг. По дозорной книге 1615 г. деревня Рыдно, примерно в 20 верстах к северо-востоку от погоста, принадлежала некоему Василию Боркову, но «по скаске волостных людей, Василей сшол во Псков... живет в ней брат его Харлам Борков»²³¹. Среди дворян-новгородцев, перешедших на сторону Москвы и участвовавших в обороне Пскова в 1615 г., упомянут Фока Борков²³². В середине XVII в. упомянуты другие Борковы, в частности — Василий Борков, заставный голова Онежицкой заставы²³³.

²³⁰ Так, к примеру, написано о нем в челобитной воеводы Григория Никитича Муравьева: «...и посылал в село в Тесово к зборщику к Ондрию к Боркову с товарищи дворян и Тимофея Вельяшова с товарищи о немецких кормех, говорити, чтоб ко мне из села ис Тесова и с погостев корм присылали для немецких людей. И Ондрей Борков с товарищи дворяном и отказал: я де прислан из Новагорода, а не от Григория (Муравьева. — А. С.), и Григорьева указу не слушаю, и корму никакова ко мне по 30 число (декабря 1611 г. — А. С.) не присылывал, и стоя в государеве в селе в Тесове пьет и бражничает, а корму ко мне не присылывает, и старосту и крестьян держат у себя, а немецкие люди корму просят у меня не отъезжая с великим шумом и мне говорят: с кручиною и о том корму за которой корм велено давати и денгами, сказывают, что им за корм денгами не имывати для того, что взять де нам деньги для корму добыти негде, и купити zde ни у кого с кого, ч торгом из Новагорода нету никого, а в Новгород де нас рохмистры корму покупати не пустят, и нам де взять в денги да помереть над денгами голодом...» (Челобитная Григория Муравьева о том, что кормовые сборщики его не слушают и ни кормов, ни денег про немецких людей не собирают. Начало 1612 // RA, NOA. Serie 2: 75. Л. 64—66).

²³¹ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1: 6. С. 8.

²³² Четвертчики Смутного времени. 1604—1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 169.

²³³ Память заставному голове Онежицкой заставы Василию Боркову о пропуске за рубеж ругодивца Т. Стралбона. 1659, июль // СПБИИ. Кол. 109. Д. 135.

Люди и вещи

Жилье

Важнейший источник для определения характера жилья новгородцев конца XVI — начала XVII в. — это купчие грамоты на недвижимость, изданные И. Нордландер и К. В. Барановым. Эти источники проанализированы в недавней статье Г. Е. Дубровина и Н. Н. Фараджевой, археологов, исследовавших средневековую застройку Коржевой и Славковой улиц в Новгороде²³⁴. Будучи специалистами в изучении типов жилищ, исследователи очень точно определяют, что собственно комплексы городских жилищ являются совокупностью перечисляемых в актах построек. При анализе жилых комплексов Коржевой и Славковой улиц ученые объединили все источники о постройках, включая писцовые книги и актовый материал. Не вполне удачными представляются лишь попытки авторов делать биографические наблюдения над владельцами: ученые ограничиваются лишь привлеченными ими для других целей источниками, что не позволяет воссоздать полноценные биографические портреты.

Сельское жилище Северо-Запада конца XVI в. исследовано в небольшой монографии А. А. Шенникова. Эта монография содержит толкования домостроительной терминологии XVI—XVII вв., а также реконструкции крестьянских усадебных жилищ этого времени²³⁵.

Номенклатура построек в дворянских «больших дворах», впрочем, не отличалась от той, что предложена А. А. Шенниковым.

В. А. Аракчеев рассмотрел дворянскую усадьбу кн. Ивана Бабичева, располагавшуюся в с. Озерцы Которского погоста Шелонской пятины. После гибели князя в 1572 г. его усадьба была описана: «Двор большой, на дворе хором две горницы с комнаты, да повалуша, сени одны, пивоварня, другая поварня естовная, две житницы, дворец конюшенной, на нем четыре конюшни, да сенник, да челяденной двор, на нем два подклета, да изба, да за двором пять

²³⁴ Дубровин Г. Е., Фараджева Н. Н. Сведения о населении и усадьбах Славковой и Коржевой улиц по актам передачи недвижимости конца XVI — начала XVII вв. // НИС. Вып. 10 (20). С. 176–194.

²³⁵ Шенников А. А. Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб., 1993.

дворьцов люцких...»²³⁶ В усадище было 14 построек жилого и хозяйственного назначения.²³⁷ В архиве Новгородской приказной избы мне удалось выявить пять описаний господских усадеб 1610–1613 гг. (таблица 1). Примечательно, что в отличие от городских дворов, чью рыночную оценку того времени мы знаем, никакого представления о денежной цене господских усадеб существующие источники начала XVII в. не дают.

Таблица 1. Усадьбы новгородских помещиков в 1610–1613 гг.

Иван Степанович Чубаров, с. Поддубье Будковского погоста	Афанасий Григорьев Кобелев, д. Лодыгино на Узе в Михайловском погосте	писчик Семен Пятого Базин, д. Новоселье Свинорещского погоста	Татьяна, вдова Павла Аничкова, ус. Тоболка, Буховский погост	Матвей Большой Семенов Львов, с. Яковлевское, Завяряжский погост
2 горницы на подклетах; 2 сеней; 2 повалуши; чулан в новых сенях; задняя горенка; баня; поварня; ледник; 2 житницы; 2 избы «в сукромех»; изба воротная; клеть; сенница большая; 3 конюшни; 4 клетки людских; 6 хлевов; приказчицкая изба с клетью	изба новая наземная на вмосте; клеть; сенница; горенка; изба приказчика; клеть; изба наземная; житница; мшаник; 2 сенника на подклетах	подклет горничной; повалуша на подклете; мшаник у ворот; 2 подклета сеничные с тыном; житница в огороде ⁴	горница с подклетом; повалуша с подклетом; сени; изба людская; житница; мшаник; 2 сенника с хлевом ⁵	горница; повалуша («хоромы ветчаны»)
32 постройки	11 построек	6 построек	8 построек	2 постройки

²³⁶ Обыск помещика и поместья кн. Ивана Бабичева в Которском и Бельском погостах Шелонской пятины. 1572 (без начала) // Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. Ч. 2. С. 438–440.

²³⁷ Аракчеев В. А. Плюсский край в эпоху средневековья // Историко-краеведческий журнал «Псков». Вып. 14. 2001. Доступен также по адресу: <http://journal.pskov.ru/docs/number15/14.htm>

Источники: Отдел недельщиком Якимом Тимофеевым сыном Шишмаревым поместья Дмитрия Чюбарова в Никольском Бутковском, Никольском Передольском и Никольском Ижерском погостах Водской пятины Ивану Степанову сыну Чюбарову 1612. 24 и 28.03 // RA, NOA. Serie 1:62. С. 123–134; Отдел губным старостой Юмраном Нарбековым Афанасию Григорьеву Кобелеву поместий его брата Никиты Григорьева Кобелева и княгини Марьи Костровой в Карачуницком, Михайловском, Шкнятинском и Ручьевском погостах Шелонской пятины. 1610, декабря // RA, NOA. Serie 1:41. С. 247–256 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Девятым Якимовым книги писчику Ямского приказа Семену Базину поместья его отца, Пятого Базина, а также поместья Никиты Базина вдове Марии, жене Третьяка Черкасова в Свинорецком и Ретенском погостах Шелонской пятины. 1612. 19.06 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 495–499 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293); Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым прожиточного поместья вдове Павла Аничкова Татьяне с дочерьми Марией и Домной и поместья брату Павла Аничкова Афанасию Иванову Аничкову в Буховском погосте Деревской пятины. 1610. 10.12 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 329–335 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф 296); Отдел подьячим Петром Башмаком поместья Андрея Лысцова в Ивановском Заверяжском погосте Матвею Большому Семенову сыну Львову. 1613. 18.07 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 665–667.

Пять описаний помещичьих усадеб относятся к разным районам Новгородской земли. Все усадьбы обязательно включали горницу; все, кроме усадьбы Матвея Львова, — житницу. Примечательно, что самое богатое поместье, располагавшееся в живописном месте на берегу Поддубского озера, с баней на Оредеже, включавшее в себя три конюшни на конюшенном дворе, принадлежало ничем не примечательному человеку, Ивану Степановичу Чубарову, а самым бедным, находившимся в нескольких верстах от Новгорода помещьем, владел видный воевода Матвей Семенович Львов, побывавший в королевском лагере под Смоленском в 1610 г., а позднее, в 1613 г., состоявший «русским воеводой» при войске Эверта Горна в Старой Руссе (прежним владельцем этого поместья был новгородский дьяк Андрей Лысцов). Для сравнения: у большой, «неразделенной» семьи

крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева во дворе было 10 построек, у их соседей, соответственно, 6, 5 и 3.

Единственный в своем роде документ, в котором специально описаны сельские помещичьи усадьбы, был опубликован кн. Н. В. Голицыным, разыскавшим его в архиве герцогов Курляндских в Митаве. Ученый датировал его первой половиной XVII в., однако, судя по именам помещиков, он был составлен примерно около 1600 г. Это доезжая память о помещичьих усадищах Лопского и Ярвосольского погостов Водской пятины, составленная со слов погостских целовальников²³⁸. В формуляр описания входят: название усадища, водообеспечение (наличие колодца, ключа, пруда), а также количество возов сена, которое следует с усадища и прилегающих пустошей. Особо выделяется усадище кн. Василия Ивановича Ростовского: «Усадище Гора князь Василья Ростовского; вода во дворе пруд да тут же другой пруд; ловят караси, рыбку малую; да под двором под горою озерко, и там есть караси больши тех, только не можно ловить, не даст цей (так! — А. С.); сена на болоте 40 воз»²³⁹. Никакого фискального смысла в таком описании нет; аналогов доезжей памяти мне не известно. Видимо, можно предположить, что такой документ мог оценить военно-стратегический потенциал этих территорий. Всего в источнике перечислено 9 усадеб в Лопском погосте и 12 усадеб в Ярвосольском погосте²⁴⁰.

²³⁸ Список боярских усадищ в Лопском и Ярославском погостах Водской пятины // *Голицын Н. В.* К истории русско-шведских отношений и населения пограничных со Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903. С. 5–7.

²³⁹ Князя Ростовские — последние владельцы этого усадища. При них там существовала каменная Покровская церковь, построенная еще в начале XVI столетия. Когда Ореховский уезд отошел к Швеции, церковь была заброшена. На карте Нотебургского уезда 1688 г. на месте усадища Гора обозначена öde kirkia Gorka Knasina (пустая церковь в Княжой Горе) (Geografisk Charta öfver Nöteborgs län Ingermanland Undantaguides Duderhof pogost. 1688 // RA. Lantmäteristyrelsen Leveranser. Nr. 307).

²⁴⁰ В Лопском погосте: усадище Петровшина князя Данила Мышецкого, усадище Калмуево князя Федора Мышецкого, усадище Патриково сына боярского Андрея Овцына, усадище Путилов двор сына боярского Ивана Путилова, усадище Вердиги сына боярского Ивана Кишкина, усадище Офонасьевщина князя Михаила Мышецкого, усадище Лукинско князя Ивана Мышецкого, усадище Шевиткотла князя Семена Мышецкого. В Ярвосольском погосте:

Примечательны документы о разделе поместья между сыновьями кн. Тимофея Александровича Вадбольского князьями Богданом и Иваном. Поместье находилось в сельце Юршине, в Семеновском Удрицком погосте Деревской пятины. У князя Тимофея был лишь один усадебный двор. Он был разделен между братьями, причем на попечении старшего брата оставалась их сестра Мария, а на попечении младшего — их мать Агафья. Пополам были разделены также два отцовских сада и четыре двора клирошан «вопчего» Покровского храма²⁴¹. Выходит, что, несмотря на совместную жизнь в одном доме, ответственность за недееспособных родственников была разделена так же, как и имущество.

Несколько более сложная ситуация с разделом имущества и наследства прослеживается на примере Аничковых. После смерти (гибели?) Павла Аничкова две его дочери из трех остались в прожиточном поместье с матерью-вдовой, а третья была на обеспечении своего дяди, брата Павла, Афанасия Иванова сына Аничкова²⁴².

Отдел одного и того же двора людям, не состоящим в родстве, также мог производиться. Так произошло в деревне Подлесье Фроловского погоста Шелонской пятины в марте 1613 г. Там вдове Ан-

усадище Гора князя Василия Ростовского, усадище Лезья Василия Нащокина, усадище Воронье сына боярского Василья Муратова, усадище Косицкое Федора Косицкого, усадище Стехново Третьяка Воронина, усадище (без названия) Второго Лугменева, усадище Мья татарина Кондратия (Ермолина), усадище Надиевшина Дея Пушина, усадище «Микитин двор Хвостова», соответственно Никиты Хвостова, усадище у Онтонья (у церкви св. Антония Великого на Вагреселке) Григория Хвостова, усадище Кавгола Михаила Горбова и усадище Задняя Нурма Кондратия Боландина.

²⁴¹ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным отцовского поместья кн. Богдану Тимофееву Вадбольскому с сестрой княжной Марьей в Семеновском погосте Деревской пятины. 1611, июня // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 311–318; Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным отцовского поместья кн. Ивану Тимофееву Вадбольскому с матерью княгиней Агафьей в Семеновском погосте Деревской пятины. 1611, июнь // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 319–326.

²⁴² Отдел губным старостой Деревской пятины Тимофеем Шамшевым прожиточного поместья вдове Павла Аничкова Татьяне с дочерьми Марией и Домной и поместья брату Павла Аничкова Афанасию Иванову Аничкову в Буховском погосте Деревской пятины. 1610. 10.12 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 329–335 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 296).

дрея Блажонкова Настасье с двумя дочерьми была отделена половина мужнина двора. Вторая же половина досталась другому помещику, Михаилу Григорьеву Мустофину. Как они уживались в одном доме, представить себе сложно²⁴³.

Крестьянские жилища того времени источники описывают не так обстоятельно, как помещичьи усадьбы. Так, восстанавливаемая после набега «литовских людей» деревня Наумово в Молвятицком погосте представляла собой в июне 1612 г. три избы и три клетки²⁴⁴. На соседней пустоши Спасове помещик Шестой Бараков поставил «на себя» (вероятно, не для себя, а для своих людей) две избы, сеник и хлев²⁴⁵.

Пожары

Одно из самых страшных бедствий Средневековья и Нового времени — пожар — в годы Смуты стало обычным явлением для сельского пространства Московской Руси. Нестабильность политической ситуации в Новгородской земле началась с 1570-х гг., сперва вдоль трасс, по которым проходили войска к линиям фронта, а с 1580–1581 гг. и повсеместно, после проникновения на Северо-Запад войск Стефана Батория, а потом — Понтуса Делагарди. В формулировках писцовых и дозорных описаний 1580-х гг. появились такие характеристики волостей, сел и деревень: «зжено», «зжено и воевано», «не зжено, а воевано». Эти характеристики в массовом порядке повторяются и во всех позднейших описаниях, вплоть до тех, что были составлены в 1620-е гг. Таким образом, сообщений о пожарах

²⁴³ Отдел губным старостой Залесской половины Шелонской пятины Федором Вельяминовым прожиточных поместий вдове Настасье, жене Андрея Блажонкова с двумя дочерьми Аринкою и Стефанидкой и сестре Андрея Блажонкова девке Улите во Фроловском погосте Шелонской пятины и части того же поместья — Михаилу Григорьеву Мустофину. 1611. 19.03 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 491–495 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 296).

²⁴⁴ Отдел губным старостой Игнатием Дюкиным прожиточного поместья вдове Милаве, жене Степана Баракова, из мужнина поместья в Молвятицком погосте Деревской пятины и остатка этого поместья Богдану Давыдову Дирину. 1612. 18.06 // RA, NOA. Serie 1: 75. С. 1181–1187 (копия без пагинации: СПБ ИИ, м/ф 296).

²⁴⁵ Там же.

как экстраординарных событиях в источниках этого времени почти нет. Однако вышеупомянутый двор, который писчик Ямского приказа Семен Базин должен был получить после своего отца, сгорел за несколько месяцев до отдела. Это было особенно отмечено понятыми: «а про тот двор в роспросе сказали Свинорецкого погоста волостные люди, что тот двор на горе згорел и с хоромы ныне на весны после Егорьева дня вешняго на четвертый день, а не ведаем от кого, потому што в те поры мы, свинорчане, розбежались по лесам от литовских людей, а та деревня за рекой за Шелонею, а от нас с версту и более»²⁴⁶.

Вещи

И. Граля и Ю. М. Эскин впервые указали на то, что перечни грабленного имущества представляют собой ценный источник для изучения материальной культуры. В опубликованных учеными документах из переписки полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского с воеводами соседних городов Речи Посполитой 1571–1572 гг. встречаются описания одежды и имущества архиерейских детей боярских, помещиков, боевых холопов²⁴⁷. В уже цитированном документе об ограблении свадебного поезда есть достаточно детальное описание костюма жениха и невесты. Они одевались богато и ярко — в лазоревые тона, на женихе была лисья шапка, сапоги покрыты лазоревой зендью (хлопчатобумажная среднеазиатская ткань²⁴⁸), атласная шапка невесты была украшена жемчужной вышивкой. Жених был в однорядке из английского сукна — настрафила²⁴⁹.

²⁴⁶ Отдел неслуживым сыном боярским Шелонской пятины Десятым Якимовым книги писчику Ямского приказа Семену Базину поместья его отца, Пятого Базины, а также поместья Никиты Базины вдове Марии, жене Третьяка Черкасова в Свинорецком и Ретенском погостах Шелонской пятины. 1612. 19.06 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 495–499 (копия без пагинации: СПбИИ, м/ф. 293).

²⁴⁷ Памятники истории Восточной Европы. Т. 3. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод 1571–1580 гг.). М.; Варшава, 1998.

²⁴⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. С. 381–382.

²⁴⁹ Селин А. А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197.

Ценным источником для изучения имущества являются оценные и продажные списки «изменничьих» и «опальных» «животов», во множестве появившиеся в Новгороде в Смутное время. Самый ранний из сохранившихся — опубликованная опись имущества околичного М. И. Татищева, составленная незадолго до 14 октября 1608 г.²⁵⁰ Источник сообщает информацию о покупателях «опального» имущества. Среди них был Афанасий Бурцов, дворянин-пусторжевец, в середине сентября 1608 г. привезший в Новгород весть об отъезде Скопина, Татищева и дьяка Телепнева в Ивангород. Бурцов купил «кафтан холодной, сукно вишнево лундыш, ветчан, нашивка в 12 местех, шолк вишнево с серебром в полнос», «10 аршин тафты немецкие», «ожерелишко, бархат космат литовской чюбар, ветчано», «бобрик ярой»²⁵¹.

Несколько типологически близких документов сохранилось и в составе архива Новгородской приказной избы.

Военные действия и политическая нестабильность привели к формированию большого фонда «изменничьего» имущества, привлекательного объекта для лиц, лояльных действующей власти. Наиболее часто среди таких объектов встречаются поместья и хлеб, остающийся в поместьях от покинувших свои дворы или умерших хозяев. В связи с этим в архиве сохранилось множество дел по челобитным служилых людей об изменничьих поместьях. Реже встречаются описания имущества, в этих поместьях содержащихся.

Таково дело о сыске живота Богдана Помещикова²⁵², в августе 1613 г. покинувшего свою службу приказчиком дворцовых сел в Порхове и бежавшем в Псков вместе с женой. Большую часть имущества — «которое было платье и всякой судовой запас, и то все свез Богдан Помещиков с собою в Порхов, как бывал в Порхове на приказе». В поместье сохранилось лишь часть движимого имущества — «рогатый живот» («рогатым животом» была единственная корова Помещикова, которую «по приказу бояр и воевод дьяк Пятой Григорьев взял себе безденежно»)²⁵³, хлеб и сено.

²⁵⁰ Мятлев Н. В. Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева...

²⁵¹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 326; Опись и продажа... С. 1, 5, 6.

²⁵² Дело о сыске живота изменника Богдана Помещикова. 1613. 30.08 // RA, NOA. Serie 2:57. Л. 1–22.

²⁵³ Там же. Л. 18.

Через несколько недель из Новгорода вместе со своими матерями отъехали дети боярские Бежецкой пятины Григорий Павлов сын и Иван Андреев сын Загоскины. Дело об обыске их городского и загородного имущества сохранилось в приказной избе полностью²⁵⁴. 3 октября 1613 г. в их дворы в Новгороде и в пригородную деревню Родионово были посланы для переписи имущества дети боярские Иван Выповский и Иван Аничков. Свое имущество на дворе на Славкове улице бросил только Григорий Загоскин; Иван Загоскин вывез все полностью. Найденное имущество Загоскиных было конфисковано и дано для оценки новгородским посадским людям. После 4 октября началась распродажа. Среди покупателей имущества Загоскиных много людей, в Новгороде известных. Так, черное медведно, оцененное в полполтины, было продано кн. Федору Черному Оболенскому, бывшему тушинскому стольнику и недавнему послу Новгорода к ополчению в Ярославль²⁵⁵. Латы ценой в 2 гривны купил переводчик Олферий Северов²⁵⁶. Ветхий зендинный кафтан за 10 денег купил Венедикт Тимашев, ореховский воевода в 1610 г., назначенный туда Иваном Салтыковым. Большую часть провизии — подьячий Афанасий Бражников (замеченный, кстати, как один из самых активных покупателей при распродаже имущества М. И. Татищева). О даче бесплатно ржи, конфискованной в пригородном поместье Загоскина, били челом дьяк Иван Тимофеев и племянница Григория Загоскина девка-сирота Аксинья Михайлова дочь Мякина (боярский суд решил дело в пользу последней, разделив рожь между челобитчиками)²⁵⁷.

Некоторым детям боярским удавалось вывезти из Новгорода практически все свои животы, так что в продажу было почти что нечего пускать. Вскоре после Загоскиных к Москве бежали Федор Лодыгин и Иван Кадыев. От Лодыгина, жившего на Ильне улице, осталось только «огурцов соленых в кадочке с ведро», а после отъезда жив-

²⁵⁴ Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10–1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2: 101–В.

²⁵⁵ Там же. Л. 8.

²⁵⁶ О нем подробнее: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию...

²⁵⁷ Розыск об изменничьем имуществе... Л. 14.

шего на Лубянице Кадыева «осталось в двух мешках круп да толокна с осмерик»²⁵⁸.

В 1615 г. была проведена серия обысков о животе упоминавшегося выше Ивана Борисова сына Секирина в Тигодском погосте. Этот сын боярский также оказался на стороне политических противников новгородских властей, и имущество его подлежало конфискации. Однако оставленное Секириным имущество властям не досталось: «А про Иванов живот сказали Иванов человек Секерина Томилко Кобелев да Ивановы крестьяне Секирина Иванко Сидоров да Якуш Шепарев приказан де был Иванов всякий живот при Иване и после Ивана Олеше Назарову да дворовому прикащику Овдокиму Казаринову, и Овдокима деи убили неметцкие люди, а после де Овдокима приказано было все Олеше. И лошади де и коровы и овцы и всякую животину и платье и казну серебряную и жемчужную и денги взяли воровские и немецкие люди в лесе при Иванове жене при Огафье, а про иной живот и про денги и про суды про серебряные и про оловянные и про медяные и про всякие не ведают, потому что приказано де было Олеше Назарову. И Олеша Назаров у вобыску в роспросу не был, избегает неведомо для чево»²⁵⁹.

Еще один имущественный казус связан с чемоданом, брошенном в Новгороде бывшим тушинским думным дьяком Денисом Софоновым во время его кратковременного пребывания в городе в начале лета 1611 г. Он оставил его на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова незапечатанным. По челобитной Дарьи в феврале 1615 г. этот чемодан у нее взял толмач Бажен Иванов «напоая ее, тому ныне с неделю». Б. Иванов оправдывался тем, что Софонов — дядя его жены Ески, но власти приказали вернуть чемодан в Разряд²⁶⁰.

11 июля 1613 г. было описано имущество дворян Нарбековых, незадолго до этого бежавших из Новгорода к Москве²⁶¹, а позднее и дру-

²⁵⁸ Обыск животов Федора Лодыгина и Ивана Кадыева Иваном Выповским да подьячим Харитоном Семеновым. 1613. 13.10 // RA, NOA. Serie 2: 264. Л. 1–2.

²⁵⁹ Роспись обысков Петра Ногины и подьячего Василия Ушакова о животе Ивана Секерина в Тигодском и Солецком погостах и в Кривинской волости // RA, NOA. Serie 2: 160. Л. 1–10, 11 об.–19 об.

²⁶⁰ Розыск о чемодане с рухлядью, оставшемся на подворье у Дарьи, жены Богдана Олферова. 1615, февр. // RA, NOA. Serie 2: 246.

²⁶¹ Об «измене» Нарбековых подробно: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде...

гих дворян, поздней осенью 1613 г. покинувших Новгород. Почти тут же о пожаловании «из опальной рухляди» Нарбековых и бежавшего вместе с ними Угрима Лупандина «двух полстей, двух медведен и сум больших» бил челом Томила Сергеев, бывший дьяк Старой Руссы, отправлявшийся в Выборг для встречи Карла Филиппа (собственно, и рухлядь была нужна ему «для государева похода»)²⁶².

Особняком стоит дело об оценке и продаже имущества Второго Голенищева (вероятно, родственника погибшего при штурме 16 июля 1611 г. дьяка Афиногена Голенищева), бежавшего из Новгорода после штурма. Его «живот» оценили только в ноябре 1613 г.²⁶³ Не истлевшая часть этого имущества была отдана старорусскому воеводе кн. Андрею Шаховскому. Боярин Одоевский и дьяк Семен Лутохин нашли виноватого в том, что часть вещей сгнила и исчезла. В декабре 1613 г. они приговорили доправить деньги за сгнившую и утерянную рухлядь на подьячем Иване Володимерове, к концу 1613 г. постригшемся под именем старца Ионы. Прежде на его дворе хранились вещи Голенищева.

Исследование описей выморочного, опального и изменничьего имущества дает возможность говорить о нравах новгородцев начала XVII в. Среди покупателей имущества изменников и опальных — представители высших слоев новгородского общества, не гнушающихся «ветчаными» деталями не только из татищевского имущества, но и из «животов» простых детей боярских.

Важна также роль приставов и оценщиков имущества: первыми, как правило, выступает пара: сын боярский и подьячий, вторыми — посадские люди. Отметим, что при оценке икон в двух случаях упоминаются одни и те же лица — иконники вдовый поп Постник и дьякон Истома²⁶⁴, служившие, вероятно, своего рода экспертами в иконопи-

²⁶² Челобитная Томила Сергеева о пожаловании ему из опальной рухляди Нарбековых и Лупандина для государева походу. 1613, июль // RA, NOA. Serie 2: 245. Л. 13.

²⁶³ Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова да подьячего Митьки Игнатъева осталось в новгородское взятие после побега Второго Голенищева на его подворье образов, рухляди и съестного запаса, сколько запасу отдано князю Андрею Шаховскому, а также оценный и продажный список рухляди. 1613, ноябрь // RA, NOA. Serie 2: 292–А.

²⁶⁴ Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова... Л. 6; Переписной и оценной список живота Федора Ларионова. 1613. 20.10 // RA, NOA. Serie 2: 268.

си при новгородском правительстве того времени. Ответственность оценщиков, впрочем, была довольно высокой: в случае непродажности имущества по их оценке те должны были выкупить данное имущество за назначенную прежде ими же цену, как и были вынуждены поступить упомянутые Постник и Истома после неудачной попытки продать иконы, оставшиеся после Второго Голенищева.

Кроме описей выморочного и опального имущества существовали описи поличного, арестованного судом и хранящегося в Судной избе. Двое крестьян д. Дураково Старорусского уезда стремились вернуть себе такой «поличный живот». Ранее у них хранились вещи казачки Офимьи, о которой предполагалось, что она держит связь с мужем, ушедшим в лес и воюющим против шведов. Вместе с ее вещами у них были взяты вещи, к Офимье отношения не имевшие: «выняли мы, государь, поличное женскую шапку черленой бархат у женки, у казачки у Офимьи, а вотчины не ведаю, а пропало, государь, у нас с тою шапкою шапка черна муская, да однорядка сеня, да два сарафана, да душагрея, да шапка черлена с пухом, да три ведра масла коровья, ведро меду, восемь четвертей ржи, овса двенадцать чети, двои серги, два перстни, четыре креста, а цена, государь той нашей гибели платью кроме хлеба» 6 рублей 12 алтын²⁶⁵. Поличный «живот» мог храниться в Судной избе несколько месяцев, а то и лет, и его владелец, не дождавшись «вершения» дела, на весь этот срок имущества лишался.

Сложное дело о присвоении драгоценностей разыгралось в Новгороде в июле 1614 г. Подьячий судных дел Дмитрий Игнатъев обвинил площадного дьячка Иванка Киприанова в том, что тот послал 15 июля к себе на подворье со своим соседом, сторожем Ветошного ряда Якушком большое количество драгоценностей («ожерелье женское жемчужное на серебряной цке, а у него восемь пуговиц серебряных з зернми бурминскими, цена 28 рублей да ожерелье жемчужное муское с 4 зернми бурминскими, 9 рублей, да серьги яхонты 8 рублей, да чепочка, а на ней 15 крестов с прокладки да 10 пугвиц опашных да 10 перстней женских и муских, весом 5 рублей 20 алтын, всего на 50 рублей 20 алтын»). Сторож Якушко вернулся к Д. Игнатъеву, сказав, что площадной дьячок Иванко Киприанов выманил у

²⁶⁵ Челобитная крестьян д. Дураково Петровского погоста Старорусского уезда Сеньки Никифорова и Осейки Степанова о возвращении имущества, конфискованного у них вместе с поличным животом казачки Офимьи. 1615 // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 119.

него эти вещи, от имени хозяина, подьячего Игнатъева. Игнатъев подал на Якушка в суд. Судьи М. Н. Аничков и А. Т. Ногин поставили Якушка и Иванка Киприанова на очной ставке. Якушка повторил свои показания, а Иванко сказал, что с Якушкой не знаком. Игнатъев в своей челобитной утверждал, что ранее, при многих свидетелях И. Киприанов признавался ему в присвоении имущества и даже 19 числа отдал женское жемчужное ожерелье, на котором, впрочем, Игнатъев не обнаружил пуговиц, ранее имевшихся. В своей челобитной подьячий Д. Игнатъев просил бояр и воевод о суде, «а вперед бы ему и иным ворах неповадно было так воровати»²⁶⁶.

Имеется подробное описание имущества участников посольства Юрьевского архимандрита Никандра, отправленного из Новгорода в Стокгольм в самом конце 1611 г. и на обратном пути захваченного псковскими казаками и препровожденного в Москву (табл. 2).

Таблица 2. Роспись имущества участников посольства Юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм по прибытии их в Москву в 1614 г.

Участник	Имущество
Архимандрит Юрьева монастыря Никандр	панагея обложена серебром, шляпа да книг с ним в келье псалтырь да часовник да кануник письменные также да за городом... мерин рыж, цены 4 рубли с полтиною, полсть черная, шуба песцовая ветчана, тебяняк, сапоги, сумки, а в них платки да полатенцы и скатерть, две свечки
Игумен Благовещенского монастыря Антоний	на нем шуба боранья, ряска монахья Да за городом... ризы камчаты ветчаны, стихарь поризной полотноя, патрахил бархат отиной ветчан, поручи бархат ветчан, пояс ризной, ворворки низаны жемчюгом, патрахил келейной отласная ветчана, другое патрахилишко выбойчатая ветчана. Книги: служебник писменной, потребник писменной, кануник да псалтырь писменные да в сумки платки и скатеришко. Да судов блюденных да торел оловянных, брусок винной, свитка черная, сковородка черная, ендовка белая, схима, образы, складни на золоти. Да ево ж рухледи у печерских слуг у Данилка Иванова да у Семейки Глухово, которые ехали с ними изо Пскова: шуба боранья да котлик медяной в ведро, а где они ныне стоят, того не ведает.

²⁶⁶ Дело по челобитной подьячего Судных дел Дмитрия Игнатъева на площадного дьяка Ивана Киприанова в присвоенном животе. 1614. 15–19.06 // RA, NOA. Serie 2: 201. Л. 6–9 об.

Участник	Имущество
Черный дьякон Юрьева монастыря Феодосий	На нем монахья да клобук, шуба боранья да тебячишко черное да шляпа черная да за городом... две свитки ветчаны.
Дьяк Третьяк Копнин	на нем шуба песцова под зендью ветчана да зипун стеган ветчан. Да за городом...: полстишко серо, епончишко бело, рубашка ветчана шита золотом да портки да шубенко людцкое, да ево ж Третьяков в Посолском приказе кафтанишко ветчан на кунницах, обери зелены
Федор Васильевич Бутурлин	в келье попона покрояная, епонча ветчана, сукно кострыж кропивна, шуба боранья да однорятка бурнатня, сковородка белая
кн. Василий Кропоткин	епанча лазорева медведна, ферезишко тофта желта ветчаны, блюдо белое да сковородка белая да однорядка да зипун, в чем ходит
Гордей Судаков	кроме однорядки да кофтана нет ничего
Дмитрий Зеленин	на нем однорядка да кофтан да епонча ветчана, полстишко да сковородка черная
Гость Степан Иголкин ⁶	епанчишко да полсти ветчанные плачены, шуба боранья, трехук суконной да коробейка, а в ней рубашенко да портки ветчанные

²⁶⁷ Источник: Роспись имущества посольства Юрьевского архимандрита Никандра по прибытии его участников в Москву. 1614 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10.

Из таблицы видно, что участники посольства владели разным по объему и богатству имуществом. Особенно значительным было имущество церковников, включавшее в себя как предметы церковной утвари — панагии, книги, — так и личные вещи. Все участники посольства имели зимние вещи — шубы, кроме самых бедных. Имущество благовещенского игумена своим объемом превосходило имущество главы посольства, архимандрита Никандра. Совершенно

²⁶⁷ Имущество его брата, Ивана Юрьева Иголкина, не упомянуто.

нищим прибыл в Москву Гордей Судаков, у которого «кроме однорядки да кофтана нет ничего».

Важными источниками по истории костюма новгородцев являются описания краденого имущества. Три таких описания позволили составить таблицы 3.1–3.3.

Таблица 3.1. Стоимость имущества, ограбленного у женки Настасьи Ивановой крестьянами Зверинского монастыря в 1616 г.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах ⁷
Заячья ферезь под крашениной	20 алтын	120
Суконный зеленый сукман	4 гривны	80
Шапка тафтяная	4 алтына	24
Серебряные серьги	Полтина	100

Источник: Челобитная Г. С. Обольянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, января // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 115.

Таблица 3.2. Стоимость имущества, украденного Кристиной Павловой у своего господина Семена Линева в 1619 г.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах
Ферези крашенинные	Рубль	200
Шапка черленая	20 алтын с гривной	140
Сапоги	4 гривны	80
Серьги	30 алтын без гривны	160
50 локтей полотна	Полтора рубля локоть	1500
Сумка	Полтина	100
2 рубахи	20 алтын	120

Источник: Челобитная сына боярского Водской пятины о сносе у него беглой девкой Семена Линева Кристиной Павловой живота в Ивановгород. После 1619 сентября (без начала) // СПбИИ. Кол. 109. Д. 926.

Таблица 3.3. Стоимость имущества, украденного у Андрея Путилова его людьми в 1617 и 1622 гг.

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах
Зипун серый	25 алтын	150
Кафтан бараний	Рубль	200
Белые сермяжные ноговицы	5 алтын	30
Шапка черного сукна, испод лисий с пухом	10 алтын	60
Сукман белый женский	13 алтын 2 деньги	80
Шуба баранья женская	40 алтын	240
Шапка тафтяная женская	13 алтын 2 деньги	80
Серьги	10 алтын	60
Кафтан белый сермяжный	8 алтын 2 деньги	50
Кафтан бараний	10 алтын	60
Ноговицы сермяжные	2 алтына 2 деньги	14
Сукман белый женский	5 алтын	30
Шуба баранья женская	10 алтын	60
Зипун лазоревый настрафильный	3 рубля	600
Кафтан бараний под лазоревой крашениной, пущен пухом бобровым да ожерелье кунье	Полтора рубля	300
Кафтан черный сермяжный	40 алтын	240
Кафтан бараний	Рубль	200
Шуба баранья	Пол-2 рубля	300
Зипун крашениной	16 алтын 4 деньги	100
Шапка зеленого сукна, испод горлатный лисий	17 алтын 4 деньги	106
Штаны зеленые английские	20 алтын	120
Зеленая шелковая нашивка, женская	2 рубля	400
Ферези женские тепые под крашениной	Пол-2 рубля	300
Сукман белый нагольный, женский	13 алтын 7 денег	85

Товар	Цена	Стоимость, в деньгах
Шапка камчатая черевчатая	20 алтын	120
Серьги	17 алтын 4 деньги	106
Сапоги желтые бараны	12 алтын	72
Зипун сермяжный	20 алтын	120
Кафтан бараний	13 алтын	78
Шапка черного сукна, испод лисий	8 алтын 2 деньги	50
Штаны лазоревые	10 алтын	60

Источник: Список сносного живота, унесенного за рубеж людьми Андрея Путилова в 1617 и 1622 гг. 1622, между 1 июля и 1 сентября // СПбИИ. Кол. 109. Д. 740.

Некоторые наблюдения над этим материалом можно сделать. Очень дорогим кажется женский костюм: цена всех его элементов превосходит цены на части мужского костюма. Разумеется, дорогой была вся меховая одежда; мех везде используется только бараний или лисий, за исключением украшения шубы припуском из бобрового меха с куньим воротником. Цены на ферези примерно одинаковы во всех росписях. То же относится к ценам на серьги.

Интересен состав имущества, украденный у Ивана Лугвенева в 1620/21 г.: «две пищали да две сабли да две шубы заечьи женских под киндяки да две шапки женских, одна отласна, а другая камчатая да кафтан лисий под сукном под зеленым да четыре рубашки женских тонких да пятьдесят локот полотна тонково да два кафтана сермяжных да три шубы бараньих да две шапки муских да два топора да двои рукавицы да двои ногавицы настрафилные да судно». У его товарища, Богдана Самарина человек украл «пищаль долгую птичью да два зипуна один лазорев, а другой бел сермяжной да кафтан теплой заечей под крашениною, штаны зелены, ферези женские холодные лазоревы, шапку черевчату отласну женскую да шубу баранью, полотна тонково шездесят локот»²⁶⁸. У обоих помещиков было

²⁶⁸ Список беглых людей Богдана Самарина и Ивана Лугвенева. 1620/21 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 739.

украдено оружие и достаточно много женской одежды; в то же время ларца с драгоценностями ворами обнаружить не удалось.

После Столбовского мира важной темой во взаимоотношениях новгородских властей с комендантами соседних городов Ингерманландии становится вопрос о перебежчиках. В 1620-х гг. претензии сторон друг к другу были примерно равными: как правило, перед побегом бежавшие прихватывали часть имущества своих владельцев.

14 мая 1617 г. от Степана Пустошкина из его поместной деревни Скородна в занимаемый шведами Гдов бежали люди, прихватив с собой «ларчик, а в нем ожерелье жемчужное женское, пугвицы серебряные да трои серги да шесть перстней да трои ферези женские женские холодные да две косы» (надо думать, что в ларце хранились только ожерелье, пуговицы, серьги и перстни)²⁶⁹. У Фирса Страхова из Бежецкой пятины в 1617/18 г. за границу бежал человек²⁷⁰, укравший двух лошадей (одна из них — особо ценная — пегий черемисский конь), «да свез ларчик с казною, ожерелье жемчужное женское да двои серги, одне печата (?), а другие червен з жемчуги да восемь перстнев да манисто, а цена, государь, казни и ожерел тридцать рублей»²⁷¹. У обоих пострадавших украденное имущество хранилось в ларцах. Скорее всего, укромно было укрыто и 70 золотников жемчуга стоимостью 60 рублей, украденных у детей Феокиста Муравьева их человеком Иванком Карповым²⁷². Вероятно, беглые люди знали, где что брать.

²⁶⁹ Челобитная Шелонской пятины Степана Андреева сына Пустошкина царю Михаилу Федоровичу о розыске его людей, бежавших в Гдовский уезд и роспись бежавших крестьян. Начало 1620-х // СПбИИ. Кол. 109. Д. 72.

²⁷⁰ Человек тот бежал к известному байору Никите Калитину, на что имел определенные резоны. По словам челобитчика, ранее тот служил Богдану Калитину, «и от Богдана перешел как был Богдан в Сибири, и отпускная ему дана, и после того бил челом мне», т. е. Ф. Страхову.

²⁷¹ Челобитная сына боярского Бежецкой пятины Фирса Страхова о возвращении из-за немецкого рубежа его беглого человека, ушедшего к Никите Калитину. После 1617 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 74.

²⁷² Память об имуществе, украденном у детей Феокиста Муравьева их холопами, бежавшими в Ореховский уезд. 1622. 7.04 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 720.

Лошади в перечнях украденного имущества фигурируют почти всегда: конокрадство было распространено; к тому же бежать на лошадях, вероятно, было легче. У тех же детей Феокиста Муравьева в 1622 г. их люди увели за границу семь лошадей общей стоимостью в 155 рублей²⁷³.

Грабежи

Если для недвижимого имущества бичом были пожары, то для движимого — грабежи, сопровождавшиеся насилием и физическим страданием жертв. Ограбленная и раздетая на лесной дороге накануне Рождества 1616 г. монастырскими крестьянами женка Г. С. Оболянинова Настасья Иванова получила обморожение рук и ног²⁷⁴.

В сентябре 1615 г. на Ивангородской дороге на подъячего Константина Петрова сына Лазарева на Ивангородской дороге напали отъехавшие к тому времени во Псков новгородцы-дети боярские Василий Нелединский, Василий Колобов и Матвей Неелов (всего, по словам Петрова, 40 человек) и ограбили его, «взяли в лошадах и в платье и в хлебе и в ыной рухляди опроче денег на дватцат на сем рублев с полтиною да денег в мошне три рубли, а лошади де у него иманы в долг»²⁷⁵.

Через 10 лет после Столбовского мира 28 декабря 1627 г. помещик Богдан Григорьев сын Оболянинов бил челом о том, что в канун Фролова дня из его деревни Озеревы Щепецкого погоста бежали крепостные, заворовав. Поимали живота, платья и кузни на 15 р. «А как, государь, они побежали, и живот мой поимали, и они, государь, женишко мое и сынишко и дочеришко, мучили до полусмерти и мучив заперли в клети»²⁷⁶.

²⁷³ Память об имуществе, украденном у детей Феокиста Муравьева их холопами, бежавшими в Ореховский уезд. 1622. 7.04 // СПбИИ. Кол. 109. Д. 720.

²⁷⁴ Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря. 1617, январь // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 115.

²⁷⁵ Дело по изветной челобитной Поместного приказа подъячего Третьяка Башмакова на подъячего Константина Петрова. 1615. 3.01 // RA, NOA. Serie 2: 204.

²⁷⁶ Дела о возвращении из-за шведского рубежа русских перебежчиков. 1627, август — 1628, январь // Дела Тайного приказа. Т. 4 (РИБ. Т. 38). Л., 1926. Стб. 315–334.

Приход и религиозность. Монастыри и святыни

Повседневная жизнь человека начала XVII в. — жизнь, связанная с приходом, с церковным обиходом. Для новгородского дворянина церковь в его селе, кладбище при церкви или в монастыре — это важнейшие составляющие личного ландшафта. В то же время роль духовных отцов — сельских священников многозначна. Живший бок о бок с дворянином, свидетельствовавший подлинность его подписи, почти всегда зависимый от помещика, часто подвергавшийся насилию, духовный отец тем не менее был необходим каждому новгородцу. Документы начала XVII в. позволяют выявить некоторые особенности духовной жизни, религиозных практик, актуальных для того времени.

Сын одного из выдающихся деятелей эпохи Смуты кн. И. А. Мещерского Михаил, участвовавший в королевском походе под Псков 1615 г., в июле 1616 г. бил челом о поместье Густаву Адольфу: «Был, государь, я посылан с твоим государевым дворяном с Мартыном с Лакком да з головою с Матвеем Муравьевым на воровских людей. И сошли, государь, воровских людей в деревни в Мороткине и воровских людей побили, а иных живых поимали, и яз, государь, тебе, государю служил, на том бою убил двух казаков, а третьево жива взял. Поместейцо, государь, у меня на Псковском рубеже, и пашня мне на себя в том поместье нелзя от воровских людей, а под городом, государь, у меня усадища нет. Милость, государь, покажи, пожалуй меня за мои службишко за нонешнее и за прежнее, пот Порховым дву монастырков землею, Спасково и Пречистенсково тремя обжи»²⁷⁷. Еще раньше известный в будущем «байор» Исая Федорович Аминев получил отдельную грамоту на часть вотчины церкви Воскресенья Христова «из Домантовы стены» в Гдовском уезде²⁷⁸. В обоих случаях ни пор-

²⁷⁷ Дело по челобитной о поместье кн. Михаила Ивановича Мещерского. 1616, июль // RA, NOA. Serie 2: 100.

²⁷⁸ Книги записи поместных пошлин с трех пятин — Деревской, Водской и Шелонской. 1613/14 // RA, NOA. Serie 1: 44. С. 32; Роспись поместных дач дворянам и детям боярским Шелонской пятины в 1612/13 и 1613/14 гг. 1613/14 // RA, NOA. Serie 2: 139. Л. 10.

ховские, ни псковские монастыри уже не могли считаться фактическими вотчинниками: порховские монастыри полностью опустели, а псковские находились далеко за пределами власти новгородского правительства; однако в обоих случаях речь шла об отчуждении церковного имущества. При этом, несмотря на жесткость военной власти шведов, особенно к 1616 г., данные пожалования шли явно вразрез с обязательствами Делагарди, принятыми им за будущего великого князя из династии Ваза, «не придавая даже значения, будет ли он вновь креститься, лишь бы он сохранил им в неприкосновенности древнюю религию греческого обряда и их привилегии»²⁷⁹.

Судьба сельских приходов в годы Смуты была, разумеется, связана с наличием приходжан и их способностью поддерживать и защищать приходские храмы. Пока дети боярские имели связь с поместьями и хотя бы часть времени проводили в них, такая поддержка храмам постоянно оказывалась. То же касается и больших дворцовых волостей, где священники были защищены сильным сельским обществом. Так, поп Климентовской церкви в дворцовом селе Тесове Богдан Клементьев, начавший службу при этом храме не позднее ноября 1573 г.²⁸⁰, и продолжал служить там по крайней мере до конца августа 1615 г.²⁸¹

С середины XVI в. источники фиксируют совместную заботу соседей-помещиков о своей приходской церкви. В писцовой книге Шелонской пятины 1571 г. в Прибужском погосте значится сельцо Язвее с церковью св. Николая, стоявшей на городище. Она располагалась на земле «царя и великого князя», но находилась «вопче в приходе детей боярских»²⁸². 1 февраля 1582 г. по челобитной группы детей боярских Деревской пятины была получена государева грамота, по которой «неслуживой сын боярской Остафей Вараксин отделил в Деревской пятине в Молвятицком погосте к Егорью Христову муче-

²⁷⁹ Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 233–234.

²⁸⁰ Список с отписной и межевой книги подьячего Ивана Петрова на село Тесово с деревнями... С. 207–232.

²⁸¹ Выдельные книги государева ярового хлеба в дворцовом селе Тесове Никиты Тыркова и подьячего Ивана Прокофьева. 1615. 29.08 // RA, NOA. Serie 1: 109. С. 317–340.

²⁸² Писцовая книга Шелонской пятины письма и меры Семена Федоровича Нагого, Яныша Иванова сына Муравьева и подьячего Кирилла Кистечкова. 1571 // НПК. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 452–453.

нику на Любну земли мертвым на кладбище, а крылошаном под дворы и на пашню и под огороды» из выморочного поместья Ивана Кузьмина сына Печатникова²⁸³. 20 марта он же отделил часть выморочных земель поместий к церкви св. Георгия на самом Молвятицком погосте²⁸⁴, а 15 мая того же года другой неслуживый сын боярский Михаил Ватутин отделил часть поместья Дмитрия Уракова сына Аничкова под церковь Ивана Предтечи в Деманском погосте²⁸⁵. В 1592 г. группа новокрещеных татар Удомельской волости била челом новгородскому митрополиту Варлааму о возобновлении стоящей в их приходе без пения уже более 25 лет церкви св. Дмитрия Солунского²⁸⁶.

Одна челобитная нескольких соседей-помещиков с просьбой о пожаловании части выморочного поместья церковному причту относится к весне 1613 г. (Приложение 2 к настоящей главе). Она обращена к новгородским правителям Якову Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому. В челобитной содержится примечательный упрек прежних помещиков, на земле которых стоял храм, в не прекращавшемся «насильстве», от которого священники «станового», т. е. погостского храма св. Георгия на Налюцком погосте, подолгу не задерживаются на своем месте, в связи с чем благочиние прихода пришло в упадок. В челобитной есть апелляция к «старине»²⁸⁷, когда, по словам челобитчиков, церковь стояла на «вопчей» земле окрестных помещиков.

²⁸³ Отдел неслуживым сыном боярским Остафьем Семеновым Вараксиным кладбищенской земли к церкви св. Егория в Любне в Молвятицком погосте Деревской пятины. 1582. 1.02 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 13 об.

²⁸⁴ Отдел неслуживым сыном боярским Остафьем Семеновым Вараксиным земли к церкви св. Георгия в Молвятицком погосте Деревской пятины из поместий земцев Федки Дурнева с братьями. 1582. 20.03 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 24 об.–25.

²⁸⁵ Отдел неслуживым сыном боярским Михаилом Ватутиным в Деманском погосте Деревской пятины места под церковь Ивана Предтечи из поместья Дмитрия Уракова сына Аничкова. 1582. 15.05 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 31–31 об.

²⁸⁶ Жалованная грамота Варлаама, митрополита Новгородского и Великолуцкого, новокрещенам Бежецкой пятины волости Удомли Григорью Сюстееву с товарищами на разные льготы приходской их церкви Дмитрия Солунского. 1592. 26.06 // СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 160 об.–161.

²⁸⁷ Понятно, что апелляция к «старине» в русской риторической традиции XVI–XVII вв. не имеет четкой хронологической привязки. Замечу, однако, что один из челобитчиков, Рахманин Федоров сын Рупасов, начал свою службу еще в годы опричнины. В списке 20 марта 1573 г. он записан как дворовый сын

После же того, как земля вокруг храма была отдана Андрею Рясницыну и Осипу Ерохову, священники стали при возможности покидать приход. Теперь же, после гибели Осипа Ерохова, часть его поместья может, по мысли челобитчиков, отойти под церковную пашню и дворовые места.

Но картина была бы неполной без описания случаев насилия в отношении священнослужителей в начале XVII в. В сентябре 1614 г. подьячий Дворцового приказа Никифор Коптев и лебедчик Тренька Якольцов подали челобитную, повествующую об убийстве на дороге строителя Леохновой пустыни, находившейся в 20 верстах от Старой Руссы. Оба челобитчика были вкладчиками этого небольшого монастыря. Строитель Андроник накануне Троицы 1614 г. (вч 1614 г. — 19 июня) пошел в Новгород по монастырским делам. По дороге между деревней Липицы и селцом Дворицы на него напала группа местных крестьян, из которых Коптев и Якольцов знали только одного, Иванка Красника из деревни Солопска. Они убили старца Андроника, забрав у него 30 рублей монастырских денег, а также ценные бумаги — «монастырские крепости, записи и кабалы». Старца Андроника заменил черный священник Корнил, который и вызвал челобитную вкладчиков (а не факт убийства старца Андроника, происшедшего за несколько месяцев до подачи челобитной). По их мнению, Корнил самоуправно жнет рожь на монастырской пашне и продает ее в Новгороде и вообще «владеет тем монастырем насилством без твоего государева указу и монастырь пустошит». При этом на нем не было взято поручных записей, следовательно, в любой момент он мог скрыться. Челобитчики просили об описи монастырского имущества и взятии Корнила на поруки. Резолюция дворцового дьяка Пятого Григорьева касалась как убийства, так и предполагаемого расхищения монастыря. Подьячий Иван Алексеев был послан для ареста и убийц, и старца Корнила, а также для переписи имущества Леохнова монастыря²⁸⁸.

боярский, получавший жалованье с городом 11 рублей (*Альшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах Опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // *ИА. Т. 4. М.; Л., 1949. С. 27*).

²⁸⁸ Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Тренька Якольцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника. 1614. 11—15.09 // *РА, NOA. Serie 2: 122. Л. 10—11.*

В насилии обвинялись и священнослужители. В конце декабря 1616 г. (за неделю до Филиппова Заговенья, т. е. около 7 ноября) принадлежавшая Г. С. Оболянинову жена Настасья Иванова, вызванная своим господином в Новгород из его поместной деревни Лысцова на Оредеже, забрела случайно на пустошь Озеречно, принадлежавшую Зверинскому монастырю²⁸⁹. Там по приказу настоятеля монастыря Дионисия она была ограблена монастырскими крестьянами. Дело было поздней осенью, и полураздетая Настасья «от того грабежу и ознобила руки и ноги»²⁹⁰. По челобитной Оболянинова в Тесовский острог к голове кн. Г. Д. Гагарину была отправлена память о взятии старца Дионисия на поруке и о сыске²⁹¹.

Девиантное поведение

Имеющиеся источники позволяют судить о том, какие нарушения общественной морали проявлялись в Новгороде и окружающем его сельском пространстве в начале XVII столетия. Надо сказать, что проявления такой девиантности в документах начала XVII в. в Новгороде чрезвычайно редки. Возможно, это связано с критическими обстоятельствами Смуты, когда почти ежедневные бытовые трагедии заслонили собой традиционные общественные язвы. Источники ничего не говорят о богохульстве (из чего не следует, что Новгород начала XVII в. был исполнен святости). Несмотря на постоянное насилие, присутствовавшее в повседневной жизни новгородцев, очень мало известно об изнасилованиях, хотя, вероятно, они сопутствовали грубым военным нравам того времени. Соглашусь с А. Б. Каменским, пишущим, что «многие из перечисленных выше явлений могут быть охарактеризованы как вполне типичные. Так, вполне типичным явлением практически для любой исторической эпохи и любого региона была проституция, а типичным явлением

²⁸⁹ Пустошь Озеречно на притоке Оредежа Кремянке находилась к северу от д. Лысцово, в направлении, противоположном дороге на Новгород, пролегавшей вниз по Оредежу, далее к д. Горыни и Ивангородской дороге. Почему Настасья Иванова забрела в Озеречно, неясно.

²⁹⁰ Челобитная Г. С. Оболянинова на старцев Зверина монастыря...

²⁹¹ Запись о взятии на поруку старца Зверина монастыря Деонисия. 1617. 11.01 // *РА, NOA. Serie 2: 172. Л. 106.*

современности является наркомания, однако это не означает, что к ним неприменимо понятие девиантного поведения как *культурно осуждаемого отклонения* (курсив Каменского) от социальной или нравственной нормы»²⁹².

Проституция в Новгороде

В июле 1612 г. на Лубянице был раскрыт дом свиданий, располагавшийся в подызбице, где в доме Федора Портного мастера жил Денис Сапожник. Среди клиентов притона были шведские солдаты. Уличане показали, что «...как тот Денис сапожник жил у Федора портного мастера в подызбице, и немцы к нему ездили по вся дни и рано и поздно»²⁹³. Жители Нутной улицы говорили более определенно: «...слух наш и ведом про того Дениску есть, что у него во дворце воровские жонки живут, и во двор к нему для тех жонак воровства незнаемые люди приходят, и в скопе нам уличаном десяти дворов десяцкой Иван Брага про Федора попа сказывал, что де тот поп Федор вышел ис того двора с товарищи своими с незнаемыми людьми...»²⁹⁴ Следовательно, посещал притон и священник Федор. Уже в последние годы шведской власти еще один притон был раскрыт на Рогатице, в доме пана Остафия. 21 октября 1616 г. рассыльщик Иван Трубица обыскивал «о великом воровстве» на его дворе. Согласно его обыску, в этот двор «приходят женки и немецкие люди для бледни»²⁹⁵.

В сельской местности такое неблагоприятное поведение было замечено в начале XVII в. только за дочерью крестьянина дворцового села Тесова Тита Романова Дунькой. Волостные люди показывали, что «немецкой пристав Сифорко с Титковой дочерью з девкою з Дункою ворвал и с нею жил». По наущению Т. Романова и его дочери

²⁹² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 220, сноски.

²⁹³ Обыск о воровстве на Лубянице в Егорьевской трети. 1612. 24.07 // RA, NOA. Serie 2: 177. Л. 1.

²⁹⁴ Обыск о воровстве на Нутной улице. 1612. 26.07 // RA, NOA. Serie 2: 177. Л. 3.

²⁹⁵ Обыск рассыльщика Ивана Трубицы по приказу подьячего Григорья Собакина о великом воровстве на дворе пана Остафия на Рогатице улице. 1616. 21.10 // RA, NOA. Serie 2: 172. Л. 105.

«немчин Сифорко старосту Юрья бил и саблею сек, и нам волостным людем тот Сифорко по их наученью шкоту учинил». Позднее Дунька стала жить с другим немецким приставом, «Христофорком» и также пользовалась влиянием сожителя для сведения счетов с односельчанами. Волостные люди показывали, что «...ссоры у нас в волости та девка Дунка многие учинила, и корм наш волостной тот Титко со своею семьею едят, и от того пристава от Христофора по их наученью нам, волостным людем шкоту учинили». Чувствуя себя защищенным авторитетом шведского военного, Тит Романов настроил против себя волость, в пьяном виде стреляя в волостных людей из пищали, избив и сломав руку пономарю Климентовской церкви Давыду, ранив из пищали нескольких крестьян. Первый сожитель Дуньки, «немчин Сифорко», отнял у одного из крестьян серьги и подарил их своей подруге. Староста же села «для того утеснения от старощенья отказывался, боясь от них убивства»²⁹⁶.

Новгородские источники конца XVI — начала XVII в. дают два примера насильственного принуждения к сожительству. В 1598/99 г. на сына боярского Шелонской пятины Степана Шаблыкина была челом вдова Ириньца, жена Степана Кавтанника, что Шаблыкин держит у себя насильно ее дочь²⁹⁷.

Другой пример я уже приводил выше — это своз невесты Ивана Дылдина новгородцем Уваром Борковым.

Гомосексуализм

Сообщения о приверженности жителей Московии к содомии часто встречаются в описаниях иностранцами Московского государства, начиная с середины XVII в. Традиционно эти сообщения оцениваются в контексте неких стереотипных атрибутов, которые, по мысли европейцев XVI–XVII вв., должны были соответствовать образу схизматиков — дикарей-москвитов, часто именуемых и язычниками. Это связано с общим негативным отношением к московским нравам, сложившимся в западноевропейской (особенно протестантской) литературе с середины XVI в. Одной из причин такого отношения

²⁹⁶ Обыск Н. Я. Тыркова о воровстве Дуньки, дочери Т. Романова. 1614. 27.12 // RA, NOA. Serie 2: 122. Л. 99.

²⁹⁷ Книги переписные судным и разбойным и татиным делам... Л. 309–309 об.

была трагедия шведского посла к Ивану IV Абосского епископа Павла Юстена, задержанного царем и проведенного около полутора лет в Московском государстве фактически на положении арестованного²⁹⁸. Во второй половине XVI в. Московия Ивана Грозного воспринималась как реальная опасность для Европы (в связи, успехами русских в Ливонской войне и глубоком проникновении в «европеизированные» области Прибалтики, особенно в 1577–1580 гг.). Именно к этому периоду относится появление большого числа летучих листов в Германии, повествовавших о «московской» опасности. Как пишет Н. А. Лобанов, «летающие листки» и другие газеты, появившиеся в Германии еще в XVI в., играли огромную роль в складывании стереотипов о России²⁹⁹. В центре противостояния в Ливонии были москвиты, «самые непримиримые и ужасные враги христианства»³⁰⁰.

Для иностранной памфлетной литературы характерны обвинения Грозного в немотивированной жестокости. Так, Николас Бассе описывал разгром Иваном Грозным Новгорода: «Стрельцы принуждали к блуду благородных и честных девиц и насиловали их позорным образом» (в первом издании далее следовала фраза: «И они так бесстыдно насиловали их, что многие женщины из-за этого лишились жизни»). Далее тот же автор перечислял насилия (не сексуальные) над мужчинами, детьми, монахами, животными³⁰¹. Ульфельд в 1575 г. также описывает жестокости Грозного в Новгороде: «В выше названный день (15 сентября. — А. С.) нам встретилось много кораблей, которые тянули против течения лошади; все они были нагружены пленными, среди которых я заметил множество знатных женщин и девиц...»; «16-го сентября глубокой ночью мы прибыли к монастырю св. Николая, довольно красивому и расположенному в красивейшей местности, но находящемся в запустении: царь, охваченный ненавистью к мона-

²⁹⁸ Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII веке... С. 7.; Юстен Павел. Посольство в Московия 1569–1572 гг. / Пер. Л. Э. Николаева. Сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2000.

²⁹⁹ Лобанов Н. А. Немецкая периодика XVI–XVII веков: взгляд на Россию // Славяне и их соседи. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: Мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 124.

³⁰⁰ Там же. С. 131.

³⁰¹ Скрынников Р. Г., Капеллер А. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // ОИ. 1991. № 1. С. 135.

хам, всех их лишил жизни и утопил в воде»³⁰². Тот же автор, описывая нравы московитов, указывает на их нескромность, почти эксгибиционизм: «К нам всякий день приходили гудошники, разыгрывали комедии на свой лад, часто среди представления они обнажали зады и показывали всем срамные места тела, вставали на колени и поднимали зад кверху, отбросив всякий стыд и робость. То же самое иногда делали и женщины»³⁰³. Его удивляет и бесстыдство крестного хода с публичным омовением³⁰⁴. Сообщения иностранцев, побывавших в 1570 г. в Новгороде, в целом похожи друг на друга. Близкое описание опричных расправ встречаем и у других авторов (Гваньини, Юстен, Шлихтинг, Штаден). Однако никто из авторов не упрекает в содомии русское общество. Существуют лишь сообщения о приверженности к содомскому греху самого царя Ивана (его подозревали в связи с Федором Басмановым; это в один голос сообщали натерпевшиеся в Московии католик Альберт Шлихтинг и Генрих Штаден)³⁰⁵.

В одной из работ Г. М. Коваленко содержится довольно убедительная «отповедь» европейцам в их упреках русских в язычестве и низкой бытовой культуре³⁰⁶. Действительно, заманчиво было бы объяснить многочисленные упреки европейцев лишь стереотипами в отношении московитов. Тем интереснее найденный в Riksarkivet документ, свидетельствующий о существовавших в действительности гомосексуальных отношениях в новгородском обществе начала XVII в.

³⁰² Ульфельд Якоб. Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. Отв. ред. Дж. Линд, А. Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 338

³⁰³ Там же. С. 303–304.

³⁰⁴ Там же. С. 305–306.

³⁰⁵ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и прим. А. И. Малеина. Л., 1934. С. 17.; Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступ. ст. И. И. Полосина. [Л.], 1925. С. 96.

³⁰⁶ Г. М. Коваленко, кстати, первым обратил внимание на традиционные для шведов XVII в. упреки московитов в содомии, педофилии и зоофилии (Коваленко Г. М. Швеция и Россия в XVII веке. Из истории политических и культурных связей // Rapportserie utg. Av Forskningarkivet vid Umeå Universitet. Scriptum № 40. 1995. С. 5–6); впрочем, исследователь никак не откомментировал это обстоятельство. Вероятно, оно соотносится с проблемой признания московитов христианами вообще, актуальной для шведской национальной, протестантской идеологии XVII столетия.

Важнейшими хрестоматийными описаниями Московии являются тексты Сигизмунда Герберштейна и Адама Олеария. Считаясь знатком русской жизни, Герберштейн, к примеру, сомневался в существовании у русского простонародья исповеди, высказывая мнение о том, что исповедь — лишь для князей и пр.³⁰⁷ Но именно у Олеария впервые встречается развернутое описание содомии у русских. «Плотским побуждениям своим и любодеянию русские предаются до того, что некоторые из них грязнят себя отвратительным пороком, известным у нас под названием Содомского, и употребляют для этого не только ругос muliebrii pati asvetos, как говорит Курций, но даже мужчин и лошадей. И такие постыдные действия их доставляют материал для разговоров на их пирушках, так как обличенные в таких пороках строго не наказываются...»³⁰⁸ Олеарий подробно распространяется о совместном мытье в банях мужчин и женщин, об удовлетворении похоти в пьяном виде по рассказу великокняжеского переводчика в Великом Новгороде³⁰⁹. Позднее обвинения русских в содомии довольно распространены в иностранных описаниях нравов Московского государства. Однако известны и два других сообщения, относящиеся к эпохе несколько более ранней, чем текст Олеария.

В 1994 г. Г. М. Коваленко опубликовал русский перевод сообщения о политической ситуации в Москве упоминавшегося выше новгородского сына боярского Михаила Клементьева, относящееся к 23 января 1616 г. В нем, в частности, приверженным к содомии называется молодой царь Михаил Романов. Однако это сообщение можно, пожалуй, расценивать как продолжение более ранних обвинений в адрес Ивана IV. Существует документ, появившийся всего за несколько недель до сообщения Клементьева, также содержащий данные о гомосексуализме, но в среде новгородского общества той поры³¹⁰.

Документ (Приложение 2 к настоящей главе) происходит из небольшой коллекции, собранной в фонде Militaria-2 (картон 1287) и составленной из документов т. н. Русской войны (Ryska krig) 1609–1617 гг. Коллекция содержит довольно случайный набор документов,

³⁰⁷ Алмазов. Сообщения западных иностранцев XVI–XVII вв. о совершении таинств в Русской церкви. Казань, 1900. С. 33–34

³⁰⁸ Олеарий Адам. Записки о Московии. 1-е изд. СПб., 1870. С. 178.

³⁰⁹ Там же. С. 179.

³¹⁰ Коваленко Г. М. Сообщение М. Клементьева...

относящихся преимущественно к политической истории. Однако один из них — фрагмент челобитной юноши, чужого в Новгороде, но, по всей вероятности, проживавшего на территории, подчиненной Новгороду. В опубликованном Л. В. Дрень печатном описании коллекции он именуется «Челобитная (автор и адресат неизвестны) о семейном конфликте с жалобой на некоего Федора»³¹¹. В челобитной содержится обвинение некоего Федора в том, что тот четыре года назад склонил челобитчика к гомосексуальным отношениям, пользуясь его малолетством. Теперь же Федор шантажирует челобитчика, угрожая сообщить о происшедшем его отцу и вымогая крупную сумму денег.

Решение по челобитной нам не известно, связать челобитчика и Федора с кем-то из известных лиц Новгорода начала XVII в. нам не удастся. Однако документ, как нам представляется, свидетельствует о том, что гомосексуальные отношения в Новгороде начала XVII в. не являлись чем-то экстраординарным: сам челобитчик жалуется не на сам факт содомии, а на склонение его к ней обманом и на денежную скудость.

³¹¹ Дрень Л. В. Русские документы XVI — начала XVII в. В архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7(17). 1999. С. 379–385.

Приложения

Приложение 1

1613, март—апрель — Челобитная Деревской пятины Богдана Терпигорева, Михаила Иванова сына Лопухина, Рохманина Рупасова и всех помещиков-прихожан церкви св. Георгия Налюцкого погоста о пожаловании из выморочного поместья Осипа Иванова сына Ерохова земли к церкви на кладбище, на церковные дворы и на церковную пашню.

Королевского величества и новгородскаго государства боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьют челом Деревские пятины Богданко Терпигорев да Михалко Лопухин да Рохманинъко Рупасов и все прихожане страстотерпца Христова Георгия Налюцкого погоста. Храм, государи, у нас становой в Налюцком погосте страстотерпец Христов Георгий стоял на помещицкой земли Осипа Ерохова да Ондreja Ресницына, и от тех, государи, помещиков, от их насилства, попы не уживают, и нам те помещики попа не отпускают, и у нас, у холопей государевых, многие православные крестьяне, и наши людишка, и младенцы без отцов духовных помирают, и роженицы без молитвы и богомолье, государе, во многиежда без пеня бывает, а преже, государи, сего, исстари у прежних помещиков у всех земля была повытно около храму, и храм стоял страстотерпец Христов Гегоргий на опчей земли у всех

помещиков Налюцкого погоста, а после государи, прежних помещиков около тово храму земля отдана тем помещиком Осипу да Ондрею. И нонеча, государи, того Осипа убили литовские люди, и то ево поместье порождо, не отдано никому. Смилутесь, государи, великие бояре, пожалуйте ис тово Осипова поместья Ерохова под храм земли, мертвецам на кладище и попу с соборяны под подворья и под огороды и животу на выпуск и крылошанам на пашню, как Вам, государем, Бог известит, чтоб, государи, Божие милосердие и государево богомолье бес пеня не было, и наши б людишка и крестьянишка и младенцы без отца духовного не помирали и роженицы без молитвы не были. Государи бояре, смилуйтесь, пожалуйте!

На обороте, почерком С. Лутохина: Выписати

Дело о выморочном поместье Деревской пятины Осипа Иванова сына Ерохова. 1613, март — май // RA, NOA. Serie 2: 310. Л. 7.

Приложение 2

1616, января 5 — Челобитная о насильственном склонении к содомии с жалобой на некоего Федора (без начала).

Дня по се, государь, во 120 году, было, государь, у того Федора изюм ягоды и яблоки, и тот, государь, Федор ко мне изюм и яблока присылал, а сказывал, что тоби то от меня гостинцы, и яз, государь, в ти поре был глуп и мал и нем, у него изюм и яблоки имал, а яз чал, государь, что он и вправду ко мни изюм и яблока в гостинцах присылал, и учал, государь, тот Федор ко мни приступати, а хотел со мною бездилье сотворити, чтобы я с ним бездилье сотворил, и яз, государь, в ти поре был глуп и мал и нем, и не смил я того отцу сказать, и яз, государь, за неволь с ним блуд сотворил, и как, государь, я стал поболши, а ума, государь, у меня прибыло, и яз, государь, в ти поре ему сказал, что отойди ты от меня, Федор, прочь, и он, государь, тому 2 дня во 124 году мни, государь, грубечи, а отцу моему убыток чинитци, приставити, государь ко мни в Великом

Новегороде в тридцети в восьми рублех напрасно, а мни, государь, стало на чюжем городе, не хотил я с ним тяготца, с ним помирил-ся, а дал, государь, я ему напрасноу три рубли денег, и всего, государь, мни стало се убытка Великом Новгороде в вое недилщиком, и поручиком восмеи рублей, а кадя Васка Томилов сын Беляев по государеву крестному целованью руку приложил.

а — *В ркп два раза.*

RA, Militaria: 1287: 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы архива Новгородской приказной избы представляют нам Новгород и Новгородскую землю как огромную, многообразную территорию, с живыми людьми, ее населявшими, боровшимися за поместья, воевавшими, любившими, доносившими друг на друга. Несколько тысяч человек, чьи судьбы затронуты в данной книге, выглядят не очень похожими, разнообразны и их жизненные пути. Политическое образование, к которому они в то или иное время относились, эпоха, исполненная бурных перемен, наложили огромный отпечаток на их судьбы.

Проблема новгородско-шведского политического альянса должна рассматриваться как проблема взаимоотношения двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия. И Шведское, и Московское государства только что, в XVI в., пережили этап становления, включавший в себя, кстати, и утверждение государственной идеологии. Для Швеции это Реформация, проведенная королем-освободителем Густавом Вазой, для России — цепь религиозных реформ конца XV — начала XVI в., получивших свое оформление в актах Стоглавого собора. Вместе с тем в условиях фактического распада к 1611 г. Московской державы естественно было повернуться к ближайшим соседям, пусть часто и врагам.

В 1611 г. Новгород вступил в переговоры с Делагарди. Соглашение об установлении мира и порядка хотя бы на территории, непосредственно прилегавшей к Новгороду, отвечало устремлениям широких слоев новгородского общества, в первую очередь наиболее социально активной категории населения — дворян и детей боярских. Приход шведов в 1611–начале 1612 г. оценивался новгородцами как установление твердой надежной власти.

По документам 1611–1617 гг. устройство альянса выглядит следующим образом: порядок в нем должны были поддерживать шведские военные гарнизоны, руководимые офицерами, а обеспечение этих войск должны были взять на себя новгородские дворяне. Это

было составной частью договоренностей новгородцев со шведами и жестко соблюдалось. Именно новгородским дворянам, назначенным в «острожки» — небольшие земляные крепости, возведенные в 1611–1612 гг. по всей территории Новгородской земли, приходилось чаще всего общаться со шведами.

Кризис альянса наступил, когда, с одной стороны, шведы почувствовали, что они не могут имеющимися силами удержать Новгород и Северо-Запад России, и увеличили количество войск, которые нужно было кормить новгородцам, а с другой стороны, новгородцы поняли, что ни шведский принц Карл Филипп не собирается принимать православие, ни в Москве не согласны с выбором этого принца на Московское великое княжество, предложенным в 1611 г. Прокопием Ляпуновым и поддержанным тогда же новгородцами. Все это повлекло за собой кризис обеспечения шведских войск и ответное насилие с их стороны. А новгородское дворянство оказалось в состоянии растерянности — оно испортило отношения с Москвой, но в то же время не видело и серьезной поддержки в шведах, которые с 1614 г. стремились лишь к отторжению от Новгорода тех или иных территорий. Переговоры 1615 г., отказ большого числа новгородцев от присяги королю Густаву Адольфу — таким был выход из кризиса. В ответ шведская администрация начала фискальное давление на новгородцев, сопровождавшееся насилием.

Новгородско-шведский альянс был реальной альтернативой тому пути, по которому пошло русское общество в 1613–1619 гг. В новгородском обществе в 1611–1617 гг. наблюдались серьезные изменения, касавшиеся повседневной жизни, причину которых следует искать не только в протекавших внутренних процессах, но и в контактах со шведами. Во-первых, явственно повысилось значение и самоуважение дворян и детей боярских. Они перестали называть себя уменьшительными именами (что официально было отменено в России только в начале XVIII в. при Петре Великом). Гораздо большее число людей в Новгороде (практически все служилое сословие) получило право на уважительное обращение по отчеству (с вичем). Такая практика вошла в русский повседневный обиход окончательно только в начале XIX в. В то же время именно в Новгороде 1611–1617 гг. наблюдается засилье приказной бюрократии, такое, какого не было в России вплоть до XIX в. Бюрократы того времени представляются наиболее обеспеченным сословием. Возможности злоупотребления, откры-

вающиеся перед ними, не сравнимы с теми возможностями, какие были у старших коллег в XVI в.

В заключение вернусь к наиболее распространенным в историографии мнениям о, как это сформулировано в вышедшей в 2006 г. в издательстве «Евразия» книге Василия Ульяновского, «прямызне» и «кривизне» новгородцев 1611–1617 гг. Как представляется, всерьез принимать тезис о «немецком плене» новгородцев и «годах шведской оккупации / интервенции» не приходится. Однако и суждение о готовности большей части новгородцев принять кандидатуру Карла Филиппа небесспорно. Тот эффект, каковой произвели на новгородцев грамоты Трубецкого, массовый отъезд новгородцев летом 1614 г., ранее — сдача Гдова, Порхова, Тихвина, не подтверждает это мнение безоговорочно. Следует представить, что идея национального правительства среди новгородцев на заключительном этапе Смутного времени была достаточно популярна.

Итогом новгородско-шведского альянса стал Столбовский мир 1617 г., по которому Новгород, Порхов, Ладога и Старая Русса возвращались под власть московских царей. Процесс возвращения Новгорода был политически продуман. Москва объявила полную амнистию всем служившим при шведах и воевавшим против москвичей в 1614–1616 гг., а также зачет всех служб и пожалований¹. Объявление социального мира в Новгороде было своевременным мудрым поступком московских правителей².

¹ Исключением может считаться опубликованное в «Актах Археографической экспедиции» дело, известное еще Г. А. Замятину, о попытке новгородцев Григория и Максима Загоскиных и Богдана Дубровского вернуть себе пожалованные им «при немцах» поместья в Старорусском уезде, вызвавшей резкую отповедь московского правительства (Царская грамота старорусскому воеводе Боборыкину по челобитью старорусских посадских людей об отобрании от дворян и детей боярских розданных им дворцовых и черных волостей. 1617. 11.07 // ААЭ. Т. 3. № 91. С. 124–125). В то же время другие поместья, полученные в годы существования новгородско-шведского альянса, а также поместные и денежные оклады после 1617 г., пересмотрены не были. Оклады же подьячих только выросли.

² Опыт таких компромиссов был у людей, пришедших к власти в Москве в 1613 и 1619 гг. Еще С. В. Бахрушин писал о том, что правители эти были преимущественно из бывших тушинцев. Сами ополчения создавались на началах широкого компромисса, в первую очередь политического. Второе ополчение добавило к этому и компромисс социальный.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Backus O. P.
Ehrensvald U.
Saloheimo V.
Soom A.
Strashevich M.
Абрамов Борис Иванов
Абрамов Семен, сын боярский,
позднее — шведский дворянин
Аввакумов Клим, холоп
Ивана Пестрого Хомутова
Авдотья (Дунька), дочь сельского
старосты Тита Романова
Аверкиев Василий Петрович,
участник посольства
С. Л. Татищева
Авлешев Лев (Леонтий),
новокрещен
Аврамов Василий Туханович,
новгородский судья
Аврамов Сапун Тихонов
Агапитов Семен Богданов,
губной староста
Аграфена (Евфросинья)
Никонова Бутурлина
Адауров Богдан Иванович,
голова Бельского острожка
Адауров Иван Григорьев,
новгородский сын боярский
Адауров Иванис Григорьевич,
дворянин московский
Адауров Лазарь Петров
Адауровы, дети боярские
Азбель В.
Ак-Кобяков (Охлобьяков)

Гаврило, новокрещен
Аксенов Пашка, торопецкий
крестьянин
Алабердеев Павел, новокрещен,
позднее на шведской службе
Алабердеев Тарабей, татарин
Алабухин Ждан, подьячий
Аладын Василий, дьяк
Алекин Алексей
Алекин Иван, губной староста
Алекин Олферий Бессонов
Александр III, русский император
Александр, архиепископ
новгородский, позднее
митрополит
Александрова М. И.
Алексеев Андрюшка, посошный
человек Водской пятины
Алексеев Иван, подьячий
Алексеев Ю. Г.
Алеф Г. (Alef G.)
Алисин Андрей
Алмазов
Алой А. А.
Альмквист Х.
Альшиц Д. Н.
Алябьев Дмитрий, дьяк
Амброзиани Пер (Ambrosiani P.)
Аминев Исая Федоров, сын
боярский, позднее —
шведский дворянин
Аминев Федор Григорьев, сын
боярский, стрелецкий сотник,
дьяк в Ивангороде, позднее —

шведский дворянин
Аминевы
Амирев Гость Семенов
Амирев Ждан Семенов
Аммос Иванов, софийский
протопоп
Аналеев Яков, новокрещен
Ананьин Леонтий, дьяк
Андерс Эрик, переводчик
Андреев И. Л.
Андреев Первой, подьячий
Андреев Семен, татарин
Андреев Шестачко, крестьянин
Андреев Злоба, губной староста
Андроник, строитель
Леохнова монастыря
Андроников Афанасий
Андронов Федор, думный
дворянин царя Владислава
Аникеев Иван Тимофеев
Аникеев Розгилдей-мурза
Брюшиевич, темниковский
татарский мурза, участник
посольства С. Л. Татищева.
Аничков Афанасий Иванов
Аничков Василий, сын боярский
Деревской пятины
Аничков Григорий
Полуэктов (Нечаев)
Аничков Дмитрий Тимофеев
Аничков Дмитрий Ураков
Аничков Дружина Семенов,
губной староста
Аничков Замятня Васильевич,
порховский воевода
Аничков И.
Аничков Иван Михайлов
Аничков Михаил Нефедьевич
(Злобин), новгородский судья

Аничков Михаил Петров
Аничков Никита Васильев
Аничков Осип Дружинин
Аничков Петр Осипов
Аничков Семен Дмитриев, сын
боярский Деревской пятины
Аничков Семен Михайлов
Аничков Семен Первого
Аничков Степан, стольник
Аничков Филон Михайлов
Аничкова Домна Павлова
Аничкова Мария Павлова
Аничкова Татьяна, жена
Павла Аничкова
Анкудинов И. Ю.
Анофриев Григорий, своеземец
Шелонской пятины
Антоний, игумен Аркажского
монастыря
Антоний, игумен
Благовещенского монастыря
Антонов А. В.
Анхимюк Ю. В.
Аппельман С. М.,
шведский капитан
Апраксин Федор, дьяк
Апрелев Демьян Перфирьев
(Постников)
Апрелев Иван, губной староста
Апрелевы
Аракчеев В. А.
Арбузов Петр, губной староста
Армфельд, шведский офицер
Армячников Иван, подьячий
Арсений Елассонский, архиеп.
Архангельского собора
Арсений, игумен Вяжицкого
монастыря
Архипов Авдей, казак

сибирского царевича
 Арцыбашев Андрей
 Григорьевич, дьяк
 Арцыбашев Леонтий
 Арцыбашев Матвей Невзоров
 Арцыбашев Семен Матвеев
 Арцыбашев Федор Невзоров
 Арцыбашев Филипп Матвеев,
 сын боярский, позднее дьяк
 Арцыбашева Акси́нья, жена
 Торопа Арцыбашева
 Асмус, шведский пленник
 в Ивангороде
 Афанасьев Василий, крестьянин
 Ручьевского погоста
 Афанасьев Григорий, подьячий
 Аффоний, новгородский
 митрополит
 Ачкасов Афанасий
 Бабаев Василий, новокрещен
 Бабин Алексей, голова
 ивангородской
 таможенной избы
 Бабин Родион Иванов, подьячий
 Бабинский Михаил,
 губной староста
 Бабкин Пополит
 (Ипполит) Романов
 Бабкин Роман Григорьев
 Бабкина Дарья, жена
 Романа Бабкина
 Багридов Семен, новокрещен
 Бадаков Андрей, старорусский
 подьячий
 Базанин Алексей Богданов
 Базанин Афанасий
 Сидоров (Суворов)
 Базанин Григорий Афанасьев
 Базанин Семен Афанасьев

Базаров Неугас
 Базарова Мария, жена
 Неугаса Базарова
 Базин Никита
 Базин Семен Пятого, писчик
 Базин Сергей, сын боярский
 Деревской пятины
 Базлов Иван Васильев
 Баишев Федор Савельевич
 (Богданов), стрелецкий сотник
 Байчуров Никифор, новокрещен
 Баклановский Иван Иванович,
 дворянин московский,
 тихвинский воевода
 Бакнер, шведский капитан
 Балавенский Степан,
 софийский дьяк
 Баландин Кондрат
 Балов А.
 Баловень (Баловнев) Михаил,
 казачий атаман
 Банер Сванте
 Бараков Селивестр, сын
 боярский Деревской пятины
 Бараков Шестой
 Баракова Милава, жена
 Степана Баракова
 Баранов (Овцын) Кирилл Малыш
 Баранов (Овцын) Михаил Ягныш
 Баранов Афанасий Яковлев,
 губной староста
 Баранов Иван Воинов
 Баранов Иван Григорьев,
 новгородский
 стрелецкий голова
 Баранов Иван Захарьев
 Баранов Иван Лыско
 Баранов Иван Степанов
 Баранов К. В.

Баранов Лука Михайлов
 Баранов Петр Афанасьев
 Баранов Родион Яковлев
 Баранов Яков Васильев,
 губной староста
 Баратчеев Давыд
 Барашова Акси́нья Иванова,
 холопка Прасковьи
 Муравьевой
 Бартенев Данило Микулин, дьяк
 Басе Николас
 Басманов Федор
 Баторий Стефан, король
 Речи Посполитой
 Бахрушин С. В.
 Бахтеев Макар Иванов,
 старицкий сын боярский
 Бахтеев Яков Иванов
 Бахтин Михаил, губной староста
 Бахтин Семен Григорьев,
 новокрещен
 Бачин Афанасий Своитинов
 Бачманов Андрей Иванов
 Бачманов Архип Федосеев,
 стрелецкий сотник
 Бачманов Степан Секачов
 Башмак Петр Кондратьев,
 подьячий
 Башмаков Казарин
 Петров, подьячий
 Башмаков Третьяк
 Петров, подьячий
 Бедринский Воин, литовский
 перебежчик
 Бедринский Воронец Леонтьев
 Безнин Михаил Андреевич,
 думный дворянин
 Безобразов Алексей Иванович,
 корельский воевода,
 писец Старой Руссы
 Безус Н. Б.
 Бекетов Василий Гаврилов
 Бекетов Гаврило Савинов
 Белеутов Борис
 Белеутов Василий Иванович,
 ивангородский воевода,
 новгородский судья
 Белеутов Василий Казаринов,
 сын боярский и подьячий
 Белого Андрей, подьячий
 Белого Мина Иванов, подьячий
 Белокуров С. А.
 Белосельские, князья
 Белосельский кн. Василий
 Иванович
 Белосельский, кн. Михаил
 Васильевич
 Бельский, кн. Дмитрий Аксак,
 ивангородский воевода
 Бельский, кн. Семен Федорович
 Беляков А. В.
 Беляковский Тороп, подьячий
 Белянин Милей,
 торговый человек
 Бенцианов М. М.
 Бер Мартин, пастор
 Берглунд А (Berglund А.).
 Березин Богдан, казачий атаман
 Березин Вильян (Яков)
 Федорович
 Березин Федор, губной староста
 Березский Богдан, подьячий
 Берелович А.
 Берк Эрик
 Берх в.
 Бессонко, казачий атаман
 Бестужев Григорий
 Бестужев Дмитрий Мисюрев

Бестужев Иван Мисюрев
 Бестужев Федор Григорьев
 Бестужев Федор Иванов
 Бестужев Федор Мисюрев
 Бехтеев Василий, подьячий
 Бешенцов Григорий Васильев
 Бешенцов Максим
 Дмитриев, подьячий
 Бибииков Г.А.
 Бибииков Иван Никифоров
 Бибииков М. В.
 Бибииков Никифор
 Бирин Василий
 Бирнбаум Х. (Vignbaum H.)
 Бирюев Иван Васильев
 Бирюева Соломонида,
 жена Ивана Бирюева
 Бирюлев Иван, губной староста
 Благой Пахом Кудашев
 Блажонков Афанасий Симонов
 Блажонков Симон Васильев
 Блажонков Томило Иванов
 Блажонкова Ирина Андреева
 Блажонкова Настасья, жена
 Андрея Блажонкова
 Блажонкова Стефанида Андреева
 Блажонкова Улита, сестра
 Андрея Блажонкова
 Блеклый Богдан Жданов
 Блеклый Никифор Андреев,
 стрелецкий сотник
 Блеклый Юрий Андреев
 Боборовский Михаил, подьячий
 Боборовский Пахом, подьячий
 Боборыкин Егуп Михайлов
 Боборыкин Иван Степанов
 Боборыкин Михаил Борисович,
 сын боярский Деревской
 пятины, новгородский воевода
 Боборыкин Никита Михайлов
 Боборыкин Петр Михайлов
 Боборыкин Роман Федоров
 Боборыкин Семен Васильев
 Боборыкин Степан Андреев
 Боборыкин Федор Васильев
 Боборыкин Яков Михайлович
 Бобошин Дорофей Федоров
 Бовыкин Иван Михайлов,
 псковский подьячий
 Бовыкин Никита, сын боярский
 Деревской пятины
 Богоявленский С. К.
 Богучаров Воин,
 московский гонец
 Бодраков Еналей, новокрещен
 Бойе (Бой) Ганс («Анца Бой»)
 Болотников Иван Исаев,
 воевода Лжедмитрия II
 Болотников Иван, подьячий
 Болотов Исаак Кузьмин,
 софийский сын боярский
 Борков Андрей Афанасьев
 Борков Афанасий Дмитриев
 Борков Василий Петров
 Борков Григорий Афанасьев
 Борков Иван (Меньшик) Данилов
 Борков Никита Григорьев
 Борков Увар Григорьев
 Борков Фока Меньшого
 Борков Харлам
 Борков Яков Богданов
 Боровитинов Василий
 Владимиров, софийский
 сын боярский
 Боровитинов Данило
 Владимиров, софийский
 сын боярский
 Бороздин Григорий,

корельский воевода
 Бороздин Колединского
 Степан Иванов, писец
 Борятинский, кн.
 Григорий Петрович
 Борятинский, кн. Федор
 Петрович
 Бочкарев в.А.
 Брага Иван, десятский
 Нутной улицы
 Бражников Афанасий
 Павлов, подьячий
 Бражников Василий
 Павлов, подьячий
 Бракиль Ганс (Иоганн); «Анцы
 Брякилев», переводчик
 Бранденбург Н. Е.
 Бредероде ван, нидерландский
 посланник
 Брим Йоран, шведский
 хлебный сборщик
 Бримс Петер, шведский
 хлебный сборщик
 Бровцын Владимир
 Бровцын Иван Романов
 Бровцын Кузьма Михайлов,
 губной староста
 Бровцын Семен Павлов
 Бровцын Семей,
 стрелецкий сотник
 Бровцын Федор Андреев
 Бровцына Мария, жена
 Андрея Бровцына
 Бровцына Стефанида Андреева
 Брянцев Алексей, сын
 боярский зубчанин
 Брянцев Григорий Васильев
 Брянцев Иван Васильев, сын
 боярский и подьячий
 Брянцев Мокей Васильев,
 рассыльщик, позднее
 сын боярский
 Буганов В. И.
 Будынский Семен, подьячий
 Буйносов Андрей Васильев,
 новгородский дьяк
 Буйносов Богдан Федоров
 Буйносов Василий Богданов
 Буйносов Иван Богданов
 Буйносов Иван Захаров
 Буйносов Иван, казак
 Буйносов Игнат Митрофанов
 Буйносов Макар Федоров
 Буйносов Роман Богданов
 Буйносов Яков Федоров
 Буйносова Мария, жена
 Богдана Буйносова
 Буйносова Фетинья, жена
 Остафия Буйносова
 Буйносов-Ростовский, кн.
 Василий Иванович
 Буйносовы, своеземцы
 Водской пятины
 Бук Арн, шведский офицер
 и переводчик
 Булатов Василий, казачий атаман
 Булгаков Андрей Антонович,
 дворянин Лжедмитрия III
 Булганин Федор, гонец
 Бунаков Андрей
 Бундов Тимофей
 Бунков Андрей Михайлов,
 губной староста
 Буравцев Осташко, служка
 Хутынского монастыря
 Бурцев Афанасий, пусторжевский
 сын боярский
 Бутаков Яков Пятого

Бутенев Афанасий
 Бутенев Василий, сын боярский
 Деревской пятины
 Бутурлин Василий Васильев
 Бутурлин Василий
 Иванович, чашник
 Бутурлин Василий Клепик
 Федорович
 Бутурлин Василий Никонов
 Бутурлин Василий Федоров
 Бутурлин Никон Федоров
 Бутурлин Федор Васильевич,
 дворянин московский,
 участник посольства архим.
 Никандра в Стокгольм
 Бутурлин Федор Григорьев
 Бутурлин Федор Леонтиевич,
 псковский воевода
 Бутурлина Стефанида, жена
 Никона Бутиурлина
 Бутурлины
 Бутырский Фомка,
 посадский человек
 Бухвостов Иван, подьячий
 Бухвостов Обида
 Бухвостов Суббота Захарьев,
 софийский сын боярский
 Быковы, своеземцы
 Бэклунд А. (Baeklund A.)
 Вагнер Лоренц, шведский
 ротмистр
 Вадбольская, кн. Агафья, жена
 кн. Тимофея Вадбольского
 Вадбольская, княжна
 Мария Тимофеева
 Вадбольский, кн. Богдан
 Тимофеев
 Вадбольский, кн. Иван Тимофеев
 Вадбольский, кн. Тимофей
 Александров
 Вайнштейн О. Л.
 Валуев Григорий
 Валуев Матвей Иванович, писец
 Вараксин Мелентий (Леонтий)
 Тарасов, сын боярский
 Деревской пятины
 Вараксин Остафий Семенов
 Вареев Андрей, дьяк
 Варенцов В. М.
 Варлаам, новгородский
 митрополит
 Варсонофий, строитель
 Ивановского монастыря
 в Ладогe
 Васаев Федор, губной староста
 Васильев Алексей, крестьянин
 Хрестецкого погоста
 Васильев Андрей,
 торговый человек
 Васильев Андрейко, крестьянин
 Ручьевского погоста
 Васильев Аникейко, астраханец
 Васильев Елизарко, крестьянин
 Липенского Котлована
 Васильев Ивашка,
 тихвинский стрелец
 Васильев Игнат, подьячий
 Васильев Максим, подьячий
 Васильев Никита, софийский
 протодьякон
 Васильев Семен, подьячий
 Васильев Федор, подьячий
 Васильев Ю. С.
 Ватазин Иван Матвеев
 Ватазина Авдотья, вдова
 Федота Ватазина
 Ватутин Михаил
 Великосельский Иван, подьячий

Вельяминов Леонтий
 Андреевич, воевода
 Вельяминов Мирон
 Андреевич, воевода
 Вельяминов Никита
 Вельяминов Ратман Андреевич,
 новгородский воевода
 Вельяминов Третьяк Григорьевич,
 ивангородский воевода
 Вельяминов Федор Григорьев,
 губной староста
 Вельяминов-Зернов В. В.
 Вельяшев Борис Третьяков,
 губной староста
 Вельяшев Нехороший Ермолин
 Вельяшев Тимофей Ермолин
 Вепрюшкин Истома Логинов,
 своеземец Деревской пятины
 Вердужские, своеземцы
 Веревкин Казарин Григорьев,
 губной староста
 Веревкин Никифор Сотников
 Веревкин Семен Казаринов
 Веревкин Сотник Иванов
 Веревкин Сотник Иванов, сын
 боярский Деревской пятины
 Веревкин Стахей
 Веревкина Акулина, вдова
 Четвертого Веревкина
 Веригин Федор Никифоров
 Верховский Иван,
 шведский офицер
 Веселовский С. Б.
 Вешенские, своеземцы
 Вешенский Кирилл Лукин,
 своеземец Шелонской пятины
 Вешенский Кондратий Кириллов,
 своеземец Шелонской пятины
 Вешенский Лука, своеземец
 Шелонской пятины
 Вешняков Яким, подьячий
 Видекинд Юхан
 Висельцын Тимофей,
 ошашковский сын боярский
 Висковатов Иван
 Михайлович, дьяк
 Висленев Дей Вялищын
 Висленев Иван Брагин,
 губной староста
 Витовтов Алексей, дьяк
 Витовтов Тимофей, дьяк
 Витовтов Федор, подьячий
 Владислав Сигизмундович,
 польский принц, позднее
 король; русский царь
 Власьев Афанасий, думный дьяк
 Власьев Яков, писчик
 Внуков Тимофей, подьячий
 Вовина В. Г.
 Воинов Терентий
 Васильев, подьячий
 Волков-Курицын Богдан Васильев
 Волков-Курицын
 Василий Иванович,
 ивангородский голова
 Волконский, кн. Григорий
 Константинович
 Волконский, кн. Федор Иванович
 Волнин Андрей Семенов
 Воловый Данило
 Володимеров Ждан, подьячий
 Володимеров Иван, подьячий
 Володимеров Ларка,
 тихвинский стрелец
 Володимеров Лев Иванов,
 губной староста
 Воломский Богдан, подьячий
 Волошенин Михаил

Дмитриев, дьяк
 Волынский Осанн Васильев
 Воробьев В. М.
 Воронин Василий Микулич,
 голова Тесовского острожка
 Воронин Гаврило Никифоров,
 губной староста
 Воронин Иван Андреев
 Воронин Пятой Григорьев
 Воронин Тихон
 Воронин Третьяк
 Воронина Елена, жена
 Ивана \ Воронина
 Воронов Савва Михайлов
 Воронов Федор Иванов
 Воронов Федор Облезов
 (Олферьев)
 Воронов Федор Юрьев
 Воронцов Дылда, крестьянин
 дворцовой Тесовской волости
 Воронцов Сергей, псковский
 сын боярский
 Воропанов Федор Семенов
 Воскобойникова Н. П.
 Востинский Никита,
 губной староста
 Вощеницын Севастьян,
 вязьметин, торговый человек
 Вруцкий Филимон,
 торговый человек
 Вындомский Андрей Афанасьев
 Выповский Антон Силин
 Выповский Иван Иванов
 Вышеславцев Богдан Никитин
 Вышеславцев Василий Иванов
 Вышеславцев Залешенин Иванов
 Вышеславцев Иван Никифоров
 Вышеславцев Иван Федоров
 Вышеславцев Никита Васильевич
 Вышеславцев Никифор Федоров
 Вышеславцев Степан Васильев
 Вышеславцев Федор
 Вышеславцев Яков Никитин
 Вышеславцева Аграфена,
 жена Василия Иванова
 Вышеславцева
 Вышеславцева Мария
 Дементьева, жена Степана
 Вышеславцева
 Вышеславцева София Степанова
 Вязьметин (Дьяконов) Ануфрий,
 торговый человек
 Вязьметин Дмитрий,
 торговый человек
 Гаврило, строитель
 Арсеньевой пустыни
 Гаврилов Василий Семенов,
 псковский сын боярский
 Гаврилов Семен Ратманов,
 псковский сын боярский
 Гагарин, кн. Гаврило Иванов
 Гагарин, кн. Семен Никитич,
 воевода, дворянин московский
 Галактионов Иван, подьячий
 Гаютин Василий,
 стрелецкий голова
 Геббер Даниил, шведский офицер
 Гейман В. Г.
 Генкин Л. Б.
 Геннадий, игумен Вяжицкого
 монастыря
 Герберштейн Сигизмунд,
 имперский посланник
 Гиппиус А. А.
 Глотов Исая Лазарев,
 губной староста
 Глотов Моисей Петров
 Глотова Василиса, вдова

Шарапа Глотова
 Гневушев А. М.
 Годунов Борис Федорович, царь
 Годунова Ксения (в иноч.
 Ольга) Борисовна, царевна
 Годунова Мария
 Григорьевна, царица
 Голенищев Александр Матвеев,
 ржевский сын боярский
 Голенищев Афиноген, дьяк
 Голенищев Второй
 Голенищев Степан Семенов,
 ржевский сын боярский
 Голицын Н. В.
 Головачев Гаврило Григорьев
 Головачев Иван Филиппов
 Головачев Михаил Андреев
 Головин Семен Васильевич,
 окольничий, позднее боярин
 Головин Федор, губной староста
 Голошапов Федор Никитин,
 псковский подьячий
 Голубцов В. В.
 Голубцов И. А.
 Гонсевский (Госевский)
 Александр Корвин
 Горбов Михаил Андреев
 Гордиенко Э. А.
 Горемыкин Андрей
 Горихвостов Степан Тимофеевич,
 тихвинский воевода
 Горихвостов Тимофей Товарищев,
 стрелецкий сотник
 Горн Генрих
 Горн Эверт
 Горяинов Семен Прокофьев,
 губной староста
 Готье Ю. В.
 Граворонов Александр, ржевский
 сын боярский, участник
 посольства С. Л. Татищева
 Грамотин Иван Тарасьев
 (Курбатов), думный дьяк
 Грановский Антоний, полковник
 Греков Б. Д.
 Гречин Олисей
 Петрович, художник и
 священнослужитель
 Григорьев Ивашко, староста
 ладожского посада
 Григорьев Пятой, подьячий,
 позже дьяк
 Григорьев Родька-
 Нехорошка, лазутчик
 Григорьев Ульян, дьячок
 Никольского Островского
 монастыря
 Григорьев Федор, подьячий
 Григорьев Федосейко
 Первушка, ямогородец
 Григорьев Яков, шелковник,
 новгородский
 посадский человек
 Грисс (Грасс) Геннинг
 порховский комендант
 Громов Матюшка Юрьев,
 дьячок церкви арханг.
 Михаила в с. Помялово
 Грушецкий Илья Карпов,
 кашинский сын боярский
 Грязной Василий, опричник
 Грязной Хрисанф Иванов,
 подьячий
 Гряля И.
 Губачевский Григорий Федоров
 Губачевский Постник
 Губин Некрас, губной староста
 Гулидов Семен Копосов

Гуляев В. И.
 Гурлянд И. Я,
 Гурьев Григорий Леонтьев
 Гурьев Иван Федоров
 Гурьев Павел Афанасьев
 Гурьев Федор Павлов
 Гурьев Яков Иванов,
 стрелецкий сотник
 Гурьева Аксинья, жена
 Ивана Гурьева
 Густав Адольф, король Швеции
 Давид, пономарь ц. св.
 Климента в с. Тесово
 Давыдов Алексей Горчаков,
 ямгородский голова
 Давыдов Захар Иванов,
 губной староста
 Давыдов Максим Алексеев
 Давыдов Михаил Алексеев
 Давыдов Фирс Алексеев
 Данилов Аксиентий, подьячий
 Данилова И. В.
 Дашков Яков Авксентьевич,
 дворянин московский
 Дашкова София, жена
 Якова Дашкова
 Дворецкие, своеземцы
 Дворецкий Алексей Дмитриев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Андрей Григорьев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Андрей Никитин,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Афанасий Яковлев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Василий, своеземец
 Шелонской пятины
 Дворецкий Григорий Абрамов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Домашний Шарапов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Ездок Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Елизар Семенов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Звяга Степанов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Иван Семенов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Козьма Семенов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Ларион Семенов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Нечай Александров,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Никита Домашнего,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Селянин Григорьев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Семен Александров,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Семен Домашнего,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Сидор, своеземец
 Шелонской пятины
 Дворецкий Степан Домашнего,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Тимофей Домашнего,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Тимофей Семенов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Федор Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Харлантей Степанов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Шарап Степанов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Шатун Степанов,

своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Шестак Степанов,
 своеземец Шелонской пятины
 Дворецкий Яков Никифоров,
 своеземец Шелонской пятины
 Девлет-Гирей, крымский хан
 Девлетев Иван, новокрещен
 Дегтярев А. Я.
 Дедышев Степан,
 посадский человек
 Делавилль Жак
 Делавилль Пьер
 Деллагарди Понтус,
 шведский генерал
 Деллагарди Яков
 Делакумбе Юхан
 Дементьев Иван Сидоров
 Дементьева Анна, жена
 Ивана Дементьева
 Демидов Истома, гость
 Демидова Н. Ф.
 Деревецкий Денис
 Матвеев, подьячий
 Державина О. А.
 Дионисий, игумен Ивановского
 монастыря в Ладого
 Дионисий, игумен
 Отенского монастыря
 Дионисий, старец Троице-
 Сергиева Зверинского
 монастыря
 Дирин Афанасий Васильев
 Дирин Богдан Давыдов
 Дирин Захарий
 Дирин Никита Поспелов
 Дирин Пятый Сидоров
 Дирин Сергей Сидоров
 Дирин, Леонтий Горяинов, сын
 боярский Деревской пятины
 Дирина Авдотья, жена
 Матвея Дирина
 Дирина Ирина Матвеева
 Дирина Марина Матвеева
 Дмитриев Постник, дьяк
 Дмитриев Семен, площадной
 подьячий, успенский дьячок
 Дмитриев Сергей, подьячий
 Дмитриева З. В.
 Дмитриевский А. А.
 Дмитриевский С.
 Дмитрий Агафонов, поп
 Суглицкой волости
 Долгово-Сабуров Василий Иванов
 Долгово-Сабуров Захарий Иванов
 Долгово-Сабуров Иван Мамлеев
 Долгово-Сабуров Мамлей Иванов
 Долгорукий, кн. Владимир
 Тимофеевич, окольный
 Долгорукий, кн. Григорий
 Данилов, стольник, писец
 Должинский Федор, своеземец
 Шелонской пятины
 Долматов-Карпов Богдан,
 дворянин московский
 Досадин Дмитрий
 Досадин, Федор, голова
 Винского острога
 Дрень Л. В.
 Дубовик в.
 Дубовский Яков Федоров,
 кашинский сын боярский
 Дубровин Г. Е.
 Дубровицкий Афанасий Парфеев,
 своеземец Шелонской пятины
 Дубровицкий Иван Перхин,
 своеземец Шелонской пятины
 Дубровицкий Первой Шестаков,
 своеземец Шелонской пятины

Дубровицкий Терех Ульянов, своеземец Шелонской пятины	Дюкин Игнатий Михайлов, губной староста
Дубровский Алексей Богданов	Евгений (Болховитинов), митр.
Дубровский Алексей Юрьев	Евгостеев Денис, новокрещен
Дубровский Афанасий Юрьев	Евреев Денис Григорьев, губной староста
Дубровский Бестуж Афанасьев	Евреев Моисей Денисьев
Дубровский Богдан Минин (Надеждин)	Евтихеев Самуил, софийский певчий дяк
Дубровский Василий Афанасьев	Егнутьев Дмитрий
Дубровский Вешняк Юрьев	Егнутьев Лука Михайлов
Дубровский Гневаш Афанасьев	Ежевский Афанасий Никифоров, губной староста
Дубровский Иван Минин (Нежданов)	Елагин Богдан Захарьев
Дубровский Илья, дяк	Елагин Богдан Степанов
Дубровский Казарин Юрьев, новгородский дворцовый дяк	Елагин Крюк Иванович, гдовский воевода
Дубровский Михаил	Елагин Михайло Васильев
Дубровский Неждан (Мина) Александров	Елагин Никита Федоров
Дубровский Первой Богданов	Елагин Парфений Иванов (Салтанаков), гдовский воевода
Дубровский Сапун Юрьев	Елагин Степан Парфеньев
Дубровский Тимофей Богданов	Елагин Федор, губной староста
Дубровский Тихон Минич (Нежданов)	Елагины, дети боярские
Дубровский Хотен Федоров	Елецкие, князья
Дубровский Юрий Семенов	Елецкий, кн. Алексей
Дунилов Семен, сын боярский ярославец	Елецкий, кн. Данило Степанов
Дурнев Федька, своеземец Деревской пятины	Елецкий-Клыков, кн. Степан Иванов
Дуров Фока, романовский сын боярский	Елизаров Андрей Иванов
Дылдин Иван, холоп	Елизаров Емельян, подьячий
Дылдина Акулина, жена холопа Ивана Дылдина	Елисеев Дмитрий, подьячий
Дымские, своеземцы Водской пятины	Елчанинов Афанасий Данилов, ржевский сын боярский
Дымский Артемий Иванов	Емельянов Афанасий, подьячий
Дымский Григорий	Емельянов Семен (Семейка), дяк
	Емельянова Ефросинья, холопка Ушака Хвостова

Емецкий Иван, подьячий	старорусских погостов
Енин Г.П.	Жировой-Засекин, кн.
Епанчин Яков, московский гонец	Александр, тушинский боярин, псковский воевода
Епишков Девятый	Житков (Житковский)
Епишков Иван	Лаврентий Степанов
Еремеев Афанасий Андреевич, новгородский судья	Житковские (Житковы), своеземцы Шелонской пятины
Еремеев Богдан Васильев	Житковский Иван Гридин
Еремеев Борис, человек Василия Косицкого	Житковский Максим Степанов
Еремеев Лучанин	Житковский Тимофей Иванов
Еркутаев Яков, новокрещен	Житковский Третьяк Наумов
Ерохов Алексей Григорьев, сын боярский Деревской пятины	Жмакин Василей, подьячий. Жолкевский Станислав, гетман коронный
Ерохов Осип Иванов	Жуков Никита Тимофеев
Ерохов Семен Григорьев	Забелин Богдан Федоров
Ерусалимский К.	Забелин Иван Степанов, губной староста
Есипов Василий Григорьев	Забелин Крик Богданов
Есипов Второй (Василий) Гаврилов, губной староста	Забелин Степан Богданов
Есипов Петр (Петеля) Иванов, губной староста	Заболоцкий Филимон, копорский земец
Ескин Василий, холоп Ивана Долгого Хвостова	Завалишин Василий Воинов, сын боярский Деревской пятины
Есюков Афанасий Никитин, стрелецкий сотник	Завалишин Воин
Жеглов Григорий Прокофьев, софийский сын боярский	Завалишин Моисей Бурмин (Бурмасов)
Жеглов Иван Прокофьев, софийский приказной	Завалишин Степан Воинов, губной староста
Жеглова Лукерья Григорьева	Загоскин Григорий Павлов
Жеглова Фетинья, жена Григория Жеглова	Загоскин Иван Андреев
Желнинский Богдан Григорьев	Загоскин Константин, губной староста
Желтухин Ахмат Дмитриев	Загоскин Максим
Желтухин Богдан, губной староста	Загоскин Тихомир Яковлев
Жеребец Никита, казачий атаман	Загрязский Андрей Иванов
Жеребцов Темка	Заденский Василий Онаньин, подьячий
Жилинский Иван, староста	

Заденский Иван Онаньин,
подьячий
Заденский Постник Онаньин
Зайцев Яким Иванов
Заливнев Иван, подьячий
Замыцкий Данило, дворянин
московский
Замятин Г.А.
Заруцкий Иван Мартинович
Заруцкий Семен, казачий атаман
Застолпский Иосиф,
литовский пан
Захаров В. В. (Zakharov V.V.)
Захарьев Левка, посошный
человек Водской пятины
Звенигородский, кн. Василий
Андреевич, писец
Звенигородский, кн.
Семен Григорьевич,
тушинский дворецкий
Звенигородский, кн. Юрий
Андреев, стольник
Зверев Дружина Федоров
Зверев С. В.
Зворыкин Иван, казачий атаман
Зеленин Дмитрий Иванов
Зеленой Герасим Тимофеев
Зенченко М. Ю.
Зерцалов А. Н.
Зимин А. А.
Зиновьев Василий
Леонтьев, митрополичий
приказной, новгородский
городовой приказчик
Зиновьев Василий Матвеев
Зиновьев Иван, посошный
человек Водской пятины
Зиновьев Иван, сын боярский
Деревской пятины

Зиновьев Матвей Степанов
Зиновьев Никита Матвеев
Зиновьев Остафий Васильев
Зиновьев Сильвестр Леонтиев,
губной староста
Зиновьев Яков Васильев
Змеев Василий Иванов
Змеев Иван Федоров
Змеев Иван, губной староста
Змеев Самсон, стрелецкий сотник
Змеев Фаддей Федоров
Змеев Федор Иванов,
недельщик, новгородский
городовой приказчик
Золин Иван Алексеев
Зоргенфрей В. А.
Зуев М. И.
Зюзин Алексей Иванович,
дворянин московский
Зюзин Иван, каргопольский
приказной человек
Иван III, великий князь
Иван IV Васильевич, царь
Иван, священник ц.
Михаила Архангела
Иван, священник ц. ссв.
Климента в Ладог
Иванов Андрей, выборгский
секретарь
Иванов Бажен, французский
переводчик
Иванов Богдан, подьячий
Иванов Данилко, крестьянин
Ручьевского погоста
Иванов Демид, гдовский
земский дьячок
Иванов Ждан, подьячий
Иванов Клементейко, крестьянин
Ручьевского погоста

Иванов Кузьма, священник
Успенской церкви в Тесове
Иванов Максимко, церковный
бобыль Хрестецкого погоста
Иванов Михалко, бобыль
сестер Настасьи и
Фетиньи Палицыных
Иванов Одинец, подьячий
Иванов П.
Иванов Прошка, весчий
целовальник
Иванов Семен, безместный
дьякон
Иванов Семен, торговый человек,
дозорщик Старорусского уезда
Иванов Христофор, новокрещен
Иванова Еска, жена переводчика
Бажена Иванова
Иванова Настасья, холопка
Григория Обольянинова
Ивашко, ельчанин
Ивина Л. И.
Ивков Сила Вешняков
Ивковы
Игнатъев Дмитрий, подьячий
Игнатъев Ларионко,
посадский человек
Игнатъев Невер Севастьянов,
подьячий
Игнатъев Фомка,
посадский человек
Иголкин Иван Юрьев, гость
Иголкин Степан Юрьев, гость
Иголкин Юрий, гость
Иголкина Устинья, жена
Степана Иголкина
Игумнов Семен,
торговый человек
Иевлев Корнил, дьяк

Иездинов Ларион Федоров, сын
боярский Деревской пятины
Иездинов Наум, сын боярский
Деревской пятины
Иездинов Прокофий, сын
боярский Деревской пятины
Иездинов Семен Григорьев, сын
боярский Деревской пятины
Изикеев Афанасий
Измайлов Анисим, сын боярский
Деревской пятины
Измайлов Иван Алексеев
Иконников в.С.
Иов, патриарх Московский
Иоганн, датский принц
Иона, игумен Ивановского
монастыря в Ладог
Иосиф, игумен Тихвинского
Большого монастыря
Иосиф, старец Деревяницкого
монастыря
Исайя, иеромонах Троицкого
Верхутина монастыря
Исаков Ермолка, крестьянин
Бронницкого погоста
Исидор, митрополит
новгородский
Истома, дьякон, иконник
Исупов Иван, новокрещен
Исупов Кузьма Иванов,
новокрещен
Исупова Лукерья, жена
Ивана Исупова
Кадик в.А.
Кадыев Иван Васильев
Кадыев Терентий
Казанцев Михаил, ладожский
посадский человек
Казаринов Овдоким,

дворовый приказчик
 Кайдашев Томило, казачий есаул
 Калинин Тимофей,
 торговый человек
 Калитин Богдан Андреев
 Калитин Никита Иванов
 Калитин Семен Иванов
 Калитин Федор Васильев,
 губной староста
 Калитины
 Каменский А. Б.
 Канарский Христофор,
 литовский пан
 Кангильдеев Василий
 Кангильдеева Хавронья, жена
 Василия Кангильдеева
 Каппелер А.
 Карамзин Н. М.
 Карамышев Алабердей,
 псковский татарин
 Карамышев Миней,
 казачий голова
 Караулов Яков
 Карл IX, король Швеции
 Карл XII, король Швеции
 Карл Филипп, шведский принц
 Карпов Иван, подьячий
 Карпов Иванко, холоп детей
 Феоктиста Муравьева
 Карпов Первой, подьячий
 Карповский Максим Петров
 Картмазов Иван Семенов
 Картмазов Третьяк Григорьев
 Карцов Гаврило
 Карцов Иван Постников
 Катырев-Ростовский, кн.
 Михаил Петрович,
 новгородский воевода
 Кафтанникова Ирина, жена

Степана Кафтанника, жена
 посадского человека
 Качалов Максим, софийский
 сын боярский
 Качалов Осталец Пименов
 Качалов Тимофей
 Качалова Авдотья, жена Елизария
 Неклюдова Качалова
 Кашинцев Михаил,
 стрелецкий сотник
 Кашкаров Иван Азарьевич,
 голова астраханских стрельцов
 Кашкаров Семен Иванов
 Каштанов С. М.
 Квасник Сенька, посадский
 человек с Федоровы улицы
 Квашнин Ждан Иванов Поярков
 Квашнин Иван Иванов Поярков
 Квашнин Севастьян Григорьев
 Кернозицкий, тушинский
 полковник
 Кивельсон в.А. (Kivelson V.A.)
 Кильбургер И. Ф.
 Кипреянов Иванко,
 площадной дьячок
 Киприан (Старорусенков),
 архим. Хутынского
 монастыря, позднее архиеп.
 Тобольский, митр. Крутицкий,
 митр. Новгородский
 Киприанов Иван,
 площадной подьячий
 Кирпичников А. Н.
 Кистерев С. Н.
 Кистечков Кирилл, подьячий
 Китаев Дмитрий, писец
 Кишкин Иван Большой
 Зворыкин
 Кишкина (в девичестве)

Бровцына) Мария, жена
 Ивана Большого Кишкина
 Клапиш-Цубер Х. (Klapish-
 Zuber Ch.)
 Клевльян Гурьевич, казанский
 мурза, участник посольства
 С. Л. Татищева
 Клементьев Андрей
 (Богдан) Григорьев
 Клементьев Андрей Клементьев
 Клементьев Афанасий
 (Фуник) Григорьев
 Клементьев Богдан, священник
 ц. Климента в Тесове
 Клементьев Григорий Андреев
 Клементьев Данило Иванов, сын
 боярский Водской пятины
 Клементьев Иван Григорьев
 Клементьев Иван
 Меньшой Григорьев
 Клементьев Михаил Афанасьев
 (Фуников), сын боярский
 Водской пятины; после
 1617 г. на шведской службе
 Клементьев Михаил Григорьев
 Клементьев Никита Михайлов
 Клементьев Павел Федоров
 Клементьев Семен Григорьев
 Клементьев Федор Семенов
 Клементьева Ульяна Федорова
 Кнутов Леонтий Меньшого,
 губной староста
 Князьков С. Е.
 Кобелев Афанасий Григорьев
 Кобелев Иван Дмитриев,
 стрелецкий сотник
 Кобелев Никита Григорьев
 Кобелев Томило, человек Ивана
 Борисова Секирина
 Кобзарева Е. И.
 Кобрин в.Б.
 Коброн Самуил, шведский
 полковник
 Кобылин Борис Семенов
 Кобылин Воин, губной староста
 Кобылин Семен Андреев
 Кобылин Яков
 Кобылина (в девичестве
 Тушина) Анна Андреева,
 жена Якова Кобылина
 Коваленко Г.М. (Kovalenko G.)
 Кожарин Федот, старорусский
 подьячий
 Козлов Василий Евстратъев,
 ямогородский земец
 Козлов Василий Федоров,
 подьячий
 Козлов Пятой,
 ямогородский земец
 Козляинов Андрей
 Козляинов Богдан Усломов,
 губной староста
 Козляков в.Н.
 Кознаков Иван Романов,
 старицкий сын боярский
 Коковцов Гость (Яков)
 Никифоров
 Коковцов Иван Никифоров
 Кокорев Борис Иванович,
 ошашковский воевода
 Колачев Ждан Худяков
 Колачев Михаил, недельщик
 Колединский Григорий,
 ямогородский воевода
 Колесников П. А.
 Колобов Василий Ефимьев
 Колобов Владимир Молчанов
 Колобов Ефим Молчанов

Колобов Иван
 Колобов Игнатий Молчанов
 Колокольцев Кузьма Яковлев
 Колокольцев Яков Макарьев
 Коломенский Василий Минин,
 старорусский рассыльщик
 Коломский Андрей, подьячий
 Колтыря Острат Яковлев,
 гдовский посадский человек
 Колымаев Прокофий,
 софийский сын боярский
 Колычев Алексей Аврамович
 Колычев Ерофей
 Колычев Иван Полуэктов
 Колычев Никифор Олферьев
 Колычев Полуэкт Матвеев
 Колычева-Лошакова
 Анастасия, жена Матвея
 Колычева-Лошакова
 Колычев-Лошаков
 Алексей Данилович,
 ивангородский воевода
 Колычев-Лошаков
 Алексей Никитин,
 ивангородский воевода
 Колычев-Лошаков
 Матвей Третьяков
 Колычевы
 Кононов Иван, подьячий
 Константинов Михаил, подьячий
 Константинов Сергей Михайлов
 Копнин Третьяк (Мина), дьяк
 Копнин Шестак Минич, дьяк
 Копнин Юрий Минич
 Коптев Никифор Васильев,
 подьячий
 Коптев Сидор, подьячий
 Кордт в. (Kordt В.)
 Корелянин Нефедий Богдан
 Афанасьев, посадский человек
 Корецкий В. И.
 Корнилий, черный священник
 Леохновы пустыни
 Коробьин Дмитрий
 Коробьин Семен Гаврилович,
 дворянин московский
 Коротнев Иван Иванов
 Корповская Агафья, вдова
 рассыльщика Федора
 Корповского
 Корповский Петр, старорусский
 рассыльщик
 Корсаков Василий, сын боярский
 Деревской пятины
 Корсаков Елизарий Фомин
 Корсаков Зверь
 Корсаков Илья Филиппов
 Корсаков Исак, сын боярский
 Деревской пятины
 Корсаков Семен Михайлов
 Корсаков Смирной, сын
 боярский Деревской пятины
 Корсакова Агафья, жена
 Второго Корсакова
 Корсаковы
 Косаковский Максим, сын
 боярский Деревской пятины
 Косаковский Микулай, пан
 Косаковский Прокофий Васильев
 Косименков Тимофей,
 литовский полковник
 Косицкая Аксинья, жена
 Максима Богданова
 Косицкого
 Косицкая Анна Яковлева,
 жена Ждана Косицкого
 Косицкая Варвара, жена
 Богдана Косицкого

Косицкая Домна, жена
 Андрея Косицкого
 Косицкая Мария Максимова
 Косицкая Федосья Максимова
 Косицкий Василий
 Секира Романов
 Косицкий Гаврило Владимиров
 Косицкий Ждан Борисович
 Косицкий Иван Кряков
 Косицкий Иван Меньшого,
 недельщик
 Косицкий Матвей,
 губной староста
 Косицкий Михаил Борисович
 Косицкий Никита Степанов
 Косицкий Паук Званов,
 губной староста
 Косицкий Петр Борисович
 Косицкий Федор Борисович
 Костенецкий, литовский пан
 Костомаров Н. И.
 Кострова, кн. Мария
 Косяга Иван Кондратьев,
 крестьянин Богдана Ададунова
 Котельниковы, своеземцы
 Водской пятины
 Кошелева О. Е.
 Крамми Р.
 Красников Иванко, крестьянин
 д. Солопско, убийца
 Краснослепов Иван Данилов
 Краснослепова Елена (Алена),
 жена Ивана Краснослепова
 Краснослепова Ульяна, жена
 Якова Краснослепова
 Красовский, литовский пан
 Крекшин Андрей
 (Андреян) Ратаев
 Крекшин Захарий Ратаев
 Крекшин Иван
 Крекшин Семен Андреев
 Крекшин Федор Ратаев
 Крекшина Авдотья
 Большая Ратаева
 Крекшина Авдотья
 Меньшая Ратаева
 Крекшина Аксинья, жена
 Ратая Крекшина
 Крекшина Акулина Ратаева
 Крекшина Ирина Ратаева
 Кренев Григорий
 Крестьянинов Иван, подьячий
 (см. Пахомов Иван)
 Кречатниковы, своеземцы
 Водской пятины
 Крокольский Иван, ямгородский
 городской приказчик
 Кром М. М.
 Кропоткин кн. Василий Петрович
 Кропоткин кн. Иван Васильевич
 Кропоткин, кн. Василий
 Дмитриевич,
 ивангородский воевода
 Кропоткин, кн. Воин Михайлов
 Кропоткин, кн. Захарий
 Богданович
 Кропоткин, кн. Иван
 Михайлович,
 копорский воевода
 Кропоткин, кн. Курака Васильев
 Кропоткин, кн. Михаил
 Иванович, копорский воевода
 Кропоткин, кн. Петр Иванович,
 ивангородский воевода
 Кропоткин, кн. Семен Никитич
 Кропоткин, кн. Федор
 Богданович
 Кропоткин, кн. Федор Иванович

Кропоткина, кн. Пелагея, вдова
кн. Ивана Кропоткина
Кропотов Дмитрий,
губной староста
Кропотов Иван Матвеев
Кропотов Леонтий Иванов
Кропотов Леонтий, сын
боярский Деревской пятины
Кротов М. Г.
Крус Йеспер, шведский
полковник
Крушельницкая Е. В.
Крюков Иван Иванов
Кувшинов Постник Афанасьев,
сын боярский и подьячий
Кудашев Байбак,
кадомский татарин
Кудашев кн. Первой Богданов
Кудрин Исаак, подьячий
Кудрявцев Михаил
Никитин, подьячий
Кузьмин Емелька, дьячок Князь-
Владимирской церкви
Кузьминская (в девичестве
Секирина) Аксинья
Никифорова, жена Ивана
Третьякова Кузьминского
Кузьминский Иван
Третьяков (Матвеев)
Кузьминский Максим Степанов
Кузьминский Михаил
Третьяков (Матвеев)
Кузьминский Степан
Третьяков (Матвеев)
Куксина Е.
Кулакова И. П.
Куликов Игнатий
Куликова Авдотья Максимова,
жена Максима Куликова

Култашев Дмитрий Иванов
Култашев Степан Иванов
Култашев Федор
Кулушев Иван, кормовой татарин
Кулюбакин Богдан Захарьев
Кулюбакин Прохор Тимофеев
Кулюбакин Тимофей Захарьев
Кунщиков Кирилл Матвеев
Кунщиков Матвей Васильев
Куприянов Иван, площадной
подьячий Софийской стороны
Куракин кн. Андрей Петрович,
боярин, новгородский воевода
Куракин, кн. Иван Семенович,
боярин и воевода
Курбатов О. А.
Курбатов Семен Матвеев,
подьячий
Курицын Давыд Федоров
Курицын Дмитрий Федоров
Курицын Иван, ямской
устройщик
Курицын Федор Андреев
Курлаков Иван
Кутузов Артемий, сын боярский
Деревской пятины
Куц О. В.
Кучин Игнатий Андреевич,
сын боярский, посланный
Годуновым на учебу в Европу
Кучумов Алтаней,
сибирский царевич
Кушелев Константин Борисов
Кушелев Ляпун Федоров,
стрелецкий сотник
Кушелев Матвей Борисов,
губной староста
Кушелев Роман
Кушелева Марфа Михайлова

Лаврин Василий, софийский
сын боярский
Лавров А. С.
Лавров Иван Васильев,
порховский воевода
Лавров Нехороший,
тверской рассыльщик
Лазарев Иван, подьячий
Лазарев Константин
Петров, подьячий
Лазарев Ларион, подьячий
Лазарев Петр, подьячий
Лазарев Тимофей
Лак Мартин, шведский офицер
Лаптев Василий Сумароков
Лаптев Степан Артемьев
Лаптев Степан Тихонов
Лаптева Т. А.
Ларионов Григорий, холоп
Филона Михайлова Аничкова
Ларионов Федор, подьячий
Ларссон Андрес,
наместник Ревеля
Ласунские, своеземцы Водской
пятины, позднее дворяне
Ласунский Андрей Падорин,
новгородский сын боярский
Ласунский Данило Юрьев
Ласунский Емельян
Иванов, подпоручик
Ласунский Иван Большой
Ласунский Савватий,
новгородский сын боярский
Лебедев А.
Лебедев Афанасий, подьячий
Лебединский М. Ю.
Левашов Степан Иванович,
участник посольства
С. Л. Татищева

Левашов Федор, воевода
Рамышевского и
Новоселицкого острогов
Левский Матвей Федоров
Левшин Богдан Васильев
Левшин Василий Никитин
Леонид, новгородский
архиепископ
Леонтьев Матвей,
кабацкий голова
Лёфstrand Элизабет (Lofstrand E.)
Лжедмитрий I
Лжедмитрий II, «Тушинский вор»
Лжедмитрий III, «Псковский вор»
Лжешуйский (Тимофей
Анкидинов)
Лизунов Михайло, старорусский
рассыльщик
Лилеев В.
Линд Дж.Х.
Линев Богдан Игнатьев
Линев Дмитрий Павлов
Линев Дружина Семенов
Линев Иван, ямской устройщик
Линев Никон Васильев
Линев Семен Яковлев
Лисейцев Д. В.
Лисичников Лобан Курбатов
Лисовский Александр, полковник
Литвинова Мария, жена
Василия Литвинова
Лихарев Антон Иванов
Лихарев Максим Васильевич,
каргапольский воевода
Лихарев Петр Федоров
Лихарев Федор Антонов
Лихарев Федор Иванов
Лихачев Н. П.
Лихачев Федор Федоров,

думный дьяк
 Лобанов Н. А.
 Лобанов-Ростовский А. Б.
 Лодыгин Артемий
 Лодыгин Василий Федоров,
 ивангородский голова
 Лодыгин Дмитрий Васильев
 Лодыгин Федор
 Лопухин Афанасий, новгородский
 житничный ключник
 Лопухин Михайло Иванов
 Лопухин Прокофий Михайлов
 Лошаков Василий Юрьев,
 губной староста
 Лугвенец Второй
 Лугвенец Иван
 Лугвенец Иван Дементьев
 Лугвенец Лобан Иванов
 Лугвенец Федор Владимиров
 Лугвенец Федор Иванов
 Лугвенева (в девичестве
 Новокщенова) Аксинья,
 жена Лобана Лугвенева
 Лугвенева Мария, жена
 Ивана Лугвенева
 Лугвенева Настасья Иванова
 Лугвенева Пелагея, жена
 Михаила Лугвенева
 Лугвенева Татьяна Иванова
 Луговской (Льговский) Иван
 Леонтьевич, дьяк
 Луговской Неждан, новгородский
 городской приказчик
 Луговской Томило Иудин
 (Нежданов), новгородский
 подьячий, позже думный дьяк
 Лукин Яков, подьячий
 Лукичев М. П.
 Лукосицкий Ефим
 Лупандин Богдан Гостев
 Лупандин Богдан Поликарпов
 Лупандин Леонтий,
 губной староста
 Лупандин Угрим Иванов
 Лупандина Анна Матвеева,
 мать Угрима Лупандина
 Лупандина Федосья, жена
 Богдана Лупандина
 Лутовинин Третьяк Поздеев,
 губной староста
 Лутовинин Юрий Степанов,
 сын боярский и подьячий
 Лутовинов Афанасий Степанов
 Лутохин Богдан Иванов
 Лутохин Борис Васильев
 Лутохин Борис Шестого
 Лутохин Василий Шестого
 Лутохин Гаврило Иванов
 Лутохин Гневаш (Михаил)
 Дмитриев
 Лутохин Григорий
 Лутохин Дмитрий, софийский
 сын боярский
 Лутохин Иван Васильев
 Лутохин Иван Захарьев,
 митрополичий приказной
 Лутохин Игнатий
 Лутохин Коверя
 Лутохин Максим Шестого
 Лутохин Неупокой
 Лутохин Никифор Тимофеев
 Лутохин Петр Семенов,
 софийский сын боярский,
 позднее дьяк
 Лутохин Савва
 Лутохин Семен Михайлов
 (Гневашев), дьяк
 Лутохин Тимофей Васильев

Лутохин Тимофей Гневашев
 Лутохин Фотей (Фаддей) Борисов
 Лутохин Шестой Дмитриев
 Лутохина Агафья, жена
 Шестого Лутохина
 Лутохина Анна, жена Тимофея
 Васильева Лутохина
 Лутьянова Татьяна, жена бывшего
 Никольского дьячка Петра
 Лыжин Н. П.
 Лыковы, русские дворяне
 Лынский Кузьма
 Лысцов Андрей Константинов,
 подьячий, позже дьяк
 Лыцова (в девич. Кузьминская)
 Анна Иванова, жена
 дьяка Андрея Лыцова
 Львов Матвей Большой Семенов
 Львов Степан Первого
 Любский Афанасий,
 своеземец, ладожский
 городской приказчик
 Люткина Е. Ю.
 Лялин Василий Третьяков,
 ямогородский земец
 Ляпунов Прокопий Петрович,
 рязанский воевода
 Маврин Михаил Иванов
 Маврин Фаддей, губной староста
 Маврин Федор Дмитриев
 Магола А. А.
 Майков В. В.
 Макарий, новгородский
 митрополит
 Максимов Ждан, подьячий
 Максимов Петрушка,
 тихвинский стрелец
 Максудов Никита,
 кормовой татарин
 Максудова Мария, жена
 Никиты Максудова
 Малеванов Ждан Ермолин,
 сын боярский и подьячий
 Малеин А. И.
 Малиновская З. П.
 Малков Ю. Г.
 Малышев Богдан Васильев
 Малышев Семен Васильев
 Мальцев в. П.
 Маметев Ондогул-мурза
 Маметевы, татары
 Маркевич А. И.
 Мартемьянов Василий Григорьев,
 старорусский рассыльщик
 Мартемьянов Калина, староста
 Заброцкой волости
 Полицского погоста
 Мартин Дж. (Martin J.)
 Мартин Р.
 Мартьянов Богдан,
 губной староста
 Мартьянов Дмитрий Ильин
 Мартьянов Докучай
 Степанов, подьячий
 Мартьянов Иван Федоров
 Мартьянов Тихон Дмитриев
 Марфа (Ксения) Ивановна
 Романова, царица
 Мархоцкий Н.
 Масленицкая Екатерина Андреева
 Масленицкая Матрена, мать
 Андрея Масленицкого
 Масленицкая Ульяна, жена
 Андрея Масленицкого
 Масленицкий Друган Михайлов,
 стрелецкий сотник
 Масленицкий Елисей Андреев
 Масленицкий Юрий Михайлов

Масленников Якуш,
посадский человек
Маслов Дмитрий
Афанасьев, подьячий
Маслов Никита Варфоломеевич,
рязанский сын боярский,
участник посольства
С. Л. Татищева
Масса Исаак
Матвеев Дмитрий, дьякон ц.
св. Дмитрия на Торгу
Матюшкин Лукьян, сын
боярский Деревской пятини
Матюшкин Никифор Никитин,
губной староста
Матюшкин Павел, дьяк
Матюшкин Семен Ишуков,
псковский сын боярский
Матюшкин Семен Никифоров
Медведев Ждан, подьячий
Мезецкий кн. Данило
Иванович, окольный
Мезецкий, кн. Борис Иванович,
ямгородский воевода
Мелентеев Логин Дмитриевич,
медынский сын боярский,
участник посольства
С. Л. Татищева.
Мельницкий Десятый Семенович
Мельницкий Иван Семенов
Мельницкий Михей,
губной староста
Мельницкий Степан Кузьмин
Мерик Джон («Иван Ульянов»),
английский посол
Мещерская, кн. Ирина, жена
кн. Василия Михайлова
Мещерского
Мещерские, князья

Мещерский Иван Нехорошев
Мещерский Никита Нехорошев,
губной староста
Мещерский, кн. Богдан
Яковлев (Кудеяров)
Мещерский, кн. Булат Михайлов
Мещерский, кн. Иван
Афанасьевич
Мещерский, кн. Клементий
Тимофеев
Мещерский, кн. Кудеяр
Мещерский, кн. Матвей
Афанасьев
Мещерский, кн. Матвей
Иванович, старорусский
и орешковский воевода
Мещерский, кн. Никифор
Яковлевич (Кудеяров сын)
Мещерский, кн. Петр Васильев
Мещерский, кн. Семен Афанасьев
Мещерский, кн. Федор Васильев
Мещерский, кн. Юрий Федоров
Микитин Денис, сторож
гдовской Дьячей избы
Микулин Григорий,
приказчик села Тесова
Микулин Первой Дорофеев
Микулин Степан Остафьев,
подьячий
Милославская (в девичестве
Неелова) Варвара Темирова,
жена Андрея Милославского
Милославская Агафья Григорьева
Милославская Анна, жена
Григория Милославского
Милославские
Милославский Степан
Рудак Дмитриев
Милославский Андрей

(Андреян) Жданов
Милославский Андрей Михайлов
Милославский Андрей
Михайлович
Милославский Андрей Петров
Милославский Варфоломей
Данилов
Милославский Василий
Варфоломеев
Милославский Владимир
Терентьев
Милославский Вячеслав
Сигизмундович
Милославский Григорий
Михайлов
Милославский Давыд Лукин
Милославский Данило
Козел Терентьев
Милославский Дмитрий Данилов
Милославский Елисей Данилов
Милославский Емельян
Бесчастной Юрьев
Милославский Ждан
(Степан?) Андреев
Милославский Иван Андреев
Милославский Иван Дмитриев,
софийский дьяк
Милославский Илья
Данилович, боярин
Милославский Илья Терентьев
Милославский Леонтий Тимофеев
Милославский Лука Иванович
Милославский Матвей
Варфоломеев
Милославский Михаил Иванович
Милославский Осип Петров
Милославский Петр Жданов
Милославский Сергей
Иванович, стольник

Милославский Степан Лукин
Милославский Терентий
Федорович
Милославский Федор Терентьев
Милославский Юрий Дмитриев
Мильчик М. И.
Милюков Никита Иванов,
губной староста
Миронов Федька, крестьянин
кн. Д. Мышецкого
Мисаил, старец Арсеньевой
пустыни
Митков Дорофей Таиров
Михаил Федорович Романов, царь
Михаил, старорусский подьячий
Михайлов А. В.
Михайлов Андрей, подьячий
Михайлов Богдан, подьячий
Михайлов Иван Богданов,
подьячий
Михайлов Иван, дьячок ц.
Федора Стратилата
Михайлов Климентий,
портной мастер
Михайлов Михалко,
астраханский стрелец
Михайлова И. Б.
Михайлович Алексей,
казацкий полковник
Мнишек Марина, царица
Моисеев Юрий,
священник с. Поречья в
Ярвосольском погосте
Мокеев Игнатий Яковлев
Моклоков Иван, сын боярский
Молчанов Никита
Трофимов, подьячий
Мордвинов И. П.
Мордвинов Мурат Гаврилов,

губной староста
 Мордвинов Семен Муратов
 Морев Самсон Леонтьев
 Моревков Перфирий
 Калинин, псковский
 подьячий
 Мориц Оранский, принц
 Морозов Б. Н.
 Морозова Л. Е.
 Москва Иван Прокопьев,
 сын боярский псковского
 архиепископа
 Москва Иван, крестьянин
 с. Тесово
 Мосорин Алексей,
 старорусский подьячий
 Мошков Дятел, дворцовый дьяк
 Мстиславский, кн. Федор
 Иванович, боярин
 Мунзорин Иван Александров
 (Неклюдов)
 Мунзорин Исаак Неклюдов
 Мунзорин Федор Иванов
 Мунк Ганс, шведский офицер
 Муравьев Акинф Семенов
 Муравьев Герасим Арсеньев
 (Янышев), сын боярский
 Водской пятины,
 старорусский воевода
 Муравьев Григорий Григорьев
 Муравьев Григорий Никитич
 Муравьев Гурий Григорьев
 Муравьев Иван Григорьев
 Муравьев М. В.
 Муравьев Матвей Лаврентьев
 (Шавруков)
 Муравьев Н. Н., новгородский
 губернатор
 Муравьев Петр Герасимов

Муравьев Пимен Никитин
 Муравьев Пимен Федорович,
 голова Тесовского острожка
 Муравьев Семен Федоров
 Муравьев Степан Григорьев
 Муравьев Тихомир Герасимов
 Муравьев Федор
 Максимов (Зверев)
 Муравьев Феоктист Никитин
 Муравьев Шаврук (Лаврентий)
 Никитич, стрелецкий голова,
 корельский воевода
 Муравьев Яныш (Арсений)
 Иванов, писец
 Муравьева Прасковья Шаврукова
 Муралеев Иван, новокрещен
 Муралеев Яков
 Муранов Афанасий, подьячий
 Муратов Василий
 Мусаитов Исинея,
 татарский голова
 Мусин Андрей Михайлов
 Мусин Антон Первого
 Мусин Богдан Андреев (Первого)
 Мусин Василий Иванов,
 губной староста
 Мусин Гаврило, сын боярский
 Деревской пятины
 Мусин Иван Андреев (Первого)
 Мусин Иван Тугаринов, сын
 боярский Деревской пятины
 Мусин Максим Андреев
 (Первого)
 Мусин Михаил Андреев (Первого)
 Мусин Никита Андреев (Первого)
 Мусин Первой Михайлов,
 губной староста
 Мусин Пятой Гаврилович
 (Ратаев), губной староста,

гдовский воевода
 Мусин Ратай, новгородский судья
 Мусин Русин Григорьев
 Мусин Сергей Андреев (Первого)
 Мусин Степан, сын боярский
 Деревской пятины
 Мусин Томило Тугаринов, сын
 боярский Деревской пятины
 Мусин Федор Андреев (Первого)
 Мусины (Мусины-Пушкины)
 Муслимов Обрей,
 стрелецкий сотник
 Мустофин Евстрат, новокрещен
 Мустофин Марк Михайлов
 Мустофин Михаил Григорьев
 Мухин Максим,
 посадский человек
 Мыльник Кирилко Федоров,
 посадский человек
 Мышецкая (в девичестве
 Милославская), кн. Мария
 Михайлова, жена кн. Ефима
 Федоровича Мышецкого
 Мышецкие, князя
 Мышецкий, кн. Андрей Федоров
 Мышецкий, кн. Борис Ефимович
 Мышецкий, кн. Данило
 Ефимович, воевода
 Мышецкий, кн. Данило
 Тимофеевич
 Мышецкий, кн. Ефим Федорович
 Мышецкий, кн. Иван
 Мышецкий, кн. Иван Федорович
 Мышецкий, кн. Матвей
 Мышецкий, кн. Михаил
 Тимофеевич
 Мышецкий, кн. Мурза Федоров
 Мышецкий, кн. Савелий Федоров
 Мышецкий, кн. Семен Федорович

Мышецкий, кн. Федор Семенович
 Мышецкий, кн. Федор Федорович
 Мюллер К.
 Мягкий Иван Петров
 Мягкий Игнатий
 Мягкий Никифор Васильев
 Мякинин Борис Григорьев,
 губной староста
 Мякинин Гаврило
 Мякинин Григорий Сапунов,
 губной староста
 Мякинин Дей Черкасов
 Мякинин Иван Борисов
 Мякинин Иван, новгородский
 городской приказчик
 Мякинин Курап Дмитриев
 Мякинина Аксинья
 Михайлова, племянница
 Григория Загоскина
 Мясник Василий Кузьмин,
 кабацкий голова
 Мясной Илья Александров,
 софийский сын боярский
 Мятлев Н. В.,
 Нагой Семен Федорович, писец
 Назаров Алеша, крестьянин
 Тигодского погоста
 Назаров Артемий Иванов,
 псковский подьячий
 Назаров в.Д.
 Назимов Борис Андреев,
 губной староста
 Назимов Василий Борисов,
 губной староста
 Назимов Григорий Федоров
 Назимов Захарий Матвеев
 Назимов Иван Осипов
 Назимов Осип Вешняков,
 новгородский судья

Назимов Третьяк Суетин
 Назимов Юрий Игнатьев
 Назимова Аксинья
 Назимова Ульяна
 Найнаров Степан Данилович,
 коломенский сын боярский,
 участник посольства
 С. Л. Татищева
 Нальссон Ганс, шведский
 посланник
 Нарбеков Афанасий
 Самуилов, сын боярский,
 позднее казначей
 Нарбеков Богдан Федоров,
 сын боярский, позднее
 думный дворянин
 Нарбеков Григорий Парфеньев
 Нарбеков Иван Дмитриев,
 сын боярский Бежецкой
 пятины, участник
 посольства С. Л. Татищева
 Нарбеков Парфений Максимов
 Нарбеков Самуил Дмитриев
 (Чувашев)
 Нарбеков Степан Андреев
 Нарбеков Юмран Иванов,
 губной староста
 Нарбеков Яким
 Нарбекова Аксинья, жена
 Якима Нарбекова
 Нарбекова Анастасия Иванова,
 мать Парфения Нарбекова
 Нарбекова Прасковья Парфеньева
 Нарбекова Степанида Максимова
 Нарбекова Федора Парфеньева
 Нармацкий Василий Шестого
 Нармацкий Данило Ильин
 Нармацкий Михаил Томилов
 Нармацкий Петр
 Нармацкий Филипп Иванов
 Нарымов кн. Гаврило Иванов
 Нарымов, кн. Федор Алексеев
 Нащокин Андрей Иванов
 Нащокин Богдан Васильев
 Нащокин Василий
 Нащокин Семен Истомино
 Нащокины, дети боярские
 Небаров Докучай
 Небаров Иван Провотархов
 Небаров Моисей
 Небаров Провотарх
 Небаров Федор Провотархов
 Неведреев Борис, псковский
 сын боярский
 Невлев Семен Григорьевич,
 костромской сын боярский,
 участник посольства
 С. Л. Татищева
 Негановский Василий Васильев
 Негановский Григорий Постников
 Негодяев Иван Дмитриев
 Негодяев Томилка, крестьянин
 Коростынского погоста
 Неелов Андрей Иванов,
 губной староста
 Неелов Афанасий Васильев, сын
 боярский Водской пятины
 Неелов Борис Темирев
 Неелов Василий Афанасьев
 Неелов Гаврило Темирев
 Неелов Григорий
 Неелов Данило
 Неелов Иван Изотиков
 Неелов Иван Старков
 Неелов Иван Федоров,
 новгородский городской
 приказчик
 Неелов Изот

Неелов Матвей Темирев
 Неелов Михаил Старков
 Неелов Петр Бакакин
 Неелов Роман Иванов
 Неклюдов Федор Кожа Никитич
 Некрасов Федор
 Нелединский Василий Михайлов
 Нелединский Михаил
 Юрьев, орешковский
 городской приказчик
 Нелединский Никита Федорович
 (Басаргин), орешковский
 городской приказчик
 Нелединский Петр Михайлов
 Нелединский Федор Михайлов
 Нелединский Федор,
 устюженский сын боярский
 Нелединский Юрий Иванов
 Нелидов Федор, галицкий
 сын боярский
 Немировская М. А.
 Немков Иван Пахомов, подьячий,
 ореховский своеземец
 Немков Остафий, казачий атаман
 Непейцын Григорий, сын
 боярский Деревской пятины
 Непейцына Анна, жена
 Григория Непейцына
 Неплюев Василий Федорович
 Неплюев Иван Семенов
 Неплюев Никифор Васильев, сын
 боярский Деревской пятины
 Неплюев Фома, голова
 Лавуйского острога
 Неплюев Яков Андреев
 Нерадов Михайло Гридин, холоп
 Федора Скобельцына
 Несибов Кондрат, новокрещен
 Неустроев Степан, казачий есаул
 Нефедьев Михаил, подьячий
 Нефедьев Михаил, подьячий
 Нефедьев Никита, подьячий
 Нефниев Дмитрий
 Нечаев Ананья, подьячий
 Нечаев Григорий,
 старорусский подьячий
 Нечаев Иван, крестьянин
 Клопского монастыря
 Нечаева М. Ю.
 Никандр, архимандрит
 Юрьева монастыря
 Никита, священник ц. св. Никиты
 Никитин Третьяк, подьячий
 Никитин Ушак, подьячий
 Никифоров Андрей, дячок
 Солецкого погоста
 Никифоров Осип, крестьянин
 Михаила Аничкова
 Никифоров Сенька, крестьянин
 дьяка Пятого Григорьева
 Никифоров Суббота, подьячий
 Никифорова Марфа, вкладчица
 Росткина монастыря
 Никольский А.
 Никон, патриарх Московский
 Никонов Василий, посошный
 человек Водской пятины
 Никулин Иван, казачий атаман
 Новгородец Онаньша Захарков,
 холоп Ушака Хвостова
 Новокшенов Богдан Афанасьев
 Новокшенов Воин Афанасьевич
 Новокшенов Лука Михайлов
 Новокшенов Николай, дяк
 Новокшенова (в девичестве
 Бибикова) Лукерья, жена
 Ивана Новокшенова
 Новокшенова Арина, жена

Воина Новокшенова
 Новосельский А. А.
 Новохатко О. В.
 Ногавицын Василий, подьячий
 Ногин Андрей Тимофеевич,
 новгородский судья
 Ногин Богдан Третьяков
 (Нефедьев, Муратов)
 Ногин Петр Андреев,
 псковский сын боярский
 Ногина Ульяна, жена
 Петра Ногина
 Ногтев, кн. Данило,
 новгородский воевода
 Ногтев-Суздальский, кн. Андрей
 Иванов, полоцкий воевода
 Нордквист Лайла (Nordquist L.)
 Нордландер Ингигерд
 (Nordlander I)
 Носакин Дмитрий Игнатьев
 Носакин Игнатий Иванов
 Носакин Осип Игнатьев
 Носакина Федосья, жена
 Игнатия Носакина
 Носакины (Насакины)
 Носов Иван, участник
 посольства С. Л. Татищева
 Носов Н. Е.
 Нянин Гриша Гаврилов,
 площадной подьячий
 Обернибесов Гаврило Васильев,
 стрелецкий сотник
 Обернибесов Иван
 Иванов Большой
 Обернибесов Непогодий,
 ивангородский голова
 Обернибесов Петр Аггеевич,
 ржевский сын боярский
 Облуцкий Анкудин, своеземец

Водской пятины
 Облуцкий Самсон, своеземец
 Водской пятины
 Оболенский Черный, кн.
 Федор Тимофеевич
 Оболенский, кн. Андрей
 Борисович
 Оболенский, кн. Тимофей
 Иванович
 Оболянинов Андрей Григорьев
 Оболянинов Афанасий
 Иванов, губной староста
 Оболянинов Богдан Григорьев
 Оболянинов Борис Степанов
 Оболянинов Василий Васильев
 Оболянинов Василий Иванов
 Оболянинов Воин Иванов
 Оболянинов Григорий Григорьев,
 стрелецкий сотник
 Оболянинов Григорий Степанов
 Оболянинов Давыд Семенов
 Оболянинов Иван Степанов
 Оболянинов Михаил Иванов
 Оболянинов Никита Андреев,
 губной староста
 Оболянинов Петр Игнатьев
 Оболянинов Петр Степанович,
 голова Тесовского острожка
 Оболянинов Федор Григорьев
 Оболянинов Федор Жданов
 Оболянинов Федор Степанов
 Оболянинова Стефанида,
 жена Василия Васильева
 Оболянинова
 Оботуров Четай Степанов, дьяк
 Образцов Яков, губной староста
 Обреимов Иван, новокрещен
 Обутков Андрей Петров,
 губной староста

Обутков Михаил Андреев,
 губной староста
 Обухов Алексей Васильев
 Обухов Герасим, казачий атаман
 Обухов Иван Никифоров
 Обухов Парфений Вялицын,
 гдовский воевода
 Обухов Прохор Александров
 Обухов Роман Ездоков
 Овдулов Иван, губной староста
 Овцын Андрей
 Овцын Василий Кондратьев
 Овцын Иван Большой Иванов
 Овцын Кондратий Андреев
 Овцыны
 Огалин Максим Клементьев
 Огалин Третьяк
 Огарков Михаил, дьяк
 Огибалов Афанасий, псковский
 стрелецкий голова
 Оглоблин Н. Н.
 Одинцов Алексей Агафонов
 Одинцов Иван,
 стрелецкий сотник
 Одинцов Тимофей Федоров,
 сын боярский и подьячий
 Одинцов Федор Афанасьев
 Одоевская, кн. Агафья
 Игнатьевна, урожд. Татищева
 Одоевский кн. Иван Большой
 Никитич, боярин и воевода
 Одоевский, кн. Василий
 Иванович
 Одоевский, кн. Иван Иванович
 Одоевский, кн. Иван Меньшой
 Никитич, боярин
 Одоевский, кн. Никита Иванович
 Ожогин Иван Остафьев,
 стрелецкий сотник

Ожогин Семен Борисов,
 губной староста
 Ожогин Семен Григорьев
 Оклячев Дмитрий Прокофьев
 Оклячев Степан Анисимов,
 новгородский сын боярский,
 стрелецкий сотник
 Оклячиев Софонтий Васильев
 Оклячиев Степан Анисимов,
 стрелецкий сотник
 Оксентиев Богдан, слуга
 Снетогорского монастыря
 Окулич-Казарин Н. Ф.
 Окунев Прокофий, псковский
 сын боярский
 Оладыин (Аладыин) Василий, дьяк
 Олаффсон Микаэль,
 шведский посланник
 Олеарий Адам
 Олешка, палач
 Олоповский Есип Пуща Васильев
 Олферова Дарья, жена
 Богдана Олферова,
 посадского человека
 Омельянов Иван, слуга
 Снетогорского монастыря
 Омля Третьяк Юрьев, староста
 Холовского погоста
 Онаньин Леонтий,
 новгородский дьяк
 Онаньин Мелех, дворцовый
 крестьянин
 Онуфрий, старец Ситецкого
 монастыря
 Опалев Ларион
 Опалев Яныш
 Ордин-Нащокин Михаил Воинов,
 псковский сын боярский
 Орленко С. П.

Орлов Григорий, сын боярский
 Орлова Е. О.
 Осанов Иван, новокрещен
 Шелонской пятины
 Ослоповский Федор,
 казачий атаман
 Остафий, литовский пан
 Осьминский Т. И.
 Отрепьев Смирной Елизарьев,
 старорусский воевода
 Отяев Иван Яковлев
 Отяев Осан Антонов,
 новгородский
 стрелецкий голова
 Отяев Яков
 Офимьяца, холопка Тимофея
 Гневашева Лутохина
 Офимья, казачка
 Офремов Конон Яковлев
 Офремов Пименко, крестьянин
 Медведского погоста
 Офромиев Иван, крестьянин
 Бронницкого погоста
 Охлабаев Афанасий Михайлов
 Охлабаев Иван
 Ошивкин Нечай Федоров
 Павлицын Гаврило
 Павлов А. П.
 Павлов Матвей Афанасьев
 Павлов Перфирий, священник
 гдовской церкви св.
 Дмитрия Солунского
 Павлов Федька, посошный
 человек Водской пятины
 Павлова Кристина, холопка
 Семена Линева
 Пагачевский Григорий
 Иванович, иноземец
 «старого выезда, участник

посольства С. Л. Татищева.
 Пажинская Акулина, жена
 Петра Пажинского
 Пажинские, своеземцы
 Шелонской пятины
 Пажинский Гаврило Степанов
 Пажинский Григорий
 Константинов
 Пажинский Дмитрий Андреев
 Пажинский Иван Васильев
 Пажинский Максим Федоров
 Пажинский Неклюд Андреев
 Пажинский Никифор Иванов
 Пажинский Никифор Петров
 Пажинский Осталец
 Константинов
 Пажинский Первой Васильев
 Пажинский Савелий Андреев
 Пажинский Степан Петров
 Пажинский Третьяк Мартемьянов
 Пажинский Федор Константинов
 Палицын Авраам, келарь Троице-
 Сергиева монастыря
 Палицын Андрей Федорович
 (Зерзиев сын)
 Палицын Богдан Федоров,
 губной староста
 Палицын Иван, дяк
 Палицын Поликарп
 Палицын Семен Федоров
 Палицын Федор, окольный
 Лжедмитрия III,
 старорусский воевода
 Палицын Шестой
 Палицына Авдотья, жена
 Игнатия Палицына
 Палицына Настасья Игнатьева
 Палицына Фетинья Игнатьева
 Пальм Монс Мортенсон («Монша

Мартынович»), секретарь
 Пальмквист Эрик (Palmquist E.)
 Панях В. М.
 Панилов Максим, казачий атаман
 Панкратьев Первой, подьячий
 Панов Иван Афанасьев,
 губной староста
 Панов Яков, губной староста
 Пантелеев Иван Александров
 Пантелеев Степан Александров
 Панфилов Иван, подьячий
 Папков А. А.
 Парский Богдан
 Парский Максим Андреев
 Парский Степан Семенов,
 губной староста
 Парский Тимофей Степанов
 Парский Федор
 Паршин Иван, казачий атаман
 Патракиев Афанасий, крестьянин
 Бронницкого погоста
 Пахомов Иван, подьячий (см.
 Крестьянинов Иван)
 Пашков Истома
 Пепельников Иван,
 посадский человек
 Пердухин Михаил,
 крестьянин с. Тесово
 Пересветов Мурат Алексеев
 Пересветов-Мурат А. И.
 Пересветовы-Мураты
 Перетрутов Авдотья, жена
 Тимофея Перетрутова
 Перетрутов Гаврило Тимофеев
 Перетрутов Терентий Тимофеев
 Перфильев Логин, подьячий
 Перхуров Александр, сын
 боярский Деревской пятины
 Перхуров Иван Михайлов, сын
 боярский Деревской пятины
 Перхуров Отуч, псковский
 сын боярский
 Перхуров Третьяк, сын боярский
 Деревской пятины
 Перхурова (в девичестве
 Оклячьева, в первом браке
 Досадина) Аграфена,
 жена Ивана Перхурова
 Пестов Иван, казачий атаман
 Пестриков Иван Григорьев
 Пестриков Петр Иванов
 Пестриков Семен Иванов
 Пестриков Тимофей Иванов
 Петренко в.П.
 Петров Фока, подьячий
 Петров Василий, староста
 вотчины Хутынского
 монастыря
 Петров Д. А.
 Петров Иван, подьячий
 Петров К. В.
 Петров Наум, крестьянин
 С. Ф. Муравьева
 Петров Неудачка, крестьянин
 Петров С. Г.
 Петров Сергушко, разбойник
 Петрова Л. И.
 Петрова М. С.
 Петряшев Постник, сын
 боярский Водской пятины
 Петряшев Федор Постников
 Печатников Иван Кузьмин
 Пиотух Н. В.
 Писемский Федор
 Платонов С. Ф.,
 Плешанова И. И.
 Плешков Егуп Степанов
 Плещеев Артемий Ильин

Плещеев Дмитрий Смердов, дворянин московский
 Плещеев Иван Афанасьевич
 Плещеев Иван Дмитриевич, псковский воевода
 Плещеев Иван Федоров
 Плещеев Илья Иванов, губной староста, новгородский судья
 Плещеев Лев Афанасьевич, кравчий царя Владислава
 Плещеев Леонтий Семенович, бежецкий сын боярский, московский дворянин
 Плещеев Матвей Ильин
 Плещеев Никита
 Плещеев Петр Иванович, ивангородский голова
 Плещеев Федор Никитич, ивангородский голова
 Плещеев Федор Смердов, воевода
 Плещеева Елена, жена Ильи Плещеева
 Плещеева Мария Ильина
 Плещеева, Елена Матвеева, жена Ильи Плещеева
 Плещеевы
 Плигузов А. И.
 По М.
 Победимова Г.А.
 Победицкие
 Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович, стольник, позднее боярин
 Поздеев Второй, новгородский дьяк
 Поздяков Гаврило, гдовский житничный целовальник
 Покровский И. М.
 Поливанов Борис, дворянин московский
 Поливанов Константин, опричник
 Поликарпов Ждан, успенский священник
 Полосин И. И.
 Помещиков Богдан Иванов
 Помещиков Матвей, подьячий
 Попов В. А.
 Попов Григорий Ларионов, посадский человек
 Попов Денис Андреев, холоп Константина Кушелева
 Попов Н. А.
 Порецкий Григорий, старорусский рассыльщик
 Порецкий Иван Никитич (Третьяков сын), новгородский городской приказчик
 Порецкий Казарин
 Порецкий Михаил Дмитриев, псковский подьячий
 Портной мастер Федор, посадский человек
 Порховский Афанасий Никитин, губной староста
 Порываев Семен Григорьев
 Порываев Семен, псковский гость
 Посадников Третьяк Степанов, подьячий
 Поскочин Ермолай, казачий атаман
 Поскочин Моисей Иванов
 Поскочин Юрий Иванов, сын боярский, недельщик
 Поспелов Томилка, ямской охотник Котельницкой слободы
 Постник, вдовый поп, иконник

Потапов Худяк, каменщик
 Приворский Петр Микулин
 Пригонский Юрий
 Приимков-Ростовский, кн. Данило Борисович, воевода
 Пристальцов Томило Михайлов, посадский человек
 Прозоровский кн. Семен Васильевич, стольник, позднее боярин
 Прокопьев Юрий, подьячий
 Прокофьев Гриша, весчий целовальник
 Прокофьев Иван, подьячий
 Прокофьев Первой, гость
 Прокофьев Федор, подьячий
 Пронская, кн. Авдотья, жена кн. Петра Пронского
 Пронский, кн. Михаил Петрович
 Пронский, кн. Петр Иванович
 Прончищев Осип, посланник в Швецию 1618 г.
 Протасьев Соловой, дворянин московский
 Псковитин Степан Кириллов, подьячий
 Пуляев Артемий Осипов
 Пуляев Осип Домашнего
 Пуляева (в девич. Чортова) Наталья Антониева, жена Артемия Пуляева
 Пустошкин Иван Михайлов
 Пустошкин Лаврентий Иванов
 Пустошкин Остафий Андреев, софийский сын боярский
 Пустошкин Степан Андреев
 Путилов Андрей Иванов
 Путилов Богдан Михайлов
 Путилов Иван
 Путилов Степан Иванов
 Путятин Постник, губной староста
 Путятин Федор Андреев
 Путятин, кн. Иван Семенович
 Пушкарева Н.
 Пушкин А. С.
 Пушкин Андрей Володимеров
 Пушкин Василий Андреев
 Пушкин Владимир Андреев, губной староста
 Пушкин Воин Андреев
 Пушкин Гаврило Григорьевич, думный дворянин и воевода
 Пушкин Герасим Андреев
 Пушкин Григорий Гаврилов, окольничий, позднее боярин
 Пушкин Злоба Иванов, ивангородский голова
 Пушкин Иван Васильев, губной староста
 Пушкин Иван Иванов
 Пушкин Иван Михайлович Меньшого, корельский воевода
 Пушкин Иван Семенов, ржевский сын боярский
 Пушкин Насон Юрьев
 Пушкин Никита Остафьевич, московский дворянин
 Пушкин Федор, дворянин московский
 Пушкин Юрий Булгаков
 Пушкина Варвара, жена Андрея Пушкина
 Пушкина Ульяна, жена Юрия Пушкина
 Пушкины
 Пушин Афанасий Степанов

Пушин Василий Андреев	Ржевский Несмеян, софийский
Пушин Дей	сын боярский
Пушин Дмитрий Самсонов	Рикман в.Ю.
Пушин Елизарий Самсонов	Рининг Аксель, выборгский
Пушин Ждан	ландсхевдинг
Пушин Иван Якимов	Рихтерев Иван, переводчик
Пыжов Василий, губной староста	Робинсон А. Н.
Пыжов Кондратий Аристов	Ровдицкие, своеземцы
Раков Данило, подьячий	Шелонской пятины
Раков Постник Яковлев, подьячий	Ровдицкий Богдан Нечаев (Степанов)
Раковский Иван, подьячий, писец	Ровдицкий Данило Иванов
Рахманов Никифор Тимофеев, губной староста	Ровдицкий Данило Семенов
Редров Степан Юрьев	Ровдицкий Ждан Максимов
Резанов Андрей (Андреян) Федоров	Ровдицкий Ждан Нечаев (Степанов)
Резанов Овсей Дмитриев	Ровдицкий Иван Докукин
Резанов Савва Григорьев, сын боярский и подьячий	Ровдицкий Иван Семенов
Резанцов Петр Фролов, подьячий	Ровдицкий Истома
Рекинберг (Рекинбергер) Ганс	Ровдицкий Михаил
Рекинберг Екатерина, жена Ганса Рекинберга	Ровдицкий Неклюд Нечаев (Степанов)
Репина Л. П.	Ровдицкий Нехороший Максимов
Репников Н. И.	Ровдицкий Нечай (Степан) Александров
Ретель Ганс фон	Ровдицкий Петр Михайлов
Ржева Данило Кондратьев, лазутчик	Ровдицкий Поздяк Нечаев (Степанов)
Ржевская (в первом браке: Левская) Стефанида, жена Несмеяна Ржевского	Ровдицкий Томило Нечаев (Степанов)
Ржевский Андрей Несмеянов, софийский сын боярский	Ровдицкий Третьяк Нечаев (Степанов)
Ржевский Иван Несмеянов, софийский сын боярский	Рогалев Тимофей, казачий атаман
Ржевский Иван Никитич, тушинский боярин	Рогожин Н. М.
Ржевский Матвей Никитин	Рогожин Н. М.
	Родионов Первушка, крестьянин Еглинского погоста
	Родионов Юрий, переводчик английского посольства

Родичев Ефим Андреев, губной староста	пусторжевский сын боярский Рубцовы
Родичев Яков, губной староста	Руготин Богдан Константинов
Розенкранц Риккерт Исаксон, ладожский наместник	Руммель В. В.
Розладин Иван Большой Данилов	Румянцев Иван Никифоров
Розладин Иван Меньшой Данилов	Рупасов Рахманин Федоров
Розладина Домна, жена Ивана Розладина	Ручкин Немир, подьячий
Розладины (Разладины)	Рчанин Михаил, пристав
Рокотов Григорий Семенов	Рыбаков Д.
Романов Тит, староста с. Тесова	Рыбалко Н. В.
Романов Федор Никитич, воевода, позднее — Филарет, патриарх Московский	Рыбник Пантелей, посадский человек
Романова А. А.	Рындин Михаил
Романовский В. М.	Рюссов Балтазар
Ромодановская Е. К.	Рябинин Ждан, старорусский подьячий
Ромодановский, кн. Григорий Петрович, ивангородский воевода	Рябшопко Ю. Б.
Ростовский, кн. Александр Тимофеевич, орешковский воевода	Рясницын Григорий Андреев, сын боярский Деревской пятины
Ростовский, кн. Василий Иванович	Рясницын Степан Антоньев, губной староста
Ростопчин Влас, сын боярский Деревской пятины	Рясницын Федор Антоньев, губной староста
Ростопчин Дружина Яковлев	Рясницын Федор, стрелецкий сотник
Ростопчин Насон, сын боярский Деревской пятины	Рясницын Четвертый Григорьев, сын боярский Деревской пятины
Ростопчин Павел Яковлев, сын боярский Деревской пятины	Саблер Г.
Ростопчин Тимофей Яковлев, губной староста	Саблин Девятый Тимофеев
Ротиславская Анна, вдова Изота Ротиславского	Сабуров Елизарий Иванович, ладожский воевода
Ротиславский Емельян Дмитриев,	Сабуров Федор Иванов, писец
	Савельев Дружина, недельщик
	Савин Ефим Иванов
	Савин Иван Захарьев, стрелецкий сотник
	Савин Остафий, подьячий
	Савин Петр Иванов

Савин Третьяк, губной староста
 Садиков П. А.
 Садилов Кузьма Путятин,
 губной староста
 Саламыков Иван, губной староста
 Салтыков Борис
 Михайлович, боярин
 Салтыков Иван Михайлович,
 боярин, новгородский воевода
 Салтыков Иван Никитич,
 псковский воевода
 Салтыков Михаил
 Глебович, боярин
 Салтыков Петр Яковлевич,
 воевода
 Салтыкова Ульяна Ивановна,
 жена Михаила Глебовича
 Салтыкова, боярыня
 Самарин Богдан Иванов
 Самарин Василий Иванов
 Самарин Иван Исупов
 Самарин Смирной Васильев
 Самарин Степан Вешняков,
 псковский подьячий
 Самарин Федор Иванов
 Самойлов Илеган,
 шведский офицер
 Самоквасов Д. Я.
 Самсонов Семен, дьяк
 Сапега Лев, канцлер
 Сапега Ян Петр, гетман
 Лжедмитрия II
 («Тушинского вора»)
 Сапожник Денис,
 посадский человек
 Сапожник Ефим
 Кузьмин, старорусский
 посадский человек
 Сапожников С. А.

Сарбышев Антон Иевлев,
 новокрещен
 Сарбышев Иев, новокрещен
 Сарбышев Исаак Иевлев,
 новокрещен
 Сарские
 Сверчин-Кречатников
 Филипп Фомин
 Светиков Михаил, белозерский
 приказной человек
 Свистунов Григорий Иванов,
 лухский сын боярский
 Свобода М. (Swoboda M.)
 Севергин Иван
 Северов (Сиверов) Олфер,
 переводчик
 Седов П. В.
 Секизов Данило, новокрещен
 Секирин Андрей Османов
 Секирин Афанасий Никифоров
 Секирин Борис Османов
 Секирин Иван Андреев
 Секирин Иван Борисов
 Секирин Иван Шея Григорьевич
 Секирин Осман
 Секирин Перфирий Иванов
 Секирин Савва Иванов
 Секирин Федор Никифоров
 Секирина (в девичестве
 Муравьева) Агафья
 Федорова, жена Ивана
 Борисова Секирина
 Секирина Евфимия, жена
 Андрея Секирина
 Секирина Мария Иванова
 Селезнев-Елецкий А. В.
 Селецкий Юрий Богданов,
 рядовитин Березовского рядка
 Селиванов Иван Иванов,

губной староста
 Селиванов Семен,
 губной староста
 Селивачев Никита Андреев
 Семен, дьячек Дмитриевской
 церкви на Славкове улице
 Семенов Добрыня, дьяк
 Семенов Мартьян (Мартын),
 новокрещен
 Семенов Радей, новгородский
 городской конюх
 Семенов Семен, крестьянин
 Хрестецкого погоста
 Семенов Третьяк, служба
 Хутынского монастыря
 Семенов Харитон, подьячий
 Семенова Авдотья,
 жена новокрещена
 Мартьяна Семенова
 Семенский Гаврило, сын
 боярский Деревской пятины
 Семичев Осип Истомино
 Сергеев Томило, подьячий,
 позже дьяк
 Серебров Гриша, порховский
 целовальник
 Серебряник Самуйло Григорьев,
 мирополичий крестьянин
 Серебряник Юрий Дементьев,
 посадский человек
 Серков Иван Осанов
 Сертякина Анна, жена
 Дмитрия Сертякина
 Сигизмунд III, король Швеции
 и Речи Посполитой
 Сидоров Иван, московский
 подьячий
 Сидоров Иванко, крестьянин
 Ивана Борисова Секирина

Силаева Т. В.
 Силин Степашко, бобыль
 Марии Литвиновой
 Симанов Остафий, подьячий
 Симанский Борис Афанасьев
 Симанский Никита Степанов,
 сын боярский псковского
 архиепископа
 Сицкий, кн. Андрей Васильевич,
 устюженский воевода,
 позднее боярин
 Сицкий, кн. Юрий
 Андреевич, боярин
 Скворцов Лев Петров,
 торопецкий сын боярский
 Скобельцын Богдан Иванов
 Скобельцын Василий Казаринов,
 губной староста
 Скобельцын Дмитрий
 Константинов,
 ивангородский голова
 Скобельцын Иван Павлов
 Скобельцын Иван,
 губной староста
 Скобельцын Макарий Девятого
 Скобельцын Мокей
 Скобельцын Некарь Девятого
 Скобельцын Сила,
 губной староста
 Скобельцын Федор Дмитриев
 Скобельцын Федор Иванов
 Скобельцына (в девичестве
 княжна Мешерская)
 Домна Матвеева, жена
 Богдана Скобельцына
 Скопин-Шуйский, кн. Михаил
 Васильевич, боярин,
 новгородский воевода
 Скорняков Иванко, ярославский

посадский человек, участник
 посольства С. Л. Татищева.
 Скрипицын Данило Алексеев
 Скрипицын Филипп
 Алексеев, новгородский
 городской приказчик
 Скрынников Р. Г.
 Скрыплев Григорий Тимофеев,
 губной староста
 Скрыплев Петр Кузьмин
 Скрыплев Федор Цыгорев
 Скрыпов Богдан
 Скрыпов Второй
 Скунщиков Кирилл Матвеев
 Сланг Клаус, шведский
 полковник
 Слепцов Василий Львов,
 губной староста
 Слузовы, своеземцы
 Смирнов Н. В.
 Смирнов П. П.
 Сназин Григорий, губной староста
 Сназин Игнатей Борисов
 Сназин Леонтий Васильев
 Сназин Прохор Аксентьев
 Собакин Григорий
 Дмитриев, подьячий
 Собакин Семен, подьячий
 Собакин Сергей Степанович,
 псковский воевода
 Собакин Улан, подьячий
 Собакин Юрий, подьячий
 Солецкий Никита
 Солецкий Роман Томилов
 Солнцев, кн. Алексей
 Соловецкий Степан, думный дьяк
 Соловцев Яков Павлов,
 московский дворянин
 Соловьев С. В., профессор

Гельсингфорского
 университета
 Солодкин Я. Г.
 Соломонов Назарий
 Григорьевич, участник
 посольства С. Л. Татищева
 Сольский Афанасий Иванов,
 ямогородский земец
 Сомов Борис Иванов,
 губной староста
 Сорокатый В. М.
 Сорокин П. Е.
 Софонов Денис Игнатъевич, дьяк
 Софонов Первой Иванов
 Сочевницын Андрей Матвеев
 Сочевницыны, своеземцы
 Водской пятины
 Спарвенфельд Ю. С.
 Спешнев Чаадай (Чегодай),
 казачий атаман
 Спячий Степан Алексеев,
 митрополичий дьяк
 Станиславский А. Л.
 Станищев-Лазарев Степан
 Григорьевич, гдовский воевода
 Старицкий, кн. Андрей Иванович
 Старого Елизарий
 Григорьевич, писец
 Сташевский Е. Д.
 Стеблев Андрей, старорушанин,
 торговый человек
 Стейнбек Густав, шведский посол
 Степанов Томило, крестьянин
 Парфения Обухова
 Степанов Алексей, подьячий
 Степанов Василий,
 новгородский дьяк
 Степанов Зиновий, холоп
 Ивана Воронина

Степанов Мануил,
 софийский крестьянин
 Степанов Осейка, крестьянин
 дьяка Пятого Григорьева
 Степанов Томило,
 обводной староста
 Передольского погоста
 Сторожев в.Н.
 Страхов А. Б.
 Страхов Иван Савельев
 Страхов Крестьянин,
 губной староста
 Страхов Никифор Крестьянинов
 Страхов Осип Савельев
 Страхов Фирс
 Страхов Яков Крестьянинов
 Страхова О. Б.
 Стрельников С. В.
 Стромилов Воин Григорьев
 Стромилов Иван Григорьев
 Стромилова Арина
 Стрюйс Франц, шведский офицер
 Судаков Гордей
 Судаков Иван Андреев,
 орешковский воевода
 Сукин Иван Андреев
 Суколепов (Сукин) Нелюб, дьяк
 Сулешев Григорий, подьячий
 Сулешов, кн. Юрий Яншеевич,
 боярин и воевода
 Сунбулов Исаак, воевода
 Сундберг Хагар (Sundberg Н.)
 Супонев Кирилл Осипов,
 старорусский воевода
 Супонев Никита Федоров
 Суслов Иван Алексеев
 Суслов Михаил Алексеев
 Сухотин Л. М.
 Сысоев Григорий Игнатъев

Сытин Василий, подьячий
 Сьянов Другиня
 Сьянов Семен Федоров
 (Филиппов)
 Сьянов Тимофей
 Сюстеев Григорий, удомельский
 новокрещен
 Талызин Леонтий, подьячий
 Талызин Роман Злобин,
 губной староста
 Танаев Иван, новокрещен
 Танаев Михаил Иванов,
 новокрещен
 Тараканов Пересвет Никитин,
 приказчик вотчины Троице-
 Сергиева монастыря,
 затем казачий атаман
 Таребердеев Павел, новокрещен
 Таруратин Степан Михайлович,
 смолянин, участник
 посольства С. Л. Татищева
 Татищев Алексей Григорьев
 Татищев Владимир Игнатъевич,
 стряпчий, позднее стольник
 Татищев Григорий Игнатъевич,
 стряпчий, позднее
 дворянин московский
 Татищев Еремей Игнатъевич
 Татищев Иван Алексеев
 Татищев Иван Юрьевич
 Татищев Иван, дмитровский
 сын боярский
 Татищев Ларион Иванов
 Татищев Михаил
 Игнатъевич, окольничий,
 новгородский воевода
 Татищев С. С.
 Татищев Степан Лазаревич
 Татищев Федор Степанов

Татищев Ю. В. псковский сын боярский
Татищев Юрий Игнатъевич, Тимофеев Иван, дьяк
стряпчий, позднее стольник Тимофеев Федька, целовальник
Татищева (в девичестве Тимошенкова З. А.
Вышеславцева) Аграфена Титов Евтропий,
Никифорова, жена думного крестьянин с. Тесова
дворянина Игнатия Титов Иван, крестьянин с. Тесова
Петровича Татищева Титова Авдотья (Дунька),
Тахтамышев Федор, новокрещен дочь староста с. Тесова
Тебеев Афанасий Петров Тита Романова
Теглев Гаврило Скуратов, Тихомиров М. Н.
губной староста Тихон, игумен Духова монастыря
Теглев Иван Большой Гаврилов Тихонков Федорец, парубок
Теглев Степан Васильев Толбугин Иван Андреев
Телепнев Второй Яковлев, сын Толбухин Исая Андреев
боярский и подьячий Толмачев Иван Гаврилов, сын
Телепнев Ефим Григорьевич, дьяк боярский и подьячий
Телепнев Иван Ефимов Толмачев Юрий, подьячий
Телепнев Игнатий Андреев Томасов Павел, переводчик
Телепнев Михаил Ефимов Томило, священник
Телепнева Александра Ефимова Знаменского монастыря
Телепнева Анна Ефимова Томило, человек Ивана
Тенгстрем Лейф Борисова Секирина
Теннисон Арвид, выборгский Томилов Первой, подьячий
наместник Торжнев Богдан,
Терегулов (Терпигулов) стрелецкий сотник
Богдан, новокрещен Торочкова Акилина Зиновьева,
Терентьев Ермолай, жена Ивана Торочкова,
казачий атаман посадского человека
Терешка, человек Афанасия Трескин Воин, писец
Иезекиева Старой Руссы
Терм Ганс, шведский офицер Третьяков Иван Иванов
Терпигорев Афанасий Андреев Третьяков Иван Петров
Терпигорев Богдан Андреев Третьяков Петр Алексеевич,
Тимашев Александр Фомич думный дьяк
Тимашев Андрей Тихонов Третьяков Юрий Петров
Тимашев Венедикт Васильев Третьякова (в девичестве Мусина,
Тимашев Степан Фомич в первом браке Клементьева)
Тимашев Фома Андреев, Варвара Андреева, первым

браком за Федором
Клементьевым, вторым за
дьяком Петром Третьяковым
Третьяков-Головин
Алексей Фомин
Троицкие
Трофимов Безсон, сын боярский
Деревской пятины
Трофимов Замятня, сын
боярский Деревской пятины
Трофимов Юшка, дворцовый
крестьянин
Трофимова Домна, жена
Ивана Трофимова
Троянов Андрей, пан, тушинский
приказной человек во Пскове
Трубецкой, кн. Алексей
Никитин, стольник
Трубецкой, кн. Дмитрий
Тимофеевич, боярин
Трубицын (Трубица)
Иван, рассыльщик из
посадских людей
Трусов Александр, казачий атаман
Трусов Андрей Григорьев,
тихвинский воевода
Трусов Василий Иванович,
новгородский судья
Трусов Вельямин Григорьев
Трусов Григорий,
новгородский дьяк
Трусов Иван Григорьев
Тубал Яков, шведский поручик
Тулубьев Василий,
стрелецкий голова
Тулубьев Григорий Васильев
Тулубьева Прасковья, вдова
Лариона Тулубьева
Тупиков Н. М.
Тупикова Н. А.
Турилов А. А. (Turilov A.)
Туров Василий Федоров
Туров Григорий
Тушин Богдан Петров
Тушин Дементий Петров
Тушин Федор Петров
Тушина Настасья, дочь
Афанасия Еремеева,
жена Богдана Тушина
Тырков Богдан Иванов
Тырков Богдан Яковлев
Тырков Дмитрий Иванов
Тырков Ждан Яковлев
Тырков Иван Яковлев
Тырков Никита Яковлев
Тыртов Борис Тимофеев
Тыртов Второй Федорович,
ивангородский голова,
ямгородский воевода
Тыртов Тимофей Викулич
Тыртова Анна, жена
Мирона Тыртова
Тыртова Лукерья, жена
Василия Тыртова
Тыртова Мария, жена
Тимофея Тыртова
Тыртова София, жена Семена
Миронова Тыртова
Тюменский, кн. Василий
Агишевич
Тюменцев И. О.
Тюменцева Н. Е.
Тютрюмов Ждан Гаврилов
Тютчев Семен, губной староста
Тяполков Микула Григорьев,
староста Водлозерской волости
Тяполков Никифор Якимов
Уваров Агиш Дичков

Уваров Афанасий Алексеев
 Уваров Иван Афанасьев
 Уваров Кирилл Лукьянов
 Уваров Петр Федоров,
 стрелецкий сотник
 Узкий Афанасий Семенов
 Узкий Семен Иванов,
 губной староста
 Укретцкий Тимофей, своеземец
 Шелонской пятины
 Улыбышев Василий,
 устюженский сын боярский
 Ульфельд Якоб
 Ульяновский В. И.
 Унгерн, Вольдемар фон
 Унковский Борис Леонтьев,
 губной староста
 Унковский Степан Парфеньев,
 стрелецкий голова
 Унковский Яков Иванов
 Уноковский Иван Парфеньев
 Уразов Петр Сергеев,
 стрелецкий сотник
 Урусов Иван Семенович,
 новоторжский воевода
 Урусов, кн. Семен Андреевич
 Успенский Л. И.
 Устинов Володька,
 посадский человек
 Ушаков Афанасий
 Ушаков Василий Степанов,
 губной староста
 Ушаков Герасим Немиров
 Ушаков Иван Григорьев
 Ушаков Илья Рудаков
 Ушаков Осип Иванович,
 порховский воевода
 Ушаков Осталец
 Ушаков Рудак Юрьев
 Ушаков Терентий Казаринов
 Ушаков Федор
 Ушаков Яков Зворыкин
 Фаддеев Федосейко,
 ивангородский стрелец
 Фараджева Н. Н.
 Февр Л.
 Федор Иванович, царь
 Федоров Андреян, старорусский
 рассыльщик
 Федоров Антип, подьячий
 Федоров Богдан, староста
 старорусского посада
 Федоров Иван, московский
 подьячий
 Федоров Иван, печатник
 Федоров Кирилл,
 кабацкий голова
 Федоров Константин, подьячий
 Федоров Нечай, дьяк
 Федоров Семен, крестьянин
 Ручьевского погоста
 Федосеев Григорий, подьячий
 Федотов Иван, новгородский
 погребной целовальник
 Федотьев Ларка, ладожский
 крестьянин
 Феодорит, игумен Никольского
 Медведского монастыря
 Феодосий, черный дьякон
 Юрьева монастыря
 Феофилактов Сильвестр,
 священник Князь-
 Владимирской церкви
 Фигаровский В. А.
 Филарет (Федор Никитич
 Романов), патриарх
 Московский
 Филиппов Никита, подьячий

Философов Василий Григорьев
 Филюшкин А. И.
 Флеминг Генрих, нарвский
 наместник
 Флоря Б. Н.
 Фомин Селиван, подьячий
 Форстен Г.В.
 Фролов А. А.
 Хамантовы, своеземцы
 Обонежской пятины
 и подьячие
 Ханыков Алексей Меньшого
 Ханыков Горчак
 Ханыков Павел Яковлев
 Харитонов Дружина, подьячий
 Харламов Алексей Дмитриев
 Харламов Андрей Алексеев
 Харламов Андрей Иванов,
 торговый человек
 Харламов Аникий Алексеев,
 пасынок новокрещена
 Ивана Муралеева
 Харламов Артемий
 Харламов Докучай Власьев
 Харламов Ждан, порховский
 городской приказчик
 Харламов Игнатий
 Харитонов (Жданов)
 Харламов Максим Власьев
 Харламов Федор Семенов
 Харламов Федор, подьячий
 Харламова Анна, жена
 Степана Харламова
 Харлампьев, крестьянин
 Черенчевицкого погоста
 Харька, человек Ивана Шваля
 Хахин Тимофей, корельский
 посадский человек,
 переводчик, позднее
 шведский подданный
 Хватырев Петр Сергеев
 Хворостинин, кн. Иван
 Андреевич, боярин
 Хвостов Афанасий Семенов
 Хвостов Василий Никитин
 Хвостов Василий,
 орешковский воевода
 Хвостов Григорий
 Хвостов Ждан Семенов
 Хвостов Иван Долгий
 Хвостов Кузьма Григорьев
 Хвостов Никита Степанович
 (Третьяков), орешковский
 голова и воевода
 Хвостов Осан, сын боярский
 Деревской пятины
 Хвостов Ушак Елизарьев
 Хвостов Федор Третьяков
 Хелли Р. (Hellie R.)
 Хилков, кн. Федор Андреевич,
 новгородский воевода
 Хитрово Богдан Матвеев,
 окольный
 Хованская, кн. Мария, жена кн.
 Ивана Федоровича Хованского
 Хованский, кн. Иван
 Большой Андреевич,
 новгородский воевода
 Хованский, кн. Иван
 Никитич, боярин
 Хованский, кн. Иван Федорович,
 воевода ивангородский
 и псковский, боярин
 Хованский, кн. Семен
 Ходкевич Кароль, гетман
 Хомутов Венедикт Васильев,
 орешковский воевода
 Хомутов Григорий Петров,

стрелецкий сотник
 Хомутов Иван Пестрый Васильев
 Хомутов Кирилл Русинов
 Хомутов Петр Ермолин
 (Селянинов)
 Хомутов Русин Данилов
 Хомутов Шум Иванов
 Хорошев Богдан
 Хорошев Василий Богданов
 Хорошев Григорий Богданов
 Хорошев Яков Богданов
 Хорошкевич А. Л.
 Христофор Канарский,
 литовский пан
 Христофор, шведский
 пристав в с. Тесово
 Хрулев-Наумов Федор,
 ладожский воевода
 Хутеерис Антонис
 (Goeteeris Antonis)
 Целепи Л. Н.
 Частый Василий Федоров,
 подьячий
 Частый Константин
 Федоров, новгородский
 стрелецкий голова
 Частый Яков
 Чеботаев Василий Семенович,
 псковский сын боярский,
 позднее шведский дворянин
 Чебышев Иван
 Чепчугов Иван Иванович,
 стольник
 Чепчугов Иван Никифоров,
 двинский воевода в 1606 г.
 Чепчугов Никифор Павлов
 Чепчугов Павел Андреев
 Клементьева
 Чепчугов Степан Никифорович,
 белозерский воевода
 Чепчугов Степан Павлов
 Черемисинов Деменша
 Черепнин Л. В.
 Черкасов Андрей Иудич,
 порховский воевода
 Черкасов Андрей Третьяков,
 сын боярский и подьячий
 Черкасов Ратман, устюженский
 сын боярский
 Черкасова М. С.
 Черкасова Татьяна, жена
 Третьяка Черкасова
 Черкасский, кн. Борис
 Корданукович, воевода
 Черкасский, кн. Василий
 Корданукович, воевода
 Чернов С. З.
 Чернякова И. А.
 Чернякова И. А.
 Четверетца Иванко,
 крестьянин с. Тесово
 Чеховский Ермола Федоров,
 дьячок ц. св. Дмитрия на Торгу
 Чечулин Н. Н.
 Чириков Григорий, сын боярский
 Деревской пятины
 Чириков Иван Гаврилович,
 жилец, участник посольства
 С. Л. Татищева
 Чиркин Григорий Лытаев
 Чиркин Тихон Семенов,
 гдовский сын боярский
 Чистый Назарий Иванов, дьяк
 Чихачев Иван Иванов
 Чихачев Петр Иванович,
 белозерский воевода
 Чоглоков Александр Иванович,
 писец Новгорода и

Старой Руссы
 Чоглоков Корнил
 Никитич, воевода
 Чортов Антоний
 Чортов Гаврило Игнатъев
 Чортов Григорий Иванов
 Чортов Григорий Игнатъев
 Чортов Дмитрий Игнатъев
 Чортов Иван Петров
 Чортов Игнатий
 Чортов Никита Федоров
 Чортов Петр Игнатъев
 Чортов Федор
 Чортова Мавра, жена
 Антония Чортова
 Чортова Мария, жена
 Игнатия Чортова
 Чортова Пелагея, жена Ивана
 Еремеева Чортова
 Чортовский Иван
 Чубаров Василий Степанов
 Чубаров Дмитрий
 Чубаров Иван Степанов
 Чулков Богдан, воевода
 Чулков Федор Васильевич,
 дворянин московский
 Чуркин Григорий Васьянов
 Шаблыкин Петр
 Алексеев, капитан
 Шаблыкин Степан
 Шавкалов Никифор Федоров,
 губной староста
 Шавкалов Степан
 Константинов, копорский
 городской приказчик
 Шавкалов Тимофей,
 копорский своеземец
 Шамшев Василий Афанасьев
 Шамшев Степан, губной староста
 Шамшев Тимофей,
 губной староста
 Шапиро А. Л.
 Шапочник Суббота Гаврилов,
 посадский человек
 Шапочник Филипп,
 посадский человек
 Шаров Тимофей Васильев,
 казачий атаман
 Шаскольский И. П.
 Шатай Петруша,
 посадский человек
 Шаховские, князья
 Шаховской кн. Тимофей
 Андреевич
 Шаховской, кн. Андрей
 Константинович,
 старорусский воевода
 Шваль Иван Прокофьев
 Шватченко О. А.
 Шёберг Андерс (Sjцberg A.)
 Шекспир Уильям
 Шелепин Никита Федорович
 Шелковник Яков Григорьев,
 кабацкий голова
 Шенников А. А.
 Шенников А. А.
 Шепарев Якуш, крестьянин
 Ивана Борисова Секирина
 Шепелев И. С.
 Шепелев Павел Иванов,
 бельский сын боярский
 Шеляков Яков Васильев
 Шеляков Яков Степанов,
 стрелецкий сотник
 Шереметев Василий
 Федорович, воевода
 Шереметев Петр Васильевич,
 новгородский воевода

Шереметев Федор Иванович,
 боярин и воевода
Шестак, поп
Шестаков Афанасий Перхин,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Василий Перхин,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Григорий Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Друган (Никита)
 Осипов, своеземец
 Шелонской пятины
Шестаков Осип, своеземец
 Шелонской пятины
Шестаков Пантелей Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Перха Осипов,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Петр Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаков Тимофей (Козел)
 Перхин, своеземец
 Шелонской пятины
Шестаков Тимофей Васильев,
 своеземец Шелонской пятины
Шестаковы-Дубровицкие,
 своеземцы
Шибает Первой Иванов, сын
 боярский и подьячий
Шипилов Иван Измайлов,
 новгородский
 стрелецкий голова
Шипулин Яков, откупщик
 Ладожского порога
Ширин Данило Семенов
Ширин Юрий Степанов,
 стрелецкий сотник
Шишкин Неудача Федорович,
 старорусский воевода

Шишкин Сенька, стрелец
Шишмарев Андроник, старец
 Хутынского монастыря
Шишмарев Яким Тимофеев
Шлихтинг Альбрехт
Шокарев С.
Шорин Богдан Григорьев,
 вяземский купец
Штаден Генрих
Шубин Григорий
Шуйна Ждан Степанов. Подьячий
Шуйский Василий
 Иванович, царь
Шуйский, кн. Дмитрий
 Иванович, боярин
Шуклинский Роман Макарьев
Шумилов в.Н.
Шунков в.
Шустов Семен Кондратьев,
 подьячий
Щеголев Григорий Степанов,
 стрелецкий сотник,
 порховский воевода
Щелепин Петеля, подьячий
Щепалов Ларион Андреев,
 площадной подьячий
Щербинин Яков Григорьевич,
 порховский воевода
Эриксон («Ириксон») Юн
Эскин Ю. М.
Югерс Валентин, слуга
 Даниила Геббера
Юлий Генрих, герцог Саксонский
Юлленъельм Карл Карлссон,
 фельдмаршал
Юмин Юрий, подьячий
Юркин Н. Г.
Юров Остафий Петров,
 стрелецкий сотник

Юрьев Родион, подьячий
Юсим М. А.
Юстен Павел, епископ Або
Юхан III, шведский король
Юхтин Митька, крестьянин
Никиты Зиновьева
Юшков Прокофий Андреевич,
 порховский воевода
Языков Борис, сын боярский
 Деревской пятины
Языков Григорий Васильев
Языков Ждан Семенов
Языков Иван, сын боярский
 Деревской пятины
Языковы
Якимов Григорий Постников
Якимов Девятый
Якимов Иван Владимиров,
 сын боярский и подьячий
Якимов Лев, недельщик
Якимов Постник Терентьев,
 губной староста
Яковлев А. И.
Яковлев Куземка, служба
 Хутынского монастыря
Яковлев Семен, подьячий
Яковля Иван Петрович, боярин
Якольцов Третьяк
 (Тренка), лебедчик
Якубов К. И.
Якуш, приказчик Григория
 Муравьева
Якуш, сторож Ветошного ряда
Якушкин Иван Третьяков
 (Семенов)
Якушкин Третьяк-Семен
 Семенов, вяземский сын
 боярский, новгородский судья
Якушкина Акулина, дочь Третьяка

Список сокращений

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук.
АЕ	Археографический ежегодник
АИ	Акты исторические, собранные императорской Археографической экспедицией
Акты Юшкова	Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилого сословия после отмены местничества. Собрал и издал А. Юшков. Ч. 1. М., 1898.
АМГ	Акты Московского государства
АРИ	Архив русской истории
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АЮБ	Акты юридического быта
ВАИ	Вестник археологии и истории
ВГ	Вопросы географии
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВИЖ	Военно-исторический журнал
ВОИДР	Вестник Общества истории и древностей Российских при императорском Московском университете
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ	Государственный исторический музей
ГПИ	Государственный педагогический институт
ГУ	Государственный университет
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранным императорской Археографической экспедицией
ДРВ	Древняя российская вивлиофика
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества
ИА	Исторический архив
ИЖ	Исторический журнал
ИЗ	Исторические записки
ИРГО	Известия Русского генеалогического общества
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛЗАК	Летопись занятий императорской Археографической комиссии
ЛИРО	Летопись Историко-родословного общества

МГАМИД	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГУ	Московский государственный университет
НБУВ	Национальная библиотека Украины
НГОМЗ	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	Новгородский исторический сборник
НОЛД	Новгородское общество любителей древностей
НПК	Новгородские писцовые книги, издаваемые императорской Археографической комиссией
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОИ	Отечественная история
ОЛДП	Общество любителей древней письменности
ОПИ	Отдел письменных источников
ОР	Отдел рукописей
ОФР	Очерки феодальной России
ПАО	Псковское археологическое общество
ПЛ	Псковские летописи. Т. 1. М., 1941. Т. 2. М., 1956.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
РШЭО	Русско-шведские экономические отношения. М.; Л., 1960.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПБИИ	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СССР	Союз советских социалистических республик
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ	Ученые записки
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете
NOA	Ockupationsarkivet från Novgorod
RA	Riksarkivet, Stockholm

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Источники исследования	17
Разрядные книги.....	26
Даточные книги и десятины	29
Кормовые книги Галицкой, Костромской, Владимирской четвертей	40
Дело о приезде королевича Иоганна в 1602 г.....	41
Памятники дипломатической переписки ополчений, Новгорода, городских воевод	42
Порубежные акты	46
Писцовые и дозорные книги.....	47
Отдельные, обыскные, отписные и платежные книги	62
Дела о поместьях.....	68
Книги сбора судной пошлины.....	72
Следственные дела	72
Переписные книги имущества.....	75
Поручные записи.....	77
Приходно-расходные и кормовые книги	78
Ужинные и умолотные книги.....	84
Кабальные книги	86
Таможенные книги	94
Купчие записи на недвижимость	96
Книги конской покупки.....	97
Ямские книги.....	99
Актовые книги Новгородского Софийского дома.....	99
Другие источники.....	100
<i>Приложения</i>	106
ГЛАВА 2. Историография.....	155
Историография Смутного времени	155
Историография изучения дворянских корпораций и других социальных групп Московского государства	170
Историография Новгорода Смутного времени.....	196
История изучения Архива Новгородской приказной избы.....	216
ГЛАВА 3. Историческая география.....	232
Пригороды	235
Старая Русса.....	235
Порхов.....	239
Орешек	240
Копорье	241
Ладога.....	242
Гдов	252
Ивангород	256
Остроги	261
Остроги на Московской дороге	266
1. Винский острожек.....	266
2. Коломенский острожек.....	266
3. Бронницкий острожек	267
Остроги в Полужье	268
1. Тесовский острожек	268
2. Пантелеевский острожек	273
3. Бельский острожек.....	274
4. Зарецкий острожек.....	274
5. Ивнинский острожек	275
Остроги в Поволховье.....	276
1. Водосский острожек.....	276
2. Раванский острожек	277
Остроги в удаленных от Новгорода областях	277
1. Сумерский острожек	277
2. Устрецкий острог	278
3. Черенский острог	280
Казачьи острожки.....	281
Острожек на Сяси и укрепления округа Столбова	283
Дороги	285
Грабежи на дорогах	290
Ивангородская дорога	292

Ладожская дорога	295	Новокрещены и татары	543
Ореховская дорога	297	Софийские (владычные) дети боярские	548
Дорога из Ладоги в Орешек	300	Приказная бюрократия	552
Псковская дорога	302	Новгородские приказы	560
Тихвинская дорога	305	Имена новгородцев	571
Дорога между Тихвином и Ладогой	306	<i>Приложения</i>	582
Дорога между Тихвином и Москвой	306		
Московская дорога	307	ГЛАВА 6. Стратегии поведения и повседневная	
Дубецкая дорога	308	жизнь новгородцев в 1611–1617 гг.	583
Бельская дорога	309	Новгородцы и шведы	584
Запустение пространства на периферии Новгородской земли	309	Слухи	589
Географические представления новгородцев	313	Церкви и софийская казна	591
Дворцовые земли	322	Численность шведских войск в разных городах	593
<i>Приложения</i>	329	Ожидание боярина Федора Шереметева	594
ГЛАВА 4. Политическая история и хронология	336	Псковские события	597
Митрополит Исидор	395	Делагарди	597
Хутынский архимандрит Киприан	398	Пожар в Ивангороде после Троицына дни 1616 г.	598
Княгиня Агафья Одоевская	403	Распространение идей	604
Московская сторона на подготовке переговоров в Тихвине	405	Жизнь и смерть	622
Новгород и его соседи	416	Семья и брак	626
Псков	416	Вдовство	641
Каргополь	444	Взаимоотношения поколений	645
Устюжна	450	Взаимоотношения соседей	649
Белозерск	452	Люди и вещи	658
Измены и плен	454	Жилье	658
Измены	454	Пожары	663
Плен	466	Вещи	664
<i>Приложения</i>	473	Грабежи	676
ГЛАВА 5. Общественные группы Новгорода		Приход и религиозность. Монастыри и святыни	677
начала XVII века	482	Девиантное поведение	681
Члены Государева двора и другие иногородние в Новгороде	484	Проституция в Новгороде	682
Новгородцы — дворяне и дети боярские	492	Гомосексуализм	683
Неявка на службу	508	<i>Приложения</i>	688
Погоня за поместьями	509		
Службы новгородцев после 1617 г.	519	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	691
Служилая мелкота	522	<i>Именной указатель</i>	694
Своеземцы	522	<i>Список сокращений</i>	746